UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00855458 6

Гравюра Ад. Брокгауза въ Лейпцигѣ

Н. Костомаровъ

Конструктивная философія и неразлучивъ
съ нимъ въ исторіи умершій образъ
ея Молодой Жены Этти патріарха
Лова, родомъ изъ Ѳесалоникъ и
Солунъ (числовыхъ), родившагося
въ второй половинѣ XVIII столѣтія
страстныхъ (восвѣдъ) и принявшаго
себѣ дѣтей. Богатыя Лѣта
молодой, поскольку его родителей
прекратили между собою
супружескія ссоры, князь Сер-
дѣлаевъ въ Ростовской области
Ѳедоръ отличалъ блестящими
способностями, показывалъ необыкно-
венную любовь ко ученію
и знаніямъ. ~~[illegible]~~ говорятъ
~~[illegible]~~
однажды, будучи отъ роду, онъ отправился
на охоту въ ястребовъ, какъ по золо-
той лицемѣрности его, было въ обы-
чаѣ у этой богатыхъ родителей; вдругъ
куда по дѣлу ястребъ и онъ пропалъ
безъ вѣсти. Отецъ очень печалился
о немъ, а потомъ разсудилъ, что
вѣрно этотъ случай послалъ
ему свыше Промыслъ не предвѣщаетъ
ли какой вѣщаетъ ~~[illegible]~~ обратилъ
на всю ~~[illegible]~~ его вниманіе; а тѣмъ
Коллегіумъ сталъ приближе за-

Зміддмуди чше

Факсимиле Н. И. Костомарова.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛѢДІЕ

АВТОБІОГРАФІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ — СЦЕНЫ — ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ — МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ — ПОСЛѢДНЯЯ РАБОТА

Н. И. КОСТОМАРОВА

Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1890

LIBRARY
OCT 15 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

1755

DK
38
.7
K6A34

Изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ статей Николая Ивановича Костомарова, только одна: «Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» предназначалась самимъ авторомъ для печати въ ближайшемъ будущемъ и принадлежитъ къ его ученымъ работамъ; остальныя, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, написанныя подъ впечатлѣніемъ минуты и, такъ сказать, про себя, оставались черновыми набросками—и авторъ позабылъ о нихъ. Печатаемъ ихъ здѣсь какъ его литературное наслѣдіе.

Происхожденіе «Автобіографіи» было таково. Въ началѣ 1875 года Николай Ивановичъ былъ тяжко боленъ тифомъ и, находясь въ безпамятствѣ и въ безнадежномъ положеніи, лишился матери. Здоровье его поправлялось медленно, зрѣніе упало совершенно. Разбитый душевно и физически, онъ долженъ былъ подчиниться предписанію врачей, подъ угрозою слѣпоты воспретившихъ ему на продолжительное время ученыя занятія, требующія напряженія зрѣнія и мысли. Такой приговоръ врачей еще болѣе удручалъ нравственное состояніе Николая Ивановича. «Жить безъ дѣла—говорилъ онъ — это хуже смерти, а ослѣпнуть—это жить безъ дѣла». Въ это время одинъ изъ пріятелей далъ Николаю Ивановичу совѣтъ продиктовать въ продолженіе лѣта свою біографію и дополнять ее, сообразно съ возстановляющеюся послѣ болѣзни силою памяти: это не трудъ, а времяпровожденіе, занимательное и для него самого, привыкшаго спокойно относиться къ пережитымъ ударамъ судьбы,—занимательное и для тѣхъ, кто прочтетъ эту автобіографію.

Но развѣ возможно писать или диктовать о себѣ цѣлые мѣсяцы, и кому нужна его біографія? говорилъ Н. И. — Близкіе люди успокаивали его объясненіемъ, что, начавши о себѣ, онъ непремѣнно скажетъ многое и о другихъ, имѣвшихъ отношенія къ нему лично или къ его ученой дѣятельности, и такимъ образомъ, составится небольшой очеркъ его времени. «Плохой я наблюдатель въ сферѣ современной жизни», говорилъ Н. И.: «я привыкъ изучать прошлое, въ немъ жить, имъ всецѣло заниматься, и не даромъ, съ ранней молодости и до конца моихъ дней, бродить по кладбищамъ — любимѣйшая для меня прогулка».

Но какъ ни трудна была задача писать о себѣ, Н. И. былъ вынужденъ за нее приняться, чтобъ «убить свое время» — и въ началѣ 1875 года сталъ диктовать «Автобіографію». Чуть не съ первыхъ словъ ему пришлось убѣдиться, что многое изъ того, что относилось къ его жизни и личности, ускользнуло изъ его богатой памяти. Изъ этого онъ заключалъ, что позабытое не представляло, вѣроятно, живого интереса для него самого и, стало быть, еще менѣе можетъ интересовать другихъ, т.-е. будущихъ читателей «Автобіографіи». Для того, чтобы Н. И. не затруднялъ своей памяти и своихъ нервовъ припоминаніями именъ или времени событій, ему было предложено обозначать при диктовкѣ вопросительными знаками такія мѣста, гдѣ являлось сомнѣніе въ точности, а по возвращеніи въ Петербургъ изъ лѣтняго пребыванія на югѣ Россіи—навести справки. Вопросительные знаки ставились; читатель найдетъ ихъ на 1 и 35 страницахъ «Автобіографіи», но они такъ и остались безъ предполагавшихся справокъ, потому что Н. И., по возвращеніи въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября, не хотѣлъ и слушать объ автобіографіи: онъ чувствовалъ, что можетъ уже употреблять свое время на занятіе наукой—и приступилъ къ трудамъ надъ 6-мъ выпускомъ «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ». Въ лѣтнее время 1876 и 1877 годовъ Н. И., послѣ своихъ побывокъ на Валаамѣ и въ Нарвѣ, продиктовалъ замѣтки объ этихъ мѣстностяхъ, для занесенія ихъ на страницы автобіографіи — и затѣмъ она была имъ покинута. Въ послѣ-

дующіе годы случалось, однако, что если взятая имъ съ собой на лѣто въ деревню ученая работа оканчивалась ранѣе времени возвращенія въ городъ, то можно было предложить Николаю Ивановичу «убивать» остающіеся дни лѣтняго сезона дополненіями къ автобіографическому разсказу. Но это удавалось рѣдко. Собираясь въ 1881 году на Кавказъ, для присутствованія на археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ, Н. И. вспомнилъ о III съѣздѣ, отправлявшемся въ 1874 году въ Кіевѣ и замѣтилъ, что о томъ съѣздѣ, какъ ему помнится, такое слабое и недостаточное описаніе въ Автобіографіи, что предполагая дополнить его, онъ пріостановилъ переписываніе ее на чистые листы. Но едва было предложено сдѣлать такое дополненіе, какъ Н. И. воскликнулъ: «ахъ, опять Автобіографія, оставимъ ее»,— и переворотивши нѣкоторые листы, сдѣлавши кое-гдѣ незначительныя поправки и надписавши собственноручно на первомъ листѣ посвященіе, попросилъ убрать ее разъ навсегда.

Печатаніе «Автобіографіи» цѣликомъ было неудобно по близости описываемаго времени, даже и тамъ, гдѣ отзывы о разныхъ лицахъ не представляли ничего, кромѣ выраженія высокаго уваженія къ нимъ. Пропущенныя мѣста замѣнены черточками и многоточіемъ.

Изъ напечатанныхъ здѣсь стихотвореній, одно, подъ заглавіемъ «Еврейськи Спиванки», отданное въ 1843 году авторомъ для малорусскаго сборника «Спинъ», доставлено послѣ смерти автора издателемъ «Снопа» А. А. Корсуновымъ; другое: «Въ осени—лѣто», написано въ 1880 году; остальныя, написанныя въ различные и давніе годы, отданы были авторомъ во время его жительства въ Саратовѣ А. Н. Пасхаловой (впослѣдствіи Мордовцевой), послѣ ея кончины найдены въ ея бумагахъ въ 1886 году и обязательно доставлены Д. Л. Мордовцевымъ. Стихотвореніе, написанное въ Крыму въ 1852 году, во время кратковременнаго отпуска изъ Саратова, составляетъ новую редакцію стихотворенія, написаннаго въ 1841 году подъ названіемъ «Пантикапея»: оба вызваны видомъ воспорскихъ могилъ и разрытаго кургана.

«Украинскія сцены изъ 1649 года», также найденныя въ

АВТОБІОГРАФІЯ.

АВТОБІОГРАФІЯ.

Посвящается любій моій жинци
Галини Леонтьевни
Костомаровой
отъ Іер. Галки.

I.

Дѣтство и отрочество.

Фамильное прозвище, которое я ношу, принадлежитъ къ старымъ великорусскимъ родамъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Насколько намъ извѣстно, оно упоминается въ XVI вѣкѣ; тогда уже существовали названія мѣстностей, напоминающія это прозвище, напримѣръ: Костомаровъ Бродъ на рѣкѣ Упѣ. Вѣроятно и тогда уже были существующія теперь села съ названіемъ «Костомарово», находящіяся въ губерніяхъ: Тульской, Ярославской и Орловской. При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, сынъ боярскій Самсонъ Мартыновичъ Костомаровъ, служившій въ опричнинѣ, убѣжалъ изъ Московскаго Государства въ Литву, былъ принятъ ласково Сигизмундомъ Августомъ и надѣленъ помѣстьемъ въ ковельскомъ (?) уѣздѣ. Онъ былъ не первый и не послѣдній изъ такихъ перебѣжчиковъ. При Сигизмундѣ Ш-мъ, по смерти Самсона, данное ему помѣстье раздѣлилось между его сыномъ и дочерью, вышедшею за мужъ за Лукашевича. Внукъ Самсона, Петръ Костомаровъ, присталъ къ Хмельницкому и послѣ Берестецкаго пораженія подвергся банниціи и потерялъ свое наслѣдственное имѣніе, сообразно польскому праву кадука, какъ показываетъ современное письмо короля къ Киселю объ отобраніи имѣній, подлежавшихъ тогда конфискаціи. Костомаровъ, вмѣстѣ съ многими волынцами, приставшими къ Хмельницкому и поступившими въ званіе козаковъ, ушелъ въ предѣлы Московскаго Госу-

дарства. То была не первая колонія изъ южно-руссовъ. Еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича появились малорусскія села по такъ-называемой Бѣлогородской чертѣ, а городъ Чугуевъ былъ основанъ и заселенъ козаками, убѣжавшими въ 1638 году съ гетманомъ Остраниномъ; при Хмельницкомъ же упоминаемое переселеніе козаковъ на московскія земли было, сколько намъ извѣстно, первое въ своемъ родѣ. Всѣхъ перешедшихъ въ то время было до тысячи семей; онѣ состояли подъ начальствомъ предводителя Ивана Дзинковскаго, носившаго званіе полковника. Козаки эти хотѣли поселиться по близости къ украинскимъ границамъ, гдѣ-нибудь недалеко Путивля, Рыльска, или Бѣлгорода, но московское правительство нашло это неудобнымъ и опредѣлило поселить ихъ подалѣе къ востоку. На ихъ просьбу имъ данъ былъ такой отвѣтъ: «будетъ у васъ съ польскими и литовскими людьми частая ссора, а оно получше, какъ подальше отъ задора». Имъ отвели для поселенія мѣсто на рѣкѣ Тихой Соснѣ и вслѣдъ затѣмъ былъ построенъ козачій городокъ Острогожскъ. Изъ мѣстныхъ актовъ видно, что названіе это существовало еще прежде, потому что объ основаніи этого городка говорится, что онъ поставленъ на Острогожскомъ городищѣ. Такъ начался Острогожскій полкъ, первый по времени изъ слободскихъ полковъ. Въ окрестностяхъ новопостроеннаго города начали разводиться хутора и села: край былъ привольный и плодородный. Костомаровъ былъ въ числѣ поселенцевъ, и вѣроятно эта фамилія оставила своимъ прозвищемъ названіе Костомаровой на Дону, теперь многолюдной, слободѣ. Потомки пришедшаго съ Волыни Костомарова укоренились въ острогожскомъ краѣ и одинъ изъ нихъ поселился на берегу рѣки Ольховатки и женился на воспитанницѣ и наслѣдницѣ козацкаго чиновника Юрія Блюма, построившаго во имя своего ангела церковь въ слободѣ, имъ заложенной и по его имени названной Юрасовкою. Это было въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Имѣніе Блюма перешло къ Костомаровой. Къ этой вѣтви принадлежалъ мой отецъ.

Отецъ мой родился въ 1769 году, служилъ съ молодыхъ лѣтъ въ арміи, участвовалъ въ войскѣ Суворова при взятіи Измаила, а въ 1790 году вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи острогожскаго уѣзда въ слободѣ Юрасовкѣ, гдѣ я и родился [1]). Отецъ мой, сообразно тому времени, получилъ недостаточное образованіе, и впослѣдствіи, сознавая это, постоянно старался попол-

---

[1]) Острогожскій уѣздъ со всею южною частію Воронежской губерніи въ то время принадлежалъ къ Слободско-украинской губерніи — нынѣ Харьковской.

нить эту недостаточность чтеніемъ. Онъ читалъ много, постоянно выписывалъ книги, выучился даже по-французски настолько, что могъ читать на этомъ языкѣ, хотя и съ помощію лексикона. Любимыми сочиненіями его были творенія Вольтера, Далямбера, Дидро и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка; въ особенности же онъ оказывалъ къ личности Вольтера уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такое направленіе выработало изъ него типъ стариннаго вольнодумца. Онъ фанатически отдался матеріалистическому ученію и сталъ отличаться крайнимъ невѣріемъ, хотя, согласно своимъ учителямъ, умъ его колебался между совершеннымъ атеизмомъ и деизмомъ. Его горячій, увлекающійся характеръ часто доводилъ его до поступковъ, которые въ наше время были бы смѣшны; напримѣръ: кстати и некстати онъ заводилъ философскіе разговоры и старался распространять вольтеріанизмъ тамъ, гдѣ, повидимому, не представлялось для того никакой почвы. Былъ ли онъ въ дорогѣ — начиналъ философствовать съ содержателями постоялыхъ дворовъ, а у себя въ имѣніи собиралъ кружокъ своихъ крѣпостныхъ и читалъ имъ филиппики противъ ханжества и суевѣрія. Крестьяне въ его имѣніи были малоруссы и туго поддавались вольтеріанской школѣ; но изъ дворни было нѣсколько человѣкъ, переведенныхъ изъ Орловской губерніи, изъ его материнскаго имѣнія и послѣдніе, по своему положенію дворовыхъ людей, имѣвшіе возможность пользоваться частыми бесѣдами съ бариномъ, оказались болѣе понятливыми учениками. Въ политическихъ и соціальныхъ понятіяхъ моего покойнаго родителя господствовала какая-то смѣсь либерализма и демократизма съ прадѣдовскимъ барствомъ. Онъ любилъ толковать всѣмъ и каждому, что всѣ люди равны, что отличіе по породѣ есть предразсудокъ, что всѣ должны жить какъ братья; но это не мѣшало ему, при случаѣ, показать надъ подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно въ минуту вспыльчивости, которой онъ не умѣлъ удерживать; за-то, послѣ каждой такой выходки, онъ просилъ извиненія у оскорбленнаго слуги, старался чѣмъ-нибудь загладить свою ошибку и раздавалъ деньги и подарки. Лакеямъ до такой степени это понравилось, что бывали случаи, когда съ намѣреніемъ его сердили, чтобы довести до вспыльчивости и потомъ сорвать съ него. Впрочемъ его вспыльчивость рѣже приносила вредъ другимъ, чѣмъ ему самому. Однажды, напримѣръ, разсердившись, что ему долго не несутъ обѣдать, онъ, въ припадкѣ досады, перебилъ великолѣпный столовый сервизъ саксонскаго фарфора, а потомъ, опамятовавшись, сѣлъ въ задумчивости, началъ разсматривать изображеніе какого-то древняго философа, сдѣланное на сердоликѣ, и

подозвавши меня къ себѣ, прочиталъ мнѣ, со слезами на глазахъ, нравоученіе о томъ, какъ необходимо удерживать порывы страстей. Съ крестьянами своего села онъ обходился ласково и гуманно, не стѣснялъ ихъ ни поборами, ни работами; если приглашалъ что нибудь дѣлать, то платилъ за работу дороже, чѣмъ чужимъ, и сознавалъ необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ чемъ и не скрывался передъ ними. Вообще надобно сказать, что если онъ дозволялъ себѣ выходки, несогласныя съ проповѣдываемыми убѣжденіями свободы и равенства, то онѣ проистекали помимо его желанія, отъ неумѣнія удерживать порывы вспыльчивости; поэтому-то всѣ, которые не поставлены были въ необходимость часто находиться при немъ, любили его. Въ его характерѣ не было никакого барскаго тщеславія; вѣрный идеямъ своихъ французскихъ наставниковъ, онъ ни во что̀ не ставилъ дворянское достоинство и терпѣть не могъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ хотя тѣнь щегольства своимъ происхожденіемъ и званіемъ. Какъ бы въ доказательство этихъ убѣжденій, онъ не хотѣлъ родниться съ дворянскими фамиліями и уже въ пожилыхъ лѣтахъ, задумавши жениться, избралъ крестьянскую дѣвочку и отправилъ ее въ Москву для воспитанія въ частное заведеніе съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она стала его женою. Это было въ 1812 году. Вступленіе Наполеона въ Москву и сожженіе столицы не дало ей возможности продолжать начатое образованіе: отецъ мой, услыхавши о разореніи Москвы, послалъ взять свою воспитанницу, которая впослѣдствіи и сдѣлалась его женою и моею матерью.

Я родился 4 Мая 1817 года. Дѣтство мое до десяти лѣтъ протекало въ отеческомъ домѣ безъ всякихъ гувернеровъ, подъ наблюденіемъ одного родителя. Прочитавъ Эмиля Жанъ-Жака Руссо́, отецъ мой прилагалъ вычитанныя имъ правила къ воспитанію своего единственнаго сына и старался пріучить меня съ младенчества къ жизни, близкой съ природою: онъ не дозволялъ меня кутать, умышленно посылалъ бѣгать въ сырую погоду, даже промачивать ноги, и вообще пріучалъ не бояться простуды и перемѣнъ температуры. Постоянно заставляя меня читать, онъ съ нѣжныхъ моихъ лѣтъ сталъ внушать мнѣ вольтеріанское невѣріе, но этотъ же нѣжный возрастъ мой, требовавшій непрестанныхъ обо мнѣ попеченій матери, давалъ ей время и возможность противодѣйствовать этому направленію. Въ дѣтствѣ я отличался необыкновенно счастливою памятью: для меня ничего не стоило, прочитавши раза два какого-нибудь Вольтерова Танкреда или Заиру въ русскомъ переводѣ, прочитать ее отцу наизусть отъ доски до доски.

Не менѣе сильно развивалось мое воображеніе. Мѣстоположеніе, гдѣ лежала усадьба, въ которой я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рѣкою, текшею возлѣ самой усадьбы, усѣянною зелеными островками и поросшею камышами, возвышались живописныя мѣловыя горы, испещренныя черными и зелеными полосами; отъ нихъ рядомъ тянулись черноземныя горы, покрытыя зелеными нивами, и подъ ними разстилался обширный лугъ, усѣянный весною цвѣтами и казавшійся мнѣ неизмѣримымъ живописнымъ ковромъ. Весь дворъ былъ окаймленъ по забору большими осинами и березами, а обокъ тянулась принадлежавшая ко двору тѣнистая роща съ вѣковыми деревьями. Отецъ мой нерѣдко, взявши меня съ собой, садился на землѣ подъ одной старой березой, бралъ съ собою какое-нибудь поэтическое произведеніе и читалъ или меня заставлялъ читать; такимъ образомъ, помню я, какъ, при шумѣ вѣтра, мы читали съ нимъ Оссіана и, какъ кажется, въ отвратительномъ прозаическомъ русскомъ переводѣ. Бѣгая въ ту же рощу безъ отца, я, натыкаясь на полянки и на группы деревьевъ, воображалъ себѣ разныя страны, которыхъ фигуры видѣлъ на географическомъ атласѣ; тогда нѣкоторымъ изъ такихъ мѣстностей я далъ названія. Были у меня и Бразилія, и Колумбія и Лаплатская республика, а бѣгая къ берегу рѣки и замѣчая островки, я натворилъ своимъ воображеніемъ Борнео, Суматру, Целебесъ, Яву и прочее. Отецъ не дозволялъ моему воображенію пускаться въ міръ фантастическій, таинственный, онъ не дозволялъ сказывать мнѣ сказокъ, ни тѣшить воображеніе росказнями о привидѣніяхъ; онъ щекотливо боялся, чтобы ко мнѣ не привилось какое-нибудь вульгарное вѣрованіе въ лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ и т. п. Это не мѣшало, однако, давать мнѣ читать баллады Жуковскаго, причемъ отецъ считалъ обязанностью постоянно объяснять мнѣ, что все это—поэтическій вымыселъ, а не дѣйствительность. Я зналъ наизусть всего Громобоя; но отецъ объяснялъ мнѣ, что никогда не было того, что́ тамъ описывается и быть того не можетъ. Жуковскій былъ любимымъ его поэтомъ; однако же отецъ мой не принадлежалъ къ числу тѣхъ ревнителей стараго вкуса, которые, питая уваженіе къ старымъ образцамъ, не хотятъ знать новыхъ; напротивъ, когда явился Пушкинъ, отецъ мой сразу сдѣлался большимъ его поклонникомъ и приходилъ въ большой восторгъ отъ Руслана и Людмилы и нѣсколькихъ главъ Евгенія Онѣгина, появившихся въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 года. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, отецъ повезъ меня въ Москву. До того времени я нигдѣ не былъ кромѣ деревни и не видалъ даже своего уѣзднаго города. По пріѣздѣ въ Москву, мы остановились въ

гостинницѣ «Лондонъ» въ Охотномъ ряду, и черезъ нѣсколько дней отецъ повелъ меня въ первый разъ въ жизни въ театръ. Играли Фрейшютца. Меня до такой степени перепугали выстрѣлы и потомъ сцена въ волчьей долинѣ съ привидѣніями, что отецъ не далъ мнѣ дослушать пьесы и послѣ второго дѣйствія вывелъ изъ театра. Нѣсколько дней меня занимало видѣнное въ театрѣ и мнѣ до чрезвычайности снова хотѣлось въ театръ. Отецъ повезъ меня Давали Князя Невидимку — какую-то глупѣйшую оперу, теперь уже упавшую, но тогда бывшую въ модѣ. Несмотря на мой десятилѣтній возрастъ, я понялъ, что между первою видѣнною мною оперою и второю — большое различіе и что первая несравненно лучше второй. Третья видѣнная мною пьеса была Коварство и Любовь Шиллера. Роль Фердинанда игралъ знаменитый въ свое время Мочаловъ. Мнѣ она очень понравилась, отецъ мой былъ тронутъ до слезъ; глядя на него, и я принялся плакать, хотя вполнѣ не могъ понять всей сути представляемаго событія.

Меня отдали въ пансіонъ, который въ то время содержалъ лекторъ французскаго языка при университетѣ, Ге. Первое время моего пребыванія послѣ отъѣзда отца изъ Москвы проходило въ безпрестанныхъ слезахъ; до невыносимости тяжело мнѣ было одинокому въ чужой сторонѣ и посреди чужихъ людей; мнѣ безпрестанно рисовались образы покинутой домашней жизни и матушка, которой, какъ мнѣ казалось, должна была сдѣлаться тяжелой разлука со мною. Мало-по-малу ученіе начало меня охватывать, и тоска улеглась. Я пріобрѣлъ любовь товарищей; содержатель пансіона и учителя удивлялись моей памяти и способностямъ. Одинъ разъ, напримѣръ, забравшись въ кабинетъ хозяина, я отыскалъ латинскіе разговоры и въ какихъ-нибудь полъ-дня выучилъ всѣ разговоры наизусть, а потомъ началъ говорить вычитанныя латинскія фразы пансіоносодержателю. По всѣмъ предметамъ я учился хорошо, кромѣ танцевъ, къ которымъ, по приговору танцмейстера, не показывалъ ни малѣйшей способности, такъ что въ одно и то же время одни меня называли «enfant miraculeux», а танцмейстеръ называлъ идіотомъ. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я заболѣлъ; отцу написали объ этомъ и онъ внезапно явился въ Москву въ то время, какъ я не ждалъ его. Я уже выздоровѣлъ, въ пансіонѣ былъ танцъ-классъ, какъ вдругъ отецъ мой входитъ въ залъ. Поговоривши съ пансіоносодержателемъ, отецъ положилъ за благо взять меня съ тѣмъ, чтобы привезти снова на другой годъ послѣ вакацій. Впослѣдствіи я узналъ, что человѣкъ, котораго отецъ оставилъ при мнѣ въ пансіонѣ, въ качествѣ моего дядьки, написалъ ему какую-то клевету о пансіонѣ; кромѣ того, я слы-

халъ, что самая болѣзнь, которую я передъ тѣмъ испыталъ, произошла отъ отравы, подданной мнѣ этимъ дядькой, которому, какъ оказалось, былъ въ то время расчетъ во что бы то ни стало убраться изъ Москвы въ деревню. Такимъ образомъ въ 1828 году я былъ снова въ деревнѣ, въ чаяніи послѣ вакацій снова ѣхать въ московскій пансіонъ; между тѣмъ надъ головой моего отца готовился роковой ударъ, долженствовавшій лишить его жизни и измѣнить всю мою послѣдующую судьбу.

Выше сказано было, что въ имѣніи моего отца было нѣсколько переселенцевъ изъ Орловской губерніи; изъ нихъ кучеръ и камердинеръ жили во дворѣ, а третій, бывшій также прежде лакеемъ, былъ за пьянство изгнанъ со двора и находился на селѣ. Они составили заговоръ убить моего отца съ намѣреніемъ ограбить у него деньги,которыя, какъ они довѣдались, у него лежали въ шкатулкѣ. Къ нимъ присталъ еще и человѣкъ, бывшій моимъ дядькой во время пребыванія моего въ московскомъ пансіонѣ. Злодѣйскій умыселъ крылся уже нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ убійцы порѣшили исполнить его 14 іюля. Отецъ мой имѣлъ привычку ѣздить для прогулки въ лѣса на разстояніи двухъ-трехъ верстъ отъ двора, иногда со мною, иногда одинъ. Вечеромъ въ роковой день онъ приказалъ заложить въ дрожки пару лошадей и, посадивъ меня съ собою, велѣлъ ѣхать въ рощу, носившую названіе «Долгое». Усѣвшись на дрожки, я по какой-то причинѣ не захотѣлъ ѣхать съ отцомъ и предпочелъ, оставаясь дома, стрѣлять изъ лука, что̀ было тогда моею любимою забавою. Я выскочилъ изъ дрожекъ; отецъ поѣхалъ одинъ. Прошло нѣсколько часовъ, наступила лунная ночь. Отцу пора было возвращаться; мать моя ждала его ужинать—его не было. Вдругъ вбѣгаетъ кучеръ и говоритъ: «барина лошади куда-то понесли». Сдѣлался всеобщій переполохъ, послали отыскивать, а между тѣмъ два лакея, участники заговора и—какъ есть подозрѣніе — съ ними и поваръ обдѣлывали свое дѣло: достали шкатулку, занесли ее на чердакъ и выбрали изъ нея всѣ деньги, которыхъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, полученныхъ моимъ отцомъ за заложенное имѣніе. Наконецъ одинъ изъ сельскихъ крестьянъ, посланный для отысканія барина, воротился съ извѣстіемъ, что «панъ лежить неживый, а у его голова красіе и кровь дзюрчить». Съ разсвѣтомъ, 15 іюля, мать моя отправилась со мною на мѣсто, и намъ представилось ужасное зрѣлище: отецъ лежалъ въ яру съ головой обезображенной до того, что нельзя было примѣтить человѣческаго образа. Вотъ уже 47 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но и въ настоящее время сердце обливается кровью, когда я вспомню эту картину, дополненную обра-

зомъ отчаянія матери при такомъ зрѣлищѣ. Пріѣхала земская полиція, произвела разслѣдованіе и составила актъ, въ которомъ значилось, что отецъ мой несомнѣнно убитъ лошадьми. Отыскали даже на лицѣ отца слѣды шиповъ отъ лошадиныхъ подковъ. О пропажѣ денегъ слѣдствія почему-то не произвели.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ въ моей судьбѣ. Мать моя не жила уже въ прежнемъ дворѣ, а поселилась въ другомъ, находившемся въ той же слободѣ. Меня отдали учиться въ воронежскій пансіонъ, содержимый тамошними учителями гимназіи, Ѳедоровымъ и Поповымъ. Пансіонъ находился въ то время въ домѣ княгини Касаткиной, стоящемъ на высокой горѣ, на берегу рѣки Воронежа, прямо противъ корабельной верфи Петра Великаго, его цейхгауза и развалинъ его домика. Пансіонъ пробылъ тамъ годъ, а потомъ, по поводу передачи дома въ военное вѣдомство на школу кантонистовъ, переведенъ былъ въ другую часть города, неподалеку отъ Дѣвичьяго монастыря, въ домъ Бородина. Хотя изъ новаго помѣщенія не представлялось такого прекраснаго вида, какъ изъ предыдущаго, но за-то при этомъ домѣ находился огромный, тѣнистый садъ съ фантастическою бесѣдкою; въ ней молодое воображеніе учениковъ пансіона представляло себѣ разные чудовищные образы, почерпнутые изъ страшныхъ романовъ, которые были тогда въ большой модѣ и читались съ большимъ наслажденіемъ тайкомъ отъ менторовъ, хлопотавшихъ о томъ, чтобы ученики читали только полезныя книги. Пансіонъ, въ которомъ на этотъ разъ мнѣ пришлось воспитываться, былъ однимъ изъ такихъ заведеній, гдѣ болѣе всего хлопочутъ показать на видъ что-то необыкновенное, превосходное, а въ сущности мало даютъ надлежащаго воспитанія. Несмотря на свой тринадцатилѣтній возрастъ и шаловливость, я понималъ, что не научусь въ этомъ пансіонѣ тому, что для меня будетъ нужно для поступленія въ университетъ, о которомъ я тогда уже думалъ какъ о первой необходимости для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ. Большая часть дѣтей, обучавшихся въ этомъ пансіонѣ, принадлежала къ семействамъ помѣщиковъ, въ которыхъ укоренено было такое понятіе, что русскому дворянину не только незачѣмъ, но даже какъ бы унизительно заниматься наукою и слушать университетскія лекціи, что для дворянскаго званія самая приличная карьера—военная служба, которую можно было проходить короткое время, чтобы только дослужиться до какого-нибудь чина и потомъ зарыться въ свою деревенскую трущобу къ своимъ холопамъ и собакамъ. Вотъ поэтому въ пансіонѣ не учили почти ничему, что нужно было для

поступленія въ университетъ. Самое преподаваніе производилось отрывочно; не было даже раздѣленія на классы; одинъ ученикъ училъ то, другой иное; учителя приходили только спрашивать уроки и задавать ихъ вновь по книгамъ. Верхомъ воспитанія и образованія считалось лепетать по-французски и танцовать. Въ послѣднемъ искуствѣ и здѣсь, какъ нѣкогда въ Москвѣ, я былъ признанъ чистымъ идіотомъ: кромѣ моей физической неповоротливости и недостатка граціи въ движеніяхъ, я не могъ удержать въ памяти ни одной фигуры контр-данса, постоянно сбивался самъ, сбивалъ другихъ и приводилъ въ смѣхъ и товарищей, и содержателей пансіона, которые никакъ не могли понять, какъ это я могу вмѣщать въ памяти множество географическихъ и историческихъ именъ и не въ состояніи заучить такой обыкновенной вещи, какъ фигуры контр-данса. Я пробылъ въ этомъ пансіонѣ два съ половиною года и, къ счастію для себя, былъ изъ него изгнанъ за знакомство съ виннымъ погребомъ, куда, вмѣстѣ съ другими товарищами, я пробирался иногда по ночамъ за виномъ и ягодными водицами. Меня высѣкли и отвезли въ деревню къ матери, а матушка еще разъ высѣкла и долго сердилась на меня.

По просьбѣ моей, въ 1831 году, матушка опредѣлила меня въ воронежскую гимназію. Меня приняли въ третій классъ, равнявшійся по тогдашнему устройству нынѣшнему шестому, потому что тогда въ гимназіи было всего четыре класса, а въ первый классъ гимназіи поступали послѣ трехъ классовъ уѣзднаго училища. Впрочемъ, принимая меня въ гимназію, мнѣ сдѣлали большое снисхожденіе: я очень былъ слабъ въ математикѣ, а въ древнихъ языкахъ совсѣмъ несвѣдущъ. Меня помѣстили у учителя латинскаго языка Андрея Ивановича Бѣлинскаго. То былъ добрый старикъ, родомъ галичанинъ, жившій въ Россіи уже болѣе тридцати лѣтъ, но говорившій съ сильнымъ малорусскимъ пошибомъ и отличавшійся настолько же добросовѣстностью и трудолюбіемъ, насколько и бездарностью. Воспитанный по старой бурсацкой методѣ, онъ не въ состояніи былъ ни объяснить надлежащимъ образомъ правилъ языка и тѣмъ менѣе внушить любовь къ преподаваемому предмету. Зная его честность и добродушіе, нельзя помянуть его недобрымъ словомъ, хотя съ другой стороны нельзя не пожелать, чтобы подобныхъ учителей не было у насъ болѣе. Вспоминая прежніе бурсацкіе обычаи, Андрей Ивановичъ серьезно изъявлялъ сожалѣніе, что теперь не позволяютъ ученикамъ давать субитки [1]), какъ бывало на его родинѣ у дьячковъ, прини-

[1]) Обычай сѣчь всѣхъ учениковъ по субботамъ, не обращая вниманія, кто изъ нихъ въ чемъ виноватъ или нѣтъ.

мавшихъ на себя долгъ воспитателей юношества. Другіе учителя гимназіи мало представляли изъ себя педагогическихъ образцовъ. Учитель математики Өедоровъ, бывшій мой хозяинъ въ пансіонѣ, былъ лѣнивъ до невыразимости и, пришедши въ классъ, читалъ, занесши ноги на столъ, какой-нибудь романъ про себя, либо ходилъ взадъ и впередъ по классу, наблюдая только, чтобы въ это время всѣ молчали; за нарушеніе же тишины безъ церемоніи билъ виновныхъ по щекамъ. И въ собственномъ его пансіонѣ нельзя было отъ него научиться ничему по математикѣ. Трудно вообразить въ наше время существованіе подобнаго учителя, хотя это былъ человѣкъ, умѣвшій отлично пускать пыль въ глаза и тѣмъ устраивать себѣ карьеру. Впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, онъ былъ директоромъ училищъ въ Курскѣ и, принимая въ гимназіи посѣщеніе одного значительнаго лица, сообразилъ, что это значительное лицо неблагосклонно смотритъ на многоученіе, и когда это значительное лицо, обозрѣвая богатую библіотеку, пожертвованную гимназіи Демидовымъ, спросило его, какъ онъ думаетъ: умѣстно ли въ гимназіи держать такую библіотеку, — Өедоровъ отвѣчалъ: «нахожу это излишнею роскошью». Этотъ отвѣтъ много пособилъ ему въ дальнѣйшей его карьерѣ.—Учитель русской словесности, Николай Михайловичъ Севастіановъ, былъ типъ ханжи, довольно рѣдкій у насъ на Руси, какъ извѣстно мало отличающейся склонностью къ девотизму; онъ сочинялъ акаөисты св. Митрофану, постоянно посѣщалъ архіереевъ, архимандритовъ, и пришедши въ классъ, болѣе поучалъ своихъ питомцевъ благочестію, чѣмъ русскому языку. Кромѣ того, въ своихъ познаніяхъ о русской словесности, это былъ человѣкъ до крайности отсталый: онъ не могъ слушать безъ омерзенія имени Пушкина, тогда еще бывшаго, такъ-сказать, идоломъ молодежи; идеалы Николая Михайловича обращались къ Ломоносову, Хераскову, Державину и даже къ кіевскимъ писателямъ XVII вѣка. Онъ преподавалъ по риторикѣ Кошанскаго и задавалъ по ней писать разсужденія и впечатлѣнія, въ которыхъ изображались явленія природы: восходъ солнца, гроза,—риторически восхвалялись добродѣтели, изливалось негодованіе къ порокамъ и т. п. Всегда плотно выбритый, съ постною миною, съ заплаканными глазами, со вздыхающею грудью, являлся онъ въ классъ въ синемъ длинномъ сюртукѣ, заставлялъ учениковъ читать рядъ молитвъ, толковалъ о чудесахъ, чудотворныхъ иконахъ, архіереяхъ, потомъ спрашивалъ урокъ, наблюдая, чтобы ему отвѣчали слово въ слово, а признавая кого нибудь незнающимъ, заставлялъ класть поклоны.—Учитель естественной исторіи Сухомлиновъ, братъ бывшаго харьковскаго профес-

сора химіи, былъ человѣкъ неглупый, но мало подготовленный и мало расположенный къ наукѣ; впрочемъ, такъ какъ онъ былъ умнѣе другихъ, то несмотря на его недостатки, какъ учителя въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ все-таки могъ передать своимъ питомцамъ какіе-нибудь полезные признаки знанія. — Учитель всеобщей исторіи Цвѣтаевъ преподавалъ по плохой исторіи Шрекка, не передавалъ ученикамъ никакихъ собственноустныхъ разсказовъ, не освѣщалъ излагаемыхъ въ книгѣ фактовъ какими бы то ни было объясненіями и взглядами, не познакомилъ учениковъ даже въ первоначальномъ видѣ съ критикою исторіи и, какъ видно, самъ не любилъ своего предмета: всегда почти сонный и вялый, этотъ учитель способенъ былъ расположить своихъ питомцевъ къ лѣни и полному безучастію къ научнымъ предметамъ.—Греческій языкъ преподавалъ священникъ Яковъ Покровскій, бывшій вмѣстѣ и законоучителемъ. Онъ отличался только рѣзкими филиппиками противъ пансіонскаго воспитанія, вообще оказывалъ нерасположеніе къ свѣтскимъ училищамъ, восхвалялъ семинаріи и поставилъ себѣ за правило выговаривать такъ, какъ пишется, требуя того же и отъ учениковъ, чѣмъ возбуждалъ только смѣхъ. Это былъ человѣкъ до крайности грубый и заносчивый, а впослѣдствіи, какъ мы узнали, овдовѣвши, былъ судимъ и лишенъ священническаго сана за нецѣломудренное поведеніе.—Учитель французскаго языка Журденъ, бывшій нѣкогда капитанъ наполеоновской арміи и оставшійся въ Россіи въ плѣну, не отличался ничѣмъ особеннымъ, былъ вообще лѣнивъ и апатиченъ, ничего не объяснялъ и только задавалъ уроки по грамматикѣ Ломонда, отмѣчая въ ней ногтемъ мѣста, слѣдуемыя къ выучкѣ и произнося всѣмъ одно и то-же: jusqu'ici. Только когда припоминались ему по какому нибудь случаю подвиги Наполеона и его великой арміи, обычная апатичность оставляла его и онъ невольно показывалъ неизбѣжныя свойства своей національности, дѣлался живымъ и произносилъ какую-нибудь хвастливую похвалу любимому герою и французскому оружію. Считаю при этомъ кстати вспомнить случай, происшедшій у меня съ нимъ еще въ пансіонѣ Ѳедорова, гдѣ онъ, по выходѣ Попова, былъ помощникомъ содержателя и имѣлъ жительство въ пансіонѣ. Я не поладилъ съ гувернеромъ нѣмцемъ, по фамиліи Праль; Журденъ поставилъ меня на колѣни и осудилъ оставаться безъ обѣда. Желая какъ нибудь смягчить его суровость, я, стоя на колѣняхъ во время обѣда, сказалъ ему: monsieur Jourdin! вѣдь Prahler по-нѣмецки значитъ хвастунъ. «Chut! tesez vous!» прошипѣлъ Журденъ. Но я продолжалъ: эти нѣмцы большіе хвастуны, вѣдь какъ ихъ Наполеонъ билъ! «Охъ какъ

билъ»! воскликнулъ Журденъ и, пришедши въ восторгъ, началъ вспоминать Іенскую битву. Воспользовавшись его одушевленіемъ, я попросилъ у него прощенія, и строгій капитанъ смягчился и позволилъ мнѣ сѣсть обѣдать.—Нѣмецкимъ учителемъ былъ нѣкто Фляммъ, не отличавшійся особымъ педагогическимъ талантомъ и плохо понималъ по-русски, отчего его предметъ не процвѣталъ въ гимназіи. Ученики, какъ вездѣ бывало на Руси съ нѣмцами, дурачились надъ его неумѣніемъ объясняться по-русски. Такъ напримѣръ, не зная, какъ произнести порусски слово «акцентъ», онъ, вмѣсто того, чтобы сказать поставить удареніе — говорилъ: сдѣлайте ударъ—и ученики, потѣшаясь надъ нимъ, всѣ залпомъ стучали кулаками о тетрадь. Нѣмецъ выходилъ изъ себя, но никакъ не могъ объяснить того, что хотѣлъ, и весь классъ хохоталъ надъ нимъ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о тогдашнемъ директорѣ гимназіи фонъ-Галлерѣ. Онъ отличался тѣмъ, что каждый ученикъ, пріѣзжая съ домоваго каникулярнаго отпуска, считалъ обязанностью своею принести посильный подарокъ: кто—пару гусей, а кто—фунтъ чаю или голову сахару; директоръ выходилъ къ ученику въ прихожую, распекалъ его за дерзость, говорилъ, что онъ не взяточникъ и прогонялъ ученика съ его подаркомъ; но въ сѣняхъ, куда уходилъ съ прихожей ученикъ, являлась женская прислуга, брала подарокъ и уносила на заднее крыльцо. Ученикъ приходилъ въ классъ и замѣчалъ, что директоръ, во время своего обычнаго посѣщенія классовъ, показывалъ къ нему особенную ласку и благоволеніе. Директоръ нѣсколько лѣтъ занималъ лично для себя весь бель-этажъ гимназическаго зданія, а классы помѣщались по чердакамъ; это побудило учителей подать на него доносъ: пріѣхалъ ревизоръ, и директоръ долженъ былъ перейти изъ гимназическаго зданія на наемную квартиру. Скоро послѣ того начальство устранило его отъ должности. Число учениковъ гимназіи въ то время было невелико и едва ли простиралось до двухсотъ человѣкъ во всѣхъ классахъ. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, родители зажиточные и гордившіеся своимъ происхожденіемъ или важнымъ чиномъ считали какъ бы унизительнымъ отдавать сыновей своихъ въ гимназію: поэтому заведеніе наполнялось дѣтьми мелкихъ чиновниковъ, небогатыхъ купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ. Плебейское происхожденіе выказывалось очень часто въ пріемахъ и способѣ обращенія воспитанниковъ, какъ равно и въ упущенности первичнаго воспитанія, полученнаго въ родительскомъ домѣ. Грубыя ругательства, драки и грязныя забавы были нипочемъ въ этомъ кругу. Между учениками было довольно лѣнтяевъ, почти не ходившихъ

въ гимназію, а тѣ, которые были поприлежнѣе, заранѣе пріучены были смотрѣть на ученіе только какъ на средства, полезныя въ жизни для добыванія насущнаго хлѣба. Объ охотѣ къ наукамъ можно судить уже изъ того, что изъ окончившихъ курсъ въ 1833 году одинъ я поступилъ въ университетъ въ томъ же году, а три моихъ товарища поступили въ число студентовъ тогда, когда я былъ уже на второмъ курсѣ.

Во время своего пребыванія въ гимназіи, въ вакаціонные сроки я ѣзжалъ домой къ матери; иногда за мною присылали своихъ лошадей и экипажъ, лѣтомъ—бричку, а зимою—крытыя сани; иногда же я слѣдовалъ на почтовыхъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ путь лежалъ до Острогожска по столбовой почтовой дорогѣ, черезъ села: Оленій Колодезь, Хворостань и городъ Коротоякъ, гдѣ переправлялись черезъ Донъ. Не доѣзжая до Коротояка, дорога, на протяженіи верстъ сорока, шла въ виду Дона на лѣвой сторонѣ; вблизи Хворостани виднѣлось живописное село Оношкино, въ 1827 году сползшее съ горы, подмытой Дономъ. Этотъ феноменъ природы, какъ говорятъ, никому не стоилъ жизни, потому что почти всѣ люди были въ полѣ. Отъ Острогожска, если ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ, мнѣ приходилось пробираться до своей слободы по хуторамъ, которыхъ множество въ этой сторонѣ. До самой слободы я не встрѣчалъ ни одной церкви. Хуторки, по которымъ я проѣзжалъ, всѣ были вольные, населенные такъ-называемыми войсковыми обывателями, потомками прежнихъ острогожскихъ козаковъ и ихъ подпомощниковъ. Весь этотъ край носилъ названіе рыбьянскаго, и обитатели хуторовъ, какъ и города, какъ бы въ отличіе отъ прочихъ малоруссовъ, назывались рыбьянами. У нихъ былъ отличный отъ другихъ говоръ и костюмъ. Впослѣдствіи, побывавши на Волыни, я увидалъ, что то и другое обличаетъ въ рыбьянахъ чисто-волынскихъ переселенцевъ, тогда какъ жители другихъ краевъ острогожскаго уѣзда поюжнѣе обличаютъ своимъ выговоромъ, одеждою и домашнею обстановкою происхожденіе изъ другихъ сторонъ малорусскаго края. Рыбьяне жили тогда вообще зажиточно; земли у нихъ было вдоволь, а иные отправляли разные промыслы и ремесла.

Если приходилось ѣхать на почтовыхъ, то путь лежалъ нѣсколько восточнѣе, на Пушкинъ хуторъ, гдѣ перемѣнялись лошади; тамъ была обывательская почта, и нанявши почтовыхъ, можно было ѣхать въ Юрасовку. Обыкновенно, выѣзжая изъ Воронежа, я достигалъ Юрасовки на другой день; но если ѣхалъ на почтовыхъ, то и ранѣе. Новый домъ моей матери былъ о пяти покояхъ, крытый камышомъ, и стоялъ въ оконечности слободы, на огромномъ

дворѣ, гдѣ, кромѣ дома, амбаровъ, сараевъ и конюшенъ, было три хаты, а въ глубинѣ двора лежалъ фруктовый садъ, десятинахъ на трехъ, упиравшійся въ коноплянникъ, окаймленный двумя рядами высокихъ вербъ, за которыми тянулось неизмѣримое болото. Прежде, какъ говорятъ, здѣсь текла рѣка; но въ мое время она вся поросла камышомъ и осокой, за исключеніемъ нѣсколькихъ плесъ, и то лѣтомъ, густо покрытыхъ лататьемъ [1]). Въ саду было значительное число яблочныхъ, грушовыхъ и вишневыхъ деревьевъ, родившихъ плоды вкусныхъ сортовъ. Въ одномъ углу сада былъ омшенникъ для пчелъ, которыхъ моя мать очень любила. Садъ по забору былъ обсаженъ березами и вербами, а я, кромѣ того, насадилъ тамъ кленовъ и ясеней. Любимымъ препровожденіемъ времени во дни пребыванія у матери была ѣзда верхомъ. Былъ у меня сѣрый конь, купленный отцомъ на Кавказѣ, чрезвычайно быстрый и смирный, хотя и не безъ капризовъ: стоило только сойти съ него, онъ сейчасъ вырывался изъ рукъ, брыкалъ задними ногами и во всю прыть убѣгалъ въ конюшню. Я скакалъ на немъ и по своимъ, и по чужимъ полямъ. Кромѣ этой забавы, я иногда ходилъ стрѣлять, но, по своей близорукости, не отличался особеннымъ искуствомъ; притомъ же мнѣ и жаль было истреблять невинныхъ тварей. Помню, какъ одинъ разъ я выстрѣлилъ въ кукушку и убилъ ее; мнѣ такъ стало жаль ее, что нѣсколько дней меня словно томила совѣсть. Въ лѣтнія вакаціи мои охотничьи подвиги успѣшнѣе всего обращались на скворцовъ, которые густыми тучами садились на вишни и объѣдали ягоды. Здѣсь незачѣмъ было цѣлиться: стоило пустить зарядъ дроби по вершинамъ вишенъ и подбирать убитыхъ и подстрѣленныхъ птичекъ кучами, отдавая потомъ ихъ въ кухню для приготовленія на жаркое.

Кромѣ охоты и верховой ѣзды, меня увлекало плаваніе по водѣ. За неимѣніемъ настоящаго челна, я устроилъ себѣ корабль собственнаго изобрѣтенія: то были двѣ связанныя между собою доски, на которыхъ ставились ночвы. Я садился въ эти ночвы съ весломъ и отправлялся гулять по камышамъ. Такъ какъ вблизи моего дома плеса не были велики и притомъ густые корни лататья преграждали путь моему импровизованному судну, то я перевезъ его за семь верстъ въ чужое имѣніе, гдѣ рѣка была шире и чище, ѣздилъ туда плавать и часто проводилъ тамъ цѣлые дни, нерѣдко забывая и обѣдъ.

Въ 1833 году, когда я ожидалъ уже окончанія курса гимна-

---

[1]) Водяное растеніе Nymphea=кувшинникъ.

зіи, случилось въ моемъ домѣ неожиданное и крайне непріятное событіе. Мать моя уѣхала ко мнѣ въ Воронежъ на зимнихъ святкахъ. Въ это время на нашъ деревенскій домъ напали ночью разбойники; связали сторожа, покалѣчили нѣсколькихъ дворовыхъ людей, забивая имъ подъ ногти шилья, жгли свѣчкою, допрашивая есть ли у барыни деньги; потомъ пошли въ домъ, поотбивали замки въ комодахъ и шкафахъ и ограбили все. Когда начало производиться слѣдствіе, оказалось, что виновникомъ этого разбоя былъ помѣщикъ валуйскаго уѣзда, отставной прапорщикъ Заварыкинъ, а въ соумышленіи съ нимъ былъ одинъ изъ нашихъ крестьянъ-малоруссовъ, другой — изъ чужихъ въ той же слободѣ. Виновные были сосланы въ Сибирь.

Въ тотъ же годъ открылась и настоящая причина смерти отца моего. Кучеръ, возившій его въ лѣсъ, явился къ священнику и потребовалъ, чтобы былъ собранъ звономъ народъ: онъ на могилѣ барина объявитъ всю правду о его смерти. Такъ было сдѣлано. Кучеръ всенародно, припадая къ могилѣ, находившейся близъ церкви, возопилъ: «баринъ, Иванъ Петровичъ, прости меня! А вы, православные христіане. знайте, что его убили не лошади, а мы, злодѣи, и взяли у него деньги, а ими судъ подкупили». Началось слѣдствіе, потомъ — судъ. Кучеръ обличилъ двухъ лакеевъ, которые, однако, отъ убійства упорно запирались, но не могли скрыть того, что грабили деньги и ими подкупали судъ. Къ дѣлу привлеченъ былъ и поваръ, но тотъ запирался во всемъ и, за неимѣніемъ уликъ, былъ оставленъ въ покоѣ. Главнѣйшій же изъ убійцъ былъ уже въ могилѣ. Замѣчательно, что когда виновныхъ стали допрашивать въ судѣ, кучеръ говорилъ: «самъ баринъ виноватъ, что насъ искусилъ; бывало начнетъ всѣмъ разсказывать, что Бога нѣтъ, что на томъ свѣтѣ ничего не будетъ, что только дураки боятся загробнаго наказанія — мы и забрали себѣ въ голову, что коли на томъ свѣтѣ ничего не будетъ, то значитъ все можно дѣлать». Убійцы сосланы въ Сибирь. Члены земской полиціи были также привлечены къ отвѣтственности и приняли достойное наказаніе; но виновнѣйшій изъ нихъ, засѣдатель, во избѣжаніе грозящей судьбы, отравился.

II.

Студенчество и юность. Первая литературная дѣятельность.

По окончаніи курса гимназіи, мнѣ, шестнадцати лѣтъ отъ роду, приходилось вступать въ университетъ: но тутъ-то я почувствовалъ, что слабъ въ математикѣ, да и при всемъ желаніи не

могъ быть въ ней силенъ, когда учитель ничего не преподавалъ. Я пригласилъ для своей подготовки сосѣда, бывшаго инженера, женившагося въ то время на дочери помѣщика въ той же слободѣ. Мой новый учитель оказался вполнѣ хорошимъ и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, занимаясь каждый день съ утра до вечера, я успѣлъ выучить почти весь курсъ того, что нужно было для вступительнаго экзамена въ университетъ. Учитель прошелъ со мною и коническія сѣченія, которыя тогда требовались. Въ половинѣ августа 1833 года, со страхомъ и трепетомъ я отправился въ Харьковъ съ матерью и моимъ учителемъ. Вступительный экзаменъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Профессоръ математики Павловскій, отличавшійся, какъ о немъ говорили, большою строгостью и неснисходительностью, пропустилъ меня, записавши мнѣ хорошій баллъ. Радость моя была непомѣрная. Меня помѣстили у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго. Я попалъ къ нему совершенно случайно. Не предполагая прежде помѣститься у этого профессора, я отправился къ нему вмѣстѣ со своимъ учителемъ поговорить на счетъ вступительнаго экзамена изъ латыни, въ которой я себя чувствовалъ недостаточно крѣпкимъ послѣ уроковъ Андрея Ивановича Бѣлинскаго. И мнѣ, и моему учителю Петръ Ивановичъ такъ понравился, что, выходя отъ него, мы разсудили, что всего лучше мнѣ помѣститься у этого профессора. Передавши нашу мысль моей матери, мы снова отправились къ Сокальскому и договорились съ нимъ о квартирѣ. Окончивъ вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, я простился съ матерью и моимъ деревенскимъ учителемъ, уѣхавшими домой, а самъ остался въ домѣ Сокальскаго. Мнѣ дали отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ, въ которомъ, кромѣ меня, было четверо студентовъ, проживавшихъ у Сокальскаго также въ отдѣльныхъ комнатахъ. Содержаніе и обращеніе съ нами было очень хорошее; одно только нѣсколько безпокоило меня: Сокальскій не дозволялъ курить табакъ, и это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, всунувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажогъ сажу и самъ испугался; едва потушили и не допустили до пожара, но послѣ того Сокальскій махнулъ рукою и сказалъ: «лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете!»

Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ я усиленно занялся изученіемъ языковъ, особенно латинскаго, который я очень полюбилъ, и вообще меня сталъ сильно привлекать антическій міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятни-

камъ искуствъ. Однажды, читая Иліаду въ подлинникѣ съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Эліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я упросилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ; одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по-женски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромаху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ его гости — профессоры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ менторскій суровый видъ, но потомъ, узнавши въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ впрочемъ и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

... глава Пріамида,
Прежде прекрасная, бьется во прахѣ...

Когда послѣ того мы пошли къ нему обѣдать, онъ во все продолженіе стола, глядя на меня, не могъ удержаться отъ смѣха и говорилъ своимъ домашнимъ: «вотъ угостили меня! дали возможность повидать древность въ лицахъ!»

Семейство Сокальскаго состояло тогда изъ жены, трехъ малолѣтнихъ сыновей (изъ нихъ одинъ теперь харьковскій профессоръ, другой—редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» и замѣчательный піанистъ, а третій недавно скончался) и старой тещи, женщины чрезвычайно доброй и любимой всѣми студентами. Эта послѣдняя, по имени Надежда Емельяновна, осталась у меня въ памяти, какъ типъ старой, добродушной малороссіянки. Она говорила со всѣми не иначе, какъ по-малорусски, очень заботилась о выгодахъ квартирантовъ и по воскресеньямъ сама пекла и приносила намъ на завтракъ превосходные пирожки. Уже много лѣтъ, еще до женитьбы Сокальскаго на ея дочери, она содержала у себя квартирантовъ-студентовъ и хвалилась тѣмъ, что ее называли: «студентська мати». Въ числѣ ея бывшихъ нахлѣбниковъ былъ знаменитый Остроградскій, о которомъ она сохраняла благоговѣйное воспоминаніе, какъ о лучшемъ изъ юношей, у нея проживавшихъ.

Въ то время харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія каѳедры занимались отчасти людьми без-

дарными, отчасти же хотя и талантливыми, какимъ былъ, напримѣръ, Кронебергъ, но лѣнивыми. Въ нашемъ историко-филологическомъ факультетѣ русская словесность была въ рукахъ нѣкоего Якимова. Онъ въ свое время прославился бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ примѣръ безсмыслицы.—Русскую исторію читалъ Гулакъ-Артемовскій, человѣкъ безспорно съ поэтическимъ дарованіемъ, какъ показали его малорусскія стихотворенія, но въ своихъ лекціяхъ по русской исторіи отличавшійся пустымъ риторствомъ и напыщенностью.—Профессоръ всеобщей исторіи Цыхъ былъ вскорѣ переведенъ въ Кіевъ. Онъ читалъ древнюю исторію по Герену и почти не прибавлялъ къ ней ничего своего. — Философію преподавалъ нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ.—Греческій языкъ читалъ какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій русскимъ языкомъ и даромъ изложенія на какомъ бы то ни было языкѣ.—Французскій языкъ читалъ Паки-де-Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи. Онъ представлялъ, какъ въ праздникъ Богоявленія архіерей святитъ воду и «суевѣры» бросаются къ рѣкѣ съ кувшинами, а «philosophe» думаетъ себѣ иное; вооружался противъ крѣпостного права и копировалъ разговоръ съ помѣщикомъ такимъ образомъ: «пожалюйте, за што ви бьетъ вашъ мальшикъ?» «О! онъ мой холёпъ?» Qu'est-ce que c'est холёпъ?» Помѣщикъ отвѣчаетъ: «ми, при государиня Катерина Алексѣевна шили и били свой шелювѣкъ». «Ah, monsieur! при Катерина Алексѣевна биль одно время,—теперь—другое!» Начинались сто разъ повторяемые анекдоты о Вольтерѣ, о достоинствахъ его произведеній, цитировались стихи изъ какой нибудь Альзиры, потомъ снова слѣдовало обращеніе къ Россіи съ указаніемъ разныхъ недостатковъ ея; впрочемъ доставалось на долю и нѣмцамъ. Паки-де Совиньи, какъ истый французъ, считалъ французскій народъ самымъ образованнымъ въ свѣтѣ и говорилъ, что хотя у нѣмцевъ есть стихотворцы, какъ Шиллеръ и Гёте, но куда имъ до Расина, Кребильона и Вольтера. Ему извѣстна была только старая французская литература, о новой, современной, онъ не имѣлъ никакого понятія, да и знать объ ней не хотѣлъ.—Попечителемъ харьковскаго университета былъ тогда нѣкто Филатьевъ, который въ первыхъ мѣсяцахъ 1834 года былъ переведенъ на какую-то другую должность и уѣхалъ, не подпи-

савши утвержденія въ званіи студентовъ болѣе ста лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ текущемъ академическомъ году. Въ числѣ этихъ неутвержденныхъ студентовъ былъ и я. Сокальскій объявилъ мнѣ, что, по силѣ университетскаго устава, я не имѣю права ни слушать лекціи, ни держать переходнаго экзамена; впрочемъ польстилъ меня надеждою, что, вѣроятно, будущій попечитель утвердитъ насъ всѣхъ и намъ дозволятъ держать переходный экзаменъ. Но такъ какъ слушать лекціи болѣе нельзя было, то я уѣхалъ изъ Харькова къ матери незадолго до святой недѣли и пробылъ въ деревнѣ до августа того же года. Никогда въ жизни я до такой степени не сближался съ сельскою природою какъ въ это время, тѣмъ болѣе, что со времени смерти моего отца, никогда не жилъ въ деревнѣ въ весенніе мѣсяцы и въ началѣ лѣта. Меня занимала каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждая птичка и букашка. Между тѣмъ я въ деревнѣ продолжалъ учиться по-латыни и по-французски, такъ что къ концу лѣта могъ уже свободно читать à livre ouvert всякія французскія книги и прочелъ въ это время Notre Dame Гюго, книгу, извѣстную по трудности языка, наполненнаго разными архаизмами. Эта книга сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; я полюбилъ ея автора и принялся жадно за чтеніе другихъ его сочиненій. Въ августѣ я отправился въ Харьковъ. Тамъ былъ уже новый попечитель графъ Головкинъ, восьмидесятилѣтній старецъ, проведшій жизнь за-границей и объяснявшійся по-русски очень плохо. Первымъ его дѣломъ по вступленіи было утвердить всѣхъ неутвержденныхъ его предшественникомъ студентовъ. Намъ позволили держать экзаменъ и черезъ нѣсколько дней я былъ переведенъ на второй курсъ. Въ этотъ академическій годъ я проживалъ по прежнему у Сокальскаго, хотя уже въ другомъ домѣ, только что имъ отстроенномъ. Любовь къ латинскому языку и античскому міру стала у меня охладѣвать. Я съ жаромъ увлекся французскимъ языкомъ, а съ зимы началъ заниматься и италіанскимъ. Между тѣмъ мнѣ пришло желаніе взяться и за музыку; я купилъ себѣ фортепіано за триста рублей ассигнаціями и договорилъ себѣ учителя; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ желаніе къ музыкѣ стало проходить, тѣмъ болѣе, что музыка требовала занятій по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ въ день, а я на то совсѣмъ не имѣлъ времени. Съ бо́льшимъ постоянствомъ я испытывалъ свои силы въ стихотворствѣ, которымъ началъ заниматься еще во время своего пребыванія въ деревнѣ, куда удалился-было, оставшись неутвержденнымъ въ званіи студента. Передъ тѣмъ любимѣйшимъ занятіемъ моимъ было изученіе древнихъ авторовъ и особенно Виргилія. Я

получилъ вкусъ къ античному изображенію сельской природы и писалъ на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія, употребляя гекзаметръ, который изъ всѣхъ размѣровъ мнѣ особенно нравился. Эти первые опыты остались ненапечатанными, а впослѣдствіи, увлекшись исторіей, я совершенно оставилъ стихописательство на русскомъ языкѣ.

1835 годъ былъ знаменателенъ въ исторіи харьковскаго университета: въ немъ показывалось какое-то обновленіе. По разнымъ каѳедрамъ присланы были свѣжія, молодыя силы, новые люди, возвратившіеся изъ за-границы, куда были посылаемы министромъ для окончанія образованія. Нашъ историко-филологическій факультетъ былъ обновленъ появленіемъ двухъ талантливыхъ и ученыхъ профессоровъ. Первый былъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи Михаилъ Михайловичъ Лунинъ; второй—по каѳедрѣ греческой словесности — Альфонсъ Осиповичъ Валицкій. Первый былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостію, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно Востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и о борьбѣ его съ язычествомъ, были столько же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторію Новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ. Валицкій менѣе имѣлъ на меня вліянія, чѣмъ Лунинъ, такъ какъ я не имѣлъ ни надлежащей подготовки, ни особаго стремленія, чтобы сдѣлать греческую литературу и древности для себя спеціальностью; но я посѣщалъ его лекціи и слушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Замѣтимъ, что Валицкій имѣлъ отличный даръ слова и былъ вообще въ изложеніи своего предмета гораздо живѣе Лунина.

Съѣздивши на вакаціи въ деревню и пріѣхавши снова въ Харьковъ въ августѣ 1835 года, я уже не сталъ жить у Сокальскаго и помѣстился у Артемовскаго-Гулака. Здѣсь я съ большимъ

увлеченіемъ занимался исторіею и проводилъ дни и ночи надъ чтеніемъ всевозможныхъ историческихъ книгъ. Мнѣ хотѣлось знать судьбу всѣхъ народовъ; не менѣе интересовала меня и литература съ исторической точки ея значенія.

Дворъ Артемовскаго-Гулака помѣщался почти при оконечности города, на одной изъ улицъ, выходившихъ къ полю. Проминувши нѣсколько дворовъ, можно было достигнуть стараго кладбища съ небольшою церковью; въ ясные весенніе и осенніе дни ходить туда сдѣлалось для меня обычною прогулкою. Узнавши объ этомъ, мой хозяинъ растолковалъ это припадкомъ меланхоліи и сталъ уговаривать меня избирать для прогулокъ болѣе веселыя и людныя мѣста. Самъ онъ помѣщался въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выходившемъ фасадомъ на улицу, а внутри довольно нарядно убранномъ. Студенты были размѣщены въ двухъ флигеляхъ, стоявшихъ на дворѣ; въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, жило двое студентовъ: Деревицкій и я. Вообще во все время своего студенчества я мало сближался съ товарищами, хотя съ тѣми, съ которыми случай доставилъ возможность быть знакомымъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ. О характерѣ студентской корпораціи того времени можно замѣтить, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждаго ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студентскому званію. Студенты знакомились и дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій. Вообще студентовъ тогдашнихъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ харьковскомъ университетѣ, это было не трудно: профессоры были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшіеся въ протекціи. «Manus manam lavat» (рука руку моетъ) говаривали они по этому поводу. Проболтавшись три года въ Харьковѣ, батюшкинъ или матушкинъ сынокъ получалъ

ученую степень, дававшую право на классный чинъ, и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопатывалъ себѣ какую нибудь номинальную должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, или что нибудь подобное, чѣмъ, какъ извѣстно, была обильна наша старая Русь-матушка, иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какого нибудь генерала, а послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею: харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей; успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя, по темнотѣ послѣднихъ, не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможныя произвольныя толкованія и системы. Наконецъ, 4) люди не настолько богатые чтобы помѣщаться у профессоровъ и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя какъ попало: многіе предавались кутежамъ всякаго рода, иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробираться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ въ одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или кандидаты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени.

Несмотря на то, что я жилъ у профессора, любовь къ занятіямъ была у меня настолько сильна, что мнѣ не приходилось пользоваться протекціею моего хозяина профессора. Я постоянно

сидѣлъ за книгами, не имѣлъ въ городѣ почти никакихъ знакомыхъ и самыхъ товарищей принималъ рѣдко. Такой образъ жизни велъ я до самыхъ рождественскихъ святокъ, когда отправился въ деревню къ матери. Наканунѣ Крещенія, собираясь возвращаться въ Харьковъ, я поѣхалъ въ свой уѣздный городъ взять подорожную и, возвращаясь къ вечеру въ слободу, почувствовалъ себя больнымъ. Пріѣхавши домой, я заболѣлъ оспой и пролежалъ болѣе мѣсяца, а потомъ выздоравливалъ до конца марта. Болѣзнь моя была такъ сильна, что нѣсколько дней боялись смерти или, что еще хуже, слѣпоты. Глаза мои, и безъ того уже требовавшіе очковъ для близорукихъ, съ этихъ поръ еще болѣе ослабѣли. 25 марта я пустился въ дорогу еще съ красными пятнами на лицѣ и съ слабыми мускулами; меня останавливали, но мнѣ ни за что не хотѣлось пропустить экзамена и оставаться въ университетѣ лишній годъ. Оказалось, что въ мое отсутствіе разнеслась вѣсть о моей смерти, и какой-то студентъ въ отвѣтъ профессору, перекликавшему студентовъ на репетиціи и упомянувшему мое имя, заявилъ, что я умеръ, а профессоръ перечеркнулъ въ спискѣ мое имя. Послѣ святой недѣли я принялся сильно готовиться къ экзамену и въ іюнѣ выдержалъ его. Всѣ отмѣтки были вполнѣ удовлетворительны; я былъ въ увѣренности, что получу степень кандидата за отличіе. Вспомню при этомъ забавный случай, бывшій съ профессоромъ Паки-де Совиньи. Такъ какъ этотъ наставникъ, по старому обыкновенію своему, не преподавалъ никакой науки, а только либеральничалъ въ аудиторіи, то трудно было кому бы то ни было сдавать экзаменъ изъ преподаваемаго имъ предмета. Заведено было, что предъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать «лесоны» и платили за каждый по красненькой (10 рублей ассигнаціями); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторію литературы и заставляетъ меня прочитать одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика: «De la litterature française sous Henri IV». Я прочелъ и далъ ему красненькую. «Bien, monsieur: vous aurez *optime*». Но я замѣтилъ ему, что «optime» для меня мало, что для меня нужно «eminenter», потому что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ optime [1]), то мнѣ не дадутъ степени кандидата; я же не надѣялся получить eminenter изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ: «pour l'eminenter il faut prendre encore une leçon». Я далъ ему еще одну красненькую. Паки де-Совиньи заставилъ меня прочесть то же самое, что я только что читалъ и обѣщалъ поста-

---

[1]) optime—очень хорошо, eminenter—превосходно.

вить eminenter; но когда я пришелъ на экзаменъ и былъ вызванъ, Паки де-Совиньи перепуталъ мою фамилію съ фамиліею другого студента и спросилъ меня «De la litterature française en général». Я пріостановился, а профессора, члены факультета, знавшіе продѣлки француза, поняли въ чемъ дѣло и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты, сидѣвшіе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я, не обращая вниманія, продолжаю заученное, и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ optime, но деканъ факультета, знавшій все это, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ eminenter, насмѣшивши и профессоровъ, и студентовъ. Но мнѣ не помогло ничто. Когда я, въ полной увѣренности, что буду кандидатомъ, уѣхалъ домой на вакацію, Артемовскій-Гулакъ написалъ мнѣ, что я не получу степени кандидата, потому что законоучитель, экзаменовавшій меня при переходѣ изъ перваго курса во второй, записалъ мнѣ по предмету богословія «bene» (хорошо) и такъ какъ при окончательномъ экзаменѣ не спрашивали изъ богословія, то прежде выставленная аттестація служила и при окончательномъ экзаменѣ, а имѣющему хотя одно «bene» не давалась степень кандидата за отличіе. Нечего было дѣлать; приходилось ѣхать въ Харьковъ и держать особый экзаменъ на степень кандидата.

Послѣ вакацій я отправился снова, помѣстился у того же Артемовскаго-Гулака, но уже на другихъ условіяхъ: онъ отказался брать съ меня деньги за помѣщеніе и предложилъ мнѣ преподавать исторію его сыновьямъ. Въ такомъ положеніи я прожилъ до января 1837 года, когда былъ подвергнутъ экзамену. Случилось странное обстоятельство, показывающее до какой степени соблюденіе формальностей шло въ-разрѣзъ съ здравымъ смысломъ. Казалось бы, если богословіе помѣшало мнѣ получить степень кандидата, то стоило подвергнуть меня экзамену изъ одного богословія; меня, напротивъ того, экзаменовали изо всѣхъ предметовъ, исключая богословія, такъ какъ послѣдняя наука не входила въ программу на степень кандидата. На этомъ же экзаменѣ со мною произошелъ опять забавный случай. Я экзаменовался изъ философіи. Профессоръ этого предмета Протопоповъ давалъ студентамъ свои записки, напичканныя туманными фразами изъ нѣмецкихъ философовъ; были мѣста, въ которыхъ по-русски никакъ нельзя было добраться смысла, и учить его философію было истин-

ное мученіе для студентовъ. Я въ это время уже немного ознакомился съ нѣмецкими философами и часто, между товарищами, для потѣхи, говорилъ по-русски философскимъ языкомъ совершенную чепуху, показывая, какъ можно, при помощи этого философскаго тумана, озадачить другихъ и показаться глубоко-ученымъ именно потому, что слушающій ничего не пойметъ. Будучи увѣренъ, что самъ много-ученый профессоръ не совсѣмъ ясно понималъ то, чему его научили нѣмцы, которыхъ языкъ онъ зналъ съ грѣхомъ пополамъ, я умышленно занесъ ему на экзаменѣ безсмыслицу, уснащивая ее всевозможными «абсолютами, абстрактами» и тому подобными терминами, бывшими тогда въ модѣ въ философскомъ языкѣ. Протопоповъ выслушалъ со вниманіемъ и записалъ мнѣ—превосходно, воображая, что я вѣрно говорилъ ему то, что̀ прочиталъ въ какой нибудь нѣмецкой книгѣ.

По окончаніи экзамена и получивъ степень кандидата, я уѣхалъ въ деревню и вскорѣ опредѣлился въ Кинбургскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Къ этому меня побудило желаніе узнать людей и всякое общество, между прочимъ и военное, мнѣ совершенно неизвѣстное; но нести военную службу мнѣ помѣшало воспрещеніе носить очки въ званіи юнкера и кромѣ того не прошло еще мѣсяца, какъ мнѣ уже стали надоѣдать военныя ученія и тогдашніе военные товарищи, которыхъ крайнюю пустоту я увидѣлъ. Вдобавокъ, въ городѣ Острогожскѣ, гдѣ стоялъ тогда полкъ, былъ очень богатый архивъ уѣзднаго суда, сохранившій всѣ старыя дѣла бывшаго козачьяго полка со временъ основанія города. Я сталъ заниматься этими дѣлами и увлекся этимъ занятіемъ. Это былъ мой первый опытъ въ занятіяхъ русскою исторіею по источникамъ и первою школою для чтенія старыхъ бумагъ. Археологическія занятія стали отвлекать меня отъ военной службы: вахмистръ жаловался на мое нерадѣніе, наконецъ командиръ полка пригласилъ меня къ себѣ и совѣтовалъ оставить военную службу, представляя, что я не одаренъ къ ней никакими способностями и вѣроятно принесу болѣе пользы обществу въ другой сферѣ. Я удалился и всецѣло принялся за свою археологію. Поработавъ цѣлое лѣто надъ козачьими бумагами, я составилъ по нимъ историческое описаніе Острогожскаго слободскаго полка, приложилъ къ нему въ спискахъ много важнѣйшихъ документовъ и приготовилъ къ печати; но потомъ задумалъ такимъ же образомъ перебрать архивы другихъ слободскихъ полковъ и составить исторію всей слободской Украины. Намѣреніе это не приведено было къ концу: мой начатый трудъ со всѣми документами, приложенными въ спискахъ къ моему обзору, попался въ Кіевѣ между прочими бу-

магами при моей арестаціи въ 1847 году и мнѣ возвращенъ не былъ.

Осенью 1837 года я отправился въ Харьковъ. Чувствуя, что въ моемъ образованіи многое было упущено и желая дополнить его, я принялся прилежно слушать лекціи Лунина, иногда же посѣщалъ лекціи Валицкаго. Исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только приняться поискать—и вѣрно найдется многое, что̀ до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа; а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ его малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 года, великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизусть сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа. Когда же я прочелъ «Запорожскую Старину» Срезневскаго и наивно вѣрилъ какъ подлинности помѣщенныхъ тамъ пѣснопѣній, подъ именемъ народныхъ, такъ и историческимъ объясненіямъ издателя этой книги, то книга эта ввела меня въ заблужденіе. Впрочемъ, не меня одного она соблазнила: многіе знатоки и любители народной поэзіи вѣрили въ то, что̀ въ ней выдавалось за народное произведеніе и за историческую истину. При посредствѣ Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, съ которымъ сошелся, еще живучи у Артемовскаго-Гулака, гдѣ онъ

жилъ въ качествѣ домашняго учителя, я познакомился съ издателемъ «Запорожской Старины», Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, тогда уже получившимъ должность адъюнктъ-профессора по статистикѣ въ университетѣ. Знакомство это возымѣло надолго сильное на меня вліяніе. Измаилъ Ивановичъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей. И. И. Срезневскій жилъ тогда за Лопанью, въ домѣ Юнкфера, вмѣстѣ съ матерью, женщиною очень развитою, доброю, гостепріимною и хорошею музыкантшею. Хотя спеціальностью его была статистика, но онъ не чуждался изящной литературы и поэзіи, питалъ особенную любовь къ словянскимъ языкамъ и литературамъ, любилъ также малорусскую народность, съ которою имѣлъ случай близко познакомиться, находившись передъ тѣмъ учителемъ у одного помѣщика екатеринославской губерніи, Подольскаго, недалеко отъ днѣпровскихъ пороговъ. Вообще сближеніе мое съ этимъ человѣкомъ сильно содѣйствовало моему стремленію къ изученію малорусской народности. Въ это время отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ я перешелъ къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало. До тѣхъ поръ я не читалъ ни одной малорусской книги, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которую еще въ дѣтствѣ, при отцѣ, вздумалъ было читать, но, мало понимая, бросилъ ее. Теперь, вооружившись новыми взглядами, я досталъ повѣсти Квитки, изданныя въ то время подъ псевдонимомъ Грицька Основьяненка. Мое знаніе малорусскаго языка было до того слабо, что я не могъ понять «Солдатскаго Портрета», и очень досадовалъ, что не было словаря; за неимѣніемъ послѣдняго, служилъ мнѣ мой слуга, уроженецъ нашей слободы по имени Ѳома Голубченко, молодой парень лѣтъ шестнадцати. Кромѣ того, гдѣ только я встрѣчался съ коротко-знакомыми малороссами, то безъ церемоніи осаждалъ ихъ вопросами: что значитъ такое-то слово, или такой-то оборотъ рѣчи. Въ короткое время я перечиталъ все, что̀ только было печатнаго по малорусски. но этого мнѣ казалось мало; я хотѣлъ поближе познакомиться съ самымъ народомъ не изъ книгъ, но изъ живой рѣчи, изъ живого обращенія съ нимъ. Съ этой цѣлью я началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами. Я слушалъ рѣчь и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, распрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ со-

общаемыя мнѣ извѣстія и заставлялъ себѣ пѣть пѣсни. На все это я не жалѣлъ денегъ, и если не давалъ ихъ прямо въ руки, то кормилъ и поилъ своихъ собесѣдниковъ.—Зимою съѣздилъ я изъ Харькова въ Полтаву, осмотрѣлъ городъ и посѣтилъ его окрестности. Тогда же обозрѣлъ я поле сраженія со шведами, сходилъ на шведскую могилу, гдѣ стоялъ крестъ, съ написанными на немъ словами, произнесенными Петромъ Великимъ въ день Полтавской битвы: «а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, слава, честь и благосостояніе ваше». Прямо противъ могилы находился шинокъ, содержимый евреемъ. Заѣхавши туда, встрѣтилъ я старика, служившаго нѣкогда, какъ онъ говорилъ, въ ополченіи 1812 года. Этотъ старикъ повелъ меня къ огромному дубу, подъ которымъ, по преданію, отдыхалъ Петръ послѣ Полтавской битвы. Оттуда проѣхалъ я въ Диканку, имѣніе Кочубея. Меня влекло туда то обстоятельство, что въ то время я началъ писать драму, которой сюжетъ составляла извѣстная исторія Матрены Кочубей. Въ Диканкѣ священникъ показалъ мнѣ рубашку съ кровавыми пятнами, снятую съ тѣла Василія Леонтьевича Кочубея въ день его мученической смерти. Эту вещь хранили потомки какъ святыню, но никакихъ преданій, относящихся къ трагическому событію, тогда меня занимавшему, я не услыхалъ. Въ Диканкѣ случилось со мною происшествіе, характерное какъ черта народныхъ пріемовъ малороссовъ. Я пріѣхалъ въ село поздно и нигдѣ не могъ допроситься ночлега; между тѣмъ, морозъ былъ жестокій, приходилось замерзать на улицѣ, и я обратился къ сельскому начальству съ просьбою доставить мнѣ какой-нибудь пріютъ. Сельскій старшина отвелъ мнѣ помѣщеніе въ хатѣ одного крестьянина, но меня упорно не хотѣли пускать и только при настояніи начальства должны были пустить. Хозяинъ, лежа на печи, ворчалъ; хозяйка смотрѣла на меня исподлобья и ни за что не хотѣла разложить огня и сварить мнѣ яицъ; но, расположившись противъ ихъ воли въ ихъ хатѣ, я пытался разговориться съ непривѣтливымъ хозяиномъ, и это мнѣ удалось не иначе какъ послѣ долгаго упрямства съ его стороны. Мало-по-малу онъ разговорился и дѣло кончилось тѣмъ, что мы съ нимъ подружились и сама суровая хозяйка стала радушною, гостепріимною. Уже было около полуночи и сами хозяева предложили развести огонь и сварить мнѣ вареников. Вдобавокъ у хозяина нашлась водка; мы съ нимъ выпили и закусили, а на другой день хозяева стали ко мнѣ еще услужливѣе и при выѣздѣ изъ села прощались дружески и просили не забывать ихъ, если мнѣ случится быть въ Диканкѣ.

О прошедшей исторіи Малороссіи я имѣлъ свѣдѣнія преиму-

щественно по Бантышу-Каменскому. Не смотря на малое знакомство мое съ малорусскою рѣчью и народностію, я задумалъ писать по-малорусски и началъ составлять стихи, которые впослѣдствіи явились въ печати подъ названіемъ «Украинскихъ балладъ». Когда я пробовалъ читать мои произведенія знакомымъ малоруссамъ, бывшимъ своимъ товарищамъ, то встрѣтилъ очень неодобрительные отзывы; одни смѣялись надъ моимъ малознаніемъ и указывали мнѣ промахи, другіе поднимали на смѣхъ самую идею писать на малорусскомъ языкѣ. Замѣчательно, что Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій, который самъ впослѣдствіи писалъ и печаталъ по-малорусски, былъ въ числѣ противниковъ моихъ идей о малорусскомъ писательствѣ. Я не поддавался ничему и напротивъ увлеченіе болѣе и болѣе овладѣвало мною.

Въ февралѣ 1838 года я принялся писать драматическое произведеніе и въ теченіе трехъ недѣль сотворилъ «Саву Чалаго», взявши содержаніе изъ извѣстной народной пѣсни, но сдѣлалъ большую историческую ошибку, произвольно отнесши событіе, воспѣваемое въ этой пѣснѣ, къ первой половинѣ XVII вѣка, тогда какъ оно относилось къ первой половинѣ XVIII-го. Когда я прочелъ своего «Саву Чалаго» И. И. Срезневскому въ присутствіи нѣсколькихъ знакомыхъ малоруссовъ, онъ очень похвалилъ мое произведеніе, а другіе находили въ немъ разные промахи.

Вслѣдъ затѣмъ, не печатая своихъ малорусскихъ произведеній, раннею весною 1838 года, я отправился въ Москву вмѣстѣ съ Метлинскимъ, получившимъ какую-то командировку по должности библіотекаря, которую онъ занималъ въ харьковскомъ университетѣ. Пребываніе мое въ Москвѣ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Я слушалъ университетскія лекціи тамошнихъ профессоровъ и имѣлъ намѣреніе держать экзаменъ на степень магистра русской словесности; но отложивши этотъ планъ на будущее время, въ началѣ лѣта отправился вмѣстѣ съ Метлинскимъ въ воронежскую губернію, пробылъ недѣли двѣ у матери; потомъ, проводивши отъ себя Метлинскаго, остался въ слободѣ и съ жаромъ принялся учиться нѣмецкому языку, въ которомъ чувствовалъ себя малознающимъ. Я занимался очень прилежно все лѣто, выучилъ всю грамматику и цѣлый словарь, такъ что могъ утѣшать себя, раскрывая на удачу книгу и повѣряя знаніе нѣмецкихъ словъ, встрѣчающихся въ словарѣ. Вооружившись такимъ пріобрѣтеніемъ, я сталъ читать Гёте и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ прочелъ его всего въ парижскомъ изданіи въ 8 въ два столбца То же сдѣлалъ я и съ сочиненіями Шиллера.

Между тѣмъ наступала осень; я снова отправился въ Харь-

ковъ и принялся печатать своего «Саву Чалаго». Печатаніе протянулось почти всю зиму, а я въ это время учился по-польски у одного студента и по-чешски—самоучкой, причемъ тогда же перевелъ малорусскими стихами старо-чешскія стихотворенія, извѣстныя тогда подъ именемъ Краледворской рукописи.

За «Савой Чалымъ» я отдалъ въ печать и свои стихотворенія, давши имъ общее названіе украинскихъ балладъ, названіе, невполнѣ подходившее къ содержанію всѣхъ помѣщенныхъ тамъ стихотвореній. Обѣ книги, послѣ всѣхъ цензурныхъ мытарствъ, явились въ свѣтъ весною 1839 года. Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня; мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и сверхъ того подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію. Я повсюду слышалъ грубыя выходки и насмѣшки надъ хохлами не только отъ великоруссовъ, но даже и отъ малоруссовъ высшаго класса, считавшихъ дозволительнымъ глумиться надъ мужикомъ и его способомъ выраженія. Такое отношеніе къ народу и его рѣчи мнѣ казалось униженіемъ человѣческаго достоинства, и чѣмъ чаще встрѣчалъ я подобныя выходки, тѣмъ сильнѣе пристращался къ малорусской народности. Ѣздя изъ Харькова въ свое имѣніе и обратно въ Харьковъ, я по дорогѣ завелъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ знакомыхъ поселянъ, къ которымъ заѣзжалъ и при ихъ помощи сходился съ народомъ. При этомъ я записывалъ множество пѣсенъ и разныхъ свѣденій о народныхъ обрядахъ и обычаяхъ.

Лѣтомъ 1839 года начался со мною рядъ несчастій, значительно подорвавшихъ мое здоровье. Вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ и нѣсколькими знакомыми изъ бывшихъ моихъ товарищей и молодыхъ профессоровъ, я былъ въ женскомъ монастырѣ Хорошевѣ, въ 18 верстахъ отъ Харькова, окруженномъ красивою рощею. Мы пробыли тамъ двое сутокъ и лунныя ночи проводили на воздухѣ; вслѣдствіе этого я схватилъ горловую болѣзнь и, возвратившись въ Харьковъ, обратился къ неизвѣстному мнѣ медику, жившему въ одномъ дворѣ со мною. До тѣхъ поръ въ Харьковѣ я никогда не болѣлъ и потому не запасся постояннымъ врачомъ; тотъ же, которому я себя ввѣрилъ, былъ отъявленный шарлатанъ и осмотрѣвши меня, нашелъ во мнѣ какія-то ужасныя болѣзни, страшно напугалъ меня и началъ пичкать лекарствами, приказавши мнѣ сидѣть дома на строжайшей діэтѣ. Черезъ четыре дня зашелъ ко мнѣ случайно одинъ молодой докторъ, преподававшій въ университетѣ и увидя, что я сижу въ духотѣ, сталъ распрашивать, а когда я ему сообщилъ то, что мнѣ наговорилъ мой эскулапъ, онъ расхохотался, увѣрилъ меня, что я дѣлаюсь пред-

метомъ эксплуатаціи для шарлатана и убѣдилъ бросить всѣ лекарства, покинуть назначенную мнѣ строгую діэту и вмѣстѣ съ нимъ идти гулять въ садъ. Я послушался, пошелъ въ садъ, а оттуда, желая болѣе разсѣять меня отъ внушенныхъ страховъ, онъ пригласилъ меня въ ресторацію, гдѣ мы вмѣстѣ поужинали и выпили вина. На другой день мой эскулапъ, узнавши объ этомъ, сказалъ мнѣ: «ну, теперь вы пропали; черезъ мѣсяцъ увидите что́ съ вами будетъ!» Это запало мнѣ въ воображеніе.

Со мною долго не было ничего дурного и я отправился въ свое имѣніе; но какъ только кончился мѣсяцъ и наступилъ роковой срокъ, назначенный эскулапомъ, такъ мнѣ начали представляться самые возмутительные болѣзненные признаки. Я обратился къ одному полковому врачу, который мнѣ сказалъ то же, что и харьковскій профессоръ. Недовольный этимъ, я прибѣгнулъ къ совѣту другого врача—и тотъ сказалъ мнѣ то же. Я обратился къ третьему, который нашелъ у меня такія же болѣзни, какъ и харьковскій эскулапъ. Тутъ уже ничто не могло побѣдить моей мнительности; я поторопился въ Харьковъ, началъ обращаться то къ одному, то къ другому изъ медицинскихъ профессоровъ, наконецъ одинъ изъ нихъ принялся лечить меня и поручилъ наблюдать за мною какому-то студенту изъ евреевъ. Попринимавши пилюли съ мѣсяцъ, я узналъ, что мнѣ не давали лекарствъ, а считая болѣзнь мою плодомъ воображенія, пичкали совершенно невинными средствами. Мнительность опять одолѣла меня. Я еще разъ обратился къ новому врачу, который уже началъ меня лечить дѣйствительно. Отъ его леченія не произошло ничего. Мнѣ все казалось, что я боленъ. Весною 1840 года, готовясь къ экзамену на степень магистра, я обратился еще къ одному медику, который закатилъ мнѣ такую кладь, что послѣ нея у меня сдѣлались частыя головныя боли. Наконецъ я пересталъ лечиться, испытавши, что ничто не помогаетъ тѣмъ недугамъ, которые мнѣ тогда представлялись.

Все лѣто 1840 года я провелъ въ Харьковѣ, занимаясь исторіей, съ цѣлью держать экзаменъ на степень магистра, сидѣлъ буквально дни и ночи и наконецъ подалъ прошеніе о допущеніи меня къ экзамену, и въ то же время печатался новый сборникъ моихъ украинскихъ стихотвореній подъ названіемъ «Вѣтка». Меня позвали въ засѣданіе 24 ноября. Профессоръ Лунинъ экзаменовалъ меня изъ всеобщей исторіи очень строго; испытаніе продолжалось часъ и три четверти; я выдержалъ счастливо. Затѣмъ Артемовскій-Гулакъ экзаменовалъ меня изъ русской исторіи до такой степени поверхностно, что я могъ бы, не прочитавши ни одной книги, отвѣчать на его вопросы. Черезъ десять дней позвали меня снова

на экзаменъ изъ прибавочныхъ предметовъ: политической экономіи и статистики. Изъ первой экзаменовалъ меня Сокальскій, изъ второй—мой товарищъ по студентству Рославскій. Изъ обоихъ предметовъ я отвѣчалъ удовлетворительно. За экзаменомъ слѣдовало письменное испытаніе; меня заставили во время засѣданія совѣта въ университетскомъ залѣ сочинить два разсужденія на заданныя темы, одно по всеобщей, другое по русской исторіи. Во время писанія я случайно былъ свидѣтелемъ чрезвычайно скандальной сцены. Въ засѣданіи совѣта профессоръ Лунинъ сцѣпился съ Артемовскимъ-Гулакомъ и наговорилъ ему такихъ рѣзкихъ, обличительныхъ замѣчаній, что мнѣ показалось страннымъ, какъ Артемовскій-Гулакъ могъ отбиваться отъ него своею обычною, высокопарною риторикою. Наконецъ, замѣтивши мое присутствіе и находя неумѣстнымъ допускать посторонняго свидѣтеля такимъ семейнымъ сценамъ въ ученомъ сословіи, мнѣ велѣли уйти въ другую комнату. Мои письменные отвѣты были признаны удовлетворительными и мнѣ дозволили писать и представить диссертацію на избранную мною самимъ тему. Я избралъ о значеніи уніи въ исторіи западной Руси и весною 1841 года подалъ написанную диссертацію въ факультетъ. Отдавши свое сочиненіе на разсмотрѣніе, я отправилея въ Крымъ для морского купанья, такъ какъ, по совѣту врачей, недавніе изобильные пріемы лекарствъ и усиленная головная работа, по приготвленію къ магистерскому экзамену, требовали поправленія моего здоровья.

Я купался въ Ѳеодосіи, гдѣ испыталъ ужаснѣйшую скуку, тѣмъ болѣе, что въ то время я не могъ найти удобнаго помѣщенія въ городѣ и жилъ въ очень плохой гостинницѣ. Протерпѣвши четыре недѣли, я отправился на южный берегъ верхомъ съ проводникомъ татариномъ, имѣлъ намѣреніе объѣхать весь берегъ до самаго Севастополя, но доѣхавши до Ялты, утомился и поворотилъ назадъ къ Алуштѣ; оттуда ѣздилъ на вершину Чатырдага и, спустившись съ горы, проѣхалъ въ Симферополь, посѣтивши, по указанію моего проводника, истокъ Салгира.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я высокія горы и морскіе берега. Восхожденіе на Чатырдагъ оставило на мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. На вершинѣ горы представился мнѣ поразительный видъ горныхъ вершинъ Яйлы и безбрежной синевы Чернаго моря. Несмотря на то, что день былъ ясный и очень знойный, на вершинѣ Чатырдага меня пробиралъ такой холодный вѣтеръ, что впору было надѣвать теплое платье. Пробывши тамъ нѣсколько часовъ, я сталъ спускаться уже при солнечномъ закатѣ и когда былъ на половинѣ спуска съ горы, небо уже темнѣло. Спускаться

съ Чатырдага для непривычнаго человѣка кажется очень страшно: склона горы невидно сверху внизъ и безпрестанно кажется какъ будто летишь въ пропасть. Потерявши изъ вида своего проводника, я до того пришелъ въ страхъ, что соскочилъ съ лошади и намѣревался сходить пѣшкомъ; лошадь карабкалась по каменной почвѣ такими неровными шагами, что казалось—вотъ упадетъ и я съ нее полечу внизъ; но мой татаринъ, завидя, что̀ со мною дѣлается, подъѣхалъ ко мнѣ, помогъ снова сѣсть на лошадь и успокоилъ меня увѣряя, что крымскія лошади привыкли, какъ кошки, лазить по горамъ и никогда не сбросятъ сѣдока. Въ темнотѣ съѣзжать было безстрашнѣе, потому что глазъ не видѣлъ предъ собою мнимой пропасти. Съѣхавши съ крутизны, приходилось пробираться лѣсомъ, и тутъ новое неудобство: древесныя вѣтви больно стегали меня по лицу. Дорога, ведущая отъ Чатырдага къ Симферополю, пробирается посреди высокихъ горъ, затѣйливо поросшихъ кустарниками и деревьями. На дорогѣ встрѣчались фонтаны, устроенные благочестивыми мусульманами, такъ какъ вообще, по мусульманской вѣрѣ, постройка фонтана на дорогѣ считается богоугоднымъ дѣломъ. Изъ Симферополя я съѣздилъ въ Бахчисарай, обозрѣлъ тамошній дворецъ, который тогда содержался бережно и красиво; комнаты были меблированы въ восточномъ вкусѣ; меня въ особенности плѣнилъ огромный залъ съ тремя фонтанами, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитый фонтанъ слезъ, воспѣтый Пушкинымъ. Рядомъ съ этимъ заломъ—павильонъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ съ большимъ фонтаномъ посрединѣ, а изъ павильона—выходъ къ каменному бассейну, куда втекала чрезвычайно холодная вода изъ двухъ фонтановъ, устроенныхъ одинъ противъ другого на противоположныхъ краяхъ бассейна. Вся стѣна около этого бассейна покрыта вьющимся виноградомъ, а по берегу бассейна посажены мирты. Я съ удовольствіемъ выкупался въ этомъ бассейнѣ, бывшемъ нѣкогда ханскою купальнею. Въ Бахчисараѣ я познакомился съ однимъ грекомъ, занимавшимъ должность учителя и смотрителя въ уѣздномъ училищѣ, и вмѣстѣ съ нимъ совершилъ путешествіе верхомъ въ Чуфутъ-Кале. Двухдневное пребываніе въ Бахчисараѣ оставило слѣды въ моей литературной дѣятельности: я написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, изъ которыхъ два: «До Марьи Потоцькій» и «Аглаэ-Чесме» напечатаны были (?) въ «Молодикѣ» Бецкаго.

Воротившись снова въ Симферополь, я поѣхалъ оттуда въ Керчь. Здѣсь я съ любопытствомъ осматривалъ воспорскія могилы и музей, въ которомъ въ то время хранилось множество древностей, впослѣдствіи пересланныхъ въ императорскій Эрмитажъ. Керченскія

могилы и найденные въ нихъ остатки сильно заняли мое воображеніе: я написалъ по-малорусски стихотвореніе, напечатанное впослѣдствіи въ «Молодикѣ» Бецкаго [1]). Я изобразилъ блуждающую тѣнь одного изъ воспорскихъ царей, котораго прахъ выбросили изъ могилы древлеискатели, и тѣнь не находитъ себѣ покоя, что̀ представлено сообразно извѣстному античскому вѣрованію о безпокойномъ блужданіи умершихъ, лишенныхъ погребенія. Случайно познакомившись въ Керчи съ тамошними обывателями, я услыхалъ возмутительныя вещи о злоупотребленіяхъ, совершавшихся при раскопкѣ керченскихъ кургановъ. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что, раскопавши «золотой курганъ», но не выбравши изъ него всѣхъ вещей, оставили на ночь безъ караула, и толпа жителей, провѣдавши это, бросилась туда и разграбила сокровища, которыхъ не успѣли прежде вынести археологи. Говорили, что послѣ іудеи продавали обломки украшеній, куски разрубленнаго золотого царскаго скипетра и множество золотыхъ монетъ. Кромѣ того, о самыхъ археологахъ, раскапавывшихъ курганы, ходили неодобрительные отзывы. Говорили, будто бы они утаивали найденныя въ курганахъ драгоцѣнности и тайно продавали ихъ англичанамъ.

Изъ Керчи я поплылъ пароходомъ до Таганрога, гдѣ оставались мои лошади, и поѣхалъ сухопутьемъ въ свое имѣніе, изъ котораго скоро опять выѣхалъ въ Харьковъ. По пріѣздѣ въ Харьковъ я узналъ, что моя диссертація утверждена факультетомъ, но не всѣми ея членами. Ее не нашли достойною Артемовскій-Гулакъ и профессоръ Протопоповъ. Первый изъ нихъ находилъ, что самое заглавіе ея, по близости къ современнымъ событіямъ, не должно служить предметомъ для ученой диссертаціи; но какъ большинство членовъ утвердило ее, то она была признана, и я началъ ее печатать. Въ это время я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, также какъ и я преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы; это были: Корсунъ, молодой человѣкъ, воспитанникъ харьковскаго университета, родомъ изъ Таганрога, сынъ довольно зажиточнаго помѣщика;— Петренко, бѣдный студентъ, уроженецъ изюмскаго уѣзда, молодой человѣкъ меланхолическаго характера, въ своихъ стихахъ всегда почти обращавшійся къ мѣсту своей родины, къ своимъ семейнымъ отношеніямъ; Щоголевъ, студентъ университета, молодой человѣкъ съ большимъ поэтическимъ талантомъ, къ сожалѣнію рано испарившимся; его живое воображеніе чаще всего

---

[1]) Пантикапея.

уносилось въ старую козацкую жизнь; Кореницкій, сельскій дьяконъ: въ его стихотворной поэмѣ «Вечерници» замѣтна сильная склонность къ сатирѣ и вліяніе «Энеиды» Котляревскаго; самое его произведеніе написано тѣмъ же размѣромъ и складомъ, какъ «Энеида»; — наконецъ семинаристъ Писаревскій, сынъ священника, уже писавшаго по-малорусски и издавшаго драму «Купала на Ивана»: этотъ молодой человѣкъ владѣлъ хорошо языкомъ, стихъ его былъ правиленъ и звученъ, но большого творческаго таланта онъ не показывалъ. Корсунъ затѣялъ изданіе малорусскаго сборника («Снипъ») и наполнилъ его стихами, какъ собственными, такъ и своихъ сотрудниковъ; самому издателю принадлежали стихотворные разсказы, взятые изъ народнаго вымысла о хожденіи Христа съ апостоломъ Петромъ по свѣту и о разныхъ приключеніяхъ, происходившихъ съ ними; разсказы переданы вѣрно, но цензура не дозволила печатать именъ Христа и апостола Петра, и Корсунъ долженъ былъ замѣнить ихъ именами «Билбога и Юрка». Я помѣстилъ тамъ переводъ нѣсколькихъ еврейскихъ мелодій Байрона и трагедію «Переяславська ничь», написанную пятистопнымъ ямбомъ безъ риѳмъ, не разбивая на дѣйствія, со введеніемъ хора, что придавало ей видъ подражанія древней греческой трагедіи. Сюжетъ трагедіи взятъ изъ эпохи Хмельницкаго при самомъ началѣ его возстанія, но мнѣ значительно повредило довѣріе, оказанное такимъ мутнымъ источникамъ, какъ «Исторія Руссовъ» Конисскаго и «Запорожская Старина» Срезневскаго; кромѣ того я уклонился отъ строгой сообразности съ условіями вѣка, который взялся изображать и впалъ въ напыщенность и идеальность, развивши въ себѣ послѣднюю подъ вліяніемъ Шиллера. Вслѣдъ затѣмъ явился другой дѣятель по части возрождающейся малорусской словесности: то былъ нѣкто Бецкій, пріѣхавшій въ Харьковъ изъ Москвы. Онъ началъ готовить сборникъ, который предполагалъ наполнить статьями, писанными по-малорусски, или относящимися къ Малороссіи. Познакомившись со мною, онъ заявилъ доброе желаніе собрать воедино разсѣянныя силы духовныхъ дѣятелей и направить ихъ къ тому, что̀ имѣло бы мѣстный этнографическій и историческій интересъ. Я обрадовался такому появленію, видя въ этомъ зарю того литературнаго возрожденія, которое давно уже стало моею любимою мечтою. Въ это время я познакомился, съ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Квиткою и сталъ довольно часто ѣздить къ нему въ село Основу, вблизи Харькова, гдѣ онъ жилъ въ имѣніи своего брата сенатора, занимая небольшой домикъ, стоявшій отдѣльно отъ господскихъ построекъ. Я очень полюбилъ этого старика, ис-

кренним сердцемъ любившаго свою народность; равнымъ образомъ его жена сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе: она не была уроженкой Малороссіи, но отзывалась не иначе какъ съ большою любовью обо всемъ малорусскомъ. Иногда я ѣздилъ къ нему съ Бецкимъ, иногда съ Корсуномъ. То было время самаго большого развитія таланта Квитки, поступившаго въ малорусскіе писатели уже около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія. Кромѣ повѣстей, изданныхъ въ двухъ частяхъ, онъ готовилъ къ печати третью часть, гдѣ, какъ и въ первыхъ двухъ, предполагалось помѣстить три повѣсти. Одна изъ этихъ предполагаемыхъ повѣстей «Сердешна Оксанна» явилась въ альманахѣ «Ластивка» напечатанная Гребенкою въ Петербургѣ; другая—«Покоти-поле» отдана была Бецкому, и третья—«Божьи Дити», напечатана въ переводѣ въ «Современникѣ», а по-малорусски никогда не выходила. Кромѣ того у Квитки была въ то время въ рукописи большая повѣсть «Щира Любовь», изъ которой онъ составилъ драматическое произведеніе, игранное на харьковскомъ театрѣ и напечатанное въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Квитки. Была у него шуточная комедія подъ названіемъ «Бой-жинка», которой содержаніе взято имъ изъ народной сказки и состоитъ въ томъ, что жена дурачитъ и проводитъ ревниваго и глуповатаго мужа. Пьеса эта, какъ и «Щира Любовь», игралась когда-то на харьковскомъ театрѣ, но большого успѣха не имѣла.

Независимо отъ этого круга украинскихъ дѣятелей, я имѣлъ кругъ другихъ близкихъ знакомыхъ. И. И. Срезневскаго долго не было въ Харьковѣ; онъ былъ за-границею, куда отправился для изученія словянскихъ языковъ; изъ другихъ близкихъ со мною личностей, принадлежавшихъ къ университетскому кругу, я вспомню профессора Александра Петровича Рославскаго-Петровскаго, съ которымъ я проживалъ нѣсколько лѣтъ на одной квартирѣ и держалъ съ нимъ общій столъ. Въ то время онъ читалъ статистику, уже послѣ моего отъѣзда изъ Харькова взялся за исторію, былъ нѣсколько времени ректоромъ и скончался не въ очень старыхъ лѣтахъ. Это былъ человѣкъ съ большою начитанностью, огромною памятью, но лѣнивый, разсѣянный и преданный карточной игрѣ, за-то очень добросовѣстный и правдивый. А. Л. Метлинскій читалъ въ то время русскую словесность; онъ былъ очень трудолюбивъ, но не талантливъ и притомъ болѣзненъ, страдалъ грудью и говорилъ тихо и вяло. Какъ профессоръ онъ не пользовался большимъ уваженіемъ. Прежде постоянно спорившій со мною противу моихъ идей объ украинской литературѣ, онъ, наконецъ, поддался той же идеѣ, сталъ писать малорусскіе

стихи и напечаталъ ихъ подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, назвавши свой сборникъ: «Думки и писни, та еще де що». Стихи его казались хорошими, плавными, но творческаго таланта за нимъ не признавали. Къ такимъ же близкимъ знакомымъ надобно причислить Поликарпа Васильевича Тихоновича, бывшаго тогда учителемъ латинскаго языка въ первой гимназіи, человѣка трудолюбиваго, отлично знающаго какъ латинскую, такъ и греческую словесность и превосходнаго педагога. Послѣдній, хотя былъ со мною постоянно друженъ, но оставался совершенно холоденъ къ украинской народности и, занятый своимъ античскимъ міромъ, какъ будто ни во что̀ не ставилъ все современное. Это былъ классикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ въ университетѣ и въ настоящее время занимаетъ должность директора той гимназіи, въ которой началъ свое учительство.

Въ 1842 году, въ то время, какъ я готовилъ кое-что для Бецкаго въ предполагаемый сборникъ, печаталась моя диссертація и на шестой недѣлѣ поста, назначено было ея защищеніе. Въ это же время перевели куда-то харьковскаго архіепископа Смарагда, и вмѣсто него прибылъ въ Харьковъ архіеремъ знаменитый духовный ораторъ Иннокентій Борисовъ. Ко мнѣ пріѣзжаетъ деканъ историко-филологическаго факультета Валицкій и сообщаетъ что Иннокентій, узнавши о моей диссертаціи, выразилъ какое-то неудовольствіе и неодобреніе; затѣмъ Валицкій совѣтуетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ архіерею, поднести ему экземпляръ моей диссертаціи и въ разговорѣ провѣдать, въ чемъ состоитъ его недовольство. Мы поѣхали. Иннокентій сказалъ, что уже читалъ ее и замѣтилъ нѣсколько мѣстъ, о которыхъ можетъ сказать, что лучше было бы, еслибы ихъ не было. На одно мѣсто указалъ онъ, гдѣ о спорѣ константинопольскаго патріарха съ папою было сказано, что властолюбіе іерарховъ посѣяло вражду и раздвоеніе въ миролюбивой церкви Христовой. Это показалось архіерею несправедливымъ; о папѣ можно такъ говорить, но о патріархѣ не слѣдуетъ. Въ другомъ мѣстѣ его непріятно задѣло то, что я напомнилъ о безнравственности духовенства въ западной Руси предъ уніей, о тяжелыхъ поборахъ, которые бралъ съ русскихъ константинопольскій патріархъ; наконецъ не понравилось ему и то, что я выразился, что унія принесла отрицательную пользу православію именно потому, что возбудила противъ себя оппозицію, которая произвела Петра Могилу и всю его преобразовательную реформу. Я началъ доказывать историческую справедливость моихъ мнѣній, а Валицкій спросилъ Иннокентія, какъ

понимать его возраженія, въ цензурномъ или же только въ ученомъ смыслѣ. Иннокентій сказалъ, что единственно въ ученомъ, а никакъ не въ цензурномъ. Тогда, отвѣчалъ Валицкій, дефенденту предоставляется защищать свои положенія на каѳедрѣ во время защиты. Тѣмъ и кончилось первое свиданіе. Иннокентій, увидѣвши меня потомъ въ церкви, пригласилъ меня къ себѣ и началъ толковать снова, совѣтуя мнѣ послѣ защищенія диссертаціи ѣхать въ Петербургъ и посвятить свои труды на болѣе дѣльную и ученую разработку вопроса объ уніи. Я сказалъ, что намѣренъ заниматься другимъ, но съ той поры сталъ бывать у архіерея, который вообще былъ человѣкъ разносторонне образованный и очень пріятный въ бесѣдѣ, не говоря уже о его проповѣднической дѣятельности, которая, съ его пріѣзда, вдругъ оживила Харьковъ. Толпы публики всякаго званія и воспитанія стекались въ церковь къ его служенію и я также не упускалъ случая слушать его проповѣди, произносимыя съ признаками большого таланта.

Между тѣмъ наступалъ день защищенія моей диссертаціи. Наканунѣ этого дня является прибитое къ стѣнамъ университета объявленіе, въ которомъ говорится, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ защищеніе диссертаціи Костомарова отлагается на неопредѣленное время. Деканъ факультета, на мой вопросъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, будто Иннокентій написалъ какую-то бумагу помощнику попечителя, въ которой предлагаетъ остановить мое защищеніе до сношенія съ министромъ. Такъ какъ тогдашній попечитель графъ Головкинъ былъ очень старъ и не занимался дѣлами, то все управленіе дѣлами округа находилось въ рукахъ его помощника князя Цертелева. Я отправился къ нему и узналъ, что дѣйствительно Иннокентій сдѣлалъ такое заявленіе. Я обратился къ Иннокентію. Архіерей сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ противъ меня ничего въ цензурномъ отношеніи, а только готовится оспаривать меня ученымъ образомъ. Я видѣлъ въ словахъ архіерея скрытность. Прошло между тѣмъ болѣе мѣсяца; меня извѣстили, что министръ народнаго просвѣщенія, которымъ былъ тогда графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, прислалъ написанный профессоромъ Устряловымъ разборъ моей диссертаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ уничтожить всѣ экземпляры, которые были напечатаны, а мнѣ дозволить писать иную диссертацію. Такъ какъ кромѣ профессоровъ и короткихъ знакомыхъ, я не успѣлъ ее пустить въ публичную продажу, то мнѣ поручили самому объѣздить всѣхъ тѣхъ, у кого находилась или могла найтись моя диссертація, отобрать всѣ экземпляры и представить въ совѣтъ

университета для сожженія. Все это я сдѣлалъ; но большая часть профессоровъ, къ которымъ я ѣздилъ, отговорились неимѣніемъ у себя экземпляровъ подъ разными предлогами и вмѣсто ста экземпляровъ, которые были розданы, мнѣ удалось возвратить въ правленіе менѣе двадцати. Всѣ возвращенные были преданы огню. Я былъ въ полной увѣренности, что все это дѣло |Иннокентія и въ такой увѣренности оставался очень долго; въ Петербургѣ же въ шестидесятыхъ годахъ мнѣ говорили занимавшіеся архивными дѣлами въ министерствѣ Уварова, что не Иннокентій былъ причиною сожженія моей диссертаціи, а одинъ изъ харьковскихъ профессоровъ, пославшій на меня извѣтъ министру. Однако изъ біографіи Иннокентія, напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1878 года, оказывается главное участіе преосвященнаго Иннокентія въ тогдашнемъ задержаніи моей диссертаціи. Будучи въ то время убѣжденнымъ въ виновности Иннокентія, я однако не прекратилъ съ нимъ знакомства; онъ говорилъ мнѣ, что ни мало не причастенъ въ этомъ дѣлѣ, былъ со мною постоянно ласковъ и приглашалъ къ себѣ. Такъ было до моего выѣзда изъ Харькова.

Мнѣ позволили писать новую диссертацію и я выбралъ тему: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Предметъ этотъ былъ давно уже близокъ моему сердцу; уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно. Теперь-то я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способомъ выраженія мыслей и чувствованій. Я подалъ свою тему въ факультетъ и тотчасъ встрѣтилъ неодобрительныя отношенія къ ней нѣкоторыхъ лицъ. Профессоръ философіи Протопоповъ первый не одобрилъ ее и находилъ, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени; но всего страннѣе покажется, что противъ этой темы былъ и Артемовскій-Гулакъ, несмотря на то, что по правдѣ считался лучшимъ знатокомъ малорусской народности, какъ это и доказывали его собственныя малорусскія сочиненія. Онъ писалъ ихъ еще въ молодости, въ концѣ 20-хъ годовъ, а потомъ совершенно оставилъ этотъ родъ занятій до глубокой старости, когда опять написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, но уже съ меньшими признаками таланта. Однимъ изъ превосходнѣйшихъ его малорусскихъ произведеній была басня «Панъ та собака», явно обличавшая темныя стороны тогдашняго крѣпостного права. По поводу этого сочиненія, кто-то, желая подсмѣяться надъ нимъ,

какъ бы въ пародію того, что говорилось нѣкогда о Херасковѣ по поводу его поэмъ, написалъ такое четверостишіе:

„Пускай въ Зоилѣ сердце поетъ,
Но Гулаку оно вреда не нанесетъ,
Рябко его хвостомъ покроетъ
И въ храмъ безсмертія введетъ“.

Написанное въ насмѣшку, мимо желанія автора насмѣшки, сдѣлалось лучшею оцѣнкою и похвалою поэтическаго таланта Гулака-Артемовскаго. Старавшись цѣлый вѣкъ играть какую-нибудь роль, какъ профессоръ русской исторіи, какъ ректоръ университета и какъ попечитель двухъ женскихъ институтовъ — онъ не достигъ своей цѣли: онъ не пріобрѣлъ ни знаменитости, ни памяти потомства на этомъ поприщѣ, но остался безсмертенъ какъ народный малорусскій поэтъ; никто не превзошелъ его въ знаніи всѣхъ изгибовъ малорусской народности и въ неподражаемомъ искуствѣ передавать ихъ поэтическими образами и превосходнымъ народнымъ языкомъ. А между тѣмъ во всю свою жизнь онъ и не подозрѣвалъ—въ чемъ дѣйствительно могъ быть онъ выше всѣхъ и пріобрѣсти знаменитость какъ литераторъ! Свои малорусскія стихотворенія писалъ онъ ради шутки и считалъ ихъ не болѣе какъ шуткою. Артемовскій-Гулакъ, какъ поэтъ и человѣкъ, былъ иное лицо, чѣмъ профессоръ. Вѣрный старымъ предразсудкамъ, онъ не понималъ, что исторія, какъ наука, обязана заниматься болѣе народною жизнью, чѣмъ внѣшними событіями. Протестъ Артемовскаго-Гулака былъ, однако, не настойчивъ и когда я подалъ свою диссертацію уже написанную, онъ былъ въ числѣ утвердившихъ ее. Профессоръ Протопоповъ, напротивъ, продолжалъ оставаться при прежнемъ взглядѣ и выразился, что считаетъ даже неприличнымъ ходить на защищеніе такой диссертаціи.

Съ цѣлью увеличить средства къ жизни, которыя оказывались недостаточными отъ присылокъ изъ материнскаго имѣнія, я началъ искать себѣ службы и опредѣлился въ должность помощника инспектора студентовъ въ харьковскомъ университетѣ. Помощниковъ было пять и мнѣ приходилось не болѣе одного раза въ недѣлю ходить на дежурство въ корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ и пробывать тамъ цѣлыя сутки, отъ утра одного дня до утра другого; все остальное время я употреблялъ на писаніе своей диссертаціи. Въ это время я квартировалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Рославскимъ-Петровскимъ въ домѣ Альбовской, недалеко отъ театра; но квартира моя, находясь въ нижнемъ этажѣ, оказалась сырою и нездоровою; тѣмъ не менѣе я пробылъ въ ней всю осень

и зиму. При этомъ я считаю нелишнимъ вспомнить о тогдашнемъ театрѣ въ Харьковѣ. Еще ранѣе, до 1840 года, театръ помѣщался въ деревянномъ зданіи, на длинной площади, носившей названіе Театральной. Труппу содержалъ сначала Штейнъ, а потомъ передалъ ее Млотковскому. Съ 1840 года театръ сталъ помѣщаться во вновь отстроенномъ каменномъ зданіи, на другомъ концѣ той же площади и находился подъ завѣдываніемъ дирекціи. Во все продолженіе времени пребыванія моего въ Харьковѣ я довольно часто посѣщалъ спектакли, а во время моей службы помощникомъ инспектора, даже по обязанности долженъ былъ часто бывать въ нихъ. Харьковскій театръ во всѣ извѣстные мнѣ годы не лишенъ былъ появлявшихся на его сценѣ болѣе или менѣе даровитыхъ актеровъ и актрисъ. Между ними стóитъ вспомнить Млотковскую, прекрасно игравшую въ комедіяхъ и водевиляхъ, но иногда не безъ успѣха бравшуюся и за драматическія роли. Соленикъ былъ артистъ, который занималъ бы блестящее мѣсто и на столичной сценѣ и держался въ Харьковѣ единственно потому, что былъ харьковскій домовладѣлецъ и вступилъ на сцену изъ любви къ искуству. Онъ былъ превосходенъ во всякихъ комическихъ роляхъ и нѣсколько напоминалъ московскаго Шумскаго, появившагося на сценѣ въ болѣе позднее время. Не лишенъ былъ дарованія и Домбровскій, также комическій актеръ, особенно отличавшійся въ малорусскихъ роляхъ. Надобно отдать честь режиссерамъ харьковской сцены, что пьесы, назначаемыя для представленій, брались большею частію сообразно мѣстнымъ условіямъ театра; не рѣшались представлять того, что, по средствамъ театра, трудно было поставить надлежащимъ образомъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ провинціальныхъ театрахъ другихъ городовъ, гдѣ нипочемъ казалось угощать публику такими спектаклями, которые и по декораціямъ, и по музыкѣ, и наконецъ по костюмамъ и искуству артистовъ не подходили къ провинціальной сценѣ.

Весною 1843 года моя диссертація была готова и подана на факультетъ. Тогда же Бецкій выпустилъ въ свѣтъ одну за другою три книжки своего «Молодика». Первая изъ нихъ заключала въ себѣ беллетристическія сочиненія, стихотворныя и прозаическія, на русскомъ языкѣ; тамъ я не помѣстилъ ничего. Вторая вмѣщала въ себѣ исключительно сочиненія въ стихахъ и прозѣ на малорусскомъ языкѣ; здѣсь помѣстилъ я свои стихотворенія, написанныя въ Крыму, и переводъ нѣсколькихъ пьесъ изъ старочешской Краледворской рукописи. Третья, на которой означенъ былъ уже 1844 годъ, посвящена была русскимъ статьямъ, относящимся къ исторіи и этнографіи Малороссіи; здѣсь появились мои первые

историческіе опыты, касавшіеся прошедшей судьбы Малороссіи: описаніе возстанія Нанивайка и біографическій очеркъ фамиліи князей Острожскихъ.

Находя, наконецъ, для себя нездоровымъ оставаться въ сырой квартирѣ, я разстался съ Рославскимъ и нанялъ себѣ квартиру за Лопанью, въ домѣ одной священнической вдовы, недалеко церкви Благовѣщенія. Это была моя послѣдняя квартира въ Харьковѣ и самая лучшая; я занималъ двѣ свѣтлыхъ комнаты во дворѣ, засаженномъ большими деревьями, при фруктовомъ садѣ, за которымъ начинался лугъ. Это былъ конецъ города. Въ это же время я вынужденъ былъ подать въ отставку изъ должности помощника инспектора, къ которой не чувствовалъ ни способностей, ни расположенія. Задумавши жениться на гувернанткѣ въ домѣ г-жи Тизенгаузъ, я вызвалъ на дуэль моего соперника, отбившаго у меня невѣсту и затѣмъ покинувшаго эту дѣвицу: понятно, что такому пылкому господину не сочли возможнымъ довѣрять наблюденіе за студентами. Я занялся преподаваніемъ исторіи въ мужскомъ пансіонѣ Зимницкаго, а между тѣмъ тогда же мнѣ явилась мысль писать исторію эпохи Богдана Хмельницкаго. Въ маѣ 1843 года я началъ работать надъ нею. Харьковъ не представлялъ богатыхъ источниковъ для такого труда, и я принужденъ былъ ограничиваться печатными польскими, русскими и латинскими сочиненіями, но уже случайно пріобрѣлъ и нѣсколько рукописныхъ. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, Сементовскій, сообщилъ мнѣ Грабянкину лѣтопись въ двухъ частяхъ: первая, называвшаяся «Исторія о презѣльной брани», заключала въ себѣ повѣствованіе о войнахъ Хмельницкаго до его кончины,—вторая начиналась гетманствомъ Выговскаго и велась до 1721 года. Замѣтно было, что эти двѣ части составлены были различными лицами, да и въ лѣтописи, которая мнѣ досталась, вторая часть была писана иною рукою, чѣмъ первая. Списки принадлежали, какъ показывалъ почеркъ, къ первой половинѣ XVIII вѣка. Учитель второй гимназіи Третьяковъ, бывшій мой товарищъ, удѣлилъ мнѣ другую лѣтопись, также въ спискѣ XVIII вѣка; то былъ Самовидецъ. Затѣмъ я получилъ нѣсколько рукописныхъ источниковъ отъ И. И. Срезневскаго; то были тѣ, которыя впослѣдствіи Бодянскій напечаталъ въ «Чтеніяхъ», именно: Симоновскій, Зарульскій и повѣсть «Еже содѣяся», или сказаніе о гетманахъ малорусскихъ до Богдана Хмельницкаго; наконецъ большое сочиненіе Ригельмана, которое также впослѣдствіи появилось въ печати въ Чтеніяхъ: «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи». Въ библіотекѣ харьковскаго университета я на-

шелъ также нѣсколько рукописныхъ лѣтописей и одинъ рукописный сборникъ актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Отъ моего знакомаго Варзина я досталъ списокъ Конисскаго. Съ такимъ незначительнымъ запасомъ источниковъ, принялся я писать своего Богдана Хмельницкаго. Работа увлекала меня въ сильной степени и, вспоминая это время, я могу назвать его однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни. По временамъ, я прочитывалъ написанныя части моего сочиненія своимъ знакомымъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ И. И. Срезневскій, воротившійся изъ за-границы и вступившій тогда на каѳедру словянскихъ нарѣчій. Такъ прожилъ я до конца 1843 года. Диссертація моя была разсмотрѣна, одобрена и зимою напечатана. По ея поводу я сошелся съ профессоромъ Лунинымъ: хотя прежде я часто слушалъ его на лекціяхъ и глубоко уважалъ, но домашнимъ образомъ не былъ съ нимъ знакомъ. Теперь меня свело съ нимъ то, что моя диссертація ему особенно понравилась и онъ вполнѣ сочувствовалъ моей мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи. Какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, онъ способенъ былъ смотрѣть шире другихъ ученыхъ мужей стараго закала.

День защищенія моей диссертаціи назначенъ былъ 13 января 1844 года. Моими оппонентами были профессоры: Якимовъ и Срезневскій. Якимовъ, вырвавши изъ моей диссертаціи два пѣсенныхъ стиха, потребовалъ отъ меня доказать, что здѣсь есть какая нибудь поэзія [1]). Прежде чѣмъ я собрался отвѣчать ему, Лунинъ засмѣялся и сказалъ: «это все равно, еслибы разсѣчь человѣка по частямъ и потребовать, чтобы показали, гдѣ у него душа; ни въ ногѣ, ни въ рукѣ, ни въ ухѣ, ни въ носу нѣтъ души, а весь человѣкъ живой—съ душою». Въ концѣ защищенія прибылъ преосвященный Иннокентій, вмѣшался въ споръ и началъ приводить сравненія народной поэзіи вообще съ библіею; но Артемовскій-Гулакъ, бывшій ректоромъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: «ваше преосвященство! евреи были народъ, состоявшій подъ особымъ покровительствомъ божіимъ, а потому мы о немъ и его поэтическихъ произведеніяхъ касаться считаемъ неумѣстнымъ». Послѣ офиціальныхъ диспутовъ, профессоръ ботаники Черняевъ вступилъ въ толкованіе названія растеній, которыя встрѣчались въ моемъ сочиненіи въ качествѣ народныхъ символовъ, но ректоръ замѣтилъ, что диссертація моя не по предмету ботаники и вдаваться собственно въ ботаническія пренія здѣсь неумѣстно.

---

[1]) Посію я василечки—буду поливати,
Ходи, ходи Василечку—буду привитати.

По окончаніи защищенія меня провозгласили получившимъ степень магистра историческихъ наукъ.

Пущенная въ публику моя диссертація получила сочувственный отзывъ только въ одномъ «Москвитянинѣ», въ статьѣ, написанной Срезневскимъ; въ другихъ журналахъ: «Библіотекѣ для чтенія» и «Отечественныхъ запискахъ» ее приняли не такъ ласково. Въ «Библіотекѣ для чтенія», которою заправлялъ тогда Сенковскій, мои мнѣнія о важности народной поэзіи для историка подали только возможность поглумиться и позабавиться надъ моею книгою; въ «Отечественныхъ запискахъ» перо знаменитаго тогда Бѣлинскаго выразилось, что народная поэзія есть такой предметъ, которымъ можетъ заниматься только тотъ, кто не въ состояніи или не хочетъ заняться чѣмъ нибудь дѣльнѣе. Видно было, что знаменитый и впослѣдствіи такъ прославленный русскій критикъ не въ состояніи былъ видѣть важности народной поэзіи,—важности, въ наше время уже безусловно признанной наукою. Впрочемъ замѣчательно, что тотъ же Бѣлинскій, еще въ 1839 году разбирая въ «Отечественныхъ запискахъ» моего «Саву Чалаго» и «Украинскія баллады», отнесся обо мнѣ совсѣмъ иначе и призналъ за мною несомнѣнный талантъ.

III.

Учительство и профессура въ Кіевѣ.

Послѣ защищенія диссертаціи я нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ оставаться въ Харьковѣ и занимался обработкою исторіи Богдана Хмельницкаго. Это занятіе, увлекая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія, и съ этою цѣлью я обратился къ князю Цертелеву съ просьбою написать кіевскому попечителю о моемъ желаніи получить мѣсто въ кіевскомъ учебномъ округѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ прописать главную ученую цѣль этого желанія. По такой просьбѣ, въ концѣ сентября 1844 года, князь Цертелевъ извѣстилъ меня, что кіевскій попечитель предлагаетъ мнѣ взять на первыхъ порахъ должность учителя исторіи въ ровенской гимназіи и для этого предоставляетъ мнѣ пріѣхать въ Кіевъ. Я тотчасъ списался съ матерью, извѣстилъ ее, что черезъ двѣ недѣли уѣду въ Кіевъ; мать моя поспѣшила пріѣхать въ Харьковъ. 7 октября вечеромъ я выѣхалъ изъ Харькова на почтовыхъ, провожаемый матерью и толпою харьковскихъ знакомыхъ, изъявлявшихъ мнѣ желаніе найти счастіе въ иномъ краѣ.

По прибытіи въ Кіевъ явился я къ попечителю Давыдову, но тотъ, на мое объясненіе о приглашеніи меня, сказалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ и поручилъ обратиться къ его помощнику Юзефовичу. Я отправился къ послѣднему. Онъ принялъ меня радушно, говорилъ, что читалъ мою диссертацію, наговорилъ по ея поводу множество комплиментовъ и подтвердилъ о назначеніи меня учителемъ гимназіи въ Ровно, гдѣ свободное отъ преподаванія время я могу посвятить на обзоръ историческихъ мѣстностей и памятниковъ мѣстной исторіи. Во время моего посѣщенія входитъ молодой человѣкъ, котораго Юзефовичъ знакомитъ со мною. То былъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Разговоръ зашелъ объ источникахъ малорусской исторіи, и мы обоюдно съ удовольствіемъ узнали, что намъ обоимъ были знакомы одни и тѣ же источники. Выходя отъ Юзефовича вмѣстѣ съ Кулишомъ, я отправился въ соборную церковь св. Софіи и осматривалъ ее съ большимъ любопытствомъ; въ то время она еще не была реставрирована, старыя фрески не были открыты, а стѣны ея были испещрены живописью на штукатуркѣ, которую впослѣдствіи ободрали; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начато было открытіе фресковъ; правая лѣстница на хоры со стѣнными изображеніями старинной княжеской жизни не была вовсе открыта для публики. Походивши въ Софіевскомъ соборѣ, я отправился къ Кулишу, который занималъ тогда должность смотрителя уѣзднаго училища на Подолѣ. Когда мы заговорили о собраніи пѣсенъ, Кулишъ вынулъ огромный ворохъ бумагъ: то было его собраніе народныхъ пѣсенъ. Самъ я, въ ожиданіи подорожней и подъемныхъ денегъ для слѣдованія въ Ровно, поселился на Подолѣ у какого-то мѣщанина, неподалеку отъ Братства. Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Кулишомъ почти каждый день; мы ходили съ нимъ по Кіеву и осматривали разныя кіевскія достопримѣчательности; онъ же познакомилъ меня съ М. А. Максимовичемъ, жившемъ на Старомъ городѣ, близъ упраздненной нынѣ церкви св. Троицы, занимая небольшой деревянный домикъ съ садомъ.

Припоминая тогдашнее мое обозрѣніе Кіева, я не могу безъ удивленія не замѣтить, какую разницу представлялъ этотъ городъ въ то время съ тѣмъ видомъ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время. Печерскъ былъ центромъ торговой дѣятельности; въ той мѣстности, которая теперь вошла въ крѣпость, были ряды лавокъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикою; университетъ стоялъ почти въ полѣ, посреди неудобопроходимыхъ бугровъ и песчаныхъ насыпей; Старый городъ былъ немощенъ, усѣянъ некрасивыми мазанками и лачугами и кромѣ того представлялъ большіе

пустыри; Крещатикъ не имѣлъ тогда ни магазиновъ, ни лавокъ, ни отелей. Большая часть построекъ была деревянная, мостовой совсѣмъ не было, въ сырое время была тамъ большая грязь и слякоть. Набережной по Днѣпру вовсе не было; берегъ его отъ Подола подъ горою былъ буквально непроходимъ и я, затѣявши пойти по берегу съ Подола, съ намѣреніемъ добраться до Лавры, принужденъ былъ воротиться, за невозможностію идти по косогору, особенно въ дождливое осеннее время. Городъ плохо освѣщался, такъ что ходить ночью было истиннымъ наказаніемъ. Мнѣ, пріѣхавшему изъ Харькова, Кіевъ показался, какъ городъ, гораздо хуже послѣдняго.

Пробывши въ Кіевѣ дней десять и получивъ третное жалованье не въ зачетъ, я отправился въ Ровно. Дорога шла посреди дремучихъ лѣсовъ; погода была все время необыкновенно дождлива: отъ Кіева до Ровно я не видалъ солнца и платье мое не обсыхало; не смотря на то, я остановился въ Корцѣ, гдѣ обозрѣлъ развалины стараго зáмка,—потомъ былъ въ Острогѣ. Здѣсь я ходилъ въ развалины іезуитскаго монастыря, сходилъ въ двойное подземелье и видѣлъ тамъ множество разбросанныхъ скелетовъ; нѣкоторые удивительно сохранили на себѣ кожу и засохшее тѣло. Квартировавшіе въ Острогѣ солдаты ходили въ эти развалины и обдирали съ мертвецовъ платье, отдавая его своимъ женамъ на одежду. Затѣмъ я посѣтилъ капуцинскій монастырь, который не дошелъ еще до такихъ развалинъ, какъ іезуитскій. Монахи были удалены изъ него недавно; костелъ оставался съ деревянною утварью, образами и лавками, хотя служить въ немъ уже было некому; я засталъ въ срединѣ его прогуливающагося въ шапкѣ іудея, который оказался снимавшимъ отъ казны монастырскій садъ, и здѣсь я спускался въ погребъ, служившій нѣкогда усыпальницею. Вошедшій туда прежде меня солдатъ, отбивалъ одну могилу, замурованную въ стѣнѣ; по надписи видно было, что здѣсь была погребена г-жа Сосновская, умершая въ 1633 году. Солдатъ отбилъ доску и вытащилъ гробъ, открывавшійся съ одной стороны какъ сундукъ: предо мною лежала особа среднихъ лѣтъ въ плотномъ шелковомъ платьѣ вишневаго цвѣта; не прошло и трехъ минутъ, какъ образъ ея измѣнился, разсыпался прахомъ—остался одинъ скелетъ. Шелковое платье удивило меня чрезвычайною плотностію ткани: оно было, по толстотѣ, похоже на драпъ. Изъ капуцинскаго монастыря я отправился на гору, гдѣ стояли развалины православной церкви Богоявленія, а около нея башни, бывшія по оградѣ двора князей Острожскихъ и остатокъ ихъ дома, занимаемый тогда какимъ-то присутственнымъ мѣстомъ.

На церкви не было крыши, и самыя стѣны во многихъ мѣстахъ грозили паденіемъ, такъ что ходить между этими развалинами было не безопасно. На вершинѣ башенъ живописно поросли случайно-насѣявшіяся деревья. Говорили, что подъ холмомъ находятся подземные ходы, но я не нашелъ никого, кто бы меня повелъ туда. Осмотрѣвши Острогъ, я отправился далѣе въ путь и въ тотъ же день ночью прибылъ въ Ровно. Этотъ грязный іудейскій городокъ, гдѣ суждено мнѣ было проживать, съ перваго же вида показался мнѣ очень непривѣтливымъ, особенно при страшной грязи и при совершенномъ отсутствіи наемныхъ лошадей; къ счастію, онъ такъ малъ, что куда бы ни пойти, все не будетъ далеко.

На утро явился я директору Абрамову, будущему моему начальнику, былъ имъ принятъ довольно сухо, хотя и вѣжливо, и принялся искать себѣ квартиры для помѣщенія. Хозяинъ единственной гостинницы, куда я присталъ, порекомендовалъ мнѣ еврея-фактора, а послѣдній извѣстилъ, что можно имѣть квартиру со столомъ у нѣкоего пана Самарскаго, котораго дочь находилась замужемъ за учителемъ гимназіи Епифановичемъ и жила вмѣстѣ съ мужемъ во дворѣ отца. Отправившись съ іудеемъ, я завелъ съ нимъ разговоръ и услышалъ отъ него забавныя свѣденія о его житьѣ-бытьѣ. «Я, говорилъ онъ, былъ богатый торговецъ, торговалъ шелковыми матеріями, да панъ ассессоръ (исправникъ) меня обобралъ до нитки, поймавши въ контрабандѣ; уже два раза я былъ въ передѣлкѣ и послѣ третьяго раза приходилось идти въ Сибирь, поэтому ассессоръ что хотѣлъ, то и могъ съ меня сорвать; съ нами, съ жидами, все такъ поступаютъ: ассессоры слѣдятъ за нами, дадутъ время навозить контрабанды и обогатиться, а потомъ накроютъ и оберутъ; потомъ снова пускаютъ наживаться. а какъ наживемся, они снова накроютъ и снова оберутъ, и такъ мы работаемъ на нихъ». Этотъ іудей довелъ меня къ Самарскимъ. Я нашелъ очень привѣтливыхъ хозяевъ старика и старуху, говорившихъ чистымъ малорусскимъ языкомъ; съ ними въ одномъ дворѣ, только въ другомъ домѣ, жилъ ихъ зять, учитель латинскаго языка. Я нанялъ квартиру, которая поразила меня необыкновенною дешевизною: съ меня взяли десять рублей въ мѣсяцъ за двѣ комнаты со столомъ и стиркою бѣлья. Когда я перебрался въ свое новое помѣщеніе и отправился къ моимъ новымъ хозяевамъ на трапезу, меня поразило обиліе яствъ и радушіе хозяевъ. Каждый разъ было разливное море «старой вудки» и домашней наливки превосходнаго качества; кушанья были приготовлены довольно грубо на салѣ, но въ большомъ изобиліи и изъ хорошаго

матеріала. Такъ началъ я жить изо-дня въ день, посѣщая уроки.

Въ гимназіи было до трехсотъ учениковъ; большинство составляли поляки, или мѣстные уроженцы римско-католическаго исповѣданія, православныхъ было всего тридцать пять человѣкъ, но они, по образу первоначальнаго воспитанія, кромѣ вѣроисповѣданія, ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ. Сверхъ того было нѣсколько учениковъ іудейскаго происхожденія. Большая часть училась хорошо, лѣнтяи составляли незначительное меньшинство, всѣ вели себя благочинно: не происходило никакихъ грязныхъ шалостей, которыми, какъ извѣстно, отличались многія гимназіи въ центрѣ Россіи. Учениковъ польскаго происхожденія, жившихъ въ пансіонѣ или на общихъ квартирахъ, устроенныхъ при гимназіи, обязывали непремѣнно говорить между собою по-русски, но это соблюдалось ими только по нуждѣ и съ явною неохотою. Учителя всѣ были русскіе, исключая нѣмца и француза; большая часть учителей принадлежала къ малоруссамъ лѣвой стороны Днѣпра.

Иногда для развлеченія я ходилъ съ товарищами-учителями играть на билліардѣ въ ресторацію. Изъ учителей я сблизился наиболѣе съ учителемъ латинскаго языка Чуйкевичемъ и математики— Яновскимъ; первый зналъ много малорусскихъ пѣсенъ, и часто приходя ко мнѣ, пѣлъ ихъ, доставляя мнѣ большое удовольствіе, а послѣдній почти каждый день игралъ со мною на билліардѣ. На рождественскихъ святкахъ, сговорившись со священникомъ единственной ровенской церкви Омелянскимъ, я совершилъ въ нѣсколько дней путешествіе по сосѣднимъ мѣстностямъ, извѣстнымъ по исторіи, а именно: посѣтилъ Дерманскій монастырь, въ которомъ проживалъ Отрепьевъ, и Гощу, гдѣ въ XVI вѣкѣ, въ имѣніи Гойскаго былъ главный притонъ аріанской секты съ училищемъ въ духѣ аріанскаго ученія и гдѣ, въ числѣ учениковъ, былъ и нашъ Самозванецъ. Затѣмъ я посѣтилъ Пересопницу, бывшую когда-то удѣльнымъ княженіемъ, Межиричъ и Тайкуры съ развалинами зáмковъ.

Возвратившись въ городъ, я снова принялся за свое педагогическое дѣло, а передъ праздникомъ Пасхи 1845 года предпринялъ новое путешествіе уже подальше. Я нанялъ пару лошадей у еврея; со мной поѣхалъ учитель Маловскій, уроженецъ тамошняго же края и потому знакомый какъ съ мѣстностію, такъ и съ житейскими обычаями. Мы пріѣхали въ Кременецъ въ день великой пятницы. Первымъ дѣломъ моимъ было взойти пѣшкомъ на вершину крутой и высокой горы, гдѣ виднѣлся обвалившійся зáмокъ, приписываемый преданіемъ королевѣ Боннѣ, женѣ короля Сигизмунда 1-го. Всходъ былъ труденъ и утомителенъ. Достигши вершины, я

увидѣлъ великолѣпное зрѣлище раскинутаго у подножія города, а вдали разсыпались разнообразные холмы горныхъ вершинъ, покрытые лѣсомъ. Ко мнѣ доносился звонъ колоколовъ въ церквахъ, призывавшій къ вечернѣ. Вѣтеръ на горѣ былъ такъ силенъ, что едва можно было устоять на ногахъ. Я осматривалъ кратеръ колодца, какъ говорятъ мѣстные жители, неимовѣрной глубины; по ихъ словамъ, смѣльчаки пробовали спускаться въ это отверстіе въ корзинахъ на цѣпяхъ, доходили до такой глубины, что могли среди солнечнаго дня видѣть звѣзды, но до дна не достигли. Издавна уже существовалъ обычай приходящимъ бросать въ этотъ колодезь камни, чтобы соображать о глубинѣ по времени долетаемаго отъ паденія звука. Невидно никакого слѣда струба и трудно рѣшить былъ ли въ самомъ дѣлѣ это колодезь, или же подземелье для тайника. Приступъ на вершину горы болѣе удобенъ въ одномъ только мѣстѣ, гдѣ существовалъ подъемный мостъ. Пространство, занимаемое за́мкомъ, не очень велико и все изрыто буграми, обличающими былыя строенія. Въ полуобвалившихся стѣнахъ и башняхъ устроены амбразуры для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей. Возвратившись съ горы, я отправился осмотрѣть бывшій кременецкій лицей, обращенный въ православную семинарію. Одинъ изъ учителей, братъ ровенскаго учителя, моего товарища Тихомирова, снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ архимандриту въ Почаевъ, куда я намѣревался слѣдовать изъ Кременца. Переночевавши на постояломъ дворѣ, утромъ, въ великую субботу, я отправился къ заутрени въ соборъ, обращенный недавно передъ тѣмъ изъ францисканскаго католическаго монастыря. Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Почаевъ. Дорога шла по живописной мѣстности; по бокамъ виднѣлись холмы, покрытые рощами, это были отроги Карпатскихъ горъ, заходящіе изъ Галиціи въ наши предѣлы. Къ вечеру мы прибыли въ Почаевъ, остановились въ жидовскомъ постояломъ дворѣ и отправились къ архимандриту. Архимандритъ былъ веселый, радушный старикъ; нѣкогда онъ занималъ мѣсто протоіерея въ Каневѣ и, овдовѣвши, поступилъ въ монашество. Съ перваго раза онъ разговорился о мѣстной старинѣ, о постройкѣ Почаевской обители, воздвигнутой старостою каневскимъ Потоцкимъ, извѣстнымъ безобразникомъ и забіякою. По разсказу архимандрита, Потоцкій однажды ѣхалъ по горѣ въ виду Почаева, виднѣвшагося издали, вдругъ кучеръ его, по неосторожности, перевернулъ его экипажъ. Разсерженный панъ приказалъ кучеру остановиться, взялъ ружье и хотѣлъ стрѣлять въ него; кучеръ въ ужасѣ обратился къ виднѣвшемуся монастырю и началъ просить спасенія у Почаевской Божіей Матери. Панъ спустилъ курокъ, сдѣлалась осѣчка; панъ

снова взвелъ курокъ, спустилъ его—въ другой разъ осѣчка. Это поразило буйнаго пана; онъ бросилъ ружье и началъ у кучера допрашивать, кто такая эта Почаевская Богородица, которую тотъ призывалъ. Панъ мало занимался предметами благочестія, а потому и не имѣлъ понятія о чудотворной иконѣ, существовавшей въ монастырѣ, находившемся недалеко отъ него. Когда кучеръ, чудесно избавленный отъ смерти, сказалъ ему все что зналъ и насколько умѣлъ, панъ пришелъ въ задумчивость. Внезапно пробудилась въ немъ совѣсть, началъ онъ скорбѣть о множествѣ совершенныхъ имъ въ жизни безчинствъ и злодѣяній, явилась наклонность къ покаянію. Онъ велѣлъ везти себя въ Почаевскій монастырь и поклонился чудотворной иконѣ. Съ этихъ поръ чувство раскаянія овладѣвало имъ болѣе и болѣе; гнусною показалась ему протекшая жизнь и онъ принялъ намѣреніе окончить ее гдѣ нибудь въ монастырѣ; но чтобы испытать въ какой монастырь укажетъ ему идти высшій промыселъ, онъ нарядился нищимъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ нѣсколько католическихъ монастырей. Вездѣ его принимали дурно, ограничиваясь ничтожнымъ подаяніемъ; но когда онъ явился въ Почаевскій уніатскій монастырь, бывшій бѣднѣе другихъ, тамъ его приняли радушно, накормили, напоили, дали пріютъ для ночлега. Потоцкій счелъ это небеснымъ указаніемъ и черезъ нѣсколько времени прибылъ туда, только уже не въ нищенскомъ платьѣ, а въ великолѣпной каретѣ, и принесъ большую сумму на построеніе каменнаго храма, того самаго, который существуетъ до сихъ поръ. Здѣсь онъ и поселился въ качествѣ послушника, произвольно смирялъ себя, исполнялъ черныя работы, но иногда невольно выказывалъ и прежнія панскія замашки; такъ, напримѣръ, подметая корридоры келій, онъ будилъ къ заутрени монаховъ, и чуть только замѣтитъ въ комъ нибудь лѣность, того потянетъ по спинѣ метлою. Здѣсь онъ умеръ и былъ погребенъ въ церкви; тѣло его, долго оставаясь нетлѣннымъ, показывалось богомольцамъ, одѣтое въ польскій кунтушъ и обутое въ огромныхъ сапогахъ. Послѣ обращенія монастыря въ православіе, это тѣло повелѣно схоронить и не показывать никому, чтобы народъ не признавалъ его святынею.

Архимандритъ приглашалъ насъ прибыть ночью къ богослуженію, а послѣ обѣдни разговляться вмѣстѣ съ братіею въ трапезѣ. Въ полночь мы отправились въ церковь и прослушали пасхальную заутреню. Напѣвъ въ Почаевскомъ монастырѣ показался мнѣ отличнымъ отъ обыкновеннаго русскаго, онъ былъ особенно веселый и напоминалъ мнѣ мотивы экоссеса, знакомые съ дѣтства. Церковь почаевская одна изъ просторнѣйшихъ, какія я видѣлъ

въ Россіи, и сохранила сильные слѣды прежняго католичества. За низенькимъ иконостасомъ, придѣланнымъ по присоединенію къ православію, виднѣлся высокій католическій иконостасъ; по другую сторону престола, у капитальной стѣны, во многихъ мѣстахъ у столбовъ стояли алтарики, употребляемые католиками и уніатами для тихой обѣдни и никакъ немыслимые въ православномъ храмѣ, такъ какъ они обращены были не на востокъ и самый престолъ примыкался прямо къ стѣнѣ, а вмѣсто образовъ были скульптурныя вещи; на хорахъ оставался еще большой органъ, хотя совершенно безъ употребленія. Послѣ обѣдни, вслѣдъ за архимандритомъ, мы пошли въ обширную залу съ накрытыми столами, на которыхъ были разставлены пасхальныя снѣди, но безъ мясныхъ кушаньевъ. Послѣ хорового пѣнія «Христосъ воскресе», всѣ принялись закусывать, а потомъ тутъ же начался обѣдъ, несмотря на то, что было время только солнечнаго восхожденія. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ рыбныхъ кушаньевъ и сливочнаго крема; я замѣтилъ, что братія, которой я насчиталъ восемнадцать человѣкъ, ничего не ѣла. Послѣ обѣда архимандритъ пригласилъ насъ въ келію, и тамъ увидали мы разставленный на столѣ обильный запасъ всякихъ мясныхъ кушаньевъ, колбасъ, поросятъ, индѣекъ и множество бутылокъ съ наливкою и виномъ. Архимандритъ объяснилъ намъ, что у нихъ трапеза бываетъ только для приличія, а всѣ они утѣшаются по кельямъ; при этомъ онъ объяснилъ, что въ западномъ краѣ, гдѣ еще свѣжи уніатскіе и католическіе обычаи, такое нарушеніе принятыхъ въ православномъ монашествѣ обычаевъ и терпится, и дозволяется. Послѣ того мы пробыли въ монастырѣ трое сутокъ и испытали большое гостепріимство и радушіе отъ архимандрита и братіи. Въ понедѣльникъ мы обѣдали у архимандрита въ его кельѣ и должны были отдать честь его повару, изготовившему очень вкусный мясной обѣдъ. Монахи, которыхъ бо̀льшая часть была изъ уроженцевъ великорусскихъ губерній, зазывали насъ поодиночкѣ другъ передъ другомъ и старались угостить какъ можно обильнѣе, такъ что мы принуждены были отдѣлываться отъ нихъ. Я осмотрѣлъ монастырскую библіотеку, которая оказалась очень богатою старопечатными русскими книгами благочестиваго содержанія, но я не имѣлъ времени ознакомиться съ ними подробнѣе.

Въ главной почаевской церкви показываютъ стопку Божіей Матери; изъ этой стопки сочится вода; чтобы видѣть эту стопку, надобно наклониться и вложить голову въ отверстіе, находящееся въ стѣнѣ ниши. По свѣденію, сообщенному архимандритомъ, этой воды насочится въ день половину чайной ложечки, иногда немного

больше; а такъ какъ богомольцевъ приходитъ много и много желающихъ имѣть эту воду, то мы, какъ говоритъ архимандритъ, прибѣгаемъ къ гомеопатическимъ раствореніямъ и впускаемъ полъложечки чудотворной воды въ цѣлую кадь съ обыкновенною простою водою. Преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря, въ XIII вѣкѣ, какіе-то пастухи увидали на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стопка, стоящую Божію Матерь. Слѣдъ ноги отъ изображенія остался на землѣ и изъ него начала сочиться вода. Монастырь построенъ на скалѣ, воды кругомъ близко нѣтъ, и появленіе воды въ стопкѣ признается удивительнымъ дѣломъ. Въ большомъ корридорѣ, идущемъ отъ главной церкви, по стѣнѣ написана исторія чудеснаго освобожденія Почаева въ 1672 году отъ турецкаго нападенія. Монастырь въ то время еще былъ православный, игуменомъ тамъ былъ Іовъ Зализо; турецкій паша сдѣлалъ нашествіе на польскіе предѣлы, множество сосѣдней шляхты убѣжало въ Почаевскій монастырь, рѣшаясь тамъ давать отпоръ непріятелю, но осажденные стали терпѣть недостатокъ съѣстного и въ отчаяніи рѣшились выйти, вступить въ бой съ врагами и погибнуть въ сѣчѣ. Отецъ Іовъ служилъ послѣднюю обѣдню, приготовляя осажденныхъ къ ихъ рѣшительному подвигу. Въ эту самую минуту, когда онъ провозгласилъ «изряднѣй о пресвятѣй, пречистѣй и преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ,» на крестѣ монастырскаго храма явилось изображеніе Божіей Матери: Она грозила рукою турецкому войску. Турки, по приказанію своего паши, пустили въ изображеніе ядро, но это ядро обратилось назадъ и положило многихъ турокъ. Событіе это произвело такой паническій страхъ, что все турецкое войско убѣжало, а польское, ободрившись, стало его преслѣдовать и нанесло ему пораженіе подъ Вишневцемъ. Въ томъ же монастырѣ показываютъ яму, вырубленную въ скалѣ, куда преподобный Іовъ иногда влѣзалъ, желая предаться уединенному богомыслію.

Почаевскій монастырь пользуется большимъ уваженіемъ не только у православныхъ, но и у католиковъ и уніатовъ. Я видѣлъ тамъ множество пришельцевъ обоего пола изъ Галиціи, заговаривалъ съ ними и нашелъ, что у нихъ нарѣчіе и говоръ ничѣмъ не отличаются отъ волынцевъ. Почаевъ лежитъ на границѣ Австріи. Съ монастырской террасы живописно виднѣется Подкамель съ католическимъ монастыремъ, находящимся уже въ предѣлахъ Галиціи.

Изъ Почаева мы направились въ Вишневецъ, съ цѣлью осмотрѣть тамъ замокъ, замѣчательную картинную галлерею съ фа-

мильными портретами князей Вишневецкихъ, библіотеку съ рукописями и множество древнихъ вещей.

Выѣхавши изъ Почаева рано утромъ, мы были въ Вишневцѣ къ полудню, такъ какъ до него отъ Почаева не болѣе двадцати верстъ съ небольшимъ. Въ то время Вишневецъ принадлежалъ графу Мнишку: послѣ прекращенія фамиліи князей Вишневецкихъ, въ половинѣ XVIII вѣка, ихъ имѣніе пошло въ раздѣлъ между разными наслѣдниками и главное ихъ гнѣздо, съ фамильнымъ замкомъ, досталось фамиліи Мнишковъ, которая нѣсколько разъ уже роднилась съ Вишневецкими и тогда находилась съ ними въ самомъ близкомъ родствѣ. Замокъ составляетъ большое каменное зданіе въ два этажа съ заворотами. Я имѣлъ рекомендательное письмо къ владѣльцу его, полученное мною отъ владѣльца Ровно, князя Любомирскаго. Первый предметъ, поразившій меня при входѣ въ сѣни замка, было нѣсколько громадныхъ картинъ, выставленныхъ на стѣнѣ и изображавшихъ сцены изъ жизни нашего Самозванца. Тутъ было первое появленіе его у Мнишка, обрученіе съ Мариною и не помню еще что-то; надобно было бы обратить особое вниманіе на эти картины, очевидно старыя, и снять съ нихъ копіи тѣмъ болѣе, что онѣ совсѣмъ не тѣ, какія хранятся въ Оружейной палатѣ, и изображаютъ сцены, происходящія въ Москвѣ. Графъ, Мнишекъ допустилъ насъ къ себѣ, принялъ довольно холодно и на просьбу мою осмотрѣть его замокъ сказалъ, что тамъ нѣтъ ничего любопытнаго; потомъ призвалъ служителя и, отдавъ ему ключи, велѣлъ вести насъ по комнатамъ замка, но приказалъ не заводить насъ въ библіотеку, гдѣ, какъ онъ сказалъ, рукописи находятся въ безпорядкѣ. Это мнѣ показалось очень прискорбнымъ: я понялъ, что не увижу того, что меня особенно интересовало и побудило искать знакомства съ польскими магнатами. Насъ повели по комнатамъ, расположеннымъ анфиладою; комнаты были однообразно убраны зеркальными стѣнами, на дверяхъ и окнахъ висѣли шелковыя портьеры, вышитыя, какъ говорилъ проводникъ, послѣднею изъ Вишневецкихъ, остававшеюся въ дѣвицахъ и до смерти проживавшею въ этомъ замкѣ. Съ особеннымъ любопытствомъ и съ участіемъ разсматривалъ я портреты Вишневецкихъ, развѣшанные по зеркальнымъ стѣнамъ, и съ сердечнымъ участіемъ встрѣчалъ многія, знакомыя мнѣ по исторіи, лица. Въ угольной комнатѣ, которою кончалась эта анфилада, показывали вырѣзанныя на зеркалѣ слова: comte du Nord; эта надпись сдѣлана была императоромъ Павломъ Петровичемъ, который, будучи еще великимъ княземъ, путешествовалъ подъ именемъ Сѣвернаго графа и заѣзжалъ въ Вишневецъ, гдѣ не засталъ хозяевъ. — Обойдя замокъ, насколь-

ко это было позволено, мы отправились къ хозяину и получили приглашеніе идти къ нему въ садъ, куда онъ ушелъ. Этотъ садъ былъ некрасивъ и запущенъ. Мнишекъ сидѣлъ подъ деревомъ съ книгою въ рукахъ, выслушалъ мою благодарность и пригласилъ къ четыремъ часамъ обѣдать. Время, остававшееся до обѣда, я употребилъ на осмотръ старой православной церкви, гдѣ погребенъ Михаилъ Вишневецкій, послѣдній изъ Вишневецкихъ, умершій въ православной вѣрѣ: это былъ отецъ знаменитаго Іереміи и мужъ Раины Могилянки, родственницы митрополита Петра Могилы и ревностной православной, основавшей Густынскій монастырь въ прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Эта деревянная церковь въ Вишневцѣ хотя не отличается большимъ благообразіемъ, но и не имѣетъ того нищенскаго вида, какой я встрѣчалъ по деревяннымъ православнымъ церквамъ Волыни въ тогдашнее время. Оттуда я отправился въ другую церковь, каменную, обращенную изъ бывшаго нѣкогда іезуитскаго монастыря, гдѣ въ склепѣ находится усыпальница князей Вишневецкихъ со времени ихъ обращенія въ католичество. Священникъ этой церкви сказалъ мнѣ, что поступивши на это мѣсто, онъ представлялъ архіерею, что съ обращеніемъ костела въ православную церковь нужно выбросить изъ склепа прахъ Іереміи Вишневецкаго, заявившаго себя жестокимъ фанатикомъ и непримиримымъ врагомъ православной вѣры и русскаго народа; но представленіе священника не было уважено и ему сдѣлали замѣчаніе, что не слѣдуетъ трогать мертвыхъ.

Мы отобѣдали у графа Мнишка не въ парадныхъ комнатахъ замка, а въ пристройкѣ, сдѣланной внизу къ первому этажу, гдѣ онъ постоянно помѣщался; съ нами обѣдалъ одинъ изъ сыновей его. Послѣ обѣда хозяинъ завелъ со мною разговоръ объ исторіи эпохи Хмельницкаго и изъявлялъ мнѣніе, что польскіе историки невѣрно относятся къ этой эпохѣ и что Хмельницкій вовсе не такой дурной человѣкъ, какимъ его представляли поляки по причинѣ бывшей вражды. Онъ велѣлъ принести портретъ Хмельницкаго и увѣрялъ, что это самый вѣрнѣйшій, какой гдѣ либо найти можно. Замѣчательно, что когда переходя то къ той, то къ другой эпохѣ русской и польской исторіи, я коснулся Самозванца, ему, какъ видно, было непріятно говорить объ этомъ предметѣ и онъ вполголоса сказалъ:« это было ужъ очень давно!» Прощаясь со мною, Мнишекъ сообщилъ мнѣ, что въ Кременцѣ есть нѣкто Радзиминскій, котораго отецъ занимался спеціально эпохою Хмельницкаго и оставилъ рукописныя сочиненія. Мнишекъ совѣтовалъ мнѣ обратиться къ Радзиминскому и попытаться узнать—не сохранилось ли въ бумагахъ отца какихъ нибудь любопытныхъ

матеріаловъ, могущихъ служить источниками для исторіи козацкой революціи.

Изъ Вишневца я направился обратно въ Кременецъ и посѣтилъ Радзиминскаго по рекомендаціи Мнишка. Къ моему удивленію, въ Радзиминскомъ я встрѣтилъ человѣка, который отъ моей просьбы познакомить меня съ сочиненіями его отца, пришелъ въ испугъ; онъ разсказалъ мнѣ, что по какому-то доносу о существованіи этой исторіи, писанной его отцемъ, его арестовали, взяли его бумаги и повезли самого въ Кіевъ, держали нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ возвратили ему отцовскую рукопись и отпустили домой; но по пріѣздѣ онъ узналъ, что его беременная жена въ испугѣ за участь мужа заболѣла и преждевременно разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Я увѣрялъ его, что вовсе не принадлежу къ администраціи и обратился къ нему съ чисто-ученымъ намѣреніемъ, да притомъ и не осмѣлился бы обратиться, еслибы зналъ, что рукопись, о которой идетъ рѣчь, оставляетъ для него такое тяжелое воспоминаніе. Лицо Радзиминскаго нѣсколько прояснилось, онъ предложилъ мнѣ завтракъ, но, несмотря на мою повторенную просьбу, не показалъ мнѣ отцовской рукописи. Впрочемъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя на основаніи этой рукописи мнѣ передавалъ Радзиминскій, я могу заключить, что и не нашелъ бы въ ней много новаго и интереснаго, такъ какъ Радзиминскій, увѣряя, что его отецъ былъ великій ученый, говорилъ на основаніи отцовскихъ показаній, что Хмельницкій принялъ турецкую вѣру.

Изъ Кременца мы отправились въ Берестечко, куда и прибыли на другой день рано утромъ. Мѣстность знаменитой битвы Хмельницкаго была мнѣ очень извѣстна по письменнымъ источникамъ, и я съ особеннымъ рвеніемъ старался повѣрить мои о ней представленія, старался отыскать слѣды давно минувшихъ событій, о которыхъ столько читалъ, писалъ и думалъ. Берестечко лежитъ на равнинѣ вдоль рѣки Стыри—рѣки, чрезвычайно извилистой; въ нее впадаетъ, версты за четыре не доѣзжая мѣстечка, болотистая рѣчка Пляшова, извѣстная гибелью козацкаго войска, котораго множество потонуло при безпорядочномъ переходѣ черезъ нее во время несчастнаго бѣгства изъ лагеря. Приближаясь къ мѣстечку и переѣхавши уже черезъ Пляшовую, я наткнулся на старую линію окоповъ въ видѣ полумѣсяца и понялъ, что это слѣды бывшаго польскаго лагеря, сдѣланнаго тогда, когда поляки перешли съ правой стороны Стыри на лѣвую. Вправо отъ дороги змѣилась извилистая Стырь, налѣво глаза упирались въ густой, высокій лѣсъ. Прибывши въ мѣстечко, мы остановились въ жидовской корчмѣ. Я вынулъ изъ портфеля свои бумаги и началъ

толковать съ товарищемъ о Хмельницкомъ; потомъ позвалъ іудея и просилъ его нельзя ли достать мнѣ старыхъ людей, знающихъ хорошо мѣстность, чтобы они показали мнѣ поле и разные признаки на немъ. Іудей посмотрѣлъ на меня подозрительно и исчезъ. Я продолжалъ свой разговоръ съ товарищемъ, пока спустя полъ-часа не вошелъ къ намъ въ комнату господинъ въ мундирномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, при шпагѣ; онъ потребовалъ отъ насъ паспорты и, увидавши изъ нихъ, кто мы такіе, ласково сказалъ: «вамъ, господа, угодно осмотрѣть поле битвы, происходившей между козаками и поляками; я могу доставить все, что вамъ нужно и покорнѣйше прошу перебраться ко мнѣ въ домъ, у меня вамъ будетъ спокойнѣе и удобнѣе.» Меня очень удивила увѣренность, съ какою этотъ господинъ выразился, что ему вполнѣ извѣстно зачѣмъ мы пріѣхали и чего ищемъ. Мы вышли съ нимъ и сѣли въ его экипажъ, а іудей, по его приказанію, положилъ туда же всѣ наши пожитки. Дорогою этотъ господинъ объяснилъ намъ, что онъ становой приставъ и, предувѣдомленный іудеемъ о прибытіи какихъ-то господъ, желающихъ зачѣмъ-то осматривать поле, пришелъ къ намъ въ намѣреніи, если окажется нужнымъ, арестовать насъ; но, подслушавши у дверей нашъ разговоръ, понялъ, что мы не какіе нибудь польскіе эмиссары, которыхъ ему предписывали беречься, а ученые, отыскивающіе слѣды давно минувшихъ событій. Мы нашли у него самый гостепріимный пріемъ, вмѣстѣ съ нимъ объѣзжали поле и всѣ окрестности Берестечка и черезъ его посредство дѣлали распросы и вели бесѣды съ народомъ. Поѣхавши снова на поле, гдѣ была битва, я увидѣлъ ясно на одной сторонѣ ближе къ лѣсу небольшое возвышеніе, гдѣ стоялъ крымскій ханъ, а вправо отъ него, черезъ дорогу, ближе къ Стыри, слѣды кругловидныхъ окоповъ, гдѣ былъ козацкій лагерь, укрѣпленный послѣ ухода Хмельницкаго за ханомъ. Тутъ я нашелъ и островъ на Стыри, тотъ самый, гдѣ по извѣстію Пасторія, защищались триста храбрыхъ козаковъ, нехотѣвшихъ сдаться врагамъ и мужественно погибшихъ въ упорной битвѣ. Этотъ островъ весь поросъ большимъ лѣсомъ; вправо отъ него, при впаденіи рѣки Пляшовы, было мѣсто рокового перехода козаковъ черезъ рѣку,—перехода, въ которомъ потонуло множество козацкаго войска. Что это событіе происходило именно въ этомъ мѣстѣ, я заключилъ по поводу собранныхъ извѣстій, что до сихъ поръ въ упомянутомъ мѣстѣ, на днѣ рѣки отыскиваются обломки сѣделъ, оружія, стременъ и перетлѣвшіе куски попонъ. Все это, какъ извѣстно, бросали козаки въ воду, чтобы устроить плотину для своего перехода. На противоположной сторонѣ Стыри,

за мѣстечкомъ Берестечкомъ, находится холмъ, со сложенною изъ кирпича часовнею, въ которой поставлена статуя св. первомученицы Ѳеклы. Здѣсь, по преданію, погребена толпа женщинъ, убѣжавшихъ изъ окрестностей подъ защиту польскаго войска и остававшихся на правой сторонѣ Стыри въ то время, когда поляки выступили въ бой на лѣвой сторонѣ той же рѣки. Татары неожиданно перешли рѣку и перебили всѣхъ этихъ женщинъ, которыхъ число преданіе показываетъ до трехъ тысячъ. На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, холмъ съ часовнею есть мѣсто, гдѣ погребены были польскіе воины, убитые въ бою. На этой же сторонѣ Стыри, версты за двѣ отъ мѣстечка, стоитъ высокій памятникъ, поставленный, какъ гласитъ на немъ надпись, надъ тѣломъ князя Пронскаго, умершаго въ 1533 году. Онъ, какъ говоритъ преданіе, былъ еретикъ, и зная, что по смерти достанется во власть дьяволу и будетъ ходить мертвецомъ, пугая живыхъ людей, приказалъ прибить свой гробъ во внутренности верхней части памятника на цѣпяхъ. Я влѣзалъ по подставленной лѣстницѣ въ отверстіе, пробитое въ этой верхней части и видѣлъ дѣйствительно обломки цѣпей, со вбитыми въ своды кольцами. Этотъ князь Пронскій былъ одинъ изъ рязанскихъ князей, бѣжавшій въ Литву послѣ насильственнаго завладѣнія Рязанской землею со стороны Москвы. Само собою разумѣется, что народная легенда о его еретичествѣ не имѣетъ историческаго основанія.

Осмотрѣвши Берестечко, мы черезъ два дня выѣхали назадъ въ Ровно, напутствуемые добрыми пожеланіями гостепріимнаго нашего хозяина и снабженные отъ него на дорогу съѣстными припасами.

Наступилъ въ гимназіи экзаменъ, и тутъ я получилъ изъ Кіева извѣстіе, что меня переводятъ учителемъ исторіи въ первую кіевскую гимназію. Приходилось прощаться съ Ровномъ и Волынью. Я уѣхалъ оттуда съ большимъ ворохомъ народныхъ пѣсенъ и записанныхъ преданій и разсказовъ; нѣкоторые были собраны мною лично, другіе доставлялись моими учениками, которыхъ я заохотилъ, по случаю поѣздокъ ихъ къ роднымъ на вакаціонное время, собирать и доставлять мнѣ народные пямятники.

Пріѣхавши въ Кіевъ, я узналъ, что уже все было сдѣлано относительно моего перевода, и пользуясь наступленіемъ лѣтнихъ вакацій, отправился въ воронежскую губернію къ матери на почтовыхъ черезъ Глуховъ и Курскъ.

Во время вакацій я съѣздилъ въ Дивногорскій монастырь, расположенный въ чрезвычайно красивой мѣстности надъ Дономъ, близъ устья Тихой Сосны. Это одно изъ живописнѣйшихъ

мѣстностей, которыя мнѣ случалось встрѣчать въ Россіи. Мѣловыя горы, составляющія берегъ Дона, по своей природной конструкціи приняли здѣсь фантастическія фигуры столбовъ, колоннъ, каменныхъ скамей, пристѣнковъ, башенъ и т. п. Въ мѣловыхъ горахъ тянется углубленіе, покрытое лѣсомъ; здѣсь построенъ монастырь. Онъ былъ бѣденъ и заключалъ въ себѣ не болѣе пяти братій, изъ которыхъ одинъ, бывшій нѣкогда армейскимъ капитаномъ, теперь іеромонахъ, носилъ званіе настоятеля. Въ мѣловой горѣ, выше лѣса, которымъ обросла ея подошва, есть пещера, выкопанная въ видѣ корридора; начало ея, по преданію, относится къ XVII вѣку. Настоятель, показывая мнѣ эту пещеру, разсказалъ мнѣ, что на Троицынъ день въ Кіево-печерской лаврѣ было чудное видѣніе: во время обѣдни явилась Богородица за престоломъ и осѣнила народъ крестнымъ благословеніемъ. Говорили ему объ этомъ богомолки, недавно прибывшія изъ Кіева, и увѣряли, что сами были въ церкви и видѣли явленіе Богородицы. Я объяснилъ ему, что самъ на первый день Троицы былъ у обѣдни въ лаврѣ и однако не видалъ Богородицы. «Значитъ Господь не сподобилъ васъ увидѣть чудо, а женщины его увидали», сказалъ настоятель.

Въ августѣ я отправился снова въ Кіевъ и по пріѣздѣ туда вступилъ въ свою новую должность учителя первой кіевской гимназіи. Сначала я помѣстился на Старомъ Городѣ, потомъ перешелъ на Крещатикъ и нанялъ квартиру вмѣстѣ со студентомъ Аѳанасіемъ Маркевичемъ, горячимъ любителемъ южнорусскаго языка и ревностнымъ мѣстнымъ этнографомъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ ноябрѣ я получилъ отъ матери письмо, въ которомъ она жаловалась на упадающее здоровье и изъявила желаніе продать имѣніе и переѣхать ко мнѣ въ Кіевъ. Я сообразилъ, что держать имѣніе за девятьсотъ верстъ отъ Кіева и ѣздить въ него на перекладныхъ — не совсѣмъ удобно и предположилъ продать имѣніе въ острогожскомъ уѣздѣ, а вмѣсто него купить гдѣ нибудь по сосѣдству съ Кіевомъ. Съ этою цѣлью я отправился къ матери въ декабрѣ 1845 года. Медлить было нечего, потому что находился хорошій покупщикъ имѣнію. По пріѣздѣ въ свою слободу, я немедленно послалъ нарочнаго къ помѣщику, желавшему купить имѣніе, а тотъ прислалъ ко мнѣ своего повѣреннаго, двороваго человѣка, съ деньгами. Мы отправились въ Воронежъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней совершили купчую крѣпость. Возвратившись назадъ, я попрощался съ угломъ, который считалъ своимъ много лѣтъ, и отправился на почтовыхъ, черезъ Харьковъ, въ Кіевъ. На дорогѣ, между Полтавою и Кіевомъ, я простудилъ себѣ

горло и получилъ нарывъ; въ такомъ состояніи прибылъ я въ Кіевъ на первый день Рождества. Квартира моя оказалась нетопленою; товарища моего Маркевича не было въ городѣ и я принужденъ былъ пріютиться въ какой-то грязной гостинницѣ, находившейся на Крещатикѣ, на углу Бессарабской площади. Здѣсь мой знакомый, проживавшій въ Кіевѣ кандидатъ дерптскаго университета, Н. И. Гулакъ пригласилъ меня переѣхать къ нему и жить до пріѣзда ко мнѣ матушки, послѣ чего я собирался уже отыскать себѣ особую квартиру. Болѣзнь горла потребовала операціи, мнѣ сдѣлалъ ее профессоръ Короваевъ, проколовшій нарывъ въ горлѣ и я оставался въ квартирѣ у Гулака до февраля. Такъ какъ выздоровленіе не позволяло мнѣ выѣзжать, то я проводилъ время съ Гулакомъ и учился вмѣстѣ съ нимъ сербскому языку. Къ намъ часто приходилъ нашъ общій пріятель Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, по окончаніи курса въ университетѣ проживавшій въ Кіевѣ, въ надеждѣ найти себѣ служебное мѣсто. Потомъ сталъ ходить къ намъ Аѳанасій Маркевичъ, возвратившійся въ городъ отъ брата, у котораго нѣсколько времени гостилъ. Наши дружескія бесѣды обращались болѣе всего къ идеѣ славянской взаимности. Надобно сказать, что то было время, когда сознаніе этой идеи было еще въ младенчествѣ, но за-то отпечатлѣвалось такою свѣжестью, какую она уже потеряла въ близкое къ намъ время. Чѣмъ тусклѣе она представлялась въ головахъ, чѣмъ менѣе было обдуманныхъ образовъ для этой взаимности, тѣмъ болѣе было въ ней таинственности, привлекательности, тѣмъ съ большею смѣлостью создавались предположенія и планы, тѣмъ болѣе казалось возможнымъ все то, что, при большей обдуманности, представляло тысячи препятствій къ осуществленію. Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Мимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй. Мы стали воображать всѣ славянскіе народы соединенными между собою въ федераціи, подобно древнимъ греческимъ республикамъ, или Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, съ тѣмъ, чтобы всѣ находились въ прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдѣльную автономію. Федерація только по однѣмъ народностямъ не оказалась для насъ вполнѣ удобною по многимъ причинамъ, а въ особенности по количественному неравенству массъ, принадлежавшихъ къ народностямъ. Какое въ самомъ дѣлѣ союзни-

чество на основаніяхъ взаимнаго равенства могло существовать между ничтожными по количеству лужичанами и огромною массою русскаго народа съ неизмѣримыми пространствами его отечества? Мы пришли къ результату, что съ сохраненіемъ права народностей необходимо другое дѣленіе частей будущаго славянскаго государства, для его федеративнаго строя. Такимъ образомъ составилась мысль объ административномъ раздѣленіи земель, населяемыхъ славянскимъ племенемъ, независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежитъ это племя въ той или другой полосѣ обитаемаго имъ пространства. Мы не могли уяснить себѣ въ подробности образа, въ какомъ должно было явиться наше воображаемое федеративное государство; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ достиженію этой цѣли въ далекомъ будущемъ предполагалось воспитаніе общества въ духѣ такихъ идей, а потому считалось необходимымъ, чтобы въ университетахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ были люди искренно-преданные этимъ идеямъ и способные внѣдрять ихъ въ юныя поколѣнія. Съ этою цѣлью явилась мысль образовать общество, котораго задача была бы распространеніе идей славянской взаимности, какъ путями воспитанія, такъ и путями литературными. Въ видѣ предположенія, мною начертанъ былъ уставъ такого общества, котораго главными условіями были: полнѣйшая свобода вѣроисповѣданія и національностей и отверженіе іезуитскаго правила объ освященіи средствъ цѣлями, а потому заранѣе заявлялось, что такое общество ни въ какомъ случаѣ не должно покушаться на что нибудь имѣющее хотя тѣнь возмущенія противъ существующаго общественнаго порядка и установленныхъ предержащихъ властей. Изученіе славянскихъ языковъ и литературъ ставилось главнѣйшимъ дѣломъ въ образованіи. Товарищи мои искренно приняли эти идеи; самому обществу предположено было дать названіе общества св. Кирилла и Меѳодія, славянскихъ апостоловъ. Мысль объ основаніи общества вскорѣ была забыта, послѣ того какъ я, оправившись отъ недуга, сталъ ѣздить въ гимназію на должность, и съ пріѣздомъ ко мнѣ матушки на постоянное жи-

тельство нанялъ другую квартиру; но мысль о словянской взаимности и словянской федераціи глубоко оставалась у всѣхъ насъ, какъ завѣтная въ жизни.

1-го февраля 1846 года мать моя пріѣхала въ Кіевъ и съ этихъ поръ начался для меня иной родъ домашней обстановки. Вмѣстѣ съ матушкой я поселился на Крещатикѣ, въ домѣ Сухоставской. Чрезъ нѣсколько домовъ, на противоположной сторонѣ, въ той самой гостинницѣ, куда я прибылъ на праздникъ Рождества, по возвращеніи съ продажи моего имѣнія, квартировалъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, пріѣхавшій тогда изъ Петербурга въ Малороссію съ намѣреніемъ пріютиться здѣсь и найти себѣ должность. Узнавши о немъ, я познакомился съ нимъ и съ перваго же раза сблизился. Тогда была самая дѣятельная пора для его таланта, апогей его духовной силы. Я съ нимъ видался часто, восхищался его произведеніями, изъ которыхъ многія, еще неизданныя, онъ далъ мнѣ въ рукописяхъ. Нерѣдко мы просиживали съ нимъ длинные вечера до глубокой ночи, а съ наступленіемъ весны часто сходились въ небольшомъ садикѣ Сухоставскихъ, имѣвшемъ чисто малорусскій характеръ: онъ былъ насаженъ преимущественно вишнями; было тамъ и нѣсколько колодъ пчелъ, утѣшавшихъ насъ своимъ жужжаніемъ.

Кромѣ Шевченка, частыми собесѣдниками моими были: Гулакъ, Бѣлозерскій, Маркевичъ и учитель Пильчиковъ; нерѣдко заходилъ ко мнѣ старый профессоръ бывшаго кременецкаго лицея Зеновичъ, добродушный старичекъ, занимавшійся химіею и нѣкогда сочинившій какую-то теорію о сотвореніи міра посредствомъ электричества и магнетизма; онъ имѣлъ слабость проповѣдывать ее кстати и некстати всякому встрѣчному и поперечному. Кулиша въ то время не было въ Кіевѣ: онъ находился въ Петербургѣ.

Въ концѣ мая меня извѣстили, что университетъ св. Владиміра желаетъ избрать меня въ преподаватели русской исторіи вмѣсто недавно умершаго Домбровскаго, но съ тѣмъ, чтобы я прочиталъ въ совѣтѣ пробную лекцію, такъ какъ большая часть членовъ меня не знала и даже не видала въ глаза. Я согласился на это условіе. 4-го іюня меня пригласили въ засѣданіе совѣта и предложили мнѣ прочитать лекцію о томъ, съ какого времени слѣдуетъ начинать русскую исторію. Я прочиталъ. Содержаніе моей лекціи основывалось на томъ, что исторія русская есть исторія словянскаго племени, живущаго въ Россіи и потому начинать ее надобно съ тѣхъ временъ, въ которыя являются признаки поселенія словянъ на русскомъ материкѣ. Задача моя повлекла меня въ эпоху владычества готѳовъ и гунновъ. Я изложилъ съ своей

точки зрѣнія теорію происхожденія гунновъ отъ смѣси разныхъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи и въ томъ числѣ словянъ, порабощенныхъ готѳами и бѣжавшихъ въ заволжскія степи вмѣстѣ съ бѣглецами изъ другихъ племенъ. Такъ какъ я недавно передъ тѣмъ читалъ Амміана Марцеллина, Іорнанда, Ліутпранда, Приска и другихъ писателей древняго времени, оставившихъ повѣствованія о гуннахъ, то лекція моя вышла настолько богата свѣдѣніями, сколько и примѣрами свидѣтельствъ, приводимыхъ мною въ подлинникахъ: она произвела самое хорошее впечатлѣніе. По удаленіи моемъ изъ зала совѣта, произведена была баллотировка, а черезъ часъ ректоръ университета, профессоръ астрономіи Ѳедоровъ, прислалъ мнѣ записку, въ которой извѣстилъ, что я принятъ единогласно, и не оказалось ни одного голоса, противнаго моему избранію. То былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и памятныхъ дней моей жизни. Университетская каѳедра давно уже для меня была желанною цѣлью, которой достиженія, однако, я не надѣялся такъ скоро.

Черезъ день или два послѣ моего избранія, я переѣхалъ на другую квартиру, на Старый Городъ, на Рейтарскую улицу и, оставивши въ ней свою матушку, отправился на почтовыхъ въ Одессу съ цѣлью морского купанья. Я пробылъ въ Одессѣ до половины августа и возвратился въ Кіевъ, а черезъ нѣсколько дней былъ приглашенъ читать вступительную лекцію въ университетѣ. Моя первая лекція прошла какъ нельзя лучше; слушателей было огромное число, и кромѣ того ее посѣтили нѣсколько профессоровъ университета.

Такъ началась моя кратковременная профессорская карьера. Съ тѣхъ поръ я началъ жить въ совершенномъ уединеніи, погрузившись въ занятія исторіею; время мое поглощалось писаніемъ лекцій по русской исторіи, которыхъ надобно было каждую недѣлю приготовить четыре. Кромѣ того я иногда принимался за Богдана Хмельницкаго, дополняя написанное мною нѣкоторыми источниками, отысканными въ университетской библіотекѣ. Потомъ я принялся писать Славянскую Миѳологію, что, впрочемъ, было частію читаемыхъ мною лекцій. Вмѣстѣ съ гимназическими уроками, покинулъ я бывшіе у меня уроки въ пансіонахъ, оставивши за собою только одинъ изъ уроковъ въ Образцовомъ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ. За-то профессоръ Иванишевъ, бывшій вмѣстѣ инспекторомъ Института благородныхъ дѣвицъ, уговорилъ меня читать двѣ лекціи въ этомъ заведеніи, на что я согласился съ большою неохотою.

Въ кругу профессорскомъ я вообще мало вращался, будучи

сильно поглощенъ кабинетною дѣятельностью. О тогдашнемъ состояніи университета св. Владимира могу сказать только, что онъ въ то время не избѣгалъ недостатковъ, общихъ всѣмъ нашимъ провинціальнымъ университетамъ того времени, но въ немъ меньше вкралось той нравственной язвы, которая одолѣвала харьковскій университетъ, гдѣ большая часть профессоровъ держали у себя на квартирахъ студентовъ, брали съ нихъ тройную цѣну и за то проводили ихъ на степени обыкновенно недостойнымъ образомъ, такъ какъ всегда почти у профессоровъ квартировали плохіе студенты. Нельзя сказать, чтобы кіевскій университетъ былъ совсѣмъ чистъ отъ этихъ злоупотребленій, но въ меньшей степени былъ зараженъ ими, чѣмъ харьковскій: по крайней мѣрѣ число профессоровъ, державшихъ у себя на квартирахъ студентовъ, въ Кіевѣ не составляло большинства, какъ въ Харьковѣ. Собственно по отношенію къ достоинству преподаванія, въ Кіевѣ можно было указать на нѣсколько бездарностей, но также отмѣтить между профессорами и нѣсколько лицъ, съ честью занимавшихъ каѳедры. Въ нашемъ факультетѣ нельзя было безъ уваженія отнестись о профессорѣ Нейкирхѣ, читавшемъ греческій языкъ и греческую словесность; это былъ истинный нѣмецъ «Gelehrter», вѣчно преданный наукѣ, честный человѣкъ и чрезвычайно строгій цѣнитель студентскихъ дарованій и успѣховъ. Студенты, занимавшіеся его предметомъ, очень уважали эту личность. Почти то же можно сказать о профессорѣ латинскаго языка, также нѣмцѣ, Делленѣ. Русская словесность была въ рукахъ Селина, ученика и послѣдователя Шевырева; онъ высказывалъ московско-славянофильскія идеи, которыя, впрочемъ, мало находили себѣ сочувствія у его слушателей, а тонъ его чтенія, постоянно старавшійся казаться восторженнымъ, принимался за афектацію. Профессоръ всеобщей исторіи Ставровскій былъ человѣкъ, обладавшій большою памятью, но почти незнакомившій своихъ слушателей съ современными способами обработки исторіи и критикою источниковъ; въ его преподаваніи, какъ замѣчали студенты, слышалось что-то семинарское. Профессоръ философіи Новицкій пользовался между студентами хорошею репутаціею знатока своего предмета и способнаго передавателя свѣденій. Бывшій профессоръ русской словесности М. А. Максимовичъ въ то время уже выбылъ изъ университета, но живя въ своемъ хуторѣ близъ Золотоноши, часто пріѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ видѣлся со мною. Это былъ человѣкъ, правду сказать, не большой учености, но очень умный и безпристрастный въ тѣхъ частяхъ, которыя были ему хорошо знакомы. Бесѣды съ нимъ были вообще пріятны и вовсе не давали повода сдѣлать такой приговоръ о без-

дарности, какимъ уже послѣ его смерти такъ несправедливо угостилъ его Кулишъ, имѣвшій, по личнымъ своимъ отношеніямъ къ нему, менѣе чѣмъ кто нибудь другой права наложить на него сѣрое пятно бездарности. Въ юридическомъ факультетѣ видное мѣсто занималъ Иванишевъ, впрочемъ не столько по преподаванію, сколько по издательской своей дѣятельности, такъ какъ онъ занимался редакціею письменныхъ памятниковъ, которые начала тогда печатать Временная коммиссія для разбора актовъ, учрежденная въ Кіевѣ при генералъ-губернаторѣ, которой членомъ сдѣланъ былъ и я, взявши на себя изданіе лѣтописей Величка. — — — Студенты по своему настроенію рѣзко выдѣлялись въ двѣ партіи: русскую и польскую. Симптомы національной враждебности, которые такъ рѣзко отличали кіевскій университетъ впослѣдствіи, тогда еще были въ зародышѣ или по крайней мѣрѣ не смѣли проявляться слишкомъ рельефно при зоркомъ наблюденіи генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. — — —

Тогдашнее стремленіе правительственныхъ элементовъ къ обрусѣнію края произвело то, что поляки не смѣли себя называть поляками, а называли католиками, что выходило забавно: слово «католикъ» въ Кіевскомъ краѣ теряло свое повсемѣстное значеніе вѣроисповѣданія и стало означать какъ бы какую-то національность; но, отличая себя католикомъ, полякъ, однако, ни за что бы не назвалъ себя русскимъ, потому что въ этомъ краѣ и слово «русскій», наоборотъ, перешло какъ бы въ значеніе вѣроисповѣданія. Этимъ собственно только и ограничивалось тогдашнее обрусѣніе. Поляки все-таки исключительно говорили по-польски и не хотѣли знать по-русски; пріобрѣтая знаніе русскаго языка по неволѣ въ училищѣ, полякъ считалъ какъ бы нравственною необходимостію поскорѣе забыть его. Интеллигентный языкъ во всемъ краѣ былъ исключительно польскій и даже крестьяне по-неволѣ должны были усваивать его. Иначе и быть не могло тамъ, гдѣ огромная масса малорусскаго православнаго народа оставалась въ порабощеніи у польскихъ пановъ-католиковъ и гдѣ самый законъ имперіи давалъ послѣднимъ столько правъ надъ первыми.

Судя по экзаменамъ, какъ вступительнымъ, такъ и переводнымъ, я имѣлъ случай вывести заключеніе, что поляки вступали въ университетъ съ лучшею подготовкою, чѣмъ русскіе, и это зависѣло уже не отъ школьнаго ученія, а отъ первоначальнаго домашняго воспитанія. Малорусское юношество, уроженцы лѣвой стороны Днѣпра, за исключеніемъ немногихъ, одаренныхъ особыми выдающимися талантами, отличались какою-то туповатостью, лѣнью и апатіею къ умственному труду. Вообще кіевскіе

студенты того времени мало принимаемы были и въ обществѣ, за исключеніемъ немногихъ сыновей богатыхъ помѣщиковъ, или вліятельныхъ особъ. Между профессорами и студентами также мало было интимнаго сближенія, да и начальство видимо не желало его, а поддерживало въ профессорахъ потребность держать себя съ начальническимъ тономъ. Были даже примѣры, что профессорамъ дѣлались замѣчанія, что они обращаются за-панибрата со студентами, указывалось профессорамъ, что этимъ они роняютъ свое достоинство. Такое замѣчаніе получилъ и я вслѣдствіе того, что началъ приглашать къ себѣ по вечерамъ студентовъ, въ которыхъ замѣчалъ особую склонность къ читаемому мною предмету. Причиною тому былъ господствующій тогда духъ субординаціи и боязнь возникновенія политическаго вольнодумства, которое, какъ полагали начальствующія лица, могло явиться въ молодежи, близко познакомившейся съ духомъ и задушевными идеями своихъ наставниковъ. Понятно, что при такомъ натянутомъ отношеніи между профессорами и студентами, нельзя было ожидать никакого утѣшительнаго вліянія наставниковъ на учащихся. Профессоръ довольствовался тѣмъ, что отбарабанилъ свою лекцію, мало обращая вниманія, какъ легла на душу слушателей эта лекція и что̀ она пробудила въ ихъ сердцѣ и умѣ, а студентъ считалъ себя выполнившимъ свою обязанность тѣмъ, что вызубрилъ записанную имъ профессорскую лекцію и буквально проговорилъ ее на экзаменѣ, или на репетиціи. Такимъ образомъ, изъ этого очерка духа, господствовавшаго въ университетѣ того времени, даже и при нѣкоторыхъ профессорахъ, отличавшихся дарованіемъ и преданныхъ наукѣ, не могло возникнуть ничего живого и богатаго задатками для будущаго.

Наступили рождественскія святки. Въ Кіевъ пріѣхалъ старинный мой знакомый, бывшій нѣкогда студентъ харьковскаго университета Савичъ, помѣщикъ гадячскаго уѣзда. Онъ ѣхалъ въ Парижъ. Въ первый день Рождества мы сошлись съ нимъ у Гулака на Старомъ Городѣ въ домѣ Андреевской церкви. Кромѣ него, гостемъ Гулака былъ Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи. Мы разговаривали, не стѣсняясь и не подозрѣвая, чтобы наши рѣчи кто нибудь слушалъ за стѣной съ цѣлью перетолковать ихъ въ дурную сторону, а между тѣмъ, такъ было. — — — Бѣлозерскаго уже не было въ Кіевѣ; онъ отправился въ Полтаву учителемъ въ кадетскій корпусъ. — — —

Около этого же времени познакомился со мною извѣстный польскій археологъ, графъ Свидзинскій, и узнавши, что я занимаюсь Хмельницкимъ, привезъ мнѣ въ подлинникѣ и въ спискѣ съ

подлинника лѣтопись Іерлича, позволивъ мнѣ пользоваться ею для своей исторіи, а затѣмъ далъ обѣщаніе и на будущее время доставлять мнѣ рукописные матеріалы, относящіеся къ исторіи козаковъ, а этихъ матеріаловъ у него было много.

Въ концѣ января я разстался съ Гулакомъ и съ Шевченкомъ; первый уѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ держать тамъ магистерскій экзаменъ, второй—къ своему пріятелю Виктору Забѣллѣ въ Борзну.

Февраля 13 я обручился съ дѣвицею Алиною Леонтьевною Крагельскою, которую зналъ еще въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ, гдѣ преподавалъ съ 1845 года. Послѣ выхода ея изъ пансіона увидѣлся я съ нею и познакомился съ ея матерью въ Одессѣ, куда лѣтомъ ѣздилъ купаться въ 1846 году, а по возвращеніи въ Кіевъ нѣсколько времени посѣщалъ ихъ домъ, сблизился и узналъ ее покороче. Свадьба наша назначена была послѣ Пасхи въ Ѳоминое воскресенье, 30 марта 1847 года.

Между тѣмъ, въ началѣ марта пріѣхалъ въ Кіевъ Кулишъ, который передъ тѣмъ только что женился на дѣвицѣ Бѣлозерской, сестрѣ моего пріятеля Василія. За Кулишомъ черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ изъ Полтавы и Бѣлозерскій; онъ покинулъ должность учителя въ корпусѣ и вмѣстѣ съ Кулишомъ собрался ѣхать за-границу, куда Кулиша посылали отъ Академіи наукъ для изученія славянскихъ языковъ, съ цѣлью подготовленія его къ каѳедрѣ. Оба, пробывши нѣсколько дней въ Кіевѣ, уѣхали въ предначертанный путь черезъ Варшаву.

Находя бывшую свою квартиру тѣсною и неудобною для предстоящей семейной жизни, я перешолъ на другую на Старомъ же Городѣ, въ домъ Моньки, близъ Андреевской церкви. Квартира эта отличалась превосходнымъ видомъ; съ галлереи открывался прекрасный пейзажъ; внизу разстилался Подолъ, далѣе—свѣтлая полоса Днѣпра, а за нею—обширная панорама луговъ и лѣсовъ. Домъ этотъ, деревянный, былъ только что отстроенъ.

Наступила Пасха. Весна была въ то время ранняя: Благовѣщеніе приходилось во вторникъ Пасхи и уже въ то время можно было ходить въ однихъ сюртукахъ; луга зеленѣли, развивались вербы. Приближался день моей свадьбы, и я къ нему готовился, не подозрѣвая, что надъ моей головой собирается туча, изъ которой долженъ постигнуть меня ударъ.

IV.

. . . . . .

V.

Жизнь въ Саратовѣ.

Въ Саратовѣ я былъ опредѣленъ въ должность переводчика при Губернскомъ правленіи, съ жалованьемъ 350 рублей въ годъ; переводить было нечего и я только числился на службѣ. Губернаторъ поручилъ мнѣ въ своей канцеляріи завѣдываніе сначала уголовнымъ столомъ, а потомъ — секретнымъ; въ послѣднемъ производились дѣла преимущественно раскольничьи, что для меня было довольно любопытно. Тутъ я увидѣлъ строгія преслѣдованія и стѣсненія раскольниковъ, бывшія въ силѣ при архіерействѣ Іакова, недавно передъ тѣмъ переведеннаго въ Нижній. Занятіе сектантскими дѣлами влекло меня къ ознакомленію съ міромъ раскольничьимъ, но это было не такъ-то легко: съ одной стороны, при крайней сосредоточенности, какою отличаются сектанты въ сношеніяхъ съ чиновниками; съ другой, при моемъ положеніи ссылочнаго, близкія сношенія съ раскольниками могли бы возбудить подозрѣніе начальства. Я успѣлъ, однако, на первыхъ порахъ познакомиться съ однимъ раскольничьимъ семействомъ, имѣвшимъ подъ городомъ садъ, куда я сталъ ѣздить для прогулки. Раскольники эти принадлежали къ поморской сектѣ и здѣсь-то я впервые узналъ объ основаніяхъ, на которыхъ держится эта секта и вообще вся безпоповщина.

Мало-по-малу случай сводилъ меня на знакомство съ жителями города, въ средѣ которыхъ нашелъ я нѣсколько образованныхъ семей, гдѣ были люди съ университетскимъ образованіемъ. На слѣдующій годъ я познакомился и сошелся съ кружкомъ сосланныхъ поляковъ. Это были люди развитые и мнѣ было пріятно въ ихъ обществѣ, хотя ихъ польскій патріотизмъ не разъ наталкивался на мои русскія симпатіи и подавалъ поводъ къ горячимъ, хотя и пріятельскимъ спорамъ. Одинъ изъ этихъ поляковъ, Мелянтовичъ, сталъ моимъ задушевнымъ пріятелемъ, потому что въ немъ одномъ польскій патріотизмъ уступалъ мѣсто идеѣ славянской взаимности и не доходилъ до той враждебности ко всему русскому, какою вообще отличались поляки. Этотъ молодой человѣкъ, впослѣдствіи умершій отъ холеры, не дождавшись своего освобожденія, представлялся мнѣ типомъ того поляка, который, какъ мнѣ казалось, могъ быть только до введенія іезуитовъ, исказившихъ польское воспитаніе и создавшихъ въ полякѣ хитрость и двоедушіе, что такъ несвойственно было ихъ прежней славянской натурѣ.

Между тѣмъ, пришла мнѣ мысль продолжать исторію Богдана Хмельницкаго и я написалъ письмо къ графу Свидзинскому, зная, что онъ имѣетъ богатую библіотеку, и просилъ его присылать мнѣ матеріалы для окончанія извѣстнаго ему моего труда. Графъ принялъ мою просьбу такъ любезно, какъ я и не надѣялся: присылалъ мнѣ одну за другою изъ своей библіотеки латинскія и польскія книги, служащія источниками для эпохи Хмельницкаго. Съ помощью этихъ сочиненій я имѣлъ возможность не только продолжать свое историческое сочиненіе, но даже и привести его въ такой видъ, въ какомъ оно нуждалось только въ дополнительной обработкѣ, а это послѣднее дѣло я оставлялъ на то время, когда буду свободенъ и найду возможность ѣхать въ такія мѣста, гдѣ находятся библіотеки и архивы.

Несмотря на всѣ тогдашнія занятія, я сильно хандрилъ и хандра отозвалась на моихъ нервахъ: у меня возобновилась прежняя мнительность и наклонность преувеличивать свои недуги, или же даже создавать небывалые. Я сталъ лечиться; но такъ какъ въ Саратовѣ не было опытныхъ и искусныхъ врачей, то я попадался въ руки такимъ эскулапамъ, которые стали меня пичкать произведеніями латинской кухни, и я, отъ страха болѣзней, какихъ у меня не бывало, нажилъ себѣ дѣйствительныя болѣзни—неизбѣжныя слѣдствія ядовитыхъ веществъ, какими меня угощали. Такимъ образомъ, однажды мнѣ дали чай изъ валеріаны; послѣ двухъ стакановъ у меня началось головокруженіе; я выскочилъ на воздухъ и упалъ на землю; кругомъ меня все вертѣлось: крыши домовъ, вершины колоколенъ и даже отдаленныя горы; на мое счастіе, шедшая мимо женщина догадалась, что мнѣ дурно, и дала мнѣ нѣсколько ударовъ въ спину; со мною началась сильная рвота, возобновлявшаяся раза четыре и только это спасло меня, иначе, какъ говорили потомъ врачи, у меня сдѣлался бы приливъ крови къ мозгу и апоплексическій ударъ.

Съ этихъ поръ на нѣкоторое время я устранилъ себя отъ занятій исторіею, вдался въ чтеніе физическихъ и астрономическихъ сочиненій, прочелъ съ большимъ наслажденіемъ Гумбольдта и до крайности увлекся астрономіею. Весною въ 1852 году я познакомился съ Анной Никаноровной Пасхаловой, впослѣдствіи вышедшей замужъ за Д. Л. Мордовцева. Это была женщина чрезвычайно любознательная и увлекающаяся; ее, какъ и меня, занимала въ то время астрономія. Къ нашему удовольствію, въ Саратовѣ временно проживалъ странствующій оптикъ Эдельбергъ (въ настоящее время жительствующій въ Харьковѣ). У него, между прочимъ, былъ очень хорошій астрономическій телескопъ и, поль-

зуясь этимъ обстоятельствомъ, мы ѣздили къ нему практически наблюдать и повѣрять прочитанныя нами свѣденія о строеніи и теченіи небесныхъ тѣлъ. Лѣтомъ, по представленію губернатора, я былъ отпущенъ въ Крымъ, чѣмъ былъ обязанъ милости нынѣшняго Государя Императора, который во время отсутствія родителя управлялъ дѣлами государства. Я ѣхалъ черезъ Таганрогъ, гдѣ, опоздавши къ отплытію парохода, принужденъ былъ дожидаться новаго пароходнаго рейса цѣлыхъ девять дней. На пароходѣ отъ Таганрога до Керчи я встрѣтилъ харьковскаго профессора медика Альбрехта съ однимъ французомъ, пансіоносодержателемъ въ Харьковѣ, и съ однимъ помѣщикомъ изъ Харьковской губерніи. Мы условились проѣхать вмѣстѣ по южному берегу; къ намъ присталъ учичель французскаго языка въ екатеринодарской гимназіи Аморетти, родомъ итальянецъ изъ Милана, пріѣхавшій въ отрочествѣ въ Россію и потомъ учившійся въ харьковскомъ университетѣ. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ, познакомился съ малорусскою народностью и сердечно полюбилъ ее. Въ Керчи мы остановились на четыре дня и получили приглашеніе присутствовать при раскопкѣ одного древняго кургана. Раскопкой завѣдывалъ тогда художникъ Бѣгичевъ; при той же раскопкѣ былъ пріѣхавшій въ Керчь одесскій профессоръ Н. Н. Мурзакевичъ. Когда раскопанъ былъ одинъ курганъ и открылся въ глубину его склепа узкій входъ, черезъ который можно было только пролѣзть ползкомъ, я вмѣстѣ съ Мурзакевичемъ спустился туда. Мы очутились въ подземномъ склепѣ, на столько высокомъ, что можно было безопасно стоять въ немъ; мы увидали груду жженыхъ костей, разложенныхъ на земляномъ прилавкѣ; въ головахъ скелета была глиняная амфора, которую мы вынесли съ собою и передали Бѣгичеву для музея. Болѣе ничего тамъ не найдено. Мы объѣздили окрестности Керчи, посѣтили Царскій курганъ, давно уже разрытый, и входили въ его средину, представляющую пещеру съ винтообразнымъ сводомъ; потомъ посѣщали Золотой курганъ, находящійся за городомъ на противоположной сторонѣ отъ Царскаго, но не могли спуститься въ его внутренность, потому что она недавно завалилась. Разъѣзжая по окрестностямъ Керчи, мы заѣхали въ Еникале, гдѣ попробовали знаменитаго еникальскаго балыка, который дѣйствительно отличается необыкновенно хорошимъ вкусомъ. Изъ Керчи отправились мы въ Ѳеодосію, гдѣ пробыли только нѣсколько часовъ, и слѣдовали далѣе по морю до Ялты. Не останавливаясь въ этомъ городѣ, мы взяли почтовую тройку, наняли сверхъ того верховыхъ лошадей и двинулись въ путь на западъ, предполо-

живши заѣзжать въ болѣе живописныя дачи, расположенныя по берегу Чернаго моря. Первымъ мѣстомъ, куда мы заѣхали, была Ливадія, принадлежавшая тогда графу Северину Потоцкому; дворецъ его былъ устроенъ и убранъ въ античномъ, греческомъ вкусѣ. Передъ крыльцомъ дворца былъ разведенъ цвѣтникъ, чрезвычайно богатый видами растеній и изящный. Изъ Ливадіи мы проѣхали въ обѣ Оріанды, заѣхали на дачу князя Мещерскаго, гдѣ гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ завтракомъ, а оттуда прибыли въ Алупку. Въ то время не было еще тамъ построенной послѣ гостинницы; содержалъ нѣчто въ родѣ таверны какой-то французъ, страдавшій страстію къ запою. Здѣсь съ насъ содрали неимовѣрно-дорогую цѣну за плохо-приготовленный обѣдъ и за ночлегъ на сѣнѣ и соломѣ. Наше неудобство помѣщенія выкупалось наслажденіемъ, какое мы испытывали въ превосходномъ саду, устроенномъ чрезвычайно изящно и съ соблюденіемъ необыкновенной близости къ природѣ и совершеннаго отсутствія искуственности. Я пожалѣлъ только, что не могъ остаться въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. На другой день, еще разъ обошедши значительную часть сада и полюбовавшись всѣми его прелестями, мы отправились на почтовыхъ далѣе и такимъ образомъ проѣхали черезъ Байдарскія ворота и Байдарскую долину до Балаклавы, куда прибыли на восходѣ солнца въ слѣдующій день. Наша медленность произошла оттого, что мы въ дорогѣ почти на каждомъ сколько нибудь живописномъ мѣстѣ вставали и любовались видами. Взошедши на гору въ Балаклавѣ, мы осмотрѣли стоящія на ней генуэзскія башни; потомъ спустились внизъ, скупались въ заливѣ, и сѣвши на тележку, отправились въ Севастополь. Въ этомъ городѣ мы нашли самый радушный пріемъ: познакомившійся съ нами на пароходѣ во время плаванія отъ Керчи до Ялты лейтенантъ Варницкій (впослѣдствіи убитый во время войны), сынъ одного изъ адмираловъ, доставилъ намъ возможность осмотрѣть нѣсколько кораблей. На каждомъ изъ нихъ мы были привѣтствуемы обществомъ флотскихъ офицеровъ, оказывавшихъ намъ чрезвычайное радушіе и внимательность. Затѣмъ мы осмотрѣли библіотеку и обсерваторію; потомъ обходили сухіе доки и пошатались по улицамъ. Городъ былъ красивъ, хотя бѣлая пыль, покрывавшая его улицы, невольно наводила скуку. Никто изъ насъ не могъ въ то время предчувствовать, что отъ всего видѣннаго нами черезъ три года не останется ничего, кромѣ развалинъ и печальныхъ слѣдовъ разрушенія, какіе мнѣ привелось увидѣть спустя послѣ того восемнадцать лѣтъ. Харьковскіе товарищи моего путешествія

уплыли изъ Севастополя въ Одессу, а я вмѣстѣ съ Аморетти уѣхалъ на почтовыхъ въ Бахчисарай, гдѣ мы переночевали и, осмотрѣвши ханскій дворецъ, пустились въ Ѳеодосію. У Аморетти тамъ жили родные, а я хотѣлъ тамъ купаться. Мое купанье въ Ѳеодосіи продолжалось, однако, не долго: скука и грусть, возбуждаемыя чрезвычайнымъ зноемъ, одиночествомъ и пустынною мѣстностью, до того вывели меня изъ терпѣнія, что я покинулъ купанье и уѣхалъ черезъ Керчь и Таганрогъ назадъ въ Саратовъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ августа.

По пріѣздѣ въ Саратовъ, симпатіи мои отъ астрономіи обратились къ этнографіи, и мы съ г-жею Пасхаловою вздумали собирать мѣстныя народныя пѣсни. Такимъ образомъ во мнѣ разомъ пробудилась склонность къ тому, къ чему я съ такимъ же увлеченіемъ предавался назадъ тому лѣтъ десять въ другомъ краѣ. Я очень часто ѣздилъ къ г-жѣ Пасхаловой въ деревню, отстоявшую отъ города за восемь верстъ, гдѣ мы приглашали простонародныхъ мужчинъ и женщинъ, заставляли пѣть пѣсни и записывали ихъ; кромѣ того, въ самомъ городѣ я преусердно ходилъ всюду, гдѣ только могъ найти себѣ пѣсенную добычу, и такимъ образомъ познакомился съ народною великорусскою поэзіею, которую до того времени зналъ только по книгамъ.

Весною 1853 года Анна Никаноровна уѣхала въ Петербургъ, а я съ тѣхъ поръ принялся за иную работу: я перебралъ все, что могъ найти печатнаго изъ актовъ и документовъ, касающихся внутренняго русскаго быта прошедшихъ временъ, и дѣлалъ выписки и замѣтки на особыхъ билетахъ, составляя изъ нихъ отдѣленія, касающіяся разныхъ отраслей исторической жизни. Это занятіе потянулось на года и увлекало меня до конца моего пребыванія въ Саратовѣ. Въ это время, по случаю продажи дома моимъ бывшимъ хозяиномъ, я перешелъ на иную квартиру, въ домъ консисторскаго чиновника Прудентова и оставался тамъ уже до конца, занимая за сто рублей серебромъ въ годъ шесть свѣтлыхъ комнатъ во второмъ этажѣ, съ прекраснымъ видомъ на Волгу и на далекое, живописное городище бывшаго нѣкогда татарскаго города Увѣка или Укѣка. Моя квартира вся была заставлена превосходными тепличными растеніями: бананами, спарманіями, пальмами и другими; все это я купилъ въ прекрасной оранжереѣ Стобеуса и довольно дешево, какъ и вообще жизнь въ Саратовѣ отличалась чрезвычайною дешевизною. Ассигнуя какой нибудь рубль, можно было имѣть отличный обѣдъ съ ухой изъ свѣжихъ стерлядей, съ холодной осетриной, жареными цыплятами и фруктами для десерта. Стерляди и осетры продавались живыми.

Съ 1853 года начались для меня нѣкоторыя непріятности. Въ Саратовѣ произошло замѣчательное событіе: пропало, одинъ за другимъ, двое мальчиковъ, оба найдены были мертвыми съ видимыми признаками истязанія: одинъ въ мартѣ на льду, другой—въ апрѣлѣ на островѣ. Всеобщее подозрѣніе падало на евреевъ, вслѣдствіе старинныхъ слуховъ о пролитіи евреями христіанской дѣтской крови. Присланный изъ Петербурга по этому дѣлу чиновникъ Д. потребовалъ отъ губернатора чиновника, знающаго иностранные языки и кромѣ того знакомаго съ исторіей. Губернаторъ откомандировалъ къ нему меня. Прежде всего мнѣ дали для перевода странную книгу: это были переплетенные вмѣстѣ, печатные и писанные отрывки неизвѣстно откуда на разныхъ языкахъ, заключавшіе въ себѣ офиціальные документы о необвиненіи іудеевъ въ возводимомъ на нихъ подозрѣніи въ пролитіи христіанской дѣтской крови. Тутъ были и папскія буллы, и декреты разныхъ королей, и постановленія сенатовъ, и циркуляры министровъ. Книгу эту нашли у одного еврея. Послѣ перевода этой книги, меня просили составить ученую записку: опытъ рѣшенія вопроса: есть ли какое нибудь основаніе подозрѣвать евреевъ въ пролитіи христіанской дѣтской крови. Такъ какъ для этого нужны мнѣ были пособія, то при посредствѣ Д. я и получилъ ихъ отъ саратовскаго преосвященнаго Аѳанасія. — — — Множество папскихъ буллъ и королевскихъ декретовъ, которые евреи собирали и хранили такъ усердно, показываетъ, что было нѣчто такое, что вынуждало явленія этихъ документовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ офиціальныхъ памятниковъ, которыми евреи себя оправдывали, давалась тогда, когда дававшіе ихъ явно нуждались въ деньгахъ. Такъ, напримѣръ, выдавали ихъ папы, находясь въ войнахъ съ императорами, польскіе короли, которые, какъ извѣстно, постоянно нуждались въ деньгахъ, и т. д. Но когда губернаторъ узналъ о томъ, что́ я написалъ, то призвалъ меня къ себѣ и началъ грозить, что онъ меня засадитъ въ острогъ и напишетъ куда слѣдуетъ о моей неблагонадежности, чтобы меня послали куда нибудь подальше и въ худшее мѣсто. Дѣло въ томъ, что губернаторъ допустилъ противозаконно проживать евреямъ въ великорусской губерніи, гдѣ имъ не дозволялось жительствовать, опасался со стороны присланнаго чиновника подъ себя подкопа и не хотѣлъ, чтобы правительство признало подозрѣніе на евреевъ сколько нибудь основательнымъ.

На слѣдующій годъ въ саратовской администраціи произошла большая перемѣна: губернаторъ былъ отставленъ; за нимъ то же послѣдовало со многими другими чиновниками; пріѣхалъ новый

губернаторъ Игнатьевъ и новый вице-губернаторъ; послѣднимъ назначенъ тотъ же самый Д., который въ предшествовавшемъ году производилъ слѣдствіе; къ достиженію этой должности ему, какъ я слышалъ, помогло мое сочиненіе, которое въ министерствѣ признали за его собственное и сочли его ученымъ человѣкомъ. Но въ должности вице-губернатора ему пришлось быть не долго: не болѣе какъ черезъ годъ онъ былъ замѣщенъ другимъ.

Въ 1854 году надо мною собиралось новое несчастіе, которое, однако, миновало меня. Я отдалъ напечатать собранныя мною пѣсни въ Саратовскія Губернскія Вѣдомости, не подписывая моего имени. Печатаніе всѣхъ пѣсенъ еще не было окончено, какъ вдругъ изъ Петербурга получается бумага, гдѣ извѣщается, что высшая правительственная власть замѣтила, что въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ печатаются некстати народныя пѣсни непристойнаго содержанія, причемъ противъ одной пѣсни было замѣчено: «мерзость, гадость; если такія пѣсни существуютъ, то дѣло губернскаго начальства искоренять ихъ, а не распространять посредствомъ печати». Это замѣчено противъ слѣдующихъ стиховъ въ одной пѣснѣ:

„Дѣвчоночка молода раздогадлива была,
Черноброва черноглаза парня высушила,
Присушила русы-кудри ко буйной головѣ,
Заставила шататися по чужой сторонѣ,
Приневолила любити чужемужнихъ жонъ.
Чужемужни жоны—лебедушки бѣлы,
А моя шельма жена—полынь горькая трава.“

Вслѣдствіе этого повелѣно было цензора, пропустившаго пѣсни, отставить отъ должности съ лишеніемъ пенсіона. Цензоромъ былъ директоръ саратовской гимназіи, который, однако, съумѣлъ отписаться и оправдаться. Я думалъ, что доберутся и до меня, но меня не спрашивали. Вслѣдъ за тѣмъ случились новыя непріятности. Пріѣхалъ въ Саратовъ новый полиціймейстеръ, отличившійся тѣмъ, что на первыхъ же порахъ, желая угодить начальству, неблагосклонно взглянувшему на пѣсни, ѣздилъ по городу съ казакомъ и приказывалъ бить плетью людей, которыхъ заставалъ съ гармониками поющихъ пѣсни. Въ началѣ 1855 года, вскорѣ послѣ своего пріѣзда, онъ приказалъ собраться въ полицію всѣмъ состоящимъ подъ ея надзоромъ; я былъ позванъ въ числѣ прочихъ и увидѣлъ, кромѣ знакомыхъ мнѣ сосланныхъ поляковъ, нѣсколько мужчинъ и женщинъ, содержавшихся подъ надзоромъ не за политическія дѣла, но за всякаго рода преступленія и проступки. Тутъ

были, какъ я узналъ, и содержательницы домовъ терпимости и оставленные въ подозрѣніи по разнымъ уголовнымъ дѣламъ, между прочимъ и по тому еврейскому дѣлу, которое не такъ давно принесло мнѣ столько неудовольствія. Полиціймейстеръ, вошедши съ грознымъ, начальническимъ видомъ, началъ читать всѣмъ составленныя имъ правила, заключавшія въ себѣ разныя наставленія о добропорядочномъ поведеніи, напримѣръ: не ходить по кабакамъ, по зазорнымъ домамъ, не буянить, не пьянствовать до безобразія и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ навязывалъ на всѣхъ обязанность не выѣзжать за городскую черту, ни съ кѣмъ не сноситься и не вести корреспонденціи иначе, какъ съ его вѣдома и разрѣшенія. Прочитавши такое нравоученіе, онъ требовалъ, чтобы всѣ давали подписку въ соблюденіи начертанныхъ имъ правилъ. Призванные стали подписываться. Къ удивленію моему я увидалъ, что поляки, содержавшіеся по политическимъ дѣламъ, также безропотно подписывались. Когда же очередь дошла до меня, я сказалъ, что давать такой подписки не стану, потому что хотя я и состою подъ надзоромъ, но подъ особымъ и по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ на службу, въ которой и нахожусь. «Всѣ ваши товарищи подписались», загремѣлъ полиціймейстеръ, указывая на собранную имъ разнообразную публику. «Я не могу»—сказалъ я, «обязываться не выѣзжать безъ вашего позволенія изъ города, когда, быть можетъ, губернаторъ пошлетъ меня по какому нибудь дѣлу, секретному и для васъ; также и переписки своей не буду открывать вамъ.» Полиціймейстеръ разъярился и затопалъ на меня ногами, но я сказалъ ему: «г. полиціймейстеръ, вы на меня не топайте; я вижу, что вы не совсѣмъ понимаете вашу обязанность по отношенію ко мнѣ: я присланъ сюда подъ особый надзоръ и въ совершенномъ секретѣ, слѣдовательно вы можете секретно слѣдить за мною, но не должны были призывать меня сюда въ присутствіи многихъ, незнакомыхъ мнѣ лицъ и такимъ образомъ публиковать о моемъ секретномъ нахожденіи подъ надзоромъ; если вамъ угодно, спросите прежде губернатора, и когда мнѣ онъ прикажетъ давать вамъ какую нибудь подписку, тогда дѣло иное».—«Поѣдемте къ губернатору»,— сказалъ онъ, вышелъ, мы сѣли съ нимъ въ сани и отправились къ губернатору Игнатьеву. Полиціймейстеръ вошелъ къ нему въ кабинетъ, оставивъ меня въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ губернаторъ и пригласилъ меня въ кабинетъ, а полиціймейстеръ уѣхалъ. Губернаторъ принялъ меня ласково и просилъ извинить полиціймейстера, «который еще вновѣ и не знаетъ вашего положенія,» сказалъ онъ. Затѣмъ губернаторъ предложилъ мнѣ принять на себя

званіе дѣлопроизводителя статистическаго комитета, что̀ мнѣ должно было дать 300 рублей прибавки къ получаемому мною содержанію. Въ заключеніе всего губернаторъ, по моей просьбѣ, обѣщалъ исходатайствовать мнѣ если не совершенную свободу отъ всякаго надзора, то по крайней мѣрѣ право съѣздить въ Петербургъ на четыре мѣсяца для полученія денегъ моей матери, хранящихся въ опекунскомъ совѣтѣ. Надобно сказать, что еще въ 1848 году мать моя положила въ опекунскій совѣтъ 1500 рублей; въ то же время какой-то крестьянинъ Правдинъ, стоявшій за нею, увидалъ нумеръ безъименнаго билета и подалъ объявленіе о его утратѣ, будто бы случившейся въ самомъ опекунскомъ совѣтѣ въ день взятія билета. Пошло уголовное дѣло и кончилось въ пользу моей матери. Постановленіемъ уголовной палаты опредѣлено было: отдать билетъ моей матери. Теперь надлежало взять изъ уголовной палаты копію съ рѣшенія дѣла и съ этой копіей потребовать денегъ изъ опекунскаго совѣта съ накопившимися процентами.

Послѣ этого свиданія съ губернаторомъ я началъ заниматься статистикою Саратовскаго края въ званіи дѣлопроизводителя статистическаго комитета, а между тѣмъ продолжалъ мои занятія по внутренней русской исторіи, по прежнему выписывая мѣста изъ актовъ и всякихъ документовъ, какіе только могъ найти въ печатномъ видѣ въ Саратовѣ. Тогда же я занялся разборомъ рукописей, находившихся въ саратовскомъ соборѣ, забранныхъ въ разное время у раскольниковъ и въ числѣ этихъ рукописей нашелъ превосходный и полный списокъ Стоглава, самый старѣйшій и самый правильный изъ всѣхъ, какіе мнѣ случалось видѣть послѣ того. Въ маѣ, въ томъ же году, возвратилась изъ Петербурга моя давняя знакомая Анна Никаноровна, уже не г-жа Пасхалова, а г-жа Мордовцева; она пріѣхала съ молодымъ мужемъ, только что кончившимъ курсъ въ с-петербургскомъ университетѣ съ званіемъ кандидата и съ золотою медалью. Первое знакомство съ нимъ сдѣлало на меня самое пріятное впечатлѣніе: я скоро съ нимъ сблизился и на всегда подружился. Близость наша поддержалась тогда и тѣмъ, что онъ, скоро послѣ своего пріѣзда, получилъ мѣсто помощника дѣлопроизводителя въ статистическомъ комитетѣ, а какъ дѣлопроизводителемъ былъ я, то у насъ явились общіе интересы.

Въ іюлѣ того же года Саратовъ былъ пораженъ замѣчательнымъ несчастіемъ. 22 іюля разнесся въ городѣ слухъ, что городъ будутъ жечь въ продолженіе недѣли и сожгутъ до тла. И въ самомъ дѣлѣ 24 числа вспыхнулъ пожаръ на краю города у машинной фабрики, и не успѣла пожарная команда явиться туда, какъ

огонь показался на противоположной части города разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ восьми часовъ утра до четырехъ часовъ вечера истреблено было 500 дворовъ. Это произвело такой паническій страхъ на жителей, что они стали выбираться изъ домовъ и располагаться за городомъ въ полѣ, а нѣкоторые—въ лодкахъ на Волгѣ. Рано утромъ 25 числа вспыхнулъ пожаръ рядомъ съ моей квартирой, и дому, гдѣ я жилъ, угрожало пламя. Моя матушка, подчиняясь общему страху и желая спасти болѣе цѣнную движимость, вмѣстѣ съ прислугою выѣхала въ поле, а я пока остался въ квартирѣ. Въ тотъ же день было нѣсколько пожаровъ въ разныхъ мѣстахъ города. 26 іюля, на солнечномъ восходѣ, опять загорѣлось по сосѣдству со мною, въ томъ же дворѣ, гдѣ и прежде, но въ другомъ строеніи. На этотъ разъ пламя уже достигло до оконъ моей квартиры. Ко мнѣ вбѣжали незнакомые люди, предлагая выносить пожитки, но въ моей квартирѣ оставалось только немного мебели и кадки съ растеніями; я не позволилъ ничего выносить, соображая, что если растенія вынесутъ, то ихъ переломаютъ и они, все равно, пропадутъ. Ожидая съ секунды на секунду, что огонь ворвется ко мнѣ въ окно, я связалъ свои бумаги, именно: тетрадь съ исторіею Хмельницкаго и кипу выписокъ изъ актовъ и собирался уходить съ своею ношею за-городъ къ матушкѣ, какъ прибѣжали ко мнѣ нѣсколько знакомыхъ; они удивлялись, что я такъ хладнокровно остаюсь въ своемъ помѣщеніи, когда мнѣ угрожаетъ огонь, но я, засмѣявшись, указалъ имъ на свои бумаги и припомнилъ извѣстное выраженіе бѣжавшаго изъ пылающаго города греческаго ученаго: «omnia mea mecum porto» (все свое несу съ собою). Однако пожаръ былъ потушенъ; домъ, въ которомъ я жилъ, не сгорѣлъ. Я вышелъ на улицу и былъ свидѣтелемъ забавной сцены: частный приставъ разсказывалъ народу, что пожары производятъ враги наши «англо-французы» и что одного англо-француза поймали на прибывшемъ пароходѣ. Народъ слушалъ съ довѣрчивостью, воображая, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ народъ, называемый англо-французы.

Въ теченіе этого дня опять случилось нѣсколько пожаровъ. Часовъ въ шесть по-полудни я отправился купаться и на улицѣ встрѣтилъ дикую толпу мѣщанъ, которые вели связаннымъ какого-то молодого человѣка избитаго и залитаго кровью. Двое изъ этихъ мѣщанъ, жительствовавшихъ на одной со мною улицѣ, знали меня и обратились ко мнѣ въ качествѣ посредника или третейскаго судьи въ ихъ дѣлѣ. По распросу моему оказалось, что избитый и связанный молодой человѣкъ былъ грузинъ, учившійся въ саратовской семинаріи; онъ былъ именинникъ, пригласилъ къ

себѣ товарищей и началъ съ ними кутить; хозяйка дома вошла къ веселой компаніи и начала читать нравоученія, что грѣшно пить и веселиться въ то время, когда всѣхъ постигло божіе посѣщеніе: горячій грузинъ не вытерпѣлъ и началъ ее выталкивать; она подняла тревогу, сбѣжался народъ, несчастнаго грузина сочли поджигателемъ-англо-французомъ, и увидя, что въ одномъ мѣстѣ начинается пожаръ, вели его туда съ намѣреніемъ, какъ сами сознавались, бросить его въ огонь, а по дорогѣ къ мѣсту расправы наносили ему удары. Я объяснилъ имъ, что нельзя такъ самовольствовать, что если они его подозрѣваютъ, то должны препроводить къ начальству—и то безъ побоевъ; начальство разберетъ виноватъ ли онъ и если окажется виновнымъ, то виновнаго и постигнетъ наказаніе, указанное закономъ. Мои слова подѣйствовали на разъяренную толпу болѣе чѣмъ я хотѣлъ: грузина развязали и не повели въ полицію, но отпустили на свободу, наградивши его только крѣпкими русскими словами. Пожары стали прекращаться только въ началѣ августа. На счастіе пріѣхалъ въ Саратовъ новый полиціймейстеръ, человѣкъ очень энергическій, принявшійся за дѣло спасенія города усерднѣе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Подкидывались записки такого рода: «Сергѣй Ивановичъ! (одинъ изъ купцовъ домовладѣльцевъ) хоть стереги свой домъ, хоть не стереги, а мы тебя сожжемъ. Васька бѣлый писалъ рукой смѣлой». Однако домъ этого Сергѣя Ивановича остался цѣлъ. Изъ произведеннаго слѣдствія открылось только два поджога: одинъ произвелъ мальчикъ, учившійся у сапожника; перелѣзши черезъ заборъ въ сосѣдній дворъ, онъ воткнулъ спичку съ огнемъ въ ясли, гдѣ было положено сѣно; произошелъ пожаръ. Впослѣдствіи мальчикъ, обличенный другимъ мальчикомъ, которому онъ открылъ о своемъ преступленіи, показалъ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы посмотрѣть и полюбоваться, какъ будетъ горѣть. Въ другомъ домѣ пожаръ былъ произведенъ четырнадцатилѣтней дѣвочкой, которую барыня жестоко избила и та, въ припадкѣ досады, сдѣлала поджогъ на чердакѣ дома своей барыни. Не найдено было никакого слѣда партіи какихъ нибудь злоумышленниковъ, дѣйствующихъ заговоромъ по предначертаннымъ цѣлямъ. Въ народѣ, съ голоса полицейскихъ чиновниковъ, толковали объ англо-французахъ, а въ высшихъ кругахъ подозрѣвали поляковъ. Одинъ господинъ, занимавшій тогда должность совѣтника, находясь въ одномъ домѣ, изъявлялъ подозрѣніе на меня, хотя никогда не видалъ меня въ глаза, какъ и я его, и когда ему сказали, что я не полякъ, онъ отвѣчалъ, что навѣрное знаетъ, что я полякъ и притомъ католическаго исповѣданія.

Осенью, на представленіе губернатора, прислано было дозволеніе отправиться мнѣ въ Петербургъ во временный отпускъ для окончанія моихъ дѣлъ. Съ первымъ зимнимъ путемъ я пустился въ дорогу вмѣстѣ съ однимъ чехомъ, занимавшимъ до того времени должность управляющаго въ одномъ имѣніи саратовской губерніи. Мы ѣхали на почтовыхъ черезъ Пензу, Арзамасъ, Муромъ и Владиміръ до Москвы, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Съ нами съѣзжались на почтовыхъ станціяхъ всякаго рода лица, заводили разговоры и знакомства. Это было время всеобщихъ надеждъ на обновленіе Россіи, котораго всѣ тогда чаяли при наступившемъ новомъ царствованіи; толковали о скоромъ заключеніи мира и объ обращеніи дѣятельности правительства и общества ко внутреннему благоустройству Россіи. Это было истинно поэтическое время: казалось, всякія эгоистическія стремленія улегались, люди переставали думать о собственныхъ выгодахъ, у всѣхъ на умѣ и на языкѣ было возрожденіе русскаго общества къ иной жизни, которой оно только желало, но еще не испытывало. У всѣхъ слышалась вѣра въ доброжелательство и умъ новаго Государя, и уже тогда наперевывъ говорили, какъ о первой необходимости, объ освобожденіи народа изъ крѣпостной зависимости. Въ одномъ мѣстѣ на дорогѣ, съ нами встрѣтился помѣщикъ Нижегородской губерніи, который сознавался, что если послѣдуетъ освобожденіе, то оно принесетъ дворянству сильный ударъ и подорветъ его матеріальныя выгоды; но «нечего дѣлать», говорилъ онъ, «надобно принести въ жертву все для пользы народа; вѣдь жертвовали же мы и достояніемъ, и самою жизнью въ минуты угрожавшей отечеству опасности, тѣмъ болѣе обязаны послужить ему въ такомъ важномъ дѣлѣ, которое обновитъ его на многія поколѣнія». Говорили даже о заведеніи школъ для народа и считали дѣло народнаго образованія столько же важнымъ, какъ и дѣло освобожденія. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я помѣстился въ chambres garnies на Малой Морской, въ домѣ Митусова и за 25 рублей въ мѣсяцъ получилъ удобно меблированную комнату съ перегородкой для спальни и съ прислугою. Дѣло моей матери было окончено скоро и я получилъ слѣдуемыя ей деньги.

Важнѣйшимъ моимъ занятіемъ я положилъ себѣ привести въ окончаніе свою исторію Хмельницкаго и дополнить новыми выписками изъ книгъ и рукописей Публичной библіотеки, давно уже собираемыя мною данныя для «внутренняго быта древней Россіи». Съ декабря 1855 года я началъ ходить въ императорскую публичную библіотеку, занимался печатными источниками въ отдѣленіи Rossica и рукописями славянскими и польскими. Не проходило дня, въ ко-

торый бы я не сидѣлъ въ библіотекѣ, отправляясь туда къ десяти часамъ утра и возвращаясь вечеромъ обыкновенно въ девять часовъ, если не посвящалъ вечера на посѣщеніе театра. На обѣдъ тратилъ я не болѣе получаса, отправляясь изъ библіотеки въ одинъ изъ ближайшихъ ресторановъ. Такъ прошло до четырехъ мѣсяцевъ. Я почти ни у кого не бывалъ и погрузился всецѣло въ міръ минувшаго. Такимъ образомъ въ этотъ періодъ моей жизни, я успѣлъ перечитать множество томовъ и брошюръ по исторіи Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ, пересмотрѣлъ нѣсколько книгъ, польскихъ рукописей и перебралъ путешественниковъ, писавшихъ о Россіи, изъ которыхъ сдѣлалъ себѣ отмѣтки, относившіяся къ чертамъ нравовъ и быта, подмѣченнымъ путешественниками.

Въ мартѣ 1856 года я отнесъ экземпляръ исторіи Богдана Хмельницкаго къ цензору Фрейгангу, какъ вдругъ неожиданно для меня услыхалъ отъ него, что при покойномъ Государѣ состоялось секретное запрещеніе допускать мои сочиненія къ напечатанію. Я отправился къ генералу Дуббельту съ просьбою объ исходатайствованіи снятія съ меня этого запрещенія. Дуббельтъ принялъ меня очень ласково, обнадежилъ исполненіемъ моего желанія и обѣщалъ поговорить съ цензоромъ, чтобы онъ былъ ко мнѣ снисходителенъ. Когда черезъ недѣлю послѣ того пріѣхалъ я къ Фрейгангу, онъ сообщилъ мнѣ, что Дуббельтъ призывалъ его и толковалъ съ нимъ обо мнѣ, но не просилъ, какъ обѣщалъ, быть ко мнѣ снисходительнымъ, а напротивъ, предостерегалъ быть особенно строгимъ и внимательнымъ; тѣмъ не менѣе, разрѣшеніе было мнѣ выдано и путь къ литературной дѣятельности открытъ.

Моего Богдана Хмельницкаго я предназначалъ для печатанія въ «Отечественныя Записки», которыя цензировалъ Фрейгангъ. Вѣрный наставленію Дуббельта, этотъ цензоръ былъ дѣйствительно ко мнѣ очень строгъ: вымаралъ множество мѣстъ, не представлявшихъ ничего подозрительнаго, если не прилагать особаго желанія толковать ихъ съ натяжкою въ дурномъ смыслѣ. Мой Богданъ Хмельницкій однако прошелъ и поступилъ въ распоряженіе Краевскаго, издателя «Отечественныхъ Записокъ». Въ то же время я помѣстилъ въ «Современникѣ» статью о Горѣ-Злочастіи, изложивъ содержаніе этого памятника великорусской поэзіи XVII вѣка, отысканнаго при моихъ глазахъ А. Н. Пыпинымъ въ одномъ изъ погодинскихъ сборниковъ. Обдѣлавъ свои дѣла и не дожидаясь напечатанія «Хмельницкаго», которое должно было идти на многіе мѣсяцы, съ весною я уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ принялся приводить въ порядокъ собранныя въ публичной библіо-

текѣ выписки о внутренней исторіи древней Россіи, и сталъ обрабатывать, какъ одну часть обширнаго труда, исторію русской торговли XVI и XVII вѣка, удѣляя, кромѣ того, время и на занятія статистикою саратовской губерніи, какъ того требовала занимаемая мною должность дѣлопроизводителя статистическаго комитета. Въ этомъ званіи, по порученію губернатора, съѣздилъ я въ городъ Вольскъ, осмотрѣлъ его и составилъ его описаніе, которое было напечатано въ 1857 г. въ «Саратовскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ» и перепечатано въ «Памятной книжкѣ саратовской губерніи» Мордовцевымъ.

Пришла очередь и пѣснямъ, собраннымъ нѣкогда въ волынской губерніи; я передалъ ихъ Мордовцеву для напечатанія въ Малорусскомъ сборникѣ, который онъ тогда задумалъ издать. Къ сожалѣнію, цензоръ Мацкевичъ, которому Мордовцевъ послалъ мою рукопись, обошелся съ пѣснями истинно вандальскимъ способомъ: все, что́ ему не нравилось, онъ маралъ безъ зазрѣнія совѣсти, не обращая вниманія на то, что пѣсня иногда теряла черезъ то смыслъ. Кажется, приключеніе съ моими саратовскими народными пѣснями было ему извѣстно и послужило для него какъ бы нравоученіемъ, потому что этотъ цензоръ затиралъ краснымъ черниломъ особенно такія мѣста, которыя могли бы показаться неудобными для чтенія молодыхъ дѣвицъ. Пѣсни эти жестоко пострадали и хотя были напечатаны, но я остался до крайности недоволенъ такого рода изданіемъ собранныхъ мною народныхъ памятниковъ. Въ томъ же «Малорусскомъ Литературномъ Сборникѣ» помѣстилъ я нѣсколько малорусскихъ стихотвореній подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, оставшихся отъ ранней эпохи моего писательства.

VI.

Освобожденіе. Поѣздка за-границу. Возвращеніе. Участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу.

Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій послѣ коронаціи Государя Императора, освободилъ меня отъ надзора, подъ которымъ я находился со времени моего прибытія въ Саратовъ. Необыкновенно радостною и памятною останется для меня та минута, когда меня пригласили въ канцелярію губернатора и дали прочесть присланную обо мнѣ бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой было однако сказано въ концѣ, что «прежнее распоряженіе въ Бозѣ почившаго Государя о воспрещеніи Костомарову служить по ученой части, должно оставаться во всей силѣ». И такъ я сталъ

свободенъ, не привязанъ болѣе къ одному мѣсту и могъ ѣхать куда угодно. Первымъ желаніемъ моимъ въ то время было поѣхать за-границу. Я условился ѣхать на слѣдующую весну съ докторомъ Стефани, имѣвшемъ тогда служебное мѣсто въ Саратовѣ. До того времени я не считалъ нужнымъ куда-нибудь ѣхать, такъ какъ хотѣлъ окончить и приготовить къ напечатанію мой Очеркъ торговли. Это занятіе поглотило у меня всю зиму.

Въ началѣ мая 1857 года, я вмѣстѣ со Стефани отправился сначала въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы тамъ устроить къ напечатанію мое сочиненіе. Такъ какъ въ то время я чувствовалъ глазныя боли, то, проѣзжая черезъ Москву, обратился за совѣтомъ къ доктору Иноземцеву, и тотъ, осмотрѣвши мои глаза, сказалъ, что у меня начинается катарактъ. Это привело меня въ испугъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я обратился къ окулисту Кабату и тотъ сказалъ то же, что Иноземцевъ, что я долженъ ожидать себѣ катаракта. Свидѣтельства двухъ знаменитыхъ врачей надобно было считать очень вѣскими доказательствами, и я, вмѣсто того, чтобы ѣхать за-границу для отдыха и прогулки, долженъ былъ ѣхать для леченія съ тѣмъ, чтобы искать спасенія отъ угрожающей мнѣ слѣпоты. И Кабатъ, и Иноземцевъ, какъ бы сговорившись, совѣтовали мнѣ попользоваться киссингенскими водами, а потомъ ѣхать купаться на море. Я отправился на пароходѣ въ Швецію вмѣстѣ съ докторомъ Стефани.

Прежде всего привелось мнѣ посѣтить Ревель, а оттуда плыть въ Гельсингфорсъ. Тамъ я пробылъ только одну ночь, не успѣвши ничего видѣть, а на утро пароходъ поплылъ въ Або. Путь нашъ лежалъ посреди безчисленнаго множества островковъ, между которыми попадались довольно высокіе, утесистые и живописные. Нѣкоторые изъ нихъ были покрыты зеленью, другіе представляли собою дикія скалы. Такъ плыли мы до самаго вечера и на солнечномъ закатѣ повернули въ заливъ, въ которомъ расположенъ гор. Або. На лѣвой сторонѣ входа въ заливъ лучи заходящаго солнца золотили стѣны стараго замка, извѣстнаго въ исторіи тѣмъ, что онъ былъ нѣкогда темницею низложеннаго шведскаго короля Эрика XIV. Городъ Або не представляетъ ничего особенно красиваго по своей постройкѣ, но бросается въ глаза своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ совершенно въ сѣверномъ вкусѣ. На берегу рѣки, впадающей въ заливъ, возвышаются горы, покрытыя между камнями яркою зеленью, свойственною холоднымъ краямъ и кое-гдѣ кустарниками. Мнѣ удалось немного походить по городу и его окрестностямъ уже почти ночью, которая была до того свѣтла, что, казалось, можно было читать.

Утромъ я снова пошелъ знакомиться съ мѣстоположеніемъ города, но погода была хотя ясная, но очень холодная, несмотря на то, что тогда былъ конецъ мая. Около полудня мы отправились въ путь. До вечера мы продолжали плыть между островами, что было очень удобно потому, что по этому пути качки не бываетъ. Къ ночи мы достигли Аландскихъ островов и тамъ пароходъ остановился на якорѣ. На другой день утромъ мы плыли уже по открытому морю въ Ботаническомъ заливѣ и около часа по полудни увидали шведскій берегъ, а потомъ въ зрительную трубу можно было разглядѣть Стокгольмъ. Приближаясь къ берегу, пароходъ зашелъ въ ворота, образуемыя двумя скалами, а за этими воротами разстилалось опять открытое море сплошь до самаго стокгольмскаго берега. Черезъ часъ мы пристали къ Стокгольму. Пристань расположена въ срединѣ столицы, почти противъ королевскаго дворца и, вступая на берегъ, путешественникъ очутится въ самой лучшей ея части. Гостинницъ въ Стокгольмѣ въ то время было немного; всѣ онѣ расположены на пристани и были до того переполнены, что я не нашелъ себѣ ни въ одной нумера и остановился по близости въ chambres garnies, содержимыхъ одною старою шведкою. Мое положеніе было незавидно: я не зналъ шведскаго языка, а бывшая въ карманѣ у меня книжечка со шведскими словами и разговорами недостаточно меня приготовила для того, чтобы не встрѣчать большихъ затрудненій въ неизвѣстномъ краѣ. На мое счастіе, въ то время, когда пароходъ приставалъ къ берегу, я познакомился съ пономаремъ русской церкви, исполнявшемъ въ то же время должность секретаря у русскаго консула и вмѣстѣ съ послѣднимъ пріѣзжавшаго на пароходъ для освидѣтельствованія паспортовъ. Этотъ господинъ съ обязательною любезностію самъ вызвался быть мнѣ во всемъ полезнымъ и служить мнѣ проводникомъ и указателемъ въ Стокгольмѣ, который былъ ему хорошо извѣстенъ, такъ какъ онъ жилъ здѣсь уже двѣнадцать лѣтъ и женился на шведкѣ. На другой день я отдавалъ хозяйкѣ свое бѣлье для мытья; нечаянно она увидала на мнѣ крестъ, радостно вскрикнула «catholique» и немедленно принесла ко мнѣ въ комнату и поставила у моей постели гравюру Благовѣщенія. Не владѣя шведскимъ языкомъ, я не понялъ ея рѣчей, но замѣтилъ, что она произносила ихъ со взволнованнымъ видомъ; когда же пришелъ ко мнѣ мой добрый пономарь, то, поговоривши съ хозяйкой, объяснилъ мнѣ, что она католичка; а такъ какъ католики въ Швеціи не пользуются никакими гражданскими правами и подвергаются угнетеніямъ и презрѣнію отъ народа, фанатически преданнаго лютеранизму, то это заставляетъ ихъ особенно сочув-

ственно относиться къ тѣмъ иностранцамъ, которыхъ они признаютъ за своихъ единовѣрцевъ. Старуха сочла меня католикомъ, и хотя впослѣдствіи ей объяснили, что я русскій и православный, но религіозныя познанія моей хозяйки не простирались такъ далеко, чтобы отличать православіе отъ католичества и она продолжала меня считать единовѣрцемъ.

При помощи русскаго посланника князя Дашкова, я получилъ доступъ въ шведскій государственный архивъ и занимался тамъ русскими бумагами, оставшимися съ того времени, когда Новгородъ съ частію своихъ земель находился подъ властію шведской короны, но въ этихъ бумагахъ, правду сказать, я нашелъ мало любопытнаго. Гораздо интереснѣе показались мнѣ кое-какія латинскія, французскія и нѣмецкія бумаги, относившіяся къ эпохѣ Сѣверной войны. Тутъ я пожалѣлъ, что заранѣе не учился по-шведски. Доступъ въ архивъ былъ открытъ самымъ гостепріимнымъ образомъ; чиновники такъ были любезны, что старались услужить чѣмъ нибудь и кромѣ того посланникъ передалъ меня особому покровительству одного изъ служившихъ тамъ, бывшаго профессора Нордстрема, знавшаго порядочно по-французски и потому дававшаго мнѣ возможность вести съ нимъ бесѣды. При его посредствѣ я съѣздилъ въ Упсалу и осмотрѣлъ тамошній музей древностей мѣстной исторіи. Замѣчу при этомъ слѣдующій случай очень занимательный и поучительный. Всѣмъ извѣстно преданіе о таинственномъ видѣніи, бывшемъ съ королемъ Карломъ XI: много разъ было писано о немъ. Разсказывали, что этотъ король, занимаясь наблюденіемъ звѣздъ, увидалъ свѣтъ, выходившій изъ пустой залы національнаго собранія. Король отправился туда, нашелъ двери запертыми и, отомкнувши ихъ, увидѣлъ сидящихъ за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, неизвѣстныхъ лицъ, показавшихся ему судьями. Въ залу ввели какое-то лицо; одинъ изъ судей прочиталъ приговоръ: осужденному отрубили голову и кровь съ его отрубленной головы брызнула на башмакъ короля. Сидѣвшій за столомъ предсѣдатель суда сказалъ королю: «то, что ты видѣлъ, случится не съ тобою, а съ однимъ изъ твоихъ преемниковъ». Вслѣдъ за тѣмъ все исчезло, король остался въ темнотѣ, но кровавое пятно на его башмакѣ было свидѣтельствомъ, что король видѣлъ это не во снѣ и этотъ башмакъ, какъ писали, сохраняется въ Упсалѣ. Когда я, вспомнивши о читанномъ мною, сталъ спрашивать о башмакѣ, на мой вопросъ засмѣялись и отвѣчали, что эту сказку выдумали не въ Швеціи, а гдѣ-то на континентѣ и никакого башмака не было въ Упсалѣ, и ни о какомъ видѣніи не записывалось въ шведскихъ бумагахъ.

«Правда, говорили мнѣ, что нынѣшніе камерлакеи во дворцѣ, поддѣлываясь ко вкусу путешественниковъ, покажутъ вамъ то окно во дворцѣ, чрезъ которое король Карлъ XI увидалъ таинственный свѣтъ, но это не болѣе какъ повтореніе чужеземной сказки, зашедшей къ намъ изъ иностранныхъ книгъ». И въ самомъ дѣлѣ, потомъ я осматривалъ въ Стокгольмѣ королевскій дворецъ, и придворный служитель показалъ мнѣ это окно, точно также, какъ въ Москвѣ показываютъ въ кремлевскомъ дворцѣ окно, откуда будто бы выскочилъ Самозванецъ, тогда какъ зданіе нынѣшняго кремлевскаго дворца въ его настоящемъ видѣ— произведеніе эпохи императора Николая.

Стокгольмъ раздѣляется на три части, составляющія каждая какъ бы отдѣльный городъ. Одна изъ нихъ, гдѣ находится королевскій дворецъ, носитъ названіе Норд-Мальмъ. Это лучшая часть города. Здѣсь находится театръ и разныя торговыя помѣщенія. Начиная отъ площади до оконечности города, тянется самая красивая улица Стокгольма, Дротингъ-Гатингъ (улица королевы). Южная часть города, разсыпанная по полу-горѣ, Зюд-Мальмъ, не имѣетъ такихъ красивыхъ построекъ; мостовая въ ней неудобная, но за-то здѣсь глазъ встрѣтитъ множество старинныхъ, средневѣковыхъ построекъ. Третья часть—на островѣ, образуемомъ озеромъ Меларъ. Здѣсь находится домъ національнаго собранія—красивое, большое зданіе, выкрашенное красною краскою—любимый цвѣтъ шведовъ. Изъ церквей бросается въ глаза по своей относительной старинѣ соборъ св. Олафа, построенный въ XIII вѣкѣ знаменитымъ правителемъ Швеціи Биргеръ Ярлемъ. Обычнымъ гуляньемъ для столицъ служитъ находящійся за городомъ садъ, называемый Дир-Гарденъ, съ огромными, вѣковыми деревьями и со множествомъ аллей, изъ которыхъ по однѣмъ можно только ходить, а по другимъ и ѣздить экипажами. Достаточно пожить въ Стокгольмѣ недѣли двѣ, чтобы признать за шведами характеристическія ихъ качества: большое трудолюбіе и опрятность почти щепетильную. Въ продолженіе всей недѣли не замѣтишь на улицѣ праздной толпы, но за-то въ воскресный день всѣ высыпаютъ гулять въ Дир-Гарденъ, а иные прохлаждаются катаньемъ на лодкахъ по озеру и морю, причемъ раздаются веселыя пѣсни. Тогда, какъ мнѣ объяснилъ мой указатель, было въ модѣ распѣвать патріотическую пѣсню, въ которой шведы прославляли свою Скандинавію. Если бы меня не тревожило угрожающее положеніе моихъ глазъ, я бы, вѣроятно, остался въ Швеціи на долѣе и принялся бы основательно изучать шведскій языкъ; но предписанія врачей, назначившихъ мнѣ киссингенскія воды, торопили меня

въ Германію. Мое незнаніе шведскаго языка на каждомъ шагу служило мнѣ источникомъ непріятностей и однажды заставило меня проночевать на улицѣ подъ ночнымъ холодомъ. Когда я выходилъ изъ своей квартиры, хозяйка дала мнѣ какой-то ключъ; не разобравши что она говорила и не понимая зачѣмъ мнѣ этотъ ключъ, я повѣсилъ его на колку, вбитомъ въ стѣну въ своей комнатѣ; когда же, воротившись поздно домой, я началъ звонить у воротъ подъѣзда, мнѣ не отпирали; я слышалъ голосъ дворника, по которому понялъ, что онъ сердится. Нечего было дѣлать, я отправился на площадь, легъ у памятника Густава Адольфа и пролежалъ тамъ всю ночь до солнечнаго восхода. Потомъ уже пономарь, поговоривши съ хозяйкой, объяснилъ мнѣ, что по здѣшнему обычаю всякому жильцу дается ключъ отъ воротъ подъѣзда и онъ можетъ, никого не безпокоя, отпереть подъѣздъ и вошедши запереть его снова.

Покидая Стокгольмъ, я рѣшился плыть на купеческомъ пароходѣ, отправлявшемся въ Любекъ, и нанялъ себѣ мѣсто въ первомъ классѣ этого парохода. Пассажировъ было немного, и всѣ безъ исключенія шведы, неумѣвшіе говорить иначе, какъ на своемъ языкѣ, котораго я не понималъ. Путь оказался очень медленъ: отплывши утромъ въ субботу, къ вечеру мы прибыли въ Норд-Чопингъ, самый промышленный городъ во всей Швеціи, прозванный за-то шведскимъ Манчестеромъ. Шведы чрезвычайно строго соблюдаютъ воскресные дни и потому пароходъ долженъ былъ стоять на якорѣ до понедѣльника. Отъ нечего дѣлать, утромъ въ воскресенье я вышелъ на берегъ и пошелъ странствовать по незнакомому городу. Увидя церковь, красиво-обсаженную деревьями, я вошелъ въ нее и сѣлъ на лавку. Черезъ нѣсколько времени раздался колокольчикъ; сторожъ сдѣлалъ какой-то окликъ, котораго я, по незнанію шведскаго языка, не понялъ; нѣкоторые вышли изъ церкви, а я продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Церковь заперли на засовъ. Взошолъ пасторъ на каѳедру, началъ читать проповѣдь, въ которой я ничего не могъ уразумѣть, кромѣ долетавшихъ до моего слуха именъ Іисуса Христа и апостола Павла. Я было попытался уйти, но придверникъ меня не пустилъ. Тутъ я понялъ, что у нихъ въ обычаѣ запирать церковь во время проповѣди и до ея окончанія никого не выпускать изъ церкви, и никого не впускать, а окликъ, котораго я не понялъ, былъ предложеніемъ тѣмъ, которые не желаютъ слушать проповѣди —уйти заранѣе. Я сѣлъ на свое мѣсто и протомился битыхъ полтора часа, зѣвая подъ звуки неизвѣстныхъ мнѣ словъ. Наконецъ, пасторъ произнесъ давно жданное мною «amen», церковь отперли, и

я поскорѣе выскочилъ изъ нея. Долго ходилъ я по городу, видѣлъ множество фабричныхъ строеній съ трубами, остававшихся въ бездѣйствіи по причинѣ воскреснаго дня, наконецъ почувствовалъ голодъ и сталъ отыскивать какой нибудь ресторанъ. Я встрѣтилъ ихъ нѣсколько, но ни въ одинъ меня не впустили: въ воскресные дни они запираются также какъ и лавки; встрѣчались вывѣски съ кондитерскими, но и тамъ двери были заперты. И такъ проходилъ я по плохо-вымощеннымъ улицамъ Норд-Чопинга до солнечнаго заката и, рѣшившись возвратиться на свой пароходъ, сталъ искать выхода изъ города. Въ это время увидѣлъ я одну открытую кондитерскую и зашелъ туда. Первый предметъ, попавшійся мнѣ на глаза, былъ кипящій самоваръ; русская надпись, вырѣзанная на его крышкѣ: «Иванъ Прокофьевъ въ Тулѣ», повѣяла на меня дорогимъ отечествомъ. Я попросилъ чаю, но увы! шведка приготовила мнѣ такой ужасный напитокъ, котораго я, при всемъ томившемъ меня голодѣ, не могъ пить. Явно было, что въ Норд-Чопингѣ не имѣютъ понятія о русскомъ чаѣ. Заплативъ деньги ни за что, ни про что, я вышелъ изъ кондитерской и уже не искалъ болѣе никакой яствы въ Норд-Чопингѣ, а спѣшилъ на пароходъ, куда и добрался уже ночью.

Отплывши утромъ далѣе, я воспользовался двух-часовымъ стояніемъ парохода въ Кольмарѣ и посѣтилъ тамошній соборъ, знаменитый въ исторіи заключеніемъ Кольмарской уніи. Зданіе это съ толстыми черными стѣнами и узкими длинными окнами не готической архитектуры; своды его имѣютъ закругленную форму. Обозрѣть городъ не доставало времени, и осмотрѣвши соборъ, я отправился на пароходъ. Будучи всегда воспріимчивъ къ морской болѣзни, я подвергся ей въ жестокой степени. Мы плыли всю ночь, потомъ цѣлый день, и только къ вечеру другого дня качка стала утихать. Мы прошли мимо острова Рюгена, и я съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на бѣлый, высокій берегъ — мѣсто, гдѣ когда-то находилась божница Свантогита, важнѣйшее религіозное мѣсто языческаго славянства, столь наглядно описанное у Саксона Грамматика и Адама Бременскаго. Мнѣ было жаль, что я не имѣлъ возможности взойти на берегъ и посмотрѣть на это священное мѣсто нашихъ предковъ. Съ солнечнымъ заходомъ мы вступили уже въ Травемюнде—заливъ съ зелеными берегами, по которому пришлось намъ плыть съ добрый часъ. Наконецъ стало смеркаться, пароходъ засвисталъ и бросилъ якорь.

Мы прибыли въ Любекъ. Ночь была значительно темнѣе шведскихъ ночей; чувствовалось, что мы далеко отшатнулись къ югу. Взявши извозчика, я приказалъ везти себя въ одну изъ гостин-

ницъ, которой адресъ узналъ по своему печатному путеводителю. Мнѣ отвели удобную, покрытую коврами комнату. Утромъ вставши, я пошелъ ходить по городу. Первое, что поражаетъ путешественника въ Любекѣ, это средневѣковый характеръ постройки многихъ изъ его домовъ, изъ которыхъ иные сооружены въ XIII и даже XII вѣкѣ и оставались до сихъ поръ безъ значительныхъ перестроекъ. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, удалось мнѣ посѣтить Нюренбергъ, и я могу сказать, что два города, Любекъ и Нюренбергъ, особенно замѣчательны архитектурнымъ средневѣковымъ характеромъ своихъ домовъ. Я посѣтилъ ратушу, бывшее мѣсто главнаго управленія всего Ганзейскаго Союза, котораго столицею былъ Любекъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, заходилъ въ Maria-Kirche, бывшій нѣкогда патрональный храмъ Любека во время его величія. Церковь построена въ готическомъ стилѣ, очень высока и свѣтла. Мнѣ показали двѣ картины Овербека, нѣсколько картинъ Гольбейна—образцы старонѣмецкой живописной школы и одну замѣчательную фреску, на которой изображенъ танецъ смерти. Этотъ сюжетъ встрѣчается на многихъ старыхъ церквахъ Германіи, но нигдѣ я не видалъ его въ такой полнотѣ и съ яркостію красокъ, какъ въ Любекѣ. Представляется смерть въ обычномъ видѣ скелета; множество разъ она танцуетъ съ разными лицами и подъ этими лицами подписывается ихъ званіе и положеніе въ свѣтѣ. Смерть танцуетъ съ императоромъ, епископомъ, монахами разныхъ орденовъ, съ рыцаремъ, съ дамою, съ бургомистромъ, съ мѣщаниномъ, мѣщанкою, со старыми и малыми, со знатными и съ нищими. Всякое лицо, танцующее со смертію, одѣто въ принадлежащій ему нарядный костюмъ и потому-то этого рода средневѣковое изображеніе составляетъ очень важный матеріалъ для средневѣковой археологіи, давая возможность изучать уборы всѣхъ сословій средневѣковаго общества. Церковь св. Маріи установлена множествомъ статуй, которыя не были уничтожены и изгнаны во время обращенія ея въ лютеранство. Вообще это одинъ изъ замѣчательныхъ храмовъ средневѣковаго зодчества въ Германіи.

Вечеромъ въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Любека въ Гамбургъ и, перестоявши тамъ сутки, поглазѣлъ по городу, который отличается богатствомъ домовъ, но мало заключаетъ въ себѣ остатковъ старины. Я двинулся изъ Гамбурга чрезъ Ганноверъ вплоть до Кельна и прибылъ въ этотъ городъ утромъ на разсвѣтѣ. Величественная хотя и безобразная издали масса недостроеннаго кельнскаго собора виднѣлась уже на желѣзной дорогѣ и представлялась вдали каменною горою. Первымъ дѣломъ моимъ было по пріѣздѣ въ городъ бѣжать въ соборъ. Былъ кстати воскресный день. Я отслушалъ

обѣдню, которую отправлялъ тогда архіепископъ. Одинъ изъ служившихъ при церкви, замѣтивши, что я иностранецъ и съ любопытствомъ осматриваю соборъ, пригласилъ меня взойти на хоры, поближе къ органу. Обѣдня служилась съ большимъ торжествомъ: кромѣ органа былъ цѣлый оркестръ музыкантовъ и большая стройная пѣвческая капелла. По окончаніи богослуженія, архіепископъ съ духовенствомъ отправился процессіей по городу. Я пошелъ за толпою и увидѣлъ множество молодыхъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьицахъ, съ вѣнками на головахъ изъ живыхъ цвѣтовъ; онѣ несли впереди образа и разныя священныя вещи. Я узналъ, что это былъ день публичнаго экзамена въ городскомъ училищѣ. Пообѣдавши, я отправился снова въ соборъ и на этотъ разъ сошелся съ однимъ русскимъ, уроженцемъ Курляндіи, исправлявшемъ при соборѣ должность въ родѣ сторожа или швейцара; онъ началъ обводить меня по всѣмъ закоулкамъ и водилъ на самый верхъ, откуда, чрезъ отверстіе недостроеннаго свода, пріятно долетали снизу звуки органа и церковное пѣніе отправлявшейся вечерни. Съ вершины собора глазъ видитъ весь Кельнъ какъ на ладони. Мой путеводитель указалъ мнѣ на разныя церкви, разсѣянныя по городу. Спустившись внизъ въ соборъ, я началъ осматривать ризницу, которую путешественникамъ показывалъ священникъ; здѣсь множество драгоцѣнной утвари, подаренной въ разныя времена въ соборъ императорами. Привыкши въ отечествѣ слышать разсказы о богатствахъ нашихъ монастырей и церквей и повидавши это богатство, я былъ пораженъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ въ кельнскомъ соборѣ. Всѣ наши церковныя богатства также мелки и ничтожны передъ здѣшними, какъ мелка архитектура нашихъ наиболѣе знаменитыхъ храмовъ передъ поражающимъ величіемъ готическаго собора. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ предметовъ кельнской ризницы—мощи трехъ волхвовъ, поклонявшихся Христу при его рожденіи въ Виолеемѣ. Когда я замѣтилъ священнику, что тѣ же мощи показываются и въ Константинополѣ, онъ объяснилъ, что эти самые были когда-то въ Константинополѣ, но перевезены и поставлены въ кельнскомъ соборѣ императоромъ Фридерикомъ Барбаруссою. Самая внутренность собора представляетъ въ началѣ по обѣ стороны готическую колоннаду со сложными колоннами, такъ что нѣсколько колонокъ соединенныхъ одна съ другою, составляютъ одну цѣлую. Вверху эти колонны соединяются между собою стрѣльчатыми перемычками. Соборъ освѣщенъ разрисованнами стеклами въ большихъ окнахъ; на лѣвой сторонѣ живопись старая, средневѣковая, а на правой новая, даръ баварскаго короля Людовика, отличается превосход-

ною работою. Готическая колоннада приводитъ къ капеллѣ, освѣщенной огромнымъ куполомъ съ цвѣтными окнами, устроенными между колонками и арками готическаго стиля. По всей капеллѣ вокругъ стѣнъ устроены кругообразно покрытыя коврами мѣста для сидѣнья; прямо предъ алтаремъ рядъ скамей; алтарь во время богослуженія очень обильно освѣщался большими свѣчами; надъ капеллою прямо противъ алтаря—хоры съ органомъ, на которомъ, какъ говорили мнѣ, нѣкогда игралъ знаменитый Бетховенъ. Нельзя представить себѣ что нибудь изящнѣе, великолѣпнѣе этого собора. Религіозное благоговѣніе невольно овладѣваетъ душею при входѣ въ это святилище.

Изъ собора я съ однимъ молодымъ человѣкомъ, студентомъ одного изъ нѣмецкихъ университетовъ, съ которымъ случайно разговорился и познакомился въ соборѣ, отправился въ одну изъ кельнскихъ церквей, гдѣ показывали мнѣ, въ сдѣланныхъ въ стѣнѣ нишахъ, за стекломъ, множество человѣчьихъ костей, увѣряя, что это остатки дѣвицъ, избитыхъ гуннами во время нашествія Атиллы. Оттуда студентъ провелъ меня взглянуть на зданіе кельнской гимназіи, которой внутренность отдѣлана въ готическомъ стилѣ; наконецъ, по его же предложенію, я отправился въ театръ, гдѣ играли недавно появившуюся оперу Вагнера «Лоэнгринъ». Какъ на одну изъ особенностей Кельна можно указать, что въ немъ на каждой улицѣ можно видѣть нѣсколько вывѣсокъ, гласящихъ, что здѣсь находится фабрика одеколона подъ фирмою «Johann-Maria Farina». Невольно придешь въ тупикъ, гдѣ же между этими Фаринами настоящій Фарина? Мнѣ объяснили, что изъ нихъ нѣтъ ни одного настоящаго, что настоящая фирма давно уже прекратила свое существованіе, а теперь, кто хочетъ, тотъ и употребляетъ ее; въ достоинствѣ же они всѣ равны и всѣ хороши. Обиліе одеколона не мѣшаетъ однако улицамъ Кельна отличаться нечистотами и даже вонью, что составляетъ признакъ прирейнскихъ городовъ, вообще уступающихъ въ чистотѣ городамъ сѣверной Германіи. Враги католичества, указывая на этотъ признакъ, приписываютъ его между прочимъ болѣе низкому уровню образованности въ католическомъ обществѣ предъ протестантскимъ. Какъ бы то ни было, но мнѣ лично въ Кельнѣ, какъ и вообще въ католическихъ городахъ, казалось гораздо отраднѣе, чѣмъ въ протестантскихъ, гдѣ господствуетъ какая-то сухость духовной жизни. Быть можетъ это происходитъ отъ относительной близости католичества съ нашимъ русскимъ православіемъ; по крайней мѣрѣ, какъ только пріѣдешь въ католическій городъ и услышишь звонъ, то чувствуешь что-то родное, близкое сердцу.

На другой день я сѣлъ на пароходъ и поплылъ внизъ по Рейну, взявши билетъ до Майнца. Путь по Рейну шелъ въ виду необыкновенно живописныхъ горъ съ обѣихъ сторонъ рѣки, усѣянныхъ развалинами рыцарскихъ замковъ. Нельзя сказать, чтобы по красотѣ самой природы рейнскіе берега представляли что-то невиданное и ни съ чѣмъ несравнимое: я думаю, у насъ на Руси Жегули на Волгѣ (между Симбирскомъ и Саратовомъ) и Днѣпровскій берегъ отъ Кіева до Черкасъ не уступаютъ рейнскимъ берегамъ, не говоря уже о южномъ берегѣ Крыма, который несравненно изящнѣе десяти Рейновъ; но чего у насъ нѣтъ и что составляетъ неотъемлемую прелесть прирейнскаго края—это его полу-обвалившіеся замки съ ихъ историческими и легендарными воспоминаніями. Плывя по Рейну, я имѣлъ въ рукахъ купленные въ Кельнѣ «Rhein-Sagen» и читалъ ихъ, повѣряя упоминаемыя въ нихъ мѣстности на самой природѣ. Такъ проплыли мы величественный Драхенфельсъ, отпечатлѣнный въ народной нѣмецкой поэзіи битвою со змѣемъ,—Фюрстенбергъ, гдѣ являлась умершая мать лелѣять свое дитя, доставшееся смѣнившей ее мачихѣ,—за́мокъ, куда приплылъ таинственный рыцарь на челнѣ, везомомъ бѣлымъ лебедемъ,—Кошку и Мышку—двѣ развалины, стоящія одна близь другой, о которыхъ сохранилось преданіе, что здѣсь жили непримиримые враги и вели между собою долгія, взаимныя драки,—Зонеиштейнъ-Зоннекъ, возобновленный въ недавнее время,—Іоганнисбергъ, съ его виномъ, пользующимся всесвѣтною знаменитостію,—наконецъ уже близъ Майнца — Мышиную башню, соединенную съ исторіей епископа Гаттона, воспѣтою нѣмецкимъ поэтомъ Уландомъ и всѣмъ намъ знакомую по прекрасной передѣлкѣ Жуковскаго.

Наконецъ мы прибыли въ Майнцъ. На другой день я побѣжалъ осматривать майнцскій соборъ, драгоцѣнный памятникъ X вѣка романской архитектуры и, накупивши себѣ на память рейнскихъ видовъ, отправился по желѣзной дорогѣ во Франкфуртъ, а оттуда въ дилижансѣ въ Киссингенъ—мѣсто, назначенное для моего леченія. Въ Киссингенѣ я пробылъ пять недѣль, аккуратно пивши Рагоцци и Пандура и каждый день принимая ванну. Не смотря не убійственную скуку—неразлучную спутницу нѣмецкихъ водяныхъ леченій, я на сколько можно разнообразилъ свою жизнь прогулками по обширному и прекрасному лѣсу, окружающему холмистыя окрестности Киссингена. По истеченіи срока леченія отправился я снова во Франкфуртъ, гдѣ сошелся снова съ докторомъ Стефани, съ которымъ разстался еще въ Стокгольмѣ, и вмѣ-

стѣ съ нимъ поѣхалъ въ Парижъ. Тамъ пробылъ я около мѣсяца, каждый день безъ устали осматривая всякаго рода достопримѣчательности. Я не стану распространяться о своемъ пребываніи въ Парижѣ, такъ какъ все видѣнное мною было сто разъ описано и многимъ изъ читателей извѣстно по личному опыту.

Въ послѣднихъ числахъ іюля разстался я снова съ Стефани, который направилъ путь свой въ Швейцарію, условившись съѣхаться со мною въ опредѣленный срокъ въ Люцернѣ, а я отправился для морскихъ купаній въ Діеппъ. Проѣзжая черезъ Руанъ, я не утерпѣлъ чтобы не выйти изъ вагона и не остаться здѣсь на полъ-дня, осмотрѣлъ городъ и между прочимъ площадь, на которой нѣкогда происходило сожженіе Орлеанской дѣвы. Оттуда я пріѣхалъ въ Діеппъ. Этотъ небольшой городокъ живетъ почти исключительно купающимися, такъ что большинство домовъ круглый годъ стоятъ пустыми и отдаются только на время купальнаго сезона, продолжающагося какой нибудь мѣсяцъ съ небольшимъ. Купанье въ морѣ здѣсь хорошо, но каменистое дно у берега и сильный прибой волнъ океана часто заставляютъ пріостанавливать купанье, что возвѣщается снятіемъ флага. Здѣсь встрѣтилъ я нѣсколько русскихъ, подобно мнѣ пріѣхавшихъ пользоваться морскою водою и съ нѣкоторыми познакомился. Пробывъ въ Діеппѣ мѣсяцъ, я уѣхалъ снова въ Парижъ, гдѣ обратился къ одному окулисту, который напугалъ меня тѣмъ же, чѣмъ и русскіе врачи. Не довѣряя, однако, французскому окулисту, который по своимъ пріемамъ и чрезвычайному самохвальству сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе. я рѣшился отправиться въ Гейдельбергъ къ доктору Хеліусу и поѣхалъ чрезъ Страсбургъ, позволивъ себѣ на пути въ этомъ городѣ осмотрѣть соборъ и взойти на его знаменитую колокольню. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того я былъ уже въ Гейдельбергѣ. Докторъ Хеліусъ произвелъ посредствомъ беллядонны расширеніе моего зрачка, чѣмъ сначала страшно напугалъ меня; но когда черезъ день мои зрачки пришли въ нормальное положеніе, онъ очень утѣшилъ меня, сказавши, что никакого расположенія къ катаракту не видитъ и совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Италію, увѣряя, что какъ только я перевалюсь черезъ Альпы, тотчасъ почувствую облегченіе. Мои боли въ глазахъ онъ приписывалъ геморрою. Я пробылъ въ Гейдельбергѣ четверо сутокъ, гуляя по превосходнымъ окрестностямъ этого города и два раза посѣтивши его знаменитый замокъ, котораго развалины сохранились въ лучшемъ видѣ, чѣмъ большая часть средневѣковыхъ замковъ Германіи.

Изъ Гейдельберга я поѣхалъ въ Швейцарію. Уже отъ самаго

Баденъ-Бадена можно чувствовать и наблюдать приближеніе къ горной полосѣ Альпъ: почва становится болѣе и болѣе неровною и холмистою и съ каждымъ шагомъ горы становятся выше и выше. Я прибылъ въ Базель, бѣгло осмотрѣлъ его и пріѣхалъ въ Люцернъ. Своего товарища доктора я не засталъ по обѣщанію, и въ надеждѣ, что онъ постарается прибыть сюда черезъ день или черезъ два, рѣшился употребить свое одиночество на плаваніе по озеру Четырехъ лѣсныхъ кантоновъ. Виды на этомъ озерѣ показались мнѣ до того живописны, что воображеніе едва ли могло создать что либо прекраснѣе. Нанятые мною лодочники возили меня на пункты, съ которыми соединялись историческія преданія, священныя для памяти швейцарцевъ: мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, собирались заговорщики, предпринявшіе дѣло освобожденія отечества, и капеллу Вильгельма Телля, построенную на томъ мѣстѣ, гдѣ это лицо, чуть не миѳическое, взятое въ неволю, успѣло соскочить съ лодки и выпрыгнуть на берегъ. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ захотѣлось совершить восхожденіе на вершину Риги, высокой горы надъ Швицомъ: я нанялъ лошадь съ проводникомъ за двадцать франковъ и поѣхалъ. Путь, лежащій туда, чрезвычайно живописенъ. Взъѣхавши на высоту, но еще не достигая вершины, можно любоваться безконечною грядою Альпъ съ самыми разнообразными очертаніями ихъ снѣжныхъ верховъ; но когда мы начали подыматься уже къ самой вершинѣ Риги, насъ покрыло густое облако и, достигши вершины, мы ничего не могли видѣть. У построенной тамъ гостинницы встрѣтилъ я цѣлый таборъ путешественниковъ-англичанъ обоего пола, пріѣхавшихъ сюда затѣмъ же, зачѣмъ и я, также какъ и я обманутыхъ въ своихъ надеждахъ. Въ гостинницѣ не было для меня помѣщенія и потому, не оставаясь тамъ ночевать, я повернулъ съ горы и уже поздно прибылъ въ Швицъ, гдѣ остановился въ очень плохой гостинницѣ, а переночевавши тамъ на пароходѣ, поплылъ въ Люцернъ. Тамъ встрѣтился я съ ожидаемымъ товарищемъ, и мы въ тотъ же день отправились по озеру на Флюэлленъ и тамъ наняли себѣ экипажъ, который долженъ былъ насъ провезти черезъ Альпы до берега Лаго-Маджіоре. Мы проѣхали черезъ Альтдорфъ, гдѣ увидѣли статую Вильгельма Телля, поставленную на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, онъ, по приказанію Гесляра, стрѣлялъ изъ лука въ яблоко, положенное на голову своего сына. Къ вечеру мы достигли до Чортова моста, столь знаменитаго въ русской исторіи по переходу Суворова. Мѣстность чрезвычайно мрачная и дикая: съ горныхъ вершинъ бьетъ водопадъ, шумъ котораго слышенъ за нѣсколько верстъ; вокругъ на

скалахъ нѣтъ ни стебелька. Подвигаясь все выше и выше, мы начали чувствовать сильный холодъ и къ свѣту были на вершинѣ Сенъ-Готарда. Съ солнечнымъ восходомъ увидали мы, что стоимъ на ледяной корѣ, а по всѣмъ сторонамъ розовый блескъ восходящаго солнца румянилъ снѣжныя вершины Альпъ. На нѣсколько времени мы пристали къ францисканскимъ монахамъ, содержавшимъ тамъ нѣчто въ родѣ пристанища для путниковъ. Несмотря на солнечный свѣтъ, холодъ былъ до того пронзителенъ, что напоминалъ намъ конецъ русскаго ноября. Съ этихъ мѣстъ дорога наша пошла внизъ и дѣлалась особенно привлекательною: безпрестанно съѣзжая съ альпійскаго хребта, мы слѣдовали зигзагами, и нерѣдко мнѣ казалось, что мы летимъ въ пропасть, такъ какъ внизу ничего не было видно и гора представлялась отвѣсною; но сдѣлавши нѣсколько шаговъ, въ виду паденія, мы всегда останавливались и потомъ поворачивали, дѣлая уголъ для того, чтобы снова видимо падать и опять останавливаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ нашими глазами проходили одинъ за другимъ разные климаты: находясь на горныхъ вершинахъ, мы видѣли только мохъ и лишаи на камняхъ; спустившись пониже, мы ѣхали посреди мелкорослаго кустарника сѣверныхъ породъ, какія можно встрѣчать только въ Лапландіи; спустившись ниже, мы очутились посреди хвойныхъ деревьевъ; еще ниже—появились березы и осины; потомъ липы, клены и наконецъ дубы, а еще ниже: буки, чинары и виноградныя лозы. Температура все дѣлалась теплѣе и теплѣе. При солнечномъ восходѣ было такъ холодно, что впору было одѣться въ шубу, а въ полдень солнечный зной возбуждалъ жажду.

Мы ѣхали по Тессинскому кантону, населенному итальянскимъ народомъ, хотя принадлежавшимъ по политической связи къ Гельветическому Союзу; проминули живописную Беллинсону, красовавшуюся своимъ средневѣковымъ замкомъ; наконецъ, все спускаясь ниже и ниже, уже послѣ солнечнаго заката, прибыли мы въ Лугано на самомъ берегу Лаго-Маджіоре. Мы помѣстились въ гостинницѣ, гдѣ намъ дали хорошо-убранныя комнаты со стеклянною дверью на балконъ, выходившій прямо на озеро. Полная луна осеребрила волны озера; въ городкѣ отправлялся какой-то національный праздникъ; слышно было веселое пѣніе, разгульные крики; пѣли какую-то хоровую пѣсню, которой куплеты оканчивались много разъ повторяемымъ припѣвомъ:

Noisiamo piccoli
Ma grande la nostra liberta [1]).

---

[1]) Мы малы, да велика наша свобода.

При этомъ раздавались звуки инструментовъ. Цѣлую ночь продолжалась эта народная гулянка. Утромъ, проснувшись, я былъ пораженъ великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ голубыхъ волнъ озера и яркою зеленью, покрывавшею холмы, окаймлявшіе его берегъ. Отсюда мы поплыли по озеру до Лявино—городка, находящагося въ Италіи. Изъ Лявино мы сдѣлали поѣздку на Барромейскіе острова и тамъ осматривали замокъ, принадлежавшій князьямъ Барромеямъ. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ апельсинныя и лимонныя деревья, которыя могутъ расти въ этой мѣстности благодаря тому, что она защищена съ сѣвера Альпами, тогда какъ на равнинѣ Ломбардіи они уже не растутъ. Вода въ Лаго-Маджіоре, какъ и во всѣхъ озерахъ сѣверной Италіи и Швейцаріи, до того свѣтится голубымъ отливомъ, что онъ замѣтенъ даже и въ стаканѣ, если въ него зачерпнуть этой воды. Отсюда мы поплыли на Камское озеро, которое хотя и у́же Лаго-Маджіоре, но отличается еще болѣе красивыми берегами, живописно усѣянными затѣйливыми виллами разнообразной постройки. Мы причалили къ городу Камо и здѣсь сѣли въ вагонъ желѣзной дороги, которая часа черезъ три доставила насъ въ Миланъ. Пробывъ въ Миланѣ три дня, полюбовавшись миланскимъ соборомъ съ его затѣйливою архитектурою и тремя тысячами мраморныхъ статуй, уставленныхъ на краю его мраморныхъ стѣнъ, мы всходили на вершину его купола подъ колоссальную статую Богородицы, посѣтили также церковь Амвросія, въ которой намъ показывали за деньги мощи св. епископа этого имени, побывали въ громадномъ театрѣ Della Scala и пустились въ Верону. Здѣсь было также кое-что посмотрѣть. Насъ водили въ домъ, гдѣ жилъ Данте, показывали его карету, указали на домъ, въ которомъ будто бы жили Капулетти, но всего интереснѣе было обозрѣть огромнѣйшій римскій амфитеатръ, сохранившійся въ цѣлости со всѣми признаками старой архитектуры этого рода зданій; весь онъ представляетъ полукруглую каменную лѣстницу, которой ступени служили для зрителей; внизу было открытое мѣсто для арены, а подъ нею подземелье, изъ котораго выпускали звѣрей и выводили несчастныхъ осужденныхъ драться съ ними и утѣшать дикую римскую публику своими страданіями.

Изъ Вероны мы отправились въ Венецію, прибыли въ нее желѣзною дорогою по великолѣпному мосту, устроенному черезъ море. Наступала уже ночь. Высадившись изъ вагона, мы достигли въ гондолахъ до площади св. Марка, которая въ то время была освѣщена множествомъ разноцвѣтныхъ огней, кишила безчисленными толпами веселившагося народа и оглашалась оркестромъ,

увеселявшимъ танцующихъ на мостовой подъ открытымъ небомъ. Луна была въ своемъ полномъ блескѣ и ея свѣтъ, сливаясь со свѣтомъ городскихъ и увеселительныхъ огней, представлялъ необычное, удивительное зрѣлище. Я пробылъ въ Венеціи пять дней. Нельзя себѣ представить города, къ которому такъ трудно было пріучиться: чуть не на каждомъ шагу мостики черезъ каналы, витыя узкія улицы съ такими огромными домами, что солнцу невозможно проникать между ними, и—ни одной лошади. Первымъ дѣломъ моимъ было пойти въ церковь св. Марка, и мнѣ представилось въ ней что-то давно знакомое: это мозаика стѣнъ, припоминавшая мнѣ кіевскую Софію, но несравненно въ богатѣйшемъ видѣ. На наружныхъ стѣнахъ входа и въ сѣняхъ—символическія изображенія, относящіяся собственно къ Венеціи: Венеція изображена въ видѣ женщины красавицы, la bella Venetia даетъ власть своему дожу. Архитектура церкви византійская и напоминаетъ нашу православную церковь. Всѣ ея столбы и стѣны покрыты мозаикою превосходной работы. Въ числѣ священныхъ вещей показываютъ кусокъ исписаннаго пергамена и говорятъ, будто это часть собственноручнаго евангелія св. Марка. Я всходилъ на колокольню, куда всходъ очень отлогъ и потому удобенъ На вершинѣ колокольни увидѣлъ я всю чудную Венецію съ безчисленнымъ множествомъ каналовъ и островковъ, ее окружающихъ. Палацъ дожей, находящійся близъ самой церкви, былъ также обойденъ мною. Кромѣ превосходной галлереи живописи и портретовъ всѣхъ венеціанскихъ дожей, за исключеніемъ Марино Фальери, казненнаго и потому выброшеннаго изъ списка дожей, видѣлъ я залу «совѣта пятисотъ», страшную комнату «совѣта десяти». Внизу зданія—темные «pozzi»—тюрьмы, гдѣ содержались преступники; близъ этихъ тюремъ — выходъ въ море, куда, по приговору суда, выводили ихъ топить, а вверху зданія дворца не менѣе ужасные «piombi» — низкіе чердаки подъ свинцовою крышею, куда, въ видѣ пытки, засаживали осужденныхъ и томили невыносимою духотою отъ раскаленной металлической крыши. Осмотрѣвши всѣ достопримѣчательности и прокатившись на гондолѣ вдоль Canale Grande, унизаннаго торчащими въ водѣ дворцами съ крыльцами, на которыя плескала вода канала, я сѣлъ на пароходъ и отплылъ въ Тріестъ. Городъ этотъ показался мнѣ съ типическимъ характеромъ новыхъ торговыхъ городовъ и во многомъ напомнилъ мнѣ нашу Одессу. Италіанскій языкъ въ немъ господствуетъ повсюду. На улицахъ поразили меня ѣхавшіе на волахъ поселяне, по костюму и всему наружному виду похожіе на нашихъ малорусскихъ чумаковъ. Остановившись, я прислу-

шался къ ихъ рѣчи, но услыхалъ италіанскій языкъ. Изъ разспросовъ о томъ—кто они, я узналъ, что они словяне изъ окрестныхъ селеній, усвоившіе, при частомъ посѣщеніи города, италіанскій языкъ. Пробывъ въ Тріестѣ день, я выѣхалъ на ночь и взялъ нарочно мѣсто въ вагонѣ III класса, чтобы находиться въ общеніи съ простымъ народомъ, такъ какъ зналъ, что путь лежалъ черезъ словянскій край и мнѣ хотѣлось видѣть не публику, вездѣ одинаковую, но народъ, удерживающій признаки своихъ вѣковыхъ особенностей. Я не обманулся. Въ вагонъ безпрестанно прибывали и убывали изъ него лица обоего пола, принадлежащія къ мѣстному народу. Я повсюду слышалъ словянскую рѣчь, которой однако, хорошо понимать не могъ, такъ какъ всѣ говорили на мѣстномъ иллирскомъ нарѣчіи, а я ему никогда не учился. Тѣмъ не менѣе невыразимо пріятно, послѣ долгихъ мѣсяцевъ пребыванія въ краяхъ, говорящихъ языками чужихъ корней, услышать болѣе или менѣе родныя слова, по крайней мѣрѣ предметовъ общихъ, какъ, напримѣръ, названіе воды, хлѣба и т. п. Что́ мнѣ бросилось особенно въ глаза, это была опрятность въ одеждѣ иллирскихъ словянъ и замѣчательная красота лицъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. Тогда мнѣ пришло въ голову, что словянское племя должно быть самое красивое между европейскими племенами и это бросалось въ глаза особенно послѣ Италіи, гдѣ простонародныя женщины никакъ не могутъ пощеголять ни красотою, ни опрятностью. Я остановился на день въ Люблянѣ, носящей по-нѣмецки названіе Лайбаха. Городъ лежитъ на значительной высотѣ отъ уровня моря и потому въ немъ показалось мнѣ прохладнѣе, чѣмъ того можно было ожидать сообразно съ первою половиною сентября. Я зашелъ въ книжную лавку и сталъ спрашивать словянскихъ книгъ. Книгопродавецъ былъ, какъ видно, ультра-нѣмецъ, и окинувъ меня подозрительнымъ взглядомъ, насмѣшливо сказалъ: «Oh! die slawischen Dummheiten sind schon längst vorbei!» [1]). Однакоже, онъ дозволилъ мнѣ самому отобрать, что́ мнѣ угодно, на указанной имъ полкѣ, гдѣ лежали книги на мѣстномъ словянскомъ нарѣчіи. Я отобралъ себѣ нѣсколько брошюръ и отправился изъ лавки бродить по городу. Все отзывалось здѣсь нѣмеччиной; но когда я забрелъ на рынокъ, тамъ увидалъ толпу простонародія въ тѣхъ же одеждахъ, съ которыми познакомился на желѣзной дорогѣ и услыхалъ хотя почти незнакомую, но все-таки не совершенно чуждую мнѣ словянскую рѣчь. И такъ я понялъ, что словянство не умерло здѣсь, но прозябаетъ въ одной

[1]) Эти словянскія глупости давно уже прошли.

низменной сферѣ рабочаго народа—удѣлъ, одинакій для многихъ изъ словянскихъ народностей.

Я выѣхалъ изъ Любляны въ Гратцъ, остановился тамъ на полъдня и отправился въ Вѣну. Путь лежалъ черезъ знаменитый Земмерингъ. Желѣзная дорога подымается на огромную высоту и рядъ вагоновъ идетъ по окраинѣ пропастей, въ которыя заглянуть такъ страшно, что дѣлается головокруженіе. Я воображалъ себѣ, что̀ должно было сдѣлаться со всѣми нами, еслибы въ этихъ мѣстахъ вагоны сошли съ рельсовъ. Но все обошлось благополучно, какъ всегда, и достигши самой большой высоты, мы стали спускаться. Этотъ подъемъ на неприступныя высоты и спускъ съ нихъ показались мнѣ дивомъ современнаго искуства. Наконецъ я достигъ Вѣны. Въ Вѣнѣ я пробылъ двѣ недѣли, каждый день осматривая всякія достопримѣчательности, которыя описывать считаю лишнимъ, какъ болѣе или менѣе извѣстныя; скажу только, что меня особенно поразило въ столицѣ Австрійской Имперіи необыкновенныя для большого города чистота и свѣжесть воздуха. Дни были ясные и теплые, и, несмотря на приближеніе къ концу сентября, я каждое утро ходилъ изъ Мачакергофъ — гостинница, гдѣ я остановился—купаться въ Діанабадъ—превосходное заведеніе съ большимъ бассейномъ, разнообразными душами и паровыми банями. Пропотѣвшихъ въ этихъ баняхъ пускаютъ подъ холодныя души.

Изъ Вѣны отправился я въ Прагу, гдѣ пробылъ около недѣли. Здѣсь первымъ дѣломъ моимъ было обратиться къ почтенному блаженной памяти патріарху чешскаго словянства Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ. Узнавши, что я русскій и притомъ припомнивши мою фамилію, какъ переводчика на малорусскій языкъ Краледворской рукописи, Ганка принялъ меня какъ самаго близкаго человѣка, водилъ меня по всей Прагѣ, ѣздилъ со мною на Петчинъ любоваться видомъ на городъ,—въ Градчинъ, гдѣ мы съ нимъ осматривали соборъ св. Вита съ могилами чешскихъ королей, дворецъ, находящійся близъ собора, посѣтили вмѣстѣ съ нимъ университетскую библіотеку, побывали и въ чешскомъ театрѣ. Тогда Прага казалась еще совершенно нѣмецкимъ городомъ; не было въ ней и тѣни той словянской или, лучше сказать, словянствующей физіономіи, какую она приняла послѣ послѣдней конституціи и какую я засталъ въ ней, вторично посѣтивши ее въ 1864 году. По-словянски никто не отваживался говорить, и большинство считало это признакомъ невоспитанности. В. В. Ганка любезно надѣлилъ меня всѣми своими произведеніями и изданіями, а я, вдобавокъ, накупилъ чешскихъ книгъ и отправился въ Дрез-

денъ. Здѣсь сошелся я съ моимъ товарищемъ докторомъ, съ которымъ разстался еще въ Тріестѣ. Мы вмѣстѣ осмотрѣли дрезденскія достопримѣчательности: картинную галлерею и «зеленый сводъ» (Grüne Gewœlbe), хранилище разныхъ регалій и королевскихъ украшеній, и затѣмъ отправились въ Берлинъ, а черезъ недѣлю уѣхали изъ Берлина въ Штеттинъ, гдѣ сѣли на русскій пароходъ, доставившій насъ благополучно въ Петербургъ.

Первою и отрадною вѣстью, пріятно поразившею меня въ отечествѣ, былъ слухъ о томъ, что готовится освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и что на дняхъ долженъ выйти манифестъ объ учрежденіи по этому предмету комитетовъ во всѣхъ губерніяхъ. Пробывши въ Петербургѣ недѣлю, я уѣхалъ въ Москву и тамъ согласился со встрѣтившимся саратовскимъ купцомъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ до Саратова. Въ назначенное заранѣе время мы поѣхали туда на половинныхъ издержкахъ въ его экипажѣ, и ѣхали медленно, хотя и на почтовыхъ, потому что дорога, какъ и надобно было надѣяться, по причинѣ поздней осени была до крайности негостепріимна. Въ городѣ Саранскѣ я встрѣтилъ на станціи случайно проѣзжавшаго жителя того края, который разсказалъ мнѣ событіе, случившееся въ саранскомъ уѣздѣ во время Пугачева. Одинъ баринъ заколотилъ свою жену для того, чтобы имѣть возможность жениться на своей любовницѣ. Въ то время, когда жена лежала мертвая на столѣ, прибылъ къ отцу въ гости сынъ, служившій гдѣ-то въ полку, и догадавшись, что мать его умерла насильственною смертію отъ руки отца, рѣшился мстить отцу: ушелъ къ разбойникамъ, сдѣлался предводителемъ шайки и ночью напалъ на отцовскій дворъ. Предувѣдомленный заранѣе отецъ успѣлъ убѣжать съ новою женою, а сынъ въ досадѣ сжегъ отцовскскую усадьбу, но скоро былъ застигнутъ войскомъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ. Разсказчикъ объяснилъ мнѣ, что дворъ, въ которомъ все это происходило, находился за нѣсколько верстъ отъ Саранска и я, ѣдучи туда, проминулъ это мѣсто. Разсказъ этотъ внушилъ мнѣ мысль изложить это событіе въ видѣ повѣсти, но отнести его вмѣсто XVIII вѣка въ XVII-й, къ эпохѣ Стеньки Разина, для того, чтобъ имѣть возможность изобразить бытъ и нравы XVII вѣка, мнѣ болѣе знакомаго по занятіямъ, чѣмъ XVIII-й.

Наконецъ я прибылъ въ Саратовъ. Не стану описывать радости свиданія съ матерью послѣ долгой разлуки. Отъ матушки я узналъ, что въ мое отсутствіе проѣзжалъ черезъ Саратовъ и заѣзжалъ ко мнѣ освобожденный изъ ссылки Шевченко. Спустя немного времени до меня дошла вѣсть, что его не пустили въ

Петербургъ, а велѣли ему оставаться въ Нижнемъ Новгородѣ. Члены пароходной компаніи тамъ его дружелюбно приняли и пріютили.

Въ Саратовѣ я принялся за свои обычныя занятія и, перебравши свои выписки о внутренней исторіи древней Россіи, началъ писать очеркъ домашняго быта и нравовъ великорусскаго народа, чѣмъ и занимался всю зиму. Въ апрѣлѣ 1858 года я принялся писать «Бунтъ Стеньки Разина», а въ маѣ, согласившись съ директоромъ саратовской гимназіи Мейеромъ, предпринялъ путешествіе на югъ губерніи. Мы прибыли въ Дубовку, проѣхавши туда по нѣмецкимъ колоніямъ, которыхъ было такъ много, что мнѣ показалось, будто я очутился въ Германіи. Въ Дубовкѣ меня увлекло знакомство съ раскольниками разныхъ толковъ и преимущественно съ молоканами. Хозяинъ, у котораго мы квартировали, познакомилъ меня съ тамошнимъ купцомъ Онуфріемъ Ивановичемъ Козѣевымъ, который былъ нѣкогда главою молоканъ, но потомъ обратился въ православіе и, по свидѣтельству мѣстнаго протоіерея, былъ человѣкъ примѣрнаго благочестія и нравственности. Я нашелъ въ этомъ купцѣ необыкновенно умнаго и глубоко-начитаннаго въ священномъ писаніи старика лѣтъ шестидесяти слишкомъ. Онъ сознавался, что былъ ревностнѣйшій молоканъ и, своими убѣжденіями, совратилъ очень многихъ въ свою секту; прочиталъ мнѣ сочиненное имъ нѣкогда прошеніе государю Александру Павловичу отъ лица всего молоканскаго общества о позволеніи молоканамъ свободно отправлять свою религію и послать въ Дерптъ молодыхъ людей для изученія богословія въ протестантскомъ духѣ. «Однажды», говорилъ онъ, «узнавши, что сарептскіе нѣмцы вѣрятъ подобно намъ, я ѣздилъ въ Сарепту потолковать съ тамошнимъ пасторомъ; но пасторъ, выслушавши меня, сказалъ: ты мужикъ—и никакой наукѣ не учился а разсуждаешь о томъ, чего самъ не понимаешь; какой вѣры быть приказываетъ тебѣ царь, такой и будь; намъ позволяетъ царь быть своей вѣры, а вамъ не позволяетъ,—стало быть вамъ и не нужно, и что приказываетъ тебѣ царь, то и дѣлай, а на насъ не смотри: мы—нѣмцы, иностранцы, у насъ своя вѣра, а у васъ своя русская и вы не затѣвайте иной, а вѣрьте такъ, какъ вамъ велятъ вѣрить». Времена царствованія Александра I-го были блаженными временами для сектантовъ; но съ наступленіемъ новаго царствованія стали ихъ стѣснять и преслѣдовать. Многихъ, объявленныхъ распространителями лжеученія, высѣкли кнутомъ, помѣтили клеймами и сослали въ каторгу; другихъ, за упорство, стали выселять на Кавказъ. Тѣмъ, которые оставались пока на

родинѣ, запрещалось выѣзжать далѣе тридцати верстъ, записываться въ гильдіи, отдавать дѣтей въ училища; не принимали ихъ свидѣтельствъ въ судебныхъ дѣлахъ. Козѣевъ, изъ страха, чтобы не открылись его дѣла по совращенію православныхъ, принялъ православіе самъ, но потомъ, мало-по-малу, вошелъ во вкусъ къ новому своему вѣроисповѣданію и пришелъ къ убѣжденію, что многое, за что стоятъ молокане, хотя имѣетъ основаніе, но вполнѣ совмѣстимо съ православіемъ, а иное толкуется молоканами превратно. Въ порывѣ своей преданности къ православію, Козѣевъ написалъ большое сочиненіе о необходимости принимать обрядовое крещеніе и привелъ въ своемъ сочиненіи изъ Священнаго писанія ветхаго и Новаго завѣта множество мѣстъ, гдѣ говорится о водѣ. Онъ читалъ мнѣ свое сочиненіе. Я замѣтилъ, что иныя мѣста приведены имъ совсѣмъ некстати, такъ, что хотя тамъ и говорится о водѣ, но ко крещенію это не имѣетъ никакого отношенія. Относительно ненависти, какую молокане питаютъ къ святымъ иконамъ и вообще къ признакамъ наружнаго благочестія, Козѣевъ сталъ на такую точку зрѣнія, что хотя считалъ дозволительнымъ и не противнымъ христіанству то, что въ этомъ случаѣ допускаетъ православная церковь, но не признавалъ внѣшности главнымъ дѣломъ спасенія и называлъ невѣжествомъ тѣ взгляды на наружное благочестіе, которые распространены въ массѣ православнаго простонародія. Изъ всего оказывалось, что хотя Козѣевъ искренно обратился къ православію, но его православіе осталось сильно пропитаннымъ взглядомъ секты духовныхъ христіанъ, какъ называютъ себя молокане. Кромѣ Козѣева, познакомился я съ молоканскимъ домомъ купцовъ Крючковыхъ, отъ которыхъ слышалъ горькую жалобу на клеветы, какими чернятъ молоканъ, разсказывая будто ихъ ученіе дозволяетъ дѣлать фальшивую монету и передерживать бѣглыхъ солдатъ, а также будто молокане по принципу не признаютъ достойными уваженія никакихъ властей. Въ опроверженіе этихъ клеветъ, мнѣ указали на дубовскаго молокана, возвратившагося съ крымской войны съ георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ при оборонѣ Севастополя. «Вотъ», говорили они, «нашъ человѣкъ, а служилъ государю и защищалъ отечество». Кромѣ молоканъ, я имѣлъ случай познакомиться съ раскольниками другихъ сектъ. Приводили ко мнѣ одного субботника, рыбнаго торговца, большого фанатика, доказывавшаго, что теперь слѣдуетъ совершать ветхозавѣтныя жертвы; потомъ одного табачнаго торговца, разсказывавшаго, что углубившись въ размышленія о духовныхъ вопросахъ, онъ переходилъ изъ одной секты въ другую, пока наконецъ ему Богъ послалъ

видѣніе: явилась Божія Матерь—и умъ его направился къ православію. Потолковавши нѣсколько дней съ дубовскими сектантами, мы отправились въ Царицынъ, гдѣ я забралъ, по порученію губернатора, дѣла, относящіяся къ эпохѣ пугачовскаго бунта. Услыхавши, что за нѣсколько верстъ отъ Царицына живетъ престарѣлый поселянинъ болѣе ста лѣтъ отъ роду, бывшій уже взрослымъ во время Пугачева и видавшій лично этого знаменитаго мятежника, я отправился къ нему и увидѣлъ истинную ходячую древность. Онъ разсказалъ, что помнитъ тотъ день, когда Пугачевъ прибѣжалъ въ Царицынъ, пытался его взять, но храбрый комендантъ Цыплятевъ отбилъ его шайку, уже по пятамъ преслѣдуемую Михельсономъ, и ка́къ Пугачевъ со своими товарищами переправлялся на другой берегъ Волги. Когда я завелъ рѣчь о Стенькѣ Разинѣ, старикъ сообщилъ мнѣ слышанныя имъ давно уже преданія, помѣщенныя мною въ концѣ моей книги. Какая-то старуха, сидѣвшая здѣсь въ качествѣ гостьи, услышавши, что я спрашиваю о Стенькѣ Разинѣ, принялась-было лгать и увѣрять, что видѣла Стеньку Разина, не зная, какъ видно, подлинно, когда это извѣстное народу лицо жило на свѣтѣ.

Изъ Царицына поѣхали мы въ Сарепту. Эта гернгутерская колонія представляетъ необыкновенное зрѣлище: посреди калмыцкихъ степей—дикой пустыни, предъ вами, какъ изъ подъ земли, выростаетъ чисто-нѣмецкій городокъ, красивый, благоустроенный, съ улицами, обсаженными тополями, со сквэромъ и фонтаномъ посреди его, съ чистыми домами нѣмецкой архитектуры и съ европейскимъ хозяйствомъ огородовъ и принадлежащихъ колоніи полей. Мы остановились въ гостинницѣ, устроенной отъ общества и содержимой на общественный счетъ. Въ этой гостинницѣ столъ очень удовлетворителенъ, но насъ мучили всю ночь клопы, чего я никакъ не могъ ожидать, такъ какъ, путешествуя по нѣмецкой землѣ, нигдѣ не попадалъ на это насѣкомое и привыкъ воображать, что у нѣмцевъ не можетъ быть такого признака неопрятности. Утромъ, въ воскресный день, я отправился въ церковь, построенную въ формѣ дома противъ тѣнистаго сквэра съ фонтаномъ. Тамъ узналъ я, что въ этотъ день будетъ отправляться погребеніе скончавшагося форштегера колоніи. Походивши по колоніи и дождавшись начала богослуженія, я направился къ церкви, но не могъ въ нее пробраться: тѣло усопшаго форштегера уже внесли туда и за нимъ толпами валили колонисты въ своихъ праздничныхъ и какъ бы форменныхъ нарядахъ: мужчины были одѣты въ черныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ панталонахъ и жилетахъ,

женщины — въ голубыхъ юбкахъ, бѣлыхъ пелеринкахъ и чепчикахъ съ голубыми лентами. На паперти я разговорился и познакомился съ директоромъ училищъ колоніи, который предложилъ мнѣ осмотрѣть мужское и женское училища. Мы отправились въ ихъ помѣщеніе. Судя по предметамъ преподаванія, оба училища имѣли видъ гимназій и содержались въ большой опрятности; всѣ учебныя пособія были разложены и сберегаемы въ образцовомъ порядкѣ. Преподаваніе шло по нѣмецки, но на русскій языкъ обращалось большое вниманіе, и его основательное знаніе признавалось необходимымъ для полученія аттестата. Самъ директоръ говорилъ правильно по-русски и объяснялъ мнѣ нѣкоторыя особенности религіознаго и общественнаго быта гернгутеровъ. Секта эта ведетъ свое начало не отъ лютеровской реформаціи а отъ Гусса и по этому у нихъ празднуется день сожженія Гусса. Главнымъ основаніемъ ихъ ученія—братская любовь. Прежде у нихъ общество держалось на коммунистическихъ началахъ: не было собственности; всѣ должны были трудиться въ пользу общества и получать отъ него средства къ жизни; бракъ считался необходимымъ дѣломъ, а вступавшій въ него получалъ отъ общества домъ со всѣмъ хозяйствомъ и за-то былъ обязанъ работать на общество сообразно своей подготовкѣ; въ случаѣ смерти хозяина, вдова его, если не выходила замужъ въ другой разъ, помѣщалась на жительство во вдовьемъ домѣ; безбрачными оставались только больные, или слабоумные. Въ прежнія времена браки у нихъ совершались не по взаимному желанію, а по жребію: пасторъ вынималъ изъ урны написанныя имена юношей и дѣвицъ и чьи имена совпадали при вынутіи ихъ, тѣ обязаны были сочетаться бракомъ. Такой странный для насъ способъ соединенія оправдывался тѣмъ взглядомъ, что всѣ люди—братья, всѣ равны между собою и не должны предпочитать однихъ другимъ, а въ устроеніи своей судьбы должны положиться на волю Бога, который лучше насъ самихъ устроитъ для насъ то, что нужно для нашего спасенія. Не допускались никакіе суды и тяжбы, кромѣ приговора пастора или цѣлаго общества; впрочемъ, при отсутствіи собственности, тяжбы становились немыслимыми. Трудъ считался дѣломъ необходимымъ для христіанина; всѣ дни въ недѣлѣ, исключая воскресенья, гернгутеръ обязанъ былъ работать безъ устали; всякія свѣтскія забавы возбранялись вступавшему въ братство: ни театровъ, ни танцевъ не позволялось; даже чтеніе легкаго содержанія книгъ считалось неодобрительнымъ дѣломъ. Чистота такого общественнаго строя не могла удержаться долго и уже нарушилась; сохранялась болѣе одна формальность старыхъ принциповъ;

существовалъ, правда, общественный капиталъ, употребляемый по приговору общества, но многіе изъ братьевъ завели на собственный счетъ хозяйственныя и ремесленныя заведенія и вели сами свою торговлю. Общество разлагалось не безъ важныхъ злоупотребленій: бывали случаи, что члены братства, получивши отъ общества какое нибудь порученіе, вмѣсто того, чтобы трудиться для общественныхъ выгодъ, стали обращать въ свою пользу то, что должно было вноситься въ общественный складъ и такіе случаи подали поводъ къ тому, что гернгутеры утратили прежнее доброе о себѣ мнѣніе; ихъ стали называть протестантскими іезуитами и ханжами, такъ какъ въ наружномъ видѣ гернгутера и въ рѣчахъ его все, повидимому, дышало благочестіемъ, а тайные поступки его часто были вовсе не благочестивы. Теперь въ колоніи есть и богатые и бѣдные, а многіе ведутъ промыслы чисто отъ самихъ себя. За-то и самая культура колоніи, съ паденіемъ строгой общинности, значительно умалилась; лѣтъ сорокъ, напримѣръ, назадъ, колонія славилась производствомъ бумажныхъ тканей, по всей Россіи извѣстныхъ подъ именемъ сарпинокъ; въ колоніи въ большомъ изобиліи работалась глиняная посуда очень красивой отдѣлки; оттуда вывозились пряники, славившіеся своимъ вкусомъ;—теперь все это упало тѣмъ болѣе, что и въ другихъ колоніяхъ, не гернгутерскихъ, стали производить то же. Въ старину былъ въ большой славѣ сарептскій табакъ курительный и нюхательный; теперь и эта промышленность также упала; осталось въ болѣе цвѣтущемъ состояніи одно: добываніе и приготовленіе горчицы и горчичнаго масла, но и этимъ занимается менѣе общество, чѣмъ одинъ изъ членовъ его, Гличъ, ведущій дѣла на собственый счетъ. Колонія существуетъ уже болѣе ста лѣтъ, но ея населеніе почти не увеличивается, потому что очень многіе, нажившись, выходили изъ братства, заводили себѣ торговлю по разнымъ городамъ, а иные уѣзжали за-границу. Самое образованіе юношества хотя ведется въ порядкѣ, но уже не съ такимъ блескомъ, какъ бывало прежде. Нѣкогда сюда отдавали учиться дѣтей богатые русскіе помѣщики, — теперь это совершенно прекратилось. Директоръ сообщилъ мнѣ, что это произошло оттого, что правительство стало смотрѣть неблагосклонно на такіе случаи, опасаясь, чтобы гернгутеры не совращали русское юношество съ православія. Гернгутеры, поселившись въ Сарептѣ, думали принять на себя миссію распространенія христіанства между калмыками, но и того правительство имъ не дозволило, желая, чтобы калмыки, если захотятъ креститься, поступали въ православную церковь, а не въ иновѣрческую.

Потолковавши съ директоромъ и осмотрѣвши училище, я снова направился къ церкви и дождался пока тѣло форштегера вынесли изъ нее. Вслѣдъ за нимъ и за шедшимъ позади тѣла пасторомъ, шли попарно колонисты обоего пола на кладбище, находящееся неподалеку отъ церкви и огороженное каменною стѣною. Мнѣ представился рядъ могилъ на равномъ одна отъ другой разстояніи, съ одинаковыми камнями, на которыхъ вырѣзаны были слова, заключавшія имя погребеннаго, потомъ годъ и день его рожденія и кончины. Усопшаго форштегера опустили въ могилу и стали зарывать землею; пасторъ отправился въ церковь, а за нимъ всѣ братья. И я вошелъ туда же. Церковь представляла видъ университетской аудиторіи: посреди стояла каѳедра, амфитеатромъ устроены были лавки съ придѣланными къ нимъ столами; вверху, на хорахъ, былъ органъ. Когда всѣ усѣлись, дѣвушки, опрятно одѣтыя, стали разносить кофе съ сухарями и сливками; подали пастору, потомъ подавали слушателямъ. Пасторъ, обмакая сухари въ кофе, говорилъ съ жаромъ и афектаціею что-то въ родѣ проповѣди, восхвалялъ добродѣтели усопшаго форштегера, увѣрялъ какъ хорошо ему будетъ на томъ свѣтѣ, и всѣхъ добрыхъ христіанъ уговаривалъ принять его за образецъ честной и трудолюбивой жизни, чтобы, по кончинѣ, сподобиться вѣчнаго блаженства. По окончаніи рѣчи, пасторъ всталъ, за нимъ встали всѣ предстоящіе, заигралъ органъ, всѣ стали молиться; тѣмъ и кончилось это оригинальное богослуженіе. «Что̀ значитъ этотъ кофе?» спросилъ я потомъ у директора. «Это поминовеніе», сказалъ онъ: «братья собрались вмѣстѣ почтить бесѣдою покойника, а при бесѣдѣ, вспоминая его, выпили кофе отъ трудовъ; вотъ и все».

Изъ Сарепты мы уѣхали обратно въ Саратовъ прежнею дорогою. Въ іюнѣ 1858 года я усиленно занимался окончаніемъ «Бунта Стеньки Разина». Написавши его вчернѣ и оставляя на дальнѣйшее время дополнять и поправлять свое сочиненіе, я отправился въ іюлѣ въ Петербургъ черезъ Нижній, до котораго прибылъ съ однимъ саратовскимъ купцомъ, ѣхавшимъ на нижегородскую ярмарку. Въ Нижнемъ я пробылъ нѣсколько дней, съ любопытствомъ осматривая помѣщеніе ярмарки, которая только что начиналась. Я прибылъ въ Петербургъ 20 іюля и черезъ два дня, по приглашенію Николая Васильевича Калачева, переселился въ его квартиру, тамъ какъ, отправивши семейство за-границу, онъ жилъ одинъ. Каждый день ходилъ я въ Библіотеку и занимался тамъ рукописями, съ цѣлью дополнить мой очеркъ домашняго быта и нравовъ великорусскаго народа. Вечера проводили мы вмѣстѣ съ Н. В. Калачевымъ въ бесѣдахъ, постоянно касавшихся

русскаго стариннаго быта, которымъ онъ занимался и былъ замѣчательнымъ знатокомъ его. Сужденія и замѣчанія этого археолога были всегда полезны по причинѣ его разсудительнаго и трезваго взгляда. Въ то же время подстрекаемый Николаемъ Васильевичемъ, я началъ писать своего «Сына», обѣщавши помѣстить его въ издаваемомъ Калачевымъ журналѣ, называемомъ «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣденій, относящихся до Россіи».

Между тѣмъ, узнавши, что Шевченко живетъ въ Академіи художествъ гдѣ ему отвели мастерскую комнату, я, въ одно утро послѣ купанья, отправился къ нему. Зданіе Академіи было мнѣ въ то время еще незнакомо, и я долго путался по его корридорамъ, пока достигъ цѣли. Мастерская Шевченка находилась рядомъ съ съ академическою церковью, была просторная и свѣтлая комната, выходившая окнами въ садъ. «Здравствуй, Тарасъ», сказалъ я ему, увидѣвши его за работой въ бѣлой блузѣ, съ карандашемъ въ рукахъ. Шевченко выпучилъ на меня глаза и не могъ узнать меня. Напрасно я, все еще не называя себя по имени, припомнилъ ему обстоятельство, которое, повидимому, должно было навести его на догадку о томъ, кто находился передъ нимъ. «Вотъ же говорилъ ты, что свидимся и будемъ еще жить вмѣстѣ въ Петербургѣ—такъ и сталось!» Это были слова его, произнесенныя въ III отдѣленіи въ то время, какъ послѣ очныхъ ставокъ, на которыя насъ сводили, мы возвращались въ свои камеры. Но Шевченко и послѣ того не могъ догадаться: раздумывая и разводя пальцами, сказалъ рѣшительно, что не узнаётъ и не можетъ вспомнить—кого передъ собою видитъ. Должно быть я значительно измѣнился за одиннадцать лѣтъ разлуки съ нимъ. Я наконецъ назвалъ себя. Шевченко сильно взволновался, заплакалъ и принялся обнимать меня и цѣловать. Черезъ нѣсколько времени, посидѣвши и поговоривши о нашей судьбѣ въ долгіе годы ссылки и о томъ, какъ я отыскивалъ его въ Нижнемъ, гдѣ и узналъ о его переселеніи въ Петербургъ, мы отправились пѣшкомъ въ ресторанъ завтракать и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ сходились то у него, то у меня, а чаще всего въ ресторанѣ Старо-Палкина.

Незамѣтно прошло время до 22 августа. Въ этотъ день пріѣхалъ ко мнѣ саратовскій губернскій предводитель дворянства князь Владимиръ Алексѣевичъ Щербатовъ и сталъ приглашать меня отъ имени саратовскаго дворянства взять временно мѣсто дѣлопроизводителя въ предполагавшемся тогда губернскомъ комитетѣ по улучшенію быта крестьянъ. Мнѣ предложили за мой трудъ три тысячи рублей серебромъ и сверхъ того по двѣсти рублей въ мѣсяцъ на канцелярію во все время существованія комитета, кото-

рому надлежало открыться на шестимѣсячный срокъ. Условія показались мнѣ выгодными; я согласился и черезъ нѣсколько дней отправился въ путь. Въ Нижнемъ я сѣлъ на пароходъ который возилъ на буксирѣ баржи. Въ то время легкихъ пароходовъ не случилось и мнѣ пришлось проскучать въ бездѣйствіи на пароходѣ десять дней. Къ счастію капитанъ парохода, Ивановъ, былъ человѣкъ очень любезный и занимательный собесѣдникъ, прослужившій много лѣтъ въ американской компаніи въ Ситхѣ и посѣтившій Сандвичевы острова, о которыхъ сообщалъ очень любопытныя свѣденія. Въ первыхъ числахъ сентября причалили мы къ Саратову, и на другой же день я вступилъ въ исправленіе своей новой должности. Каждый день приходилось мнѣ со своей квартиры, бывшей въ домѣ Прудентова почти на краю города, ѣздить въ дворянское собраніе, гдѣ отправлялись засѣданія комитета; тамъ у меня была канцелярія, состоявшая изъ двухъ писцовъ и одного помощника. Комитетъ продолжался вмѣсто шести мѣсяцевъ семь. Членовъ комитета, относительно ихъ убѣжденій и способовъ заявленія мнѣній о предлежавшихъ вопросахъ, можно было раздѣлить на три рода. Первые—строгіе защитники дворянскихъ интересовъ, имѣвшіе въ виду исключительно выгоду дворянства; вторые—умѣренные либералы, которые хотя и стояли за дворянскія выгоды, но показывали заботу и о томъ, чтобы и крестьянамъ было по возможности выгодно; третьи—составлявшіе какъ и вездѣ меньшинство, стояли за крестьянъ съ готовностью принести жертвы и со стороны дворянства. Но справедливость требуетъ замѣтить что изъ послѣднихъ были и такіе, которые, прослышавши напередъ о томъ, что правительство даетъ крестьянамъ свободу, поспѣшили предложить крестьянамъ свободу сами, постаравшись удержать за собою землю и освободивши крестьянъ на такихъ условіяхъ, на какихъ сами крестьяне, спустя нѣсколько мѣсяцевъ позже, не согласились бы принять этой свободы. Съ другой стороны, можно было указать и на такихъ, которыхъ во время комитетскихъ засѣданій, судя по ихъ отзывамъ, надобно было помѣстить въ число крайнихъ крѣпостниковъ, но которые впослѣдствіи разсчитались со своими крестьянами самымъ гуманнымъ образомъ и даже безденежно подарили имъ земельный надѣлъ. Видя это близко, я вполнѣ убѣдился, что русскій человѣкъ способенъ дѣйствовать по сердцу такъ человѣколюбиво, какъ неспособенъ по своимъ убѣжденіямъ. Вообще же саратовскій комитетъ постановилъ отпустить безвозмездно всѣхъ дворовыхъ людей и не удерживать крестьянскаго имущества въ пользу дворянства.

VII.

Избраніе на петербургскую каѳедру. Переѣздъ въ Петербургъ. Приготовленіе къ профессурѣ. Профессорская карьера. Литературныя занятія эпохи петербургскаго профессорства. Вторая поѣздка за-границу.

Уже въ апрѣлѣ 1859 года, когда саратовскій комитетъ по освобожденію крестьянъ приводилъ къ окончанію свои занятія, я получилъ приглашеніе отъ петербургскаго университета занять каѳедру русской исторіи послѣ удалившагося въ отставку профессора Устрялова. Радость моя была чрезвычайная. Покончивши въ послѣднихъ числахъ апрѣля всѣ засѣданія и отпраздновавши съ членами закрытіе комитета, я снарядился въ путь, предполагая проститься съ Саратовомъ на этотъ разъ уже навсегда. Наканунѣ моего отъѣзда, архимандритъ саратовскаго монастыря (нынѣ уфимскій епископъ) пригласилъ меня къ себѣ въ монастырь на вечеръ, куда позвано было большое общество моихъ знакомыхъ. Прекрасную весеннюю лунную ночь мы провели вмѣстѣ. Угощеніе было обильное, а добрые знакомые усердно пили за мое здоровье и за благополучное теченіе новаго жизненнаго пути, который предстоялъ мнѣ. На другой день я уѣхалъ, провожаемый до монастыря большою группою знакомыхъ и, заѣхавши въ монастырь въ послѣдній разъ, отслушалъ въ немъ напутственный молебенъ. Этотъ монастырь былъ мнѣ особенно дорогъ: со времени моего перваго пріѣзда въ Саратовъ, любимымъ моимъ лѣтнимъ препровожденіемъ времени было ѣздить въ монастырскую рощу съ самоваромъ и книгами и пробывать тамъ по нѣсколько часовъ.

Я простился со своею матерью, которую обѣщалъ пригласить къ себѣ, когда совершенно устроюсь въ Петербургѣ. На пути, ѣдучи черезъ Коломну, я осмотрѣлъ полуразрушенныя стѣны стараго города. Мѣстные жители сообщали мнѣ, что, по преданію, здѣсь въ подземельѣ была заключена и умерла Марина Мнишекъ послѣ поимки ея на Яикѣ съ Заруцкимъ; но это свѣденіе едва ли вѣрно, такъ какъ въ одномъ отвѣтѣ, данномъ русскими послами польскимъ панамъ, говорится, что Марина умерла въ Москвѣ съ тоски по своей волѣ.

Въ Москвѣ остановился я на нѣсколько дней, чтобы порыться въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ цѣлью отыскать кое-что для исторіи бунта Стеньки Разина. Я нашелъ нѣсколько бумагъ, болѣе или менѣе любопытныхъ; но нельзя сказать, чтобы тогдашнее начальство Архива, которымъ заправлялъ покойный князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, было особенно милостиво къ моимъ прось-

бамъ. Въ половинѣ мая я прибылъ въ Петербургъ и остановился въ гостинницѣ, существовавшей въ домѣ Балабина, рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

Первымъ дѣломъ моимъ было отправиться къ министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому, который принялъ меня очень любезно, однако сказалъ, что онъ уже представлялъ Государю о снятіи съ меня наложеннаго еще въ 1847 году запрещенія служить мнѣ по ученой части и утвердить меня въ званіи профессора петербургскаго университета, который меня тогда избралъ. Государь Императоръ сказалъ, что Ему сообщили будто я написалъ какую-то неблагонамѣренную книгу о Стенькѣ Разинѣ. Когда министръ представилъ, что это сочиненіе вовсе не отличается дурнымъ направленіемъ, то Государь Императоръ сказалъ, что самъ прочтетъ эту книгу и приказалъ доставить ее къ себѣ. Такимъ образомъ дѣло мое остановилось. Дожидаясь рѣшенія судьбы своей, я погрузился въ занятія рукописями и книгами Императорской Публичной Библіотеки и, благодаря любезности библіотекарей и тогдашняго директора Библіотеки барона Модеста Андреевича Корфа, получилъ такой доступъ въ отдѣленіе Библіотеки, что сдѣлался въ ней домашнимъ человѣкомъ. Пользуясь близостью помѣщенія, каждое утро изъ нумера своей гостинницы находившейся рядомъ съ Библіотекой, уходилъ я туда и не смотря на длинные лѣтніе дни, просиживалъ тамъ до ночи. Такъ какъ у меня въ виду было преподаваніе науки въ университетѣ, то я читалъ все, что только могло по моимъ соображеніямъ послужить мнѣ для будущихъ лекцій. Такъ прошло лѣто. Ни однаго дня не пропустилъ я, чтобы не посѣщать Библіотеки; читалъ много и печатнаго, и рукописнаго. Занятія эти до того меня увлекали, что я не находилъ времени нанять себѣ квартиру и оставался въ гостинницѣ, гдѣ, однако, мнѣ было неудобно, потому что за стѣною моего нумера, въ трактирѣ, игралъ день и ночь органъ и въ это время нѣкоторыя музыкальныя піесы, какъ напримѣръ: «La donna e mobile» изъ Риголетто, или «Addio Lenora» изъ «Trovatore» до того мнѣ омерзѣли, что я долго безъ содроганія не могъ ихъ услышать. Моими частыми собесѣдниками въ эти дни были: книгопродавецъ Кожанчиковъ, которому я продалъ «Бунтъ Стеньки Разина» (первое изданіе его явилось въ «Отечественныхъ запискахъ» еще въ концѣ 1858 года), Котляревскій—впослѣдствіи профессоръ, тогда еще молодой человѣкъ, отличавшійся чрезвычайною любознательностію и большими свѣденіями въ библіографіи,—и полякъ Викторъ Калиновскій, занимавшійся по цѣлымъ днямъ въ Библіотекѣ польскими рукописями и скоро нажив-

шій себѣ отъ усиленныхъ занятій чахотку, положившую его въ гробъ. Мнѣ не случалось въ жизни видѣть человѣка, съ такимъ увлеченіемъ преданнаго археографіи и исторіи, впрочемъ только въ спеціальномъ смыслѣ. Его знанія не шагали дальше Литвы и Польши, но за-то его можно было назвать ходячимъ каталогомъ самыхъ мелочныхъ свѣденій о минувшемъ бытѣ этихъ краевъ. Человѣкъ этотъ отличался сверхъ того большимъ добродушіемъ и безконечною услужливостью. Памятникомъ знакомства съ нимъ осталось у меня богатѣйшее собраніе выписокъ съ указаніемъ на нумера и форматы тѣхъ рукописей, изъ которыхъ онѣ извлечены. Родной братъ его впослѣдствіи попался въ польскомъ мятежѣ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ Литовскомъ краѣ, и былъ повѣшенъ; мой же пріятель былъ человѣкъ иного закала: онъ весь жилъ въ прошедшихъ вѣкахъ и почти не интересовался текущими событіями. Будучи знакомъ съ исторіею своего отечества гораздо глубже тѣхъ верхоглядныхъ патріотовъ, которые, не изучая основательно прошедшаго, составляли себѣ о немъ мечтательные образы, Калиновскій, въ обществѣ своихъ соотечественниковъ возбуждалъ даже неудовольствіе за то, что смѣло говорилъ такія вещи, которыя тогдашнимъ польскимъ патріотамъ были не по вкусу. Всегда въ истасканномъ платьѣ, питавшійся скудною трапезою у какой-то польки кухмистерши, Калиновскій мало заботился о своемъ житейскомъ комфортѣ и, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ «не отъ міра сего».

Съ сентября, когда въ столицу возвращались съ дачъ, съ деревень и со всякихъ поѣздокъ, кругъ знакомыхъ сталъ для меня расширяться. Изъ близкихъ, старыхъ знакомыхъ явились въ то время въ городъ Бѣлозерскій и Шевченко; послѣдняго видѣлъ я еще въ маѣ, но потомъ онъ уѣхалъ въ Малороссію и возвратился къ осени. По прежнему сталъ онъ мнѣ близкимъ человѣкомъ. Хотя послѣ своего освобожденія онъ вдавался въ большое употребленіе вина, но это не вредило никому, развѣ только его физическому здоровью. Напрасно г. Кулишъ, въ послѣдней своей книгѣ «Исторія возсоединенія Руси» презрительно обругалъ музу Шевченка «пьяною» и риторически замѣтилъ, что тѣнь поэта «на берегахъ Ахерона скорбитъ о своемъ прежнемъ безуміи». Муза Шевченка не принимала на себя ни разу печальныхъ слѣдствій, разстраивавшихъ тѣлесный организмъ поэта; она всегда оставалась чистою, благородною, любила народъ, скорбѣла вмѣстѣ съ нимъ о его страданіяхъ и никогда не грѣшила неправдою и безнравственностію. Если упрекать Шевченка за то, за что его наказывало нѣкогда правительство, изрекшее потомъ ему прощеніе.

то ужъ никакъ не г. Кулишу, который былъ соучастникомъ Шевченка и въ одно съ нимъ время подвергся наказанію отъ правительства, хотя и въ меньшей противу Шевченка степени.

Бѣлозерскій тогда уже дѣлалъ предположенія объ изданіи журнала «Основа», надѣясь на матеріальную помощь, обѣщанную родственникомъ его жены Н. И. Катенинымъ.

Наконецъ я дождался рѣшенія своего дѣла. Въ октябрѣ министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій пригласилъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ изволилъ разрѣшить мнѣ служеніе по ученой части и что поэтому я буду утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора при с. петербургскомъ университетѣ. Мнѣ особенно было пріятно, что Государь Императоръ, какъ сказалъ мнѣ министръ, отозвался очень одобрительно о моемъ сочиненіи «Бунтъ Стеньки Разина», которое прочиталъ.

Готовясь вступить на каѳедру, я продолжалъ сидѣть по цѣлымъ днямъ въ Публичной Библіотекѣ. Ноября 20-го назначена была мнѣ вступительная лекція въ университетѣ. Стеченіе публики было большое; нѣсколько государственныхъ лицъ посѣтили мою лекцію. По окончаніи чтенія послѣдовали громкія рукоплесканія, а потомъ толпа молодыхъ людей подхватила меня на руки и вынесла изъ университетскаго зданія къ экипажу. Тутъ встрѣтилъ я одного молодого доктора, который служилъ въ Саратовѣ и былъ тамъ со мною знакомъ. Мы поѣхали вмѣстѣ. «Вотъ,—говоритъ онъ,—совершилась такая минута, которой никто изъ насъ не воображалъ, когда мы жили съ вами въ Саратовѣ; вотъ какъ судьба играетъ человѣкомъ. Сравните теперь то положеніе, когда васъ унижалъ саратовскій полиціймейстеръ, поставивши васъ на ряду съ содержателями публичныхъ домовъ и называя ихъ, а также и поклонниковъ Бахуса, вашими товарищами; сравните его съ настоящею минутою вашей жизни, которой очень многіе позавидовали бы, а иные согласились бы перетерпѣть все то, что́ вы перетерпѣли, лишь бы ее пережить». Въ тотъ же вечеръ мы вмѣстѣ съ нимъ были въ итальянской оперѣ. Давали «Пророка».

Съ тѣхъ поръ начались мои обычныя чтенія лекцій. Стеченіе публики не только не умалялось, но съ каждою лекціею возрастало: аудиторія моя всегда была биткомъ набита лицами всякаго званія и между ними было множество женщинъ и дѣвицъ. Я продолжалъ заниматься и въ Публичной Библіотекѣ: готовилъ лекціи и писалъ другія сочиненія. Моя вступительная лекція отдана была для напечатанія въ журналъ «Русское Слово». Въ «Современникъ» отдалъ я отрывокъ изъ своихъ лекцій «О началѣ

Руси». Кромѣ того я, по читаннымъ тогда лекціямъ, предположилъ составить статью о русскихъ инородцахъ, изложивъ ихъ исторію и настоящее этнографическое ихъ положеніе. Я началъ съ литовцевъ, изложилъ древнюю исторію событій, составилъ описаніе внутренняго быта литовскаго племени и приложилъ разборъ ихъ современной народной поэзіи. Статья эта отдана была въ «Русское Слово», гдѣ и напечатана въ слѣдующемъ году.

Вступая на каѳедру, я задался мыслію въ своихъ лекціяхъ выдвинуть на первый планъ народную жизнь во всѣхъ ея частныхъ видахъ. Долговременное занятіе исторіею развило во мнѣ такіе взгляды. Я видѣлъ, что государства являлись вездѣ болѣе случайнымъ плодомъ завоеваній, чѣмъ необходимымъ послѣдствіемъ географическихъ и этнографическихъ особенностей народной жизни. Всегда почти поэтому государство составлялось не изъ одной народности; сильнѣйшая подавляла слабѣйшихъ, стремилась подчинить, а иногда и ассимилировать ихъ, считала за собою право власти надъ ними, которое освящалось давностію, допускала надъ ними насиліе, и всякую съ ихъ стороны попытку къ самосохраненію признавала преступленіемъ. Жизнь, однако, продолжала развиваться инымъ путемъ, и государство оставалось только внѣшнею формою объединяющей полицейской власти. Тамъ гдѣ не было завоеванія, или гдѣ оно не являлось достаточно могучимъ, тамъ не могло составиться и государство. Свободныя человѣческія общества, ради взаимныхъ выгодъ, а болѣе всего ради собственной защиты, стремились къ союзности (федераціи). Такъ мы видимъ въ древней Греціи. Отдѣльныя небольшія республики стремились войти между собою и удерживать взаимную племенную связь на основаніи сходствъ языка, религіи, общественнаго и домашняго быта, но согласія между ними не было: сколько мы знаемъ, всѣ онѣ изстари между собою вели войны. Вѣроятно, причиною тому было, что онѣ не додумались до центральнаго соединительнаго органа, который бы прочно ихъ связывалъ между собою. Олимпійскія игры, которыя считаютъ обыкновенно однимъ изъ такихъ органовъ, не имѣли юридическаго значенія, а Амфиктіоново судилище было безсильно и мало обязательно въ вопросахъ, порождавшихъ междоусобія, и оттого, вѣроятно, дѣятельность его намъ слишкомъ мало извѣстна. Какъ бы то ни было, изъ греческихъ земель двѣ—Аѳины и Спарта—проявили стремленіе властвовать надъ другими и оттого между собою находились въ соперничествѣ, порождавшемъ кровопролитныя распри. Ни Аѳины, ни Спарта не сдѣлались, однако, всегреческимъ государствомъ. Государство составилось только со вступленіемъ Македо-

ніи въ число частей Греціи изъ завоеваній Филиппа и Александра. Что̀ въ древнемъ мірѣ являлось въ формахъ республикъ, то̀ въ новомъ, христіанскомъ мірѣ явилось въ формѣ отдѣльныхъ земель, подвластныхъ въ бо̀льшей или меньшей степени мелкимъ владѣтелямъ. Отсюда—на западѣ Европы—феодальная система бароновъ, а въ славянскомъ мірѣ—земель съ избранными князьями. И тѣ и другіе вели между собою распри, при недостаткѣ и слабости связывающихъ ихъ органовъ, пока, наконецъ, сильнѣйшіе изъ нихъ завоеваніемъ подчинили слабѣйшихъ, и такъ составлялись государства, которыя потомъ преобразовывались и передѣлывались бо̀льшею частію случайно, на правахъ бо̀льшей силы. И русская исторія представляла то же, хотя съ своеобразными особенностями. Русское государство складывалось изъ частей, которыя прежде жили собственною независимою жизнію и долго послѣ того жизнь частей высказывалась отличными стремленіями въ общемъ государственномъ строѣ. Найти и уловить эти особенности народной жизни частей Русскаго государства составляло для меня задачу моихъ занятій исторіею. Насколько это могло мнѣ удаться—долженъ былъ показать опытъ, но я взялъ на себя задачу чрезвычайно трудную и, какъ показалось мнѣ самому на дѣлѣ, мало удобо-исполнимую по причинѣ моей малой подготовки къ работамъ надъ этой задачей. Меня утѣшало только то, что я могъ хотя сдѣлать мало, но по крайней мѣрѣ намѣтить дорогу другимъ, болѣе меня способнымъ и свѣдущимъ. Во всякомъ случаѣ я былъ увѣренъ, что и любой изъ нашихъ ученыхъ не былъ еще въ состояніи болѣе меня приняться за это дѣло. Въ такомъ духѣ я и началъ читать свои лекціи, обративши вниманіе на черты мѣстной исторіи русскихъ земель и княжествъ и на отличную жизнь инородцевъ, вошедшихъ въ составъ Русской державы.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1859 года я, черезъ посредство Шевченка, познакомился съ домомъ покойнаго вице-президента Академіи художествъ графа Ѳедора Петровича Толстого и нашелъ тамъ самый любезный пріемъ. Трудно представить себѣ старика, болѣе добраго, горячо преданнаго искуству и неравнодушнаго ко всему входящему въ область умственнаго труда. Въ то время онъ, хотя и старый, за 80 лѣтъ, но еще былъ бодръ и свѣжъ и его домъ былъ постояннымъ мѣстомъ соединенія художниковъ и литераторовъ. Одновременно случай свелъ меня съ другимъ старцемъ, столько же почтеннымъ, хотя совершенно въ другой сферѣ: это былъ графъ Димитрій Николаевичъ Блудовъ, тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта, человѣкъ столько же развитой и хорошо образованный, какъ и вполнѣ прогрессивный, преданный

душею дѣлу возрожденія Россіи—дѣлу, которое тогда было въ умахъ и сердцахъ всѣхъ развитыхъ людей. Мнѣ часто случалось обѣдать у графа и послѣ обѣда просиживать до поздней ночи. Его разнообразныя познанія, близость къ русскимъ литераторамъ прежнихъ временъ, многолѣтній опытъ, здравый умъ и замѣчательное остроуміе оживляли бесѣду и заставляли всѣхъ посѣщавшихъ его домъ вспоминать съ большимъ удовольствіемъ о минутахъ, проведенныхъ съ этимъ старикомъ. Его дочь графиня Антонина Дмитріевна, особа очень начитанная, увеличивала своимъ присутствіемъ пріятность такихъ бесѣдъ. Въ домѣ Блудова можно было встрѣтить какъ государственныхъ людей, такъ и ученыхъ, къ которымъ покойный графъ Димитрій Николаевичъ питалъ большое сочувствіе.

Въ 1860 году, напечатанная въ первомъ нумерѣ «Современника» моя статья «Начало Руси» вооружила противъ меня Михаила Петровича Погодина. Старый ветеранъ русской исторіи никакъ не могъ переварить смѣлости, съ какою я отважился на разбитіе системы происхожденія Руси изъ норманскаго міра. Онъ прибылъ въ Петербургъ и, встрѣтивъ меня въ Публичной Библіотекѣ, предложилъ мнѣ вступить съ нимъ въ публичный диспутъ по этому вопросу. Я, погорячившись, тотчасъ согласился, хотя впослѣдствіи и не вполнѣ былъ доволенъ тѣмъ, что позволилъ себѣ выставить такой спеціальный предметъ на праздную потѣху публики. Нѣкоторые пріятели тогда уже говорили мнѣ объ этомъ; но давши слово и допустивши огласить въ печати наше намѣреніе, я не могъ выдумывать какіе нибудь предлоги къ тому, чтобы это намѣреніе не исполнилось; притомъ же доходъ съ билетовъ, которые будутъ браться на этотъ диспутъ, предназначался въ кассу для бѣдныхъ студентовъ: самое наше намѣреніе представлялось полезнымъ дѣломъ въ благотворительномъ отношеніи. Диспутъ нашъ состоялся 19 марта. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ кончился ничѣмъ: каждый изъ насъ остался при своемъ мнѣніи; впрочемъ, какъ я имѣлъ случай слышать мнѣніе публики, большинство ея склонялось на мою сторону, тѣмъ болѣе, что покойный Добролюбовъ напечаталъ въ «Свисткѣ», составлявшемъ «Приложеніе къ Современнику», очень остроумное и ѣдкое описаніе нашего диспута, выставляя на видъ несостоятельность норманской системы и стараясь представить самого Погодина въ комическомъ видѣ. М. П. Погодинъ былъ очень недоволенъ этимъ и даже винилъ меня, подозрѣвая, какъ будто бы у меня была какая нибудь солидарность съ тѣмъ, что̀ печаталось о немъ въ «Свисткѣ», котораго сотрудникамъ онъ далъ тогда печатно

кличку «рыцарей свистопляски». Собственно говоря, ни Погодинъ, ни я не были абсолютно правы, но на моей сторонѣ было по крайней мѣрѣ то преимущество, что я понималъ чтеніе лѣтописей въ болѣе прямомъ смыслѣ и притомъ такомъ, какой, по предмету нашего спора, существовалъ издавна и какой вѣроятно имѣлся у самыхъ лѣтописцевъ. Впослѣдствіи, вдумавшись какъ въ составъ нашихъ лѣтописей, такъ и въ духъ сообщаемыхъ ими извѣстій, я пришелъ къ такому результату, что самая исторія призванія князей есть не что иное, какъ басня, основанная на издавна внѣдрившихся взглядахъ, почерпнутыхъ изъ миѳическаго сказочнаго міра. Моя теорія о происхожденіи Руси изъ литовскаго міра если и не имѣла за собой неоспоримой исторической истины, по крайней мѣрѣ доказывала норманистамъ, что происхожденіе князей нашихъ и ихъ дружинъ еще съ бо́льшею вѣроятностію чѣмъ изъ Скандинавіи можно выводить изъ другихъ земель, и такимъ образомъ подрывала авторитетъ мнѣній, до того времени признававшихся неоспоримыми и занесенныхъ въ учебники какъ несомнѣнная истина.

Въ апрѣлѣ я былъ приглашенъ сдѣлаться членомъ Археографической комисіи и принять на себя спеціально изданіе актовъ, относящихся къ южной и западной Россіи. Въ томъ же мѣсяцѣ я былъ приглашенъ въ дѣйствительные члены русскаго географическаго общества.

Въ маѣ того же года ко мнѣ въ Петербургъ прибыла матушка, изъявившая желаніе оканчивать вѣкъ свой при мнѣ. Изъ гостинницы, находившейся въ домѣ Балабина, я долженъ былъ теперь перейти на квартиру и устроиться въ ней хозяйствомъ, а потому и принялся искать себѣ удобнаго помѣщенія. Случайно нашелъ я квартиру на Васильевскомъ Острову въ 9 линіи, въ домѣ, принадлежавшемъ Карманову, и 1-го іюня перебрался на новоселье. Квартира была въ бель-этажѣ, довольно помѣстительна, но имѣла тотъ недостатокъ, что въ ней сильно отражались звуки городского шума въ лѣтнюю пору, мѣшавшіе заниматься. Установившись въ новомъ помѣщеніи и положивши начало домашнему хозяйству, я уѣхалъ на дачу къ Толстымъ близъ Выборга и пробылъ тамъ до половины іюля, по временамъ пріѣзжая на день или на два навѣдаться къ матушкѣ. Въ концѣ іюля я съѣздилъ въ Новгородъ и, познакомившись тамъ съ извѣстнымъ въ то время знатокомъ мѣстной старины Иваномъ Купріяновичемъ Купріяновымъ, въ теченіе десяти дней осматривалъ городъ, посѣтилъ всѣ его церкви, обозрѣлъ въ нихъ всѣ остатки старины, отыскивалъ слѣды старинной топографіи Новгорода для того, чтобы уяснить себѣ со-

стояніе города въ древности, такъ какъ я намѣревался читать курсъ о Новгородѣ и Псковѣ и потомъ составить ихъ исторію. Возвратившись въ Петербургъ, я черезъ нѣсколько дней, въ началѣ августа, снова ѣздилъ въ Новгородъ и дополнялъ въ немъ осмотръ того, чего не успѣлъ окончить въ первый пріѣздъ. По возвращеніи изъ Новгорода, я началъ по прежнему заниматься въ Библіотекѣ, перебирая старо-русскія рукописи Погодинскаго собранія, а послѣ 15 числа прибыли въ Петербургъ Толстые изъ выборгской дачи и, собираясь уѣзжать за-границу, пригласили меня проводить ихъ до Пскова. Первый разъ въ жизни отправился я въ знаменитый древній русскій городъ, осмотрѣлъ его стѣны, его церкви и три старыхъ дома, составляющіе большую драгоцѣнность въ своемъ родѣ при недостаткѣ такого рода архитектурныхъ памятниковъ. Расположеніе домовъ этихъ описано мною въ «Сѣверно-русскихъ народоправствахъ».

По возвращеніи изъ Пскова, занявшись еще съ недѣлю въ Библіотекѣ, я отправился въ Москву, а оттуда въ Троицко-Сергіеву лавру, съ намѣреніемъ познакомиться съ рукописями какъ этого монастыря, такъ равно и Волоколамскаго, котораго рукописное собраніе было привезено въ московскую духовную академію. Почтенный профессоръ академіи, нынѣ умершій ея ректоръ, Александръ Васильевичъ Горскій, любезно пригласилъ меня помѣститься у него въ казенной квартирѣ и тамъ заниматься рукописями. Я пробылъ у него безъ малаго три недѣли и могу сказать, что объ этомъ времени осталось у меня самое пріятное воспоминаніе. Мой любезный хозяинъ былъ такой знатокъ богословской литературы вообще и русскихъ рукописей въ особенности, какому подобнаго едва ли гдѣ можно сыскать. Недаромъ подарилъ онъ русской литературѣ свое знаменитое описаніе синодальныхъ рукописей. Меня въ то время интересовали черты, пояснявшія бытъ, нравы, понятія, взгляды и пріемы жизни нашихъ предковъ. Всего этого можно было болѣе чѣмъ гдѣ нибудь отыскать въ такихъ рукописяхъ, которыя не пользуются авторитетомъ богословской истины и даже въ такихъ сочиненіяхъ, которыя отвержены церковью и носятъ въ литературѣ названіе «отреченныхъ». Къ нимъ въ то время я преимущественно обращался. Тогда, между прочимъ, меня занимало непризнанное церковью «Житіе блаженнаго Нифонта», словянскій переводъ котораго, писанный въ Ростовѣ въ первыхъ годахъ XIII вѣка находился въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры, писанный на пергаменѣ уставомъ и сохранившійся въ замѣчательной цѣлости. Хотя произведеніе это не русское, но оно несомнѣнно было очень знакомо

русскимъ: отрывки изъ него расходились во множествѣ и теперь встрѣчаются въ различныхъ сборникахъ всѣхъ вѣковъ; но экземпляръ, которымъ я пользовался, составлялъ цѣлостное сочиненіе. Переводъ сдѣланъ съ греческаго языка, и въ синодальной библіотекѣ хранится одинъ старый рукописный списокъ подлинника, какъ говорятъ, не позже VIII вѣка. Содержаніе этого сочиненія въ высшей степени замѣчательно и занимательно; это, такъ сказать, романъ, гдѣ представлено внутреннее дѣйствіе человѣческой души, ея борьба со всякаго рода дурными помыслами и съ невѣріемъ. Эта борьба представлена въ фантастическомъ образѣ борьбы со злыми духами или бѣсами. Я тогда же сдѣлалъ изъ этого сочиненія извлеченія, и описавъ его содержаніе, помѣстилъ въ статьѣ подъ названіемъ «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ», которая была потомъ напечатана въ журналѣ «Русское Слово».

По возвращеніи изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря въ Москву, я посвятилъ тамъ нѣсколько дней на занятія рукописями въ синодальной библіотекѣ и въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ перебралъ дѣла, относящіяся къ исторіи Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго и, по распоряженію Археографической комисіи, назначилъ ихъ къ отправкѣ въ Комисію. Затѣмъ я возвратился въ Петербургъ.

Я принялся за изданіе «Памятниковъ старинной русской литературы», по предложенію покойнаго графа Григорія Александровича Кушелева-Безбородко, помѣщая тамъ по своему усмотрѣнію рукописныя статьи, отыскиваемыя въ письменныхъ хранилищахъ. Первый томъ этихъ «Памятниковъ» вышелъ въ 1860 году, второй — готовился выйти на слѣдующій годъ. Это занятіе побуждало меня, для исканія памятниковъ, испросить у с.-петербургскаго митрополита дозволенія перебрать хранящіяся въ духовной академіи рукописи, привезенныя туда изъ новгородскаго Софіевскаго собора и изъ библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Не смотря на мои усиленныя занятія, какихъ требовало чтеніе лекцій объ исторіи Новгорода и Пскова, чрезвычайно мало разработанной и вызывавшей на основательное ознакомленіе со множествомъ источниковъ, писанныхъ на старомъ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи, которому я долженъ былъ тогда же учиться, я въ тѣ дни, когда не читалъ лекцій, совершалъ путешествія съ Васильевскаго Острова въ Александро-Невскую лавру, при которой находится духовная академія, являлся туда часамъ къ девяти утра и просиживалъ за разборомъ рукописей до пяти часовъ по-полудни. Такъ продолжалось осенью и зимою 1860—61 годовъ. Я имѣлъ возможность сдѣлать тамъ множество выписокъ изъ рукописей на отдѣльныхъ

листочкахъ, надписывая на нихъ къ какой сторонѣ жизни относится выписка. Иныя пригодились мнѣ для дополненія къ «Очерку быта и нравовъ великорусскаго народа», а другія были оставлены до будущаго времени, чтобы послужить источниками для дальнѣйшихъ занятій по внутренней русской исторіи.

Принявши на себя званіе члена Археографической комисіи и выписавъ изъ Москвы дѣла бывшаго Малороссійскаго Приказа, я, пригласивши къ участію съ собою явившагося въ Петербургъ П. А. Кулиша, приступилъ къ изданію актовъ, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго, отдалъ ихъ сначала для переписки, а потомъ, постоянно выбирая изъ нихъ болѣе годные, отсылалъ постепенно въ печать. Между тѣмъ другіе акты, которые относились къ годамъ послѣдующимъ за смертію Богдана Хмельницкаго, я взялъ себѣ за источникъ для написанія статьи о Выговскомъ, которую предполагалъ читать на рождественскихъ святкахъ въ видѣ публичныхъ лекцій.

Обращеніе моихъ занятій отчасти къ Малороссіи вызвало у меня появленіе, напечатанной въ «Современникѣ», небольшой статьи «О козачествѣ», гдѣ я старался установить надлежащій взглядъ на это историческое явленіе и опровергнуть возникавшее въ тогдашней литературѣ мнѣніе о томъ, что козаки сами по себѣ были обществомъ анти-государственнымъ, что душею этого общества была анархія и потому на попытки какъ Польши, такъ впослѣдствіи и Россіи къ обузданію козацкой воли надобно смотрѣть какъ на защиту государственнаго элемента противъ вторженія дикихъ, разрушительныхъ побужденій. Такая точка зрѣнія, давно уже поддерживаемая поляками, начинала переходить и въ русскую ученую литературу и я принималъ на себя призваніе доказать ея несостоятельность и уяснить, что козачество, при всѣхъ временныхъ уклоненіяхъ, было послѣдствіемъ идей чисто демократическихъ. Статья моя возбудила противъ меня возраженія въ польскихъ повременныхъ изданіяхъ и тогда особенно выступило противъ меня лицо, укрывавшееся подъ псевдонимомъ Зенона Фиша. Его возраженія вызвали съ моей стороны новую статью въ защиту своего мнѣнія. Полякъ хотѣлъ доказать, что отношенія польской народности къ южно-русской были нравственно благодѣтельны; что задача польскаго шляхетства была «ушляхетненіе» русскаго народа; а я возражалъ, что это «ушляхетненіе» вело не болѣе какъ къ порабощенію народа. Замѣчательно, что наши русскіе ученые, задаваясь идеею государственности, невольно въ то время совпадали съ польскими учеными; а я, защищая законность и плодотворность побужденій, двигавшихъ народною массою

независимо отъ государственныхъ условій, возбуждалъ противъ себя обвиненіе въ такъ называемомъ «козацкомъ взглядѣ», какъ нѣкоторые тогда выражались, не желая вникнуть въ вопросъ поглубже рутинныхъ формъ, которыхъ привыкли держаться.

Въ первыхъ числахъ января 1861 года я читалъ публичныя лекціи въ университетскомъ залѣ въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Содержаніемъ этихъ лекцій была исторія эпохи гетманства Выговскаго. Всѣхъ лекцій было четыре. Несмотря на страшный морозъ, доходившій въ тѣ дни до 30°, лекціи мои были посѣщаемы значительнымъ приливомъ публики.

Съ этого года начала издаваться «Основа» и я сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ ея сотрудниковъ. Я помѣстилъ здѣсь нѣсколько статей по русской исторіи, написанныхъ на основаніи того, что я имѣлъ случай читать въ университетѣ. Таковы статьи: «О федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности», «Черты южно-русской исторіи»; послѣдняя изъ нихъ заняла нѣсколько нумеровъ и заключала въ себѣ сплошное историческое повѣствованіе событій удѣльно-вѣчевого періода въ южной Руси до татаръ.

Тамъ же въ «Основѣ» помѣщены были двѣ моихъ полемическихъ статьи противъ краковской газеты «Czas» и французскаго журнала «Revue Contemporaine». Эти статьи имѣли цѣлью опровергнуть лживыя польскія теоріи о несловянскомъ происхожденіи всего великорусскаго народа, теоріи, опиравшіяся, какъ извѣстно, на ученіи Духинскаго, получившемъ въ свое время большое значеніе во Франціи. Правду сказать, Духинскій брался не за свое дѣло и вовсе не былъ подготовленъ къ рѣшенію такихъ важныхъ вопросовъ: онъ вовсе не былъ знатокомъ ни финскихъ нарѣчій, ни восточныхъ языковъ, ни русской археологіи, тогда какъ основательныя познанія во всемъ этомъ были дѣломъ первой необходимости для рѣшенія тѣхъ задачъ, за какія принялся самонадѣянный авторъ. Его теоріи льстили польскимъ мечтаніямъ и потому неудивительно, что принимались съ большою вѣрою поляками, которые въ ту эпоху національнаго раздраженія склонны были ухватиться за все, что́ по ихъ мнѣнію, набрасывало какую бы то ни было тѣнь на русскій народъ. Теоріи Духинскаго нашли себѣ сочувствіе и въ западной Европѣ, особенно во Франціи и это доказывало только невысокій уровень свѣдѣній, которыми обладали вообще о нашемъ отечествѣ многіе изъ ученыхъ людей западной Европы. Я имѣлъ цѣлію доказать всю слабость и неосновательность историческихъ взглядовъ на наше прошедшее и въ особенности на основаніе и составъ великорусскаго народа —

взглядовъ, въ то время довольно укрѣпившихся въ Европѣ. Но если приходилось мнѣ писать въ «Основѣ» то, что должно было раздражать поляковъ, то не обошлось и безъ того, чтобы тогдашнее перо мое не возбуждало противъ моихъ писаній многихъ умовъ и въ нашемъ русскомъ обществѣ. Мои статьи: «О федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности» и наконецъ «Черты южно-русской исторіи», статьи, написанныя на основаніи задачи, которую я предположилъ себѣ въ чтеніи лекцій по русской исторіи, возбудили противъ меня невыгодныя толкованія, проявившіяся не разъ въ печати впослѣдствіи. Моя идея о томъ, что въ удѣльномъ строѣ Руси лежало федеративное начало, хотя и не выработалось въ прочныя и законченныя формы, заставляла подозрѣвать — не думаю ли я примѣнять этой идеи къ современности и не основываю ли на ней какихъ нибудь предположеній для будущаго. Это подозрѣніе много разъ высказывалось тамъ и сямъ намёками, большею частью неясными, потому что не у всякаго доставало отваги обвинять меня въ томъ, на что я самъ не далъ явныхъ указаній. Независимо отъ печатныхъ намековъ, появлявшихся кстати и некстати въ періодическихъ нашихъ изданіяхъ, я тогда же получалъ письма съ укоромъ за мою статью и съ отысканіемъ въ ней такого смысла, какого я не заявлялъ и какого она, конечно, не имѣла. Еще болѣе возбуждала раздраженіе моя статья «Двѣ русскія народности», которую черезъ нѣсколько лѣтъ, вспомнивши о ней, «Русскій Вѣстникъ» назвалъ «позорною». Дѣло въ томъ, что много открылось политическихъ мыслителей, хотѣвшихъ во что бы то ни стало, чтобы на Руси существовала только одна русская народность, и не терпѣвшихъ если имъ указывали не одну а нѣсколько, хотя бы даже существовавшія въ прошедшія времена. Привычка отыскивать въ разсужденіи о прошедшемъ бытѣ какихъ нибудь отношеній къ настоящему или будущему заронилась въ нѣкоторой части читающаго русскаго общества. Это было естественно при цензурной строгости, когда многіе писатели по-неволѣ принуждены бывали не досказывать своихъ мыслей, предоставляя читателямъ читать ихъ у себя между строками. Эта привычка послужила противъ меня источникомъ уже крайне смѣшныхъ и нелѣпыхъ догадокъ по поводу моей литовской системы происхожденія Руси; она же дѣйствовала и по поводу мыслей о двухъ русскихъ народностяхъ. Впрочемъ, послѣ выхода моей статьи въ первое время не раздавалось крупныхъ обвиненій въ «сепаратизмѣ», которыми такъ щедро награждали меня послѣ того, какъ вспыхнуло польское возстаніе и русскіе стали горячо хвататься за идею своего національнаго

единства. Многіе часто не знали, что говоря объ Украинѣ, повторяли сказанное ихъ врагами-поляками по отношенію къ себѣ. Пока польское возстаніе не встревожило умовъ и сердецъ на Руси, идея двухъ русскихъ народностей не представлялась въ зловѣщемъ видѣ и самое стремленіе къ развитію малорусскаго языка и литературы не только никого не пугало призракомъ разложенія государства, но и самыми великороссами принималась съ братскою любовью. Притомъ же содержаніе моей статьи о двухъ русскихъ народностяхъ ясно отклоняло отъ меня всякое подозрѣніе въ замыслахъ «разложенія отечества», такъ какъ у меня было сказано и доказываемо, что двѣ русскія народности дополняютъ одна другую и ихъ братское соединеніе спасительно и необходимо для ихъ обѣихъ. Достойно замѣчанія, что черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, патріотическій «Кіевлянинъ», обличая меня въ «украинофильствѣ», въ видѣ нравоученія и въ назиданіе своихъ читателей, привелъ мою мысль (выдавая ее за собственную) о необходимости и пользѣ соединенія двухъ русскихъ народностей изъ моей же статьи «Двѣ русскія народности» и притомъ почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ эта мысль была высказана у меня. Въ такомъ же духѣ, ни мало не обличая меня въ украинофильствѣ и даже относясь съ сочувствіемъ къ малорусской народности, высказался Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ въ своемъ дневникѣ.

Читая въ это время въ университетѣ исторію Новгорода и Пскова, я, между прочимъ, занимался печатаніемъ нѣкоторыхъ статей и сочиненій въ журналахъ. Такъ въ «Современникѣ» печатался тогда мой «Очеркъ быта и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», сочиненіе, написанное мною еще въ Саратовѣ и только дополненное въ Петербургѣ; въ «Архивѣ Калачева» печаталась повѣсть «Сынъ»; въ «Русскомъ Словѣ» — «Русскіе инородцы» и «Повѣсть о Нифонтѣ». Мои лекціи о Новгородѣ и Псковѣ привлекали въ мою аудиторію слушателей еще болѣе, чѣмъ въ прошломъ 1860 году, что меня чрезвычайно радовало и обязывало съ большимъ рвеніемъ предаваться своему труду: я видѣлъ, что въ публикѣ зародилась серьезная любовь къ отечественной исторіи, а не пустая мода, какъ толковали многіе. Въ самомъ дѣлѣ едва ли мода могла бы на данное время увлекать къ слушанію предметовъ, не представляющихъ ничего для празднаго развлеченія и напротивъ неизбѣжно возбуждавшихъ скуку во всякомъ, кто приступалъ къ нимъ безъ расположенія и безъ подготовки. Притомъ же въ то время не у одного меня стекались толпы слушателей: нѣкоторые другіе профессора также

привлекали ихъ своими чтеніями. Въ то горячее время моихъ разностороннихъ занятій, меня часто отвлекали посѣщенія студентовъ, появлявшихся ко мнѣ подъ разными предлогами и въ разное время дня. Чтобы избавиться отъ такихъ несвоевременныхъ посѣщеній, я выставилъ на входной двери моей квартиры такое объявленіе:

«Елицы отъ юнѣйшія братіи честныя науковѣщательницы сущія во градѣ семъ восхощутъ, нѣкоего ради орудія, прійти въ домъ мой, да благоволятъ посѣтити мя въ дни... и часы»... Здѣсь я указалъ опредѣленные часы.

. . . . . .

25 февраля скончался Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Смерть его была скоропостижная. Уже нѣсколько мѣсяцевъ страдалъ онъ водянкою. Не безъ основанія говорили врачи, что болѣзнь эту нажилъ онъ отъ неумѣреннаго употребленія горячихъ напитковъ, особенно рома, который онъ очень любилъ. Наканунѣ его смерти я былъ у него утромъ; онъ отозвался, что чувствуетъ себя почти выздоровѣвшимъ и показалъ мнѣ купленные имъ золотые часы. Первый разъ въ жизни завелъ онъ себѣ эту роскошь. Онъ жилъ въ той же академической мастерской, о которой я говорилъ выше. На другой день утромъ Тарасъ Григорьевичъ приказалъ сторожу поставить ему самоваръ и, одѣвшись, сталъ сходить по лѣстницѣ съ своей спальни, устроенной вверху надъ мастерской, какъ лишился чувствъ и полетѣлъ со ступеней внизъ. Оказалось по медицинскому осмотру, что водянка бросилась ему къ сердцу. Сторожъ поднялъ его и далъ знать его пріятелю, Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому. Тѣло Шевченка лежало три дня въ церкви Академіи художествъ. Въ день погребенія явилось большое стеченіе публики. Надъ усопшимъ говорились рѣчи по-русски, по-малорусски, и по-польски. Я также произнесъ небольшое слово по-малоруски. Изъ рѣчей особенно обратила всеобщее вниманіе польская рѣчь студента Хорошевскаго. «Ты не любилъ насъ», говорилъ онъ, обращаясь къ усопшему: «и ты имѣлъ право; если бы было иначе, ты бы не былъ достоинъ той любви, которую заслужилъ, и той славы, которая ожидаетъ тебя, какъ одного изъ величайшихъ поэтовъ словянскаго міра». Гробъ Шевченка несли студенты университета на Смоленское кладбище. По возвращеніи съ похоронъ, бывшіе тамъ малороссы тотчасъ порѣшили испросить у правительства дозволеніе перевезти его тѣло въ Малороссію, чтобы похоронить такъ, какъ онъ самъ назначалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„Якъ умру то поховайте
Мене на могили
Середъ степу широкого
На Вкраини милій,
Щобъ ланы широкополи
И Днипро и кручи
Були видны“....

Въ то время видно было большое сочувствіе и уваженіе къ таланту скончавшагося украинскаго поэта. Большинство окружавшихъ его гробъ состояли изъ великороссовъ, которые относились къ нему, какъ относились бы къ Пушкину или Кольцову, если бы провожали въ могилу послѣднихъ. Въ мартѣ, въ университетскомъ залѣ, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ въ память Шевченка, я читалъ статью «Воспоминаніе о двухъ малярахъ», изъ которыхъ одинъ былъ знакомый мнѣ въ юности крѣпостной человѣкъ, лишенный возможности, по поводу неволи, развить данный ему отъ Бога талантъ, а второй былъ недавно скончавшійся Шевченко. Статья эта принята была публикой съ восторгомъ и напечатана вслѣдъ затѣмъ въ «Основѣ». Бѣдный Шевченко нѣсколькими днями не дождался великаго торжества всей Руси, о которомъ только могла мечтать его долгострадавшая за народъ муза: менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ его погребенія, во всѣхъ церквахъ Русской Имперіи прозвучалъ Высочайшій Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ манифестъ давно уже былъ готовъ, но опубликованіе его пріостановлено до поста, чтобы дать народу возможность отпраздновать великое событіе не въ кабакахъ а въ церквахъ и въ домашнихъ кружкахъ. Вспоминая эти минуты, могу сказать, что тогда была видима и ощущаема безмѣрная радость между людьми всякаго званія и образованія: чувствовалось, что Россія свергала съ себя постыдное бремя, висѣвшее на ней въ продолженіе вѣковъ и вступала въ новую жизнь свободной христіанской націи Казалось, послѣ отдаленной отъ насъ эпохи крещенія при Владимирѣ, еще не переживалъ русскій народъ такой важной минуты. Послѣ того оставалось желать одного — просвѣщенія освобожденнаго народа и дѣйствительно это желаніе слышалось въ устахъ всѣхъ образованныхъ людей той эпохи.

Пришелъ праздникъ Пасхи. Лекціи мои были закончены; студенты держали экзамены, и мой предметъ былъ одинъ изъ раннихъ. Я предполагалъ ѣхать за-границу и заранѣе подалъ объ этомъ прошеніе. Въ концѣ апрѣля я получилъ изъ Новгорода просьбу прочитать публичную лекцію въ пользу народнаго училища. Я согласился и отправился въ Новгородъ. Замѣчательно,

что училище, для котораго мнѣ пришлось читать лекцію, было устроено въ башнѣ, по преданію той самой, гдѣ нѣкогда висѣлъ вѣчевой колоколъ и помѣщалась вѣчевая изба, то есть канцелярія. Лекцію мою «О значеніи Новгорода въ русской исторіи» я прочиталъ въ залѣ дворянскаго собранія 30 апрѣля. Она была принята съ большимъ сочувствіемъ. На другой день я отплылъ изъ Новгорода, торопясь ѣхать за-границу. Въ первыхъ числахъ мая простившись съ матушкою, я отправился съ П. А. Кулишомъ въ Берлинъ а оттуда, спустя одинъ день, мы направили путь нашъ къ Швейцаріи черезъ Лейпцигъ, Нюренбергъ и Аугсбургъ. Въ Нюренбергѣ мы остановились на два дня и осматривали этотъ замѣчательный городъ, въ которомъ все дышетъ средними вѣками, какъ едва ли въ какомъ-нибудь другомъ городѣ Германіи. Я познакомился на желѣзной дорогѣ съ однимъ нѣмцемъ—студентомъ, ѣхавшимъ къ роднымъ, у которыхъ былъ свой домъ въ Нюренбергѣ. Обязательный молодой человѣкъ предложилъ мнѣ доставить способъ побывать въ нѣсколькихъ домахъ, въ которыхъ сохранилась не только средневѣковая постройка, но и среднѣковая мебель и обстановка. Мы заходили также въ знаменитую пивную, помѣщаемую въ нижнемъ этажѣ средневѣкового зданія, гдѣ посѣтителей угощаютъ превосходнѣйшимъ старымъ пивомъ, но не продаютъ ни одной бутылки на выносъ. Самъ Нюренбергъ раздѣляется на двѣ части: средоточіе его — старый городъ—окруженъ каменною стѣною со множествомъ башенъ и весь наполненъ старыми зданіями; городъ, лежащій за предѣлами стѣны — Нейштадтъ, носитъ противуположный характеръ новаго города. Въ старомъ городѣ не только дома и церкви построены въ Средніе вѣка, но и самая мостовая улицъ—памятникъ прошедшихъ временъ. Изъ Нюренберга мы отправились на Констанцское озеро и пароходомъ прибыли на швейцарскій берегъ въ Рорбахъ. На самомъ берегу озера нашли мы прекрасное помѣщеніе въ гостинницѣ. Въ нашемъ нумерѣ былъ балконъ, выходившій прямо къ озеру. Хозяинъ гостинницы, вѣнскій уроженецъ, былъ прежде хозяиномъ гостинницы въ Миланѣ и сообщилъ намъ любопытный разсказъ о подробностяхъ возмущенія въ этомъ городѣ въ 1859 году, когда изъ него фанатически изгоняли всѣхъ нѣмцевъ, и нѣмецъ, хозяинъ гостинницы, понесъ большіе убытки, потому что толпа итальянцевъ ворвалась къ нему и истребила у него всю буфетную и кухонную посуду. Какъ истый нѣмецъ, онъ старался насъ увѣрить, что Ломбардія пользовалась бо́льшимъ благоденствіемъ подъ австрійскимъ владычествомъ, чѣмъ теперь послѣ поступленія ея подъ власть сардинскаго короля, провозглашеннаго

королемъ всей Италіи. О Гарибальди этотъ нѣмецъ отзывался не иначе, какъ объ атаманѣ разбойниковъ. Полюбовавшись прекраснымъ вечеромъ и переночевавши, мы пустились по утру желѣзною дорогою въ Куръ—главный городъ Граубинденскаго кантона и пробыли въ немъ два дня. Трудно себѣ представить мѣстность болѣе поэтическую и пріятную для жизни: воздухъ дышетъ особенною свѣжестью и прохладою съ высокихъ горъ, окружающихъ городъ; шумъ горныхъ потоковъ пріятно щекочетъ ухо и располагаетъ къ сладкой дремотѣ и мечтательности. За маленькимъ городкомъ тянется живописная роща, усѣянная красивыми швейцарскими хуторками и водяными мельницами, построенными на потокахъ. Простой народъ говоритъ здѣсь своеобразнымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ латинскаго корня, извѣстнымъ подъ именемъ романскаго. Попытавшись заговорить съ крестьяниномъ, я не могъ разобрать его, хотя нѣсколько произнесенныхъ имъ словъ напоминали латинскія и итальянскія. Такъ какъ я имѣлъ въ виду купанье въ морѣ, то не рѣшался надолго останавливаться въ этой мѣстности, оставившей по себѣ чрезвычайно милое воспоминаніе. Въ Курѣ наняли мы лошадей съ экипажемъ и отправились, по пути въ Италію, по дорогѣ, которая носитъ названіе «Via mala», то есть дурная дорога. Несмотря на такое названіе, дорога эта, своимъ устройствомъ, не соотвѣтствовала ему. Это одинъ изъ самыхъ живописныхъ путей по швейцарскимъ горамъ. Мы встрѣчали затѣйливыя вершины съ глетчерами и множество шумѣвшихъ водопадовъ. Вспоминая дорогу черезъ Сен-Готардъ, по которой я проѣзжалъ въ 1857 году, я долженъ былъ отдать преимущество, по красотѣ представляемыхъ впечатлѣній, пути, по которому ѣхалъ теперь. Такъ какъ въ то время былъ еще конецъ мая, то снѣга на вершинахъ не успѣли растаять, и когда мы достигли верхнихъ слоевъ горнаго хребта, то въ одной устроенной тамъ гостинницѣ извозчикъ досталъ полозья, прикрѣпилъ ихъ къ экипажу, и мы покатили на саняхъ. Кругомъ была необозримая снѣжная равнина, напоминавшая нашу Русь въ зимніе мѣсяцы. Морозъ пробиралъ насъ, такъ какъ мы были одѣты по-лѣтнему. Проѣхавши такимъ образомъ версты полторы, мы встрѣтили швейцарскую таможню, гдѣ съ насъ потребовали паспорты, записали ихъ и взяли съ насъ по два франка. Собственно въ Швейцаріи ненужно никакихъ паспортовъ, но этотъ пріемъ выдумало швейцарское союзное правительство для того, чтобы имѣть особаго рода доходъ съ путешественниковъ. Оттуда немного спустя снѣгъ исчезалъ; полозья отвязали, и мы снова поѣхали на колесахъ, уже направляясь подъ гору. Мы ѣхали

сутки и на слѣдующее утро приблизились къ Комскому озеру; тамъ сѣли на пароходъ и поплыли по голубой водѣ озера, въ виду живописнѣйшихъ горъ, окаймлявшихъ озеро съ обѣихъ сторонъ и усѣянныхъ множествомъ разбросанныхъ дачъ самой затѣйливой постройки. Подплывая раннимъ утромъ то къ той, то къ другой дачѣ или городку, корабельщики, по приказанію капитана, стрѣляли изъ пушекъ. Нашъ пароходъ былъ увитъ разноцвѣтными флагами; такіе же флаги встрѣчали мы на дачахъ и городкахъ. На вопросъ мой: что̀ это значитъ, намъ объяснили, что наступилъ день годовщины освобожденія Италіи, и въ Миланѣ будетъ отправляться большое національное торжество. Приставши къ городу Комо, мы увидали повсюду флаги, праздничную обстановку и праздничный шумъ, несмотря на то, что было тогда не позже семи часовъ утра. Сѣвши на желѣзную дорогу, мы прибыли черезъ полтора часа въ Миланъ и первое, что̀ мы встрѣтили на городскихъ улицахъ, по которымъ съ дебаркадера поѣхали въ гостинницу, было множество флаговъ на домахъ. Національная гвардія спѣшила въ соборъ въ красивыхъ мундирахъ; повсюду раздавалась музыка. Наша гостинница «Великобританія» находилась недалеко собора, мимо котораго мы къ ней ѣхали и встрѣтили на соборной площади большую толпу сновавшаго народа. На соборномъ порталѣ крупными буквами красовалась надпись патріотическаго содержанія, въ которой прославлялась память участвовавшихъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія отечества. Приставши въ гостинницу, первымъ дѣломъ нашимъ было спѣшить въ соборъ, гдѣ уже раздавался звонъ колоколовъ, призывавшій народъ къ обѣднѣ. Въ главномъ входѣ собора насъ остановили полицейскіе и вѣжливо объявили, что дверь, куда мы входимъ, назначается исключительно для офиціальныхъ лицъ и національной гвардіи. Полицейскіе вызвались сами проводить насъ другою дверью и помѣстить такъ удобно, чтобы намъ было видно все богослуженіе и церемонія. Мѣсто, избранное нами, было тѣмъ удобно, что мы стали на стулья, за которые, однако, съ насъ не брали денегъ, какъ это дѣлается во Франціи, гдѣ въ церквахъ производится настоящая торговля стульями. Церковь была блистательно освѣщена; священнодѣйствовалъ миланскій архіепископъ съ огромнымъ клиромъ. Кромѣ обычныхъ лавокъ и стульевъ, наполнявшихъ широкую площадь внутренности собора, у стѣнъ его и у колоннъ были устроены ложи, гдѣ сидѣло множество нарядно одѣтыхъ дамъ. По окончаніи литургіи, архіепископъ благословлялъ народъ, а національная гвардія разразилась шумною военною музыкою. Около часа по-полудни кончилось богослуженіе со всѣми

церемоніями молебствія и мы отправились въ свою гостинницу. На дорогѣ присталъ къ намъ какой-то молодой человѣкъ и завелъ разговоръ о текущихъ событіяхъ. Я выразилъ ему, что это торжество освобожденія народа до такой степени трогательно, что я, пришелецъ изъ далекой Россіи, невольно проникаюсь тѣмъ чувствомъ, которое въ настоящее время волнуетъ сердца итальянскаго народа. При этомъ я замѣтилъ еще, что великая, историческая судьба Италіи, по своимъ воспоминаніямъ, принадлежитъ не только одной Италіи, но и всему образованному міру, сообразно тѣмъ плодамъ умственнаго и общественнаго труда, которые оставила Италія для исторіи просвѣщенія всего человѣческаго общества. Мой собесѣдникъ заговорилъ не совсѣмъ такимъ восторженнымъ языкомъ, какого я ожидалъ отъ него. Онъ объявилъ, что онъ пріѣзжій неаполитанецъ и что Ломбардія не его отечество. При этомъ онъ сообщилъ, что былъ студентомъ и готовился къ духовному званію. Когда мы сѣли вмѣстѣ обѣдать, онъ, продолжая этотъ разговоръ, высказалъ себя клерикаломъ, не совсѣмъ довольнымъ тѣмъ либеральнымъ направленіемъ умовъ, которое тогда охватывлао итальянское общество, причемъ замѣтилъ, что служившій въ соборѣ архіепископъ долженъ поневолѣ играть роль патріота въ сардинскомъ духѣ и въ угоду графу Кавуру, а самъ совершенно другихъ чувствованій. Послѣ обѣда мы снова отправились въ соборъ, ходили по его внутренности, любовались цвѣтною живописью его стеколъ на окнахъ, а потомъ взошли на его мраморную крышу и по узкой лѣстницѣ поднялись на вершину башни, увѣнчанной статуею Богородицы, и тамъ на память записали наши имена и день нашего посѣщенія.

Пробывъ въ Миланѣ два дня, мы посѣтили нѣсколько церквей и слушали богослуженіе, побывали въ картинной и скульптурной галлереяхъ, гдѣ повидали недавно выставленную мраморную статую символическаго изображенія Италіи въ видѣ женщины, изящно сдѣланную современнымъ художникомъ. Миланское богослуженіе въ церквахъ сильно бросается въ глаза своею особенностью: здѣсь отправляется не обычная католическая обѣдня, а литургія св. Амвросія (мѣстнаго святого и патрона Ломбардіи), ближе подходящая къ нашей православной обѣднѣ. Какъ еще въ то время мало укоренилось въ итальянцахъ чувство національнаго единства —кромѣ бесѣды съ молодымъ неаполитанскимъ клерикаломъ, меня поразилъ разговоръ съ торговками, продававшими на рынкѣ ягоды. Показывая мнѣ землянику, на вопросъ мой: какъ называется у нихъ эта ягода, «mayale» ли, она отвѣчала: «такъ по-итальянски она называется, а у насъ, по-ломбардски «mayuste». Такимъ образомъ

простой народъ считалъ себя ломбардцами и не сознавалъ итальянцами. Изъ Милана, по желѣзной дорогѣ, поѣхали мы въ Геную. Сначала у меня была мысль тамъ купаться, но черезъ день я долженъ былъ оставить ее: въ Генуѣ нѣтъ вовсе купаленъ, потому что дно моря у пристани чрезвычайно глубоко. На вопросъ мой объ этомъ у одного лодочника, онъ отвѣчалъ, что здѣсь глубины будетъ «одиннадцать человѣкъ» (undici huomini)—старинный способъ опредѣлять глубину представленіемъ о томъ, сколько бы могло стать людей на головахъ одинъ у другого. Вмѣсто купаленъ, на берегу устроены только купальныя заведенія «stabilimenti», съ мраморными ваннами въ комнатахъ, куда проводится вода съ моря. Вдобавокъ итальянцы такъ боятся холода, что въ гостинницѣ, на мои вопросы о купаньѣ, мнѣ сказали: «какъ можно теперь купаться, еще холодно», — хотя ощущенія моего тѣла не соглашались съ такимъ замѣчаніемъ. Не останавливаясь болѣе въ Генуѣ, мы отправились на наемныхъ лошадяхъ въ Ниццу. Дорога шла по Корнишу, посреди множества лимонныхъ и апельсинныхъ садовъ. Что касается до живописности Корниша, пріобрѣвшаго, какъ извѣстно, всемірную славу, то мнѣ показалось, что итальянскій Корнишъ въ этомъ далеко уступаетъ нашему крымскому берегу. Только ночи представлялись тамъ чѣмъ-то волшебнымъ отъ множества летающихъ ярко-зеленыхъ огоньковъ: то были насѣкомыя, издающія свѣтъ, напоминающій свѣтъ нашихъ ивановскихъ червячковъ. Ницца была для меня цѣлью морского купанья; но вскорѣ я увидѣлъ, что слишкомъ много довѣрился тому, что читалъ и слыхалъ о ней. Трудно найти мѣсто болѣе скучное и болѣе некрасивое, какъ Ницца лѣтомъ. Морской берегъ лишенъ всякой растительности; жаръ невыносимый; бѣлая пыль, портящая платье и производящая глазныя болѣзни, а въ серединѣ городка — нестерпимыя міасмы; совершенное отсутствіе прѣсной воды; наконецъ, самое купанье въ морѣ вовсе не представило мнѣ того, чего я желалъ и ждалъ: почва подъ водою у берега камениста; можно пройти безопасно только нѣсколько шаговъ и то держась за канатъ, чтобы не быть отброшеннымъ волною и не удариться о камень. Мы помѣстились у берега близъ купальни въ такъ-называемомъ пансіонѣ, какъ во Франціи называются квартиры, отдаваемыя жильцамъ съ обѣдомъ, кофе, завтракомъ и прислугою. Плата была вообще умѣренная, столъ хорошій, но скука неодолимая. Я протерпѣлъ въ Ниццѣ три недѣли, наслушавшись возмутительнѣйшихъ разсказовъ о свирѣпствѣ Наполеона III, котораго тайная полиція почти каждую ночь дѣлала у жителей обыски и многихъ, по одному лишь подозрѣнію, увозила невѣсть

куда безъ суда и слѣдствія, заставляя покидать и семейство и хозяйство. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія на тамошняго уроженца, что онъ недоволенъ присоединеніемъ Ниццы и Савойи ко Французской Имперіи—и подозрѣваемый мгновенно исчезалъ.—Со времени пребыванія покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, Ницца годъ отъ году болѣе и болѣе дѣлалась любимымъ мѣстопребываніемъ русскихъ аристократовъ и становилась, такъ сказать, русскою колоніею, въ особенности въ зимнее время. Лѣтомъ тамъ оставалось русскихъ немного. Это расположеніе русскихъ къ Ниццѣ подало поводъ къ построенію тамъ русской православной церкви. Она очень красива: благодаря изобилію мрамора въ Италіи, церковное крыльцо и сѣни выстроены изъ этого камня; въ срединѣ иконостасъ рѣзной работы; мраморный полъ устланъ коврами. Церковь помѣщается въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ—помѣщеніе для священника.

Послѣ трехнедѣльнаго купанья въ Ниццѣ, мы, для разнообразія, переселились въ Монако, бывшее тогда маленькимъ независимымъ княжествомъ. Главный доходъ владѣтеля этого княжества составляла рулетка, привлекавшая туда праздношатающихся и разныхъ искателей фортуны въ зимнее время; за-то лѣтомъ Монако остается почти пустынею и именно такой видъ имѣлъ онъ, какъ я посѣтилъ его. Мѣстоположеніе его гораздо красивѣе Ниццы. Съ одной стороны онъ примыкаетъ къ Средиземному морю, берегъ котораго густо покрытъ темною зеленью безобразныхъ рожковыхъ деревьевъ и лѣсомъ кактусовъ; съ другой—подъ городомъ простирается заливъ моря, превращающійся какъ бы въ озеро и зеленѣющій множествомъ водорослей. Сходъ къ этому заливу отъ города идетъ по очень крутой горѣ. По причинѣ лѣтняго времени и обычной въ это время пустоты, мы нашли себѣ помѣщеніе за баснословно дешевую цѣну: за одинъ червонецъ въ мѣсяцъ мы имѣли три прекрасныхъ комнаты со входомъ на терасу, которая тянулась подъ тѣнью огромныхъ перцевыхъ деревьевъ надъ лимонною и апельсинною рощею, которой верхи достигали терасы. Съ этой терасы открывается безбрежный видъ Средиземнаго моря. Дневной зной былъ невыносимъ, за то ночи, необыкновенно ясныя, освѣщаемыя полною луною, были очаровательны. Только глубокая тишина, царствовавшая и въ воздухѣ и въ водѣ, возбуждала какое-то томительное, тяжелое чувство и невольно наводила меланхолію и грусть. Проживши десять дней въ Монако, мы ушли оттуда, боясь, что если поживемъ тамъ долѣе, то наши нервы придутъ въ такое разстройство, что намъ, какъ ѳиваидскимъ пустынникамъ, будутъ представляться какія-нибудь привидѣнія.

Мы вернулись въ Ниццу, а черезъ нѣсколько дней отправились въ Геную для перемѣны мѣста. На этотъ разъ я пробылъ въ Генуѣ двѣ недѣли, каждый день купаясь привязаннымъ къ канату, который держалъ лодочникъ. Однажды, выкупавшись и одѣваясь, я позабылъ въ лодкѣ мѣшокъ съ червонцами, который всегда носилъ при себѣ заграницей. Я спохватился пришедши домой—и въ испугѣ побѣжалъ къ берегу. Вдругъ на дорогѣ встрѣчаетъ меня лодочникъ, у котораго я купался, и несетъ мой мѣшокъ съ червонцами: онъ слыхалъ, что, разговаривая съ своимъ товарищемъ, я часто упоминалъ названіе «Hôtel Smitt»; онъ понялъ, что мы квартируемъ въ этомъ отелѣ и несъ туда мои деньги. Я выразилъ ему свое удивленіе и уваженіе къ такой честности, но лодочникъ, по наружности казавшійся съ перваго раза свирѣпымъ разбойникомъ, съ гордостью ударилъ себя въ грудь и произнесъ: «Да вѣдь я служилъ въ войскѣ Гарибальди!» давая тѣмъ знать, что человѣкъ, служившій у такого великаго героя, не можетъ сдѣлать такого безчестнаго дѣла.

Мы посѣтили знаменитый садъ Паллявичини, пріобрѣвшій европейскую славу. Этотъ садъ отличается большими вычурами: въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вы никакъ не могли подозрѣвать появленія воды, начинаютъ подъ вашими ногами брызгать фонтаны; вы встрѣчаете сталактитовые гроты, въ которые плывете на лодкѣ, и тому подобные фокусы; но этотъ садъ, какъ мнѣ показалось, далеко уступалъ Воронцовскому саду въ Алупкѣ, въ которомъ искуство, богато расточенное, превосходно укрылось подъ обликомъ природы, такъ что вы готовы признать, что здѣсь вовсе не работала рука человѣческая, а все, что видится теперь, исключая строеній, также было и при сотвореніи міра.

Оставивши П. А. Кулиша въ Генуѣ, я отправился съ однимъ русскимъ офицеромъ въ Пизу, а потомъ во Флоренцію; бѣгло осмотрѣлъ тамошнія достопримѣчательности, хотѣлъ ѣхать въ Римъ, но ужасающій жаръ отбилъ у меня эту охоту и я отложилъ поѣздку въ вѣчный городъ до того времени, когда въ состояніи буду поѣхать зимою. Меня манило поскорѣе куда-нибудь въ холодъ и, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ къ Лаго Маджіоре и оттуда, нанявши пару лошадей съ итальянскимъ «vetturino» — черезъ Альпы, пробираясь къ Женевѣ. Проѣхавши сутки, терпя обычный южный зной, я наконецъ добрался до холоднаго пояса горъ и на зарѣ прибылъ въ бернардинскій монастырь, гдѣ встрѣченъ былъ монахами въ черныхъ одѣяніяхъ съ бѣлыми поясами и стаею огромныхъ собакъ, пріобрѣвшихъ всемірную славу спасителей путешественниковъ,

застигнутыхъ снѣгами въ Альпійскихъ горахъ. Близъ самаго монастыря видна пещера, въ которой недавно погребались несчастные путешественники, найденные уже мертвыми. Самая окрестность, чрезвычайно угрюмая и дикая, носитъ зловѣщее прозвище долины мертвыхъ (Vallée des morts). Я пробылъ въ монастырѣ нѣсколько часовъ, угощаемый молокомъ и сыромъ. Это было въ іюнѣ. Почва была покрыта льдинами; кругомъ, кромѣ, жалкаго мха, не было никакой растительности; но внизу горъ были монастырскія дачи, откуда доставляются въ монастырь всякаго рода припасы. Путь изъ монастыря шелъ внизъ; повторялись тѣ же виды и тѣ же пріемы ѣзды, какіе встрѣчалъ я въ прежнюю свою поѣздку по Альпамъ. Къ двумъ часамъ по полудни мы были уже въ городѣ Сіонѣ, гдѣ собирались сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги, ведущей къ берегамъ Женевскаго озера. Такъ какъ намъ оставалось ждать еще два часа прибытія поѣзда, то мы отважились употребить это время на осмотръ развалинъ стараго замка, живописно гнѣздившихся на высокой горѣ. Мы пошли туда пѣшкомъ по старой, давно уже оставленной дорогѣ, ведущей вверхъ крутой горы и огражденной справа парапетомъ, за которымъ шла внизъ совершенно отвѣсная скала, чрезвычайной высоты. Въ одномъ мѣстѣ парапетъ обломился и надобно было перешагнуть почти черезъ пропасть. Идя вверхъ, я не ощутилъ никакого страха, сдѣлалъ одинъ шагъ и потомъ пошелъ безопасно, такъ какъ по правую сторону защищалъ меня парапетъ. Мой товарищъ послѣдовалъ за мною. Мы взошли на гору, посмотрѣли на развалины замка, отъ котораго торчало нѣсколько башенъ и стѣнъ, и стали искать иного схода съ горы; но оказалось, что на вершину этой горы не было иного пути кромѣ того, по которому мы прошли и намъ приходилось нехотя идти назадъ. Только что я дошелъ до того мѣста, гдѣ парапетъ обломился и нужно было сдѣлать одинъ шагъ черезъ пропасть, я никакъ не имѣлъ смѣлости этого сдѣлать, тѣмъ болѣе, что руками нельзя было придержаться ни за что. Сколько я ни пробовалъ, какихъ усилій ни дѣлалъ, снималъ даже съ себя сапоги — никакъ не могъ перейти: едва я заносилъ ногу, какъ чувствовалъ, что силы меня оставляютъ, голова кружится, ноги дрожатъ — и я полечу въ пропасть. Товарищъ мой сначала похрабрился и, какъ военный человѣкъ, хотѣлъ показать свою удаль; но отвага оставила его, какъ только онъ занесъ ногу надъ пропастью. На счастье наше мы увидали внизу женщину, которая махала намъ платкомъ и шла къ намъ по дорогѣ вверхъ. «Вы не можете сойти», сказала она; «вы уже не первые; дайте я васъ сведу». Спасительница наша оказалась дряхлая старушка,

лѣтъ около восьмидесяти. Оно взяла у меня руку, велѣла, обратившись къ горѣ, не оглядываться назадъ и сдѣлать движеніе ногою. Я послушался ее и перешагнулъ; товарищъ мой сдѣлалъ то же и мы благополучно сошли внизъ и прибыли въ свое помѣщеніе; но послѣдствія этаго приключенія мнѣ суждено было чувствовать еще продолжительное время. Когда я сидѣлъ въ вагонѣ, ѣдучи по дорогѣ въ Веве, воображеніе мое безпокоилъ образъ страшной пропасти, которая невольно представлялась мнѣ въ мысли за стѣною вагона. На дорогѣ разговорился я съ ѣхавшимъ лозанцемъ, который убѣдилъ меня выйти изъ вагона, чтобы осмотрѣть на дорогѣ Шильонскій замокъ, увѣряя, что мы найдемъ тамъ лодку, на которой благополучно доберемся до Веве по озеру. Я такъ и поступилъ, и вмѣстѣ съ лозанцемъ, взявшимся быть моимъ путеводителемъ, сошелъ у Шильона и отправился въ замокъ черезъ узенькій мостикъ, которымъ соединялся съ берегомъ замокъ, построенный на островѣ Женевскаго озера.

Шильонскій замокъ—одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ Европѣ, драгоцѣнныхъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Мнѣ показывали страшныя и затѣйливыя орудія пытокъ и казней, нѣкогда здѣсь совершавшихся. На одномъ деревянномъ столбѣ осталось видно обугленное дерево—слѣды огня, которымъ припекали подвергнутыхъ пыткѣ. Въ одномъ мѣстѣ, предъ моими глазами открыли люкъ, въ которомъ была устроена лѣстница, опускавшаяся въ волны озера. Преступника посылали сходить внизъ по этой лѣстницѣ; ея ступени внезапно прекращались; нежданно для осужденнаго онъ оступался и летѣлъ внизъ въ воду, а въ водѣ были устроены длинныя желѣзныя полосы острою стороною кверху, несчастный падалъ на нихъ и былъ разрѣзываемъ на куски. Показавши въ замкѣ разные памятники прошедшаго варварства, меня повели въ подземелье — то самое, которое такъ поэтически описалъ Байронъ. У семи толстыхъ колоннъ остались кольца, на которыхъ нѣкогда висѣли цѣпи. Около одной колонны земля была глубоко вытоптана. Здѣсь, говорили, страдалъ прикованный Бонниваръ. Я подымался до небольшого окна, устроеннаго вверху подземелья и, глянувши туда, встрѣтилъ тотъ самый ландшафтъ который, по описанію Байрона, увидалъ его страдалецъ, когда, освободившись отъ цѣпи, ходилъ уже неприкованный по своей темницѣ. Обокъ темницы, служившей мѣстомъ заключенія Боннивара съ братьями, находится темный застѣнокъ съ каменною лежанкою. Мнѣ объяснили, что здѣсь проводили послѣднія ночи тѣ заключенные, которымъ на слѣдующее утро грозила смертная казнь. По осмотрѣ Шильона, я поплылъ на лодкѣ по озеру. До

Веве будетъ отъ Шильона добрыхъ верстъ десять. Мы плыли вдоль берега, въ виду живописныхъ мѣстъ, съ которыми соединялось столько поэтическихъ воспоминаній; проплыли мимо Байроновой отели, мимо Монтрё — любимаго мѣстопребыванія Жанъ-Жака Руссо и мимо Кляранса, гдѣ воображеніе Руссо помѣстило его Новую Элоизу; наконецъ прибыли въ Веве, гдѣ мнѣ пришлось помѣститься въ отвратительномъ нумерѣ одной изъ незначительныхъ гостинницъ. Пріѣзжихъ было чрезвычайно много и трудно было найти порядочное помѣщеніе. Посѣщеніе Шильона еще болѣе разстроило мои нервы, уже сильно потрясенныя приключеніемъ въ Сіонѣ. Со вступленіемъ въ свой нумеръ я былъ самъ не свой. Страшная пропасть не выходила у меня изъ головы, а шильонскія пытки, которыхъ слѣды я только что видѣлъ, до того сдѣлали впечатлѣніе на мое воображеніе, что въ моемъ тѣлѣ чувствовались тѣ ощущенія, которыя переносили нѣкогда страдальцы. Къ ночи я заболѣлъ—и не на шутку. Въ тѣлѣ у меня дѣлались судороги; жаръ томилъ мою голову; начался бредъ. Я прохворалъ нѣсколько дней и не могу при этомъ забыть обязательнаго моего сосѣда англичанина, который, услыша мои стоны, прибѣжалъ ко мнѣ въ нумеръ и принималъ живое и христіанское участіе въ моемъ положеніи. Когда мнѣ стало лучше, я выѣхалъ изъ Веве въ Женеву, пробылъ тамъ три дня а потомъ отправился въ Россію черезъ Баденъ, Франкфуртъ и Берлинъ. Въ Берлинѣ я обратился къ знаменитому окулисту Греффе, котораго неудалось мнѣ увидать въ первую мою поѣздку заграницу. Осмотрѣвши мои глаза, онъ совершенно успокоилъ меня, увѣривши, что у меня не было никакого предрасположенія къ катаракту, которымъ такъ напугали меня; онъ нашелъ глаза мои сильно утомленными, перемѣнилъ мнѣ очки и далъ примочку, которая тогда же оказала спасительное дѣйствіе на мои больные глаза. Затѣмъ я воротился въ Петербургъ. Было начало августа. Я не долго на этотъ разъ оставался въ Петербургѣ и 15 числа, встрѣтившись въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи съ московскимъ профессоромъ Тихонравовымъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву для занятія рукописями въ синодальной библіотекѣ и въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этотъ пріѣздъ я прожилъ въ Москвѣ до 20 сентября, изо-дня въ день занимаясь то въ синодальной библіотекѣ, то въ Архивѣ.

VIII.

. . . . . .

IX.

. . . . . .

X.

Поѣздки съ ученою цѣлью. Изданіе «Сѣвернорусскихъ народоправствъ». Литературно-ученыя занятія. Третья поѣздка заграницу.

Въ маѣ того же 1862 года я напечаталъ въ «Основѣ» коротенькую статью о малорусскомъ писательствѣ, которая болѣе чѣмъ какая другая была оцѣнена публикою и откликнулась полнымъ сочувствіемъ. Я доказывалъ въ этой статьѣ, что мысль о выработкѣ литературнаго малорусскаго языка тѣмъ путемъ, какой велся до сихъ поръ, едва ли осуществима, и если можетъ быть справедливымъ и полезнымъ писать и печатать по-малорусски, то единственно книги, имѣющія цѣлью народное образованіе и заключающія въ себѣ элементарныя свѣденія въ наукахъ, которыя бы расширяли кругозоръ народной умственной жизни. Мысль моя до того понравилась публикѣ, что я началъ получать отовсюду горячую благодарность и предложеніе взять на себя изданіе такихъ популярныхъ книжекъ, которыя бы содѣйствовали указанной мною цѣли. Нѣкоторые стали присылать мнѣ деньги на печатаніе такихъ книгъ. Всего болѣе изъявлялось желаніе перевести по-малорусски Священное писаніе Новаго Завѣта, и многіе присылали деньги съ тѣмъ, чтобы я употребилъ ихъ не иначе, какъ на это предпріятіе. Деньги присылались преимущественно изъ Малороссіи, съ лѣвой стороны Днѣпра и особенно изъ харьковской губерніи; но замѣчательно, что я получилъ нѣсколько приглашеній на подобное дѣло изъ великорусскихъ губерній, изъ Сибири и Кавказа, но ни единаго рубля не получилъ съ правобережной Малороссіи, гдѣ, какъ извѣстно, вся интеллигенція была въ рукахъ поляковъ. Между тѣмъ, впослѣдствіи, когда по этому поводу поднялась противъ меня буря обвиненій въ «сепаратизмѣ», то печатно заявлялось мнѣніе, что намѣреніе издавать популярныя малорусскія книги научнаго содержанія есть плодъ польской интриги. Тогда же въ «Основѣ» напечатана была по-малорусски моя драматическая пьеса «Зáгадка», написанная уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и остававшаяся въ рукописи. Это была передѣлка или изложеніе въ драматической формѣ извѣстной малороссійской сказки «Про дивку Семилитку», которой содержаніе состоитъ въ томъ, что панъ загадываетъ своимъ под-

даннымъ мудреныя загадки, ихъ отгадываетъ дѣвочка и дѣлается черезъ то женою пана.

Въ концѣ мая Петербургъ былъ встревоженъ пожаромъ, истребившимъ Апраксинскій дворъ и Министерство внутреннихъ дѣлъ. Носились зловѣщіе слухи объ умышленныхъ зажигательствахъ, предпринимаемыхъ будто бы русскими либералами, съ цѣлью возбудить волненіе въ народѣ и довести его до революціонныхъ вспышекъ. Толковали объ открывшихся, будто бы, намѣреніяхъ покуситься на сожженіе разныхъ общественныхъ построекъ и заведеній, какъ напримѣръ, Гостинаго двора, Императорской Публичной Библіотеки и т. п.—Разсказывали, что въ существовавшихъ тогда воскресныхъ школахъ самозванные наставники народа толковали, что въ настоящее время пожары должны быть полезны, потому что они способствуютъ къ равномѣрному распредѣленію собственности. Въ какой степени справедливы были эти подозрѣнія, мнѣ осталось неизвѣстно, но примѣры, которые передаетъ намъ исторія и которыхъ я отчасти самъ былъ свидѣтелемъ во время моего жительства въ Саратовѣ, указали мнѣ на возможность появленія у насъ пожарныхъ эпидемій, когда безъ видимой причины возникалъ пожаръ за пожаромъ въ теченіе нѣкотораго времени. Петербургскіе пожары, казалось, принадлежали къ такимъ же пожарнымъ эпидеміямъ, столь частымъ въ нашей общественной исторіи съ древнихъ временъ. Въ 1862 году они навели на жителей столицы гораздо болѣе страха, чѣмъ сколько произошло отъ нихъ вреда. — — —

Оставивши Петербургъ съ его пожарами, я выѣхалъ 31 мая въ Вильну, съ намѣреніемъ осмотрѣть этотъ старинный городъ, богатый историческими памятниками. Я пріѣхалъ туда во время самаго горячаго волненія умовъ, готовившихся произвесть польское возстаніе. По улицамъ города іудеи открыто продавали конфедератки, крестики и перстни съ символическими знаками и даже печатныя прокламаціи и революціонныя стихотворенія на польскомъ языкѣ. Толпа народа обоего пола, стоя на колѣняхъ на улицѣ передъ Остробрамскою Богородицею, голосно распѣвала самыя зажигательныя патріотическія пѣсни, въ которыхъ полякъ грозилъ водрузить побѣдоносное знамя на грудѣ московскихъ труповъ. Никто не преслѣдовалъ за пѣніе такихъ пѣсенъ. Во время крестнаго хода, отправлявшагося въ день римско-католическаго праздника «Тѣла Господня», мущины, женщины и дѣти были одѣты въ трауръ, причемъ замѣтно было, что молодежь щеголяла этой одеждой. Какой-то гимназистъ, во время крестнаго хода, облилъ купороснымъ масломъ голубое шелковое платье одной рус-

ской дамы, проѣзжавшей черезъ Вильну заграницу и полюбопытствовавшей поглядѣть на процессію.

Я познакомился съ нѣкоторыми лицами, принадлежавшими къ кругу литераторовъ и ученыхъ, между прочимъ со старикомъ Малиновскимъ, со старымъ поэтомъ Одынцемъ, еще не старымъ въ то время другимъ поэтомъ Сырокомлею, съ издателемъ «Виленскаго Курьера» Киркоромъ, съ графомъ Евстафіемъ Тышкевичемъ и другими. Этотъ кругъ литераторовъ былъ въ большой немилости у тогдашнихъ рьяныхъ польскихъ патріотовъ, смотрѣвшихъ на нихъ какъ на измѣнниковъ общему дѣлу. Малиновскій былъ старикъ лѣтъ семидесяти, съ больными глазами, совершенный кандидатъ на слѣпоту, которая и постигла его спустя нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ знатокъ польской и литовской исторіи, стариннаго польскаго права и древностей; въ своихъ сужденіяхъ отличался безпристрастіемъ и трезвымъ взглядомъ на старину. Ему не по-душѣ были обычныя польской литературѣ самовосхваленіе и пустое риторство. «У насъ, говорилъ онъ:—то бѣда, что за какую историческую книгу ни возьмись, всѣ военачальники—храбрые полководцы, всѣ сенаторы—великіе государственные умы, всѣ духовные—образцы христіанскихъ добродѣтелей и, наконецъ, весь польскій народъ—самый честный и безпорочный въ мірѣ: такимъ исторіямъ благоразумный читатель не можетъ вѣрить, зная, что человѣкъ родится со слабостями и самый добродѣтельный не можетъ быть изъятъ отъ какихъ бы то ни было пороковъ». Къ польскимъ мечтаніямъ о возстановленіи старой независимости онъ относился съ презрительнымъ сожалѣніемъ, заявляя сознаніе, что Польша погибла безвозвратно, потому что дошла до такого положенія, въ которомъ не могла существовать. За-то и патріоты не любили его и даже разсказывали, что на его жизни лежало какое-то страшное преступное дѣло отравленія одной знатной госпожи. — Одынецъ, человѣкъ также старый, носилъ черный парикъ, который придавалъ его лицу нѣсколько комическую фигуру, не гармонируя съ морщинистымъ лицомъ, явно указывавшимъ на тѣ почтенные годы, когда уже не бываетъ вполнѣ черныхъ волосъ. Одынецъ казался человѣкомъ тѣхъ временъ, когда уважали и любили искуство для искуства, поэзію ради самой поэзіи. Современные жизненные вопросы и политика его повидимому не занимали; онъ вращался постоянно въ мірѣ изящнаго, вспоминалъ о былыхъ временахъ своей дружбы съ Мицкевичемъ, къ которому питалъ большое уваженіе и сочувствіе,—расточалъ чувствительныя мечтанія о братской любви славянскихъ народовъ и въ пріемахъ своего об-

ращенія отличался тою сахарною любезностью, которая такъ свойственна полякамъ и которая приходится не по вкусу нашей русской мужиковатой натурѣ. Познакомившись со мною, Одынецъ подарилъ мнѣ свои послѣднія произведенія, между прочимъ двѣ драматическія пьесы: сюжетъ одной составляла личность Варвары Радзивилловны—жены короля Сигизмунда-Августа, сюжетъ другой — исторія Юрія Любомірскаго и его возстаніе противъ короля Яна Казимира. Прочитавши эти піесы, я нашелъ, что поэтъ былъ болѣе въ цвѣтѣ своего дарованія, когда писалъ назадъ тому лѣтъ тридцать мелкія стихотворенія, мнѣ давно уже извѣстныя.—Сырокомля (настоящая фамилія его Кондратовичъ) былъ поэтъ другого закала; это былъ по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ настоящій демократъ, любившій всею душою простого мужика, какой бы націи онъ ни былъ, и съ большимъ восторгомъ увлекавшійся совершившимся недавно освобожденіемъ крестьянъ на Руси. Польскіе пагріоты того времени не прощали ему сочувственныя отношенія къ русскому правительству по поводу дарованной крестьянамъ свободы. Впрочемъ, надобно сказать, что талантъ Сырокомли въ это время уже склонялся къ упадку: говорили, что онъ преданъ былъ неумѣренному употребленію вина, которое потомъ вскорѣ и свело его въ гробъ. — Издатель «Виленскаго Курьера» Киркоръ былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, очень живой и дѣятельный. — — — Онъ зналъ мѣстную археологію и написалъ по-польски «Путеводитель по Вильнѣ»—дѣльную и занимательную книгу, полезную для того, кто, пріѣхавши въ край, захочетъ съ нимъ ознакомиться; но запасъ его свѣденій за предѣлами Литвы былъ не богатъ. — Графъ Евстафій Тышкевичъ былъ одинъ изъ двухъ братьевъ, равнымъ образомъ пріобрѣвшихъ себѣ репутацію въ тогдашнемъ интеллигентномъ мірѣ Западной Руси. Старшій братъ его Константинъ былъ страстный археологъ, извѣстный копатель кургановъ въ Литовскомъ краѣ, издавшій любопытное сочиненіе о своихъ раскопкахъ. Меньшой—Евстафій также былъ любителемъ исторіи и археологіи и сдѣлался предсѣдателемъ Археографической Комисіи въ Вильнѣ въ то время. Это былъ старообразный человѣчекъ невысокаго роста, съ лысою головою и казался на видъ лѣтъ шестидесяти, но на самомъ дѣлѣ ему было не болѣе сорока-пяти. Говорили, что онъ прежде велъ разгульную жизнь, подорвавшую разомъ и его состояніе и его здоровье. Впрочемъ, онъ въ своихъ пріемахъ былъ живъ, любезенъ и веселъ. Завѣдуя историческимъ музеемъ, состоявшимъ при виленской Археографической Комисіи, онъ преимущественно обращалъ вниманіе на памятники временъ господства польскаго элемента

въ Литвѣ и отъ этого, въ послѣдующее время, русскіе люди, занимавшіеся литовской археологіей, были имъ недовольны и говорили, что онъ умышленно старался оставить въ тѣни и забытьи все, что напоминало о бывшемъ нѣкогда господствѣ православной вѣры и русскаго языка въ Вильнѣ. Справедливо ли такое составившееся о немъ мнѣніе — я не беру на себя рѣшать. Въ музеѣ, при которомъ состоялъ отдѣлъ Археографической Комисіи, все было направлено къ тому, чтобы удалить воспоминаніе о господствовавшемъ нѣкогда русскомъ элементѣ края и утвердить всеобщее мнѣніе, что онъ искони былъ польскимъ и не долженъ быть инымъ. Въ засѣданіяхъ Комисіи употреблялся исключительно польскій языкъ. Предсѣдатель Комисіи графъ Е. Тышкевичъ любезно возилъ меня по городу и его окрестностямъ; потомъ пригласилъ въ засѣданіе Комисіи, какъ ея члена, какимъ я считался. Когда я вступилъ въ залъ, всѣ члены Комисіи встали съ своихъ мѣстъ и предсѣдатель обратился ко мнѣ съ рѣчью, исполненною любезностей и похвалъ, говорилъ, что мои безпристрастные ученые труды, чуждые всякихъ національныхъ видовъ, высоко поставили мое имя у всѣхъ славянскихъ народовъ и тѣмъ болѣе у польскаго, котораго исторіи я такъ часто касался въ своихъ трудахъ и т. п. Его длинная рѣчь произнесена была по-польски. Я отвѣчалъ также по-польски, изъявилъ глубокую признательность за доброе вниманіе къ моимъ ученымъ трудамъ и выразилъ, что считаю такую оцѣнку моей дѣятельности выше моихъ заслугъ. Впослѣдствіи мнѣ печатно ставили въ вину то, что я отвѣчалъ по-польски а не по-русски; но я исполнялъ въ то время не болѣе какъ долгъ вѣжливости въ отношеніи людей такъ любезно меня принимавшихъ, тѣмъ болѣе, что и со стороны правительства въ то время не было никакихъ распоряженій объ исключительномъ употребленіи русскаго языка въ Западномъ краѣ,—и въ Комисіи, имѣвшей офиціальное значеніе, какъ въ разговорахъ, такъ и въ печатныхъ ея протоколахъ, допускался польскій языкъ. Еслибы ко мнѣ обратились съ нѣмецкою или французскою рѣчью, я бы точно также счелъ долгомъ вѣжливости отвѣчать, какъ съумѣлъ бы, на томъ языкѣ, съ которымъ ко мнѣ обращались. Привычка отвѣчать на томъ языкѣ, которымъ къ намъ обращаются, если мы сами знаемъ этотъ языкъ, присуща всѣмъ, и безъ сомнѣнія никто бы не обратилъ вниманія на мой польскій отвѣтъ, если бы не произошло печальныхъ обстоятельствъ, впослѣдствіи такъ взволновавшихъ Западный край.

Изъ Вильна, вмѣстѣ съ Киркоромъ и нѣкоторыми его пріятелями, я совершилъ путешествіе въ Троки, гдѣ осмотрѣлъ любо-

пытныя развалины Витовтова замка, построеннаго на озерѣ. Въ этомъ замкѣ, какъ говорятъ, честолюбивый литовскій великій князь дѣлалъ свое знаменитое угощеніе владѣтельныхъ особъ, намѣреваясь получить корону великаго литовскаго княженія отдѣльно отъ Польскаго Королевства, на тронѣ котораго сидѣлъ тогда его двоюродный братъ Владиславъ Ягелло. На полуобвалившихся стѣнахъ замка видны еще древнія фрески, которыхъ значеніе до сихъ поръ осталось неразобраннымъ какъ слѣдуетъ. Виленскіе ученые, издавая альбомъ своихъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, воспроизвели тамъ изображеніе этихъ фресокъ, но допустили въ своихъ изображеніяхъ большія неточности и невѣрности. Такъ, напримѣръ, въ изображеніи князя, дѣлающаго рукою крестное знаменіе, они не удержали стариннаго двуперстнаго перстосложенія, явно непонимая того значенія, какое имѣлъ этотъ пріемъ въ нашей церковной исторіи. Есть одна фреска, возбуждающая невольное любопытство: изображено лицо въ княжескомъ одѣяніи, сидящее въ темницѣ, а близь него, съ ласковымъ видомъ, стоитъ женщина. Невольно бросается мысль: не изображаетъ ли эта фреска одинъ изъ памятныхъ моментовъ въ жизни князя Витовта, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и къ нему приходила жена, чтобы спасти его, оставшись самой вмѣсто своего супруга въ тюрьмѣ. Среди стѣнъ обрушившагося замка стоитъ очень высокая башня или Донжонъ съ лѣстницею внутри его, идущею вверхъ. Въ троцкомъ костелѣ осматривалъ я икону Богородицы въ блестящемъ золотомъ окладѣ, пользующуюся большимъ уваженіемъ въ католическомъ мірѣ. Тамъ же есть любопытная караимская синагога, хотя деревянная, но старинная. Еще со временъ Витовта живутъ здѣсь караимы, составляющіе колонію посреди чуждаго имъ населенія; какъ вездѣ, и здѣсь они пользуются хорошимъ мнѣніемъ о своей честности и добронравіи.

Познакомившись съ Вильномъ и его окрестностями, я уѣхалъ во Псковъ и, при содѣйствіи тамошняго вице-губернатора Родзянки, предпринялъ путешествіе по псковской губерніи, съ цѣлью обозрѣть мѣстоположенія и остатки пригородовъ древняго Пскова. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ профессоромъ семинаріи Князевымъ, я ѣздилъ въ Вицборскъ, осмотрѣлъ сохранившіяся тамъ каменныя стѣны города, а въ двухъ верстахъ отъ нихъ земляной валъ болѣе древняго Изборска, гдѣ, по преданію, жилъ будто бы князь Труворъ. Здѣсь нашелъ я древнюю церковь со старинными надписями. Изъ Изборска отправился я въ Псковскій Печерскій монастырь, расположенный въ живописномъ ущельѣ, образуемомъ

тремя крутыми холмами, поросшими лѣсомъ, ходилъ въ пещеры, гдѣ до сихъ поръ погребаютъ умершихъ и такъ какъ гробы ихъ не закапываются въ землю, а ставятся на уступахъ, то въ пещерахъ—нестерпимая вонь отъ мертвыхъ тѣлъ. Путешествіе въ эти пещеры оказалось вовсе не безопаснымъ: въ одномъ мѣстѣ пещернаго корридора мы встрѣтили обвалъ. Монахъ, провожавшій насъ, объяснялъ, что этого обвала не было еще вчера; такой обвалъ могъ произойти при насъ въ то время, когда мы успѣли бы пройти далѣе и такимъ образомъ мы бы остались во мракѣ, безъ возможности воротиться назадъ, и даже могли быть убитыми. Причина этому была песчаная почва пещеръ, по этому вовсе не похожихъ на пещеры кіевскія, гдѣ каменистая почва не представляетъ этой опасности. Кромѣ пещеръ, въ монастырѣ очень замѣчательна ризница, въ которой хранится множество вещей, подаренныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, посѣщавшимъ этотъ монастырь и убившимъ своимъ жезломъ тамошняго игумена Корнилія. Мощи самого Корнилія почиваютъ въ церкви, а на его гробѣ надписано, что «онъ предпосланъ царемъ земнымъ къ Царю Небесному». Изъ Псково-печерскаго монастыря я воротился во Псковъ и на другой же день отправился въ два сосѣднихъ монастыря: Елеазара и Саввы Крипецкаго. Монастырь Елеазара лежитъ на берегу небольшого озера, въ еловой рощѣ. Близъ монастыря показываютъ пень, изгрызенный богомольцами, вѣрующими, что онъ имѣетъ чудодѣйственную силу спасать отъ зубной боли. Подлѣ пня лежитъ камень, который, ради монашескихъ подвиговъ, таскалъ на себѣ св. Елеазаръ. Самая личность св. Елеазара, иначе въ монашествѣ Евфросина, знаменательна въ нашей исторіи тѣмъ, что ему приписывалось введеніе «сугубаго аллилуйя», составившаго одинъ изъ важныхъ признаковъ старообрядческаго раскола; но дѣйствительно ли Евфросинъ въ этомъ былъ виновенъ, это остается нерѣшеннымъ, тѣмъ болѣе, что повѣсть о немъ, написанная въ XVI вѣкѣ какимъ-то Василіемъ, признана невѣрною на соборѣ, осудившемъ при Алексѣѣ Михайловичѣ старообрядческій расколъ. Осмотрѣвши два монастыря, я отправился съ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета Бочковымъ по другимъ псковскимъ пригородамъ, переѣзжая изъ одного въ другой проселочными путями на обывательскихъ лошадяхъ. Я посѣтилъ деревню Выборъ, гдѣ обозрѣлъ слѣды древняго пригорода, состоявшіе изъ земляного вала и четырехъ фундаментовъ церквей,—городъ Опочку, гдѣ за городомъ надъ рѣкою видѣнъ высокій валъ, служившій оградою древнему пригороду. Неподалеку отъ него, въ дикомъ лѣсу на крутой горѣ, есть слѣды

другого пригорода Коложе. Оттуда мы отправились осмотрѣть Вревъ, теперь село, недавно еще принадлежавшее баронамъ Вревскимъ. Древній городъ былъ построенъ наверху высокаго крутого холма, и городскіе окопы на вершинѣ холма до сихъ поръ видимы, а въ срединѣ бывшаго города стоятъ живописныя развалины готической церкви, построенной однимъ изъ помѣщиковъ и обрушившейся. Тамошній священникъ принялъ насъ замѣчательно любезно и показалъ, что онъ человѣкъ любознательный и неравнодушный къ русской исторіи. Здѣсь, между прочимъ, сохраняется преданіе о періодическомъ появленіи какой-то дѣвушки, выходящей изъ земляного вала и исчезающей отъ глазъ всякаго, кто къ ней захочетъ приблизиться. Изъ Врева мы поѣхали въ Веліо. Здѣсь нашли мы также старый валъ съ остаткомъ на немъ фундамента кирпичной стѣны, нѣсколькими старыми могильными памятниками и съ церковью. Въ селѣ намъ указали огромный холмъ, наполненный человѣческими костями. Это, какъ говорили, памятникъ мора, свирѣпствовавшаго когда-то въ краѣ и истребившаго все населеніе пригорода Веліо. Разсказываютъ, что эти кости нѣсколько разъ сами появлялись разсѣянными по землѣ въ разныхъ мѣстахъ села. Это приписывали чуду; но очень можетъ быть, что ихъ растаскивали собаки изъ холма, въ которомъ онѣ навалены, и тѣмъ болѣе это правдоподобно, что мнѣ стоило покопать зонтикомъ, чтобы вытащить черепъ или ручную кость. Изъ Веліо я поѣхалъ въ Вороночъ, на берегу рѣки Сороти — мѣсто очень живописное. Чрезвычайно высокій валъ стариннаго городка сохранился вполнѣ; внутри вала — церковь съ жильемъ для священника. Когда я прогуливался по этому валу, ко мнѣ подошелъ одинъ поселянинъ и началъ разсказывать, что въ срединѣ этого вала бываютъ слышны страшный громъ и стукъ и одинъ разъ, въ ночь Пасхи, люди видѣли, какъ изъ подъ земли выскочило двѣнадцать жеребцовъ и начали играть и бѣгать, а потомъ все провалилось сквозь землю. Это, объяснялъ онъ, былъ кладъ, сохраняющійся въ глубинѣ этого вала. Рядомъ съ Вороночемъ — имѣніе, принадлежавшее нѣкогда поэту Пушкину, который погребенъ въ отстоящемъ отсюда за пять верстъ Святогорскомъ монастырѣ. Желая поклониться праху поэта, я отправился въ этотъ монастырь утромъ на зарѣ. Мѣстоположеніе монастыря довольно живописное; онъ лежитъ на высокой горѣ, покрытой лѣсомъ. За алтаремъ, въ тѣни деревъ, надъ самымъ скатомъ съ горы, стоитъ могила поэта; на ней памятникъ бѣлаго мрамора, съ прорѣзною аркою, въ срединѣ которой выработана бѣлая мраморная урна съ перекинутымъ изъ нея покровомъ. Надпись гласитъ: «Александръ

Сергѣевичъ Пушкинъ». Близъ памятника мы встрѣтили кучу ребятишекъ, игравшихъ пескомъ, и тутъ невольно вспомнили стихи поэта:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Кстати было прекрасное лѣтнее утро, и лучи восходящаго солнца весело переливались въ яркой зелени окрестностей.

Изъ монастыря отправился я въ Красный, гдѣ нашелъ также валъ — остатокъ древняго пригорода, съ остаткомъ фундамента кирпичной стѣны и нѣсколькими надгробными камнями, на которыхъ надписи трудно было разобрать. Этимъ завершилъ я осмотръ псковскихъ пригородовъ, которыхъ описаніе занесъ послѣ въ свою исторію Новгорода и Пскова. Характеристическою чертою Псковскаго края можно считать то, что нигдѣ почти не встрѣчается церкви посреди жилыхъ мѣстностей, но онѣ расположены вдали; близъ церкви — дома священнослужителей и причетниковъ, а также кладбище: это называется погостъ. Колокольни при церквахъ имѣютъ своеобразную форму въ видѣ линіи, составленной изъ продолговатыхъ арокъ, въ срединѣ которыхъ вѣшаются колокола.

Я воротился въ Псковъ и занялся тамъ осмотромъ городскихъ памятниковъ старины. Едва ли въ Россіи есть другой губернскій городъ, въ которомъ бы такъ много сахранилось такихъ памятниковъ. Кромѣ нѣсколькихъ церквей, основанныхъ въ XIV и XV вѣкахъ и сохраняющихъ много изъ своего первоначальнаго вида, вдоль рѣки Великой тянется высокая старая стѣна, въ одномъ мѣстѣ съ проломомъ: это тотъ самый проломъ, который сдѣлали поляки, осаждавшіе Псковъ подъ предводительствомъ своего короля Баторія и гетмана Яна Замойскаго, когда у нихъ шла ожесточенная война съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Другая стѣна, примыкающая къ первой, идетъ вдоль рѣки Псковы, а обломки ея заворачиваются въ поле и огибаютъ почти весь городъ. На Завеличьѣ—части города за рѣкою Великою—два старыхъ монастыря: одинъ изъ нихъ, женскій Предтечинскій, замѣчателенъ по старинной внутренней постройкѣ; другой, знаменитый своею древностію Мирожскій монастырь, основанный въ XII вѣкѣ, былъ весь расписанъ фресками, впослѣдствіи забѣленными, но къ счастію такъ дурно, что ихъ легко можно отмыть. Это и сдѣлалось въ алтарной стѣнѣ, гдѣ появились на свѣтъ старыя изображенія, такъ хорошо сохранившіяся, какъ едва ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ церквей, во Псковѣ сохранилось

нѣсколько мірскихъ зданій старой постройки, и въ этомъ отношеніи Псковъ, для русской археологіи, представляетъ такія сокровища, какихъ не имѣетъ никакой другой старый городъ на Руси, не исключая и Кіева, гдѣ, при драгоцѣнномъ Софійскомъ соборѣ, превосходящемъ по древности всѣ русскія церкви, не осталось никакихъ слѣдовъ старыхъ жилищъ. Изъ псковскихъ зданій, самое обширное—Поганкины палаты, принадлежавшія, по преданію, жившему въ XVII вѣкѣ купцу Поганкину, или Поганкѣ. Во время моего посѣщенія, зданіе это занимаемо было какимъ-то провіантскимъ магазиномъ; входя въ средину его, представляется анфилада большихъ покоевъ, съ большими окнами и съ аркообразными дверьми, соединяющими эти покои. Пройдя нѣсколько такихъ покоевъ, идетъ поворотъ комнатъ вправо; подъ низомъ подвалы, служившіе, какъ говорятъ, кладовыми для товаровъ купца хозяина. Не менѣе любопытны другіе, хотя и меньшіе старые дома, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ и описанные мною въ «Сѣвернорусскихъ народоправствахъ». Отличительною характеристикою псковскихъ старыхъ зданій—то, что они строились въ три этажа, которые сообщались другъ съ другомъ посредствомъ витыхъ лѣстницъ, сдѣланныхъ въ толстыхъ стѣнахъ, на подобіе тѣхъ, какія дѣлаются въ колокольнахъ; покоевъ не много, но они обширны и свѣтлы. Кромѣ этихъ домовъ, сохранившихся вполнѣ съ каменными внизу подвалами, вниманіе путешественниковъ привлекаютъ развалины стараго дома, который, по преданію, былъ временнымъ жилищемъ псковскаго Самозванца. Незнающіе исторіи обыватели Пскова говорятъ, что вмѣстѣ съ нимъ жила здѣсь и Марина; но это несправедливо: если дѣйствительно показываемыя развалины дома служили жилищемъ Самозванца, то развѣ третьяго—вора Сидорки, съ которымъ, однако, никогда не жила Марина, бывшая, во время его появленія, въ лагерѣ подъ Москвою вмѣстѣ съ Заруцкимъ.

Осмотрѣвши Псковъ, я отправился домой. Черезъ двѣ недѣли я выѣхалъ снова и направился въ Новгородъ, гдѣ, пригласивши съ собою бывшаго учителя новгородской гимназіи Отто, я пустился пѣшкомъ для осмотра Ильменскаго побережья: я желалъ ознакомиться съ бытомъ и нарѣчіемъ паозерцевъ, какъ называются жители этаго края, говорящіе своимъ особымъ говоромъ, въ которомъ справедливо видятъ остатокъ древняго новгородскаго нарѣчія. Мы переходили изъ деревни въ деревню, отстоящія одна отъ другой на нѣсколько верстъ, заходили въ избы, вели разговоры съ хозяевами, осматривали ихъ житье-бытье. Ихъ домики большею частію двухъ-этажные; жилье составляетъ верхній этажъ,

а нижній служитъ для подклѣта или кладовой. Живутъ они замѣчательно опрятно, очень добродушны и привѣтливы. Дворы у нихъ вообще крытые; громадные ворота съ навѣсомъ. Нарѣчіе ихъ, какъ я замѣтилъ, имѣетъ слѣдующую особенность: 1) буква *о* никогда не измѣняется въ *а*, 2) *ѣ* всегда выговаривается за *и* 3) окончаніе *тъ* въ изъявительномъ наклоненіи глаголовъ всегда выбрасывается не только въ единственномъ, но и во множественномъ числѣ, напримѣръ, «даю» вмѣсто «даютъ», «положу» вмѣсто «положутъ», 4) полногласіе сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ русскомъ языкѣ, напримѣръ, «веремя» вмѣсто «время, верехъ» вмѣсто «верхъ»; 5) употребляется много словъ, неупотребительныхъ въ великорусскомъ языкѣ, но существующихъ въ малорусскомъ, напримѣръ, «шукать, хилить, шкода, що» вмѣсто «что, жона» вмѣсто «жена, чоловикъ» вмѣсто «человѣкъ»; *я* вмѣсто *а*, напримѣръ «дѣвиця, травиця». — На пути мы посѣщали монастыри: преподобнаго Михаила Клопскаго и Прокопія Верендинскаго и нашли эти монастыри вообще бѣдными; братія — въ незначительномъ числѣ, невѣжественная и не пользуется у жителей большимъ уваженіемъ по своей нравственности и благочестію. Воротившись въ Новгородъ, мы поѣхали на обывательскихъ лошадяхъ по дорогѣ вдоль рѣки Шелони и, прибывши вечеромъ въ ямъ Мшагу, случайно наткнулись на оригинальную личность. Въ окнѣ одного домика увидали мы старика, читающаго газету, и, разговорившись съ нимъ, по его приглашенію зашли къ нему въ домъ пить чай. Оказалось, что этотъ старикъ, лѣтъ шестидесяти, почтенной наружности съ очень умнымъ выраженіемъ лица, былъ нѣкогда ямщикомъ и при врожденной любознательности, получилъ вкусъ къ чтенію книгъ. У него увидали мы большой шкафъ съ библіотекою; въ ряду книгъ красовалась исторія Карамзина и Соловьева и сочиненія Пушкина. Хозяинъ былъ человѣкъ въ такой степени развитой, какимъ быть пристало бы человѣку, окончившему курсъ гимназіи. Недостатокъ учебной подготовки онъ дополнилъ осмысленнымъ чтеніемъ, размышленіемъ и житейскою наблюдательностью. Ему не чужды были современные вопросы общественной и политической жизни; онъ имѣлъ здравое понятіе о европейскихъ государствахъ, о ихъ образѣ правленія и особенностяхъ общественной жизни. Онъ зналъ хорошо судьбы прошедшей русской жизни, минувшія событія отечества и съ сочувствіемъ относился къ недавно состоявшемуся освобожденію народа отъ крѣпостной зависимости и сознавалъ необходимость всеобщаго народнаго образованія, какъ первѣйшаго блага, безъ котораго не принесутъ пользы никакія благодѣтельныя реформы. Бесѣда съ

этимъ умнымъ старикомъ до того заинтересовала насъ, что мы отложили выѣздъ до утра и остались по его приглашенію ночевать у него. Въ его домикѣ оказалась особая чистенькая комната; невѣстка его приготовила намъ постели со свѣжимъ бѣльемъ безукоризненной чистоты, а старикъ, послѣ ужина уложивши насъ, продолжалъ вести съ нами бесѣду еще около часа. На другой день поутру, когда мы встали, намъ уже былъ готовъ чай со сливками и опрятно приготовленный завтракъ. Провожаемые гостепріимнымъ хозяиномъ, мы уѣхали отъ него, унося съ собою пріятнѣйшее воспоминаніе о его образѣ, какъ бы служившемъ свидѣтельствомъ — чѣмъ можетъ быть и чѣмъ долженъ быть неиспорченный русскій человѣкъ, если въ немъ пробудится священный огонь любознательности и страсти къ умственнымъ интересамъ.

Мы ѣхали вдоль рѣки Шелони, отыскивая мѣсто, гдѣ происходила роковая Шелонская битва, погубившая республиканскую свободу Великаго Новгорода. Въ рукахъ у насъ была лѣтопись. Присматриваясь къ мѣстности, мы дѣлали соображенія, обращались съ разными вопросами къ жителямъ, но не такъ легко могли достичь желаемаго. Въ Велебицахъ мы подъѣхали къ старой каменной церкви, построенной, какъ говорили намъ, великимъ княземъ Иваномъ III-мъ или, какъ другіе утверждали, его внукомъ, царемъ Грознымъ. Въ этой церкви происходило служеніе не болѣе двухъ разъ въ годъ и она была приписана къ другому приходу. Мы вызвали оттуда священника, который отперъ намъ церковь. Ея архитектура несомнѣнно старинная, никакъ не позже XVI вѣка. Проѣхавши нѣсколько верстъ, на песчаномъ берегу, поросшемъ кустарниками, мы нашли большой, довольно высокій холмъ, и когда стали зонтиками копать на немъ землю, то увидали, что весь этотъ холмъ состоитъ изъ человѣческихъ костей. Тутъ текла почти высохшая рѣчка Драпь, впадающая въ Шелонь. Я сообразилъ, что этотъ могильный холмъ есть мѣсто погребенія новгородцевъ, разбитыхъ на берегу Шелони нѣсколько выше этого мѣста и бѣжавшихъ до рѣки Драни, гдѣ въ другой разъ бѣгущимъ нанесено было окончательное пораженіе. Взявши на память два черепа, мы поѣхали далѣе и прибыли къ часовнѣ, подъ которою была могила павшихъ въ бою воиновъ; ежегодно совершается надъ ними панихида. Здѣсь вѣроятно погребены были московскіе воины, бившіеся противъ Новгорода; ихъ похоронили съ честію и построили надъ ними часовню, а трупы бѣдныхъ новгородцевъ сложили грудою на берегу Драни и только присыпали пескомъ. Мы доѣхали до посада Сольцы и стали разспрашивать о мѣстныхъ памятникахъ у духовенства одной изъ

тамошнихъ церквей; но оказалось, что духовные совсѣмъ не интересовались исторіею и не знали о Шелонской битвѣ и вообще о древней судьбѣ Новгорода даже настолько, насколько могла имъ сообщить исторія Карамзина. Возвращаясь назадъ, мы, осматривая русло Шелони съ обоими ея берегами, пришли къ тому заключенію, что переходъ московскихъ войскъ черезъ Шелонь произошелъ немного ниже мѣстности, на которой нынѣ лежитъ посадъ Сольцы, и новгородцы, сбитые съ позиціи на берегу рѣки, бѣжали преслѣдуемые москвичами до роковой для нихъ рѣки Драни, гдѣ и лежатъ ихъ кости, прикрытыя пескомъ, развѣваемымъ вѣтрами. Мы повернули назадъ къ Новгороду, осмотрѣли церковь Рождества, гдѣ было старое кладбище и гдѣ нѣкогда нищій старецъ Жегальцо погребалъ несмѣтное число утопленныхъ и замученныхъ новгородцевъ, сдѣлавшихся жертвою свирѣпости Ивана Грознаго. Весь дворъ этой церкви оказался наполненнымъ человѣческими костями; и тамъ — стоило только копнуть зонтикомъ — и тотчасъ находились либо черепъ, либо рука, либо нога. Въ самой церкви Рождества есть другой остатокъ болѣе близкой къ намъ старины: гробы двухъ князей Долгорукихъ, казненныхъ при Аннѣ Ивановнѣ; надъ ними ежегодно въ день ихъ кончины служатся панихиды.

Изъ Новгорода, вмѣстѣ съ Отто, я отправился по Волхову, съ намѣреніемъ ѣхать въ Петербургъ; но когда мы пристали къ берегу въ Сосновскомъ посадѣ и стали дожидаться желѣзнодорожнаго поѣзда, Отто вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой оригинальной личности. Онъ былъ нѣмецъ по происхожденію и по религіи, но по своимъ національнымъ симпатіямъ — глубокорусскій человѣкъ, много разъ болѣе русскій, чѣмъ значительная часть людей, принадлежащихъ къ русской крови. Какъ учитель гимназіи, онъ пользовался хорошей репутаціей толковаго преподавателя и основательно знающаго свой предметъ — исторію; но въ его личности было что-то странное. Когда онъ поѣхалъ со мною на пароходѣ, вдругъ затосковалъ и на мои вопросы объяснилъ мнѣ, что его безпокоитъ какое-то предчувствіе о судьбѣ своихъ родныхъ, жившихъ въ Петербургѣ. Казалось бы, при такомъ настроеніи духа, ему оставалось спѣшить туда, куда уже и безъ того мы собрались ѣхать; но когда мы прибыли въ Сосновку, мой товарищъ со слезнымъ жалобнымъ голосомъ объявилъ мнѣ, что не поѣдетъ въ Петербургъ, боясь узнать что̀ нибудь дурное о своей семьѣ, и дѣйствительно покинулъ меня и воротился на пароходѣ въ Новгородъ. Эта странность очень меня тогда пора-

зила. Отто казался мнѣ однимъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, съ какими мнѣ случалось встрѣчаться; я его полюбилъ отъ души и мнѣ стало жаль его: я недоумѣвалъ, что̀ съ нимъ происходило, но достаточно было видѣть, что онъ былъ грустенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ до меня дошли слухи, объяснившіе мнѣ случай въ Сосновкѣ: Отто впалъ въ душевную болѣзнь и былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ, но къ счастію скоро умеръ.

По отъѣздѣ Отто и по прибытіи поѣзда изъ Москвы, я отправлялся уже въ Петербургъ, какъ вдругъ встрѣтился съ однимъ знакомымъ, Недоборовскимъ, и уговорился съ нимъ совершить путешествіе вверхъ по Волхову въ Старую Ладогу, чтобы осмотрѣть тамошнія развалины и достопримѣчательности. Мы сѣли на пароходъ и плыли до Гостинополья. Выше плыть уже было нельзя по причинѣ пороговъ. Мы наняли лошадей и поѣхали по берегу, въ виду пороговъ. Они не представляютъ ничего великолѣпнаго: шумъ ихъ слышенъ только по приближеніи къ нимъ; вода мутная, какъ вообще въ Волховѣ, который, какъ гласитъ древняя хронографія, носилъ даже прежде названіе Мутной рѣки. Мы достигли цѣли нашей поѣздки. При самомъ приближеніи къ селу Старой Ладогѣ, взоръ поражается рядомъ большихъ земляныхъ насыпей или кургановъ на высокомъ берегу Волхова. Такъ и тянетъ порыть ихъ и поискать въ ихъ нѣдрахъ какихъ нибудь остатковъ до-исторической старины. Въ самой Старой Ладогѣ вниманіе прежде всего приковывается къ полуобрушившимся стѣнамъ древней крѣпости, которую называютъ Рюриковою. Я обошелъ всю эту стѣну по вершинѣ ея; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть внутри стѣны углубленія и лѣсенки, идущія вверхъ и внизъ. Въ срединѣ крѣпости—церковь великомученика Георгія, построенная въ XII вѣкѣ; на ея внутреннихъ стѣнахъ и на сводѣ сохранилось много старинныхъ изображеній стѣнного иконописанія, но нѣкоторыя были въ послѣднее время искажены и зарисованы новыми. Василій Александровичъ Прохоровъ, въ своемъ археологическомъ повременномъ изданіи, приложилъ рисунки фресокъ этой церкви и подробно описалъ ея архитектуру. Изъ крѣпости я отправился въ Никольскій монастырь и, по обозрѣніи его, въ сопровожденіи монаха пошелъ пѣшкомъ въ упраздненный женскій Ивановскій монастырь и тамъ услышалъ такую легенду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ схимникъ Никольскаго монастыря задумалъ удалиться въ пустой Ивановскій монастырь и жить въ совершенномъ уединеніи. Спустя два мѣсяца, онъ услыхалъ ночью за дверьми своей комнаты, выходившими въ церковныя сѣни, женскій голосъ: «впусти меня!» Схимникъ принялъ это за бѣсовское искушеніе и

не отворялъ дверей. На другую ночь онъ слышитъ тотъ же голосъ и говоритъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Ему отвѣчаютъ «аминь». Схимникъ отворилъ дверь и мимо ногъ его вкатился въ келію сухой женскій черепъ. Отшельникъ поставилъ его у себя на верхней лежанкѣ своей печи. Послѣ того съ нимъ еще случались какія-то странныя видѣнія, но какія именно, мнѣ не объяснили. Наконецъ отшельникъ дошелъ до унынія и, желая избавиться отъ него, перешелъ въ свой монастырь. Оставленный имъ въ келіи черепъ былъ погребенъ другими монахами, приходившими въ покинутое жилище схимника. Въ этомъ монастырѣ была нѣкогда заточена несчастная царица Евдокія, покинутая Петромъ Первымъ и содержавшаяся сначала въ Суздалѣ, а потомъ переведенная въ Ладогу послѣ суда надъ сыномъ ея царевичемъ Алексѣемъ; но никакихъ слѣдовъ пребыванія ея тамъ не осталось. Въ самой церкви монастыря, приписанной къ мужскому Никольскому, производится богослуженіе только разъ въ годъ, въ храмовой праздникъ Іоанна Предтечи. Церковь довольно просторная и свѣтлая. Осмотрѣвши всѣ древности Старой Ладоги, я уѣхалъ назадъ и возвратился въ Петербургъ.

Въ это время я началъ печатать свои лекціи объ исторіи Новгорода и Пскова, читанныя въ университетѣ, продавъ изданіе Кожанчикову. Всю осень и зиму тянулось это печатаніе. Между тѣмъ я напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» изслѣдованіе объ Иванѣ Сусанинѣ, которое навлекло на меня цѣлый потокъ печатныхъ замѣчаній со всевозможными шпильками. Такъ какъ я доказывалъ, что исторія Сусанина украсилась разными добавленіями досужей фантазіи и событіе не могло происходить въ такомъ видѣ, въ какомъ привыкли видѣть его и даже читать въ учебникахъ, то сейчасъ нашлись ревнители патріотической славы, старавшіеся увидѣть изъ этого моего поступка что-то неблагонамѣренное. Началась составляться обо мнѣ молва, будто я задаю себѣ задачу унижать доблестныя русскія личности и, какъ говорили, сводить съ пьедестала и развѣнчивать русскихъ героевъ. Укоры эти много разъ заявлялись въ литературѣ, расходились въ обществѣ и повторялись даже такими людьми, которымъ собственно не было ни тепло ни холодно отъ того, будетъ ли прославленъ или униженъ какой либо изъ дѣятелей русской исторіи минувшихъ вѣковъ. До меня доходили слухи, что люди высокопоставленные въ чиновной іерархіи оскорблялись моимъ критическимъ взглядомъ на личность Сусанина и говорили, что я человѣкъ злонамѣренный, желаю во что бы то ни стало унижать великія личности русской исторіи. Иные толковали это тѣмъ, что я, какъ малоруссъ, хочу

выставлять на показъ лица южнорусской исторіи и въ противоположность имъ унижать сѣвернорусскихъ героевъ. Забавно было слышать мнѣ, что такое мнѣніе обо мнѣ заявлено было однимъ княземъ, который, будучи воспитанъ заграничнымъ способомъ, плохо зналъ по-русски, несмотря на то, что занималъ такое мѣсто, которое не долженъ былъ бы принимать съ плохимъ знаніемъ русскаго языка и русской жизни. И этотъ князь конечно не читалъ моихъ сочиненій, но, повторяя слышанное отъ другихъ, считалъ обязанностію чернить меня. Мнѣніе такихъ лицъ, какъ этотъ князь, ничуть меня не безпокоило и мало интересовало; но прискорбно было испытать, что люди, заявившіе себя спеціально-занимавшимися русской исторіей, люди, хотѣвшіе во всемъ быть русскими, также повторяли и словесно и печатно эти клеветы противъ меня. Ихъ выходки служили доказательствомъ еще не прекратившагося господства дѣтскихъ взглядовъ и раболѣпства передъ рутинными убѣжденіями, основанными на ложномъ патріотизмѣ. Считали какъ бы вывѣскою благонамѣренности въ наукѣ непремѣнно восхвалять признанныя доблести, и въ каждомъ критическомъ отношеніи къ нимъ отыскивали что-то затаенное, нерасположенное къ славѣ и чести отечества. Между тѣмъ истинная любовь историка къ своему отечеству можетъ проявляться только въ строгомъ уваженіи къ правдѣ. Отечеству нѣтъ никакого безчестія, если личность, которую прежде по ошибкѣ признавали высоко-доблестною, подъ критическимъ пріемомъ анализа представится совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ ее пріучились видѣть. Притомъ же не слѣдовало забывать, что безусловно добродѣтельныхъ и безупречныхъ людей на свѣтѣ не бываетъ и прежде не было. Всѣ люди съ ошибками и пороками, и если мы не въ состояніи указать на ихъ темныя стороны, то это служитъ только признакомъ нашего недостаточнаго уразумѣнія этихъ личностей. Наконецъ, всѣ вѣка имѣли свои заблужденія и слабости и великіе люди этихъ вѣковъ часто не были чужды этихъ заблужденій и слабостей. Показывать въ исторіи тѣ и другія не значитъ унижать самыя историческія личности; напротивъ, чѣмъ личность прошедшаго времени представится намъ со всѣми своими сторонами, какъ свѣтлыми такъ и темными, тѣмъ яснѣе станетъ предъ нашими глазами и тѣмъ нагляднѣе мы можемъ разсмотрѣть ее и оцѣнить. Но всего несправедливѣе ставить историку въ вину, если онъ ни въ какомъ случаѣ не унижалъ исторической личности, которой привыкли оказывать уваженіе, а только старался установить правильный взглядъ на ея дѣйствительное историческое значеніе и снять съ нея вымышленныя черты, созданныя или на-

роднымъ воображеніемъ подъ вліяніемъ протекшихъ вѣковъ, или фантазіею писателей, какъ это и было относительно личности Сусанина. Что касается до толкованія тѣхъ, которые объясняли мои историческіе пріемы умышленнымъ желаніемъ выставить въ темнотѣ великорусскія личности съ цѣлью придать больше свѣта малорусскимъ, то это ребяческое толкованіе опровергалось какъ нельзя болѣе тѣми моими сочиненіями, которыя относились къ исторіи Южной Руси. Касаясь южнорусскихъ героевъ, я нигдѣ не скрывалъ чертъ ихъ слабостей, пороковъ, заблужденій и ошибокъ, что и доказывается тѣмъ, что никто изъ критиковъ не въ состояніи былъ указать на такія мѣста моихъ историческихъ трудовъ, гдѣ бы я преднамѣренно скрылъ дурныя стороны южнорусскихъ знаменитыхъ людей или представилъ ихъ безупречными вопреки несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, обличающимъ мои неправильные или пристрастные взгляды.

Въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ помѣщенъ былъ Сусанинъ, напечаталъ я статью: «Великорусскіе вольнодумцы XVI вѣка». Это было историческое изслѣдованіе о признакахъ религіознаго волненія умовъ въ московской Руси, въ царствованіе Ивана Грознаго, выразившагося мнѣніями Матвѣя Башкина, игумена Артемія, дьяка Висковатаго и Ѳеодосія Косого. Изъ нихъ собственно только за Косымъ можно было признать дѣйствительныя еретическія мнѣнія; другія лица осуждены были въ ереси отчасти по недоразумѣнію, отчасти по невѣжеству судей. Я старался разъяснить это и въ особенности относительно Артемія, въ чемъ и не ошибся, потому что впослѣдствіи, уже по напечатаніи моего означеннаго сочиненія, имѣлъ случай видѣть въ Московской Публичной библіотекѣ посланіе Артемія, писанное имъ послѣ бѣгства въ Литву,—посланіе, несомнѣнно указывающее на твердость въ православіи этого мнимаго московскаго еретика.

Въ этомъ же году напечатана была моя драма «Кремуцій Кордъ», написанная еще въ 1849 году и остававшаяся въ рукописи. Кромѣ того я напечаталъ нѣсколько статей въ «Основѣ», имѣвшихъ современный характеръ. Такъ, по поводу поднятыхъ противъ меня въ Москвѣ возраженій на мои историческіе взгляды, я написалъ статью: «Правда москвичамъ о Руси», по поводу новыхъ польскихъ выходокъ тамъ же напечаталъ: «Правда полякамъ о Руси». Вслѣдъ за появленіемъ этой статьи, я сталъ получать изъ разныхъ мѣстъ анонимныя письма отъ поляковъ съ угрозами смерти; одно изъ этихъ писемъ заключалось словомъ «готовтесь!» По поводу вопроса объ отношеніяхъ іудеевъ къ русскому и преимущественно малорусскому племени, въ «Основѣ» же я напечаталъ

статью «Іудеямъ». Послѣдняя статья задѣла за-живое нѣкоторыхъ лицъ іудейскаго племени и я получилъ изъ Кіева отъ одного изъ нихъ укорительное, хотя и дружелюбное письмо, въ которомъ авторъ письма доказывалъ, что іудеи—сущіе благодѣтели малоруссовъ и огорчался тѣмъ, что я дозволилъ себѣ употреблять названіе «жиды». Я отвѣчалъ этому господину, что сомнѣваюсь насчетъ благодѣтельности іудеевъ, а что касается до слова «жиды», то обѣщаю впередъ не употреблять этого слова, а писать «іудеи». Мой корреспондентъ отвѣчалъ мнѣ, что такимъ названіемъ вполнѣ будетъ довольно іудейское племя, живущее въ Россіи, но впослѣдствіи оказалось, что его мнѣніе не раздѣлялось нѣкоторыми изъ пишущей братіи; отыскались русскіе люди, которые замѣчали мнѣ въ литературѣ свое неудовольствіе по поводу употребленія мною слова «іудеи», между тѣмъ какъ я былъ убѣжденъ, что слово «еврей» не вполнѣ выражало желаемое понятіе: іудеи, къ которымъ принадлежатъ живущіе у насъ исповѣдники Моисеева закона, составляютъ видъ еврейскаго племени; — сказать о нихъ «евреи» — то-же самое, что назвать русскихъ славянами, что̀ будетъ родовое, а не видовое названіе.

Печатая мою исторію Новгорода и Пскова, я въ ту же осень принялся заниматься исторіею Смутнаго времени Московскаго Государства въ началѣ XVII вѣка, и каждый день посѣщая Публичную Библіотеку, изучалъ источники эпохи, которую предполагалъ обработать. Во всей древней сѣвернорусской исторіи не было такого другого періода, въ которомъ бы народъ былъ до такой степени предоставленъ самому себѣ и собственными силами долженъ былъ отстаивать свое политическое, общественное и религіозное существованіе отъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ неурядицъ и гдѣ онъ невольно долженъ былъ показать весь запасъ собственныхъ духовныхъ силъ, необходимыхъ для своего спасенія. Эпоха эта, страшная и кровавая, заключала въ себѣ утѣшительнаго то, что народъ, перенесшій ее, вышелъ изъ нея съ торжествомъ, отстоявши, по крайней мѣрѣ, свою независимость и свой общественный строй съ тѣми началами, съ какими установился прежде. Мое давнее желаніе—обрабатывать въ исторіи главнымъ образомъ теченіе народной жизни, влекло меня къ этой эпохѣ. Притомъ же и въ нашей научной литературѣ эпоха Смутнаго времени заключала много привлекательнаго. Многіе вопросы не были окончательно разъяснены, другіе даже почти не затрогивались; не всѣ источники послужили для научной обработки. Богатая рукописная и печатная сокровищница Публичной Библіотеки манила къ себѣ мое воображеніе: я на-

дѣялся, порывшись въ ней, найти что-нибудь новое; думалъ также послѣ петербургской Публичной Библіотеки порыться въ другихъ книгохранилищахъ и архивахъ и съ помощію всего, что они могутъ мнѣ открыть, представить живое и наглядное описаніе событій того времени, къ которому интересъ не переставалъ, какъ мнѣ казалось, возбуждаться въ умахъ публики, читающей отечественную исторію. Приступая къ Смутному времени, я былъ вѣренъ себѣ и своей задачѣ работать надъ исторіею народа. Я работалъ надъ эпохою Хмельницкаго и Выговскаго, гдѣ главнымъ образомъ высказывалась дѣятельность народной массы; меня увлекала исторія Новгорода и Пскова, гдѣ также на первомъ планѣ была народная масса; меня заняла сильно эпоха дикой самодѣятельности народа, проявившейся въ бурное возстаніе Стеньки Разина. Точно по тѣмъ же побужденіямъ изучать и выражать въ исторіи народную жизнь принялся я и за Смутное время Московскаго Государства въ началѣ XVII вѣка.

Въ началѣ 1863 года я съѣздилъ на непродолжительное время въ Москву, гдѣ систематически осмотрѣлъ всѣ монастыри и много церквей, имѣвшихъ историческое значеніе, а по возвращеніи оттуда выпустилъ въ свѣтъ свою исторію Новгорода и Пскова, давши ей названіе «Сѣвернорусскія народоправства». По напечатаніи этого сочиненія, я встрѣтилъ небольшое недоразумѣніе со стороны духовной цензуры. Получивъ процензированную рукопись во время печатанія, я нашелъ нужнымъ замѣнить нѣсколько словъ другими, однозначительными. Когда печатаніе было окончено и сочиненіе представлено въ цензуру для выпуска въ свѣтъ, цензоръ, которымъ былъ архимандритъ Макарій, замѣтивши измѣненія, не хотѣлъ его подписывать къ выпуску. Я отправился къ нему и сталъ убѣждать, что не измѣнилъ смысла своими перемѣнами словъ. Онъ принужденъ былъ согласиться съ этимъ, но тѣмъ не менѣе началъ условливаться со мною, желая непремѣнно, чтобы я перепечаталъ хотя одну страницу, лишь бы вышло «по его»... Я замѣтилъ ему, что это выходитъ по малорусской пословицѣ: «абы мое було зверху»—и все-таки долженъ былъ уступить и согласиться на перепечатку одной страницы ради какихъ-то двухъ незначительныхъ словъ. Видно было, что цензора задѣло честолюбіе и онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ показать свое право. Между тѣмъ, сдѣланныя имъ перемѣны, которыя онъ принудилъ меня вставить въ текстъ моего сочиненія, совсѣмъ не сходились съ моимъ слогомъ. Вотъ образчикъ того, какъ авторы вынуждаемы были уступать требованіямъ цензоровъ и допускать въ свои сочиненія выраженія, вовсе не

сходныя съ тономъ, господствующимъ въ цѣломъ сочиненіи и вовсе не измѣняющія ихъ мысли. О названіи моего сочиненія, по выпускѣ его въ свѣтъ, я получилъ отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ ученыхъ лицъ замѣчаніе, что названіе «Сѣвернорусскія народоправства» — слишкомъ вычурно, съ чѣмъ я мало-по-малу согласился и впослѣдствіи перепечаталъ заглавный листокъ, давши этому сочиненію другое названіе, гораздо проще: «Исторія Новгорода, Пскова и Вятки». Впрочемъ, первоначальное названіе остается для меня предпочтительнѣе. Сочиненіе это встрѣчено отъ нѣкоторыхъ съ похвалою, отъ другихъ съ упреками; иные видѣли у меня исключительное пристрастіе къ Новгороду, поклоненіе его свободѣ, другихъ коробило то, что я указывалъ на сходство древняго новгородскаго нарѣчія съ малорусскимъ и на этомъ основаніи дѣлалъ предположеніе о древнемъ сродствѣ новгородцевъ съ южно-русскимъ племенемъ.

Весною я занимался исторіею Смутнаго времени; лѣто 1863 года я проводилъ на дачѣ въ Павловскѣ вмѣстѣ съ редакторомъ «Основы» Бѣлозерскимъ, не переставая ѣздить въ Петербургъ для занятій въ Публичной библіотекѣ исторіею Смутнаго времени. Тогда же поднялась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» буря противъ малорусскаго литературнаго движенія, коснувшаяся меня тѣмъ болѣе, что въ этой газетѣ имя мое было выставлено на позоръ, какъ одного изъ преступныхъ составителей замысловъ, по мнѣнію противниковъ, грозившихъ опасностью государственному порядку. Пошли въ ходъ слова: сепаратизмъ и украинофильство. Инсинуаціи давались преимущественно изъ Кіева. Я видѣлъ ясно, что господа, толковавшіе о сепаратизмѣ и пытавшіеся совмѣстить украинофильство съ польскимъ мятежемъ, сами того не знали, что повторяли выходки поляковъ, которымъ литературное украинское движеніе давно уже стояло костью въ горлѣ, такъ какъ оно болѣе всего служило опроверженіемъ польскимъ теоріямъ о томъ, что Южная Русь—законная принадлежность Польши, а южнорусскій языкъ есть не болѣе, какъ нарѣчіе польскаго языка. Мысль эта была выражена особенно рельефно во французскомъ сочиненіи Владислава Мицкевича, сына знаменитаго польскаго поэта Адама, и разгуливала въ русскихъ газетахъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ изложилъ ее первоначально польскій патріотъ, съ тою только разницею, что въ нашихъ газетахъ примѣнялось къ Россіи то, что̀ поляки примѣняли къ Польшѣ. На обвиненія «Московскихъ Вѣдомостей» я написалъ большое опроверженіе, но цензура его не пропустила. — — — Я напечаталъ въ Журналѣ министерства народ-

наго просвѣщенія статью объ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія, дающихъ ему право самобытности въ ряду славянскихъ языковъ и недозволяющихъ признать его ни видоизмѣненіемъ великорусскаго, ни польскаго.

Въ это время я получилъ изъ Кіева приглашеніе поступить на каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владимира, давно уже оставленную Павловымъ — и сначала я было согласился, но потомъ, — — — самъ устранился отъ предлагаемой мнѣ чести, а кіевскій университетъ св. Владимира прислалъ мнѣ, въ знакъ уваженія къ моей ученой дѣятельности, дипломъ доктора исторіи, на основаніи правила, предоставляющаго университетамъ давать ученыя степени, безъ экзамена и диссертаціи, за труды по части науки.

Осенью въ сентябрѣ, я отправился снова въ Москву, занимался въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, въ синодальной библіотекѣ и съѣздилъ за семь верстъ въ село Тушино, гдѣ осматривалъ слѣды бывшаго лагеря второго Самозванца; всѣ они заключаются въ окопахъ, протянутыхъ отъ рѣки Всходни до рѣки Москвы, куда впадаетъ та же Всходня, дѣлая загибъ. Я пытался услышать что-нибудь отъ мѣстныхъ жителей, но услышалъ очень мало. Сохранилось преданіе, что здѣсь стоялъ когда-то царикъ съ Литвою, а дѣлалось это во время Литовскаго разоренія, когда на Руси было такое ужасное время, что изъ всѣхъ живыхъ людей едва уцѣлѣла только десятая часть. Самаго этого царика народное преданіе смѣшиваетъ съ личностью Гришки Отрепьева. «Былъ, говорятъ, Отрепкинъ,—такое ужъ ему и прозвище было; былъ онъ нищій и когда жизнь ему надоѣла, отправился онъ подъ Москворѣцкій мостъ топиться въ проруби; является къ нему бѣсъ и говоритъ:—Гришка Отрепкинъ! зачѣмъ тебѣ молиться? лучше отдай мнѣ душу; на что̀ тебѣ она?—Гришка сказалъ: отдамъ, если ты меня сдѣлаешь царемъ. —Сдѣлаю,—сказалъ бѣсъ — и Гришка разрѣзалъ себѣ руку и подписалъ бѣсу кровью договоръ». Бѣсъ началъ ему помогать и довелъ до того, что Гришка всѣмъ москвичамъ показался царевичемъ Димитріемъ, уже убитымъ, и вся Москва признала его и посадила па престолъ. Но тутъ какой-то святой съумѣлъ отчитать народъ, обаяніе пропало, глаза открылись, всѣ увидѣли, что Гришка не царевичъ Димитрій и казнили его. «Такъ вотъ этотъ-то Гришка — говорили мнѣ крестьяне — стоялъ въ нашемъ селѣ, пока не взялъ Москвы. У него была жена, злая вѣдьма Маринка безбожница, которая превратилась въ сороку въ то время, когда убивали Гришку въ Москвѣ; она улетѣла на Волгу и долго разбойничала, пока, наконецъ, на нее на-

ложили проклятье, уничтоживши все ея волшебство, и привезли въ Москву». Въ такомъ-то видѣ перешли къ народу воспоминанія о бурной эпохѣ Смутнаго времени. Въ настоящее время жители села Тушина ведутъ большую торговлю молокомъ, привозя его продавать въ Москву въ Охотномъ ряду. Крестьяне разсказывавшіе мнѣ обо всемъ этомъ, прибавили, что до сихъ поръ въ Москвѣ подъ-часъ дразнятъ тушинцевъ «тушинскими ворами», особенно когда замѣтятъ какое-нибудь плутовство въ торговлѣ. Мнѣ особенно бросилось въ глаза большое количество распивочныхъ продажъ въ Тушинѣ: чуть не въ каждомъ домѣ кабакъ и такъ какъ, во время моего пріѣзда въ село, тамъ былъ храмовой праздникъ чудотворца Сергія, то я, заходя изъ избы въ избу, съ трудомъ могъ отыскать трезвыхъ людей, способныхъ отвѣчать на мои вопросы. Въ Москвѣ, въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я нашелъ два статейныхъ списка эпохи Смутнаго времени и распорядился объ отсылкѣ ихъ въ нашу Комисію. Запасшись всѣмъ, чѣмъ успѣлъ для своего новаго труда, я возвратился въ Петербургъ — и на всю зиму засѣлъ самымъ усиленнымъ образомъ за Смутное время. Между тѣмъ, я продалъ госпожѣ Ахматовой, издательницѣ Собранія романовъ, право на изданіе моего «Сына» появившагося въ періодическомъ изданіи Калачева. Въ маѣ 1864 года книга эта была выпущена въ свѣтъ.

Въ этомъ же 1864 году по приглашенію Академіи Наукъ, въ издаваемомъ отъ Академіи Календарѣ, напечаталъ я историческій очеркъ Куликовской битвы. Статья эта, не менѣе «Ивана Сусанина», навлекла на меня разнородныя обвиненія въ недостаткѣ патріотизма и въ злонамѣренности моихъ способовъ обращаться съ событіями русской исторіи. Дѣло было въ томъ, что я, руководясь источниками, указалъ на такія черты въ личности Димитрія Донского, которыя противорѣчили сложившемуся о немъ и ставшему какъ бы казеннымъ мнѣнію, какъ о доблестномъ и храбромъ героѣ княжескихъ временъ. Противъ меня поднялась цѣлая буря патріотическаго негодованія. Бывшій тогда предсѣдатель Археографической Комисіи Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, старикъ, хотя добрый и образованный, но считавшій нравственнымъ долгомъ казаться завзятымъ патріотомъ, такъ озлобился противъ меня за эту статью, что почти не могъ выносить моего присутствія въ засѣданіяхъ Археографической комисіи. Въ литературѣ начали появляться одна за другою попытки если не опровергнуть меня, то по крайней мѣрѣ уязвить. Въ ученомъ отношеніи эти попытки оказывались очень слабыми, потому что за нихъ брались люди, заслуживавшіе одобреніе только за свой па-

тріотизмъ, а никакъ не за ученость. Къ нимъ слѣдовало отнести и Погодина, который писалъ на меня въ газетѣ «День» рядъ статей, главнымъ образомъ указывая на мою склонность къ какому-то недоброжелательству къ Россіи—унижать великихъ людей русской исторіи. Я защищался противъ него на страницахъ газеты «Голосъ»; но правду надобно сказать, что въ ту пору я еще не освободился вполнѣ отъ старой привычки слѣпо и съ вѣрою держаться извѣстій въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются лѣтописными источниками, мало вникая въ то, что самые источники, по разнымъ причинамъ, нерѣдко являются лживыми, даже безъ умышленнаго обмана. Такъ произошло и въ вопросѣ о Димитріѣ Донскомъ. Погодину и другимъ моимъ противникамъ очень не нравилось извѣстіе лѣтописной повѣсти о томъ, что Димитрій Донской, передъ Куликовской битвой, надѣлъ свое великокняжеское платье на своего боярина Бренка, а самъ въ одеждѣ простого воина, въ концѣ битвы, очутился лежащимъ подъ срубленнымъ деревомъ. Это имѣло видъ, какъ будто великій князь московскій, желая сохранить собственную жизнь, выставилъ на убой своего вѣрнаго слугу, а самъ оказался въ самой битвѣ трусомъ. Погодинъ силился всѣми натяжками объяснить это событіе въ хорошую для Димитрія сторону и конечно не могъ; я же старался показать истинный смыслъ, какой представляло лѣтописное повѣствованіе; но ни я ни Погодинъ не обратили вниманія, что самая эта лѣтописная повѣсть не выдерживаетъ критики и должна быть отвергнута, о чемъ я и заявилъ, уже впослѣдствіи, въ своей «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ». Впрочемъ, трусость Димитрія Донского, которою такъ оскорблялись Погодинъ и другіе мои противники, кромѣ этого событія, невыдерживающаго критики, неоспоримо доказывается постыднымъ бѣгствомъ московскаго великаго князя изъ столицы во время нашествія на нее Тохтамыша.

Въ концѣ мая того же года я отправился заграницу. Я посѣтилъ Дрезденъ, Прагу, Регенсбургъ, Мюнхенъ, Зальцбургъ, Вѣну, гдѣ прожилъ около трехъ недѣль и затѣмъ пустился на югъ до Дуная и прибылъ въ Бѣлградъ. Впечатлѣніе, произведенное на меня сербскою столицею, было своеобразно. Городъ не представлялъ ничего похожаго на европейскіе города, которые мнѣ случалось проѣзжать, хотя съ другой стороны я не замѣтилъ тамъ почти ничего азіатскаго. Большихъ каменныхъ домовъ въ немъ очень мало; большая часть строеній состоитъ изъ низенькихъ домиковъ, обсаженныхъ деревьями; широкія, не освѣщенныя фонарями улицы поросли травою; по улицамъ ходятъ босые люди

и пасутся животныя. У воротъ повсюду раздаются пѣсни, и что меня особенно поразило—пѣсни духовнаго содержанія: церковные тропари, кондаки и ирмосы. Мнѣ объяснили, что это происходитъ оттого, что православное церковное пѣснопѣніе имѣетъ для сербовъ не только религіозный, но и національный характеръ, вслѣдствіе ихъ продолжительной борьбы съ невѣрными турками. Я познакомился здѣсь съ тремя профессорами сербской Главной школы, людьми очень развитыми и отлично знающими по-русски, такъ какъ они получили образованіе въ русскихъ университетахъ. Пробывши съ недѣлю въ Бѣлградѣ, я поплылъ по Дунаю до Вѣны, а оттуда пустился по желѣзной дорогѣ въ Остенде, съ цѣлью выдержать курсъ морского купанья. Проѣзжая черезъ Брюссель, я остановился тамъ на три дня, осматривалъ городъ и его достопримѣчательности и былъ чрезвычайно пораженъ, увидѣвши на паперти одной церкви густую толпу народа и прочитавши приклеенную къ церковнымъ дверямъ афишу, гдѣ извѣщалось, что по случаю юбилея какого-то римско-католическаго святого, папа приглашаетъ вѣрныхъ католиковъ исповѣдаться и причаститься и совершить нѣсколько благочестивыхъ подвиговъ, и за-то получить отпущеніе грѣховъ, пользуясь особенно благопріятнымъ для этого временемъ юбилея святого. Огромное стеченіе народа показывало, что вѣра въ отпущеніе грѣховъ сильно сохраняется въ этой странѣ и мнѣ пришло въ голову: едва ли бы нашлось много такихъ благочестивыхъ фанатиковъ въ моемъ русскомъ отечествѣ, еслибы въ церкви провозглашена была надежда на отпущеніе грѣховъ по поводу какого бы то ни было воспоминанія о лицѣ, прославившемся своею святостію. Здѣсь дѣйствуетъ очевидно старый католическій догматъ, что святые мужи совершили въ своей жизни болѣе праведныхъ дѣлъ, нежели сколько нужно для ихъ личнаго спасенія, и лишнія дѣла составляютъ церковную сокровищницу, изъ которой церковь можетъ раздавать благодать отпущенія грѣховъ вѣрующимъ чадамъ своимъ. Въ Остенде я пробылъ мѣсяцъ, постоянно купаясь въ морѣ. Мѣстоположеніе этого города чрезвычайно скучно и однообразно. Самое купанье представляетъ то неудобство, что по причинѣ мелководія на берегу, купающихся вводятъ въ подвижныя клѣтки на колесахъ и возятъ ихъ до глубокихъ мѣстъ. Частые дожди и вѣтры не дѣлаютъ климата этой мѣстности особенно пріятнымъ; прогулки здѣсь невозможны, такъ какъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ нѣтъ никакихъ рощъ. Окончивши свое леченіе, я воротился въ отечество черезъ Берлинъ въ первыхъ числахъ сентября и, установившись въ Петербургѣ, принялся снова за Смутное время.

Въ 1864 году я напечаталъ въ журналѣ «Библіотека для Чтенія» сочиненіе: «Ливонская война» и приготовилъ для напечатанія въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ другое—изъ исторіи Южной Руси конца XVI вѣка. Въ это же время я получилъ отъ харьковскаго университета приглашеніе занять каѳедру русской исторіи; но министръ Головнинъ объявилъ мнѣ, что по причинѣ возникшихъ въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ обвиненій меня въ «украинофильствѣ», онъ не совѣтуетъ мнѣ принимать каѳедры въ малорусскомъ краѣ и предложилъ испросить Высочайшаго утвержденія за мною пожизненнаго профессорскаго содержанія, уже прежде предоставленнаго мнѣ только на три года. Согласно совѣту и предложенію министра, я отказался отъ чести занять каѳедру въ харьковскомъ университетѣ.

XI.

Занятія Смутнымъ временемъ. Археологическія поѣздки на сѣверъ. Поѣздка въ Варшаву. „Вѣстникъ Европы.“ Печатаніе Смутнаго времени.

Всю зиму съ 1864-го на 65-й годъ и весну 1865-го я продолжалъ ревностно трудиться надъ эпохою Смутнаго времени; занятія эти такъ увлекали меня, что нерѣдко я проводилъ цѣлыя ночи, не въ состояніи будучи оторваться отъ изслѣдованія лицъ этой знаменательной въ исторіи русскаго народа эпохи. Эти безсонныя ночи разстроили мой организмъ до того, что хотя я, послѣ дневного и вечерняго труда надъ Смутнымъ временемъ, ложился въ постель для ночного отдыха, но не могъ пользоваться благотворнымъ сномъ: нервы мои были сильно возбуждены — меня безпокоили галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Я рѣшился прервать на время эти занятія, чтобы совершить нѣкоторыя поѣздки съ археологическою цѣлью. Лѣтомъ 1865 года я отправился для обозрѣнія нѣсколькихъ историческихъ мѣстностей на сѣверъ отъ Москвы. Путь мой лежалъ по желѣзной дорогѣ до Твери и на этотъ разъ ознаменовался для меня событіемъ, чуть не стоившимъ мнѣ жизни. Недалеко отъ Волховской станціи, поѣздъ сошелъ съ рельсовъ на краю насыпи, такъ что вагоны наклонились уже на-бокъ и готовы были полетѣть съ насыпи внизъ. Въ переполохѣ пассажиры метались какъ безумные. Я выскочилъ изъ вагона и покатился внизъ по скату насыпи. Мнѣ казалось, что вагонъ, наклонившійся на-бокъ, упадетъ за мною вслѣдъ и раздавитъ меня; но на счастье успѣли остановить его ходъ въ самое то мгновеніе, когда онъ уже наклонился и готовился упасть. Случай этотъ произошелъ оттого, что въ одномъ

мѣстѣ изломались рельсы и завернулись вверхъ, чуть не пробивши вагона. Мы прождали часа полтора въ полѣ, покрытомъ кустарниками, пока поставили вагоны на рельсы. Изъ Твери я поплылъ на пароходѣ до Рыбинска, пересѣлъ на другой пароходъ и поплылъ по Шекснѣ. Берега этой рѣки мнѣ показались грустными и пустынными: они были низки, бо́льшею частію покрыты верболозомъ и только изрѣдка мелькали жилыя мѣста и то вдали. Такъ было до самаго Череповца, гдѣ надобно было пересаживаться на другой, меньшій пароходъ, слѣдовавшій до Ниловецкой пристани. Отсюда берега Шексны дѣлаются лѣсисты. Изъ Ниловецъ пришлось ѣхать на наемныхъ лошадяхъ вплоть до самаго монастыря и посреди кустарниковъ. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь стоитъ въ уѣздномъ городѣ Кириловѣ, на берегу озера. Кирпичныя стѣны монастыря напоминаютъ ограду Троицко-Сергіевой Лавры, хотя нѣсколько ниже, со множествомъ башенъ. Входя въ главныя ворота, встрѣчаешь большой дворъ, засаженный монастырскими огородами; за нимъ слѣдуетъ другая, внутренняя стѣна, за которою уже монастырскія постройки и церкви. Главная церковь, гдѣ стоитъ гробъ чудотворца Кирилла, не представила мнѣ ничего особеннаго. Мощи святого подъ спудомъ и никогда не открываются; полъ церкви чугунный, отъ чего чувствовался большой холодъ, хотя тогда былъ іюнь; печей въ церкви нѣтъ и можно вообразить себѣ, какой нестерпимый холодъ должны чувствовать здѣсь богомольцы зимою въ такомъ суровомъ климатѣ. Близъ главной церкви стоитъ другая, небольшая, построенная надъ могилами князей Воротынскихъ и Одоевскихъ. Здѣсь погребены двѣ жертвы свирѣпства Ивана Грознаго, который впослѣдствіи, въ своемъ посланіи къ игумену этого монастыря, упрекалъ его, что гробъ Воротынскаго поставленъ въ бо́льшемъ почетѣ, чѣмъ гробъ чудотворца Кирилла. Богатая библіотека этого монастыря уже въ то время была вывезена въ Петербургъ, но оставалось еще много рукописей, относившихся собственно къ дѣламъ монастыря, и сверхъ того большой запасъ стараго оружія для ратныхъ людей, которые помѣщались въ военное время въ монастырѣ, имѣвшемъ значеніе крѣпости. Здѣсь можно было видѣть и мечи, и бердыши, и копья, и стараго калибра пушки, и ружья. Не менѣе любопытна монастырская ризница, гдѣ хранится множество даровъ московскихъ царей и царицъ, оказывавшихъ съ самаго Ивана Грознаго особое расположеніе къ этому монастырю. Между прочимъ, въ ризницѣ показываютъ полотняную ризу св. Кирилла, его одежду, желѣзныя вериги, которыя онъ надѣвалъ на голое тѣло, и его деревянный ковшъ, съ которымъ онъ ходилъ въ путь. На противоположной сторонѣ воротъ, изъ монастыря

выходъ къ берегу озера, а на противномъ берегу его виднѣется женскій Горицкій монастырь; надъ волнами озера вьется множество чаекъ, наполняющихъ воздухъ пронзительнымъ грустнымъ крикомъ. По преданію, къ этому мѣсту любилъ ходить и просиживать на берегу озера сосланный въ монастырь при императрицѣ Аннѣ кіевскій митрополитъ Ванатовичъ, пробывшій здѣсь въ заточеніи цѣлыхъ десять лѣтъ. Кирило-Бѣлозерскій монастырь былъ не разъ мѣстомъ ссылки разныхъ историческихъ лицъ. Въ настоящее время въ немъ было до ста человѣкъ братіи со служками. Осмотрѣвши монастырь, я съѣздилъ въ Горицы, въ знаменитый женскій монастырь, гдѣ при Иванѣ Грозномъ заточены были двѣ княгини и потомъ утоплены въ Шекснѣ, какъ гласитъ его помянникъ. Здѣсь погребена была мать царевича Димитрія, постриженная въ упраздненномъ нынѣ монастырѣ на Выксинѣ (череповецкаго уѣзда). Въ Горицахъ она построила придѣлъ во имя своего сына Димитрія, послѣ причисленія его къ лику святыхъ. Горицкій монастырь былъ неоднократно мѣстомъ ссылки историческихъ русскихъ женщинъ, между прочимъ—невѣсты Петра II-го, Долгорукой. Въ настоящее время въ немъ болѣе пятисотъ сестеръ, изъ которыхъ многія занимаются искуснымъ шитьемъ и продаютъ свои произведенія пріѣзжимъ, но не за дешевую цѣну. При такомъ процвѣтаніи женскихъ работъ, ризница монастыря чрезвычайно богата разнообразными и великолѣпными священническими одеждами, въ чемъ едва ли можетъ соперничать съ Горицкимъ какой нибудь другой монастырь. Возвратившись въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь, я простился съ тамошнимъ архимандритомъ и отправился осматривать другіе; посѣтилъ Нилову пустынь, съ которою связано воспоминаніе знаменитаго въ нашей духовной литературѣ Нила Сорскаго; но въ этомъ монастырѣ нѣтъ болѣе ничего древняго. Зданія новыя и деревянныя; самое мѣстоположеніе его не привлекательно. Гораздо красивѣе смотритъ монастырь Кирилла-Новоезерскаго, поставленный посреди озера на островѣ, гдѣ также есть мощи мѣстнаго чудотворца, другого Кирилла. Я посѣтилъ церковь бывшаго Ѳерапонтова монастыря, теперь уже упраздненнаго. Мѣсто это замѣчательно тѣмъ, что сюда сосланъ былъ низложенный патріархъ Никонъ и пробылъ здѣсь въ заточеніи нѣсколько лѣтъ, послѣ чего былъ переведенъ въ Кирило-Бѣлозерскій, гдѣ и получилъ извѣстіе о своей свободѣ, которою однако ему не удалось вполнѣ воспользоваться. Край, по которому я ѣздилъ, замѣчателенъ чрезвычайнымъ множествомъ озеръ большихъ и малыхъ, повсюду обросшихъ лѣсомъ и вообще повсюду видно изобиліе лѣсовъ. Густые рои мошекъ и комаровъ на каждомъ шагу

тревожатъ путешественника; природа угрюма, но между жителями вездѣ замѣтно довольство; они бо́льшею частію судостроители и рыболовы. Населеніе здѣсь вообще не многочисленно; вѣроятно неудобства къ земледѣльческому производству заставили жителей въ прежнія времена постоянно выселяться въ другія мѣста. Возвратившись обратно по Шекснѣ на Волгу, я поплылъ на пароходѣ до Костромы, миновавши Ярославль и предположивши осмотрѣть его послѣ.

По пріѣздѣ въ Кострому, первымъ дѣломъ было съѣздить въ знаменитый Ипатьевскій монастырь, лежащій за городомъ на западной сторонѣ. Здѣсь мнѣ показали домъ, гдѣ жила Марѳа Ивановна съ своимъ царственнымъ сыномъ и откуда была вызвана съ нимъ на монастырскій дворъ: тамъ происходили переговоры съ послами, пріѣхавшими отъ московскаго Земскаго Собора просить шестнадцатилѣтняго Михаила на царство. Въ домѣ этомъ мнѣ не могли ничего показать, помнившаго славное время, кромѣ стѣнъ, но въ ризницѣ показали много вещей, подаренныхъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и, между прочимъ, его палку, которую онъ оставилъ здѣсь на память, когда, вмѣсто нея, принялъ предложенный ему скипетръ Русскаго Государства. Икона, находившаяся въ то время у его матери, поставлена въ Костромскомъ соборѣ и тамъ пребываетъ до сихъ поръ: народъ приписываетъ ей чудотворное свойство; она извѣстна подъ именемъ Ѳеодоровской Божіей Матери. На одной изъ площадей Костромы красуется памятникъ Сусанину; на памятникѣ сдѣлано барельефами изображеніе убіенія его поляками въ лѣсу, въ томъ видѣ, въ какомъ разсказывается это событіе подъ вліяніемъ книжныхъ вымысловъ.

Изъ Костромы я воротился въ Ярославль, а оттуда поѣхалъ въ Ростовъ, посѣтилъ тамошнія церкви, гробъ и келію св. Димитрія Ростовскаго. Въ его келіи видѣлъ я замѣчательную картину, изображающую (масляными красками), какъ Димитрій испрашиваетъ у родителей благословенія идти въ монахи. Его отецъ, мать и сестры изображены въ старыхъ малорусскихъ костюмахъ того времени. Картина эта принадлежала самому святому и сохранялась имъ, какъ памятникъ величайшаго событія въ его жизни. Изъ Ростова я поѣхалъ на перекладныхъ въ Переяславль-Залѣсскій и думалъ пробраться оттуда въ Александровъ, чтобы посмотрѣть на знаменитую въ исторіи тиранствами царя Ивана Васильевича Грознаго Александровскую Слободу, но тутъ на дорогѣ у меня въ правой ногѣ сдѣлалась невыносимая боль, побудившая меня отложить это намѣреніе и ѣхать къ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, гдѣ бы я могъ получить медицинское пособіе.

Внезапная боль эта была до того нестерпима, что я безъ крика не могъ сидѣть на телегѣ и сойти съ нея. Когда меня привезли въ Троицкій посадъ, первымъ дѣломъ моимъ было обратиться къ знакомому мнѣ ректору Академіи Александру Васильевичу Горскому, съ просьбою снабдить меня врачемъ. Александръ Васильевичъ привелъ ко мнѣ монастырскаго врача, какого-то нѣмца, поклонника гидропатіи. Врачъ этотъ назначилъ мнѣ ѣздить по два раза въ день въ его монастырскую больницу, чтобы пользоваться водянымъ леченіемъ. Въ больницѣ былъ монахъ, пріученный докторомъ обращаться съ гидропатическими пріемами. Послѣ нѣсколькихъ дней леченія холодными душами и ваннами, докторъ приказалъ мнѣ сдѣлать нѣсколько соленыхъ ваннъ и черезъ недѣлю позволилъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, давши совѣтъ постоянно купаться до глубокой осени и несмотря ни на какія перемѣны погоды. Я воротился въ Петербургъ и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ купался по два и по три раза въ день. Въ сентябрѣ ногѣ моей стало значительно легче, хотя боль не совсѣмъ прошла.

Я отправился въ Варшаву, съ цѣлію познакомиться тамъ съ рукописными памятниками, относящимися къ Смутному времени и, пріѣхавши туда, поселился у моего пріятеля, бывшаго редактора «Основы», Бѣлозерскаго, поступившаго туда на службу въ учредительный комитетъ. Живучи у него, я каждое утро ходилъ въ баню продолжать холодное леченіе своей ноги, а потомъ отправлялся заниматься. Первымъ и важнѣйшимъ мѣстомъ моихъ занятій была библіотека Красинскихъ, бывшая покойнаго графа Свидзинскаго. Въ этомъ книгохранилищѣ я нашелъ большое количество рукописныхъ источниковъ, относящихся къ обрабатываемой мною эпохѣ и замѣтилъ, что еще большее богатство матеріаловъ выпало здѣсь на долю періода козацкой исторіи; но обращая въ то время все вниманіе на Смутное время, я отложилъ всякія другія занятія до иной поры. Кромѣ занятій въ библіотекѣ Красинскихъ, я ѣздилъ нѣсколько разъ въ библіотеку Вилляновскую, отстоящую верстъ за десять отъ Варшавы, въ имѣніи графовъ Потоцкихъ, и тамъ много для себя любопытнаго нашелъ я, благодаря ласковому пріему библіотекаря Пшиленскаго и его двухъ дочерей, хорошо знавшихъ польскую исторію и съ любовью помогавшихъ мнѣ въ отысканіи матеріаловъ. Въ свободное время отъ занятій, я посѣщалъ варшавскія церкви, театры, кладбища и, прибывши на Повонзковское кладбище, увидалъ множество памятниковъ на могилахъ лицъ, знаменитыхъ въ польской исторіи послѣдняго времени эпохи паденія польской независимости. Здѣсь явилось у меня намѣреніе заняться обработкою этой эпохи. Мнѣ

казалось, что недостатокъ исторической обработки этой эпохи составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ нашей исторіи и стоило приложить трудъ, чтобы его пополнить. Долгое время занятіе исторіею паденія Польши было почти немыслимо, потому что большая часть важнѣйшихъ источниковъ, относящихся къ этому знаменитому событію, не только не была напечатана, но и самый доступъ къ пользованію ими не былъ дозволенъ. Въ нашей русской литературѣ, кромѣ исторіи паденія Польши Соловьева, не было ничего сколько нибудь разработаннаго по этой части. Польская литература также мало могла похвалиться чѣмъ нибудь капитальнымъ въ научномъ отношеніи. Правда, въ послѣднее время въ ней появлялись одинъ за другимъ болѣе или менѣе важные мемуары участниковъ великаго событія, но они не были еще надлежащимъ образомъ разобраны и освѣщены критикою, притомъ же сами по себѣ не составляли еще всего богатства источниковъ, нужныхъ для обработки эпохи. Въ заграничныхъ литературахъ также нельзя было указать на обиліе сочиненій по этой эпохѣ. Во французской литературѣ сочиненія по этому вопросу всѣ почти составлялись со словъ поляковъ, искажавшихъ истину подъ обаяніемъ патріотизма. Нѣмецкая литература представляла нѣсколько почтенныхъ явленій, какъ напримѣръ «Исторія Россіи» Германа, творенія Зибеля, біографія Суворова, написанная Шмидтомъ, но авторы ихъ занимались вопросомъ только съ извѣстныхъ немногихъ сторонъ, оставляя или даже упуская другія, не менѣе важныя. Отъ этого, относительно вопроса о причинахъ паденія польской Рѣчи Посполитой, а равно и о характерѣ событій, сопровождавшихъ это паденіе, можно было постоянно и повсемѣстно встрѣчать самыя сбивчивыя, а нерѣдко и самыя уродливыя свѣденія. Прежнее правительство наше долгое время считало изученіе паденія Польши какъ бы запретнымъ плодомъ и неудивительно, если польская молодежь, начитавшись объ этомъ кое-чего изъ заграничныхъ книгъ или изъ произведеній польскихъ эмигрантовъ, да вдобавокъ, поддаваясь внушеніямъ своихъ старыхъ соотечественниковъ, расхваливавшихъ старое время и вздыхавшихъ объ уничтоженіи старыхъ порядковъ, воображала себѣ Богъ знаетъ сколько хорошаго въ томъ, чего не знала обстоятельно. Такимъ образомъ, конституція 3 мая являлась ихъ воображенію такимъ безусловно-благодѣтельнымъ актомъ народной мудрости, какому подобнаго едва можно отыскать во всей исторіи человѣчества, а эпоха возстанія Костюшки представлялась доблестнымъ всенароднымъ движеніемъ за дѣло всеобщей свободы и всеобщихъ правъ человѣчества. Съ другой стороны, по-

литическія силы, содѣйствовавшія паденію Польскаго государства, воображались въ самомъ возмутительномъ видѣ и фактъ раздѣла Польши казался самымъ гнуснѣйшимъ актомъ насилія и коварства. Этотъ взглядъ проповѣдывался поляками и между русскими— и тѣ изъ русскихъ, которыхъ коробило отъ польскихъ рѣчей, не въ состояніи были дѣлать на нихъ возраженія, такъ какъ сами, не менѣе поляковъ, находились въ невѣденіи объ этихъ вопросахъ. Незнаніе поляками своей исторіи, незнаніе, поддерживаемое долго боязливостію нашего прежняго правительства, привело къ тому печальному результату, что въ польскихъ головахъ не сложилось правильнаго представленія о народѣ: полякъ часто употреблялъ это слово, а между тѣмъ разумѣлъ подъ нимъ совсѣмъ не то, что́ оно должно было означать по здравому смыслу. Полякъ твердилъ о польскомъ народѣ, а разумѣлъ подъ нимъ одну шляхту, и положеніе всего прочаго большинства народа, осужденнаго на крайнее рабство подъ республиканскимъ правленіемъ Польши, ему было или неизвѣстно, или онъ прикидывался, что не знаетъ о немъ. Отъ этого, въ послѣднее время, незадолго до возстанія шестидесятыхъ годовъ, русская молодежь, въ извѣстной степени, симпатически относилась къ польскимъ политическимъ мечтаніямъ: находились русскіе, не только учившіеся исторіи, но и сами писавшіе историческія статьи, которые, по невѣденію мѣстныхъ вопросовъ, относящихся къ Польшѣ и вообще къ Западному краю, склонны были вѣрить, что Польша была демократична—и вмѣстѣ съ тѣмъ готовы были признавать справедливость польскихъ замашекъ—считать несомнѣнною принадлежностію Польши такія древнія русскія области, которыя играли самую видную роль въ русской исторіи до-татарскаго періода. Послѣднее возстаніе поляковъ просвѣтило русскій взглядъ; сочувствіе къ польскимъ претензіямъ уничтожилось послѣ безцеремонныхъ выходокъ поляковъ, — но правильнаго взгляда на своихъ враговъ-сосѣдей, русскіе все-таки не получили. Въ патріотическихъ статьяхъ тогдашнихъ русскихъ газетъ это ярко выказывалось. Поляки возбуждали въ русскомъ обществѣ негодованіе, доходившее до ненависти, но полякамъ приписывали такія качества, какихъ вовсе не было въ польской народности. Отдѣльные исключительные случаи, или признаки, общіе всѣмъ народамъ въ періоды мятежей и возстаній, провозглашались за характеристическія черты польской народности. Чтобы поставить русское читающее общество на настоящую точку воззрѣній, надобно было представить ему безпристрастную картину старой польской жизни и событій, сопровождавшихъ прекращеніе самобытности Польши. Эту-то задачу я задумалъ взять на себя

въ то время, какъ памятники Повонзковскаго кладбища разстилались передъ моими глазами съ воспоминаніями эпохи конца польской независимости.

Встрѣтившись въ Варшавѣ случайно съ Всеволодомъ Крестовскимъ, занимавшимся раскопками въ подземельяхъ варшавскихъ монастырей, я получилъ отъ него приглашеніе сопутствовать ему въ его подземныхъ путешествіяхъ и увидѣлъ много такого, о чемъ никакъ не догадывался. Спустившись въ подземелье одного изъ монастырей, мы замѣтили. что въ кирпичной глухой стѣнѣ, въ которую упиралось это подземелье, есть пустота; приказали разбить стѣну и вошли въ огромный, длинный корридоръ, наваленный остатками перетлѣлыхъ гробовъ и человѣческихъ костей. Прошедши по этому корридору, мы наткнулись на другую стѣну, за которою также замѣтили пустоту: приказали проломить ее и вступили въ новый корридоръ, также переполненный развалинами гробовъ и костей. Оказывалось, что корридоры эти шли подъ улицами Варшавы и надъ нашими головами мы слышали ѣзду экипажей. Почти въ каждомъ монастырѣ мы встрѣчали усыпальницы съ гробами, то замурованными въ стѣну, то стоявшими на землѣ. Въ монастырѣ капуциновъ, на Медовой улицѣ, нашелъ я нѣсколько труповъ высохшихъ и сохранившихъ человѣческій видъ. Одинъ изъ этихъ труповъ какой-то панны Кицкой лежалъ въ гробѣ безъ одежды, обтянутый большимъ кускомъ бѣлаго атласа, и чрезвычайно хорошо сохранился. Рядомъ съ нею, въ другомъ гробу, лежалъ какой-то епископъ, а подалѣе—какой-то капитанъ гвардіи въ большихъ черныхъ сапогахъ и въ красной шапкѣ съ перомъ. Варшавскіе монастыри, передъ временемъ моего пріѣзда въ Варшаву, были упразднены; оставшіеся монахи и монахини развезены по монастырямъ внѣ Варшавы, которыхъ существованіе было до-поры-до-времени дозволено, а ихъ прежнія помѣщенія предполагалось обратить на разныя полезныя общественныя заведенія. Такимъ образомъ, капуцинскій монастырь на Медовой улицѣ передѣлывался въ то время въ женскую гимназію. Замѣчательно, что эта мѣра не возбуждала неудовольствія въ полякахъ. Люди образованные сознавались, что это дѣло полезное; вздыхали только старыя девотки.—Въ Варшавѣ я имѣлъ случай познакомиться съ нѣсколькими почтенными учеными, между прочимъ съ Мацѣіовскимъ, добродушнымъ старикомъ уже преклонныхъ лѣтъ. но съ юношескимъ увлеченіемъ преданнымъ славянскимъ древностямъ, которыми онъ такъ небезплодно занимался въ своей жизни; — съ Войцицкимъ, едва ли не лучшимъ знатокомъ быта польскаго простонародія; — съ издателемъ «Варшавской Библіо-

теки» Бартушевичемъ, съ библіотекаремъ библіотеки Красинскихъ Хоментовскимъ, столько знающимъ свою отечественную исторію, сколько любезнымъ для меня указателемъ варшавскихъ достопримѣчательностей—и съ нѣкоторыми другими учеными и литераторами. Случайно встрѣтилъ я здѣсь своего давняго знакомца—поэта Одыньца, переѣхавшаго на жительство изъ Вильны въ Варшаву. Меня предупреждали, что поляки, ненавидя «москалей», обращаются чрезвычайно нелюбезно съ русскими, но я на опытѣ увидѣлъ совсѣмъ не то, чего могъ ожидать по разсказамъ и, приглядѣвшись къ жизни и быту Варшавы того времени, сдѣлалъ такой выводъ, что за исключеніемъ, разумѣется, ярыхъ фанатиковъ своей національности, бо́льшая часть образованныхъ поляковъ относилась съ безпристрастною любезностью къ русскимъ путешественникамъ. Въ свободные вечера я посѣщалъ варшавскіе театры. Собственно польскій, національный театръ, по достоинству артистовъ, стоялъ тогда на высокой степени, въ особенности, когда игрались піесы, въ которыхъ выводился національный польскій бытъ.—Въ городѣ еще видны были слѣды недавнихъ безпорядковъ: жителямъ запрещалось ходить ночью безъ фонарей и это представляло значительное неудобство для путешественника, такъ какъ надобно было постоянно держать въ рукѣ фонарь съ горящею свѣчею.

Я возвратился въ Петербургъ во второй половинѣ октября и принялся приводить въ порядокъ сдѣланныя мною выписки изъ рукописныхъ источниковъ для эпохи Смутнаго времени и заносить въ составленный текстъ сочиненія вновь добытыя свѣденія.

Вскорѣ послѣ того обратился ко мнѣ Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ съ предложеніемъ принять участіе въ изданіи предполагаемаго имъ журнала. — — — Первымъ вносомъ моимъ въ новый журналъ было мое «Смутное время». Кромѣ того я обязывался вести постоянно рецензіи всѣхъ выходящихъ какъ въ Россіи такъ и заграницею книгъ, относящихся къ исторіи. Первый нумеръ журнала выходилъ въ мартѣ 1866 года и въ немъ появилось въ свѣтъ начало моего «Смутнаго времени». Печатаніе этого сочиненія продолжалось въ теченіе почти двухъ лѣтъ, 1866—1867-го. Между тѣмъ пока сочиненіе мое печаталось, я принялся за «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и усиленно занимался чтеніемъ источниковъ въ Публичной библіотекѣ, начиная съ моего пріѣзда изъ Варшавы—сплошь всю зиму и весну.

. . . . . .

Въ маѣ я занимался редакціею сочиненій Т. Г. Шевченка, которыхъ изданіе взялъ на себя книгопродавецъ Кожанчиковъ.

XII.

Поѣздка въ Саратовъ. Леченіе въ Старой Русѣ. Занятія исторіею послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Командировка въ Несвижъ. Печатаніе Послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Публичныя лекціи въ клубѣ художниковъ.

Въ концѣ іюня 1866 года, я отправился на двадцать дней по Волгѣ въ Саратовъ. Еще во время моего жительства въ этомъ городѣ, остался мнѣ должнымъ одинъ тамошній житель, уже умершій. Дѣло объ уплатѣ долга производилось со времени моего перваго пребыванія въ Петербургѣ и, наконецъ, рѣшилось тѣмъ, что гражданская палата назначила къ продажѣ его домъ, но за неявкою покупателей на торгу, предоставила этотъ домъ мнѣ во владѣніе. Недвижимая собственность, въ такой далекой отъ моего жительства мѣстности, была для меня бременемъ; къ счастію, я получилъ письмо отъ одного саратовскаго жителя, извѣщавшее меня о желаніи купить присужденный мнѣ домъ, уплативъ мнѣ состоявшій на немъ долгъ. Я прибылъ въ Саратовъ и на пароходной пристани встрѣтилъ моего покупщика, который въ продолженіе двухъ часовъ покончилъ со мною счеты, выпросивъ отъ моего имени довѣренность своему знакомому на совершеніе купчей крѣпости. Пользуясь случаемъ, приведшимъ меня снова въ край, въ которомъ я нѣкогда проживалъ, я, несмотря на нестерпимый зной, объѣхалъ городъ, посѣтилъ мою любимую монастырскую рощу, куда такъ часто ѣздилъ пить чай, повидался съ моими пріятелями Мордовцевыми, съ моимъ старымъ слугою Ѳомой и на другой день рано утромъ пустился въ обратный путь, а по возвращеніи въ Петербургъ, отправился въ Старую Русу и тамъ въ продолженіе двухъ недѣль купался въ соленомъ озерѣ. Уже давно страдалъ я разнообразными нервными болѣзнями, время отъ времени прибѣгалъ къ различнымъ пособіямъ медицины, много разъ ѣздилъ заграницу, купался въ морѣ—и на этотъ разъ, при усилившемся нездоровьѣ, рѣшился испытать дѣйствіе соленыхъ озеръ. Это купанье произвело на меня благодѣтельное вліяніе, по крайней мѣрѣ на время.

Воротившись въ Петербургъ, я принялся за свои обычныя занятія исторіею послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой и разбиралъ матеріалы, хранящіеся въ Литовской Метрикѣ при Правительствующемъ Сенатѣ. Здѣсь я нашелъ чрезвычайно богатый запасъ источниковъ: всѣ дѣла Четырехлѣтняго сейма, Стражи, учрежденной послѣ конституціи 3-го мая, Высочайшаго Совѣта, существо-

вавшаго въ Варшавѣ въ эпоху Костюшки и судныя дѣла Индигаціонной Комисіи надъ лицами, навлекшими на себя подозрѣніе у патріотовъ, защищавшихъ независимость Польши. Все это послужило мнѣ съ незамѣнимою пользою для моего труда. Между тѣмъ занятія мои обращались также и къ Археографической Комиссіи, гдѣ я, уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, печаталъ одинъ за другимъ томы Актовъ Южной и Западной Россіи, почти каждый годъ выпуская по тому.

Въ слѣдующемъ 1867 году, весною, однообразіе петербургской жизни было нарушено пріѣздомъ славянскихъ гостей, подавшимъ поводъ къ угощеніямъ, празднествамъ и оваціямъ, въ чемъ участвовали преимущественно лица, принадлежавшія къ ученому литературному кругу; но я не принималъ въ этомъ никакого участія и видѣлся только съ нѣсколькими знакомыми чехами и галичанами, посѣтившими меня во время своего кратковременнаго пребыванія въ русской столицѣ. Я былъ тогда весь погруженъ въ занятіе исторіею паденія Польши и такъ дорожилъ своимъ временемъ, что не рѣшался отвлекать его ни на что другое. Въ іюнѣ того же года Археографическая Комисія дала мнѣ командировку въ городъ Несвижъ, для разсмотрѣнія находящагося тамъ архива князей Радзивилловъ. Я поѣхалъ черезъ Вильно, гдѣ увидѣлъ совсѣмъ не то, что было въ прежній мой пріѣздъ. Музей находился уже въ русскихъ рукахъ и содержался въ русскомъ духѣ. Католическая святыня повсюду уступала мѣсто православной. Поляки, устрашенные энергическими мѣрами недавно еще правящаго здѣсь Муравьева, присмирѣли, боялись публично говорить по-польски и щеголяли русскою рѣчью, часто коверкая ее самымъ забавнымъ образомъ. Многихъ изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ здѣсь болѣе: иные померли, другіе удалились. Попечителемъ виленскаго учебнаго округа былъ тогда Корниловъ, человѣкъ энергически предавшійся мысли о просвѣщеніи простого бѣлорусскаго народа и о заведеніи въ краѣ повсемѣстныхъ народныхъ училищъ. Это была одна изъ симпатичнѣйшихъ личностей, какія мнѣ приходилось встрѣчать въ жизни. Здѣсь я узналъ, что нѣкто Г., служившій при Муравьевѣ, написалъ какое-то историческое извѣстіе [1]) о бывшемъ польскомъ мятежѣ въ Литовскомъ краѣ и легкомысленно запятналъ мое имя, сообщая, будто бы я, сочувствуя польскому мятежу, говорилъ польскія рѣчи, носилъ польскій трауръ и пѣлъ съ поляками въ косте-

---

[1]) Іосафатъ Огрызко и петербург. революціон. ржондъ въ дѣлѣ послѣдн. мятежа. Вильно, 1866. (Прим. издат.).

лахъ революціонныя пѣсни. Самого автора этой клеветы я не видалъ, но мнѣ передало одно офиціальное лицо, что Г. оправдывалъ свои противъ меня выходки тѣмъ, будто бы онъ нашелъ эти обо мнѣ свѣденія въ офиціозныхъ источникахъ; офиціозными же источниками называлъ онъ письма, взятыя у польскихъ преступниковъ во время производства суда надъ ними въ Вильнѣ. Всякій здравомыслящій человѣкъ можетъ пожалѣть объ умѣ и степени добросовѣстности этого Г., называвшаго офиціозными источниками переписку политическихъ преступниковъ: не нужно большой сообразительности, дабы понять, что подобная переписка менѣе чѣмъ что нибудь можетъ внушать къ себѣ довѣріе, такъ какъ поляки, въ пылу своего патріотическаго фанатизма, естественно старались представить свое дѣло какъ можно болѣе въ видѣ, внушающемъ надежды, и не останавливались тогда, когда имъ приходилось оговорить въ связи съ собою кого-нибудь изъ русскихъ, чтобы такимъ образомъ выказать, что ихъ польское дѣло до того справедливо, что возбуждаетъ сочувствіе даже у русскихъ людей.

Въ виленской публичной библіотекѣ я нашелъ очень подходящую къ предмету, которымъ я тогда занимался, рукописную книгу. Это былъ сборникъ всякаго рода статей, какъ имѣвшихъ офиціозный характеръ, такъ и чисто литературный и относящійся къ эпохѣ 1794 года. Корниловъ дозволилъ мнѣ взять на время эту книгу въ Петербургъ. Пробывши въ Вильнѣ дня четыре, я отправился къ мѣсту моей командировки и, проѣзжая черезъ Лиду, осматривалъ очень любопытныя и живописныя развалины находящагося тамъ замка, отъ котораго уцѣлѣло много стѣнъ, но безъ кровли. Проѣзжая черезъ Новогрудекъ, я осмотрѣлъ, въ окрестностяхъ его, разрушенный замокъ, построенный на берегу озера. Какъ кажется, это тотъ замокъ, который послужилъ Мицкевичу сюжетомъ для его повѣсти «Гражины».

Наконецъ я прибылъ въ Несвижъ и, остановившись въ мѣстечкѣ, отправился въ княжескій замокъ, построенный на островѣ, лежащемъ посреди пруда. На замкѣ возвышалась башня, на которой красовался гербъ Радзивилловъ. Передъ самымъ островомъ, еще на твердой землѣ, въ концѣ мѣстечка, я увидѣлъ костелъ, подъ помостомъ котораго находятся гробницы всѣхъ лицъ княжеской фамиліи Радзивилловъ. Въ то время въ костелѣ былъ храмовой праздникъ Петра и Павла и совершалось богослуженіе. Я заходилъ въ этотъ костелъ и увидалъ очень богатые образа и облаченія на престолѣ и на ризахъ. Замокъ построенъ четвероугольникомъ, образуя въ срединѣ замкнутый дворъ. Сторона обхода надъ воро-

тами вся занята архивомъ; прямо противъ нея внизу помѣщается управляющій, а вверху комнаты оставлены пустыми. Входъ къ нимъ ведетъ по широкой лѣстницѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ времени уже обветшалой; сводъ надъ нею расписанъ фресками, изображающими разные миѳологическіе предметы. Вправо, въ верхнемъ этажѣ—картинная галлерея портретовъ князей Радзивилловъ и разныхъ пановъ, находившихся съ ними въ свойствѣ. На лѣвой сторонѣ, верхній этажъ совсѣмъ внутри обвалился. Тамъ были покои, въ которыхъ извѣстный князь Карлъ Радзивилъ, оставившій по себѣ прозвище «Panie kochanku», давалъ блистательныя угощенія польскому королю Станиславу-Августу,—а подъ низомъ кладовыя, гдѣ, между прочимъ, находились старыя заржавленныя пушки. По распоряженію, присланному отъ владѣльца замка, жившаго въ то время въ Берлинѣ, меня пригласили помѣститься въ замкѣ, въ пустыхъ комнатахъ, находившихся надъ помѣщеніемъ управляющаго, и я, перебравшись туда, тотчасъ занялся разсмотрѣніемъ архивныхъ бумагъ. Къ сожалѣнію, оказалось, что большая половина этихъ бумагъ была уже отправлена въ Берлинъ по требованію владѣльца. Я нанялъ писца для составленія каталога документовъ, находившихся въ наличности въ архивѣ и сталъ ихъ разсматривать. Тогда же въ Несвижѣ жило двое чиновниковъ, служившихъ при виленскомъ музеѣ и отправленныхъ Корниловымъ для той же цѣли, но для видовъ Археографической Комисіи. Независимо отъ работъ надъ архивомъ, я, при содѣйствіи помощника архиваріуса Шишко, осматривалъ усыпальницу Радзивилловъ въ ихъ костелѣ, построенномъ за воротами замка. Нѣсколько гробовъ были при мнѣ открываемы; болѣе древніе представляли безобразную груду костей и кусковъ согнившаго платья и обуви. Въ такомъ видѣ предстали мнѣ: Николай Чорный, своякъ короля Сигизмунда-Августа и князь Криштофъ, сватъ Константина Острожскаго. Въ гробахъ, временъ болѣе близкихъ къ намъ, сохранилось болѣе человѣческаго образа. Такъ, одна изъ супругъ Іеронима Радзивилла, жившаго въ XVIII вѣкѣ и оставившаго по себѣ большой дневникъ, хранящійся въ архивѣ, представилась съ тѣломъ бѣлаго цвѣта, какъ будто окаменѣлымъ и одѣтымъ въ богатое бѣлое атласное платье. Въ гробѣ Карла Радзивилла (Panie kochanku) я увидѣлъ скелетъ, одѣтый въ нижнее платье синяго цвѣта, большіе сапоги и желтоватый кунтушъ съ андреевскою лентою черезъ плечо. Обликъ его черепа сохранился настолько, что можно было по немъ представить себѣ фигуру князя, сообразно съ портретомъ его, находящимся въ галлереѣ фамильныхъ портретовъ. Между множествомъ гробовъ, поставленныхъ въ усыпальницѣ, есть маленькіе гробы умершихъ княже-

скихъ малолѣтковъ. Гробъ Радзивилла, извѣстнаго подъ именемъ «сиротки» и оставившаго послѣ себя описаніе своего путешествія въ Святую землю, сохраняется въ особомъ отдѣленіи: «сиротка» чествуется какъ бы святой. Въ портретной галлереѣ, между прочимъ, я встрѣтилъ портретъ во весь ростъ Богдана Хмельницкаго, зашедшій сюда, вѣроятно, по родству его сына, женатаго на молдаванской княжнѣ, свояченицѣ князя Януша Радзивилла. Быть можетъ, тамъ же гдѣ нибудь есть портретъ и самого Тимоѳея Хмельницкаго, такъ какъ о многихъ портретахъ, висящихъ въ галлереѣ, мнѣ не дали объясненія, кого изображаютъ эти портреты. Изъ разсмотрѣнныхъ мною бумагъ, я нашелъ собственно немного новаго, что меня особенно занимало. Въ числѣ множества писемъ, сохраняющихся въ архивѣ, я отыскалъ цѣлую кучу писемъ Юрія Мнишка къ одному изъ Радзивилловъ, и эти письма тѣмъ болѣе возбуждали любопытство, что многія писаны въ эпоху заключенія Мнишка въ Московскомъ Государствѣ, но изъ тѣхъ, которыя мнѣ удалось разобрать, я не нашелъ ничего относящагося къ московскимъ смутамъ; остальныя, написанныя блѣдными чернилами и крайне неразборчивымъ почеркомъ, остались мною неразобранными. По украинской исторіи, особенно обратило мое вниманіе одно письмо Юрія Хмельницкаго, показывающее, что этотъ гетманъ, уже послѣ своего примиренія съ поляками подъ Слободищемъ, питалъ къ полякамъ непримиримую ненависть, которая отчасти объясняетъ послѣдовавшее затѣмъ взятіе его и заточеніе въ Маріенбургскую крѣпость.—Я осмотрѣлъ также мѣстность, гдѣ находился поселокъ шляхты, которую держалъ при себѣ Карлъ Радзивиллъ (Panie kochanku). Поселокъ этотъ носилъ названіе «Альба». Шляхтичи, жившіе тамъ, пользовались отъ князя содержаніемъ и всякими выгодами, а за это должны были, какъ онъ выражался, отбывать панщину. Панщина же эта состояла въ томъ, чтобы ѣсть и пить вмѣстѣ съ княземъ, когда ему захочется и ѣздить съ нимъ на охоту, а подъ-часъ и быть готовыми на всякіе подвиги дебоширства, какимъ отличался затѣйливый князь. Старикъ архиваріусъ, человѣкъ лѣтъ восьмидесяти, помнящій во времена своего нѣжнаго еще дѣтства личность «Panie kochanku», разсказывалъ мнѣ, что какъ бывало на кого нибудь разгнѣвается князь, тотчасъ собираетъ своихъ «албанцевъ» и посылаетъ надѣлать пакостей сопернику; албанцы нападутъ на имѣніе послѣдняго, истребятъ на поляхъ хлѣбъ, перебьютъ скотъ и птицу, а иногда, по приказанію своего патрона, сожгутъ деревню и усадьбу враждебнаго помѣщика. «Panie kochanku» отличался чрезвычайною щедростью и расточительностью,—но чуть только что нибудь не по немъ, онъ

ничѣмъ не сдерживался и позволялъ себѣ дѣлать самыя немыслимыя вещи, будучи увѣренъ, что въ Польшѣ нѣтъ силы, которая бы могла поставить его въ границы. Былъ — разсказывалъ архиваріусъ:—у князя пріятель, который умѣлъ его забавлять и пріобрѣлъ черезъ то большую любовь князя; но однажды, развлекая князя шутками, онъ сказалъ что-то не впопадъ. Князь ударилъ его въ лицо. Оскорбленный, въ порывѣ гнѣва, вызвалъ князя на поединокъ, а Радзивиллъ, за такую продерзость, созвалъ своихъ албанцевъ, приказалъ разостлать коверъ и высѣчь на немъ неосторожнаго пріятеля. Пріятель, послѣ такого безчестія, подалъ на Радзивилла искъ въ судъ. Тогда, по приказанію князя, албанцы напали на его усадьбу, сожгли ее и даже перебили нѣсколько человѣкъ прислуги. Шляхтичъ, видя, что нѣтъ возможности искать управы на Радзивилла, рѣшился поладить съ нимъ и избралъ такую выходку: улучивши время, когда Радзивиллъ былъ именинникъ и въ несвижскомъ замкѣ по этому поводу долженъ былъ происходить балъ и большой наѣздъ гостей, онъ прибылъ въ Несвижъ, остановился на постояломъ дворѣ, одѣлся щеголемъ и отправился въ замокъ. Въ то время тамъ происходилъ балъ въ полномъ разгарѣ. Явившись нежданно посреди гостей, онъ подошелъ къ князю и сказалъ: «я прибылъ заявить вашей княжеской милости, что на свѣтѣ существуютъ два великихъ дурака: первый дуракъ я, а второй ваша княжеская милость». Радзивиллъ, увидя его, пришелъ въ изступленіе; по словамъ архиваріуса, у него «najeżyli się włosy, prawa noga wystąpiła, zakręcił wąsa i powiedział: co to jest, Panie Kochanku?» [1]) Смѣльчакъ отвѣчалъ ему: «ваша княжеская милость осмѣлились идти противъ Екатерины и принуждены были искать примиренія съ нею, а я осмѣлился идти противу вашей княжеской милости и теперь прибылъ просить примиренія съ вами». Радзивиллу очень понравилась эта выходка. «Zgoda, [2]) Panie kochanku», закричалъ онъ, приказалъ подать вина и началъ пить мировую, а потомъ велѣлъ подать счетъ всему, что разорили его албанцы и тотчасъ далъ обѣщаніе заплатить за все втрое. Теперь, на мѣстѣ, гдѣ была Альба, видны только поросшіе сорной травой фундаменты печей и погребовъ—и все это мѣсто покрыто кустарниками.

Пересмотрѣвши архивныя бумаги и получивши списокъ названій бумагъ, пересланныхъ въ Берлинъ, я простился съ Несви-

---

[1]) Наежились волоса, правая нога выдвинулась впередъ, закрутилъ усы и сказалъ: „что это значитъ, Panie kochanku?“

[2]) Мировая.

жемъ и вернулся въ Петербургъ, а черезъ пятнадцать дней поѣхалъ въ Москву заниматься бумагами Архива иностранныхъ дѣлъ, относящимися къ эпохѣ паденія Польши. Я пробылъ въ Москвѣ половину осени, прилежно посѣщая архивъ и разсматривая въ немъ донесенія русскихъ пословъ: Штакельберга, Булгакова, Сиверса и Игельстрома, на что прежде пріобрѣлъ дозволеніе отъ канцлера, благодаря содѣйствію его товарища Вестмана. Запасшись всѣмъ, что мнѣ было нужно, я воротился домой и снова принялся за свою исторію, продолжая посѣщать какъ Публичную библіотеку, такъ и Литовскую Метрику и занимаясь тамъ дѣлами, относящимися къ Польшѣ описываемаго мною времени. Такъ прошла зима, которая въ Петербургѣ въ этотъ годъ отличалась рѣдкою суровостью: морозъ доходилъ до 30° градусовъ и ниже: летающія птицы погибали въ воздухѣ.

Весною 1868 года я на нѣсколько времени прервалъ свои занятія исторіею Польши, приготовляя къ печати для помѣщенія въ «Вѣстникѣ Европы» монографію о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго, составленную по дѣламъ московскаго архива и статью о первомъ раздѣлѣ церквей при патріархѣ Фотіѣ, написанную по поводу вышедшей тогда нѣмецкой книги Гергенретера. Обѣ статьи были помѣщены въ Вѣстникѣ Европы въ томъ же году.

Настало лѣто, замѣчательное по необыкновенному зною и удушливому воздуху, происходившему отъ дыма, долго распространявшагося по всему протяженію столицы отъ горѣвшихъ кругомъ лѣсовъ. Думая усиленно заниматься исторіей Польши, я не нанялъ себѣ дачи и оставался въ городѣ, чтобы постоянно пользоваться источниками, и мнѣ пришлось это лѣто перенести тяжелое состояніе. Въ сентябрѣ окончились пожары лѣсовъ и жители Петербурга избавились отъ зноя и дыма. Всю осень и слѣдующую зиму я посвящалъ свои занятія исключительно «Послѣднимъ годамъ Рѣчи Посполитой»; наконецъ, въ 1869 году приступилъ къ печатанію моей исторіи въ «Вѣстникѣ Европы». Оно тянулось цѣлый годъ и перешло еще въ слѣдующій. Въ этомъ году с.-петербургскій университетъ оказалъ мнѣ честь, удостоивъ принятіемъ въ число своихъ почетныхъ членовъ и ректоръ выдалъ мнѣ дипломъ на это званіе. Зимою съ 1869 на 1870 годъ меня пригласили читать публичныя лекціи русской исторіи въ клубѣ художниковъ. Не выходивши уже много лѣтъ въ публику, я принужденъ былъ побороть въ себѣ эту отвычку и это совершилось для меня не безъ труда. Лекціи мои, которыхъ числомъ было двадцать, сначала посѣщались большимъ стеченіемъ публики, но потомъ моя аудиторія ограничилась только тѣми, которые дѣйствительно имѣли умственный интересъ къ

наукѣ; впрочемъ, число такихъ постоянныхъ слушателей простиралось сотъ до четырехъ. Я успѣлъ прочитать половину русской исторіи до усиленія Московскаго Великаго Княжества и паденія удѣльнаго порядка, обращая преимущественно вниманіе на исторію церкви, умственной жизни, нравовъ, понятій и литературы. Въ то время какъ я читалъ эти лекціи, въ Кіевѣ, въ университетѣ св. Владимира опять порѣшили пригласить меня въ этотъ университетъ на каѳедру руской исторіи; состоялся единогласный выборъ и былъ представленъ на утвержденіе министра; но графъ Д. А. Толстой нашелъ болѣе удобнымъ оставить меня въ Петербургѣ при Археографической Комисіи и, не желая лишить меня тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми бы я воспользовался при поступленіи на каѳедру, исходатайствовалъ у Государя Императора мнѣ ежегодное содержаніе, равное окладу ординарнаго профессора. Это ходатайство графа Димитрія Андреевича было для меня истиннымъ благодѣяніемъ и внушило мнѣ чувство глубокой благодарности къ нему: во первыхъ, я получилъ возможность остаться въ столицѣ и имѣть подъ рукою болѣе средствъ для учено-литературной дѣятельности, составляющей цѣль и наслажденіе моей жизни, а во вторыхъ, я пріобрѣлъ постоянную поддержку своего матеріальнаго быта, что̀ освободило меня отъ необходимости быть въ постоянной зависимости и подчиненности отъ издателей и журнальныхъ редакторовъ.

Въ апрѣлѣ я окончилъ свой курсъ или, лучше сказать, половину курса публичныхъ лекцій по русской исторіи.

XIII.

Поѣздка въ Крымъ. Учено-литературные труды. Поѣздки съ археологическою и этнографическою цѣлью.

Въ іюнѣ я отправился въ Крымъ, гдѣ купался сначала въ Ѳеодосіи, потомъ въ Ялтѣ, въ Алупкѣ, въ Севастополѣ и наконецъ въ Евпаторіи. Посѣщеніе Севастополя произвело на меня потрясающее впечатлѣніе. Припоминая то время, когда я видѣлъ его еще населеннымъ и кипѣвшимъ жизнью городомъ, со множествомъ кораблей и судовъ, окруженнаго садами и рощами—теперь, въѣхалъ въ совершенныя развалины. Бывшая лучшею часть города представляла ряды домовъ и стѣнъ безъ кровлей, со слѣдами пушечныхъ выстрѣловъ. Не было и слѣда существовавшихъ прежде сухихъ доковъ; огромныя матросскія казармы на горѣ представляли громадную массу развалинъ. Въ городѣ только одна

часть югозападная нѣсколько начинала отстраиваться, но и тамъ торчало много непоправленныхъ домовъ. Первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Севастополь, было посѣтить Малаховъ курганъ, гдѣ изрытая земля свидѣтельствовала о недавно пронесшейся бурѣ, потрясавшей этотъ край. Множество пуль валялось еще по землѣ. Затѣмъ я посѣтилъ знаменитое стотысячное кладбище, гдѣ погребены массы защитниковъ Севастополя. Иныя могилы принадлежали единичнымъ лицамъ, съ надписями ихъ именъ;—на другихъ, огромныя плиты носили на себѣ вырѣзанное названіе «братская могила». Здѣсь тѣла убитыхъ сваливали вмѣстѣ, безъ гробовъ, въ одну яму. Все кладбище засажено молодыми айлантусами, еще не успѣвшими въ то время разростись. Только что достраивалась великолѣпная церковь, снаружи въ видѣ конусообразнаго памятника, а внутри представляющая ротонду въ старомъ византійскомъ вкусѣ, нѣсколько похожую на петербургскую греческую церковь—постройка чрезвычайно оригинальная: смотря на зданіе снаружи, никакъ нельзя предполагать такого устройства внутри.

Обращаясь отъ воспоминаній близкаго къ намъ времени къ болѣе давнимъ вѣкамъ, я ѣздилъ въ Херсонесъ и Инкерманъ. Въ Херсонесѣ замѣчательными показались мнѣ недавно откопанные мраморные фундаменты существовавшихъ тамъ нѣкогда православныхъ византійскихъ церквей и множество обвалившихся мраморныхъ колоннъ, пьедесталей и капителей. Въ монастырѣ, недавно тамъ заложенномъ, строилась церковь во имя св. Владимира и въ ней сдѣлано было каменное мѣсто въ видѣ бассейна: здѣсь, какъ догадывались, совершилось крещеніе великаго князя Владимира. Самая мѣстность Херсонеса довольно скучная и однообразная. Путь въ Инкерманъ совершилъ я на лодкѣ, сначала по бухтѣ, потомъ по Черной рѣчкѣ. Здѣсь замѣчательны пещеры въ горахъ; изъ нихъ одна, находящаяся противъ монастыря, на противоположномъ берегу Черной рѣчки, очень просторна, представляетъ большой идущій вверхъ корридоръ и приводитъ къ высѣченой въ горѣ комнатѣ съ фресками, свидѣтельствующими, что тамъ нѣкогда существовала церковь; другія, находящіяся на той сторонѣ Черной рѣчки, гдѣ монастырь, свидѣтельствуютъ о болѣе древнемъ бытѣ неизвѣстныхъ народовъ, обитавшихъ въ этомъ краѣ въ незапамятныя времена и, вмѣсто домовъ, укрывавшихся въ пещерахъ, высѣченыхъ въ каменныхъ горахъ. Ходъ въ послѣдняго рода пещеры очень затруднителенъ, потому что путешественнику приходится идти къ нимъ съ полъ-версты по узенькой тропинкѣ, на краю отвѣсной пропасти. Есть пещеры въ два яруса, съ внутренними каменными ступенями, ведущими изъ нижняго

яруса въ верхній. Инкерманскій монастырь устроенъ въ большой пещерѣ горы; изъ церкви, по узкой лѣстницѣ, идетъ выходъ на вершину горы, гдѣ видны развалившіяся стѣны древняго города, какъ полагаютъ, греческаго или еврейскаго. Изъ Севастополя я совершилъ путешествіе на перекладной въ Бахчисарай, осмотрѣлъ въ третій уже разъ въ жизни тамошній дворецъ и нашелъ въ немъ большую перемѣну противъ прежняго. Онъ носилъ слѣды опустошенія, такъ какъ во время крымской войны уже не сохранялся бережно, какъ дѣлалось прежде, но обращенъ былъ въ военный госпиталь. Изъ Бахчисарая отправился я верхомъ въ Чуфутъ-Кале, гдѣ уже прежде бывалъ въ 1841 году. Теперь это знаменитое жилище евреевъ незапамятной старины было совершенно пусто. Всѣ евреи въ недавнее время переселились оттуда въ разные крымскіе города; оставался на жительствѣ съ семьею одинъ только зять ученаго раввина Фирковича, обогатившаго Публичную Библіотеку множествомъ драгоцѣнныхъ рукописей. Зять Фирковича, живучи въ уединеніи, весь былъ обложенъ рукописями, и, принявши меня любезно, водилъ меня въ синагогу, показалъ старинную Библію, существующую уже много вѣковъ, водилъ въ пещеру, служившую когда-то тюрьмою, гдѣ видны были вбитыя въ стѣну кольца и на нихъ остатки цѣпей; потомъ показалъ памятникъ, построенный, по преданію, на могилѣ ханской дочери, убѣжавшей тайно отъ родителей съ однимъ чужеземцемъ и здѣсь застигнутой погонею: она, вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ, бросилась съ вершины горы и погибла. За исключеніемъ долины, гдѣ жилъ зять Фирковича, всѣ прочія строенія Чуфутъ-Кале представляли тякія же пустынныя развалины, какъ и Севастополь, хотя отъ другихъ причинъ: древнія еврейскія колоніи не разорялъ въ послѣднее время никакой непріятель, но сами обитатели покинули гнѣздо своихъ предковъ. Въѣздъ въ Чуфутъ-Кале ведется по краю такой ужасной пропасти, что нужно большой смѣлости, чтобы проѣхать мимо ее, не отворотивши отъ ней головы. Я возвратился изъ Чуфутъ-Кале другимъ спускомъ, идущимъ посреди такихъ же пещеръ какъ въ Инкерманѣ и также принадлежащихъ незапамятному доисторическому времени. Съѣхавши съ горы, я направился въ Іосафатову долину: такъ называется еврейское кладбище, очень древнее и обширное, обсаженное множествомъ вѣковыхъ деревьевъ. Здѣсь, въ числѣ памятниковъ, есть очень древніе. Одинъ изъ нихъ поставленъ въ годъ рожденія Іисуса Христа. На возвратномъ пути, заѣзжалъ я въ Успенскій монастырь, церковь котораго высѣчена въ горѣ; въ этомъ монастырѣ любопытны могильные памятники и камни, поставленные на мѣста погребенія христіанъ, которыхъ было много въ

Крыму уже во времена владычества татаръ и которыхъ потомки, умышленно оставленные въ крайнемъ невѣжествѣ, перешли въ мугамеданство. Келіи монашествующей братіи Успенскаго монастыря почти всѣ высѣчены въ скалѣ и для зрителя находящагося по другой сторонѣ оврага, представляются въ видѣ гнѣздъ ласточекъ, пріютившихся въ безъискуственномъ величавомъ зданіи, воздвигнутомъ самой природой.

Воротившись въ Бахчисарай, я снова поѣхалъ назадъ въ Севастополь и два раза присутствовалъ на очень любопытномъ добываніи затопленныхъ во время прошедшей войны корабельныхъ снастей и другихъ предметовъ. Занимающіеся этимъ промысломъ опускаютъ одного изъ своихъ товарищей на дно моря подъ воздушнымъ колоколомъ, образующимъ чехолъ или родъ шапки на его головѣ. Опущенный на дно видитъ тамъ все, что можетъ вытащить, а когда воздухъ, вдыхаемый имъ черезъ трубку, проведенную до поверхности воды, начинаетъ портиться, даетъ знать движеніемъ и тогда его поспѣшно поднимаютъ вверхъ. При мнѣ такимъ образомъ вытащено было нѣсколько мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, принадлежавшихъ къ устройству корабля.—Пребываніе въ Севастополѣ, продолжавшееся у меня десять дней, представляло мало удобствъ, такъ какъ недавно возобновленная гостинница не отличалась изобиліемъ и доброкачественностью своихъ матеріаловъ, по причинѣ необходимости доставлять все издалека. Когда я рѣшился уплывать изъ Севастополя въ Евпаторію, понадѣявшись на вывѣшенныя объявленія о прибытіи парохода изъ Ялты «Общества пароходства и торговли» на Черномъ морѣ, въ три часа пополудни, я поспѣшилъ расплатиться въ гостинницѣ и приказалъ нести свои вещи къ пристани, находившейся въ развалинахъ; но вмѣсто назначеннаго времени, я прождалъ пароходъ до шести часовъ слѣдующаго утра. Идти въ гостинницу было уже невозможно, потому что мой нумеръ, при моемъ выходѣ изъ него, былъ занятъ другимъ лицомъ—и мнѣ пришлось сидѣть нѣсколько часовъ подъ палящимъ солнцемъ, а потомъ ночевать на голомъ камнѣ подъ открытымъ небомъ. Когда я вступилъ на пароходъ и сталъ выговаривать капитану, что такая неакуратность наноситъ большія безпокойства пассажирамъ, онъ грубо отвѣтилъ мнѣ, что и за то пассажиры должны быть благодарны, что есть на чемъ плыть. Когда мы поплыли, я увидалъ, что пассажиры, заплатившіе заранѣе за мѣста въ первомъ классѣ, не находили тамъ пріюта и постелей по крайней тѣснотѣ и были принуждены либо уходить во второй классъ, либо размѣщаться на палубѣ. Никакихъ разговоровъ и объясненій отъ нихъ не хотѣли слушать.

Часа въ два мы прибыли въ Евпаторію. Я сошелъ на берегъ и чтобы не подвергнуться новой случайности, спросилъ капитана, долго ли пароходъ будетъ здѣсь стоять. Капитанъ грубо отвѣтилъ: «вамъ до этого нѣтъ дѣла, сколько захотимъ—столько и будемъ стоять». При самомъ сходѣ на берегъ, пассажировъ окружила наглая толпа цыганъ; они насильно выхватывали вещи и спѣшили ихъ нести неизвѣстно куда,—носильщики, занимавшіе эту должность отъ «Общества пароходства и торговли», отнимали у нихъ вещи и били ихъ самихъ. Пассажиры, въ недоумѣніи и въ незнаніи что̀ станется съ ихъ вещами, должны были дожидаться окончанія этой возмутительной борьбы.—Я рѣшился пробыть въ Евпаторіи дня два или три, чтобы познакомиться какъ съ городомъ, такъ и съ тамошнимъ купаньемъ и пріютился въ какомъ-то подобіи гостинницы, носившей громкое имя «Аѳины». Гостинницу эту содержалъ евпаторійскій грекъ. Комнаты были до крайности бѣдны и неопрятны, но кушанье хозяинъ давалъ вкусно изготовленное изъ свѣжихъ матеріаловъ и за умѣренную цѣну. Я пробылъ въ Евпаторіи трое сутокъ и ходилъ купаться по нѣсколько разъ въ день. Море на далекое пространство мелко и можно ходить далеко отъ берега, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ путь затрудняется морскими растеніями. Вообще, евпаторійское купанье хуже ѳеодосійскаго: лучше послѣдняго я не встрѣчалъ нигдѣ, ни у насъ, ни заграницею. Самый городъ Евпаторія заселенъ главнымъ образомъ караимами. Рынокъ евпаторійскій изобилуетъ громаднымъ складомъ всякаго рода мѣстныхъ плодовъ, но въ городѣ нѣтъ ни общественныхъ садовъ, ни деревьевъ, подъ которыми можно было бы укрыться отъ томительнаго зноя. Говорятъ, впрочемъ, что караимы, внутри своихъ дворовъ, разводятъ садики, но они составляютъ ихъ семейное достояніе. Караимы здѣсь, какъ и вездѣ въ Крыму, живутъ закрыто, но въ общемъ мнѣніи пользуются хорошею репутаціею и составляютъ совершенную противоположность евреямъ-талмудистамъ, въ народѣ называемымъ жидами. Караима въ Крыму никто не назоветъ жидомъ.

Послѣ краткаго обозрѣнія Евпаторіи, я отправился на пароходѣ въ Одессу, куда, послѣ небольшой качки, и прибылъ утромъ другого дня. Городъ Одесса, гдѣ я былъ назадъ тому 24 года, теперь показался мнѣ до того измѣнившимся, что едва можно было узнать въ немъ ту Одессу, которую я прежде видѣлъ. Вся она отстроена, какъ любой европейскій городъ; освѣщеніе газомъ не уступаетъ петербургскому, а мостовая лучше столичной. Ректоръ одесскаго университета Леонтовичъ, познакомившись со мною на пароходѣ во время плаванія въ Евпаторію, пригласилъ меня

помѣститься въ его квартирѣ въ зданіи университета, такъ какъ самъ онъ проводилъ лѣто на дачѣ. Посѣщая его дачу и другихъ знакомыхъ, жившихъ по дачамъ, я изумлялся чрезвычайной скудости растительности одесскаго климата: искуственные цвѣтники и тощіе кусты айлантуса да акацій составляли всю обстановку дачной жизни. Только дача графини Ланжеронъ, обычное общественное загородное гулянье на берегу моря, да нѣмецкая колонія Люстдорфъ, гдѣ, между прочимъ, устроено водолечебное заведеніе—нѣсколько живыя и сравнительно пріятныя мѣстности.——— Здѣсь все гоняется за личною выгодою; всѣ прежде всего думаютъ о наполненіи своего кармана; іудеи составляютъ самый сильный классъ общества, владѣя капиталами и торговлею. За ними стоятъ греки, неуступающіе іудеямъ въ меркантильности, но не въ силахъ будучи состязаться съ ними въ первенствѣ, остаются ихъ вѣчными непримиримыми врагами, и эта-то вражда разразилась тѣми бурными явленіями, которыя, недавно передъ тѣмъ, потрясали одесскія улицы и которыхъ возобновленія ожидали въ Одессѣ снова при первомъ удобномъ случаѣ.—По поводу безпрестанно томящаго жара въ лѣтнее время, Одесса живетъ и веселится только по ночамъ; весь приморскій бульваръ кишитъ разнородною толпою, которая наиболѣе стекается въ кондитерскія ѣсть мороженое, что̀ даетъ Одессѣ характеръ итальянскаго города.

Пробывъ недѣлю въ Одессѣ, я отправился въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ черезъ Кіевъ, въ которомъ остановился на сутки и, нанявъ извозчика съ шести часовъ утра до отхода желѣзнодорожнаго поѣзда, я объѣхалъ весь Кіевъ, захвативъ даже часть его окрестностей, и нашелъ его еще болѣе Одессы измѣнившимся послѣ того, какъ я оставилъ его назадъ тому 23 года. Изъ Кіева, нигдѣ не останавливаясь, я возвратился въ Петербургъ въ началѣ августа. Вскорѣ по возвращеніи домой, я получилъ ревматическую боль въ затылкѣ, которая съ тѣхъ поръ мучила меня почти два года, мѣшая много моимъ занятіямъ. Только въ свободные отъ этой боли часы, я могъ предаваться прежняго рода трудамъ. Въ это время я написалъ и помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» статью «Начало единодержавія въ древней Руси». Эта статья была сокращеніемъ мыслей, изложенныхъ въ болѣе подробномъ видѣ въ моихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ клубѣ художниковъ въ 1869-70 годахъ, и по своей задачѣ составляла какъ бы продолженіе статьи «О федеративномъ началѣ», появившейся нѣкогда въ «Основѣ». Я доказывалъ, что единодержавіе у насъ, какъ и вездѣ въ свѣтѣ, явилось вслѣдствіе факта завоеванія страны. Завоевателями нашими были татары—и первыми едино-

державными обладателями Русской Земли и ея народа были татарскіе ханы. Тогда, вмѣсто общиннаго стариннаго быта, непрекратившагося въ удѣльныя времена при князьяхъ Рюрикова дома и выражавшагося автономическимъ значеніемъ земель или городовъ, появился своеобразный феодализмъ. Съ паденіемъ могущества золотоордынскихъ хановъ, роль единодержавныхъ обладателей стала переходить на ихъ главнѣйшихъ подручниковъ—великихъ князей, которыми, по утвержденіи великокняжескаго достоинства въ Москвѣ, дѣлались одинъ за другимъ князья московскіе. разрушая феодальные элементы и сосредоточивая верховную власть въ однѣ руки. Я старался вывести характеръ московскаго владычества изъ самой исторіи его образованія.

Въ 1871 году я напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» три статьи. Первая изъ нихъ: «Исторія раскола у раскольниковъ» заключала разборъ неизвѣстнаго въ печати историческаго сочиненія Павла Любопытнаго. Въ этомъ разборѣ я избралъ себѣ задачею объяснить культурное значеніе великорусскаго раскола въ духовной жизни русскаго народа. Другая статья: «О личности Ивана Грознаго» написана по поводу рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина, гдѣ почтенный петербургскій профессоръ вознесъ царя Ивана до небесъ. какъ великаго человѣка. Тогда же напечатано было тамъ же разсужденіе «О личностяхъ Смутнаго времени». Въ этой статьѣ я указывалъ на то непріятное обстоятельство, что многія важнѣйшія личности знаменитѣйшаго періода нашей исторіи, какъ, напримѣръ: Михайло Скопинъ-Шуйскій, Мининъ и Пожарскій, представляются съ такими неясными чертами, которыя не позволяютъ историку уразумѣть и въ точности очертить ихъ характеры. Статья эта вооружила противъ меня Ивана Егоровича Забѣлина и дала поводъ, на его возраженіе, писать въ опроверженіе новую статью въ 1872 году. Г. Забѣлинъ сообщалъ такой взглядъ, что въ Россіи главную роль игралъ народъ всею своею массою, а не типичными личностями, и потому историку не нужно гоняться за отысканіемъ заслугъ отдѣльныхъ историческихъ лицъ. Собственно въ назидательномъ мнѣніи И. Е. Забѣлина я не нашелъ для себя ничего новаго или противорѣчащаго моимъ взглядамъ, много разъ мною уже заявленнымъ и въ особенности сказывающимся въ сочиненіи моемъ «Смутное время Московскаго Государства», но г. Забѣлинъ какъ будто не хотѣлъ обратить вниманіе на главную мысль моей статьи, именно на то, что источники, по своей скудости или краткости, представляютъ мало чертъ для уразумѣнія характеровъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ самъ признаетъ важными дѣятелями. Впослѣдствіи на меня началъ за то же нападать въ московскихъ

газетахъ и Погодинъ, но послѣдній прямо хотѣлъ доказать, что личности, за которыми я признавалъ неясность по источникамъ, напротивъ, очень ясны, и при этомъ приводилъ разныя лѣтописныя похвалы, желая показать, что это именно тѣ черты, въ которыхъ я, какъ бы преднамѣренно, не усматривалъ никакихъ характеровъ. Возраженія Погодина отзывались устарѣлостью, такъ какъ, при современномъ состояніи науки, всякій занимающійся ею легко могъ понять, что чертами характеровъ нельзя называть похвалы лѣтописцевъ, расточаемыя обыкновенно по общимъ предвзятымъ для всѣхъ пріемамъ. Извѣстно, что лѣтописецъ о рѣдкомъ старинномъ нашемъ князѣ не наговоритъ нѣсколько лестныхъ словъ въ похвалу его добродѣтелямъ, но приводитъ обыкновенно такія черты, которыя не представляютъ ничего присущаго отдѣльному лицу, независимо отъ нравовъ того времени.

Съ половины 1871 года я принялся за большой трудъ—писать сочиненіе «Объ историческомъ значеніи русскаго пѣсеннаго народнаго творчества». Это было расширеніе того давняго моего сочиненія, которое нѣкогда служило мнѣ магистерской диссертаціей. Въ 1872 году я началъ помѣщать его въ московскомъ журналѣ «Бесѣда», издаваемомъ Юрьевымъ, но печальная судьба этого журнала, присужденнаго, по независящимъ отъ редакціи причинамъ, прекратить преждевременно свое существованіе, лишила меня возможности окончить печатаніе моего труда. Я успѣлъ выпустить въ свѣтъ только черты древнѣйшей русской исторіи до козацкаго періода южно-русской половины, насколько она выразилась въ народной пѣсенности.

Въ томъ же 1871 году, въ Петербургѣ отправлялся второй археологическій съѣздъ, на которомъ я былъ депутатомъ отъ Археографической Комисіи, но лично не принималъ въ немъ никакого участія своими рефератами. Въ 1872 году, продолжая въ «Бесѣдѣ» печатаніе моего сочиненія о русской пѣсенности, я началъ писать статью: «Преданія первоначальной русской лѣтописи», стараясь доказать, что на событія русской исторіи, до сихъ поръ считаемыя фактически достовѣрными, надобно смотрѣть болѣе какъ на выраженіе народной фантазіи, облекшейся въ представленія о фактахъ, долго признаваемыхъ на самомъ дѣлѣ случившимися.

Въ маѣ, по приглашенію нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ Малороссіи, я отправился въ кіевскую губернію съ цѣлью осмотрѣть нѣсколько мѣстностей, имѣвшихъ значеніе въ исторіи козачества и которыхъ мнѣ не удалось видѣть прежде. Собравшись вмѣстѣ съ малорусскимъ этнографомъ Павломъ Платоновичемъ

Чубинскимъ, я посѣтилъ Корсунь, гдѣ, кромѣ прекраснаго сада, принадлежавшаго князю Лопухину, осмотрѣлъ знаменитый «Ризаный яръ», или какъ нѣкогда онъ назывался «Крутую балку»— мѣсто пораженія, нанесеннаго Богданомъ Хмельницкимъ 16 мая 1648 года польскому войску, бывшему подъ начальствомъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго. И теперь еще, глядя по долинѣ вдоль ея, можно замѣтить проведенную на скатѣ горы линію, ясно свидѣтельствующую о томъ, что здѣсь былъ сдѣланъ обломъ горы съ намѣреніемъ прекратить путь польскому обозу. Поляки, уходя отъ преслѣдовавшихъ ихъ козаковъ и татаръ, наткнулись невзначай на это роковое для нихъ мѣсто и множество ихъ возовъ попадало въ оврагъ, устроенный заранѣе козаками, высланными Хмельницкимъ, руководившимъ этою военною хитростію. Польская конница, увидя на пути своемъ неожиданную пропасть, пустилась въ разсыпную вправо и влѣво вдоль горы, гонимая козаками и татарами. Оба гетмана и другіе знатные паны захвачены были въ своихъ каретахъ. Мѣстоположеніе въ то время было лѣсистое и теперь еще, вправо, есть нестарые остатки лѣса, среди которыхъ торчатъ огромные пни прежнихъ деревъ. Село Гроховцы, откуда, какъ говорятъ современники, вышли поляки, приближаясь къ роковому мѣсту своего пораженія, теперь уже не существуетъ и имя его не сохранилось въ народной памяти. Въ самомъ мѣстечкѣ Корсунѣ есть слѣды стариннаго козацкаго города съ окопами. Въ домѣ князя Лопухина сохраняется нѣсколько древнихъ вещей, выкопанныхъ въ Корсунѣ и его окрестностяхъ. Между ними есть остатки оружія и сбруи, найденныхъ въ «Ризаномъ яру», несомнѣнно принадлежавшихъ разбитымъ въ этомъ мѣстѣ полякамъ. Изъ Корсуня мы ѣздили въ монастырь, отстоящій отъ мѣстечка въ нѣсколькихъ верстахъ—тотъ самый, гдѣ Юраско Хмельницкій принялъ постриженіе въ монашество. Въ этомъ монастырѣ нѣтъ ничего древняго; церковь и келіи деревянныя, недавней постройки. Вся дорога къ Корсуню идетъ по берегу рѣки Роси, гдѣ встрѣчается множество старыхъ городищъ и кургановъ, еще не обслѣдованныхъ археологіей. Затѣмъ совершена была нами поѣздка въ монастыри Мошнинскій и Виноградскій; послѣдній расположенъ въ очень красивой рощѣ и хотя не имѣетъ никакихъ старыхъ вещей, но архимандритъ его сообщилъ мнѣ кучу письменныхъ пергаменныхъ и бумажныхъ документовъ, которые, впрочемъ, были уже недавно напечатаны въ небольшой брошюрѣ, изданной монастырскими средствами.

Послѣ этихъ осмотровъ, мы направились къ Чигирину, осмотрѣли

Лебединскій монастырь, прежде бывшій мужскимъ, а теперь перестроенный въ женскій, проѣхали черезъ мѣстечко Жаботинъ, гдѣ до сихъ поръ показываютъ хату сотника Харька, убитаго поляками передъ началомъ возстанія малоруссовъ, извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ Коліивщины или уманской рѣзни. Изъ Жаботина мы пріѣхали въ Матронинскій монастырь, пріобрѣвшій громкую извѣстность въ XVIII вѣкѣ, какъ дѣятельностію своего архимандрита Мельхиседека, такъ и козацкимъ возстаніемъ, которымъ руководилъ бывшій послушникъ этого монастыря Максимъ Зализнякъ. Матронинскій монастырь, съ его деревянною церковью и деревянными келіями, помѣщается въ большомъ лѣсу, который надобно проѣхать на протяженіи восьми верстъ прежде чѣмъ добраться до монастыря. Въ этомъ лѣсу видны два высокихъ вала, одинъ за другимъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ между собою, обходящихъ кругомъ пространство, въ которомъ заключается, посреди лѣсной заросли, монастырское строеніе. Пріѣхавши въ монастырь, я, въ сопровожденіи одного монаха, отправился за версту отъ монастыря въ лѣсное ущеліе, называемое «Холодный яръ». Здѣсь была стоянка гайдамаковъ, собиравшихся учинить возстаніе народа противъ Польши. На ямы, которыми изрыта вся эта мѣстность, указываютъ какъ на остатки пещеръ, въ которыхъ скрывались гайдамаки. Архимандритъ показалъ мнѣ въ келіи портретъ Максима Зализняка, въ званіи послушника Матронинскаго монастыря, съ коротенькою «люлькою» въ зубахъ—и сверхъ того показалъ мнѣ нѣсколько золотыхъ и серебренныхъ монетъ, выкопанныхъ въ валу, окружающемъ монастырь. Монеты эти византійскія, первыхъ вѣковъ существованія Византійской Имперіи. Онѣ заставляютъ предполагать, что въ эти далекія времена, на мѣстѣ, окаймленномъ одинъ за другимъ валами, существовало поселеніе, входившее въ торговыя связи съ византійскимъ міромъ. Не дурно было бы, если бы археологія наша обратила вниманіе на этотъ любопытный уголокъ. Изъ Матронинскаго монастыря мы отправились въ Суботово—мѣстопребываніе Богдана Хмельницкаго, имѣвшаго тамъ хуторъ, изъ за котораго вспыхнуло возстаніе, освободившее козаковъ отъ польскаго панства. На дорогѣ, мы посѣтили Медвѣдовскій монастырь, къ которому гетманъ Богданъ Хмельницкій питалъ особое уваженіе и гдѣ погребенъ былъ его сынъ Тимоѳей, но не нашли тамъ архимандрита и ничего не видали, хотя, судя по разсказамъ, намъ и не пришлось бы ничего особеннаго увидѣть. Въ Суботовѣ мы пристали къ почтенному и доброму священнику, отцу Роману, который издавна пользуется большою любовью прихожанъ и найлучшею репутаціею въ окрестно-

стяхъ. Въ его очень чистенькомъ домикѣ, первый предметъ, попавшійся намъ на глаза, былъ портретъ Богдана Хмельницкаго. Противъ самаго домика священника увидали мы деревянную церковь троечастную, какъ большею частію строились старинные малорусскіе храмы. Изъ оконъ его домика виднѣлись на холмѣ бѣлыя стѣны другой церкви, которой архитектура нѣсколько напоминала римско-католическіе костелы въ этомъ краѣ. То была церковь, построенная самимъ Богданомъ и послужившая временнымъ мѣстомъ его погребенія. Отецъ Романъ повелъ насъ въ эту церковь. Она невелика, сдѣлана четвероугольникомъ, съ небольшими узкими окнами и необыкновенно толстыми стѣнами, въ срединѣ которыхъ проведены каменныя лѣстницы, ведущія на хоры. Внутри этой церкви, на правой сторонѣ, прибита доска съ надписью, гласившею, что здѣсь было погребено въ 1657 году тѣло гетмана Богдана Хмельницкаго, выброшенное изъ могилы на поруганіе псамъ польскимъ полководцемъ Чарнецкимъ въ 1664 году. Недалеко отъ церкви можно видѣть фундаменты построекъ, составлявшихъ дворъ Хмельницкаго. Теперь остались только развалины погребовъ, но священникъ сообщалъ намъ, что лѣтъ около двадцати назадъ, здѣсь стояли еще довольно высокія стѣны, разобранныя впослѣдствіи крестьянами на свои домашнія нужды въ разныя времена. Близъ самаго мѣста построекъ находится оврагъ, образовавшійся полою водою, а въ глубинѣ этого оврага идетъ дорога. Образованіе этого оврага и проведеніе по немъ дороги способствовали искаженію двора Хмельницкаго. Разговорившись съ тамошними крестьянами, я услыхалъ отъ одного изъ нихъ разсказъ о томъ, какъ Хмельницкій отнялъ у Барабаша привилегію. Разсказъ этотъ носитъ ту же редакцію, какая напечатана въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша. По словамъ этого крестьянина, «Хмельницкій бувъ князь и гетьманъ на всю Украину, большой врагъ пановъ и жидовъ; какъ увидитъ гдѣ жида, сейчасъ велитъ поймать его и прибить гвоздемъ ермолку къ его головѣ, а панамъ, которыхъ приводили къ нему козаки, Хмельницкій приказывалъ рубить головы около «каменной бабы», которая стоитъ на улицѣ, на дорогѣ, ведущей отъ деревянной церкви къ каменной. У Хмельницкаго голосъ былъ такой громкій, что, бывало, выйдетъ на крыльцо своего дома и увидѣвъ съ него козаковъ, косившихъ сѣно на лугу за Тясьминомъ версты за три, крикнетъ: «хлопци, идить горилку пить, жинка вже борщу наварила»;—козаки слышатъ его, покидаютъ работу и спѣшатъ къ его дому». О сынѣ Хмельницкаго Юріѣ сохранилось преданіе, что «онъ принялъ бусурманскую вѣру и навелъ турокъ на Украину;

когда они подошли къ Суботову, турецкій паша сказалъ Юрію: если ты насъ не обманываешь и на самомъ дѣлѣ сталъ человѣкомъ нашей вѣры, то выстрѣли изъ пушки и сбей крестъ съ той церкви, которую твой батько построилъ. Хмельницкій такъ сдѣлалъ, и турецкое ядро ударило прямо въ крестъ суботовской церкви. За это Богъ сказалъ съ небеси: Юрашко, за такое дѣло земля тебя не приметъ и будешь ты ходить по землѣ до скончанія вѣка, до страшнаго суда, и съ тѣхъ поръ Юрашко Хмельницкій скитается по землѣ, и чумаки его видѣли». О времени, когда жили Хмельницкіе, у народа сохранились сбивчивыя понятія: смѣшивается эпоха Хмельницкаго съ близкою для народа эпохою паденія Польши. Разсказываютъ, что «поляки стали жестоко стѣснять православный народъ и дѣлать надъ нимъ разныя пакости: остригали дѣвокъ и изъ косъ ихъ дѣлали возжи; изъ церковныхъ ризъ дѣлали попоны, а церковными восковыми свѣчами погоняли лошадей; когда же православные поднимали ропотъ, то поляки устраивали надъ ними такого рода истязанія: ставился у пана деревянный столбъ со ступенями, одна выше другой; поставятъ человѣка къ ступени, привяжутъ къ столбу и въ такомъ положеніи оставляютъ на долгое время, такъ что стоящіе вверху принуждены испускать нечистоты на головы поставленныхъ ниже. Наконецъ, когда не стало терпѣнія, православные отправили къ царицѣ одного архимандрита просить, чтобы царица заступилась за нихъ и взяла ихъ край отъ Польши. У царицы былъ тогда любимецъ Потёмка. Сперва онъ заступался за народъ, а потомъ отдалъ дочь свою за польскаго пана Браницкаго и сталъ мирволить полякамъ. Тогда за народъ заступились генералы Чорба и Хмельницкій. Хмельницкій ѣздилъ къ польскому королю и выпросилъ у него бумагу; но одинъ козацкій чиновникъ, пріятель Потёмки, укралъ у него эту бумагу и держалъ у себя». Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о похищеніи привилегіи и бѣгства Хмельницкаго въ Запорожскую Сѣчь. Далѣе: «генералъ Чорба вызвалъ Потёмку на поединокъ; оба стали на двухъ могилахъ (курганахъ); выстрѣлилъ Потёмка и убилъ Чорбу, но въ то же время успѣлъ выстрѣлить и Чорба; Потёмка забѣжалъ далеко, въ Херсонъ, и тамъ превратился въ мѣдную статую. Ѣздили въ Херсонъ чумаки и сами видали—стоитъ тамъ мѣдный Потёмка до сихъ поръ,—а Хмельницкій побилъ ляховъ и сталъ княземъ на всю Украину—и ничего съ нимъ царица не могла сдѣлать. Что ни пошлютъ противъ него москалей, онъ перехитритъ ихъ, не допуститъ до себя, разобьетъ и прогонитъ, а кого въ плѣнъ возьметъ—въ тюрьмѣ держитъ. И таковъ былъ онъ до

смерти. Потомъ уже сынъ его передался туркамъ и поступилъ въ турецкую вѣру». Такіе сбивчивые слухи сохранились о Хмельницкомъ на его родинѣ.

Изъ Суботова мы отправились въ Чигиринъ. Трудно представить себѣ городъ съ болѣе красивымъ мѣстоположеніемъ. Онъ лежитъ на самомъ берегу Тясьмина, а надъ нимъ возвышаются живописныя разнообразныя горы. На этихъ горахъ видны остатки стараго замка и во многихъ мѣстахъ—слѣды земляныхъ рвовъ и окоповъ — свидѣтельство той эпохи, когда Чигиринъ, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, выдерживалъ два нападенія отъ турокъ. Самый городокъ сохраняетъ чисто-малорусскій характеръ. Въ немъ нѣтъ ни одного поляка и очень мало іудеевъ. У жителей замѣтна особая любовь къ садамъ, которыхъ здѣсь изобиліе; домики чистые и отзываются сельскою простотою. Какъ въ Чигиринѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, выкапываютъ много бронзовыхъ стрѣлокъ, памятниковъ доисторической старины. Вся околица покрыта множествомъ большихъ и малыхъ кургановъ, придающихъ краю своеобразный поэтическій видъ. Изъ Чигирина я выѣхалъ на станцію Знаменку и оттуда, по желѣзной дорогѣ, безъ остановки пустился до Петербурга. На пути между Москвою и Петербургомъ ночью, въ то время какъ я заснулъ, отворенныя окна вагона надѣлали сквозного вѣтру, который мгновенно возобновилъ въ моемъ затылкѣ прежніе припадки боли. По пріѣздѣ домой, я почти цѣлый мѣсяцъ чувствовалъ усиленіе этой боли, стараясь облегчать свои страданія холодными купаньями и компрессами. Занятія мои пошли слабѣе. Такъ всегда дѣлалось со мною въ эпоху моей петербургской жизни. Разные газетные нападки и всякаго рода печатныя и словесныя клеветы мало меня раздражали и, вообще, почти не мѣшали ходу моихъ ученыхъ и литературныхъ занятій; но нервныя боли, проявлявшіяся прежде, какъ и теперь, преимущественно головными и глазными страданіями, составляли для меня постоянное несчастіе. Я чувствовалъ, что подъ гнетомъ этихъ болей, мои умственныя силы ослабѣвали, пропадала энергія, мучило невольное бездѣйствіе, а если бралъ надъ собою волю, то это стоило мнѣ большихъ усилій, и я сознавалъ, что физическія страданія отпечатлѣвались на моихъ произведеніяхъ, а перо мое дѣлалось вялымъ, — по крайней мѣрѣ, какъ я чувствовалъ, лишено было той живости, какую имѣло бы при болѣе нормальномъ состояніи моихъ тѣлесныхъ силъ. Еще болѣе наводила на меня страхъ и уныніе грустная мысль, что въ будущемъ я долженъ ожидать себѣ худшаго состоянія и быть лишеннымъ зрѣнія, а съ нимъ и возможности заниматься наукою, тогда какъ

занятіе это стало для меня необходимымъ какъ воздухъ. Въ іюлѣ я ѣздилъ постоянно на дачу въ Ораніенбаумъ, гдѣ надѣялся, что купанье тамъ будетъ лучше, но очень ошибся, такъ какъ дно моря въ Ораніенбаумѣ оказалось очень мелко. Здѣсь любимымъ мѣстомъ моихъ уединенныхъ прогулокъ былъ полуразрушенный дворецъ, построенный Петромъ III, гдѣ этотъ государь думалъ-было защищаться, но потомъ бѣжалъ оттуда въ Кронштадтъ. Дворецъ этотъ двухъ-этажный и стоялъ въ то время совершенно покинутымъ. Внутри его полы были сняты, лѣстницы разломаны, стекла выбиты. Такое состояніе разрушенія имѣло для меня что-то привлекательное и я по цѣлымъ часамъ просиживалъ тамъ съ книгою въ рукахъ, или даже безъ книги, съ думами о прошедшемъ.

XIV.

Премія. Глазная болѣзнь. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ. Поѣздка въ Екатеринославъ и Кіевъ.

Въ сентябрѣ 1872 года мнѣ была присуждена премія за мое сочиненіе «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Еще въ концѣ прошлаго года я представилъ его въ Академію Наукъ для соисканія преміи. Академія поручила составить разборъ моего сочиненія Иловайскому. Д. И. Иловайскій, писавшій самъ уже послѣ меня о той же эпохѣ, къ которой относилось мое сочиненіе, присудилъ мнѣ малую премію. Не вполнѣ-довольная рецензіей Иловайскаго, академія отправила мое сочиненіе для новаго разбора марбургскому ученому, профессору Герману, автору Исторіи Россіи, писанной на нѣмецкомъ языкѣ, но владѣющему хорошо русскимъ языкомъ. Тогда многіе, услыхавши объ этомъ, находили такой поступокъ академіи какъ бы унизительнымъ для русской науки. Значило, какъ будто, что въ Россіи нѣтъ ученыхъ, способныхъ оцѣнить трудъ, предлагаемый на соисканіе преміи. Иные предсказывали, что нѣмецкій ученый умышленно не признаетъ достойнымъ русскаго сочиненія. Разборъ моего сочиненія, составленный Германомъ, былъ присланъ въ академію. Нѣмецкій ученый не только не руководствовался какими-нибудь предубѣжденіями противу русскаго ума, но оказался ко мнѣ внимательнѣе самого Иловайскаго — русскаго человѣка: Германъ присудилъ мнѣ за сочиненіе большую премію. Однако академія разсудила не дать ее мнѣ, а наградить малою, на томъ основаніи, что въ то время было представлено на соисканіе премій нѣсколько со-

чненій, признанныхъ достойными малой преміи, но какъ всѣхъ удовлетворить было невозможно, по недостатку суммъ, то и положили отнять у меня двѣ трети суммы, слѣдуемой мнѣ по приговору Германа. Сверхъ того, принималось во вниманіе, какъ мнѣ лично сказали въ академіи, и то, что я человѣкъ безсемейный и бездѣтный, а слѣдовательно ненуждающійся въ средствахъ, которыя болѣе необходимы для людей, обремененныхъ семействомъ. Надобно было, скрѣпя сердце, повиноваться, но по внутреннему убѣжденію, я не могъ согласиться съ справедливостію такихъ воззрѣній. Если не доставало денегъ для вознагражденія другихъ лицъ малыми преміями, то отсюда не вытекала необходимость вознаграждать ихъ на мой счетъ. Что же касается до принятія во вниманіе семейныхъ дѣлъ особъ, подающихъ сочиненія на премію, то ясно, что академія не можетъ быть благотворительнымъ заведеніемъ, и правила раздачи премій установлены вовсе не въ видахъ благотворительности: академіи надлежало цѣнить прямо одно лишь сочиненіе, а не семейную обстановку автора. Цѣль, съ какою установлено давать большія и малыя преміи, совершенно нарушается такими взглядами: всегда есть возможность явиться въ изобиліи сочиненіямъ, достойнымъ малыхъ премій—и если, для удовлетворенія ихъ авторовъ, признается необходимымъ отнимать двѣ трети большой преміи у того, кто заслужилъ ее, то не слѣдовало и установлять большой преміи. Да и самая благотворительность Академіи Наукъ можетъ быть несостоятельна: ученый, имѣющій большое семейство, можетъ нуждаться гораздо менѣе ученаго одинокаго, если имѣетъ взрослыхъ дѣтей, совершенно пристроенныхъ и помогающихъ родителю своими трудами или своими личными средствами къ содержанію; ученый семейный можетъ, при счастливой семейной жизни, обладать хорошимъ здоровьемъ,—а ученый одинокій можетъ, при своихъ трудахъ и безотрадной жизни, разстроить свое здоровье и потерять зрѣніе, не имѣя ни въ комъ поддержки. Наконецъ часто ученый-семейный можетъ владѣть имуществомъ, превосходящимъ состояніе ученаго одинокаго. Не входя въ объясненія съ академіей по этому предмету, я получилъ малую премію, съ полною рѣшимостію никогда уже не представлять на преміи моихъ сочиненій въ то учрежденіе, которое, въ раздачѣ премій, не сообразуется съ приговоромъ лицъ, которымъ довѣряло разборъ сочиненій, а руководствуется особыми, никѣмъ офиціально не установленными взглядами, невыраженными въ правилахъ о преміяхъ.

Въ октябрѣ я отправился въ Москву для осмотра малорусскихъ бумагъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Около мѣсяца раз-

сматривалъ я эти бумаги и, выбравши изъ нихъ то, что по моимъ соображеніямъ годилось къ ближайшему напечатанію въ «Актахъ Южной и Западной Россіи», указалъ все это къ пересылкѣ по почтѣ въ Археографическую Комисію. Когда я воротился въ Петербургъ и за мною вслѣдъ присланы были въ Комисію эти отобранныя бумаги, я предпринялъ составить по нимъ монографію о гетманствѣ Дорошенка, которая составляла бы продолженіе тѣхъ монографій, какія были уже написаны мною по исторіи Малороссіи. Я надѣялся мало-по-малу написать такимъ образомъ всю исторію Малороссіи, обработывая ее по періодамъ. Теперь очередь была за эпохою Дорошенка, и я принялся приводить въ порядокъ и изучать добытые мною источники.

Въ это время, въ отчетѣ Академіи Наукъ, былъ напечатанъ составленный Германомъ разборъ моего сочиненія «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Изъ отчета было видно, что академія посылала на просмотръ нѣмецкому ученому рецензію, написанную на мое сочиненіе Иловайскимъ. Германъ отвергъ эту рецензію и не соглашался съ замѣчаніями Иловайскаго. Нѣмецкій ученый, знающій хорошо русскій языкъ, въ рецензіи своей сознавался, что не зная польскаго языка, не въ состояніи провѣрить моего способа обращенія съ польскими источниками, особенно тѣми, которые лежали въ рукописяхъ въ петербургскомъ и московскомъ архивахъ. Относительно моихъ взглядовъ, Германъ находилъ у меня нѣкоторую долю русскаго патріотизма, помѣшавшую мнѣ съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись къ польскимъ событіямъ. Между прочимъ почтенный нѣмецкій ученый заявляетъ свое несогласіе относительно моего взгляда на конституцію 3-го мая и на Тарговицкую конфедерацію. Въ этомъ случаѣ я готовъ поспорить съ достоуважаемымъ профессоромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ конституціи 3-го мая находятся черты, вполнѣ заслуживающія сочувствія и, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, онѣ могли бы принести хорошіе плоды, но историкъ не долженъ останавливаться надъ тѣмъ, что могло бы выйти, еслибы обстоятельства сложились иначе, а долженъ имѣть въ виду состоятельность или несостоятельность учрежденій при тѣхъ обстоятельствахъ, какія дѣйствительно сложились въ исторіи. Съ другой стороны не слѣдуетъ черезъ-чуръ обвинять членовъ Тарговицкой конфедераціи за то, что ихъ дѣйствія оказались пагубными: они были дѣти своего вѣка, выступали на историческое поприще съ понятіями, усвоенными изъ поколѣнія въ поколѣніе. Былъ ли виноватъ полякъ въ томъ, что, считая республику лучшимъ учрежденіемъ въ мірѣ, понималъ ее въ томъ образѣ, въ какомъ видѣлъ

съ дѣтства и въ какомъ научился понимать отъ своихъ родителей и наставниковъ? Въ концѣ XVIII вѣка люди еще не доросли до сознанія той истины, что тѣ или другія политическія формы сами по себѣ не важны, а ихъ хорошія или дурныя послѣдствія зависятъ отъ степени нравственнаго и умственнаго развитія общества. Идеи французской революціи, провозгласившія великую и святую истину равенства всѣхъ людей предъ закономъ, въ то время еще нигдѣ не понимались. Всѣ правительства Европы, боясь страшнаго пугала якобинства, прилагали всѣ старанія не допустить въ управляемыхъ ими обществахъ господства этихъ идей тѣмъ болѣе, что это господство представлялось какъ бы связаннымъ съ господствомъ безбожія и уничтоженія положительной религіи. Удивительно ли, что воспитанные въ строго-католическомъ духѣ польскіе паны боялись того же, а при долговременной политической своей невоспитанности, простодушно повѣрили въ искренность монарховъ, поддерживающихъ старое республиканское правленіе въ Польшѣ. Наконецъ даже тѣ изъ нихъ, которые дѣйствовали съ явными видами удовлетворенія личныхъ выгодъ и тщеславія—предъ историческимъ судомъ находятъ для себя извѣстную долю оправданія въ недостаткѣ воспитанія и господствѣ общественныхъ предразсудковъ своего времени. То же остается мнѣ сказать и относительно того взгляда на національный характеръ поляковъ, въ чемъ меня упрекалъ не только Германъ, но и нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ. Указывая на тѣ черты польскаго характера, съ которыми явилась польская жизнь въ своей исторіи, я не смотрѣлъ и не смотрю на этотъ характеръ, какъ на что-то свыше опредѣленное судьбою, а какъ на результатъ тѣхъ явленій исторической жизни, которыя сложились въ незапамятной древности и не могутъ быть обслѣдованы мною при недостаткѣ источниковъ. Если кто другой найдетъ возможнымъ ихъ обслѣдовать—тѣмъ лучше. Одно только я принимаю во вниманіе и намѣчаю себѣ для будущей переработки моего труда, если доживу до возможности этой переработки: это то, что многое составлявшее какъ бы отличительныя черты польской общественной жизни, не принадлежало исключительно Польшѣ, а составляло достояніе всей Европы въ прошлыя времена; но и тутъ всѣ такіе общіе признаки выражались въ каждой странѣ съ чертами, ей одной свойственными. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстное порабощеніе простого класса народа въ Польшѣ, въ сущности своей, не составляло исключительной принадлежности польской націи: тѣ же начала мы видимъ и въ другихъ странахъ Европы, а только въ Польшѣ, при ея республиканскомъ образѣ правленія, эти начала

принесли своеобразные и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь печальные плоды. Наконецъ уродливое безобразничанье и самодурство, которыми такъ отличались польскіе паны стараго времени, нельзя въ принципѣ приписывать характеру однихъ поляковъ и условіямъ ихъ общественной жизни, потому что подобныхъ чертъ можно легко отыскать и въ тогдашней Германіи въ бытѣ тамошнихъ князей и рыцарей, только въ Польшѣ менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь было удержу необузданнымъ выходкамъ зазнавшагося привилегированнаго сословія.

Въ декабрѣ 1872 года у меня начали болѣть глаза, а докторъ, къ которому я обратился, не зная моей мнительности, до того напугалъ меня, что я впалъ въ уныніе, покинулъ работу за Дорошенкомъ и долго не могъ ни за что приняться. Глазамъ моимъ отъ напряженія дѣлалось все хуже и хуже. Другіе врачи сказали мнѣ, что единственнымъ спасеніемъ моимъ отъ слѣпоты будетъ, если я на продолжительное время стану воздерживаться не только отъ разбора старыхъ бумагъ, но даже и вовсе отъ чтенія и письма. Я чувствовалъ въ глазахъ страшную ломоту, доводившую меня иногда до крика; боли усиливались по вечерамъ, когда нужно было употреблять свѣчи—лампы уже давно стали невыносимы для моихъ глазъ. При такомъ состояніи моего зрѣнія, при боляхъ, невозможность предаваться любимымъ трудамъ по изслѣдованію занимавшими меня научными вопросами, повергала меня въ сильнѣйшую тоску, окончательно разбившую мою нервную систему. Я положительно пропадалъ отъ бездѣйствія. Тогда, по совѣту многихъ знакомыхъ, я рѣшился приняться за составленіе «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», предназначая эту исторію для популярнаго чтенія. Мысль эта уже много разъ и прежде была настойчиво сообщаема мнѣ знакомыми, но я не поддавался ей, будучи постоянно увлекаемъ другими вопросами отечественной исторіи. Теперь, по причинѣ рѣшительной невозможности заниматься чтеніемъ источниковъ и вообще тою подготовительною работою, какой требуютъ новые научные историческіе труды, я рѣшился послѣдовать внушаемому мнѣ намѣренію и приступилъ къ составленію «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ»: отдаленные періоды русской исторіи, съ ея дѣятелями, были уже во многихъ частяхъ изучены мною при отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, и потому предпринимаемая задача не представлялась трудною и безпокойною для моихъ нервовъ. Для сбереженія глазъ, я пригласилъ жену моего бывшаго пріятеля г-жу Бѣлозерскую читать мнѣ вслухъ мѣста, которыя я укажу въ источникахъ и писать текстъ по моей диктовкѣ. Ея

сестра, г-жа Кульжинская, изъявила желаніе быть издательницею моей Исторіи. Такимъ образомъ я принялся за трудъ, подходившій къ тому состоянію зрѣнія, въ какомъ оно у меня находилось. Въ маѣ 1873 года былъ уже готовъ первый выпускъ моей Исторіи. Отдавши ее въ печать, я тотчасъ же принялся за другой и тѣмъ же способомъ работалъ надъ нимъ.

Между тѣмъ, на короткое время, я обратился снова къ эпохѣ Смутнаго времени. Появившаяся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» статья Е. А. Бѣлова силилась доказывать, что царевичъ Димитрій не былъ никѣмъ умерщвленъ, а дѣйствительно самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни, какъ показывается въ слѣдственномъ дѣлѣ, которое послѣ его смерти производилъ въ Угличѣ князь Василій Шуйскій. Статья Бѣлова представляла новую попытку вносить въ исторію Смутнаго времени парадоксальныя понятія и я счелъ нужнымъ опровергнуть ее и разобралъ слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, чтобы показать несостоятельность вытекающихъ изъ него заключеній. По мнѣнію, которое я изложилъ въ тогдашней своей статьѣ, царевичъ Димитрій былъ несомнѣнно убитъ, но дѣйствительно ли Годуновъ давалъ приказаніе убить его, или его клевреты заблагоразсудили сами угодить ему втайнѣ и совершили убійство безъ его приказа, но съ явнымъ сознаніемъ, что совершонное ими злодѣяніе будетъ ему пріятно и полезно—это остается въ неизвѣстности. Что же касается до производства слѣдствія Шуйскимъ, то этотъ князь собственно и не могъ по слѣдствію отыскать убійцъ Димитрія: ихъ уже не было на свѣтѣ; оставалось поставить дѣло такъ, чтобы угодить сильному Годунову, иначе Шуйскій не могъ бы сдѣлать послѣднему ничего особенно вреднаго, но вооружилъ бы его противъ себя напрасными попытками сдѣлать ему вредъ.

Въ концѣ іюля, по приглашенію гг. Кульжинскихъ, отправился я въ Екатеринославъ. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а потомъ по Днѣпру. Проживши съ недѣлю у моихъ знакомыхъ въ Екатеринославѣ, я поѣхалъ на обывательскихъ внизъ по Днѣпру для обозрѣнія пороговъ и береговъ. Много описаній читалъ я прежде объ этихъ мѣстностяхъ и давно уже порывался ихъ видѣть; наконецъ удобный случай представился исполнить мое давнее желаніе. Днѣпръ и его берега показались мнѣ живописнѣе и поэтичнѣе того, какъ я рисовалъ ихъ себѣ въ воображеніи. На протяженіи всего теченія Днѣпра по порогамъ, оба берега становятся высокими; шумъ прорывающихся черезъ пороги волнъ слышенъ болѣе чѣмъ за версту. Въ особенности живописны пороги Ненасытецкій и Вольникскій. У самаго Ненасытецкаго порога, на высокомъ правомъ

берегу лежитъ имѣніе Синельниковыхъ. Гулъ бѣгущей съ пороговъ воды, достигая села, такъ силенъ, что мѣшаетъ разслышать слова въ разговорѣ. Къ сожалѣнію я путешествовалъ въ такое время года, когда вода значительно спала, но ранѣе—въ маѣ и въ іюнѣ, какъ говорятъ, гулъ пороговъ еще бываетъ громче и вообще мѣстность эта кажется болѣе привлекательною. Здѣсь я узналъ, что въ селѣ проживаетъ старый слѣпой бандуристъ, по имени Архипъ, знающій много старыхъ козацкихъ думъ и пѣсенъ, но его не могли найти для меня: онъ отправился въ Новомосковскъ на ярмарку по своему пѣсенному промыслу. Жители здѣсь, какъ и вообще на днѣпровскомъ берегу около пороговъ, малоруссы и если отличаются отъ жителей болѣе верхняго края Малороссіи, то развѣ сравнительно болѣе сохранившеюся чистотою малорусской рѣчи, большею опрятностью въ домашней жизни, зажиточностью и ношеніемъ бородъ. Путь, южнѣе Вольникскаго порога, по правому берегу Днѣпра, идетъ еще въ виду нѣсколькихъ пороговъ одного за другимъ, но здѣсь, между порогами, являются на Днѣпрѣ острова, заросшіе лѣсомъ. Островъ Княжій и островъ Виноградскій — самые обширные изъ этихъ островов. Кромѣ пороговъ, которыхъ числомъ тринадцать, я встрѣчалъ двѣ заборы. Такъ называются тоже пороги въ меньшемъ размѣрѣ; но, по извѣстію жителей, они не только не безопаснѣе для плавающихъ по Днѣпру, но даже представляютъ чаще случаевъ разбитія челновъ. Плаваніе между порогами опасно только при спущеніи челна черезъ паденіе порога, но рыбаки безъ всякаго опасенія пускаются посреди пороговъ поперекъ Днѣпра ловить рыбу, которой, говорятъ, здѣсь изобиліе. Послѣдній, самый южный изъ пороговъ, носитъ мѣстное названіе «Гадючій», почти такой же шумный, какъ Вольникъ и живописенъ по береговымъ окрестностямъ. Черезъ нѣсколько верстъ ниже его, Днѣпръ съуживается; по обѣимъ сторонамъ его, берега очень высоки и круты; жители увѣрены, что здѣсь, въ незапамятныя времена, рѣка пробила гору и нашла себѣ выходъ. Быть можетъ именно на это мѣсто намекаетъ пѣснь о походѣ Игоря, выражаясь обращеніемъ къ Днѣпру: «Ты пробилъ еси горы каменныя сквозѣ землю Половецкую». Выступая изъ ущелья, Днѣпръ широко разливается и первый предметъ поражающій глаза — островъ Хортица, протяженіемъ на двѣнадцать верстъ, съ высокими берегами, поросшій лѣсомъ. Этотъ островъ въ древности носилъ названіе «Варяжскаго» и въ XVI вѣкѣ былъ первымъ поселеніемъ запорожцевъ подъ начальствомъ князя Димитрія Вишневецкаго, но не надолго. По жалобѣ крымскаго хана, король Сигизмундъ-Августъ велѣлъ

свести козаковъ съ острова, а черезъ нѣсколько лѣтъ запорожцы заложили себѣ новое поселеніе пониже Хортицы, на островѣ Томаковкѣ. Теперь на Хортицѣ заложена нѣмецкая колонія меннонитовъ, а на правомъ берегу Днѣпра, почти противъ Хортицы, нѣсколько сѣвернѣе, находится другая меннонитская колонія Кичкасъ. Проѣзжая черезъ послѣднюю колонію, я осмотрѣлъ житье-бытье меннонитовъ и былъ изумленъ чрезвычайно цвѣтущимъ состояніемъ ихъ быта. Дворы ихъ обсажены садами, домики просторны и свѣтлы, хотя крыты соломой и носятъ на себѣ характеръ малорусскаго жилья, только несравненно культурнѣе и богаче. Вездѣ въ домикахъ деревянные полы, чисто вымытые, заборы и всѣ хозяйственныя постройки содержатся въ порядкѣ и нигдѣ не видно того неряшества и безпечности, какими страдаютъ наши русскія деревенскія постройки. Меннониты разводятъ у себя виноградъ и шелковицы и добываютъ шелкъ; въ одномъ меннонитскомъ дворѣ я засталъ семью, работающую надъ выварокою шелковичныхъ коконъ. Близь самой колоніи красуется прямой, превосходный лѣсъ, сѣянный назадъ тому двадцать лѣтъ. Меннониты съ гордостью увѣряютъ, что это предразсудокъ, будто край екатериноcлавской губерніи, по своей природѣ, безлѣсный. Всѣ они грамотны, отдаютъ дѣтей въ свои училища и не чуждаются туземнаго языка. Разговорившись съ меннонитами, я съ удивленіемъ услышалъ изъ ихъ устъ безукоризненно правильную малорусскую рѣчь. Отъ Кичкаса отправился я внизъ до Никополя. При устьѣ «Конской рѣки», впадающей въ лѣвый берегъ Днѣпра, виднѣлся островъ Томаковка, гдѣ была Запорожская Сѣчь до перехода своего пониже и гдѣ теперь село Капуловка. Здѣсь-то, на Томаковкѣ, укрывался Богданъ Хмельницкій, когда убѣжалъ отъ польской погони и здѣсь собиралъ бѣглецовъ изъ Украины, чтобы грянуть весною на польскихъ гетмановъ.—Днѣпръ измѣняетъ свой характеръ, разбиваясь на множество рукавовъ, текущихъ посреди островковъ, называемыхъ здѣсь плавнями и большею частію заливаемыхъ весеннею водою. По приближеніи къ Никополю, я свернулъ на почтовую дорогу и случайно встрѣтилъ на ней крытую телегу со слѣпымъ бандуристомъ, ѣхавшимъ съ женою и дѣтьми. Остановившись, я подозвалъ его и сталъ распрашивать, что̀ ему извѣстно, а потомъ заставилъ пѣть, пытаясь услышать отъ него что-нибудь для меня неизвѣстное въ области малорусской пѣсенности. Бандуристъ перебралъ съ десятокъ думъ, но все это были давно извѣстныя и много разъ напечатанныя; даже варіанты его не представляли такихъ чертъ, на которыя слѣдовало бы обратить вниманіе. Этотъ бандуристъ подтвердилъ мнѣ слышанное

мною близъ Ненасытецкаго порога объ Архипѣ, котораго называлъ своимъ учителемъ и говорилъ, что Архипъ знаетъ много такихъ думъ, которыя теперь уже всѣми забыты и, между прочимъ думу о подвигахъ атамана Сирка. Разставшись съ бандуристомъ, я прибылъ въ Никополь, гдѣ, кромѣ грязной почтовой станціи, нигдѣ не могъ пріютиться. Днѣпръ въ Никополѣ также покрытъ рядомъ зеленыхъ плавней, обросшихъ верболозомъ. Отсюда отправился я на почтовыхъ на то мѣсто, гдѣ была долгое время Запорожская Сѣчь, разоренная при Петрѣ Великомъ. Запорожцы ушли послѣ того ниже къ Алешкамъ, а черезъ сорокъ лѣтъ возвратились на прежнее пепелище и пребывали здѣсь до послѣдняго уничтоженія запорожской общины въ 1775 году. Слѣдуя въ виду Днѣпра по правому его берегу, прибылъ я въ село Капуловку и здѣсь наткнулся на каменный могильный крестъ. По надписи я увидѣлъ, что здѣсь погребено было тѣло одного запорожскаго воина, скончавшагося въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка. Мнѣ сообщили, что прежде было такихъ крестовъ много, но мало-по-малу они разнесены жителями на разныя хозяйственныя принадлежности и теперь осталось ихъ уже немного, въ томъ числѣ каменный крестъ на могилѣ знаменитаго Сирка, находящейся въ огородѣ однаго жителя. Я проѣхалъ черезъ Капуловку въ смежное съ нею село Покровское осмотрѣть запорожскую церковь. Я обратился тамъ къ священнику, который хотя и повелъ меня по желанію моему въ церковь, но не показалъ большой любезности при ея осмотрѣ. Въ церкви иконостасъ новый, только остались почетныя мѣста для кошевого и писаря въ видѣ прилавочекъ, подобно тѣмъ, какія дѣлаются иногда въ монастыряхъ. На хорахъ церкви свалены грудою остатки прежняго иконостаса, бывшаго еще при запорожцахъ. Осматривая тамъ образа, я не нашелъ ничего особенно выдающагося; видно было, что иконостасъ этотъ дѣлался не въ Запорожьѣ, а пріобрѣтенъ отъ художниковъ, жившихъ въ другихъ мѣстахъ. Возвращаясь въ Капуловку, я заходилъ въ одну хату, построенную еще въ запорожскія времена однимъ изъ запорожскихъ товарищей. Имя этого строителя хаты вырѣзано имъ ножемъ на сволокѣ. Дерево употребленное для постройки хаты, отличается массивностью и большою крѣпкостью; внутренность хаты не представляетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ нынѣшними хатами; она не велика— объ одномъ только покоѣ и не имѣетъ комнаты, какъ иногда бываетъ въ малорусскихъ хатахъ зажиточныхъ людей. Осмотрѣвши эту хату, отправился я на могилу Сирка. Огородъ, въ которомъ находится этотъ историческій памятникъ запорожской старины, при-

надлежитъ одной крестьянской вдовѣ, недавно потерявшей мужа. Я увидѣлъ холмъ, обросшій со всѣхъ сторонъ посаженными подсолнечниками; на немъ возвышался сѣрый каменный крестъ съ надписью, гласившей, что здѣсь погребенъ Іоаннъ Димитріевичъ Сирко, кошевой атаманъ войска запорожскаго: далѣе слѣдуетъ день его преставленія. Мнѣ пришло сомнѣніе—дѣйствительно ли здѣсь сокрыты бренные останки славнаго козацкаго героя и не поставили ли запорожцы этотъ крестъ только въ память о немъ, такъ какъ изъ бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я зналъ, что Сирко, въ послѣдніе годы своей жизни, проживалъ близъ Харькова въ селѣ Мерефѣ, въ имѣніи, пожалованномъ ему царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Впрочемъ, лѣтописецъ Венчко говоритъ, что онъ умеръ у себя на пасикѣ близъ Сѣчи и тѣло его было привезено козаками въ челнѣ для погребенія въ Сѣчу.

Обозрѣвая съ днѣпровскаго берега видъ на Днѣпръ, я былъ пораженъ обильною и яркою зеленью плавней и луговъ, раскинутыхъ на необозримыя пространства. Между множествомъ островковъ, поросшихъ верболозомъ, вились ярко-блестѣвшіе противъ солнца протоки Днѣпра. Одинъ изъ островковъ до сихъ поръ носитъ названіе Сичи. По преданію, здѣсь въ укрѣпленіи находилась запорожская «скарбница». Слѣды окоповъ видны до сихъ поръ, хотя берега этого островка, сильно подмытые водой, утратили свой первоначальный видъ. Я простился съ бывшимъ жилищемъ запорожскихъ козаковъ и отправился въ обратный путь въ Екатеринославъ, а черезъ недѣлю — по Днѣпру въ Кіевъ, куда долженъ былъ спѣшить по командировкѣ отъ Археографической Комисіи для присутствія въ предварительномъ комитетѣ, собиравшемся въ Кіевѣ по устройству третьяго археологическаго съѣзда, назначеннаго въ этомъ городѣ на 1874-й годъ. На пути туда я испыталъ, что̀ значитъ путешествовать съ іудеями. Въ первомъ классѣ на пароходѣ, гдѣ я занялъ мѣсто, расположилась ихъ цѣлая толпа. Когда я вышелъ на палубу и потомъ воротился въ свою каюту, то увидалъ, что одинъ іудей безъ церемоніи сбросилъ на землю мой дорожній мѣшокъ и улегся на принадлежащее мнѣ мѣсто, подмостивши себѣ подъ ноги мою подушку. Я просилъ его сойти. Онъ не обращалъ вниманія, а другіе іудеи напустились на меня, какъ я смѣю трогать спящаго. Я обратился къ капитану; послѣдній вошелъ въ каюту, разбудилъ спящаго и заставилъ его перейти на свое мѣсто; но на другой день, уже недалеко отъ Кіева, я вышелъ на палубу и, возвратясь въ каюту, увидалъ, что на моей койкѣ залегъ другой іудей, также какъ и первый употребивши мою подушку себѣ подъ ноги. Я снова отправился къ капитану.

Опять капитанъ пришелъ освобождать мою койку, но тогда другой, неспавшій іудей, придрался ко мнѣ и началъ говорить дерзости, замѣчая, что если бы его побезпокоили такимъ образомъ, такъ онъ не посмотрѣлъ бы на то, что я пожилой человѣкъ и употребилъ бы въ дѣло свои кулаки. Я обратился къ капитану и просилъ сообщить мнѣ имя оскорбляющаго меня господина, обѣщая, по пріѣздѣ въ Кіевъ, искать судебной управы на оскорбителя. Капитанъ потребовалъ отъ насъ обоихъ паспорты. Іудей, увидѣвши изъ паспорта мой чинъ и званіе командированнаго должностного лица, вдругъ смирился и началъ просить извиненія, но я сказалъ ему, что по пріѣздѣ въ Кіевъ первымъ моимъ дѣломъ будетъ наказать судебнымъ порядкомъ наглое нахальство. Когда пароходъ проплывалъ подъ желѣзнодорожный мостъ, іудей пытался заводить со мною разговоръ насчетъ искуства, съ которымъ построенъ мостъ, а я, вмѣсто отвѣта, припомнилъ ему уже выраженное разъ твердое намѣреніе раздѣлаться съ нимъ судомъ. Наконецъ, когда мы причалили къ Подолу, іудей сталъ предлагать мнѣ свои услуги относительно найма извощика и рекомендовать помѣщеніе въ городѣ. Я снова припомнилъ ему его дерзость, сдѣлалъ ему внушеніе и, непринявши отъ него никакихъ услугъ, поѣхалъ въ гостинницу.

На другой же день, въ университетѣ св. Владимира, начались совѣщанія членовъ предварительнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова и продолжались девять дней. Намѣчены были темы рефератовъ, предполагавшихся къ чтенію на съѣздѣ; назначено раздѣлить съѣздъ на отдѣленія; предположено, кромѣ обычныхъ засѣданій, дать членамъ возможность осмотрѣть всѣ памятники кіевской старины, сдѣлать примѣрную раскопку кургановъ въ одной изъ окрестностей Кіева и совершить путешествіе по Днѣпру вверхъ до Вышгорода и внизъ до Канева.

Передъ отъѣздомъ изъ Кіева, я отправился вмѣстѣ съ П. П. Чубинскимъ посѣтить Братскій монастырь и, возвращаясь съ Подола черезъ Старый городъ, проѣхалъ мимо домика, въ которомъ 26 лѣтъ назадъ была послѣдняя моя квартира въ Кіевѣ, гдѣ я былъ арестованъ. На окнѣ того домика оказался выставленнымъ билетъ, объявляющій, что квартира отдается въ наемъ: я увидѣлъ возможность войти въ нее—и вмѣстѣ съ Чубинскимъ вступилъ во дворъ. Все было здѣсь такъ, какъ четверть вѣка тому назадъ, только деревья, окаймлявшія заборъ, во время оно молодыя, теперь стали большими и тѣнистыми. Я позвонилъ въ задней половинѣ дома; вышла хозяйка, молодая женщина лѣтъ тридцати и на мои вопросы о квартирѣ, повела насъ въ нее. Я вошелъ въ

стеклянную галлерею, которую узналъ съ перваго раза, вошелъ въ комнаты—все было здѣсь по прежнему, словно какъ будто событіе, такъ потрясшее мою жизнь, происходило вчера. Заговоривши съ хозяйкой, я узналъ въ ней дочь хозяина, которая, во время моего житья въ ихъ домѣ, была маленькой дѣвочкой. Ея родителя теперь уже не было въ живыхъ. Только разница въ цѣнѣ, за которую шла теперь эта квартира, указывала на большой промежутокъ времени, отдѣлявшій меня отъ той эпохи, куда неслись мои воспоминанія. За квартиру, которую отдавали мнѣ прежде за триста рублей въ годъ, просили теперь семьсотъ.

Я вышелъ изъ этого мѣста съ невольною грустью. Товарищъ мой, видя это, сталъ распрашивать о подробностяхъ моихъ послѣднихъ дней въ Кіевѣ въ оное время и, по поводу воспоминанія о предстоявшемъ въ то время моемъ бракѣ, спросилъ меня, имѣю ли я свѣденія о судьбѣ той особы, которая была моею невѣстою. Я отвѣчалъ, что къ сожалѣнію—нѣтъ. Вечеромъ въ тотъ же день, когда я уже собирался спать, явился ко мнѣ Чубинскій и сообщилъ мнѣ, что случайно узналъ о бывшей нѣкогда моей невѣстой особѣ, что она живетъ подлѣ Прилукъ въ деревнѣ, овдовѣла, имѣетъ трехъ дѣтей и что въ настоящее время ее ждутъ въ Кіевъ. Во мнѣ еще живѣе пробудились воспоминанія молодости; мнѣ сильно захотѣлось еще хотя разъ въ жизни увидѣть Алину Леонтьевну и узнать о ея судьбѣ. Я написалъ къ ней письмо, которое просилъ Чубинскаго доставить по назначенію. На другой день письмо мое было доставлено: она только что пріѣхала изъ имѣнія. Къ вечеру я получилъ отвѣтъ—она раздѣляла мое желаніе повидаться съ ней и пригласила меня посѣтить ее. Вмѣсто молодой дѣвушки, какъ я ее оставилъ, я нашелъ пожилую даму и притомъ больную, мать троихъ полувзрослыхъ дѣтей. Наше свиданіе было столько же пріятно, сколько и грустно: мы оба чувствовали, что безвозвратно прошло лучшее время жизни въ разлукѣ, тогда какъ нѣкогда оба надѣялись, что оно пройдетъ вмѣстѣ. Въ настоящее время она страдала жестокою хроническою болѣзнью, отъ которой искать исцѣленія пріѣхала въ Кіевъ, надѣясь получить совѣты отъ мѣстныхъ врачей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привезла послѣ каникулъ дѣтей своихъ для помѣщенія въ учебныя заведенія, гдѣ они воспитывались. Мнѣ было пріятно по крайней мѣрѣ то, что на старости лѣтъ я могъ находиться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ тою, которую не переставалъ любить и искренно уважать. Пробывъ въ Кіевѣ еще два дня, я уѣхалъ въ Петербургъ.

XV.

Занятія и поѣздки. Болѣзнь. Тяжкая потеря. Отдыхъ..... [1]).

По возвращеніи въ столицу, я принялся за свою «Русскую Исторію въ жизнеописаніяхъ» еще съ большимъ рвеніемъ чѣмъ прежде, потому что моимъ глазамъ становилось нѣсколько лучше и я иногда могъ читать и писать самъ. Съ наступленіемъ темныхъ дней глазамъ приходилось плохо, но къ веснѣ они снова оправились, и я могъ снова читать и писать, хотя съ бо̀льшею противу прежняго умѣренностію и вполнѣ убѣждаясь, что зрѣніе мое все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Къ веснѣ 1874 года было у меня готово уже четыре выпуска моей «Исторіи». Въ апрѣлѣ я поѣхалъ въ Полтавскую губернію, въ имѣніе особы, бывшей нѣкогда моей невѣстой, съ намѣреніемъ встрѣтить у нея весну, которой я уже такъ давно не видалъ въ Малороссіи. Я пробылъ въ сельцѣ Дѣдовцахъ (Прилукскаго уѣзда) три недѣли, пользуясь всѣми очарованіями весенней малорусской природы. Здѣсь, въ первый разъ въ жизни, я имѣлъ случай посѣтить малорусскую крестьянскую свадьбу, которая меня очень заняла, какъ новое для меня зрѣлище: обращаясь долго съ народомъ въ молодости, я никакъ не могъ встрѣтить случая повидать самое живое торжество народныхъ увеселеній и зналъ свадебную поэзію только по печатнымъ и въ разныхъ мѣстахъ записаннымъ пѣснямъ.

Въ половинѣ мая получилъ я отъ матушки письмо, понуждавшее меня скорѣе возвращаться въ Петербургъ, такъ какъ хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ, собирался сдѣлать перестройки—и надобно было куда нибудь выбираться. Я поспѣшилъ домой. Предстояло либо искать другой квартиры, либо временно перейти на дачу, а на зиму воротиться въ прежнюю вновь отдѣланную квартиру. Мой хозяинъ надстраивалъ у себя въ домѣ четвертый этажъ, и для этого счелъ необходимымъ утолщить стѣну третьяго этажа, въ которомъ я жилъ. Нѣкоторые знакомые предупреждали меня, что послѣ такого измѣненія оставаться въ этой квартирѣ—значитъ рисковать здоровьемъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, я обратился къ одному знакомому архитектору и онъ увѣрилъ меня, что утолщеніе стѣнъ будетъ такъ незначительно, что успѣетъ за одно лѣто просохнуть и не будетъ никакого риска для здоровья. Положившись на мнѣніе архитектора, я рѣшился удержать за собою

---

[1]) Это—намѣченное карандашемъ оглавленіе, которое предполагалось дополнить или измѣнить при продолженіи текста. (Изд.).

квартиру, тѣмъ болѣе, что къ ней я слишкомъ привыкъ, а переходъ на другую сопрягался для меня съ чрезвычайными трудностями: приходилось, во-первыхъ, искать квартиры, что̀ не совсѣмъ легко въ Петербургѣ для небогатыхъ людей, желающихъ имѣть просторный кабинетъ для помѣщенія въ немъ библіотеки,—во-вторыхъ, перевозка самой библіотеки —трудъ не малый и отвлекающій на долго отъ обычныхъ занятій. Оставивъ за собою квартиру, какъ оказалось впослѣдствіи—себѣ на горе, я переѣхалъ на дачу на Петровскомъ Острову, близъ самаго мѣста, ведущаго съ Петровскаго Острова на Крестовскій. Дача эта, хотя была на сыромъ мѣстѣ, но нравилась мнѣ своимъ превосходнымъ видомъ на Неву, протекающую у самаго балкона дачи. Такъ какъ мои глаза въ это время нѣсколько оправились, то я, поселившись на дачѣ, принялся писать собственноручно историческую повѣсть Кудеяра, взявши сюжетъ изъ эпохи Ивана Грознаго. Сверхъ того, здѣсь же я написалъ статью «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», помѣщенную въ открывшемся послѣ того журналѣ «Древняя и новая Россія». Дачное время проходило для меня очень пріятно: меня посѣщали добрые знакомые, съ которыми по вечерамъ игралъ я на билліардѣ и велъ дружескую бесѣду; изъ нихъ чаще всего посѣщали меня старинный пріятель Данило Лукичъ Мордовцевъ и Димитрій Евфимовичъ Кожанчиковъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля, съ этой дачи, я отправился въ Кіевъ на археологическій съѣздъ, назначенный съ 1-го по 20-е августа, оставивши матушку на дачѣ и предоставивъ ей перебраться въ концѣ августа на отдѣланную нашу городскую квартиру.

Третій археологическій съѣздъ, изъ всѣхъ происходившихъ до сихъ поръ, былъ самый замѣчательный и интересный. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ постарался заранѣе пригласить къ нему иностранныхъ словянскихъ ученыхъ изъ Чехіи, Сербіи и Франціи. Мѣстное археологическое богатство города Кіева придавало этому ученому собранію живой интересъ. Въ зданіи университета устроена была археологическая выставка разныхъ вещественныхъ памятниковъ старины, но, къ сожалѣнію, распорядители не успѣли составить во-время подробнаго и отчетливаго каталога. Каждый день было по два засѣданія утромъ и вечеромъ; на этихъ засѣданіяхъ читались рефераты по разнымъ отраслямъ археологической науки. Въ назначенные заранѣе дни, члены съѣзда совершали ученыя поѣздки по Кіеву, для осмотра старинныхъ церковныхъ зданій и мѣстностей, для уразумѣнія положенія древняго Кіева. — — —

Совершались путешествія и за предѣлы города Кіева. Первое

направлено было въ село Гатное, гдѣ совершена была раскопка двухъ древнихъ кургановъ, поросшихъ лѣсомъ. Въ этихъ курганахъ найдено было нѣсколько скелетовъ и глиняныхъ сосудовъ. Черезъ нѣсколько дней члены съѣзда отправились на пароходѣ по Днѣпру внизъ, останавливались и дѣлали раскопки въ селѣ Витичевѣ на мѣстѣ древняго города, но ничего не нашли тамъ; можно было видѣть только слѣды старинныхъ окоповъ и кирпичные остатки какихъ-то построекъ. Болѣе интереса представило посѣщеніе Трехтемирова, гдѣ находилась когда-то главная столица малороссійскаго козачества и гдѣ существовалъ монастырь, въ которомъ хранилась козацкая казна и погребались трупы умершихъ козацкихъ товарищей. Теперь нѣтъ никакихъ остатковъ этого монастыря, но за то въ нагорной почвѣ мѣстности, гдѣ онъ находился, отыскивается черезвычайное множество человѣческихъ костей. Недалеко отъ бывшаго монастыря есть старыя пещеры, которыя обвалились: невозможно было опредѣлить къ какому времени онѣ относятся. На возвратномъ пути изъ Трехтемирова, члены съѣзда проминули Кіевъ и направились къ Вышгороду. Здѣсь осмотрѣли мѣсто, гдѣ находился Спасо-Межигорскій монастырь, принадлежавшій запорожцамъ, посѣтили Межигорскую фаянсовую фабрику и направились къ старой церкви древняго Вышгорода, стоящей на высокой горѣ. Мѣстный священникъ сообщилъ, что здѣсь отыскивалось нѣсколько старыхъ вещей въ могилахъ погребенныхъ тамъ въ древнія времена людей. Члены принялись тотчасъ разрывать почву около церкви и увидали на довольно большомъ пространствѣ кирпичные фундаменты, показывавшіе, что здѣсь находились когда-то значительныя каменныя постройки. Мѣстоположеніе Вышгорода замѣчательно своею красотою и прекрасными видами съ вершины холмовъ на Днѣпръ и его лѣвые берега. Возвращаясь изъ Вышгорода уже ночью, пароходъ наткнулся на какой-то плотъ и чуть-было не потонулъ; поспѣшили на-скоро выливать воду, наполнившую каюту, и гнать пароходъ къ берегу Подола, чтобъ успѣть достигнуть его прежде, чѣмъ пароходъ могъ опуститься на дно.

Изъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ съѣзда, любопытны были особенно тѣ, которые относились къ землянымъ раскопкамъ, совершеннымъ въ юго-западномъ краѣ Россіи, и изъ нихъ первое мѣсто занимали труды варшавскаго профессора Самоквасова, производившаго поиски въ окрестностяхъ Чернигова и привезшаго на съѣздъ множество разныхъ металлическихъ, костяныхъ и каменныхъ вещей, вырытыхъ изъ могилъ языческаго періода. По признакамъ найденныхъ вещей, видно было, что трупы по-

койниковъ подвергались сожженію вмѣстѣ съ ихъ вооруженіемъ и при этомъ, какъ должно думать, на ихъ могилахъ убивались домашнія животныя и рабы. О времени, къ которому принадлежали эти курганы, можно было приблизительно судить только по двумъ византійскимъ монетамъ VIII и IX вѣка, найденнымъ въ раскопанныхъ могилахъ. Судя по искуству обработки вещей, здѣсь отысканныхъ, онѣ должны быть туземными произведеніями или, быть можетъ, полученными изъ сѣверной Россіи.

Кромѣ рефератовъ, относившихся къ курганнымъ древностямъ, замѣчательны были рефераты мѣстныхъ ученыхъ, касавшіеся козацкой исторіи края и его этнографіи. Изъ нихъ учитель кіевской гимназіи Житецкій читалъ любопытный рефератъ о Пересопницкомъ Евангеліи, памятникѣ XVI вѣка, замѣчательномъ по языку: переводъ сдѣланъ на мѣстное нарѣчіе, очень похожее на нынѣшнее малорусское. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же референтъ сообщилъ ученыя изслѣдованія объ исторіи образованія и измѣненія малорусскаго нарѣчія. Столько же важными были рефераты профессора кіевскаго университета Драгоманова, касавшіеся малорусскихъ думъ и историческихъ пѣсенъ, которыя предъ тѣмъ явились въ свѣтъ въ изданіи профессоровъ кіевскаго университета Драгоманова и Антоновича. Профессоръ петербургскаго университета Миллеръ вступилъ съ ними въ оживленный споръ относительно малорусскихъ думъ и ихъ связи съ великорусскими былинами. Для бо́льшаго ознакомленія членовъ съѣзда съ мѣстною народною поэзіею, приглашенъ былъ народный пѣвецъ бандуристъ Вересай. Многіе изъ членовъ первый разъ въ жизни познакомились съ пріемами малорусскаго историческаго пѣнія и вообще это пѣніе имѣло важное значеніе, потому что самъ Вересай былъ уже одинъ изъ очень немногихъ пѣвцовъ, знавшихъ старинныя козацкія думы и сопровождавшихъ пѣніе игрой на бандурѣ: бандуристы во всей Малороссіи въ настоящее время почти совершенно исчезаютъ. Всякому безпристрастному слушателю было понятно и должно было показаться вполнѣ естественнымъ и такъ-сказать законнымъ, если на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ историческая народная поэзія козацкаго періода составляла одинъ изъ крупнѣйшихъ предметовъ учоной обработки; но не такъ взглянули на это газеты, привыкшія вездѣ отыскивать политическія цѣли и даже тамъ, гдѣ, повидимому, странно было искать ихъ. По окончаніи съѣзда, въ кіевской газетѣ «Кіевлянинъ» начались печататься разные толки объ украинофильствѣ, приписывались референтемъ, читавшимъ о малорусской поэзіи, постороннія цѣли; съ ихъ голоса о томъ же заговорили столичныя

газеты, особенно «Голосъ», такъ что самъ противникъ кіевскихъ учоныхъ на съѣздѣ, профессоръ Миллеръ, принужденъ былъ стать въ печати защитникомъ своихъ бывшихъ противниковъ. Подозрѣнія, взводимыя тогда на кіевскихъ учоныхъ, были до крайности неумѣстны и вредны въ томъ отношеніи, что на будущее время стѣсняли свободу выбора предметовъ, касавшихся мѣстной исторіи, литературы и этнографіи: послѣ того каждому становилось опасно пуститься на съѣздахъ въ толкованія о подобныхъ предметахъ науки, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ въ подобномъ родѣ, а между тѣмъ, если археологическіе съѣзды предположено собирать по очереди въ разныхъ краяхъ Россіи, то естественно надобно ожидать и желать, чтобы наибольшая и наилучшая часть рефератовъ относилась къ предметамъ мѣстной исторіи и археологіи. Я съ своей стороны выразилъ участіе свое на этомъ съѣздѣ чтеніемъ реферата объ образованіи княжеской дружины, о ея значеніи въ древнее время и о ея измѣненіяхъ въ послѣдующемъ бытѣ русскаго народа. Этотъ рефератъ не былъ напечатанъ, и самая рукопись моя оказалась затерянною.

По окончаніи съѣзда, я отправился въ село Дѣдовцы и, прогостивши нѣсколько дней у Алины Леонтьевны, возвратился въ Петербургъ. Со мною пріѣхала въ Петербургъ двѣнадцатилѣтняя дочь Алины Леонтьевны, Софія, которую я вызвался отвезти въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный институтъ), куда она была принята по баллотировкѣ. Я навѣщалъ ее по праздничнымъ днямъ въ теченіе осени и первой половины зимы. Продолжая во все это время заниматься «Русской Исторіей въ жизнеописаніяхъ», я уже принялся за шестой ея выпускъ, какъ сталъ замѣчать какое-то утомленіе и чрезмѣрную раздражительность—и во второй половинѣ генваря 1875 года захворалъ тифомъ. Въ самый тяжкій періодъ развитія моей болѣзни, 1-го февраля, скончалась моя матушка, также отъ тифа, осложнившагося крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Я былъ въ то время въ безпамятствѣ. Происходили консультаціи врачей, пользующихся заслуженною извѣстностію; они находили мое состояніе безнадежнымъ. Попеченія и уходъ за мною Николая Ивановича Котенина и доктора Димитрія Андреевича Муринова спасли меня отъ смерти. Съ безпредѣльною благодарностію вспоминаю о добротѣ, терпѣніи и самопожертвованіи этихъ лицъ, а также и многихъ другихъ пріятелей и знакомыхъ, великодушно принявшихъ въ то время на себя трудъ ухаживанія за мной и моею матерью.

Тоска по матушкѣ замедляла ходъ моего выздоровленія; силы

возстановлялись вяло; зрѣніе упало совершенно. Врачи предписали мнѣ безусловный покой и отдыхъ, запретили какое бы то ни было напряженіе мысли и зрѣнія и въ половинѣ апрѣля услали меня изъ Петербурга на поправку въ деревню.

9-го мая 1875 года я обвѣнчался съ Алиной Леонтьевной въ селѣ Дѣдовцахъ.

Къ моимъ трудамъ надъ шестымъ выпускомъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ», я приступилъ только въ концѣ 1875 года.

Въ іюнѣ 1876 года предпринялъ я путешествіе въ монастыри, находящіеся на Ладожскомъ озерѣ, куда уже мнѣ давно хотѣлось поѣхать. Я отправился вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Д. Г. Лебединцевымъ 18 іюня на пароходѣ «Коневецъ» съ пристани близъ Смольнаго. Этотъ пароходъ не отличается ни удобствомъ помѣщенія, ни опрятностью, ни правильностью хода; несмотря на его небольшую величину, въ немъ набилось такое множество пассажировъ, что на палубѣ такъ же трудно было протолпиться, какъ въ церкви во время праздничнаго богослуженія, и какъ только толпа пассажировъ скучивалась въ одну сторону палубы, такъ пароходъ наклонялся и пугалъ погруженіемъ; капитанъ безпрестанно кричалъ съ своей вышки, чтобы публика отходила въ другую сторону. Вонь была нестерпимая. Большинство пассажировъ принадлежало къ простонародію и состояло главнымъ образомъ изъ богомольцевъ, но въ числѣ плывшаго народа было достаточное число чухонъ, такъ какъ пароходъ имѣлъ крайнимъ предѣломъ своего плаванія Сердоболь, куда чухны, возвращавшіеся изъ Петербурга, намѣревались пристать, чтобы оттуда отправиться внутрь Финляндіи, куда кому было нужно. Въ первомъ классѣ было нѣсколько дамъ, главнымъ образомъ изъ купеческаго быта. Когда мы поплыли по Невѣ, я увидѣлъ большую перемѣну на ея берегахъ послѣ того, какъ я видалъ ихъ десять лѣтъ тому назадъ; по крайней мѣрѣ верстъ на двадцать отъ Петербурга все было заселено и представляло какъ бы непрерывное продолженіе города; кромѣ фабрикъ и заводовъ, здѣсь виднѣлось множество дачъ, между которыми попадались лавочки, очевидно заведенныя торгашами, съ цѣлью снабжать дачниковъ припасами. Между фабриками и заводами всего болѣе бросались въ глаза фарфоровый и два литейныхъ завода на лѣвомъ берегу Невы; на томъ же берегу возвышались опустѣлыя огромныя постройки закрытой Александровской мануфактуры, еще такъ недавно снабжавшей Россію ситцевыми издѣліями. Послѣ пятичасового плаванія вверхъ по теченію,

мы прибыли въ Шлиссельбургъ, который, сколько могъ я замѣтить съ палубы парохода, не представлялъ никакихъ измѣненій противъ того вида, въ какомъ я зналъ его прежде; но когда мы проминули одинъ за другимъ два Ладожскіе канала—старый Петровскій или Миниховскій и новый, уже сдѣланный въ нынѣшнее царствованіе, ближе къ берегу озера и вступили въ широкую гладь Ладожскаго озера, намъ предстала крѣпость, хотя съ вида такая же мрачная и унылая, но уже далеко не такая страшная и зловѣщая. Я узналъ, что она въ недавнее время совсѣмъ упразднена и всѣ крѣпостныя орудія сняты со стѣнъ ея.

Плаваніе наше по озеру до Коневецкаго монастыря не совсѣмъ было пріятно: сдѣлалась качка, многіе подверглись морской болѣзни, въ томъ числѣ и я. Лимоны, которыми я, по данному мнѣ совѣту, запасся какъ предохранительнымъ средствомъ отъ вліянія качки, мнѣ ни мало не помогли. Мы плыли по открытому озеру; только вдали, по крайней мѣрѣ верстахъ въ двадцати, виднѣлись по временамъ финляндскіе берега. Мы прибыли въ Коневецъ позже нежели пароходъ обыкновенно пристаетъ къ этому монастырю: было уже десять часовъ вечера. Монастырь стоитъ возлѣ самой пристани, и за его оградою, надъ берегомъ, построенъ трехъэтажный домъ монастырской гостинницы. Всѣ пассажиры, по прибытіи къ берегу, отправились туда по довольно красивой аллеѣ. Гостинница такъ обширна, что могла помѣстить не только такое количество пассажировъ, которое въ тотъ день привезъ нашъ пароходъ, но еслибы нужно было—и вдвое болѣе. Намъ отвели комнату довольно опрятную, потому что гостинница построена недавно, но постельное бѣлье не удовлетворяло вкусу, сколько нибудь привыкшему къ чистотѣ. Утромъ, часа въ три, всѣхъ помѣстившихся пассажировъ начали будить звонки, приглашавшіе благочестивыхъ людей къ заутрени; звонили такъ сильно и такъ долго, что спать долѣе было невозможно. Одѣвшись, я отправился по указанію служителя изъ монастырскихъ послушниковъ купаться, пробрался черезъ еловую рощу и спустился съ песчанаго и довольно крутого берега къ озеру, куда указалъ мнѣ совѣтъ послушника; мѣсто было очень мелкое, дно каменистое, а вода до того холодная, что едва можно было продержаться двѣ минуты въ водѣ. Воротившись съ купанья, я отправился въ церковь, прослушалъ раннюю обѣдню и какъ до отплытія парохода оставалось еще нѣсколько времени, то мы отправились смотрѣть на знаменитый «Конь-камень», давшій названіе и острову и построенному на немъ монастырю. Мы шли стройнымъ еловымъ лѣсомъ съ версту и набрели на гранитную скалу, на вершинѣ которой построена

была деревянная часовня, съ ведущей къ ней по скалѣ деревянной лѣстницей. Объ этой скалѣ сохранилось такое преданіе. Въ тѣ времена, когда христіанство не успѣло еще распространиться въ этихъ предѣлахъ, здѣсь было языческое мольбище; пребывавшіе во мракѣ язычества чухны приходили сюда совершать требы своимъ богамъ и приносили имъ въ жертву жеребятъ. Боги эти, какъ вообще понимали христіане языческія божества, были на самомъ дѣлѣ бѣсы и творили передъ своими поклонниками ложныя чудеса или «мечты бѣсовскія». Пришелъ на островъ святой пустынникъ Арсеній и своею молитвою изгналъ бѣсовъ; со страшнымъ громомъ, повинуясь святому мужу, удалились они и покинули островъ, гдѣ основалась христіанская обитель. Это относятъ къ концу XIV вѣка. Мощи преподобнаго Арсенія лежатъ, какъ говорятъ, въ монастырѣ, но подъ спудомъ; на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ его погребеннымъ, поставлена серебренная рака, очень изящной работы съ вычеканеннымъ изображеніемъ св. Арсенія на верхней доскѣ. Гробъ этотъ стоитъ въ нижней церкви монастыря. Тамъ же находится икона Богородицы, принесенная, по преданію, этимъ Арсеніемъ, и признаваемая чудотворною. Оставивъ дальнѣйшее обозрѣніе Коневца на будущее время, когда придется возвращаться изъ Валаама, мы сѣли на пароходъ въ $8^1/_2$ часовъ утра и поплыли далѣе.

Пространство между Коневцомъ и Валаамомъ менѣе того, которое мы проплыли отъ Шлиссельбурга до Коневца: вмѣсто ста двадцати верстъ, сдѣланныхъ въ предшествовавшій день, намъ предстояло проплыть только семьдесятъ—и въ часъ пополудни мы увидѣли берега Валаамскихъ острововъ. Это архипелагъ, состоящій изъ сорока островковъ, изъ которыхъ только два имѣютъ нѣсколько значительное протяженіе; другіе до того малы, что простираются не болѣе какъ на нѣсколько саженей. Они расположены близко другъ отъ друга и раздѣлены между собою извилистыми проливами; берега этихъ острововъ чрезвычайно живописны и могутъ служить самымъ лучшимъ образчикомъ той сѣверной своеобразной красоты, которая даетъ право Финляндіи назваться одною изъ живописнѣйшихъ странъ въ Европѣ. Въ мѣстоположеніи Валаамскихъ острововъ чувствуется что-то величественное и даже страшное. Гранитные камни, нагроможденные природою другъ на друга, усѣяны безчисленнымъ множествомъ елей, растущихъ причудливо съ такимъ малымъ запасомъ земли для корней, что невольно удивляешься—какъ могли они существовать; кое гдѣ попадается рядомъ съ темною елью бѣлая береза. Очертанія скалъ и растущихъ на нихъ деревъ, представляютъ такое разнообразіе,

что невольно забывается однообразность матеріаловъ, образующихъ эти дивные виды. Не менѣе придаетъ прелести кривое направленіе проливовъ между островками. Капитанъ, изъ любезности къ пассажирамъ, поплылъ къ монастырю не ближайшимъ прямымъ путемъ, а ломанными линіями проливовъ, мимо нѣсколькихъ скитовъ, съ возвышавшимися на скалахъ церквами и въ разныхъ мѣстахъ поставленными часовнями и крестами. Наконецъ, мы вошли въ самый большой проливъ и предъ нами, на возвышеніи скалы, предстала главная монастырская церковь, покрытая бѣлою жестью. У самаго монастыря сдѣлана пристань и едва мы причалили къ берегу, какъ на пароходъ вскочила толпа послушниковъ съ готовностью забирать наши вещи и провожать насъ въ гостинницу. Мы поднялись на скалу по гранитной лѣстницѣ и очутились въ монастырскомъ дворѣ. Рядомъ, недалеко отъ воротъ внутренняго двора, гдѣ была церковь и иноческія келіи, построена монастырская гостинница, еще обширнѣе Коневецкой и, какъ оказалось, гораздо удобнѣе. Насъ помѣстили въ чистой и свѣтлой комнатѣ; постельное бѣлье здѣсь было безукоризненной чистоты. На стѣнѣ вывѣшены были писанныя правила, служащія наставленіемъ для посѣтителей: какъ имъ жить и вести себя во время пребыванія въ монастырѣ. Каждый посѣтитель дѣлался на это время какъ бы членомъ монашеской общины и долженъ былъ подчиняться установленной дисциплинѣ. Объявленіе это гласило, что никто не долженъ безъ игуменскаго благословенія ходить по острову. Запрещалось стрѣлять, разводить огонь и курить табакъ. Никто изъ посѣтителей не долженъ давать монахамъ и послушникамъ ни денегъ, ни какихъ либо вещей, не могъ привозить съ собою съѣстного, а наипаче вина и мяса, и долженъ былъ довольствоваться монастырскими яствами. Такъ какъ время было обѣденное, то намъ предложили вкусить отъ монастырской трапезы: принесли куски чернаго и бѣлаго хлѣба, щи съ кислой капустой, гречневую кашу съ постнымъ масломъ и что-то въ родѣ ухи съ рыбой, а для питья поставили монастырскаго квасу и воды со льдомъ. Кушанье, несмотря на крайнюю простоту, показалось мнѣ вкуснымъ, тѣмъ болѣе, что постное масло для каши было безукоризненной свѣжести, и весь обѣдъ былъ сервированъ очень опрятно.

Послѣ обѣда, молодой послушникъ, явившись къ нашимъ услугамъ спеціально по назначенію отъ игумена, предложилъ намъ посѣтить одинъ изъ скитовъ: толпа пассажировъ потянулась изъ гостинницы къ пристани и размѣстилась въ трехъ большихъ монастырскихъ лодкахъ. Мы сѣли вмѣстѣ съ нашимъ проводникомъ

въ одну изъ нихъ, выбравши самую немноголюдную, и направились къ Никольскому скиту проливомъ, въ виду живописныхъ извилистыхъ береговъ, проплыли мимо трехъ островковъ, расположенныхъ одинъ за другимъ и покрытыхъ кустарниками. Мы прибыли къ Никольскому скиту, находящемуся на высокомъ островѣ; церковь здѣсь новая, построенная назадъ тому не болѣе пятнадцати лѣтъ. Начали служить молебенъ Николаю Чудотворцу. Фигура святого сдѣлана деревянною статуею, одѣтою въ архіерейское облаченіе, въ расшитыхъ шелковыхъ башмакахъ. Статуя эта напоминала что-то католическое, но разница была та, что въ католическихъ церквахъ статуи обыкновенно стараются дѣлать съ соблюденіемъ по возможности изящныхъ формъ,—эта же деревянная статуя въ православномъ храмѣ могла назваться скорѣе куклою и для глазъ, сколько нибудь привыкшихъ требовать правильности или изящества, представлялась безобразною и невольно наводила на грѣшныя мысли о подобіи съ языческимъ истуканомъ. Богомольцы изъ простонародія не сознавали этого и съ благоговѣніемъ становили передъ нею свѣчи. Я не могъ удержаться, чтобъ не замѣтить провожавшему насъ послушнику, что православная церковь вовсе не одобряетъ не только такихъ безобразныхъ, но и никакихъ горельефныхъ изображеній; онъ пожалъ плечами и долженъ былъ согласиться съ этимъ, но въ извиненіе монастыря сказалъ, что это—благочестивое приношеніе того христолюбца, который, по своему усердію, построилъ этотъ храмъ. Церковь обсажена березами.

Мы возвратились тѣмъ же путемъ въ монастырь и проводникъ провелъ насъ по терасѣ, устроенной надъ крутымъ обрывомъ скалы, что напомнило мнѣ Георгіевскій монастырь въ Крыму, съ тою разницею, что въ послѣднемъ морскія волны ближе подходятъ къ подножію терасы, чѣмъ здѣсь озеро. Мы дошли этимъ путемъ на монастырское кладбище; нѣсколько гранитныхъ плитъ съ надписями положены были на могилахъ иноковъ и надписи на нихъ свидѣтельствовали о долговѣчности здѣсь погребенныхъ. Такимъ образомъ, изъ десяти лежащихъ въ рядъ, большая часть дожила до 80-ти лѣтъ, а немногіе умерли между 75 и 80-ю, одинъ же скончался 83-хъ лѣтъ. Въ числѣ могилъ послушникъ указалъ намъ на миѳическую могилу шведскаго короля Магнуса, о которомъ, какъ извѣстно, сложилась легенда, будто этотъ король, послѣ несчастливой для себя войны съ новгородцами, приплылъ къ Валаамскому монастырю, обратился въ православіе и принялъ схиму. Легенда эта давно уже опровергнута еще Карамзинымъ, тѣмъ не менѣе, монахи считаютъ несомнѣннымъ историческимъ

фактомъ эту сказку и опираются главнымъ образомъ на то, что нѣкогда какому-то чухонцу во снѣ явился король Магнусъ и приказалъ идти на Валаамъ и поклониться его могилѣ.—Обошедши кладбище, мы возвратились въ гостинницу, а вскорѣ потомъ ударили ко всенощной. Мы отправились въ церковь. Сколько я могъ помнить, никогда еще не доводилось мнѣ стоять такой длинной всенощной: она продолжалась четыре съ половиною часа. Впрочемъ въ церкви устроено довольно мѣстъ для сидѣнья старикамъ и слабымъ тѣломъ. Пѣніе на Валаамѣ оригинальное, дышетъ стариною и нѣсколько напоминаетъ старообрядческое. Нельзя сказать чтобы, при этой продолжительности, чтеніе каѳизмъ и всего другого отличалось особенною внятностью и изяществомъ произношенія: читаютъ здѣсь тѣмъ же способомъ какъ вездѣ дьячки и даже довольно скоро, такъ что хотя я находился недалеко отъ чтеца, но съ трудомъ могъ слѣдить за содержаніемъ того, что онъ читалъ. Продолжительность богослуженія происходитъ оттого, что здѣсь пунктуально соблюдается вся формалистика обрядовъ, напримѣръ: тамъ, гдѣ по уставу слѣдуетъ произнести сорокъ разъ «Господи помилуй», считается грѣхомъ пропустить какой нибудь разъ, а иное поется сообразно уставу по три раза сряду; также замедляетъ богослуженіе обычай канонархаціи стихирей: каждое выраженіе стихири сперва громко произноситъ канонархъ, а потомъ уже, со словъ его, поетъ клиръ. Въ Петербургѣ въ церквахъ нѣтъ ничего подобнаго; здѣсь, вмѣсто восемнадцати псалмовъ, назначенныхъ въ двухъ каѳизмахъ, читаютъ не болѣе шести, а иногда только три, да и то не доканчиваютъ, а останавливаются на срединѣ псалма: здѣсь въ Петербургѣ извиняютъ себя извѣстнымъ наставленіемъ апостола Павла, который говоритъ, что лучше пять словъ произнести со смысломъ и чувствомъ, чѣмъ расточать пустое многоглаголанье, да и слова самого Христа: во многомъ глаголаніи нѣтъ спасенія—приводятся въ оправданіе отступленій отъ формалистики устава; на Валаамѣ же думаютъ угодить Богу и соблюсти обѣтъ благочестія строгимъ исполненіемъ всей этой формалистики. По выходѣ изъ церкви, намѣстникъ игумена, отецъ Викторъ, сказалъ мнѣ, что на Валаамѣ есть монахъ, бывшій нѣкогда моимъ слушателемъ въ петербургскомъ университетѣ, и игуменъ благословилъ ему повидаться со мною. Этотъ монахъ не замедлилъ явиться. Я не припомнилъ его. По его словамъ, онъ, по окончаніи курса, возжелалъ удалиться отъ міра и поступилъ въ строжайшій изъ русскихъ монастырей; его зовутъ отецъ Пименъ. Это человѣкъ между тридцатью и сорока годами, красивой наружности, но сильно исхудавшій, вѣроятно, отъ постовъ и общаго

удрученія плоти. Онъ обратился ко мнѣ съ любовнымъ расположеніемъ и сказалъ, между прочимъ, что когда въ 1875 году я былъ боленъ тифомъ, то изъ газетъ узнали объ этомъ въ монастырѣ и, съ благословенія игумена, молились о моемъ выздоровленіи. Самъ отецъ Пименъ завѣдуетъ монастырскою канцеляріею.

На другой день, послѣ ранней обѣдни, мы сказали нашему послушнику, чтобы онъ испросилъ благословенія игумена отправиться намъ по острову въ ближайшій изъ скитовъ. Черезъ нѣсколько минутъ этотъ послушникъ извѣстилъ насъ, что игуменъ благословляетъ; мы отправились за монастырскія ворота по дорогѣ, сначала мимо садовъ, потомъ черезъ лѣсъ. Здѣсь мы увидали, что окрестность монастыря обработана превосходно; это доказывало множество плодовыхъ деревьевъ, какія только могутъ хотя бы и съ трудомъ прозябать въ этомъ негостепріимномъ климатѣ; самый лѣсъ, по которому мы прошли версты три, не ограничивался здѣсь обычными хвойными деревьями и березами,— мы встрѣчали здѣсь посаженные дубы, липы, клены, кедры и даже каштаны. Вся дорога была тщательно убита пескомъ. Роща эта представляла видъ благоустроеннаго парка. Скитъ, куда мы направились, былъ запертъ, и, прошедши по той же дорогѣ еще съ версту, мы воротились назадъ, потому что мошки рѣшительно не давали возможности слѣдовать далѣе. Не успѣли мы достигнуть до своей гостинницы, какъ нашъ послушникъ, встрѣтивъ насъ на пути, пригласилъ насъ отъ имени игумена отца Дамаскина къ нему и при этомъ сказалъ, что игуменъ, узнавши, что мы отправились «самочинно» въ лѣсъ, былъ этимъ очень недоволенъ. «Да не вы ли сами сказали, что игуменъ далъ свое благословеніе»? замѣтилъ я послушнику.—Да, отвѣчалъ послушникъ, но вы пошли сами въ лѣсъ, не взявши меня; игуменъ позволилъ, а потомъ вѣрно забылъ, только насъ за то распекалъ.—«Вы бы ему объяснили», сказалъ я.—Мы не смѣемъ отговариваться и оправдываться,—отвѣтилъ послушникъ.

Пришедши къ игумену, мы увидали восьмидесятилѣтняго старца, отъ слабости едва державшагося на ногахъ и постоянно подпиравшагося палкою. Онъ принялъ насъ ласково, но не могъ долго вести разговора по причинѣ старческой слабости, только надѣлилъ насъ образками святыхъ Сергія и Германа, просфорами и экземплярами составленнаго отъ его имени описанія Валаамскаго монастыря въ 1/8 долю листа съ картинами, изображавшими видъ Валаама. Сколько можно было судить по собственнымъ его пріемамъ и по отзывамъ объ немъ братіи, это человѣкъ въ высокой степени замѣчательный, какъ организаторъ и правитель.

Онъ игуменствуетъ на Валаамѣ съ 1839 года и успѣлъ поставить себя такъ, что вся братія ему безусловно повинуется и предъ нимъ благоговѣетъ. Важное его достоинство то, что онъ человѣкъ безукоризненно честный, прямой и чрезвычайно трудолюбивый. — — — Онъ никогда не имѣлъ своего отдѣльнаго стола и обѣдалъ всегда съ братіею на трапезѣ; только въ послѣдніе годы, по крайней слабости, ему стали приносить пищу въ келію, но все-таки отъ общей трапезы. Принуждая всѣхъ монаховъ трудиться, самъ отецъ Дамаскинъ не только не уклонялся отъ равнаго съ ними труда, но всегда первый брался за всякую работу, показывая всѣмъ примѣръ. Такъ, во время покоса, вся братія должна идти съ косами и граблями, и самъ игуменъ первый начиналъ покосную работу; также неутомимо онъ занимался садоводствомъ, которое особенно любилъ. Его стараніемъ построена новая гостинница, проведена вода изъ озера вверхъ черезъ подземныя трубы, учрежденъ цѣлый корпусъ ремесленниковъ, занимающихся различными искуствами. Монастырь принимаетъ къ себѣ мальчиковъ и выпускаетъ ихъ, обучивши разнымъ ремесламъ, смотря по способностямъ каждаго. Въ настоящее время такихъ учениковъ въ монастырѣ до тридцати человѣкъ, преимущественно изъ чухонъ. Въ особомъ зданіи помѣщаются чернорабочіе, большею частію также чухны. Монастырь принимаетъ ихъ всѣхъ охотно, не смотря на то, что они большею частью лютеране, только съ непремѣннымъ условіемъ не курить табаку. Отецъ Дамаскинъ запрещаетъ братіи заводить съ иновѣрцами, посѣщающими монастырь, суетныя пренія о вѣрѣ, хотя съ радостію принимаетъ того, кто добровольно, по собственному убѣжденію, присоединяется къ православной церкви. Вообще отецъ Дамаскинъ довелъ монастырь до того, что онъ составляетъ такую строгую общину, что подобной едва ли гдѣ можно найти. Всякій поступающій въ монастырь лишается права имѣть какое бы то ни было достояніе, а долженъ получать все нужное изъ общины по распоряженію игумена. Одежда, обувь и бѣлье всѣмъ выдается изъ монастырской кладовой; ѣдятъ всѣ за общимъ столомъ трапезы, а старцамъ отпускается въ келію по четверть фунта чаю и по одному фунту сахара въ мѣсяцъ и по свѣчѣ въ келію на вечеръ. Постриженному монаху дается одна келія, а послушники помѣщаются по два человѣка въ келіи. Всѣ должны повиноваться игумену безпрекословно и кромѣ тѣхъ, кого онъ удостоитъ приглашеніемъ къ совѣту съ нимъ, никто не смѣетъ заявлять предъ нимъ своего мнѣнія; никто не смѣетъ безъ его благословенія ни куда нибудь выйти, ни что нибудь дѣлать. Самовольство, назы-

ваемое на монашескомъ языкѣ «самочинность», считается тяжелымъ грѣхомъ, какъ равно и всякое бездѣйствіе. Всѣ обязаны, съ благословенія игумена, что нибудь дѣлать, не оставаясь ни полчаса праздно. Въ монастырѣ есть порядочная библіотека, состоящая главнымъ образомъ изъ духовныхъ книгъ, но есть немало и свѣтскихъ, впрочемъ, старыхъ, такъ что даже исторія Соловьева, по своей относительной новости, не оказалась въ библіотекѣ. Всѣ книги дозволено читать не иначе, какъ съ благословенія и по указанію отца игумена. Монастырь выписываетъ газеты и журналы, но этого уже никто не читаетъ, кромѣ игумена и тѣхъ, кому онъ соблаговолитъ дать для прочтенія. Письма, адресованныя монахамъ, проходятъ непремѣнно черезъ руки отца игумена. Купаться монахамъ отнюдь не дозволено, да и для постороннихъ посѣтителей нѣтъ купаленъ; отецъ Дамаскинъ, впрочемъ, въ видахъ соблюденія чистоты, завелъ баню, куда монахи могутъ ходить, но не иначе, какъ съ его благословенія. Все это устройство приведено въ порядокъ еще въ прошломъ вѣкѣ игуменомъ Назаріемъ, постриженникомъ Саровской пустыни; оттуда и взялъ этотъ игуменъ уставъ для Валаамской обители.

Помѣщенная въ описаніи, подаренномъ мнѣ отцомъ Дамаскиномъ, исторія Валаамской обители заключаетъ много драгоцѣнныхъ фактовъ, важныхъ не только для мѣстнаго быта, но и вообще для хода духовной жизни въ Россіи. Надобно однако замѣтить, что составители ея не слишкомъ критически относились какъ къ письменнымъ, такъ и къ устнымъ источникамъ монастырскаго прошлаго. Такимъ образомъ здѣсь дается полная вѣра какой-то рукописи, называемой *оповѣдь*, тогда какъ извѣстія сообщаемыя изъ этой *оповѣди*, ясно показываютъ, что это сочиненіе наполнено вымыслами и бреднями, подобными тѣмъ, какія встрѣчаются въ нашихъ хронографахъ. Между прочимъ, на основаніи этой *оповѣди* и другихъ легендарныхъ сказаній, дается вѣра тому, что основатели Валаамской обители, святые Сергій и Германъ, устроили монастырь еще до принятія Владиміромъ святого крещенія. Также точно въ книгѣ, подаренной мнѣ отцомъ Дамаскиномъ, не только признается фактически достовѣрною легенда о шведскомъ королѣ Магнусѣ, но даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ порицаются тѣ, которые осмѣливались, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, отрицать правдивость событія, расказываемаго въ этой легендѣ.

Во время поздней обѣдни мы сдѣлали на лодкѣ путешествіе по извилистому заливу внутри острова и посѣтили такъ-называемый «Большой Скитъ», гдѣ нашли красивую церковь съ ку-

поломъ византійской архитектуры, каменныя келіи, трапезу живущихъ въ скиту монаховъ и садикъ, обдѣлываемый ихъ руками. Мы хотѣли посѣтить еще скитъ Іоанна Предтечи, гдѣ живущіе монахи отличаются особеннымъ постничествомъ и строгостью жизни: они, какъ говорилъ намъ послушникъ—молчальники, давшіе обѣтъ ни съ кѣмъ не говорить ни слова и погруженные въ совершенное уединеніе. Но краткость времени недопустила насъ отправиться туда, потому что въ два часа долженъ былъ придти изъ Сердоболя пароходъ, на которомъ мы предполагали плыть въ обратный путь. Мы воротились въ монастырь и послѣ обѣда отправились на пароходъ. Можно сказать, что о монастырѣ Валаамскомъ мы вынесли самое уважительное впечатлѣніе, хотя въ сущности не могли вполнѣ узнать его, такъ какъ для этого потребно было бы время и бесѣды не съ монахами, а съ тѣми рабочими, которыхъ мы видѣли только издали. Мы должны были довольствоваться только тѣмъ, что намъ передавалъ приставленный къ намъ отъ игумена послушникъ. Мимо воли приходило въ голову, что все, сообщаемое намъ, преднамѣренно было окрашено въ такой цвѣтъ, какимъ покрыло его разсказы благословеніе отца игумена.

Къ вечеру въ шесть часовъ, въ тотъ же день, мы обратно прибыли въ Коневецъ и, пользуясь временемъ, начали совершать прогулку по острову, посѣтили одинъ скитъ недалеко отъ монастыря и застали въ немъ въ церкви монаха, который, не обращая вниманія на всѣхъ приходившихъ и уходившихъ, читалъ по своей обязанности синодикъ усопшихъ. Въ этомъ скитѣ, въ особой часовнѣ, мы видѣли деревянный крестъ, изгрызенный зубами благочестивыхъ богомольцевъ; этотъ крестъ приписываютъ святому Арсенію Коневскому и увѣряютъ, что онъ имѣетъ чудотворную силу исцѣлять зубныя боли. Изъ скита мы въ другой разъ посѣтили скалу, называемую «Конь-камень» и здѣсь случайно встрѣтили женщинъ, изъ которыхъ одна назидательно расказывала другимъ легенду объ этой скалѣ, но страшно изуродовала ея содержаніе. Она говорила, напримѣръ, что въ настоящее время каждый годъ здѣсь убиваютъ жеребенка для того, чтобы нечистая сила не пугала посѣтителей: безъ этого тутъ былъ бы громъ и разныя страсти; другія женщины слушали съ легковѣріемъ эту дребедень и потомъ боялись идти вверхъ по лѣстницѣ къ часовнѣ, но расказчица успокоила ихъ, сказавши, что послѣ убіенія жеребенка цѣлый годъ здѣсь безопасно.

Воротившись въ гостинницу, мы попробовали ужина отъ монастырской трапезы, но рѣшительно не могли ничего ѣсть: такъ

плохо было все приготовлено. Мы отправились вдоль по берегу озера къ новой церкви, которую, какъ говорили, собираются освящать въ іюлѣ—и здѣсь услыхали такого рода легенду. Во время крымской войны, въ Керчи англичане сожгли одинъ домъ, котораго хозяинъ, находясь въ военной службѣ, былъ убитъ подъ Севастополемъ. Вдова его, лишившись мужа, а потомъ дома, скоро умерла; осталась дочь дѣвица, имѣвшая тогда отъ роду 14 лѣтъ. Эту сироту поразилъ параличъ въ ногахъ. Она жила Христа-ради у чужихъ людей—и вотъ ей снится, подходитъ къ ней старикъ-монахъ и говоритъ: иди на Ладожское озеро въ Коневецкій монастырь и у гроба моего отслужи молебенъ Коневецкой Божіей Матери. Дѣвица эта была католическаго исповѣданія и не знала святыхъ православной церкви. Долго не могли ей объяснить русскіе люди, которымъ она расказывала свое сновидѣніе, наконецъ какой-то священникъ сказалъ ей, что дѣйствительно есть такой святой и больная какимъ-то путемъ добралась въ Петербургъ, а оттуда въ Коневецъ. Какъ только у раки преподобнаго Арсенія она отслужила молебенъ Божіей Матери, тотчасъ почувствовала, что ноги ея стали здоровы. Она отправилась во-свояси и вскорѣ ея обстоятельства пошли лучше. Спустя много лѣтъ видитъ она во снѣ опять того же Арсенія, который приказываетъ ей отправиться на Коневецъ и построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то Арсеній, по приходѣ своемъ на Коневецъ, поставилъ небольшую деревянную церковь, но по причинѣ болотистаго лѣса избрана была другая мѣстность, та самая, гдѣ и теперь стоитъ монастырь. Особа эта отправилась по назначенію. Церковь была заложена и такъ какъ у самой строительницы не достало капитала, то церковь была достроена на пожертвованія отъ доброхотныхъ дателей. Мѣсто, гдѣ стоитъ эта только что отстроенная, но еще не освященная церковь, чрезвычайно неудобно: тотчасъ за стѣнами церкви идетъ такое болото, что, какъ говорятъ, можетъ засосать каждаго, кто будетъ имѣть неосторожность ступить туда.

Переночевавши въ Коневцѣ, мы отслушали литургію, а потомъ въ нижней церкви молебенъ Богородицѣ. Во время молебна былъ отворенъ подлинный образъ Коневецкой Божіей Матери, писанный на деревѣ и сильно потертый отъ времени. Онъ постоянно покрытъ окладомъ, который отворяется во время молебна, служимаго для путешественниковъ. Архимандритъ Коневецкаго монастыря такой же старикъ какъ и игуменъ Валаамскаго, и хотя въ Коневецкомъ монастырѣ также установлено общежительство, но архимандритъ не стѣсняетъ братіи и позволяетъ имущимъ на свой счетъ кое-какія удобства въ жизни.

Оставивши Коневецъ послѣ молебна, мы къ семи часамъ вечера воротились въ Петербургъ.

8-го іюля 1877 года, отправившись въ гости къ одному изъ нашихъ знакомыхъ, А. Л. Боровиковскому на дачу близь Мерекюля, въ 18-ти верстахъ отъ Нарвы, мы, вмѣстѣ съ нашимъ обязательнымъ хозяиномъ, съѣздили нарочно въ Нарву, которая давно уже занимала мое воображеніе своимъ историческимъ значеніемъ. Прежде всего мы осмотрѣли Ивань-городъ, построенный въ XV столѣтіи на самой окраинѣ тогдашнихъ владѣній Московскаго Государства. Въ виду этого послѣдняго русскаго пункта, возвышались уже твердыни Нарвы, крайняго укрѣпленнаго города владѣній Ордена Меченосцевъ. До сихъ поръ сохранились огромныя массивныя каменныя стѣны, неправильными линіями расположенныя на площади довольно высокаго холма. Эти стѣны по верху окаймлены зубцами и снабжены круглыми башнями съ остроконечными кровлями; башни расположены по угламъ, пересѣкающимъ линіи. Въ одной изъ этихъ башенъ, по направленію къ югу, есть нижняя каменная пристройка, гдѣ, какъ сказываютъ, остались слѣды хода, ведущаго въ подземелье, проведенное будто-бы подъ рѣку Нарову. Замокъ раздѣленъ поперечною стѣною на двѣ неравныя половины, показывающія, что вѣроятно этотъ замокъ строился не въ одно время и что прежде онъ былъ малъ, а потомъ расширенъ. Изъ этого замка въ 1558 году началась перепалка русскихъ съ нѣмцами вслѣдствіе случайной ссоры, за чѣмъ послѣдовало завоеваніе Нарвы, которое повлекло за собою Ливонскую войну, окончившуюся паденіемъ Ливонскаго Ордена. Успѣхи русскаго оружія, какъ извѣстно, были уничтожены побѣдами Стефана Баторія; завоеванія царя Ивана достались польской Рѣчи Посполитой, а въ половинѣ XVII вѣка были отняты у ней шведами и оставались за послѣдними до Сѣверной войны, пока въ началѣ XVIII вѣка не покорены были Россіею. Видно что шведы, присоединившіе къ доставшейся имъ отъ поляковъ Ливоніи древнія русскія владѣнія вдоль берега Финскаго залива, заботились о поддержаніи и улучшеніи находившихся тамъ твердынь. Такимъ образомъ Ивань-городская стѣна была перестроена ими, о чемъ гласитъ сохранившаяся надъ воротами надпись, означающая годъ этой перестройки—1613-й. Въ срединѣ замка, въ болѣе обширной половинѣ его, находится церковь съ двумя остроконечными куполами; въ ней и до сихъ поръ отправляется богослуженіе, но священникъ живетъ въ городѣ Нарвѣ. Сторожъ,

единственное лицо, которое мы увидали въ Иванъ-городѣ кромѣ часовыхъ, не могъ намъ сообщить никакихъ достовѣрныхъ свѣденій объ этой церкви, хотя и увѣрялъ, что она построена при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Иконостасъ въ ней новый; немногія иконы въ церкви, судя по письму, принадлежатъ къ XVI вѣку. Въ ризницѣ мы видѣли кучу старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ, выброшенныхъ изъ шкафа за негодностью къ употребленію въ настоящее время: въ числѣ ихъ бросается въ глаза Евангеліе, печатанное при патріархѣ Никонѣ. Ниже главной церкви расположена зимняя церковь въ видѣ пристройки, куда надобно сходить изъ главной церкви по небольшой узенькой лѣстницѣ, ведущей внизъ; впрочемъ въ эту зимнюю церковь есть другой, главный входъ со двора. Вблизи церкви стоитъ зданіе другой маленькой церкви съ круглымъ византійскимъ куполомъ. Сторожъ говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжали какіе-то (какъ онъ выражался) инженеры, забрали оттуда всю утварь и иконы и заперли церковь, объявивши, что ее будутъ починять, но съ тѣхъ поръ никакихъ починокъ тамъ не производилось. Церковь стоитъ запертою и ни для кого непроницаемою. Противъ этихъ церквей, во внутренней сторонѣ внѣшней стѣны, существуютъ еще пещеры съ широкими аркообразными входами; тамъ, какъ говорятъ, были когда-то конюшни, а въ опустѣломъ каменномъ отдѣльномъ строеніи находилась, какъ должно думать, въ старое время «государева зелейная казна» (складъ пороха и огнестрѣльныхъ снарядовъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ

Jеремiи Галки

1841—1880.

Домъ въ с. Юрасовкѣ Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи,—мѣсто рожденія Н. И. Костомарова (4 мая 1817 г.).

Дитинка.

(Изъ народнаго преданія).

Темнои ночи коло воритъ
    Хтось стукотить;
Панськая служечка выйшла у сини:
Коло порога мизильна дытына
    Въ золотимъ кресли сидить.
На тоби, паня, мизильну дытыну:
Пестуй, годуй якъ ридненького сына;
    Пестуй ёго!
Ты жъ, моя кросю, не плачъ слизоньками,
Пидъ вышиваними сии пелюшками,
    Мое дитя!
Будешъ горишками срибними граться,
Золотимъ яблучкомъ перекидаться,
    Рости дитя!
Выростешъ, въ золоти будешъ ходити,
Будуть паняночки тебе любити:
    Рости дитя!
Билое личенько, каріи очи,
Буде счастливе, якъ серденько схоче...
    Мое дитя!
Выростешъ, станешъ про ридъ свій пытати:
Де тебе, роде, добути, узяти...
    Роду нема!

Ридъ не насиньня—на ниви не зійде,
Слёзы не дошчикъ—воно не пидійде—
Горе мое!
На неби зирка—ясна зирныця,
То твоя доля—твоя красовыця,
Доля твоя!
На неби доля, то вирна дружина,
На свити люде—свитъ цилый родына,
Свитъ не малый!

1841.

Зозуля.

Не сходило ясне сонечко;
Щось стукало у виконечко,
Виконечно одчинялося,
Я, молода, дивовалася,
Я, молода, якъ ягода:
Прилитала дрибна пташечка;
Чи то пташка щебетушечка,
Чи козаченькова душенька?
Ой устану я ранесенько,
Та умыюся билесенько,
Пиду въ поле зелененькое:
Въ поли сонъ-траву я рватиму,
Своей доленьки пытатиму.
Не цвити сонъ-зильля ярое,
Несчастливое, бездольное,
Надъ коханочкомъ милесенькимъ,
Козаченькомъ молодесенькимъ.
Его рученьки край крученьки,
А ниженьки край дороженьки,
Пискомъ оченьки засыпани,
У головонькахъ сонъ-зильлячко!
Ой не стане дня-годыноньки,
Ни часочка, ни часиноньки,
Тильки стане мого горечка,
Тебе зъ степу выглядаючи,

До родыны закликаючи.
Не сидила край виконечка,
У недилю до схидъ—сонечка,
Не сидила ночи темнои,
Не палила свичи теплои!...
Оглядала изъ тополеньки,
Та изъ самои вершипочки:
Куку! куку! мій милесенькій,
Куку! куку! молодесенькій.
Черезъ три гори высокіи,
Черезъ три степи широкіи,
Черезъ три рики глибокіи;
Загримили рики быстрыи,
Загудило поле чистее,—
Йде, йде, мій милесенькій,
Йде, йде мій вирнесенькій!
Собирайтесь, дрибни пташечки,
Вы мои весильни дружечки,
Не кохатиму дружиночку,
Не качатиму дитиночку:
Хай въ чужихъ воно кохаеться,
Свого роду одцураеться, —
Розвивайся, сухе дерево...
Куку! куку! Мати—въ темный гай!
До милого на тихій Дунай.

1841.

Еврейська Спиванка *).

(Зъ Байрона).

Жнива вбрали; смутно въ поли;
Пожовтили вже лиски;
И збираються по воли
Въ Ирій литьніи пташки.

Ой чому я не вродывся
Птахомъ быстрымъ та швидкимъ:
Полетивъ бы, опинывся
Въ краи риднимъ, дидивськимъ.

Полетивъ бы, окомъ звивъ бы
На замуленый Кедронъ,
И головку прихиливъ бы
На покинутый Сіонъ.

Хочъ населенъ ворогами
Край для мене доси свій;
Все до тебе думоньками
Рвусь, Сіоне мій святый!

---

*) Списана съ рукописи автора, хранящейся у А. А. Корсунова и обязательно имъ доставлена. (Изд.).

И далеко, на чужини,
Объ тоби гадать я звыкъ,
Привитать хочъ на годину
Зъ мене буде на весь викъ.

Той не дурно въ свити шлявся,
Хто на тій земли побувъ,
Де Господь намъ показався,
Де Господь насъ позабувъ.

1841

Яворъ, Тополя и Береза.

(Изъ народнаго преданія).

Оженила мати единачка сына,
Узяла невистку дивку сиротину,
Взяла и не рада—вовкомъ вовкуе.
По всякъ часъ бидну сиритку катуе,
Шлеть на поругу по-воду босу,
Нездягнуту, простоволосу.
Сиритка плаче, по пенькахъ ступае,
На своихъ ниженькахъ кровъ зобачае.
Прійде до дому—лае кативка,
Часомъ ухопить за косу сиритку,
Часомъ по личку іи затинае.
Сиритка плаче, до Бога взывае:
— Боже мій милый, Боже милостивый,
— На шчо ты держишъ въ свити несчасливу? —
Хотила мати на-викъ розлучити,
Дала сынашу меду-вина пити,
Его дружини отруты вложила.
Каже сыночокъ:—выпьемо, мила!
— Выпьемо, серце, по едній чарци,
— Будемъ лежати у едній ямци! —
Выпила мила, выпивъ миленькій,
Бере дружину,—тулить къ серденьку.
Пійшли обое въ широке поле,

Въ зелени луки, въ чисте болоньне.
Та вже сиритка очи закривае,
Миленькій мліе, слово промовляе:
— Яснее сонце, небо высоке,
— Земля широка, море глибоке!
— Хай наша доля у васъ зостане,
— Хай писля смерти коханьня не звяне!
— Хай по всимъ свити идуть про насъ висти,
— Хай писля смерти кохаемось вмисти!—
Ставъ молоденькій—зеленый явиръ,
Стала дружина—тополя била!
Стали ихъ ниженьки—чорни кориньнячки,
Стали ихъ рученьки—довгіи гильлячки,
Все ихъ одиньня,—зелене листьтя;
Оченьки, бривоньки кора покрыла,
Кривця горячая похолодила.
Одного зросту, листу одного,
Зхожи два дерева—одно въ другого!
Явиръ вершечокъ къ тополи схиляе,
Наче зъ дружиною ричъ повожае.
Выйшла матуся—древа зоглядала...
Туга велика на серце ій впала.
Плакала гирько, таяла, вьяла,
На злее серце свое нарикала.
Почувъ Предвичный—зминылась мати:
Стала ій коронька тило вкривати,
Стала матуся—береза била,
Понури гільля, сумна, журлива,
Все наче ные, усе жаліе:
То объ диткахъ вона все боліе!

1848.

Верба.

(Пісня Дездемоны).

Ой вербице зеленая,
Вербонько моя!
Пидъ вербою зеленою
Дивочка сидила,
И бидную головоньку
Доли похилила.
Ой вербице зеленая,
Вербонько моя!
И на груди положила
Били рученята,
И слизами заплакали
Кари оченята.
Ой вербице зеленая,
Вербонько моя!
И на билое каминьня
Слизоньки падали,
И холодне каминьнячко
Слёзы пробивали.
Ой вербице зеленая,
Вербонько моя!
Вийте винки, дивчатоньки,
Збирайтесь въ таночокъ;
Мени буде зъ зеленои
Вербоньки виночокъ!

1849.

Зори.

Выйду ничью въ чисте поле—гробы бованіють,
Погляну я въ чисте небо: тамъ зори зоріють.
Ясни зори, красни зори, люби зори, мили!
Буду на васъ поглядати, стоя на могили.
Ривнымъ рухомъ, живымъ духомъ на синимъ простори,
Огнемъ грають, свитомъ сяють неодминни зори!
Плинуть зори безъ упину вичными шляхами;
Не намъ, не намъ, дитямъ праха, любоватьця вами!
Насъ неволя, наша доля, на свитъ породила,
Подражнила свободою, тай не вдоволнила;
Дала розумъ пизнавати, шчо мы дурни зъ роду,
Дала серце нарикати на власну природу,
Обищала счастьтя-долю, а горе послала,
Пидманила надіею, а гробъ даровала!
Зори свитять, якъ свитыли, и будуть свитити,
А мы на ихъ подывывшись, ляжемъ въ землю тлити.
Дражнить вичность чоловика зъ темній высокости,
А могила ожидае ёго трухли кости!
Душа рветьця все до неба—непривитне небо:
Непривитне, безотвитне—насъ ёму не треба!

1852.

Наталя.

(Изъ народнаго преданія) *).

Не осиння буря оре
Ковбанями сине море;
Трохъ народивъ страшна сила
Въ Крымъ по морю навалила.
Идуть чутки лиховистни;
Лисъ гарматъ, ручныць подвижный
Руське царсьтво высылае,
Полкъ за полкомъ поспишае,
Зъ Дону, зъ Волги, зъ Московщины,
Изъ Уралу, зъ Украины...
И на бенкетъ той кровавый
Поспиша Ивась чорнявый.
Ой и де винъ опинытця,
Ой и шчо зъ имъ зострипетця?
Альма зъ славнымъ Инкерманомъ,
Севастополь зъ твердымъ станомъ...
Дома жъ любка, дома краля,
Зарученая Наталя.

---

*) Нѣмецкое преданіе, о которомъ народная пѣсня внушила Бюргеру мысль написать свою „Ленору", существуетъ и у насъ. Стихи, напечатанные курсивомъ, взяты изъ народной пѣсни. Я отнесъ это преданіе къ самому свѣжему историческому событію—осадѣ Севастополя англичанами и французами.

Авторъ.

Чиста дивочая душа;
Вона впова на небеса,
Іи молитва щира:
У ій дитяча вира.
Твердыть Наталя: Благъ Госпидь,
Хранытъ убогихъ и сиритъ:
Повернетця миленькій,
Живый и здоровенькій.

Промчався рикъ: одъ молодця
Нема листочка, и дивчя
Одъ горя зъ личка спало:
— *Пропало, все пропало!*
— *Не чувъ молитвъ дивочихъ Бигъ:*
Чорнявый певне десь полигъ
У поли коло моря:
Натали тяжке горе!

Втика людей, всякъ часъ сама;
Нема розваги ей, нема:
Нема и не настане...
Серденько марно звяне.
Противный ставъ ій билый свитъ
И ридной симьи привитъ:
Все плаче та ридае,
На Бога парикае!

Дурно матинка Наталю
Розважала, вговоряла:
„*Донько моя! схаменыся!*
„*Богу, донько, покорися!*
„*Терпи, серце, тую долю,*
„*Яку дасть небесна воля;*
„*Бо хто терпить — буде въ раю,*
„*А упартыхъ Богъ карае!*“
— *Хай карае якъ Винъ знае:*

— Гирше вже не покарае.
— Мени въ раю вична мука
— И зъ милесенькимъ розлука.
— Мени рай—зъ миленькимъ жити,
— Хочъ бы й муки зъ нимъ дилити! —
„Донько, донько, схаменыся!
„Богу шчире помолися!“
— Шчо молитва! Мамо, мамо!
— Богъ сміетця надъ слёзами! —
Такъ безумная Наталя
Дурне слово промовляла!

Уже вечирнои зари
Погасло свитло—зъ за гори
Вставъ мисяцъ повновидый:
Всимъ часъ прійшовъ спочити!
Не спыть Наталочка одна,
Сидыть небога у викна:
Скризь гильля мисяць свите:
Ось по шляху шчось йиде!

Земля гудыть и стугоныть,
Витрець по листяхъ шелестыть;
Хтось ѣде—поспишае,
До двòра привертае.
Наталя слуха—клямка брязь!
Ввійшло въ свитлицю... Хтожъ? Ивась!
Одъ радости Наталя
Ажъ трохи не упала!

„Немае часу—не пытай!..
„На шлюбъ зо мною поспишай,
„Не буде намъ розлуки!“
Выходять—давъ ій руку:
Рука холодна та важка,
Тамъ кинь стоить у рундука:

Чорнишый винъ одъ ночи,
Огнемъ палають очи!

Милый милу обіймае,
На сиделечко сажае,
Кинь изъ мисця, кинь зъ воритъ,
Кинь стрибае, кинь летыть...
Зверху чорный воронъ вьетця,
Вихремъ кинь баській несетця,
Скокомъ-скикъ черезъ балки,
Черезъ рики и байраки.
Копытами тупъ, тупъ, тупъ!
Воронъ кряче: трупъ, трупъ, трупъ!
Милый писеньку спивае,
Наталочку розважае.
„*Мисяць свитыть ясно, ясно,*
„*Мертвый йиде страшно, страшно,*
„*Чи не боисься ты, дивочко,*
„*Наталочко коханочко?*“
— *Чого жъ мини боятыся,*
— *Шчо я ѣду винчатыся?* —

Винчатысь справди ѣдемъ мы,
Тамъ ризныхъ матерей сыны,
Зійшлись весильни гости:
Постукують ихъ кости!
Якихъ не буде въ насъ бояръ...
Москаликъ, грекъ, арабъ, болгаръ,
Французъ и агличанинъ,
И турчинъ, и татаринъ!
„*Гей, коню, гей, не одставай!*
„*Гей, коню-коню! поспивай!*
„*Вже пивничъ настигае—*
„*Ось пивень заспивае...*
„*Шче триста верстъ*“... *и кинь летыть...*
„*Швидчишъ, быстришъ*“... *земля дрижить,*

Изъ боку лисъ меріе;
Ось у лису шчось вые...

„Хто вые тамъ? Я знаю васъ!
„Не квапгесь—ни! не въ добрый часъ!
„Не буде вамъ похмильля
„Изъ нашого весильля.
„Другихъ, голинних, позову,
„Дидивъ чубатыхъ назову,
„А вы соби лежите,
„Та солонци глижите!“

„Мисяць свите ясно, ясно,
„Мертвый ѣде страшно, страшно!
„Чи не боисься ты, дивочко,
„Наталочко, коханочко?“
— Чого жъ мини боятыся,
— Шчо я йиду винчатыся?—
Зверху чорный воронъ вьетця,
Вихремъ кинь баській несетця,
Копытами топъ! топъ! топъ!
Воронъ кряче: гробъ! гробъ! гробъ!
Тамъ у право залелило;
То Днипровськи ясни хвили,
Тамъ Хортиця—мисце гоже,
Мисце славне, Запороже!
Тамъ козацьки души ввьютця...
И въ проминняхъ мисяченька
Кохаютця козаченьки!
„Чуйте, чуйте! кряче крукъ!
„Поздравляйте! йиде внукъ!
„Здоровъ внуче въ ридним поли,
„Ты полигъ въ Севастополи:
„Слава тоби! Слава всимъ,
„Слава внукамъ одъ дидивъ!“

„Степовики и лугари,
„Сичовики богатыри,
„Привитъ вамъ, честь и слава,
„Дидамъ одъ внукивъ слава!
„Летить, летить за мною вслидъ,
„Весильный буде вамъ обидъ;
„До внука веселитця:
„Бо ѣде внукъ женитця!“

Гай, гай, чи все-жъ вы шче таки,
Яки були—степовики?
Онъ справди и могила
Васъ шче не выпрямила!
Чи шче лякаетесь жинокъ?
Не всяка жинка сирый вовкъ.
Ну-жъ, ну-жъ, швидчишъ за мною
Почтивою гурьбою!
Гей, коню, швидче—гопъ, гопъ, гопъ!
А отъ и славный Перекопъ!
Синіе Чорне море:
Отъ скоро, серце, скоро!
Отъ Альма кровью пидлилась:
А тамъ въ руинахъ простяглась
Кривавая водополь—
То славный Севастополь!

Ой ставъ мисяць примеркати,
Ставъ кинь чорный приставати.
„Не бійсь, не бійсь, Наталочко,
„Дивчинонько, коханочко!
„Чого тоби боятыся,
„Шчо ты йидешъ винчатыся?
„Ты моя теперъ до вику!“
Крикнувъ пивень—кукурику!
Гулькъ! изникло все... И стало
Якъ ничого не бувало!

Передъ нею у могили
Лежить милый почорнилый,
Коло ёго трупы й кости,
То ёго весильни гости:
На Наталю позирають,
До Натали промовляють:
А шчо, а шчо, Наталочко!
А шчо, а шчо, коханочко?
Чого тоби боятыся?
Прінхала винчатыся!

1855.

Въ 1857 году стихотвореніе это было передѣлано авторомъ въ намѣреніи издать съ другими стихами, потому что Севастополь оказался здѣсь не совсѣмъ у мѣста, но передѣлка нигдѣ не отыскана. (Изд).

Въ осени-лито.

Була мого вику въ маѣ ты моя зозуля:
Где взялася шуря-буря, холодомъ подула!
Насъ погнала, розигнала,—я одинъ зостався;
Пройшло лито, тогди зновъ я съ тобою спиткався.
Либонь лито повернулось: ты моя дружина—
Та не та вже молодая весняна пташина!
Свитыть сонце, мало гріе, лито не гаряче,
Часомъ дощъ холодный крапле, по давнини плаче.
Не розцвите мое серце, бо воно розбито!
То не лито настояще, то въ осени-лито!

30 авг. 1880 г.

УКРАИНСКІЯ СЦЕНЫ

изъ 1649 года.

СЦЕНА 1-я.

Кіевъ. Передъ Софійскимъ соборомъ. Звонъ по церквамъ. Зима. Козаки проходятъ въ разрушенныя Золотыя ворота. Народъ встрѣчаетъ ихъ.

Бурсаки изъ Академіи (*поютъ*):

Te, Moysen salvatorem
Canamus!
Russiae, Liberatorem
Celebramus!

Дѣти изъ школы (*поютъ*):

Честь Богу, слава!
На вики хвала
Війську Днипровому,
Що зъ божой ласки
Загнали ляшки
Къ порту Висляному!
А ридъ проклятый
Жидивській,—стятый—
Чиста Украина!
А вира святая,
Криномъ процвитае—
Исчезла Унія!

Хмельницкій.

Честь Богу, слава Богу, миліи браття! Писля многихъ виковъ недоли и кары, поглянувъ на насъ Милосердый зъ своего найвысшого ѳрону, не давъ дорешты имъяни нашому загинути! О, колибъ-то милость Его була до вику, а не на годину, не для того, щобъ горе наше стародавне стало гирше писля недовгои потуги! О, браття! браття! Чи вже така бидна доля присужена видъ Пана-Бога нашій Украини, що и въ часъ побидъ, коли зъ добрымъ скуткомъ завершивши тяжкую працю высвобоженя церкви и народу руського зъ неволи лядськои египетськои, звитяжное військо наше уступаеть у градъ сей великій, — навитъ и у сей часъ туга замисть радости муситъ серця наши обважати. (*Оборачивается къ козакамъ*). Чіе серце не обважиться скрухою, помышляючи о судьби града сёго, колись славна и горда столиця вольного и самостоянного народу руського, предкивъ нашихъ, градъ повный злата и срибра и каменіи честныхъ,—теперъ бидна руина, могила перешлои славы! Чіи очи не обильютця слизми, дывлючись на красоту храмовъ Божіихъ, на землю ниспроверженную? А особливе на храмъ сей, де сидали на столи старосвитськи князи наши, де лежать, забутіи потомками сиритськи кости ихъ,—на плацъ сей, де збиралось стародавне вече, де руськіи люде ствержали уставы своеи воли. Куды ни поглянемо—усюды зобачимо пыломъ припаліи слиды славы и свободы предкивськои и недавніи слиды недоли, поруги и неволи нашои! О земле, земле руськая! Довго стогнала ты посіяна костями и руинами, полита слизами и кровію дитей твоихъ! Чи не кончиться жъ ся довга ничь твого запустиньня? Чи не взійде теперъ надъ тобою щироясная заря вызволу? Помолимось, братія, единымъ серцемъ и едиными усты Всещедрому Богу, да сотворить памъятенъ для потомкивъ нашихъ и богатъ плодами счастьта и обновы Руси день сей, день нашого приходу у стольный, старый нашъ Кіевъ!

СЦЕНА 2-я.

Входятъ: Хмельницкій, Выговскій, Немиричъ; полковники: Вешнякъ, Чорнота, Джеджала, Адамовичъ и другіе; Кисель; и племянникъ его ксендзъ Лентовскій, Мястковскій, Позовскій и прочіе поляки.

Хмельницкій.

Будьте гостями милыми та любыми, шановни панове, просимо найнисше бидну мою хатыну навидыти и хлибомъ-силлю непобрезгувати. Що Богъ намъ давъ, полагаемо одъ чистого серця. А що було, то нехай не вертаеться: озьмемо прикладъ зъ симьи: де ворогъ чоловического рятунку розгнитить огонь ворожды, и браты спираються, сварються, а иноди й подеруться мижъ собою, а на потимъ помирються, заидять та заньють свою свару и знову вкупи братами живуть. А що добро, що красно, аще не жити братіи вкупи! Такъ и мы вчинимо. Наша свара—домова; ласкавый король пробачить намъ выступки наши, дасть намъ охранни привилеи,—а жинка наварить борщу, та поставить горилки на стилъ,—такъ мы заимо й заньемо усю першу колотню, тай житимемо щирыми пріятелями. Знаете, панове вельможни, у насъ здавну есть такій обычай, що коли мирються пійсля колотни, то жинка наварить стравы и тою стравою заидають лихо, та бильшъ уже не поминають старого, якъ добре говорють москали, шо кто старое помянеть, тому глазъ вонъ. Отсе, прохаючи вашихъ милостей на обидъ, я заказавъ, щобъ не наймычка и не стряпка готовила страву, а жинка моя сама своими руками. Такъ вельмо поважаю я вашихъ милостей, бо вы есть вистники намъ ласки короля нашого.

Кисель.

In principium подобае вашой милости, пане гетьмане Війска его королевской милости Запорожського, урожоный, значный пане Богдане сполне зо всимъ Війскомъ его милости Запорожськимъ gratiam agere найвысшему маестату Божому, же conservit vos въ нерозирваному союзи съ Речью Посполитою terra libertatis, де латво було вамъ домовитися що въ васъ болило, де вольность процвитае, якъ не можно того нализти нигды ни въ хрестьяньствѣ, ни въ поганьствѣ,—бо всюды неволя, сама тилько Корона Польска вольностію слыне. Въ едыній Короии

Польскій ваша милость моглесь одъ найяснійшого короля его милости такую consuetudinem одибрати.

Джеджала.

Та король якъ король,—але вы, королевенята, броите много и наброили. А ты, Киселю, хочъ не хвали своеи Польщи, бо то не годиться. Мы знаемо, що ты еси кисть одъ костей нашихъ; а теперъ одщепився и приставъ до ляхивъ.

Мястковскій.

Пане полковнику запорожській! Шануючи вашу милость повиннисьмо занотовати вашей милости, що ричъ его милости воеводы не до пана полковника, а до пана гетьмана належить.

Кисель.

Ваша милость, ясневельможный пане гетьмане, знаешъ, що я естемъ твоій милости зъ давнихъ литъ найщиршій amicus. Я того доказавъ. Сынъ—въ справи отцевській, servus fidelis въ панській такъ щире non possit ходити, якемъ я ходивъ у тій нещасливій колотни Війська Запорожського зъ Речью Посполитою; якъ я diebus et noctibus правдиве працуючи абы illam iridem новаго життя in coelum patriae evocare проводивъ—у тимъ Бога найвысшого testem facio, а що я pativi въ тей традиціи, не тильки въ Польщи, але въ чужихъ краяхъ, то тимъ едине утишалемся, же все то для интересу отчизны и виры нашои православнои передсявзято, которую виру купно зо мною ваша милость пріймаешъ и для prosperitatem Війська Запорожського, на той конець жебы не прійшло in postremum exitium. Любо тожъ мене omnes опочно шецовали, а я cum gaudis зъ Варшавы выихалемъ и тыхъ ихъ милостей пановъ, которыхъ мени коллегами дали, зъ собою маючи, до вашои милости поспишалисьмо, приносячи пробаченьие прешлыхъ выступковъ вашои милости, libertatem videris religionis грецькои, аукцію реестроваго війська restaurationem давнихъ правъ и свободъ запорожськихъ и вашей милости дозоръ и обмышлеванье зъ належачими signis турку-совою булавою и червоною хоругвою зъ написомъ Johanni Casimiri Regis nominis. Пріймаючи таки велики упоминки одъ его милости короля, пана своего, aequum est, пане гетьмане, жебы вдячнымъ parere, зъ татарами foederem nefandum розервати, хло-

повъ одъ розляння крови утримовати, не пріймуючи тыхъ colluvies, котори понынѣ perfidissime sanguinem nobilem прагнуть подъ свою protectionem, але розказуючи имъ послушеньство панамъ и на горло караючи ребеллантовъ, ad arandum me vulgum insanem reddere, нарешти до комисіи зъ нами, комисарами его милости Речи Посполитой celerissime приступити.

Джеджала.

Се, пане Киселю, що вы поприносили зъ собою от-си клейноты, булаву та червону корогву, та грамоту,—то се все—выбачайте на симъ слови—цацьки, а бильшъ ничого. Мы не диты и не дурни, и тямимо добре, що вы хочете насъ приборкати, щобъ мы ярмо панське зъ себе зкинувши, та впъять надилы на шію. Нехай злизнуть ваши солодкіи дары: шаблею росправимось, а коли щире хочете мира, то майте вы соби свою Польщу, а намъ козакамъ Украина нехай зостаеться.

Хмельницкій.

Пане полковнику! Пане полковнику! Чи вы пошалили сегодни, панове, що напередъ старшого суетесь та у мене одвитъ зъ головы выбиваете? За таку великую ласку, що мени его милость найяснійшій король оказавъ, и урядъ надъ військомъ давъ, и прошле преступсьтво мое пробачивъ—за те дьякую найнизше. А що до комисіи, то вона заразъ зачатися и отправоватися не може, війська въ загаенью не мае, паны старшина далеко, а безъ намовы зъ ними я не мушу и не смію ничого учинити.—Тай на що у сей веселый и любъезный для мене часъ объ тимъ рахувати? Усе добре буде. У насъ зъ старовины такъ водилось, що гостя спершу нагодують, а потимъ вже роспытують: видкиль винъ и по що прибувъ. Выбачайте пане комисары, коли не до ладу. Сидайте та выпьемо по чарци. Ганно! почастуй лишень зъ своихъ билыхъ рукъ дорогихъ гостей горилкою, якъ звычайно добрій господыни подобае! (*Ганна обноситъ гостей водкою; она подчиваетъ изъ золотыхъ чашъ; за нею Настя съ большою бутылью*).

Хмельницкій.

Выбачайте, панове, — чимъ багати — тымъ ради. Мы люди прости и не дуже выховани: пьемо горилку просту сивуху, а зъ кубкивъ золотыхъ, бо то намъ дае шабля, якъ правдивымъ

воинамъ належить. Та у насъ есть-таки й венгерськи и нимецьки вина; давно мы сёго не знали, а якъ Богъ ставъ особливе благословляти наше оружіе, то мы и грунтовнійше и багачче почали житы. Просимо панивъ за стилъ (*Садятся*). Я разомъ радый и нерадый, що отримавъ такую честь, що ваши милости не побрезгували увійти у мою козацьку хатину и моеи хлиба-соли покуштовати. Радый я тимъ, що одъ вашихъ милостей таку прихильность бачу, а нерадый тымъ, що мы, по своій простоти, не уміимо вашихъ милостей належите приняти. Сами бачите, якъ у насъ все просто, по хлопськи. Дьяка Богу що поборовъ за нами на пилявецькихъ поляхъ, де панове ляхи въ страху порозгубили дорогіи креденсы та кубки, та лижки срибни й золоти, а тобъ прійшлось такихъ шановныхъ дорогихъ гостей зъ дерева частувати. Нехай же наша щира пріязнь допевняе нашу простоту.

Молодой Кисель.

Добрый антипастъ!

Кисель.

Ваша милость, ясневельможный пане гетьмане, рачивъ бы доповнити ту простоту, на котору ся такъ ускаржаешь, щирымъ напередъ послушеньствомъ Речи Посполитой, вирнымъ захованьемъ въ повинности своій, оддаючи запомнѣню якъ було передъ тымъ взаемни долегливости.

Хмельницкій.

Истино такъ, пане воеводо. Давайте жъ намъ на стилъ, жинкі, все що припасли. (*Подаютъ кушанье*).

Ксендзъ Лентовскій.

Шануючи вашу милость, ясневельможный пане гетьмане и всихъ васъ, панове старшина козацькая, повиненъ я на quid quam одважитися, якъ смиренный служитель олтаря Божого. Хоча всходня греческа вира и не належить до единои святои Апостольскои церкви, однакъ мы згодимся зъ вами in dogmatimus, але завше повиннисьмо оддалитися отъ богомерзкихъ еретикивъ, апостативъ, наслидовцовъ проклятого Арія. Мабуть добре ненавидите вы насъ, козаки, що навитъ побратимсьтво тримаете зъ ворогами нашои и вашои церкви. Чи знаете вы, кого до себе приняли in personae Юрія Немирича, которого зъ великою скру-

хою вижу передъ собою. Сей зополный зрадникъ виры и костёла и отчизны, кривоприсяжникъ, розсиваньемъ насиння душевредного на ниви Христовій наволокъ на себе праведный судъ костёла, который присудивъ его, якъ члена зловонного и прокаженого, одсикты, для спасенія вирныхъ, а винъ якъ зрадникъ утикъ и приставъ до васъ. Вы жахнетесь, козаки, коли я скажу вамъ у чимъ ёго преступсьтво. (*Всѣ слушаютъ съ изумленіемъ. Немиричъ потупляетъ глаза*).

Хмельницкій.

Коли ёго выступокъ костельный, то до насъ не належить, бо мы не духовного чину люди, и не часъ и не мисто намъ объ тымъ теперче диспутовати: бо ваша милость не судьею до насъ прибувъ еси.

Лентовскій.

Не судьею, але обличителемъ. Немиричъ! Передъ шановною громадою козацькою я кажу, що ты hereticus, apostata, наслидовець Арія проклятого. Я читалемъ твою libellam, де ты написалесь, що бильшъ et clarior Бога познаешъ in natura quam in libris sanctorum patrum; що Іисусъ Христосъ страждавъ за свою doctrinam, а не якъ victima irae coelestis, тимъ же Spirito veritatis надхнутый, который и sapientiae humanae causa erat, и же для спасенія чоловика, не sunt necessitate обрядки и церемоніи костёла святого. Тебе присудили спалити, а ты утиклесь и присталесь до козакивъ, розносячи всюду venenum foetidum heresiae. Каждый правовирный христіянинъ повиненъ зъ тобою nec edere, non dignus es головы своеи пиднести coelum ac solem videre; non debet земля кости твои accipere; pulver tuus буде in potentiae infernalis, имя твое — поношеніе hominibus и genus, коли fuerit semen diaboli буде per soecula soeculorum. Кажи, при панахъ козакахъ, вѣруешъ у Святую Тройцю?

Немиричъ.

Не тоби, пане ксёндже, мене пытати, не мени тоби одвитъ давати, але скажу тоби ради козакивъ, бративъ своихъ.

Джеджала.

Се, пане Немиричу, вилами писано, якій ты братъ козакамъ; намъ здаетця, що ты ближчій братъ сему ксёндзови, що такъ на тебе озвирився.

Немиричъ.

Коли, панове, я не вартъ того, щобъ называтись вашимъ братомъ, то все таки я вашъ слуга. Бо здаетця я бувъ пидъ Львовомъ и пидъ Замосьцемъ, и може хочъ за сю перевьязану руку дасте вы мени и заборонитись и наречитися вашимъ слугою.

Молодой Кисель.

Зъ пана—слугою! O tempora, o mores! O perfidiae!

Немиричъ.

А Панъ Іисусъ Христосъ не зробився хиба слугою усимъ? Панове ксендзы добре знають святе письмо и на кожный случай приведуть textum, а одъ того пильно уникають, що ихъ милостямъ очи выпда. Ты пытаешъ, пане Лентовській, чи вирую я у Святую Тройцю? Вирую, та ще хочу щобъ и на земли була imago тей Троици у трохъ видахъ: першій видъ тей imaginis — то правда, —и вы сёго не пріймаете, бо завше говорите неправду и sensum verborum Христа перевертуете за для вашои корысти, ошукуючи несмысленыи люди; другій видъ тей imaginis — то братолюбіе, —и вы сёго не пріймаете, бо клянете и гоните бративъ вашихъ и направляете брата на брата, народъ на народъ, землю на землю; третій видъ тей imaginis — то разумна воля — и вы сёго не пріймаете, бо втисняете слабыхъ и клапяетесь сильнійшимъ одъ васъ, и другихъ тому навчаете. А козаки — те знають и те пріймують, бо встали за правду, за братство и за свободу, и теперъ ради зъ вами, якъ вольныи зъ вольными и ривныи зъ ривными, побрататися, — а вы не хочете!

Хмельницкій.

Що панъ Немиричъ сказавъ, то все те справедливо. Коли ваша святая инквизиція знайшовши у ёго книжци, которой мы не читали, щось геретыцьке, присудила ёго спалиты живцемъ, а винъ того уникаючи до нашои восточнои виры утикъ, то такее выбавенне Божои воли приписати маемо. У нашій святій восточній церкви николи не було й не буде инквизиціи, мы никого

не палимо, а хто, по немощи розума, зблудить зъ правого пути, того мы видсылаемо до пастыривъ нашихъ честныхъ, сами, по простоти своій, у те не уступаючи. А вашу милость, пане ксёндже, повторне и найнизше прошу—тую розмову перервати, бо и мини и всимъ намъ вона не подобна.

Лентовскій.

Еднакъ, ясневельможный пане гетьмане, розважъ, ваша милость, чи подобно слухати богопротивніи речи мени, который естемъ membrum Ecclesiae...

Хмельницкій.

Пане ксёндже! Я тутъ господарь. У третте и останне кажу вашій милости мовчати!

Вешнякъ.

Мовчи, попе! Твое то дило намъ те задавати. Ижъ пиригъ зъ грибами, а языкъ держи за зубами, а то—ходи-но, попе, на двиръ—тамъ я тебе поучу запорожськихъ полковникивъ шанувати!

Хмельницкій.

Тихо! Полковнику!

Выговскій.

Пане полковнику! Ты всю нашу справу нивечишъ.

Вешнякъ.

А що винъ убравсь сюды, якъ свиня у двиръ, та ще й носомъ рые!

Лентовскій.

Правый Боже! Будь нашимъ свидкомъ! Чи сежъ на новыи кривды и инжюрыи мы до васъ пріихали, козаки? Чи сежъ намъ recompensum за те, що мы отрималы стильки праць и несчастття, поки прибулы до вашои милости, абы принести вашои милости пробаченне и ласку одъ короля, пана вашого?

Хмельницкій.

Пане ксёндже! Вашій милости не подобало починати тіи защипки. Ваша милость знаешъ, що народъ у насъ простый, звычаевъ лагодныхъ не знае, а ваша милость—чоловикъ ученый и розсудный: на щожъ чепляти простоту и нализати на свару. Пане полковнику! За кривду, що учинывъ еси панови ксёндзови, повиненъ еси пробачення прохати, або выходити заразъ зъ хаты.

Вешнякъ.

Прохати пробачення у ксёндза! Та запорожській козакъ не погне спины навитъ и передъ самимъ метрополитою. Я пійду лучше зъ хаты. А ты, вражій ксендзъ, не хочешъ йти зо мною? Я бъ тоби давъ тамъ доброго прочухана! (*Уходитъ*).

Хмельницкій.

Теперъ, покуштуемо вина от-сёго, що мени приславъ его милость Ракочи, мій щирый пріятель. Гарне вино, столитне. Жинко! Пидносъ панамъ. (*Ганна подноситъ вино*). Выпьемо першій кубокъ на здоровье нашому найяснійшому королеви, панови нашому милостивому!

Кисель.

Нехай пануе згода и миръ межъ Русью и Речью Посполитою! За циле Его королёваньне, и нехай далекіи потомки со слизами радости читають въ гисторіи про день сей—початокъ трвалого покоя и счастьтя обоихъ людивъ!

Молодой Кисель.

Якъ то мило, якъ то любо пити за здоровье свого пана въ доми у того, зъ кимъ постановляеться миръ, а звлаща зъ рукъ гарной господыни.

Хмельницкій.

Дьякую за похвальбу моій жинци, вашей милости. Истинно, вона для мене великій скарбъ на свити.

Лентовскій.

И добрый малжонокъ для жоны тежъ найвысшій скарбъ на свити. Пани Хмельницька тымъ найбарзій счастлива, що у пріязни

малженській зъ вашею милостью знайде одраду одъ недавнёго горя, що іи милость постигло.

Хмельницкій (*съ удерживаемымъ гнѣвомъ*).

Про якее недавне горе ваша милость говоришъ?

Лентовскій.

Про несчастливу смерть отца іи милости, старого пана Здешанського, которого окропно замордовали козаки въ Барѣ, коли винъ не зхотивъ приняти всходнёи виры, fidelis filius matris suae verae Ecclesiae Romanae. (*Ганна роняетъ подносъ съ кубкомъ и закрываетъ глаза руками. Всѣ оборачиваются. Немиричъ подбѣгаетъ къ Ганнѣ и говоритъ ей что-то, а потомъ уводитъ ее*).

Хмельницкій.

Не турбуйтесь, ясновельможніи панове комисары: моя жинка —баба. Будемо пити!

Кисель.

Жалко, ще панъ ксёндзъ при своій эрудиціи, не вѣдае leges hospitalitatis.

Позовскій (*тихо ксендзу*).

Немиричъ пріемну оффицію выконае у козакивъ cicisbeo galante молодои гетьмановои.

Лентовскій (*тихо Позовскому*).

Добра пара: апостата зъ чужоложницею. Немиричу fas est Хмельницького gloriosissima facta cornibus coronare.

Хмельницкій.

Здаетьця мени, що жинци моій горе объ отцю добавила притомность ёго милости пана Лентовського, ксёндзя римськои виры; бо того не можно забути, якъ мою жону, мою душу,—мою Ганну, заручену зо мною, гвалтовне хвачено за шію въ костёлъ и примушено до слюбу зъ тымъ бенкартомъ литовськимъ,

пьяницею польскимъ, розбишакою украинськимъ. Того и я не забуду, бо того не забудешъ, хочабъ и хотивъ, що дуже вгрызлось у серце. Ха, ха, ха! Чи можно, панове ляхи, забути Украини вси раны й болисти, що одъ васъ терпила вона,—бидна, обшарпана сирота? Чи можно навитъ дальнійшимъ потомкамъ забути поношенне имъяни нашого, наругу надъ вирою нашою, окропни муки и тортуры наши,—священниковъ божихъ посаженыхъ на паль, дитей въ казанахъ свареныхъ... Ни! ни! (*ударяетъ въ столъ рукою*) швидче огонь зъ водою поеднаютьця, нижъ Русь наша зъ Польщою вашою!

Кисель.

Ежели въ Речи Посполитои есть люди, котори чинили вашей милости кривды и теперъ не зычливы, то найбильше такихъ, котори щире жадають здоровья и сполного мира и згоды вашій милости и всему Війську Запорожському. Цила отчизна неповинна за одного, або за килька зухвальцовъ. Полецаймося на Бога и на Пречистую Матерь Его, жебы намъ зъ неба одибрати такую мысль и скруху, щобъ могло все то ся въ лѣпше обернути. Я не апробую поступковъ тыхъ, котори до вашей милости негрешни. Lavo manus meas и прошу найнизше умирити справедливыи аффекты, позираючи на насъ комисаровъ, якъ на щирыхъ пріятелей, вашей милости приносячихъ згоду отчизны, которои вирнымъ сыномъ ваша милость бути маешъ.

Хмельницкій.

Шкода говорити! Все, що вы говорите—то все на витеръ иде. Ваши трактаты и комисіи пальцями па води пищутьця. Знаю я васъ ляхивъ добре; колы васъ лиха година пристигне, то вы тоди до насъ „padam do nóg, całujemy rączki“; а якъ скоро бида минула, то мы у васъ „psia krew“, найпослидни зъ твари, хужче собаки. Просто реку, пане воеводо,—вы пріихалы не для того, щобъ щире миръ и згоду постановити, а на те, щобъ насъ одурити. Иде объ здоровьи нашемъ и цилости всей Руськои нашои отчизны на дальніи потомки и годы: того легко важити не можно. Ваша милость ладно мовишъ о пробаченьи королевськомъ, та споминаешъ про наши преступсьтва, — а объ тимъ ани слова, щобъ насъ удоволнити. Бо Речъ Посполитая повинна оказати намъ справедливость на всихъ нашихъ ворогахъ и злочинцяхъ. Не скажу про Чаплинського: то мій власный

ворогъ; але наприкладъ панъ Вишневецькій: винъ-то найбильша причина розлитія крови, бо скоро мы розгромили кварцяне військо и сталы у Билои Церкви шукати примирья и заспокоенья одъ короля, князь, ёго милость, почавъ тревожити козакивъ, священникивъ лупивъ, мучивъ, на пали вбивавъ, свидрами очи выкручувавъ и иншіи муки задававъ. Треба конешне, щобъ ёго скарали за те, и не буде ничого доброго, колы ёго не скарають. Виненъ и панъ Краковській, що на мене наступавъ, колы я in angustiis Borysthenis свою душу уносывъ, але той одибравъ свое; виненъ и панъ хорунжій и вси, що козакивъ. молодцивъ заслуженыхъ Речи Посполитои у хлопивъ оберталы, лупыли, волосься таргалы, у плуги запрягалы. Треба, щобъ надъ всима ими судъ нарядыли и всихъ винныхъ скарали. Отъ и теперъ: вы пріихалы зъ комисіею, а въ Литви Радзивиллъ кровъ лье; зъ одного боку насъ лагодными лыстами та комплиментами обсыпають, а зъ другого на насъ наступають. Нещиростью, панове ляхи, нычого не зробите. Коли хочете мира, такъ мириться такъ, щобъ уже николы не було повадки насъ запрягаты, а коли вы то сее, то онее, то будемо лучче воювати: або мени зо всимъ Військомъ Запорожськимъ пропасти, або всій Польщи и всимъ дукамъ, королькамъ и шляхти згинуты.

Кисель.

Вздыхнувши de profundis cordis meae, мушу я слухати тіи орацiи, такъ незгодни зъ тымъ, що передъ симъ за годину ваша милость мовивъ еси. За що ваша милость докоряешъ мене нещиростью? Чимъ dignus sum тей ганьбы? Тымъ, хиба, що терпивъ одъ своихъ и одъ чужихъ обелги и кривды! Боже милостывій! Чи мало ще мини хреста сёго поноситы? Козаки спалылы мои маетки, хлопы мои власни, приставши до ребелліи, шукалы життя мого, безъ притулу profugus et pulsus, не міючи де головы приклоныты, прійшовъ я до своихъ братывъ—урожоного шляхетства: тамъ мене vocabunt зрадникомъ; докорялы мене за те, що я говоривъ имъ о згоди зъ козаками, а я все терпивъ, все переносывъ, все одно тилько verbum было на устахъ моихъ: миръ и згода! А чого не набралысьмы идучи до вашои милости по розруйнованои и спаленои краини—и холоду и голоду, и килька разивъ приходылось мени за душу свою tremolare,—я все запомнывъ, скоро пріихавши до тебе, почувъ одъ тебе ласкове verbum pacis et fidelitatis! Ахъ! Ненадовго! Ты докоряешъ нещиростью нашу комисію; чому жъ передъ симъ не спытавъ еси: въ чимъ буде

та комисія? Чи можно осужоваты те quid fierit. Приступи до трактативъ, тоди й говоры, чи щиро, чи не щиро мы прибулы до тебе!

Хмельницкій.

Шкода говориты, пане Киселю! Знаемо мы ваши комисіи! Не Павлюкъ я вамъ и не Острянинъ! Я напередъ знаю, що зъ сеи комисіи ничого не буде. Война! война у тыхъ трехъ або четырёхъ недиляхъ! Выверну я васъ всихъ-ляхивъ до горы ногами и потопчу такъ, що будете пидъ моими ногами, а на остатокъ васъ цареви турецькому у неволю оддамъ. Король королемъ буде, щобъ вильный бувъ соби, та стынавъ шляхту, дукивъ, князивъ... Согришыть князь—урижъ ёму шію; согришыть козакъ—и ёму тежъ зробы! Я соби лыхій, малый чоловикъ, але мени такъ Богъ давъ, що я теперъ единовладный самодержець руській. Не схоче король королемъ вильнымъ бути—якъ ся ёму видыть. Скажить се королеви и всимъ станамъ вашои Речи Посполитои. Що? Чи не шведами мене застрахаете? И ти мои будуть; а хочъ бы й не були, хочъ бы ихъ було пьятьсотъ тысячъ—не переможуть воны Руськои Запорожськои и татарськои мочи. Богъ покарае, окропно покарае вашу Польщу! Згине Польща, згине Польща—и Русь буде пановати на цилый свитъ!

Кисель.

Пане Богдане, урожоный, почтивый гетьмане Війська Запорожського! Хоча я и чую одъ вашои милости таку мову, еднакъ прыписую іи аффекту, власливому найбарзій великимъ душамъ, которіи скоро обачутьця, латво прыходють ad meliorem mentem. Будучи здавна щирымъ твоимъ пріятелемъ и найнизшымъ слугою, не смію помыслиты, щобысь ваша милость оддавъ въ руки поганыхъ безъ причины не тильки ляцьку и литовську земли, але и виру руськую, всходнюю, и церквы святыи, тымъ найбарзій, що король ёго мылость и Речъ Посполитая поляцають намъ докинчаты зъ вами mitiores conditiae. Ежели вашой милости кривда сталася одъ Чаплинського, уже одибралесь того зъ лихвою, ставши головою и гетьманомъ Війська Запорожського; ежели військо запорожське жалуетьця на личбу або на грунты, то король его милость обицуе удоволнити васъ у тимъ: нехай козацького війська буде не тильки десять але и двадцять тысячъ, навитъ и пьятнадцать; одъ вашои милости то едине потребуетьця, жебы ваша милость розервавъ звязокъ зъ татарами, прирожеными

ворогами народа руського, вернувъ бранцивъ польскихъ, узятыхъ козаками въ часъ замишання, одступывъ одъ черни, щобъ хлопы оралы, панамъ своимъ слуговалы; колы хочете,—лучче йдить на туркивъ, або на татаръ: Речъ Посполитая въ тымъ вамъ не запынае: лепше поганыхъ биты, нижъ христіяне. На таки кондыціи панъ гетьманъ запевне позволыть?

Хмельницкій.

Шкода говорыти! Ще разъ скажу: шкода говорыти! Булобъ у той часъ трахтовати зо мною, якъ мене Потоцьки ганялы за Днипромъ и на Днипри, и пійсля Жовтоводськои й Корсунськои играшки,—теперъ уже часу не маешъ; теперъ я уже зробивъ те, объ чимъ и не мысливъ,—зроблю теперъ те, що замысливъ: выбью изъ ляцькои неволи народъ руській—весь! Перше я воювавъ за шкоду и кривду свою, теперъ воюватыму за виру православну нашу; допоможе мени вся чернь по Люблинъ, по Краковъ; я одъ неи не одступлю, бо то права рука наша, щобъ вы хлопсьтва не знесшы у козакивъ не вдарилы. Двисти, триста тысячъ своихъ митыму; вся орда прійде на помочъ; ногайци стоять на Саврани; мій Тугай-Бей, братъ мій, душа моя, едыный сокилъ на свити, готовъ все учиныты, що я схочу: вична наша козацька пріязнь; свитъ ін не розирве. За гряныцю войною не пійду; шабли на Турки и Татары не пидниму, — буде зъ мене мисця на Украини, на Подоли, на Волыни, досыть мени часу й достатку въ земли и княжестви своимъ—по Львовъ, по Хелмъ, по Галичъ. А ставши надъ Вислою, повидаю дальнимъ ляхамъ: сидите, ляхи, мовчите ляхи! Дукивъ, князивъ вашихъ туды зажену; а будуть за Вислою крычаты—я ихъ и тамъ знайду; не зостанетьця мени жодного князя ни шляхтюка на Украини, а который зхоче зъ намы хлиба исты — нехайже Війську Запорожському послушный буде, а на кормъ не брыкае.

Джеджала.

Уже минулы ты часы, колы насъ сидлалы ляхи нашими людьми христіянами: булы намъ сылни драгунами, теперъ мы ихъ не боимось; дизналы мы пидъ Пилявцами, що то за ляхи: не ти вже се Ляхи, що передъ тымъ бувалы, та били Турка, Москву, Татары, Нѣмци, — не Жолкевськи, не Ходкевичи, не Конецьпольски, не Хмилецьки, але Тхоржовськи та Заенчковськи,—диты въ зализо поубираны, померлы одъ страху, скоро

насъ узрилы; не було насъ въ середу тильки три тысячи, а колы бъ до пьятныци почекалы, — ни одынъ бы ляхъ живцемъ до Львова не утикъ!

Хмельницкій.

Мене патріарха въ Кіеви на сю войну благословывъ и зъ жинкою моею давъ мени слюбъ и грихи мои розришывъ и кончать ляхивъ розказавъ. Якъ же мени ёго не слухати, велыкого, старшого головы нашого, гостя любого? Уже я й полки обиславъ щобъ кони кормилы, та у дорогу булы готови, безъ возивъ, безъ гарматъ,—знайду я то у ляхивъ! А хтобъ зъ козакивъ взявъ одну колясу на войну—кажу ёму голову стяты. Не возьму и самъ зъ собою жаднои, хиба юкы та саквы.

Позовскій (*тихо къ Лентовскому*).

Ото зажарта бестыя!

Лентовскій (*къ молодому Киселю*).

Що то за патріарха такій? Чи то ёго милость метрополита кіевській?

Молодой Кисель.

Ни; то proscriptus якійсь, excommunicatus ob gravia scoelera; мотавсь по свиту, ниде ёго не прынялы, а въ Украини найшовъ соби овечокъ.

Хмельницкій.

А що вы говорите, щобъ я видпустывъ бранцивъ вашихъ,— того не буде. Нехай того и самъ король не думае. Бо то речъ завоёвана.

Мястковскій.

И погани, пане гетьмане, звыклы бранцивъ одпускаты на знакъ пріязни доброи. Черезъ мене самого, литъ тому зъ девъять, Ибрагимъ Султанъ Оттоманській цезаръ даровалъ королеви ёго милости килька сетъ вязнивъ зъ галеръ и Сараю свого. А ваша милость, пане гетьмане, будучи подданый короля ёго милости и слуга, взявши булаву и хоругов одъ пана, не хочешъ слугъ панськихъ и дворанъ рукодойныхъ панови своему оддати,—не шаблею, не на плацу битвы, але кондыціями, трактатами забра-

тыхъ,—не хочешъ черезъ насъ пословъ и комисаровъ одиславы, але ихъ въ тяжкимъ голоди и неволи тримаешъ: щожъ мы объ твоей зычливости и послушенсьтви розумиты маемо?

Хмельницкій.

Я ихъ пущу тоди, коли мени жаднои защипки не буде одъ ляхивъ, и теперъ бы навитъ пустывъ бы ихъ, бо я чоловикъ милосердный: але панове ляхи хочуть выманити у мене своихъ братывъ на те едино, щобъ безпечнійше наступати на насъ. Отъ панъ Потоцькій молодый заихавъ мисто мое Баръ на Подолю; отъ я пославъ ёму сказаты, коли не послухаетьця, то пошлю війська и кажу ёго живцемъ до себе привести. Тоди одного брата поставлю на пали на еднымъ конци города, а другого на другимъ: нехай дружка на дружку дывлютьця!

Мястковскій.

А хиба козаки того не роблять. Въ Кіеви мало що за часъ замишання скильки побыто шляхетського стану, и теперъ Нечай полковникъ брацлавській якъ звиръ лютуе; ляхивъ останки шукають навитъ пидъ землею и неповинна кровъ струменами тече у Днипръ, взываючи до Бога, якъ кровъ Авеля.

Хмельницкій.

Не казавъ я неповинныхъ забиваты, але тыхъ, которы надъ вирою православною згнущалыся; мій Кіевъ,—я князь и воевода кіевській, бо мени ёго Богъ давъ навитъ и безъ шабли.

Кисель.

Пане гетьмане запорожській! Non videas пришлыхъ речей coecus фортуною настоящою, спущаемыя на patronatum, которая скоро кому почне надъ миру ludere, того скоро и видступыть: ad vitrum подобне, которое скоро упадне, то и розибьетьця. Рачъ даты fidem зычливости моій, коли Війську Запорожському хочешъ добра. Уже досыть маешъ фортуны; не спущайся на

децызыю войны, покинь contra polonos розгнѣваныхъ consiliares: iram et speram victoriae; не усилуй Польщу згубиты, Русь хотячи tollere. Одступи татаривъ. Чи ты думаешъ, що ради піднесення виры руськои и народа руського воны вамъ помогають? Воны на розлученье наше сами сподивають. То для нихъ bonum, коли Ляхи, Литва, Русь, козаки будуть inter se битыся и единъ другого губиты, а воны всихъ sparsim заберуть. Розважъ, пане гетьмане, и те: теперъ король ёго милость зъ тобою cum gratia цертуе, а коли те его ласку поспонуешъ, то рушить на тебе військо всею сылою. Повѣрь, пане Хмельницькій, коли погордуешъ моею радою, ничого не знайдешъ, тильки одну згубу виры и народу руського, и неповинне кровъ пролита упаде на твою душу.

Хмельницкій (*тронутый*).

Пане воеводо! На оборону отчизны коханои взявъ я въ руки оружіе и поти его держатыму, поки життя мого стане, и поки вольности не дибьюся. Лепше голову положиты, нижъ у першу неволю повернутыся. Знаю, що фортуна слизька, але надію певну полагаю на справедливость своеи справы, и вирую, що Богъ потягае за правду. Короля якъ пана шануемо; папивъ и шляхту ненавидимо, и николи одни другимъ не будемо пріятелями. Еднакъ, завтра я подаю вашимъ милостямъ пункта до трактативъ; коли щиро схочете на те шлюбовання позволити, то и замирытись намъ не трудно буде, а коли — ни, то я не устану одъ упартои войны, а зрадливого покою — не хочемо!

СТИХОТВОРЕНІЕ

(написанное въ Крыму въ 1852 году).

Юпитеръ свѣтлый плыветъ по зеленымъ водамъ киммерійскимъ,
Сонъ туманный покрылъ и городъ, и портъ. Но въ селеньяхъ
Сильныхъ Пантикапеи бродитъ странникъ унылый,
Смыслъ могильныхъ вершинъ уловляя при тускломъ мерцаньи.
Скорбь посѣтила обитель отжившихъ. Врагъ неизбѣжный
Непроницаемыхъ сѣней коснулся. Смѣлѣе онъ полчищъ
Готѳовъ, нанесшихъ послѣдній ударъ стародавней Тавридѣ,
Неукротимѣе моря и древней судьбы неприступнѣй.
Зорче всезрящаго солнца—онъ изъ пучинъ океана
Тайны износитъ на свѣтъ и въ отъ вѣка замкнутые входитъ
Горнихъ сокровищъ пріюты; онъ съ равной отвагой вступаетъ
Въ неизмѣримую звѣзднаго Понта пучину и въ сѣти
Неуловимой очами цвѣтка плодотворной пылинки,
Онъ разрушаетъ и свѣтлый надзвѣздный Олимпъ и Плутона
Мрачное царство. Врагъ тотъ наука. Граду, который
Огненный духъ посѣтилъ, подобна долина покоя,
Суетнымъ взорамъ открыты могилъ уютныя нѣдра:
Царственнымъ ликомъ всѣхъ выше есть межъ холмами печальный
Холмъ безъ жильца, ограбленный брошенный нищій калѣка,
Гордо глядитъ на увядшее поле, на моря сонныя волны.
Ночи росой какъ слезою стѣны сѣдыя покрыты
Блещутъ. Таковъ несчастливецъ, если безжалостно люди
Сердце его раскопаютъ, извѣдаютъ суетно тайны,
Вѣру въ счастье похитятъ и храмину сердца пустую

На поруганіе кинутъ улыбкамъ зѣвающей черни:
Нѣмъ, бездвиженъ, безчувственъ, безсиленъ для міра страдалецъ,
Днéвной свѣтъ опаляетъ разверзтыя раны; отъ боли
Къ небу онъ не подниметъ очей—не опуститъ и въ землю.
Гордъ какъ богачъ, какъ счастливецъ спокоенъ съ печатію явной
Гибели—онъ и открытый невѣдомъ, когда, наглядѣвшись,
Чернь покинетъ его въ одиночествѣ—сумракѣ тихомъ—
Выронитъ тайно слезу: то признакъ мерцающей жизни...
Странникъ садится у входа могильнаго склепа, вперивши
Очи въ пустынное море, сребримое звѣзднымъ мерцаньемъ.
Вдругъ предъ нимъ появилась воздушная тѣнь, человѣка
Обликъ безплотный, легкій, но темный, струйкѣ подобный
Дыма, случайно принявшей несвойственный образъ. Свѣтила
Ночи сіяли сквозь тонкое тѣни строенье, ногами
Призракъ земли не касаясь, плывя приближался къ могилѣ.
Грустно прерывистымъ голосомъ дивная тѣнь провѣщала:
„Иль недовольно еще поруганія мы претерпѣли?
Хищно нахлынули вы въ безмятежное наше жилище,
Наши дома разорили, сокровища наши исторгли,
Насъ самихъ извлекли изъ обители вѣчной прохлады.
Золота-ль мало въ горахъ? Зачѣмъ святотатственно ищешь
Въ темныхъ гробахъ ты его, ненасытное племя? Иль тѣсно
Вамъ на землѣ и разграбивъ наши жилища, хотите
Въ нихъ поселиться?“
—Тѣнь благородная—вымолвилъ странникъ:—
Руки мои не касались вашихъ сокровищъ; прости мнѣ,
Если, усталый отъ жизни, въ вашемъ уютномъ селеньи
Ночью ищу я покоя!—
Тѣнь отвѣчаетъ: „покоя!
Ищешь напрасно покоя: нѣтъ больше покоя въ могилахъ;
Тысячи лѣтъ мы лежали спокойно, не зная о свѣтѣ,
Не ощущая себя, въ ничтожества сладости сонной.
Даръ драгоцѣнный ничтожество! Смертный тебя не постигнетъ,
Въ вихрѣ обманчивыхъ благъ и существенныхъ бѣдствій за счастьемъ
Вѣчно гоняясь и горя всегда избѣгая, и счастьемъ

Онъ недоволенъ и самъ себѣ горе творитъ непрестанно:
Неоцѣнимъ ты и тѣми, которые полнымъ фіаломъ
Въ нѣдрахъ земли испиваютъ твой усладительный нектаръ.
Намъ лишь ты вѣдомъ, намъ, потерявшимъ тебя безвозвратно,
Намъ, осужденнымъ на страшную муку сознанья безъ жизни.
Тысячи лѣтъ проходили: мы спали спокойно, недвижно,
Волны народовъ по нашимъ могиламъ катились, а въ сѣни
Нашихъ могилъ не входили ихъ буйные крики. Явились
Вы ненасытные—горе намъ, горе! вѣчное горе!
Былъ я царемъ и приморья, и моря, и всей Меотиды,
Гордыхъ жестокій каратель, смиренныхъ благой утѣшитель:
Часъ мой насталъ—и съ достойною почестью дѣти и внуки
Съ сонмомъ покорныхъ рабовъ погребли меня въ этой могилѣ;
Слезы долга, рыданья любви оросили мой пепелъ.
Странникъ! взирай! И если способенъ ты чувствовать горе,
Горе царей оскорбленныхъ... пусть разорвется отъ скорби
Сердце твое, пусть брызнутъ потокомъ достойныя слезы!
Царственный склепъ мой разрушенъ: послѣдній мой домъ неприступный,
Рабъ ничтожной ногой попираетъ ложницу владыки...
Мраморный гробъ мой похищенъ... увы! изъ амфоръ, куда слезы
Чадъ и родныхъ пистекали, вытерты пятна драгія.
Горе мнѣ, горе, вѣчное горе!“
И странникъ унылый,
Весь потрясенный, проникся участіемъ къ царственной тѣни.
Тѣнь продолжаетъ: „но мало безчестія, мало безсилья!
Страшная мука мнѣ суждена, несказанная мука!
Видишь ли дикій утесъ, нависшій печально надъ моремъ:
Тамъ, какъ Эола унылая дочь, бездвижно день цѣлый
Я осужденъ изнывать подъ пылающимъ, мнѣ ненавистнымъ
Солнцемъ, незримый очамъ ни людей, ни животныхъ, лишенный
Дара смотрѣть, затопленный въ какой-то безсмысленный ужасъ.
Ночью жъ, безлунное ль небо заблещетъ звѣздами, Селена ль
Выйдетъ изъ тени туманной—невѣдомой силой влекомый,
Я поднимаюсь, иду по селеньямъ отжившихъ, скитаюсь
Между разрытыхъ могилъ, иногда повстрѣчаю

Тѣнь, подобную мнѣ, осужденную также скитаться,
Тѣнь родного иль друга: привѣтствіе скажемъ, былое
Вспомнимъ, повѣдаемъ муку свою, разойдемся.
Ахъ, ни обнять, ни лобзанія дать дорогому! И горе
Сильно свое и не слушаемъ горя чужого! Нерѣдко
Тѣнь незнакомую встрѣчу, жильца временъ наступившихъ
Послѣ меня: напрасно для смертныхъ заманчивымъ знаньемъ
Лѣтъ неизвѣстныхъ себя услаждалъ я: призракъ безплотный,
Отжилъ равно я для лѣтъ настоящихъ, грядущихъ, протекшихъ;
Если же встрѣчу врага—отъ безсилья врага уничтожить
Вдвое скорбь удручаетъ меня, и скорбь безъ предѣла
Давитъ меня, когда вижу, что врагъ мой не терпитъ; угасли
Всѣ ощущенья во мнѣ любопытства, пріязни: не гаснетъ
Ненависть къ царскимъ врагамъ и величія царскаго гордость.
Въ часъ же, когда озлатитъ Фанагоріи взморье денница,
Снова, невѣдомой силой влекомый, иду я на берегъ,
Снова терплю несказанную муку и нѣтъ мнѣ отрады!"
Воплемъ прерывистымъ кончилъ разсказъ властелинъ Меотиды
И состраданіемъ глубже проникнулось странника сердце.
—Царь злополучный! властитель изгнанникъ!—сказалъ онъ:—ужели
Былъ ты могучъ для того, чтобы въ горькомъ сознаньи безсилья
Нынѣ на муку итти, по велѣнью таинственной воли?
Ахъ! па то ль обладалъ киммерійскимъ туманнымъ приморьемъ,
Чтобъ сиротой безнадежнымъ бродить по знакомому полю,
Полю, нынѣ чужому? Послѣдній изъ многихъ, ничтожныхъ,
Власти твоей трепетавшихъ, счастливѣй тебя: любопытный
Гроба его не найдетъ и не выброситъ бѣднаго праха!
Былъ бы сто разъ ты счастливѣй, еслибъ, какъ сына рабыни,
Въ полѣ пустынномъ тебя погребли и могилу сравняли
Плугомъ. Ты бъ не скитался, страдалецъ, въ томительной мукѣ.
Ахъ! Если можетъ быть связь и общеніе мертвыхъ съ живыми!
Ахъ! Еслибъ могъ усладить я твой жребій печальный!—И гласомъ,
Гласомъ, подобнымъ тому, какой бы арфа издала,
Еслибъ внезапно всѣ струны порвались, отвѣтствовалъ призракъ:
„Еслибъ ты могъ возвратить мнѣ снятый вѣнецъ и богатства,
Еслибы могъ ты собрать мой развѣянный по міру пепелъ,

Еслибы могъ, какъ родной, какъ подвластный, достойно оплакать
Вновь кончину мою—и тогда погрузиться бъ не могъ я
Въ сонъ ничтожества сладкій, въ спокойствіе вѣчнаго мира.
Роемъ грѣхи мои вышли изъ бездны забвенья и грозно
Встали противу меня съ приговоромъ погибели вѣчной!
Если погаснетъ солнце, луна и свѣтила ночныя,
Если сгоритъ вся земля и звонкія воды умолкнутъ,—
Мнѣ и тогда не узнать, не узнать благодатнаго мира:
Буду скитаться на чорныхъ обломкахъ угаснувшей массы,
Въ однообразной тоскѣ, безъ конца, отъ вѣка до вѣка!"
Медленно призракъ началъ отходить, и въ ночномъ полумракѣ
Скоро изъ вида исчезъ. Удивленный задумался странникъ.
Вдругъ къ нему началъ звукъ долетать, подобный журчанью
Кроткой струи, когда каплями льется она изъ фонтана,
Слезоподобнымъ дождемъ поражая свѣтящійся мраморъ.
Снова предъ нимъ человѣческій ликъ, но съ облакомъ сходный,
Если оно набѣжитъ на серебренный обликъ Фебеи.
Нѣжно-льющимся голосомъ свѣтлая тѣнь провѣщала:
„Смертному въ жизни даны два несравненныя блага,
Первое благо—поэзія, благо другое—любовь.
Счастье тому, кто умѣетъ любить и исполненъ восторговъ,
Горе тому, кто лишаетъ поэта и музъ, и любви!"
—Еслибы,—странникъ сказалъ:—я могъ отъ себя отдѣлиться
И созерцать свою душу—таинственной рѣчью иною
Мнѣ бъ не сказала она погребенной на днѣ ея правды!—
Тѣнь приближается. „Странникъ,—она говоритъ,—кто бы ты ни былъ,
Тайная связь между мной и тобою: доселѣ я слышалъ
Рѣчи чужія: не слышалъ меня никто изъ живущихъ,
Видѣлъ я всѣхъ и въ день и въ ночи, незримый доселѣ
Ни для кого, а тебѣ суждено меня видѣть и слышать!
Долей моей подѣлившись съ тобою, найду я отраду!
Вѣрно извѣстно тебѣ начало Пантикапеи:
Гордый Милетъ Іонійскій, родившій триста колоній,
Былъ отцомъ и для насъ. Попрощавшись съ цвѣтущей отчизной,

Новую родину дѣды нашли въ ужасавшемъ ихъ краѣ.
Здѣсь, прорицанью внимая, на брегѣ пустынномъ пролива,
Градъ заложили эллены и Пану его посвятили.
Свѣтлое было призваніе юной колоніи нашей:
Скиѳіи хладной дары получая, дѣды мѣняли
Ихъ на дары просвѣщенья и солнца обильнаго юга.
Было еще и другое призванье свѣтлѣе и выше:
Синды, сарматы, меоты и варвары Скиѳіи дальней
Съ племенемъ нашимъ знакомясь, отвѣчный животный
Нравъ свой бросали, вдыхая сокъ просвѣщенія сладкій.
Такъ когда наступаетъ весны благотворное время,
Солнце ледъ растопитъ, откроетъ исходы земные,
Окоченѣвшія встанутъ летучія мелкія твари
Къ жизни, къ дыханью—и шумнымъ наполнится воздухъ жужжаньемъ:
Такъ подъ убійственнымъ хладомъ невѣжества спавшіе роды
Отъ благотворныхъ лучей элленскаго солнца вставали.
Все здѣсь дышало Элладой: долго хранили пришельцы
Вѣру отцовъ, и языкъ, и нравы, и пѣсни Гомера,
И драгоцѣннѣйшій даръ элленскаго рода — свободу.
Часто насъ посѣщали желанные гости Эллады,
Часто наши суда отправлялись на родину предковъ
Съ грузомъ скиѳскихъ товаровъ. Понтомъ Эвксинскимъ недаромъ
Понтъ Аксенскій былъ прозванъ. Но язва насъ посѣтила,
Страшная язва: тиранство—недугъ неисцѣльный элленовъ!
Доблестью бранной сначала первенство въ сонмѣ согражданъ
Пріобрѣталъ полководецъ, готовилъ запасы сокровищъ,
Хитрою рѣчью волѣ своей пріучалъ подчинять
Непостоянную площади волю, потомъ заглушая
Звукомъ прельстительнымъ золота совѣсть убогихъ, почетной
Стражей себя окружалъ и захватывалъ дерзко правленье:
Такъ погибла свобода общинъ элленскихъ; погибла
Такъ она и у насъ, и корни пустило глубоко
Въ Пантикапеѣ тиранство. Вѣнцомъ освящая хищенья,
Смѣло дѣтямъ и внукамъ отцы отдавали добычу.
Мнѣ судьба повелѣла родиться въ то время, какъ память

Прежнихъ лѣтъ освѣщала отчизну негрѣющимъ свѣтомъ.
Деспотъ властвовалъ нами, тотъ самый, котораго видишь
Ты предъ собою пустую гробницу: былъ деспотъ суровый
Съ мрачной, зловонной душою; какъ Эвмениды Оресту
Сна не давали ему опасенья—не заговоровъ
И не возстаній: слишкомъ съ неволей сжились іонійцы, —
Мучился деспотъ безумный, воображая, что тайно
Хульныя рѣчи объ немъ произносятъ, и черною стаей
Рыскали, мнимыхъ ища преступленій, шпіоны, и горе
Бѣдному, кто попадалъ въ ихъ паутину: тѣлесныхъ
Мукъ недовольно казалось тиранну!
Видишь ли дикій утесъ, нависшій печально надъ моремъ:
Тамъ построилъ онъ башню, подъ видомъ, чтобъ въ темныя ночи
Къ порту указывалъ путь кораблямъ маякъ благосклонный.
Въ башнѣ было два яруса: верхній нижняго меньше,
Сверху на кровлѣ маякъ: безмѣрно толстыя стѣны.
Такъ казалось снаружи: не вѣдали тайны строенья,
Тайны ужасной, безчувственнымъ стражемъ заботливо скрытой.
Были устроены въ ярусѣ нижнемъ узкія ямы,
Съ тайнымъ отверстіемъ въ ярусѣ верхнемъ, покрытомъ
железнымъ
Поломъ: доску́ приподнявши, туда опускали
Жертву тиранна, и трупомъ стоячимъ, недвижный, лишонный
Свѣта, не слыша ни рѣчи людской, ни дыханія вѣтра
Медленно тлѣлъ несчастливецъ: хлѣба кусокъ ежедневно
Сторожъ погибшимъ бросалъ, протягивать велѣно было
Ихъ бытіе: безконечною тѣшился варваръ кончиной.
Свѣтлую мысль, благородное чувство, божественный пѣсней
Даръ преслѣдовалъ деспотъ и, съ корнемъ исторгнуть желая
Жизни разумной порывы, въ школахъ незрѣлыхъ питомцевъ
Онъ повелѣлъ развращать, чтобъ личной выгодѣ каждый
Въ жертву охотно принесъ и мысли и чувства святыню.
Если когда либо, странникъ, ты видѣлъ какъ гу́сеницъ рои
Вѣтви укроютъ дубовъ,—мотыльковъ легкокрылыхъ отродье—
Вдругъ налетаютъ нежданно на бѣдную тварь золотыя
Осы, любимицы полныхъ цвѣтовъ и полуденной нѣги:

Юное тѣло червя разверзая, онѣ опускаютъ
Плодъ свой въ него, и кормилицу гложетъ растущій питомецъ.
Медленной мукой томится бѣдняжка, то вправо, то влѣво
Водитъ головкой, ложится на спину, вьется въ колечки
И не вступая въ новую жизнь пропадаетъ: подобной
Участь юношей нашихъ казалась тому, кто способенъ
Чувствовать горе! Нося человѣческій образъ—не въ силахъ,
Въ дѣтствѣ отравленный ядомъ тлетворной науки, достигнуть
Цѣли указанной намъ отъ природы, совлекши начальный
Образъ животный, явиться въ образѣ стройномъ согласья
Животворящаго духа съ покорно-прекрасною плотью.
Съ юныхъ лѣтъ, когда склонности наши заранѣй являютъ
То, къ чему каждый судьбою призванъ на поприще жизни,
Сердце мое воспылало любовью къ тому, что надъ плотскимъ
Міромъ насъ возвышая, уноситъ въ эѳирныя страны.
Рано я сталъ разумѣть языкъ красоты благодатный,
Звуки лиры мнѣ были отраднѣй богатства и чести,
Смысла высокаго полны казались мнѣ скалы и гордыхъ
Тополей тѣнь и чарующій голосъ пустыннаго моря.
Басни поэтовъ и радужно-свѣтлыя старцевъ преданья
Душу мнѣ услаждали: въ часы вдохновенья святого
Передо мной воскресали Іоніи матерней игры,
Танцы завѣтные дѣвъ и священныя Делоса рощи,
Въ день покровителя-бога звенящія радостнымъ хоромъ.
Сами невольно слова улегались въ звонкій гекзаметръ:
Пѣлъ я дѣянія славныя предковъ, пѣлъ я начало
Града родного; душой іоніецъ, пѣлъ я свободу.
Скромная муза моя не гремѣла сатирой тираннамъ;
Дѣлъ современныхъ я не касался, житейскихъ волненій
Чуждъ Аполлона истинный сынъ, между тѣмъ наступила
Страсти любовной пора, благовоннаго жизни расцвѣта!
Въ юности, многимъ изъ нашихъ подобно, не пѣлъ я продажныхъ
Женъ, сладострастныхъ ночей и шумныхъ вакхическихъ оргій.
Не для короткихъ утѣхъ я былъ созданъ, для томной, глубокой
Тихой любви, для святого союза по гробъ и за гробомъ,
Той безконечной любви, какою пылалъ къ Эвридикѣ

Падшій за вѣрность и дѣвство ѳракійскій пѣвцовъ первообразъ.
И наградила богиня меня Эвфросиной достойной:
Дочь востока, денница, золотокудрая дѣва
Такъ не прекрасна. Но чистое сердце и дѣвственно свѣтлый
Разумъ и къ музамъ порывъ благородный меня привлекали
Больше волнистыхъ кудрей и гармоніи полнаго тѣла.
Я не испытывалъ долго любви безотвѣтной томленья:
Равной любовью мнѣ отвѣчала дѣвица и скоро
Мать и отецъ съединили насъ словомъ завѣтнымъ согласья.
Ранней весною, когда Афродитой начнутъ наполняться
Рощи, луга и матерь-земля и эѳиръ плодотворный,
Былъ назначенъ тотъ день, когда къ алтарю Гименея
Долженъ былъ я повести подъ багрянымъ покровомъ невѣсту.
Но когда въ дѣвственно-страстныхъ объятьяхъ невѣсты я таялъ,
Скрытно мнѣ гибель ковала во тьмѣ боязливая подлость;
Жаба, змѣя, крокодилъ и ящерицъ гнусныхъ породы,
Сколько ихъ есть на землѣ, подъ землей и въ пустыняхъ подводныхъ,
Слишкомъ прекрасны въ сравненіи съ тѣмъ, кто тиранну
Ложно донесъ на меня, будто я, старину воспѣвая,
Ненависть къ власти его разношу, что я развратитель
Нравовъ, что я для спокойствія общаго вреденъ. Довольно
Было тиранну увидѣть поэта во мнѣ: приказалъ онъ
Тайно меня погубить, и узнавъ, что готовлюсь я къ браку,
Далъ повелѣнье, для бо̀льшихъ мученій, предъ праздникомъ самымъ
Жизни, забросить меня въ свое роковое строенье.
Ахъ, если знаменьямъ вѣрить, которыхъ боятся народы!
Трижды я слышалъ надъ кровлей зловѣщаго во̀рона крики,
Конь подо мной спотыкался; тайная скорбь безотчетно
Въ сердцѣ мнѣ заронилась въ то время, когда въ упоеньи
Страсти считалъ я себя счастливѣйшимъ въ мірѣ, и мучась
Самъ себѣ я удивлялся! Такъ наканунѣ блаженства
Вечеромъ тихимъ, весеннимъ сидѣлъ я съ своей Эвфросиной,
Взоръ устремивши въ раздумьѣ на синюю даль небосклона;
Тщетно старалась она поцѣлуемъ стыдливымъ разсѣять

Тяжесть души непонятную, тщетно восторженной рѣчью
Будущность мнѣ рисовала, напрасно родные смѣялись
Глядя на ликъ мой задумчивый, самъ надъ собой я смѣялся,
Съ ними и въ ту же минуту отъ грусти готовъ былъ заплакать.
Такъ въ тревожномъ предчувствіи я попрощался навѣки
Съ моремъ и съ золотомъ дневныхъ лучей и съ лазурью
воздушной,
И съ Эвфросиной! За полночь, когда заходящія звѣзды
Сномъ утоляютъ мучительный бредъ безпокойнаго сердца,
Былъ я схваченъ. Какъ филины тихо подкрались тиранна
Слуги, уста завязавъ повлекли, и безъ дальнихъ разспросовъ,
Безъ объясненій, забросили въ страшную стѣну навѣки!
Такъ погибъ я.
Однообразной волной понеслось невозвратное время,
Царства съ собой унося и грады, и рѣчи народовъ,
Вѣка смѣнялись! Не стало колоніи гордой Милета.
Вновь воскресла она. И случаемъ, вышнею ль силой,
Кто-то копаясь въ землѣ костей моихъ части сухія
Вмѣстѣ съ истлѣвшимъ желѣзомъ оковъ исторгнулъ изъ персти.
Силой таинственной я пробудился отъ сна безсознанья.
Это случилось въ тотъ годъ, когда воскресенія знамя
Дѣти эллеповъ подняли, воспомня прадѣднюю славу.
Мнѣ пробужденье не въ тягость. Безплотный, свободный, быстрѣе
Свѣта парю надъ землей, постигая несвязанныя смысломъ
Силы природы, судьбы человѣка и міроправленья
Тайную связь, познаю справедливаго, вѣчнаго Бога,
Бога, котораго мы, недовольные древними снами,
Предощущали въ гаданьи, котораго гимномъ согласья
Славилъ хоръ мудрецовъ, томившихся жаждою знанья, —
Бога, открытаго вамъ въ надеждѣ безсмертья и жизни.
Даръ мнѣ ниспосланъ отрадный: любовь и добра вдохновенье
Я поселяю, невидимый, въ души нерѣдко, влетая
Въ домъ несогласной семьи; поселялъ я раскаянья трепетъ
Въ дѣтяхъ строптивыхъ и братній раздоръ погашалъ и въ гнѣвѣ
Мужъ оскорбившій жену со слезами искалъ примиренья.
Я навѣвалъ сновидѣнья поэтамъ и въ души страдальцевъ

Лилъ утѣшенія нектаръ и крѣпкую горечь терпѣнья.
Я предъ полками элленовъ носился духомъ надежды
Въ высяхъ незримый и дивною силой присутствія будто
Пѣснею славы имъ освѣжалъ благородныя души.
Даже природа за мной по слѣдамъ расцвѣтаетъ: обильнѣй
Желтая нива, дрожитъ виноградъ подъ тяжестью гроздовъ,
Бѣлая лилія дѣвственнѣй, томный цвѣтъ незабудки
Ярче яхонтомъ блещетъ и птичекъ весенніе хоры
Звонче привѣтствуютъ ясное утро. Но ахъ, и такое
Счастье не полно... Нѣтъ Эвфросины со мною! Въ далекихъ,
Въ близкихъ мѣстахъ я искалъ ее, много подобныхъ, воскресшихъ
Къ жизни летучей, тѣней вопрошалъ я, и нѣтъ мнѣ отвѣта!
Гдѣ она? Что съ нею сталось? Забыла ль поэта и съ новымъ
Другомъ вступила въ союзъ, иль, вѣрная памяти слезной,
Въ тихомъ угасла томленьи, равно для меня неизмѣнна.
Вѣчно единая, милая, сладкая—съ ней бы я въ область
Свѣта вознесся... Гаснетъ по смерти лишь тлѣнная похоть;
Неугасима любовь, добра животворный источникъ!"
Кончилъ разсказъ іоніецъ, и странникъ въ восторгѣ воскликнулъ:
—О святыня души! дорогая свобода, ты лучшій
Даръ Божества, свѣтъ ума и сердца, огонь животворный!
Счастія нашего стражъ, наслажденій высокихъ хранитель!
О засіяй, лучезарная, о согрѣвай насъ, святая!
Долголь во мракѣ душномъ блуждая, мы будемъ напрасно
Ждать твоего восхожденья и дѣлаться пищей тираннамъ!
Скоро ли скоро? Приди жъ, дорогая свобода!—
Такъ восклицалъ онъ. Заря расцвѣчала восточное небо.
Утро являлось обычно, но ахъ, не свѣтила свобода!

О ВОСПОМИНАНІЯХЪ

борьбы козаковъ съ мусульманствомъ въ народной южнорусской поэзіи.

О воспоминаніяхъ борьбы козаковъ съ мусульманствомъ въ народной южнорусской поэзіи *).

Наше словянское племя, въ ходѣ культурнаго развитія, представляется отставшимъ отъ другихъ племенъ Европы. Не очень еще давно одинъ изъ знаменитыхъ германскихъ мыслителей произнесъ надъ нимъ суровый приговоръ, осуждая его быть только тѣломъ для германскаго духа. Этотъ высокомѣрный приговоръ не только возмущаетъ въ насъ чувство сознанія національнаго и племенного достоинства, но вмѣстѣ и противорѣчитъ голосу исторической правды. Такое сужденіе умѣстно было бы только о племени, незаявившемъ въ себѣ никакого задатка самостоятельной духовной жизни, никакихъ признаковъ стремленія къ самобытному общественному и умственному прогрессу. Сказать это о словянахъ было бы крайнею несправедливостію. Можно укорять насъ, что, въ сравненіи съ другими, мы мало сдѣлали для культуры человѣчества, но было бы совершенною ложью утверждать, что у словянъ не было никакого стремленія къ выработкѣ духовной и общественной жизни. Географическое положеніе, которое занимали въ теченіе многихъ вѣковъ словянскіе народы, не дозволяло имъ идти рука объ руку съ романскими и германскими племенами. Словянскіе народы, занимая восточные предѣлы образованнаго міра, должны были по-неволѣ бороться съ чуждыми, некультурными стихіями и защищать своею грудью безопасность и спокойное развитіе другихъ европейскихъ племенъ. Вотъ при-

*) Статья эта прочтена авторомъ публично 12 генв. 1876 г. въ С.-Петербургскомъ собраніи художниковъ, назначенномъ съ цѣлью помощи страждущимъ семьямъ сербовъ. (Примѣч. издат.).

чина, почему словянскіе народы не шли въ ряду другихъ народовъ, хотя и не позднѣе другихъ познакомились съ культурнымъ путемъ. Укажемъ, напримѣръ, на судьбу Моравскаго государства, которое, только что принявши христіанство, вступило на дорогу образованности, какъ вдругъ сломлено было нахлынувшими съ сѣверо-востока мадьярами, занявшими древнее отечество словянъ и стремившимися поработить ихъ. Укажемъ на нашу Россію, которая послѣ крещенія усвоивала изъ самой образованной въ тѣ времена страны задатки умственной жизни и общественной культуры, какъ вдругъ, черезъ 200 лѣтъ, нахлынули монголы— и русскому народу выпалъ страдальческій жребій отстаивать тяжелыми усиліями свое бытіе, а потомъ вѣкъ за вѣкомъ собирать свое растрепанное отечество. Укажемъ на Сербію, которой самостоятельность такъ блистательно сверкнула въ царствованіе Стефана Душана, а потомъ вдругъ сдѣлалась добычею хищныхъ османлисовъ. Припомнимъ, наконецъ, Чехію, которой въ XIV вѣкѣ выпала завидная доля быть двигательницею свободы мышленія, но только для того, чтобы потомъ пасть подъ власть германцевъ и подъ гнетъ іезуитовъ.

Всѣ словянскіе народы оставили въ своемъ прошедшемъ тяжелыя воспоминанія несбывшихся надеждъ и горькихъ ударовъ судьбы. И вотъ, послѣ многихъ потрясеній, кровавыхъ и печальныхъ переворотовъ, исчезли одно за другимъ самостоятельныя словянскія политическія общества. Осталось только одно Русское государство; всѣ прочіе словянскіе народы лишены самостоятельности: немногихъ судьба связала съ Русскимъ государствомъ, другіе остаются въ духовномъ или матеріальномъ рабствѣ иноплеменниковъ. Между тѣмъ стремленіе къ самобытной жизни и самобытному развитію ни у кого изъ нихъ не угасло. Въ словянскихъ сердцахъ остались: упованіе иной доли, стремленія къ достиженію иного политическаго строя, иныхъ явленій умственной и общественной жизни. Великая идея словянской взаимности была не чужда лучшимъ словянскимъ умамъ еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ; ярко проявилась она въ близкія къ намъ времена. Мы ждемъ чего-то для своего племени, желаемъ и надѣемся какого-то обновленія, вѣруемъ, что нашему племени предстоитъ великая будущность; но въ какихъ формахъ возникнетъ это вожделѣнное обновленіе — мы сами еще не знаемъ и не въ силахъ ясно сознать нашихъ идеаловъ. Мы ждемъ нашего племенного спасенія и не знаемъ откуда высматривать его; несомнѣнно только, что оно, какъ царствіе Божіе, носитъ свой зародышъ не внѣ насъ, а внутри насъ. Въ настоящее время насъ

разбудили событія Босніи и Герцеговины. Еслибы дѣло шло только о борьбѣ христіанскаго народа съ мугамеданствомъ въ небольшомъ уголку, сочувствіе къ христіанскому населенію было бы вполнѣ естественно и законно во всякой свободной независимой христіанской землѣ, тѣмъ болѣе у насъ, связанныхъ съ борящимися сербами церковнымъ единствомъ и узами племенного родства. Но вопросъ дѣлается для насъ шире при тѣхъ надеждахъ, которыя мы уже привыкли носить въ груди: идетъ дѣло не объ улучшеніи участи христіанскихъ словянъ, осужденныхъ судьбою зависѣть отъ мусульманской державы; идетъ дѣло даже не о мѣстной независимости нашихъ соплеменниковъ. Есть точки соприкосновенія, гдѣ для на насъ существуютъ не мѣстные этнографическіе и историческіе признаки, а судьба словянскихъ народовъ въ связи со всѣмъ словянствомъ. Есть положенія, въ которыхъ не существуетъ для насъ ни сербовъ, ни чеховъ, ни словинцевъ, а есть только словяне, и такое-то отношеніе составляетъ для насъ особенную важность въ настоящемъ вопросѣ. Словянство—это цѣпь, въ которой всѣ звенья связуются такъ, что касающееся одного звена трогаетъ всѣ прочія. Мы жаждемъ обновленія во всемъ племени нашемъ и всякое важное историческое событіе, являющееся въ одномъ какомъ-нибудь словянскомъ народѣ, возбуждаетъ въ насъ смутную надежду, что оно послужитъ если не рычагомъ желаемаго племенного обновленія, то по крайней мѣрѣ одною изъ ступеней на общемъ нашемъ пути къ достиженію нашихъ еще не уясненныхъ идеаловъ. Если настоящее движеніе сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ не угаснетъ безплодно, то невольно возникаетъ вопросъ: не повліяетъ ли оно спасительнымъ образомъ на будущую исторію всего нашего племени, не станетъ ли оно первымъ камнемъ для закладки зданія, въ которомъ заключатся наши политическіе и общественные идеалы. Какіе идеалы? спросятъ насъ. Мы еще не ясно видимъ ихъ и вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мечтаніямъ и утопіямъ, которыя могутъ быть несбыточны, будучи плодомъ желаній и взглядовъ людей извѣстнаго времени, воспитанія и понятій, лучше всего предоставить созданіе такихъ идеаловъ самой жизни, которая выразится въ будущей нашей исторіи. Въ настоящее время мы всего лучше будемъ служить для будущаго, которое предстоитъ нашему племени, изученіемъ и уразумѣніемъ нашей прошлой и текущей судьбы, нашего быта, нашей взаимной связи и нашихъ народныхъ особенностей. Въ этихъ видахъ предположено въ этомъ собраніи, которое назначено съ цѣлью помощи страждущимъ семьямъ борющихся сербовъ,

коснуться въ различныхъ литературныхъ формахъ народностей славянскаго племени. Мнѣ на долю выпала, въ этомъ отношеніи, народность малорусская.

Малорусскій народъ принадлежитъ къ русской вѣтви словянскаго племени. Всѣхъ говорящихъ малорусскимъ нарѣчіемъ, на пространствѣ отъ береговъ Дона до Карпатскихъ горъ, считаютъ до пятнадцати милліоновъ. Трудно рѣшить съ котораго времени существуетъ малорусское нарѣчіе съ своей особой физіономіей. Кромѣ нѣкоторыхъ признаковъ въ Галицкой лѣтописи и въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка, вообще недостаточно ясныхъ, мы видимъ отдѣльную физіономію малорусскаго нарѣчія только съ XV вѣка, а еще яснѣе эти признаки показываются въ рѣчи XVI и XVII-го. По здравому смыслу мы конечно не можемъ предполагать, чтобы малорусское нарѣчіе не существовало въ прежніе вѣка: не явилось же оно внезапно, какъ лошадь отъ удара Нептунова трезубца. Но мы оставимъ въ сторонѣ тотъ западнорусскій книжный языкъ, который долгое время былъ въ употребленіи въ литературныхъ памятникахъ малорусскаго края и которымъ собственно народъ никогда не говорилъ. Только собственнонародные, или простонародные памятники творчества массы могутъ служить несомнѣнными признаками народной рѣчи. Малороссія очень богата этими памятниками; особенно пѣснями такъ богата, что едвали какой другой словянскій народъ можетъ похвалиться бо́льшимъ противъ нея богатствомъ; но такъ какъ эти народные памятники дошли до насъ въ изустномъ видѣ, а не на письмѣ, то являются новыя недоразумѣнія и вопросы: точно ли эти памятники принадлежатъ старымъ временамъ. Тутъ намъ могутъ помогать только признаки содержанія памятниковъ и черты, указывающія на прошедшія событія, или на прошедшій бытъ. Большая часть малорусскихъ пѣсенъ принадлежитъ къ XVII вѣку, но есть значительное число гораздо старѣйшихъ— вѣка XVI-го, а иныя, особенно обрядныя, переходятъ въ сѣдую древность, по крайней мѣрѣ по ихъ содержанію. Пѣсни, сказки и преданія—безцѣнные памятники народной литературы, живое выраженіе былого народнаго творчества. За исключеніемъ пѣсенъ, какъ мы сказали, большею частію обрядныхъ, указывающихъ на слѣды древности, народная малорусская поэзія минувшихъ временъ сосредоточивается на томъ періодѣ народной жизни, который слѣдуетъ назвать козацкимъ. Періодъ этотъ охватываетъ XVI и XVII вѣка и мало-по-малу исчезаетъ въ XVIII-мъ. Одною изъ характеристическихъ чертъ козацкой жизни, отразившихся въ народной поэзіи, была борьба козаковъ съ мусульманскимъ

міромъ, именно съ турками и находившимися подъ ленною властію Турціи крымскими татарами. Въ этомъ отношеніи малорусскій народъ и его поэзія представляютъ большое подобіе съ сербскимъ народомъ и созданными имъ пѣснопѣніями. У обоихъ народовъ была подобная историческая задача, одинакія стремленія и сходныя впечатлѣнія, вліявшія на ихъ чувство и воображеніе. Разницу составляетъ только различное поле дѣйствія, условливаемое географическими особенностями краевъ, гдѣ обитали и дѣйствовали эти два словянскіе народа. Сербы воевали среди холмовъ и горъ, —малоруссы были жители степей и полей, за то отправлялись на Чорное море и оно-то было главнѣйшимъ свидѣтелемъ козацкихъ подвиговъ. Сербы почти нигдѣ не являлись на морѣ и оно мало вошло въ ихъ поэзію; сербы защищали свое отечество и ихъ борьба съ невѣрными была оборонительною; малоруссы, напротивъ, защищая свое отечество отъ хищническихъ нападеній, сами пускались въ страну своихъ враговъ, и потому войны ихъ съ мусульманами имѣли съ ихъ стороны болѣе наступательный характеръ. Подвиги сербскихъ юнаковъ представляли болѣе опредѣленныхъ послѣдствій, были плодотворнѣе козацкихъ набѣговъ, потому что черезъ нихъ сербскій народъ завоевывалъ шагъ за шагомъ свободу своей родины. И нынѣшнее возстаніе Герцеговины сразу показываетъ характеръ стремленія народа къ расширенію свободной области своего отечества. У малоруссовъ этого не видно. Мусульмане не владѣли Малороссіею, если только не переноситься въ далекія времена владычества Батыевыхъ потомковъ, когда еще не начинался козацкій періодъ народной южно-русской исторіи. Мусульмане нападали на Малороссію; крымскіе татары дѣлали частые набѣги и уводили толпы плѣнниковъ, но не овладѣвали въ ней городами, не строили крѣпостей, не ставили намѣстниковъ, не заводили гарнизоновъ и поселеній. За то и малоруссы заносили свою народность въ мусульманскія страны только по-неволѣ, въ образѣ плѣнниковъ; земля турецкая и татарская была для нихъ всегда враждебная, проклятая, хотя и доставляла богатства чрезъ набѣги и разоренія, причиняемые козаками. Въ малорусской народной поэзіи нельзя найти ничего похожаго, напримѣръ, на прекрасныя сербскія пѣсни о Косовской битвѣ и о паденіи Сербскаго царства, какъ равно и на пѣсни, въ которыхъ описывается о воскресеніи сербскаго духа и возстаніе противъ турокъ. За то едвали въ сербской народной поэзіи возможна была бы такая дума, какъ малорусская, изображающая побѣгъ трехъ азовскихъ братьевъ чрезъ безлюдныя степи и грустную смерть въ степи козака, по-

раженнаго безхлѣбьемъ и безводьемъ: для сербскаго юнака не возможно было слѣдовать нѣсколько дней по необитаемой степи. Также точно трудно вообразить себѣ между сербскими пѣснями такое событіе какъ, напримѣръ, буря на Черномъ морѣ, застигшая козаковъ. Въ сербской народной поэзіи можно найти много пѣсенъ, гдѣ представляются близкія отношенія сербовъ съ турками, не только враждебныя, но и дружественныя. Это естественно въ той странѣ, гдѣ долгое время христіанскіе народы жили подъ одною властію съ мусульманскими; но такая черта дѣлается почти невозможною въ пѣсняхъ малорусскихъ; хотя малоруссы и входили иногда въ союзъ съ невѣрными, но все-таки какъ съ людьми особой націи, а не съ соотчичами по государственной связи. Наконецъ, пѣсенный языкъ сербской поэзіи сильно изобилуетъ турецкими словами и выраженіями, чего нѣтъ и быть не могло въ поэзіи малорусской. Эти отличія не уничтожаютъ глубокаго внутренняго сродства между героическою сербскою поэзіею и козацкими думами и пѣснями, воспѣвающими борьбу малоруссовъ съ турками и татарами. Все таки видно, что судьба этихъ народовъ заключала въ себѣ слишкомъ много подобнаго и сербскій юнакъ все-таки сродни малорусскому козаку. Да и дѣйствительно между этими народами, несмотря на пространство, раздѣлявшее ихъ, существовало не только сродство, но даже взаимная симпатія. Есть свѣденія, что въ Запорожской Сичи, въ числѣ пришлыхъ удальцовъ съ разныхъ сторонъ—сербы занимали видное мѣсто; сербы были въ рядахъ Хмельницкаго; мы встрѣчаемъ между козацкими чиновниками сербскихъ выходцевъ; сербинъ—названіе очень знакомое для малоруссовъ; оно попадается и притомъ нерѣдко въ пѣсняхъ, почти также, какъ имя чернаго болгарина въ сербской поэзіи. Наконецъ въ жизни и домашнемъ бытѣ двухъ этихъ словянскихъ народовъ существуетъ такое большое сходство, что если вы поѣдете по Сербіи, попадающійся сербскій поселянинъ и въ своей одеждѣ и въ своихъ пріемахъ рѣзко напомнитъ вамъ малорусса, а когда войдете въ его жилище, то вся обстановка его напомнитъ вамъ малорусскую хату. Не-даромъ въ то время, когда разразилась печальная вражда между козаками и поляками, польскій историкъ Твардовскій, соболѣзнуя о плачевной враждѣ братскихъ народовъ, замѣчалъ, что лучше было бы имъ, соединясь вмѣстѣ, идти па турковъ и освободить своихъ родичей сербовъ и болгаръ.

Изъ пѣсенъ и думъ, относящихся къ борьбѣ козаковъ съ турками и татарами, самою старѣйшею можно считать пѣсню о Байдѣ, подъ именемъ котораго помнился въ народѣ князь Ди-

митрій Вишневецкій, одинъ изъ раннихъ козацкихъ героевъ, первый виновникъ козацкой славы. Польскій историкъ Старовольскій разсказываетъ, что взятый въ плѣнъ турками Вишневецкій былъ преданъ въ Царьградѣ мучительной казни: повѣшенъ на крюкъ за ребро и, вися въ такомъ положеніи, славилъ Бога и проклиналъ Мухамеда. Пѣсня изображаетъ его въ народно-эпическомъ образѣ: онъ съ козаками въ Царьградѣ на рынкѣ пьетъ горилку,—увидѣлъ его султанъ, плѣнился его красотою и статностію и предлагаетъ ему дочь свою въ супружество; Байда отвергаетъ эту честь, называетъ дочь султана поганою и вѣру его—проклятою; султанъ приказываетъ прицѣпить его ребромъ за крюкъ; Байда, вися на крюкѣ, проситъ дать ему лукъ и стрѣлъ, обѣщая застрѣлить голубку на ужинъ султану; ему даютъ стрѣлы и лукъ; Байда убиваетъ султана и дочь его. Замѣчательно, что эта пѣсня до того привилась въ народѣ, что поется даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вообще исчезли всѣ историческія пѣсни, напримѣръ, у малороссіянъ-переселенцевъ въ Саратовской губерніи. Быть можетъ также къ старымъ пѣснямъ еще XVI вѣка слѣдуетъ отнести пѣсни о татарскихъ набѣгахъ, а равно и пѣсни о страданіи христіанскихъ невольниковъ на турецкихъ галерахъ. Впрочемъ, тѣ и другія невозможно приноровить не только къ извѣстнымъ событіямъ, но даже приблизительно ни къ какому періоду времени, потому что черты, изображаемыя въ нихъ, являлись въ народной жизни безпрестанно въ продолженіе двухъ вѣковъ. Въ пѣсняхъ перваго рода изображается толпа малорусскихъ женщинъ и дѣвицъ, которыхъ гонятъ татары въ плѣнъ. Вотъ одна дѣвица ведется на арканѣ босая, подгоняемая бичемъ татарина. „Моя бѣдная русая коса!—восклицаетъ она:—не матушка тебя расчесываетъ, татаринъ бичемъ растрепываетъ; мои бѣдныя ножки! не матушка васъ моетъ, камень пробиваетъ васъ до крови“ и т. д. Въ одной пѣснѣ описывается, какъ татаринъ, взявши прежде малороссіянку и женившись на ней, сдѣлавши снова набѣгъ на русскую землю, беретъ въ плѣнъ ея мать и опредѣляетъ въ служанки къ своей женѣ; дочь, не узнавши матери, наноситъ ей оскорбленіе; тогда мать открывается дочери и обѣ собираются бѣжать въ отечество. Эта пѣсня, по своему мотиву, очень старая; подобная есть у великоруссовъ и очевидно принадлежитъ еще древнѣйшимъ временамъ. Степныя битвы съ татарами, происходившія безпрерывно на широкомъ безлюдномъ пространствѣ, отдѣлявшемъ Украину отъ крымскихъ предѣловъ, оставили въ народной поэзіи нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ съ живыми чертами прошедшаго воинственнаго быта.

Такова дума о козакѣ Голотѣ. Татаринъ отправляется на ловлю людей, добывать живой товаръ, чтобы пріобрѣсть себѣ выгоду; онъ надѣется поймать козака въ богатомъ кармазинномъ жупанѣ, на цѣнномъ конѣ, украшеннаго оружіемъ, и самъ выѣзжаетъ нарядившись какъ на праздникъ; но вмѣсто желанной добычи встрѣчаетъ козака-голоту, т.-е. голь-козака, у котораго на головѣ драная шапка, подбитая вѣтромъ; онъ готовится ловить его арканомъ, а козакъ-голота стрѣляетъ, сваливаетъ татарина на землю, обдираетъ съ него нарядъ, беретъ коня и приводитъ съ торжествомъ въ Сичу, насмѣхаясь надъ неудачею своего врага, думавшаго поживиться на козацкій счетъ. Къ этому же разряду пѣсенъ относится прекрасная дума объ Ивасѣ Коновченкѣ — дума длинная и богатая поэтическими образами, одна изъ любимыхъ думъ нашихъ бандуристовъ. Сюда же отнести слѣдуетъ пѣсни о подвигахъ и трагической смерти Морозенка— любимаго героя народной поэзіи, о которомъ поютъ не одни бандуристы, спеціально посвятившіе себя сохраненію старинныхъ памятниковъ поэзіи, но весь народъ, и мужчины, и женщины на всемъ пространствѣ, гдѣ говорятъ малорусскимъ нарѣчіемъ. Кто такой этотъ Морозенко, когда жилъ онъ, гдѣ положилъ голову— по письменнымъ историческимъ матеріаламъ неизвѣстно, также точно, какъ трудно было бы отыскать по лѣтописямъ многихъ изъ тѣхъ юнаковъ, которые составляютъ любимый предметъ сербской народной поэзіи. У народа, какъ малорусскаго, такъ и сербскаго—свои великіе люди, свои воспоминанія, своя собственная исторія; для народа важно бываетъ то, на что не обратитъ вниманія историкъ и, напротивъ, народъ не пойметъ важности того, надъ чѣмъ остановится наука.—Вотъ еще прекрасная дума о братьяхъ, умирающихъ отъ ранъ на берегахъ рѣки Самары; вотъ другая о „Ѳедорѣ безродномъ, безплеменномъ“, находимомъ при смерти отъ ранъ козаками гдѣ-то на берегу днѣпровской саги; вотъ великолѣпная дума, цѣлая поэма о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ азовскаго плѣна и о печальной смерти одного изъ нихъ среди дикой степи на Савуръ-могилѣ. Все это—дивныя, неоцѣненныя произведенія поэзіи тѣхъ вѣковъ, когда на южнорусскихъ степяхъ кипѣла бурная жизнь, совершались блестящіе, хотя мало замѣченные современною исторіею подвиги народа, отстаивавшаго своею кровью европейскую цивилизацію и христіанство отъ разрушительнаго напора дикихъ кочевниковъ, точно также какъ въ другомъ углу Европы тотъ же подвигъ выпалъ на долю сербскаго народа.

Пѣсни о морскихъ походахъ козаковъ еще болѣе замѣча-

тельны по своимъ поэтическимъ достоинствамъ и вѣрности историческихъ чертъ. Вообще въ нихъ, сколько намъ извѣстно, не воспѣваются морскія битвы, хотя, по историческимъ памятникамъ, ихъ происходило много и часто; но что въ нихъ особенно плѣняло народное чувство и воображеніе—это судьба невольниковъ, попавшихся въ плѣнъ и осужденныхъ на галерныя работы. Какъ извѣстно, такихъ невольниковъ—чрезвычайное множество; состояніе ихъ въ неволѣ было такъ плачевно, что, по свидѣтельству современниковъ, самая желѣзная натура не могла вынести и десяти лѣтъ мучительной неволи. Пѣсни живо и трогательно описываютъ страданія этихъ невольниковъ. Они скованы цѣпью, сидятъ на галерѣ и должны работать веслами, а суровый турецкій паша приказываетъ бить ихъ таволгою такъ безжалостно, что кровь съ нихъ льется потоками и тѣло отпадаетъ кусками до „жолтыхъ костей“, какъ говоритъ пѣсня. Несчастный невольникъ видитъ летающаго надъ галерою сокола, называетъ его роднымъ братомъ, проситъ полетѣть въ христіанскую землю къ его родителямъ и сказать имъ, чтобы они продавали свои грунты, все имущество и выкупали сыновей своихъ изъ тяжелой неволи; слышитъ эту мольбу его братъ и товарищъ рабства и говоритъ ему: „зачѣмъ задавать тоски нашимъ родителямъ! Хотя бы они продали все свое имущество и собрали большія деньги, не узнаютъ они гдѣ насъ искать, въ пристани ли Козловской, въ городѣ ли Царьградѣ, а можетъ быть турки запродадутъ насъ за Красное море, въ Арабскую землю, куда не зайдетъ, не заѣдетъ душа крещеная!“ Только и отрады несчастнымъ невольникамъ, что они проклинаютъ турецкую землю, бусурманскую вѣру и молятъ Бога, чтобы послалъ Господь на море бурю, чтобы буря вырвала якорь съ турецкой каторги и волны потопили бы ихъ и прекратили разомъ ихъ страданія. Но не всѣхъ ожидалъ такой конецъ. Бывали хотя и рѣдкіе случаи спасенія галерныхъ невольниковъ, и такіе случаи воспѣваются въ украинскихъ думахъ. Такова прекрасная, очень длинная дума о Самойлѣ Кишкѣ, запорожскомъ гетманѣ, который, по описанію думы, находился съ козаками 24 года въ неволѣ и освободился, воспользовавшись безпечностью турецкаго паши, начальствовавшаго надъ галерами и неосторожностію его ключника Иліяша Бутурлака, козака, принявшаго исламъ. Козаки, освободившись отъ своихъ цѣпей, перебили и перетопили въ морѣ всѣхъ турковъ и ушли на отнятой галерѣ въ устье Днѣпра. Они счастливо добрались до Сичи, гдѣ освобожденный гетманъ не помиловалъ взятаго въ плѣнъ отщепенца Бутурлака и отдалъ на судъ и на

казнь козаковъ. Ему же, дряхлому старику, ничего не оставалось дѣлать среди запорожцевъ, у которыхъ былъ уже другой гетманъ. Кишка постригается въ монастырѣ и черезъ два мѣсяца разстается со свѣтомъ, но, по крайней мѣрѣ, умираетъ на свободѣ въ кругу близкихъ, по христіански. — Вотъ другая дума объ Иванѣ Богуславцѣ. Этотъ запорожскій богатырь также попался въ плѣнъ туркамъ, но сидитъ не на галерѣ, а въ душной тюрьмѣ, безъ свѣта, безъ воздуха, съ толпою товарищей. Его красота плѣняетъ турецкую госпожу, вдову паши; она предлагаетъ ему свободу съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ мугамеданство и остался съ нею. Иванъ Богуславецъ соглашается съ тѣмъ, если его товарищей отпустятъ въ отечество. Турчанка освобождаетъ всѣхъ козаковъ и они уплываютъ въ отечество. Иванъ Богуславецъ дѣлается турецкимъ паномъ; но черезъ нѣсколько дней его жена, развеселившись въ бесѣдѣ съ соотечественниками, подсмѣялась надъ своимъ мужемъ, замѣтивши, что онъ, ради лакомаго житья, отрекся отъ своей вѣры. Огорченный и раздраженный козацкій атаманъ пускается въ лодкѣ по морю, догоняетъ отпущенныхъ братій, вмѣстѣ съ ними возвращается къ турецкому городу; козаки нападаютъ на турковъ и всѣхъ изрубливаютъ, а самъ Иванъ Богуславецъ расправляется со своею женою; наконецъ всѣ уплываютъ домой, нагрузя лодки турецкою добычею. Есть еще пѣсня, гдѣ нѣсколько сотъ плѣнныхъ козаковъ освобождаетъ женщина украинка, жена турецкаго паши, принявшая чужую вѣру, но не потерявшая состраданія къ своимъ землякамъ. Она выпускаетъ ихъ въ день Свѣтлаго Воскресенія, вспомнивши, что на ея родинѣ въ это время совершается великое религіозное торжество. „Какъ увидите, — говоритъ она имъ на прощаньи,—моихъ родителей, скажите имъ, чтобы они не безпокоились, не сбывали свое имущество, не выкупали меня изъ неволи; я уже потуречилась, побусурманилась, ради барства великаго, ради лакомства злосчастнаго“.

Такихъ пѣсенъ, относящихся къ періоду борьбы малоруссовъ съ мусульманскимъ міромъ очень много, даже есть нѣсколько въ томъ же родѣ, но только уже съ меньшими поэтическими достоинствами пѣсни, относящіяся къ войнѣ съ турками при Екатеринѣ II, когда еще малорусскіе козаки доживали свое существованіе и участвовали въ рядахъ русскихъ войскъ, какъ его отдѣлъ. Вѣроятно есть въ народѣ пѣсни не попавшія въ печать; еще вѣроятнѣе было прежде много такихъ, которыя испарились, не доживши до эпохи, когда образованный свѣтъ сталъ цѣнить ихъ и предавать печати.

Въ настоящее время пѣсни о борьбѣ съ турками уже не творятся народомъ, потому что настала иная жизнь народа; но этотъ же народъ, вспоминая славныя дѣянія предковъ, заявляетъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ готовность, если бы нужно было, не отстать отъ отцовъ и дѣдовъ въ тѣхъ чувствахъ, которыя влекли на борьбу съ невѣрными:

Та вже шабли заржавели,
Мушкеты безъ куркивъ,
А ще серце козацкее
Не боится туркивъ.

И если не боится, то значитъ въ этомъ сердцѣ не угасло и сочувствіе къ тѣмъ, которыхъ судьба поставила въ необходимость доканчивать великую брань, которую уже много вѣковъ вело христіанство и европейская цивилизація противъ мусульманства и азіатскаго варварства.

Дек. 5. 1875 г.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТЪ

въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

Кабинетъ Н. И. Костомарова.

Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества *).

Семейный бытъ народа въ его пѣсняхъ выражается въ изображеніи любви, какъ между молодыми людьми обоего пола до брака, такъ и послѣ брака, со всѣми послѣдствіями и условіями домашняго быта и семейныхъ связей.

Пѣсни этого рода раздѣляются на два отдѣла: любовныя и собственно семейныя, но строгой грани между тѣми и другими провести невозможно, во-первыхъ оттого, что народныя пѣсни въ текущемъ своемъ обращеніи часто смѣшиваются, во-вторыхъ не всегда можно отличить — говорится ли о находящихся въ положеніи до брака или уже состоящихъ въ брачной связи. Замѣтимъ, что пѣсни свадебныя, по своему содержанію, одинаково принадлежатъ и къ любовнымъ и къ семейнымъ пѣснямъ. Южно-русскія пѣсни, изображающія любовь между обоими полами, преимущественно поются женскимъ поломъ и потому носятъ на себѣ отпечатокъ женственности. Это особенно надлежитъ замѣтить относительно настоящаго времени, когда мужчины перенимаютъ и поютъ великорусскія пѣсни, искажая ихъ самымъ безобразнымъ способомъ.

---

*) Въ 1872 году, въ журналѣ „Бесѣда", печаталось сочиненіе: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества". Продолженіе этого сочиненія печаталось въ журналѣ „Русская Мысль" въ 1880 и 1883 годахъ подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества". Печатаемое нынѣ изслѣдованіе авторъ считалъ продолженіемъ означеннаго сочиненія. (*Примѣч. издат.*).

ГЛАВА I.

Народное понятіе о любви. — Весна.

Жизнь поселянъ протекаетъ въ постоянной близости съ природою, и эта близость отражается на ихъ пѣснопѣніяхъ. Какъ въ природѣ въ поляхъ, рощахъ, садахъ можно прослѣдить періоды прозябанія, роста, цвѣтенія, оплодотворенія растеній, такъ и въ народной поэзіи—прослѣдить исторію любви, ея зарожденіе, развитіе, можно видѣть, что по внутреннимъ душевнымъ проявленіямъ и по внѣшнимъ житейскимъ условіямъ способствовало этому развитію или задерживало его и—конецъ, завершающійся или бракомъ, или разлукою.

Всего вѣрнѣе и удобнѣе изучать любовный элементъ въ пѣсняхъ сообразно сопоставленію народной пѣсенности съ годовымъ теченіемъ природы. Вотъ начинается весна. Сходитъ снѣгъ. Текутъ воды. Появляется травка. Потомъ начинаютъ развиваться и цвѣсти деревья. Въ пѣсняхъ, начало весны выражается символическимъ изображеніемъ жаворонка, прилетѣвшаго изъ теплыхъ странъ, — народнаго вырья; — еще виднѣются снѣжные останки и льдины, онъ будетъ разгонять ихъ крылышками и топтать ножками [1]).

Весна приноситъ тепло и доброе лѣто [2]); каждому возрасту свое — дѣткамъ игры, старикамъ совѣты объ общественныхъ дѣлахъ, старымъ бабамъ праздное сидѣнье, хозяевамъ полевыя работы, хозяйкамъ домашнее тканье, а дѣвицамъ — гулянье [3]).

---

[1]) — Чомъ ты, жавороньку,
— Рано зъ вырья вылитавъ?
— Ище по горонькахъ снѣженьки лежали,
— Ой ще по долинахъ крыженьки стояли.
„Ой коли пора прійшла,
„Неволенька выйшла.
„Ой я тыи крыженьки крыльцями розжену,
„Ой я тыи снѣженьки нижками потопчу.
(Чубинскій: „Труды Этнографическо-Статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ“. Томъ III, стр. 110).

[2]) Ой вынесла тепло и доброе лѣтечко. (Чуб. III, 109).

[3]) Малымъ дѣткамъ—ручечки бити,
А старымъ дѣдамъ—раду радити,

Воскресла весна, принесла съ собой дѣвичью и молодецкую красу: дѣвичья краса—коса до пояса, а молодецкая—платокъ за поясомъ, шапка съ пучкомъ цвѣтовъ, а въ правой рукѣ—дѣвица [4]).

Дѣвицамъ гулянье—ихъ стихія. Пусть замужняя женщина ведетъ бесѣды съ своимъ мужемъ, пусть бѣдная одинокая вдова сидитъ въ раздумьи, — дѣвицѣ всѣхъ лучше на свѣтѣ; она до поры до времени гуляетъ, цѣлую недѣлю ходитъ въ вѣнкѣ, а придетъ воскресный день—идетъ въ хороводъ [5]).

Сами родители подсказываютъ это дѣвицамъ. Спрашиваетъ дочь матери: гулять ли ей? Мать отвѣчаетъ: Гуляй, доченька, сколько хочешь! Дважды молодою не будешь. Когда замужъ пойдешь—позабудешь, а когда постарѣешь—вспомнишь про молодость [6]). Спрашиваютъ дѣвицы птицу—чижа или воробья—кому на свѣтѣ воля, и кому нѣтъ воли [7]), и получаютъ такой отвѣтъ:

А старымъ бабамъ—посѣдѣньнячко,
А господарямъ—поле орати,
А молодымъ господынямъ—кросеньця ткати,
А молодымъ дѣвонькамъ—тай погуляти (ibidem).

[4]) А вже весна вскресла,
Що то намъ принесла?
Принесла вамъ росу,
Дѣвоцькую } красу. } Пѣсня поется дважды, и одинъ разъ говорится про дѣвоцькую, другой—про парубоцькую.
Парубоцькую
Дѣвоцькая краса
Коса до пояса,
Парубоцька краса
Хустына до пояса,
За шапкою квѣтка,
Въ правій руцѣ дѣвка (Чуб. III, 109—110).

[5]) Мужняя жона зъ мужемъ розмовляе,
Бѣдная вдова десять думокъ мае,
А дѣвчиноньцѣ—на свѣтѣ не мае,—
Дѣвчина молодая до поры гуляе,
Цѣлый тыждень у вѣночку,
Прійде недѣля—въ таночку! (ср. Чуб. V, 487).

[6]) Гуляй, доненько, сколько хочъ,
Двѣчѣ молодою не будешъ!
Якъ замужъ пойдешъ—забудешъ,
Якъ стара станешъ—згадаешъ!

[7]) Ой чижичку, воробейчику, скажи менѣ всю правдочку:
Кому воля, кому нема? (Максимовичъ, „Малороссійскія пѣсни“, изд. 1827 г., стр. 130).

Дѣвочкамъ во всемъ воля: схвати монисто — да на рынокъ, вѣнокъ—да въ хороводъ, ленту—да на игрище [8]). А замужнимъ нѣтъ воли; все ихъ стережетъ [9]): и кушанье въ печи, и поросенокъ подъ лавкою, и ребенокъ въ колыбели [10]); всѣ къ ней съ требованіями [11]), а тутъ еще мужъ или свекоръ-воркунъ съ своими желаніями [12]).—Наступаетъ веселая пора игръ весеннихъ и пѣнія веснянокъ или гаивокъ, какъ этого рода пѣсни называются въ Червоной Руси. Игры и пѣсни спеціально посвящаются веснѣ. Все здѣсь отзывается отрочествомъ, невинностію. Любовь еще не коснулась сердца дѣвическаго, голова дѣвическая еще не заволакивалась думами. Изъ весеннихъ игръ нѣкоторыя выказываютъ въ себѣ миѳологическій смыслъ, теперь уже совершенно или почти утраченный; это остатки глубокой старославянской языческой старины. Таковы: Кострубонько съ воспроизведеніемъ дѣйства погребенія миѳическаго существа (Чуб. III, 77), Воротарь (Володаръ), гдѣ поется о ребенкѣ, котораго подвозятъ въ золотомъ креслѣ къ дому и отдаютъ хозяйкѣ (Чуб. III, 38)—должно быть символическое изображеніе наступающаго лѣта, Шумъ (тамъ же, 50), Бѣлоданчикъ (Голов. IV, 175), Рожа и Рожина мать (Чуб. III, 100)—игра, показывающая какъ бы на существованіе легенды, похожей на греческій миѳъ о Прозерпинѣ, Пылающая дуброва [13]) (Голов. IV, 160). Другія игры прямо

---

[8]) А дѣвочкамъ—уся волечка,
За намистечко да на мѣстечко,
За вѣночокъ да и у таночокъ,
За стричечку да на улочку,

[9]) А жиночкамъ вся неволечка:

[10]) Що въ печи огонь горить,
На припѣчку горщокъ кипить,
Подъ порогомъ да порося кричить,
А въ колисцѣ дитя плаче.

[11]) Огонь каже: „загреби мене!“
Горщокъ каже: „помѣшай мене!“
Свиня каже: „нагодуй мене!“

[12]) Воркунъ каже: „поцѣлуй мене!“
Дитя каже: „розповій мене!“ (Чуб. III, 59. Максимов, 131).

[13]) Варіантъ, слышанный мною на Волыни:
Ишла дѣвочка черезъ дворъ, черезъ дворъ,
На ѣй суконька въ девять полъ, въ девять полъ,
Стала суконька сняти,
Стала дуброва палати.

заимствованы изъ природы. Таковы: Ласочка (Чуб. III, 103), Котъ (тамъ же, 105), Перепелка (тамъ же, 63), Коза (тамъ же, 84), Галка (тамъ же, 71), Воронъ (тамъ же, 73), Зозуля (Голов. IV, 181), Заинька (Чуб. III, 60), Горобейко (тамъ же, 56), Козликъ (тамъ же, 89), Жукъ (Голов. IV, 157), Макъ (Чуб. III, 47), Просо (тамъ же, 65), Ленъ. Есть, наконецъ, игры, изображающія сцены изъ семейной жизни. Напримѣръ, мать собирается отдавать дочь замужъ и рекомендуетъ ей нѣсколькихъ жениховъ, описывая при этомъ ихъ хорошія и худыя качества; отъ однихъ дочь прямо отказывается, а къ другимъ относится съ благорасположеніемъ (Голов. IV, 168, 179, 182, 183). Жельманъ, гдѣ представляется, что дѣвицу предлагаютъ отдать за одного изъ нѣсколькихъ жениховъ, называя ихъ одного за другимъ по ихъ занятіямъ (за шевця, за кравця, за коваля, за кушнира) и въ заключеніе даютъ такой отвѣтъ представляющему лицо свата, что дѣвица еще не подросла (Чуб. III, 53; Голов. IV, 183). Кривый Танецъ, гдѣ представляется, что дѣвицѣ рекомендуютъ жениховъ, о которыхъ говорятъ, что они съ разными физическими недостатками (одинъ слѣпой, другой кривоногій, третій горбатый, четвертый заиковатый и т. п.). Дѣвица не хочетъ выходить ни за одного изъ нихъ, наконецъ, ей предлагаютъ парубка степеннаго, работящаго и она соглашается (Голов. IV, 168—169).

Въ это время дѣвицы подтруниваютъ надъ молодцами. Есть цѣлый рядъ пѣсенъ, гдѣ парубки изображаются въ видѣ смѣшномъ или униженномъ въ сравненіи съ дѣвицами. Напримѣръ, парубковъ гонятъ возить навозъ, а дѣвицъ къ нарядамъ, парубковъ молотить, а дѣвицъ ѣсть хлѣбъ; парубковъ рубить лѣсъ, а дѣвицъ на площадь гулять [14]). Сопоставляется краса дѣвическая съ парубоцкою и первая сравнивается съ лѣтнею,

---

[14]) А вы, парубоньки, до гною,
А вы, паняноньки, до строю;
А вы, парубоньки, до цѣпа,
А вы, паняноньки, до хлѣба;
А вы, парубоньки, до лѣса рубати,
А вы, паняноньки, до мѣста гуляти! (Голов. II. 183—184).

а послѣдняя съ зимнею росою [15]); дѣвицы представляются одѣтыми въ хорошій нарядъ, а парубки въ отреньяхъ [16]). Приглашаются парубки ѣсть мякину вмѣстѣ съ свиньями [17]) или приготовленныхъ для нихъ лягушекъ; разсказывается, какъ парубки блудили многіе годы въ хатѣ за печью и на припечкѣ, наконецъ заблудились до угольнаго оконца и просили хлѣба у дѣвицъ [18]),—какъ ѣздили на охоту и затравили комара, а потомъ дѣлили между собою эту добычу [19]). Чуждою такихъ веселыхъ юношескихъ игръ представляется въ пѣснѣ дѣвица-сиротка. Она, бѣдняжка, беретъ ленъ и, припадая къ сырой землѣ, умоляетъ принять ее къ себѣ, какъ уже приняла отца и мать [20]), или съ такою же мыслью о скорой смерти своей обращается къ Богу [21]), или наконецъ, пришедши къ родительской могилѣ,

---

[15]) Та дѣвоцькая краса
Якъ лѣтняя роса,
Парубоцькая краса
Якъ зимняя роса (Чуб. III. 31).

[16]) На дѣвочкахъ добре платьтя,
А на парубочкахъ усе шматьтя,
То мѣхъ, то рядпина
То драна кожушина.

[17]) Часъ вамъ, дѣвочки, до дому,
Мѣшати свинямъ полову.
А вы, хлопцѣ, за нами
Ѣжте полову зъ свинями.

[18]) Блудили хлопьята, блудили
Сѣмъ лѣтъ да по запѣчку.
А чотыри да по припѣчку.
Приблудились до польного вокна
Дѣвчаточки, голубочки!
Дайте хлѣба хочъ скирочку.

[19]) Поѣхали на ловы
Да вловили комаря,
Стали его дѣлити:
Сему-тому по стегну,
А Ивасю тулубець,
А Василю голова,
Що великій безъ ума, и пр.

[20]) Земля-жъ моя, земля сыренькая,
Мати-жъ моя ридненькая,
Приняла-жъ ты отця й неньку
Прійми й мене молоденьку (Чуб. V. 359).

[21]) Ой, Боже, взявъ есь витця и матенку,
Возьми и мене бѣдную сиротку! (Голов. I. 295).

проситъ отца встать и дать ей добрый совѣтъ, но отецъ изъ могилы отвѣчаетъ, что не пускаютъ подняться дубовыя гробовыя доски, притиснувшія ему руки [22]). Кромѣ сироты, еще существо дѣвическое чуждо бываетъ забавъ: это дѣва, не успѣвшая выйти замужъ и уже начинающая увядать. Ей не досталась добрая доля. Другія дѣвки расхватали добрыя доли, а ее, видно, мать не разбудила во время, она опоздала и ее встрѣтила доля лихая и проходятъ напрасно ея лѣта какъ маковъ цвѣтъ, что днемъ поцвѣтаетъ, а къ ночи опадаетъ [23]). Не гуляла она у родителей, не пришлось ей быть замужемъ. Не почемъ вспомнить протекшіе годы [24]). Видитъ она, какъ чужой человѣкъ пашетъ, а его подруга помогаетъ ему, и заплачетъ она, потому что ей не дано жить въ парѣ. Въ церковь ли войдетъ она, въ корчму ли пойдетъ—вездѣ людей много, все для нея—чужіе, а милаго друга нѣтъ у ней [25]). Люди не знаютъ, какъ она заливается слезами, и даже думаютъ, что она счастлива. Уже половина лѣтъ ея исходитъ, а ей все нѣтъ счастья: не съ

---

[22]) Ой радъ бы я встати, тобѣ правду сказати,
Ой сырая земля а все тѣло приняла;
Дубовыи дощечки притиснули рученьки (Чуб. V. 324).

[23]) Чужи дивки рано встали,
Счастьтя-долю розобрали,
Да моя матка, що ты учинила.
Чому рано не збудила?
Я молода, спизнилася,
Лиха доля зустрилася:
Прошли лѣта, якъ маковъ цвитъ,
Що въ день цвите, въ ночи пада (Чуб. V. 360).

[24]) Отця-матки не зазнала, а мужа не маю,
Но чимъ же васъ, лита мои, споминати маю!
Лѣта мои молодыи, жаль мени за вами,
Що я васъ не вгуляла у ридной мамы (Чуб. V. 488—489).

[25]) Ажъ тамъ оре милый плугомъ,
Чужа мила помогае,
Мое серце омлѣвае.
Ой винъ оре, а я плачу,
Лѣта свои марну трачу.
А въ церковцѣ людей много:
Нема мени миленькаго!
А въ корчомцѣ людей більше:
Мому серцю жаль ще гиршій (ibid. 492).

кѣмъ ни пить, ни ѣсть, не съ кѣмъ гулять; все только дума за думою идутъ объ одномъ и томъ же, какъ ей на свѣтѣ жить [26]). Такая увядшая красота, само собою разумѣется, не причастна дѣвическимъ забавамъ; впрочемъ, и то сказать надобно, что такихъ женскихъ личностей въ сельскомъ быту встрѣчается рѣдко, такъ какъ въ этомъ быту почти всѣ соединяются бракомъ въ молодости.

Кромѣ сироты—безродной и устарѣвшей дѣвки, всѣ родительскія дочери дѣвицы спѣшатъ участвовать въ великомъ всеобщемъ праздникѣ природы. Съ весеннимъ временемъ начинаются вечернія и ночныя сборища молодежи обоего пола, называемыя «улицами». Участники въ нихъ—парубки и дѣвчата—носятъ собирательное названіе—челядь, въ старину корогодъ или хороводъ, названіе и до сихъ поръ еще не вездѣ и не совсѣмъ испарившееся изъ народной поэзіи.

Въ древности несомнѣнно существовали священные обряды составленія такихъ хороводовъ: на это указываютъ сохранившіяся до сихъ поръ пѣсни съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ пріемовъ, показывающихся остатками какихъ-то дѣйствъ. Такова пѣсня: А мы просо сѣяли, сѣяли! съ припѣвомъ: Ой дѣду-ладо! Пѣсня эта употребительна и у малоруссовъ, и у великоруссовъ и одинакова почти дословно. Смыслъ ея таковъ: образуется двѣ группы, одна противъ другой. Одна сторона грозитъ выпустить коней и потоптать посѣянное другою просо. Другая угрожаетъ захватить коней. Первая хочетъ выкупить ихъ и обѣщаетъ сначала сто рублей, потомъ тысячу, на придачу бабу, потомъ молодца; отъ всего другая сторона отказывается, наконецъ, предлагаютъ дѣвицу и дѣвица принимается [27]). Другая подобная весенняя пѣсня представляетъ хороводъ дѣвицъ въ видѣ войска, порывающагося на войну. Ихъ не пускаютъ, не допуская ло-

---

[26]) Кажуть люди щомъ счастлива, я съ того тѣшуся,
Най не знають, якъ я не разъ слезами заллюся.
Половина литъ минае, я счастьтя не маю.
Нѣ съ кимъ ѣсти, нѣ съ кимъ пити, нѣ съ кимъ погуляти.
А йде думка за думкою, якъ на свѣтѣ жити (Чуб. V. 360—361).

[27]) Намъ дѣвицѣ надобно (Ср. Чуб. III. 67. Голов. Метл. 296).

мать мосты [28]), предлагаютъ за пропускъ деньги, наконецъ, дѣвицу—и на этомъ состоитъ сдѣлка [29]). Эти пѣсни съ остатками дѣйства, хотя и сохранились, но прежній смыслъ ихъ уже утраченъ. «Улица» въ наше время складывается сама собою изъ произвольно набравшейся челяди изъ односельчанъ. «Что ты улица не зелена?» спрашивается въ одной пѣснѣ. — Какъ мнѣ зеленою быть—отвѣчаетъ улица:—меня дѣвицы тончутъ желтыми сапожками, золотыми подковками, а молодцы своею неуклюжею обувью [30])!—Вотъ открывается роскошное весеннее торжество, брачное пиршество природы: разливаются на всѣ стороны воды [31]), кукуетъ кукушечка, чуя наступленіе лѣта [32]), щебечетъ соловей въ развивающихся садахъ [33]), играетъ сопѣлка, скликая молодежь на игрище [34]), приглашаются дѣвицы гулять, потому что зазеленѣли травы, наступила красная весна [35]). Но тутъ уже даетъ о себѣ знать будущее, неизбѣжное для многихъ, житейское горе. Дѣвицу отдадутъ замужъ за немилаго ей человѣка, она плачетъ, предчувствуя свою горькую судьбу [36]). Ея нелюбъ—пьяница, онъ пропьетъ ея приданое, а когда она при-

---

[28]) „Пустѣте насъ, пустѣте насъ сей свѣтъ воювати!“
— Не пустимо, не пустимо мосты поламати (Голов. II. 191).
или:
„Пустѣте насъ, пустѣте насъ до Угорськои земли!“
— Не пустимо, не пустимо, поламати мосты! (Голов. IV. 178).

[29]) „Заплатимо, заплатимо тымъ бытымъ таляромъ“.
— Не хочемо, не хочемо тыхъ бытыхъ талярывъ.
— Но хочемо, но хочемо хорошои пани,
— Въ зеленѣмъ барвѣночку
— Въ рутянѣмъ вѣночку (Голов. IV. 179. ср. Чуб. III. 43).

[30]) Якъ мени зеленою бути,
Коли мене дѣвчата зтончать
Жовтыми чобитками, золотыми пидковками.
Якъ мени зеленою бути.
Коли мене парубки зтончать
Постолами-постолищами, волоками-волочищами (Чуб. III. 158).

[31]) Розлилися воды на чотыри броды. (Чуб. III. 142).

[32]) Зозуленька куе, бо лѣтечко чуе (ibid. 143).

[33]) Соловейко щебече—садки розвивае (ibid.).

[34]) Сопилочка грае въ улицю скликае (ibid.).

[35]) Гей дѣвки! Весна красна! Зѣлыя зелененьке (ibid.).

[36]) Дѣвчинонька плаче за нелюба идучи,
Гей мати лихо знати—за нелюбомъ жити! (ibid.).

детъ въ гости къ своей матушкѣ, станетъ мать ее спрашивать: гдѣ твои дорогіе кораллы? Гдѣ твои волы и коровы?—Все пошло къ шинкаркамъ [37]).

Неизвѣстность неизбѣжнаго брака тревожитъ дѣвическое сердце. Дѣвица боится, какъ бы съ нею не было того, что̀ она уже видѣла съ другими. Ее безпокоитъ незнаніе, за кого-то ее отдадутъ родители. Вотъ она плететъ себѣ вѣнокъ изъ барвинка, повѣсила его на золотомъ колкѣ и говоритъ къ нему: еслибъ она знала, что пойдетъ за милаго, то сплела бы лучше, а если за немилаго—она бы заранѣе порвала и потоптала его [38]). Между весенними пѣснями можно отмѣтить цѣлый отдѣлъ такихъ пѣсенъ, гдѣ дѣвушка мечтаетъ, какъ ей будетъ нехорошо, когда ее отдадутъ замужъ въ чужой домъ, межъ чужихъ людей; она ожидаетъ худого себѣ особенно отъ будущей свекрови. Эти пѣсни есть выраженіе того состоянія, когда дѣвица еще не познакомилась съ любовнымъ чувствомъ, отодвигающимъ на задній планъ всякія подобныя опасенія. Но пока сердце дѣвицы еще свободно отъ любви, на нее кладетъ отпечатокъ подмѣченное съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ... Теперь она у родителей, какъ калина красная, а когда будетъ замужемъ, станетъ какъ береза бѣлая [39]). Теперь у нея всего изобильно, а тогда отрѣжетъ ей свекоръ хлѣба тонкій кусокъ, не съѣстъ она его въ хатѣ, а съѣстъ за дверьми, обливши слезами [40]).

---

[37]) „Дежъ твои, доню, дороги корали?“
Въ шинкарки въ Парани.
„А дежъ твои, доню, волы та коровы?“
Гей, мати, лихо знати—въ шинкаря въ обори (Чуб. III. 144).

[38]) Ой вѣнку мій вѣнку, хрещатый барвинку,
Яжъ тебе звила вчора зъ вечора,
Дай повѣсила въ теремѣ да на деревѣ,
На шовковимъ шнурку, на золотимъ килку.
Ой якъ бы жъ я знала, що за милымъ буду,
Я бъ ще красчій звила!
Ой якъ бы жъ я знала що за нелюбомъ буду—
Я бъ его порвала руками,
Потоптала ногами.

[39]) Я у батька була червона калина,
Якъ до свекра пійшла—бѣлая береза (Чуб. III. 121).

[40]) Вкроивъ свекоръ лусту, якъ кленоваго листу.
Чи зъѣси, невѣстко? Не зъѣмъ я у хати,

Въ другой веснянкѣ дѣвица воображаетъ себѣ, какъ ее отдадутъ въ многочисленную семью и тамъ станутъ помыкать ею, заставляя исполнять разныя домашнія работы [41]). Она все сдѣлаетъ, потомъ подойдетъ къ окну и услышитъ, какъ мужу ея станутъ говорить: зачѣмъ ты не бьешь своей жены? Зачѣмъ не караешь ее? А мужъ отвѣтитъ такъ: нельзя бить ее, когда надобно съ нею жить! Если она сонлива—разбужайте ее. Если она лѣнива—научайте ее [42]). Болѣе всего боится дѣвическое воображеніе свекрови, и въ народной поэзіи есть цѣлая группа веснянокъ, гдѣ выражается опасеніе дѣвицы испытывать непріятности отъ будущей свекрови. Въ одной повсемѣстно распространенной пѣснѣ, дѣвица обращается къ дубровной кукушечкѣ, проситъ не будить ее рано, когда она спитъ въ родительскомъ гнѣздѣ. Придетъ время, станутъ будить ее еще раньше; свекровь не родная мать, станетъ укорять ее за лѣнь и долгое спанье, упрекая тѣмъ, что она въ семьѣ своего мужа не трудящаяся, не скопидомка [43]). Во всякомъ случаѣ, еслибъ ее не ожидали упреки и непріятности суроваго обращенія отъ свекрови, свекра и всей мужниной родни, все-таки минулось тогда

Та зъѣмъ за дверима.
Не зъѣмъ я сухого—обильлю слизами (Чуб. III. 121).

[41]) Мене замужъ отдала, а въ великую семью.
Семья сяде вечеряти, я по воду пойду (ibid. 156).

[42]) Покиль воду принесла, той вечеря одійшла.
Я ложки помыю, бѣлу постель постелю,
Сама спати пійшла, индъ виконце пидійшла.
Ой щось мени говорють, мене молоду судять.
„Чомъ ты ѣи не бьешъ, чомъ не караешъ?"
— Ой якъ же менѣ ѣи бить, коли треба зъ нею жить?
— Коли вона сонливая—то збудите ѣи,
— Коли вона лѣнивая—научите ѣи (Чуб. III. 156).

[43]) Ой дибривно да зозуленько, да не куй рано у диброви,
Не збуди мене да молодои,
Избудять мене да раннѣй тебе...
У мене свекруха не матонька:
„Уставай невистко, неробитниця,
Та свому роду не кукибниця.
Уже свыни да й у долини,
Молода невистка спить у перини;
Уже вивци на крутій гирци—
Молода невистка спить у комирци" (Чуб. III. 145—146).

для нея прежнее время дѣвичьяго гулянья: дитя малое не пуститъ ее [44]).

Но какъ бы ни безпокоила своего воображенія дѣвица пугливыми образами ожидающихъ ее непріятностей въ замужествѣ, а прирожденная потребность любви беретъ свое. «То мнѣ печаль»—говоритъ дѣвица,—что я молода, а у меня милаго друга нѣтъ [45]). Вонъ, видитъ она, играютъ въ рѣкѣ рыбы—у каждой своя пара, а у меня только пара черныхъ глазъ и чорныхъ бровей» [46]). Томительно дѣйствуетъ на дѣвицу видъ постели, на которой ей надобно спать. Бѣла постель, нѣма стѣна, у которой постель поставлена. «О сжалься, Боже,—восклицаетъ дѣвица,—сжалься надо мною, милосердый, вѣдь я молоденькая! Дала бы я свою бѣлую руку, да не знаю кому дать ее» [47]). Боится она, чтобъ не отдали ее за вдовца: онъ вспомнитъ прежнюю жену и станетъ съ нею сурово обращаться [48]). Не

---

[44]) Мѣсяцъ надъ водою, дѣвки на улицѣ,
А я молода крозь тынъ выглядаю.
Свекорко батенько! Пусти на улицю.
Хочъ свекорко пустить, свекруха не пустить,
Хочъ свекруха пустить, дѣверко не пустить,
Хочъ дѣверко пустить, зовиця не пустить,
Хочъ зовиця пустить, милый не пустить,
Хочъ милый пустить, дитя не пустить.

[45]) Една туга—сама молодая,
Друга туга—милого не маю!

[46]) Щука рыба въ морѣ гуляе до волѣ,
Щука рыба грае, собѣ пару мае,
А я стою да думаю, що пары не маю.
Тильки менѣ пары, що оченьки кары,
Тилька всеи любови, що чорныи брови.

[47]) Постѣлька бѣленька, а стѣна нѣменька—
Сжалься, сжалься, милый Боже, що я молоденька!
Постѣлька бѣленька, да все не по тому,
Дала бъ же я бѣлу ручку, да не знаю кому!

[48]) Ой не пійду за вдивця, буде менѣ лихо!
А вдовець не молодець всѣ норовы знає,
И згадае першу жинку—нагайкою вкрае.

или:

За удивцемъ хлѣбъ готовый, серце засмучено,
За удивцемъ хлѣбъ готовый, лишень бы го ѣсти,
Передъ бы ся наплакати, нижъ до него сѣсти (Голов. II. 391).

хочетъ выходить она за стараго, хочетъ за молодого [49]). Не хочетъ за рыжаго, а хочетъ за черноволосаго [50]).

Если сильно волнуется сердце у дѣвицы, то еще сильнѣе волнуется оно у молодца. Онъ чувствуетъ грусть одиночества [51]), отгадываетъ, чего ему нужно, и проситъ Бога послать ему въ подруги жизни хорошую дѣвицу [52]). Всего у него вдоволь, и въ хатѣ, и въ комнатѣ полно всякой благодати: богатые образа, размалеванныя стѣны, куда ни глянетъ, все у него такъ какъ слѣдуетъ быть, недостаетъ только подруги. Слышимое дѣвическое пѣніе нагоняетъ на него тоску [53]). Гдѣ она, эта невѣдомая его суженая? Онъ пошлетъ на всѣ стороны пословъ искать гдѣ живетъ она [54]). Пусть летятъ ласточки и галки въ чужую сторону, пусть прилетятъ къ нему и принесутъ вѣсть о ней [55]). Тогда и онъ осѣдлаетъ коня, поѣдетъ на край Дуная, найдетъ ту, которая ему по сердцу, и скажетъ ей—добрый день, а она

---

[49]) Ой не ходи, старый, коло моій хаты,
Ой не топчи, старый, кудрявои мяты.
Я того старого одъ роду не любила,
По его слѣдочку каменемъ покотила.
Ой походи, молоденькій, коло моеи хаты,
Ой потопчи, молоденькій, кудрявои мяты,
Я того да молодого одъ роду да полюбила,
По его слѣдочку перстинкомъ да покотила (Чуб. III. 141).

[50]) Мати моя хорошая, мати моя мила,
Не дай мене за рудого, бо я чорнобрива.
У рудого грошей много, буде мене бити;
Я безъ того чорнявого не могу прожити.

[51]) Жаль серцю моему такъ жити самому.

[52]) Боже зъ неба высокого!
Глянь на мене молодого;
Дай мѣ що я въ тебе прошу:
Дай мѣ дѣвчину хорошу.

[53]) А въ тій хати и кимнатѣ усякои благодати:
Боги въ мене дорогіи, малеваны стины,
Куды не глянь—все якъ треба, да нема дружины.
У дибровѣ зелененькій дивчина спивае;
Вона жъ мени молодому тугу наганяе (Чуб. V. 22).

[54]) На всѣ свѣта стороньки пошлю послоньки,
Где вона живе, где проживае?
Нехай буду знати, где ѣи шукати!

[55]) Пошлю жъ бо я ластивочку на чужую стороночку.
Нехай пролитають, дружины шукають (Чуб. V. 35).

дастъ ему свою руку [56]). Вотъ прилетаетъ къ нему галка и приноситъ вѣсть: его суженая сидитъ гдѣ-то на берегу моря, умывается морскою водою, утирается своею русою косою [57]). Въ какой очарованный міръ заноситъ молодца воображеніе! Какой огонь пылаетъ у него въ сердцѣ [58])! Не знаетъ онъ, какая судьба ожидаетъ его въ грядущемъ, проситъ рыбаковъ закинуть въ море сѣть и поймать его долю. Рыбаки исполнили его желаніе, но вытащили не его долю, а рыбу. Онъ видитъ, что рыба живетъ въ парѣ, а у него нѣтъ пары, и становится ему еще досаднѣе [59]).

Что ему въ красотѣ его, когда онъ не можетъ жениться! Лучше ему броситься въ воду и утопиться [60]). Но тутъ воображенію его представляется образъ дѣвицы, которая удерживаетъ его отъ самоубійства и обѣщаетъ ему любовь свою [61]). Въ темную ночь не спится молодцу: ему все мерещится буду-

---

[56]) Самъ я коня осидлаю, поѣду край Дунаю,
Буду проѣзжаты, дружины шукати,
Пріѣзжаю край Дунаю, на день-добрій милій даю,
Милая витае, билу ручку дае (Чуб. V. 35).

[57]) Галочко моя, галочка чорненька!
Ты скажи, галочко, где моя миленька?
А твоя миленька въ лузѣ надъ водою,
Умывается морскою водою,
Утирается русою косою.

[58]) Ой чи не найдеться такого чоловѣчка,
Щобъ розрѣзавъ парубкови бѣлыи груди!
Поглядѣвъ бы подивився на свое серденько,
Якъ изъ жару серце молодецьке розотлѣлось,
Якъ изъ поломья воно серце молодецьке розгорѣлось.

[59]) Хлопци рыболовци, удали молодци!
Вы закиньте сѣтку черезъ сине море,
Та вытягнить долю мени молодому!
Не вытягли доли, та вытягли рыбу,
Рыба щука грае, соби пару мае,
Мени молодому пароньки не мае. (Чуб. V. 28).

[60]) Чорны брови маю тай не оженюся,
Пійду до рѣченьки зъ жалю утоплюся. (Ibid.).

[61]) Не топись, козаче, не топися, орле:
Хто жъ мене дивчину сей вечиръ пригорне! (Чуб. V. 28).
или:
Не топися, милый, марне душу згубишъ,
Ой ходимо звинчаймося, коли вирно любишъ. (Чуб. V. 357).

щая подруга [62]). Онъ бѣжитъ въ рощу. Онъ проситъ у нея совѣта: жениться ли ему и какую подругу взять себѣ. Онъ перебираетъ всякихъ: богатую-бы взялъ—такъ не захочетъ трудиться, умную взять—станетъ умничать, глупую возьму—съ нею будетъ горе, станутъ судить люди и не будетъ намъ житья [63]). Родители посылаютъ его косить, а онъ бросилъ косу и сталъ плакать [64]). На синемъ морѣ мраморный камень, на немъ сидитъ молодецъ и наигрываетъ на сопѣлкѣ. Что́ мнѣ богатство: есть-ли оно, нѣтъ-ли его—все для меня едино, говоритъ онъ, а съ доброю подругою мнѣ было-бы легче [65]). Вотъ онъ возвращается домой, кланяется въ ноги своей матери и говоритъ ей: если-бъ ты знала, матушка, какая мнѣ досада, ты-бы меня женила, чтобы мнѣ было съ кѣмъ совѣтъ держать! Мать отвѣчаетъ ему: женись, мой сынокъ, возьми любимую свою и цѣлуй ее да милуй какъ голубку [66]). Мать не совѣтуетъ сыну жениться на вдовѣ [67]), а совѣтуетъ взять себѣ въ жену сироту [68]). По нравственному народному воззрѣнію, при бракѣ не должно

---

[62]) Темна ничка невеличка, и чого-сь не спиться,
Чого сь моя головонька та й морочиться.
Треба мени, моя мати, оженитися,
Перестане головонька морочитися (Чуб. V. 31).

[63]) Порадь мене, гаю, що маю робити.
Чи мени женитися, чи такъ волочиться?
Порадь мене, гаю, яку милу брати!
Узявъ бы багату—не схоче робити,
Узявъ бы розумну—буде замышляти,
Узявъ бы дурную, горе жъ мени буде,
Судитимуть люде: намъ житьтя не буде! (Чуб. V. 495—496).

[64]) Яжъ думала, мій сыночку, що будешъ косити,
Ажъ ты косу приклавъ до покосу да й ставъ голосити (Чуб. V. 32)

[65]) На синёму морѣ стоить камень мармуровый;
На нимъ сидить хлопець чорнобровый,
Сидить соби та й въ сопилочку грае,
Гирко ему на серденьку, що дружины не мае.
А що мени по худоби, а вже буде чи не буде,
Съ хорошою дружиною легче буде (Чуб. V. 31).

[66]) Ой коли бъ ты, мати, знала, яка то досада,
То-бъ ты мене оженила, щобъ була порада.
Оженися, мій сыночку, возьми соби любку,
Цилуй ѣи, милуй ѣи якъ голубъ голубку (Чуб. V. 32).

[67]) Не бери вдовоньки, не буде доленьки.

[68]) Возьми собѣ сиритоньку, будешъ мавъ долейку.

расчитывать на богатство. Погибель постигнетъ того,—говоритъ пѣсня,—кто ищетъ въ имуществѣ сердца [69]). Жена станетъ говорить ему: ты убогъ, а я богата, моя хата, моя правда! Бѣднякъ станетъ проклинать себя за то, что изъ-за денегъ нажилъ себѣ хлопотъ [70]). Вотъ я, говоритъ кто-то въ поученіе молодежи—взялъ себѣ жену убогую, но живу съ нею, слава Богу, и милъ мнѣ кусокъ хлѣба, заработанный ея руками. Въ погоду-ли, въ непогоду—иду съ нею на работу, и въ полѣ мило мнѣ съ нею трудиться [71]). Если дѣвица, въ чаяніи будущаго брака, пугается непріятностей, которыя могутъ ее ожидать въ новой жизни, то и молодецъ также останавливается передъ опасеніемъ, что его жизнь съ женою станетъ для него тяжелымъ камнемъ и станетъ онъ плакать о своей судьбѣ, да не воротитъ разъ потерянной свободы [72]). Но и молодца, какъ дѣвицу, такіе страхи не удержатъ отъ того, къ чему влечетъ всѣхъ природа и что указано человѣку самимъ Богомъ [73]).

Первая встрѣча молодца съ дѣвицею, то время, съ котораго завязывается между ними любовь, иногда представляется

---

[69]) Но погибель прійде тому,
Хто бѣду веде до дому,
Въ жѣнцѣ зарибку шукае,
За маетокъ серце мае!

[70]) Ты убогій, я багата,
Моя правда, моя хата.
Тильки бѣдный проклинае,
Що за гроши клопотъ мае!

[71]) Я собѣ взявъ жинку вбогу,
Жію съ нею хвала Богу!
Менѣ хлѣба кусокъ милый,
Що ей руки заробили.
Чи въ погоду, чи то въ слоту,
Иду съ нею на роботу,
Иду въ поле съ нею жати,
Мило разомъ працювати (Голов. III. 383).

[72]) Хлопче молодче зъ карыми очима!
На що тобѣ жѣнка, камѣнь за плечима?
Будешъ колись долю свою проклинати,
Будешъ кулаками слезы утирати,
Выплачешъ очи, да не вернешъ долѣ...

[73]) Видкиль Богъ небо створивъ и свѣти повстали,
Богъ написавъ на камѣнѣ, що бы ся кохали.

какъ-бы случайнымъ событіемъ, хотя, разумѣется, въ сельскомъ быту дѣти обоего пола знаютъ другъ друга съ малыхъ лѣтъ. Вотъ изображается двѣ горы; между ними въ долинѣ всходитъ заря: то не заря—говоритъ пѣсня—то молодая дѣвица шла по воду. Молодецъ за нею на сѣромъ конѣ верхомъ по надъ Дунаемъ (т. е. по берегу большой рѣки). Онъ догоняетъ дѣвицу и проситъ напоить его коня [74]). Дѣвица, понимая, какъ видно, символическій смыслъ такой просьбы, отказываетъ ему, потому что еще не принадлежитъ ему; она говоритъ, что ей надобно спѣшить, потому что у нея дома лежитъ больной отецъ [75]), а молодецъ научаетъ ее, какъ отговориться передъ матерью, зачѣмъ она замѣшкалась; налетѣли де гуси и взмутили воду, а она подождала, пока вода устоялась [76]). Въ пѣсняхъ стараго козацкаго быта встрѣчаются такіе образы: козакъ, ѣдучи, встрѣчаетъ дѣвицу, спрашиваетъ у нея дорогу, она ему показываетъ три дороги—въ Польшу, на Донъ и къ славному Запорожью, и отсюда завязывается между ними любовь; пѣсня кончается словами козака къ дѣвицѣ: пока живъ—тебя не забуду и по веснѣ стану тебя сватать [77]). Или—козакъ заснулъ въ степи подъ могилою; вдругъ является неизвѣстно откуда дѣвица, будитъ козака, потому что идутъ бусурманы, возьмутъ у него коня, а его изрубятъ. Дѣвица прибавляетъ, что конь можетъ

---

[74]) И видтиль гора, и видсиль гора;
Помижъ тими крутыми горами сходила ясная зоря;
Я-жъ думавъ що зоря зійшла,
Ажъ то моя дивчинонька по водицю йшла.
А я за нею, якъ за зорею,
Чистымъ полемъ, сивымъ конемъ по надъ Дунаемъ.
Дивчино-жъ моя, напій мого коня
Зъ рубленои та криниченьки, зъ повного ведра (Чуб. V. 120).

[75]) Пусти мене молодую:
Въ мене батько слабый лежить,
Холодной воды бажить.

[76]) Надлетѣли гуси зъ броду,
Сколотили зъ пѣскомъ воду,
А я стала, постояла,
Нимъ ся вода устояла. (Чуб. V. 138).

[77]) Якъ живъ буду, до я тебе не забуду,
И на весни сватать буду (Чуб. V. 113).

быть и другой, а если козака убьютъ, то ей жаль станетъ [78]).

Изъ быта болѣе поздняго встрѣчаемъ въ пѣсняхъ такіе образы: ходила дѣвица по грибы и заблудила въ лѣсной чащѣ. Тамъ встрѣчаетъ она молодца, котораго принимаетъ за лѣсничаго, и проситъ вывести ее на дорогу [79]). Молодецъ говоритъ, что его слѣдуетъ назвать не лѣсничимъ, а своимъ «серденькомъ» [80]). Или—молодецъ пасъ козъ и, заснувши, потерялъ козу; онъ сталъ искать ее и наткнулся на спящую дѣвицу; онъ не будилъ ее, а сталъ цѣловать ее сонную, пока она не проснулась, не начала кричать, браниться, а онъ таки нацѣловался вдоволь [81]). Въ распространенной повсюду пѣснѣ первое сближеніе изображено такъ: дѣвица пахала и не умѣла кричать на воловъ [82]), а потому пригласила молодца—по однимъ варіантамъ—погонять воловъ [83]), по другимъ—играть на дудочкѣ [84]), а тотъ, исполняя свою обязанность, сталъ въ то же время моргать, неизвѣстно на что́: на воловъ-ли и коровъ или на бѣлое лицо и черныя брови дѣвицы [85]). Въ другой пѣснѣ,

---

[78]) Коня возьмуть, кинь другій буде,
Тебе зарубають—другого не буде,
Менѣ жаль буде. (Ср. Малор. и червонорус. народ. думы и пѣсни изд. 1836. 123 и Чуб. V. 19).

[79]) Ой гайдаю, гайдаю, выведи мене зъ гаю!
Бо справдѣ дороги не знаю!

[80]) Коли-бъ же ты дороги не знала,
То ты-бъ мене гайдаемъ не звала,
То ты-бъ мене серденькомъ назвала (Малор. и черв. думы и пѣсни. 81).

[81]) Бѣгаю по лѣсѣ, собою нуджу.
Щось лежить пидъ садомъ зъ далека виджу,
Обачу и зъ близка дивчину спячу,
Не смѣю збудити, тильки не плачу,
И стисну дивчинѣ бѣли ручоньки,
Оглянеться, отворить чорни очоньки;
Кричала, лаяла, я не лякався,
Най же мъ, оченька, нацѣловався (Голов. III. 343).

[82]) Тамъ орала дивчинонька воликомъ чорненькимъ,
Орала, орала, не вмѣла гукати.

[83]) Да наняла козаченька воливъ поганяти.

[84]) Да наняла дударика у дудочку грати.

[85]) Дударикъ играе, бровами моргае
Врагъ же ёго батька знае, на що винъ моргае:

безъ всякихъ предварительныхъ чертъ, изображается, что дѣвица въ полѣ жала хлѣбъ, мимо проѣхалъ молодецъ и сказалъ ей: здравствуй, жница, а она отвѣчала: здравствуй, душа моя! И съ той поры всѣ узнали, что дѣвица козака назвала такимъ нѣжнымъ словомъ [86]).

Но прямѣе, естественнѣе и чаще первая встрѣча любви бываетъ на улицахъ. Такія сходбища на тотъ конецъ и составились въ сельскомъ быту, чтобъ молодые люди обоихъ половъ сходились между собой и приготовляли себя къ супружеству. Не даромъ въ весеннихъ пѣсняхъ молодцы, участвующіе на улицѣ или въ хороводѣ, символически представляются въ образѣ мѣсяцевъ [87]), а дѣвицы въ образѣ звѣздочекъ [88]) и каждому мѣсяцу [89]) и звѣздочкѣ [90]) придаются имена, какія носятъ молодцы и дѣвицы. Собирается улица гдѣ-нибудь на выгонѣ, близъ села въ долинѣ или на холму; туда изъ родительскихъ домовъ выступаютъ дѣвицы гулять, словно лебеди на тихомъ Дунаѣ, и пускаютъ голоса, чтобъ ихъ услыхали тѣ, кому это нужно. Весело дѣвицѣ на улицѣ, а ея сердце порывается туда, гдѣ тотъ, которому она полюбилась [91]). Вотъ на такую-то улицу сталъ учащать молодецъ и всѣ стали замѣчать, что онъ чего-то вздыхаетъ, догадываются, что онъ уже полюбилъ [92]). Не можетъ

Чи на мои волы, а чи на коровы,
Чи на мое лице бѣле да на чорнѣ брови.

[86]) Ѣхавъ козакъ дорогою: помогай Бигъ женче!
Вона ему видповѣла: бувай здоровъ, серце!
А вже тая слава по всѣмъ свѣтѣ стала,
Що дѣвчина козаченька серденькомъ назвала (Ср. малор. и черв. думы и пѣсни 120).

[87]) Три мѣсяцѣ ясныхъ, три молодцѣ красныхъ.

[88]) Три зирочки ясныхъ, три дѣвочки красныхъ.

[89]) Первый мѣсяченько—молодый (имя-рекъ).

[90]) Першая зирка—молода (имя-рекъ).

[91]) Ой выйду я за ворота, гуляю, гуляю,
Якъ билая лебедочка по тихимъ Дунаю.
Ой выйду я на ярочокъ та пущу голосочокъ:
Нехай мене той зачуе, що въ поли ночуе...
И се село и те село, мени не весело,
Тильки мени веселенько, де мое серденько (Чуб. III. 166—167).

[92]) Молодици и дивчата стали говорити:
Що такъ часто на вулицю почавъ я ходити.

онъ насмотрѣться и налюбоваться на нее, когда пойдетъ она въ танецъ подъ звуки скрипки и кажется ему—благоухаетъ она розою [93]). И дѣвица, которой онъ полюбится, втайнѣ говоритъ, что нѣтъ на той улицѣ, куда она ходитъ, красивѣе молодца, какъ тотъ, кого она удостоиваетъ звать нашимъ [94]). Она имъ любуется, когда увидитъ, что онъ проѣхалъ верхомъ [95]), она ради него идетъ въ гости [96]). Если случится ей во снѣ увидѣть его—ей дѣлается весело, но, когда, пробудившись, она пойметъ, что его нѣтъ при ней, ей станетъ грустно [97]). Гдѣ только увидитъ, что онъ идетъ, ей показывается, что солнышко всходитъ [98]). Онъ, съ своей стороны, полюбивши дѣвицу, воображаетъ себѣ, какъ-бы онъ ее ласкалъ, берегъ и баловалъ, еслибы она стала его подругою [99]).

Цѣлую ночь гуляетъ на улицѣ челядь и расходится уже свѣтомъ [100]), когда проснутся работящіе люди и въ селѣ нач-

---

Уся челядь догадалась, чого я зитхаю,
И тепера уси знають, котру я кохаю (Чуб. V, 25).

[93]) Якъ пійде пидъ скрипочку то й не надивлюся...
Нема красчои дивчины, якъ моя Маруся!
Якъ пійде пидъ скрипочку ще й платочкомъ махне,
Такижъ моя Маруся ажъ рожою пахне (Чуб. V. 37).

[94]) На нашей на вулици
Все купалыи молодци,
Ой нема, нема найкупавшого
Надъ Ивана надъ нашого. (Чуб. III. 201).

[95]) Ой Василю, Василино, любая дитино!
Якъ ты ѣдешъ сивымъ конемъ, дивится мило.

[96]) Ой Василю, Василечку, хорошій стане,
Съ кимъ я въ гости пійду, якъ тебе не стане! (Чуб. V. 14).

[97]) Ой я сплю, милый сниться,
Душа-жъ моя веселиться.
Прокинуся—ажъ не мае,
Ажъ серденько замирае (Чуб. V. 13).

[98]) Я-жъ думала, що сонечко сходить,
Ажъ то милый по рынечку ходить (Чуб. V. 40).

[99]) То-бъ я ѣи циловавъ, миловавъ,
И до печи куховарочку напнявъ,
И самъ-бы я по водицю ходивъ,
А Одарю та за ручечку водивъ (Чуб. V. 34).

[100]) Цвѣли лозы при дорозѣ синенькимъ цвѣтомъ,
Иде козакъ изъ улицѣ бѣлесенькимъ свѣтомъ . .

нется доеніе коровъ [101]). Молодецъ, залюбезничавшись съ дѣвицею, не въ силахъ отъ ней оторваться, какъ и она отъ него [102]), пѣтухи ночные поютъ одни за другими, а онъ все продолжаетъ стоять съ нею и только тогда, когда наступитъ ясный день, пожелаетъ ей доброй ночи [103]), а удалившись домой, никакъ не можетъ удалить отъ себя ночныхъ воспоминаній и самъ себя не слышитъ [104]). Пока еще онъ не успѣлъ отдать свое чувство исключительно одной, его сердце, по выраженію пѣсни, разбивается на двѣ половины. Двѣ дѣвицы разомъ ему нравятся. Одна—дальше, другая—поближе. У молодца происходитъ внутреннее бореніе, а потомъ и рѣшимость: ту, которая отъ него подальше онъ подаритъ людямъ, а къ другой, которая поближе, пойдетъ самъ [105]). Если одна изъ этихъ дѣвицъ богата, другая убога—предпочтеніе отдается послѣдней [106]). Если же молодецъ начнетъ ухаживать за дѣвицею только ради опыта и станетъ хорохориться передъ нею, то подвергается непріятности быть разгаданнымъ и дѣвица скажетъ ему, что коли онъ ее любитъ такъ какъ увѣряетъ, то можетъ сватать ее [107]), а иначе долженъ отцѣпиться отъ нея, и если онъ станетъ передъ нею говорить, что радъ бы жениться, да не велятъ родители [108]), то

---

[101]) Нова церква, нова церква, а стари пороги,
Тогди козакъ видъ дивки йде якъ доять коровы (Чуб. V. 93).

[102]) Ой якъ менѣ, козаченьку, раненько ходити
Бо якъ визмешъ за рученьку—не мусишъ пустити!
Таку-жъ бо я дѣвчиненько натуроньку маю,
Якъ зійдуся изъ тобою—про все забуваю.

[103]) Куроньки піють, я зъ дивчиною стою,
На день займае, на добраничъ даю (Чуб. V. 36).

[104]) Люблю дивчину, та й трудно ѣи забути,
Прійду до дому—самъ себе не чути! (ibid.).

[105]) Одна гора высокая, а другая низька,
Одна мила далекая, а другая близька.
А я тую далекую людямъ подарую,
А до сеи близенькои самъ помандрую (Чуб. V. 38).

[106]) Багатая губатая, та ще й къ тому пышна,
Убогая хорошая якъ у саду вишня...
Великая худоба то серденьку досада,
А хорошая дружина то серцю одрада (Чуб. V. 496—497).

[107]) Не козерись, парубоньку, и не копыль губу;
Коли любишъ такъ якъ кажешъ, то веди до шлюбу (Чуб. III. 178).

[108]) Ой радъ бы я шлюбъ узяти
Та не велить мати (ibid.).

она скажетъ: коли не велятъ, такъ и не таскайся на нашъ край на улицу [109]). Она еще пригрозитъ ему, что разскажетъ о его ухаживаніи около ней всей челяди, чтобы про него сложили веснянку и приложили бы ему какое нибудь прозвище [110]). Не то отрѣжетъ ему и почище [111]). Даже мать молодца станетъ корить его, если узнаетъ, что онъ ради шутки ухаживаетъ за дѣвушкою [112]). Любовныя свиданія и взаимныя нѣжности молодца и дѣвицы изображаются въ народныхъ пѣсняхъ съ усвоенными въ народной поэзіи пріемами, часто повторяющимися, хотя и съ нѣкоторымъ разнообразіемъ. Вотъ молодецъ бродитъ около хаты, гдѣ живетъ дѣвица и дожидается, пока у ней въ хатѣ погаснетъ свѣча и улягутся ея родители: тогда она выйдетъ къ нему [113]). Вотъ онъ стоитъ подъ окномъ, окутавшись свитою съ капюшономъ, согнулся, ожидаетъ, пока выйдетъ его Маруся [114]). Онъ проситъ выйти скорѣе, поговорить съ нимъ, пусть сойдутся они какъ мѣсяцъ съ звѣздою [115]). Постой, милый, говоритъ она: вотъ я матушкѣ старой изготовлю ужинать, постелю бѣлую постель, тогда выйду и развеселю тебя [116]). Вотъ

---

[109]) Якъ не велить, то й не ходи
На нашъ край гуляти (ibid.).

[110]) Ой скажу всѣмъ, щобъ про тебе
Веснянки спивали,
Що бъ призвища та прикладки
Тоби прикладали! (Чуб. III. 179).

[111]) Ще я такихъ дурнивъ зъ роду не видала,
Я такими дурнями тыны пидпирала.
У городѣ бузина, на ѣй листу нема;
Не ходи, не люби, коли хисту нема! (Чуб. V. 176).

[112]) Ой грихъ, сыночку, въ недиленьку спидати
А ще гиршій грѣхъ зъ сироты ся сміяти (Чуб. V. 390).

[113]) Ходить сорока коло потока тай кряче! тай кряче!
Ходить Микола коло виконця та й плаче! та й плаче!
Выйди, Наталко, выйди серденько, та й выйди! та й выйди!
Свѣчечка горить, то батенько не спить,—не выйду! не выйду!
Свѣчечка згасне, батенько засне, то й выйду! то й выйду! (Чуб. V. 139).

[114]) Чи не цей-то Микитка, що по локти свитка?
Пидъ виконцемъ зигнувся, чи не выйде Маруся (Чуб. V. 67).

[115]) Выйди, выйди, молода дѣвчино, поговору зъ тобою
Якъ мисяць зъ зорою (Чуб. V. 18).

[116]) Чекай, парень, годину,
Нехай своій неньци старій вечероньку зготую,

она вышла, наконецъ; какъ звѣзда вечерняя освѣтила все поле, такъ она взвеселила сердце молодецкое [117]). Впрочемъ трудно бываетъ матери удержать дочь, когда она искренно полюбитъ молодца. Хоть построй мать для ней особую комору, хоть запирай ее замками, хоть поставь она караульныхъ наблюдать за дочерью... дочь все таки найдетъ способъ выскочить и проведетъ ночь съ милымъ своимъ въ вишневомъ садикѣ [118]), или въ темной рощѣ [119]), либо же украдетъ у матери ключи и впуститъ къ себѣ молодца [120]). Дѣвица блаженствуетъ съ милымъ, сравниваетъ себя съ кукушкою, а его съ соловьемъ [121]). Дорожа своимъ счастіемъ, молодецъ допрашиваетъ ее: любитъ ли она его, не разлюбитъ ли? Дѣвица увѣряетъ его въ своей любви, сознаетъ, что у ней нѣтъ ни серебра, ни золота, ничего кромѣ любви къ молодцу. Молодецъ отвѣчаетъ, что ему и не нужно золота: онъ пріобрѣтетъ его, а нужно ему любимую дѣвицу [122]). Молодецъ толкуетъ ей какъ будетъ хорошо, когда она станетъ

Билу постель постелю.
Тоди я, молоденька, на всю ниченьку выйду (Чуб. V. 18).

[117]) А зиронька зійшла, усе поле освитила,
А дивчина выйшла, козаченька звеселила (Чуб. V. 76, 134).

[118]) Збудуй мени, мати, комору новую,
Та замыкай мене, молодую,
Комора новая, сторожа стояла,
А я молодая въ саду ночувала.
Ночувала ничку въ вишневимъ садочку
А съ тобою сивый голубочку (Чуб. V. 341).

[119]) Ночувала другу въ темненькимъ лугу,
Я съ тобою не звинчана буду (ibid).

[120]) Вкрала ключи дѣвчинонька, мати не почула,
Вона жъ свого миленького до себе кликнула (Чуб. V. 136).

[121]) Ой прилетивъ соловейко, щебече гарненько,
Якъ пріѣхавъ мій миленькій—гулять веселенько!
Нехай тоби зозуленька, мени соловейко,
Нехай тоби тамъ легенько, где мое серденько.
Мени буде соловейко рано щебетати,
Тоби буде зозуленька раненько кувати (Чуб. V. 73).

[122]) „Не маю я срибла, не маю злота;
„Опричъ любови що къ тоби маю.
„Я всимъ убога—того не таю“.
— Не треба жъ мени злота—я и самъ придбаю,
— А треба дивчины, що я кохаю (Чуб. V. 77).

его женою, матерью дѣтей его, слугою родителей его, а между близкими сосѣдями хозяйкою [123]).

Дѣвица увѣряетъ, что ихъ никто никогда не разлучитъ, кромѣ смерти [124]). Иногда, проникнутые мечтательностію, такъ свойственной вообще малорусской натурѣ, они собираются разомъ умирать, чтобы ихъ вмѣстѣ положили въ одной могилѣ и тамъ бы они вели между собою бесѣду [125]).

Влюбленные угощаютъ другъ друга лакомствами. Маруся выходитъ изъ своего дома къ возлюбленному съ орѣшками [126]). Молодецъ зимою подходитъ къ окну своей возлюбленной съ чашею меда въ рукѣ и жалуется, что она медлитъ выходить къ нему; ей тепло расхаживать по свѣтлицѣ, а ему снѣгъ забиваетъ глаза, чаша съ медомъ отъ мороза пристаетъ къ рукамъ [127]). Свиданія происходятъ обыкновенно ночью, чтобъ люди ихъ не увидали и не стали разлучать [128]). Дѣвица проситъ козака не подвергать ее безславію и настаиваетъ, чтобъ онъ поскорѣе ее сваталъ [129]).

---

[123]) Будешъ ты мени жоною,
А моему батеньку слугою,
Моій матеньци другою,
Моимъ диткамъ маткою,
Близкимъ сусидамъ панею (Чуб. III. 177—178).

[124]) Насъ не розлучить матуся твоя...
Хиба насъ розлучить сырая земля.
Насъ не розлучить ни пипъ, ни громада,
Хиба розлучитъ сосновая хата (Чуб. V. 80).

[125]) Якъ ты умрешъ а зъ вечора, то я умру рано,
Скажемо-ся поховати обидвое въ едну яму;
Скажемо-ся поховати вкупу головами,
Щобы була розмовонька на тимъ свити межъ нами! (Чуб. V. 78).

[126]) И Маруся выходить и горишки выносить,
Чи горишки кусати, чи Марусю цилувати? (Чуб. V. 67).

[127]) Добре тоби, дивчино, по свитлоицѣ ходити,
Мени тяжко, на морози стоючи,
Чашу зъ медомъ держучи.
Чаша зъ медомъ до рукъ прилипае,
Черныи очи снигъ замитае (Чуб. V. 18).

[128]) „Не ходи въ день, не смѣши людей,
Приходь у ночи при ясній свѣчи,
Що бъ на насъ люде не говорили,
Що бъ насъ зъ тобою не розлучили“ (ibid.).

[129]) Сватай мене, козаченьку, та не вводь мене въ славу (Чуб. V. 52).

Оригинальная черта въ малорусской народной жизни—жениханье, обычай, состоящій въ томъ, что молодые люди обоего пола ложатся вмѣстѣ, любезничаютъ и часто засыпаютъ во взаимныхъ объятіяхъ [130]). Это обычай старый и не разъ приводилъ онъ въ удивленіе и возбуждалъ порицаніе тѣхъ, которые его наблюдали, не будучи сами малоруссами; но всего удивительнѣе казалось всегда то, что при такомъ близкомъ обхожденіи между собою двухъ половъ, рѣдко нарушалось цѣломудріе дѣвицъ. Малорусскія дѣвицы слишкомъ берегли свою честь, потому что за потерю чести жестоко преслѣдовало общественное мнѣніе, а по свадебному чину существовали такіе обряды, которые не допускали скрыть отъ другихъ прежде содѣянный грѣхъ, который наказывался унизительными насмѣшками и поруганіями, даже и тогда, когда бы самъ новобрачный призналъ, что грѣхъ содѣянъ съ нимъ. Такія жениханья происходятъ обыкновенно лѣтомъ на улицахъ, гдѣ послѣ общаго гулянья, пѣнія, музыки и плясокъ, молодежъ расходится парочками, улегаются гдѣ попало, иногда подъ кустами, подъ мельницами или другими сельскими постройками, а иногда просто на дорогѣ [131]). Осенью и зимою вмѣсто улицъ отправляются вечерницы или досвѣтки, такія же сборища какъ и лѣтнія улицы, только происходящія въ хатѣ. Обыкновенно хозяйками такихъ хатъ бываютъ вдовы, преимущественно солдатки. Такая женщина пускаетъ къ себѣ въ хату молодежъ: тамъ нерѣдко пьютъ вино и готовятъ ужинъ, состоящій чаще всего изъ яичницы, жареныхъ куръ и колбасъ, поютъ и пляшутъ подъ сельскую музыку. Хозяйка хаты носитъ всегда названіе: «досвѣтчана маты». На взаимное угощеніе участники дѣлаютъ складчину, а хозяйка получаетъ извѣстную долю по уговору въ свою пользу за хлопоты и труды. Послѣ гулянья молодцы и дѣвицы располагаются гдѣ

---

[130]) Дай менѣ, миленькій, повечеряти,
Повечерявши да ляжемо спати
Будемо, миленькій, правду казати.

[131]) Стелить, стелить молода дивчина
Билу постиль въ дорози,
Твердо стелить, а мъягко лежати,
Люблю зъ нею розмовляти (Чуб. V. 110).

попало на землѣ и женихаются, лежа вмѣстѣ попарно [132]). Дѣвицы на такія сборища отправляются подъ благовиднымъ предлогомъ прясть и каждая беретъ съ собою прядево и гребень, но само собою разумѣется, работа идетъ плохо [133]). Каждая выглядываетъ своего милаго [134]); кто кого любитъ—стремится къ своему предмету [135]), обнимаются, цѣлуются и наконецъ укладываются [136]). Если какой нибудь молодецъ отвертывается отъ дѣвицы, то это знакъ, что не любитъ и презираетъ ее [137]). Вообще стараются чтобы всѣ были парами, третьему между двухъ быть неумѣстно [138]). Не только на улицахъ и досвѣткахъ происходитъ жениханье. Въ одной пѣснѣ дѣвица впускаетъ къ себѣ возлюбленнаго тайкомъ отъ родителей [139]). Въ другой козакъ добивается, чтобъ дѣвица пустила его къ себѣ на ночь, а дѣвица сначала отговаривается, что боится утратить ласки матери [140]), потомъ соглашается съ условіемъ, чтобъ

---

[132]) Ой стелить моя чорнявая билу постиль для мене.
Ой стеле вона дви подушки а третю перину (Чуб. V. 55).

[133]) Де ходивъ, то ходивъ, прійшовъ пидъ виконце:
Сидите, прядите, дивки волоконце.
А Оксана не пряде, на Ивася дметься,
Вона ёго вирно любить до его сміеться! (Чуб. V. 109).

[134]) Яжъ думала чужій иде та стала ховаться,
Ажъ то мое серденько иде цѣловаться (Чуб. V. 56).

[135]) Сядь, Грицю, коло мене, ще й нижечки пидгорни,
Я жъ тебе поцилую, а ты мене обійми.
Обійми жъ ты мене, мое серденятко,
Поцилуй же мене, якъ мати дитятко (Чуб. V. 56).

[136]) Ой дѣвчино, бѣдна сирото,
Не стели мени постели широко,
Постели мени постель вузеньку,
Та й пригорнися до мене близенько! (Чуб. V. 399).

[137]) Ой знати знати хто зъ кого кпиться,
Далеко сидае, чортомъ дивиться.

[138]) Ой десь стоить парочка, любая розмова,
Ой якъ третій умишаеться, то й потеряеться,
Якъ четвертый прибуде, то все гараздъ буде (Чуб. V. 105).

[139]) Ой прійди, прійди, впущу до кимнаты,
Та закажу всимъ въ хати, щобъ не знала мати.
Ой якъ впускала—тяженько вздыхала,
Ой якъ выпускала—то й плакати стала (Чуб. V. 44).

[140]) „Ой добры—вечоръ, дивчинонько, пусти мене на ничъ,
—Ой боюся, козаченьку, бо я сама плачу.
Ой я въ своѣй матусеньки невне ласку втрачу (Чуб. V. 130).

молодецъ не помялъ ея руты [141]), т. е. не нарушилъ цѣломудрія. Въ строго-нравственной семьѣ дѣвица приглашаетъ въ гости своего возлюбленнаго и предупреждаетъ, что можно говорить между собою только шопотомъ, чтобъ мать не услыхала [142]). Такая мать не пускаетъ дочери на улицу и на досвѣтки и дѣвица говоритъ своему милому, что только тогда они будутъ неразлучны, когда повѣнчаются [143]).

Но есть матери, гораздо снисходительнѣе относящіяся къ молодежи и ея увлеченіямъ. Дочь поручаетъ матери готовить ужинъ, а сама собирается спать, и говоритъ, что тотъ, кому она мила, самъ придетъ въ ея хату [144]). Другая мать сама научаетъ дочь, какъ привлечь къ себѣ и наставляетъ ее въ пріемахъ любовнаго дѣла [145]). Однако такимъ матерямъ бываетъ награда за такіе уроки, когда придется имъ сидѣть за печью и качать внуковъ [146]).

Такія матери воспитали легкомысленный взглядъ на жизнь

---

[141]) Прошу тебе, козаченьку, не толочь ми руты (Голов. I. 84).

[142]) Прійдешъ, козаче, сей вечиръ до мене,
Зготувала стара мати вечерю для тебе,
Якъ прійдешъ до мене, сядь соби на лавци,
Та будемъ розмовляти, щобъ не чула мати (Чуб. V. 137).

[143]) Ой рада бъ я выйти, такъ неволенька моя,
Не пускають гулять, що я молода;
Не пускають, не велять
Изъ тобою, серденько, стоять;
Ой поможи, Боже, намъ на рушнику стати,
Тоди не розлучить ни батько, ни мати (Чуб. V. 131).

[144]) Вари, мати, вечеряти, а я ляжу спати;
А хто мени любый-милый, най иде до хати (Чуб. V. 57).

[145]) „Що то, моя мати, за пташокъ лѣтае?“
— Дай же ему принадочку, нехай привыкае.
„Яку жъ ёму, моя мати, принадочку дати?“
— Сыпь пшеныци по колиниця, водици по крыльця.
„Козакъ, мати, коло двора кругомъ объѣзжае,
„Та на мои воритечка коня навертае“.
— Давай, дочко, принадоньку, нехай привыкае.
„Яку жъ ему, моя мати, принаду давати?“
— Стели, дочко, билу постиль, лягай изъ нимъ спати.
— Одну ручку въ головочку, другою обняти,
— Пригорнуться до серденька дай поцилувати (Чуб. V. 68).

[146]) Отъ то тобѣ, моя мамцю, за твою науку,
Сиди соби у запичку, колыхай унуку (Чуб. V. 69).

у дѣвицъ: жениханье съ разными молодцами попеременно не представляется предосудительнымъ. Дѣвица приглашаетъ цѣлый кружокъ молодцовъ къ себѣ на ужинъ, обѣщая притомъ и перину съ подушками [147]). Оттого въ пѣсняхъ попадаются такія черты, гдѣ дѣвица не сердится на милаго, зная, что онъ ночуетъ съ другою, лишь бы только опять къ ней обратился [148]), а также и парубокъ дозволяетъ своей возлюбленной полюбезничать съ другимъ молодцомъ, только проситъ не быть съ этимъ другимъ такъ откровенною, какъ съ нимъ [149]), а уходящій въ военную службу молодецъ предоставляетъ своей дѣвицѣ гулять по прежнему со всѣми, съ кѣмъ захочетъ, только не съ москалями, вѣроятно потому, что тѣ, не зная малороссійскихъ обычаевъ въ ихъ внутреннемъ смыслѣ, могутъ ихъ употребить во зло [150]). Впрочемъ, такія черты легкомысленнаго обращенія половъ въ народныхъ пѣсняхъ не часты; чаще представляется, что парубки съ дѣвицами женихаются, въ надеждѣ соединиться вѣчными узами супружества. Такъ молодецъ говоритъ, что онъ ночевалъ съ дѣвицею, которую хочетъ посватать [151]), а дѣвица

---

[147]) Якъ любила кавалеривъ, такъ любити буде...
Тамъ дивчина кавалеривъ на вечерю просить,
Просить вона на вечерю и рыбку лининку,
На пухову подушечку, биленьку перинку (Чуб. V. 50).

[148]) Десь мій милый, чорнобривый зъ иншою ночуе?
„Ночуй, ночуй, мій миленькій, да й не зазнавайся;
Ой якъ выйдешъ на улицю, до мене признайся“ (Чуб. V. 85).

[149]) — Пригортайся, дивчинонько, къ другому такому,
— Та не кажи теи правды, що мени самому.
„Ой якъ мени, козаченьку, правды не казати,
„Ой якъ стане пригортати, то стане пытати“ (Чуб. V. 73).

[150]) „А чи мени за мужъ ити, чи гуляти?
— Гуляй, молода дивчино, якъ гуляла,
Збирай челядоньку, якъ збирала,
Наймай музыченьки, якъ наймала,
Топчи черевички, якъ топтала.
Да не гуляй, молода дивчино, зъ москалями;
Москальчики—обманщики, вони обманять,
У новую комирочку запровадять;
Вони твою русую косу рострѣпають,
Вони твои билыи руки поламають,
Вони твою билую постиль помарають (Чуб. V. 304).

[151]) Де жъ ты, козакъ, сю ничъ ночувавъ, що й не роззувався?
— Ночувавъ я ничку, ночувавъ я й другую
— То все въ тыи дивчинонькы, що сватати буду (Чуб. V. 67).

въ одной веснянкѣ, на вопросъ козака: будетъ ли она принимать его къ себѣ на ночь, отвѣчаетъ: какъ принимала съ осени, такъ будетъ и теперь, что̀ указываетъ на постоянство связи и на ея продолжительность.

Обычная и часто повторяющаяся черта въ малорусскихъ любовныхъ пѣсняхъ—жалобы на враговъ, разными средствами затѣвающихъ разлучить любящихся. Первыми такими врагами бываютъ нерѣдко родители дѣвицы. Она жалуется своему возлюбленному, что мать грозитъ ее бить за то, что она полюбила молодца, и затѣмъ проситъ козака не ходить болѣе къ ней [152]). Козакъ проситъ свою Катрусю выдти на крыльцо и поговорить съ нимъ, а дѣвица отвѣчаетъ, что мать не пускаетъ ее къ нему [153]).

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ появленіе враговъ у молодыхъ людей, между которыми возникаютъ любовныя отношенія. Начинаютъ за ними присматривать родные и близкіе съ обѣихъ сторонъ, нѣтъ недостатка и въ совѣтникахъ, которые стараются вооружить противъ ихъ союза родителей. Поднимаются также толки и сплетни. Являются, кромѣ того, соперники и соперницы. Дѣвица жалуется, что за нею поглядываютъ и ей невозможно черезъ враговъ ходить на улицу [154]). Съ своей стороны жалуется молодецъ, что враги не допускаютъ его проникнуть къ милой [155]). Дѣвица прячется съ своей любовью и отъ враговъ

---

[152]) „Дивчинонько моя мила,
За що жъ тебе мати била?“
— Ще не била, ще не била, хвалилася бити,
— Ой перестань, козаченьку, тай до мене ходити (Чуб. V. 136).

[153]) — Катрусю, сердечко! Выйди на крылечко,
— Выйди на крылечко, промовъ хоть словечко...
„Не выйду, Иваню, мене мати лае,
„Мене мати лае, гулять не пускае (Чуб. V. 135).

[154]) Затопила, закурила сырыми дровами,
Нельзя выйти на улицю да й за ворогами.
А я тыи сыри дрова та й повыкидаю;
Вже вороги спать полягли, пойду погуляю.
Хоть полягли, не полягли, дакъ не будуть спати,
Вони будуть прислухаться—съ кимъ буду стояти,
Съ кимъ буду да стояти, да що говорити (Чуб. V. 262).

[155]) Ой радъ бы я прійти, радъ бы я пріихать,
Кругомъ тебе стоять вороженьки, да никуды обминати (Чуб. V. 291).

и отъ матери; зазвавши молодца къ себѣ, раньше всѣхъ встаетъ, чтобы замести слѣды своего милаго и не дать врагамъ повода осуждать ихъ, а матери своей проклинать ее [156]). Недоброжелатели стараются между влюбленною парою посѣять раздоръ: наговариваютъ дѣвицѣ, будто ея возлюбленный полюбилъ другую дѣвушку [157]), а молодецъ отъ людей слышитъ, будто съ его дѣвицею проводитъ ночи кто-то иной [158]). Молодецъ и дѣвица взаимно увѣряютъ другъ друга, что все это выдумали враги, и въ раздраженіи противъ враговъ дѣвица сравниваетъ ихъ съ лающими собаками [159]), которыя, однако, ничего ей не могутъ сдѣлать, когда она выйдетъ замужъ [160]). Приходится, однако, дѣвицѣ предупреждать молодца, когда ему угрожаютъ враги [161]), а ему — ускользать отъ нихъ и прятаться въ траву [162]). На улицахъ поднимаются иногда между молодцами драки. Въ одной пѣснѣ парубокъ угрожаетъ, что кто прикоснется къ его дѣвицѣ, тому онъ изломаетъ руки и ноги [163]). Въ другой пѣснѣ двое молодцевъ ходили на вечерницы къ одной и той же дѣвушкѣ и разсудили, что лучше приказать сдѣлать гробъ и одному изъ нихъ достанется этотъ гробъ, а другому дѣвица молодая [164]). И дѣвицѣ бываетъ не безопасно отъ враговъ: въ одной пѣснѣ

---

[156]) А я встану ранесенько слиду замитати,
Що бъ не знали вороженьки ще й ридная мати,
Якъ узнають вороженьки—будуть осуждати.
Якъ узнае ридна мати—буде проклинати (Чуб. V. 128).

[157]) Ой я чую черезъ люди, що ты иншую кохаешъ (Чуб. V. 125).

[158]) Тее я тя скажу, що видъ людей чую,
Що у тебе, дивчинонько, иншій ночуе (Чуб. V. 127).

[159]) На що мени собаки тримати,
Есть въ мене сусидоньки, що вміють брехати (Чуб. V. 126).

[160]) Брешить, брешить, вороженьки, най буде Богъ зъ вами!
Я молода, пійду за мижъ—товчить головами (ibid.).

[161]) Тикай, тикай, козаченьку, хотять тя злапати (Чуб. V. 127).

[162]) Козакъ молоденькій та й того злякався,
Хильци, хильци по-пидъ-плотомъ, та й въ зильля сховався (ibid.).

[163]) — Нехай моей дивчинонъки нихто не займае—
Бо хто ѣи займе, биду соби знайде:
Бо поломаю, руки, ноги, до дому не зайде (Чуб. V. 111—112).

[164]) Ой якъ мы будемъ до одной ходити,
Наймемо соби тесника домовину зробити.
Ой одному буде домовина новая
А другому буде дивка молодая! (Максим. изд. 1827, стр. 114).

молодецъ зоветъ ее къ себѣ, а она отвѣчаетъ, что стоитъ врагъ и хочетъ убить ее [165]). Матери, которая дозволяетъ дочери половину ночи проводить на улицѣ [166]), дочь говоритъ, что на нее находитъ безславіе, какъ чорная туча, но она перенесетъ эту невзгоду, зная, что какъ за тучею слѣдуетъ громъ и наконецъ дождь, такъ и дѣвица не выходитъ замужъ, чтобъ не испытать клеветы и сплетень отъ враговъ [167]). Ахъ враги, враги!—говоритъ дѣвица: сходитесь себѣ въ бесѣду, пейте, гуляйте, только не разлучайте тѣхъ, что уже сошлись въ пару, а напротивъ сводите въ пару тѣхъ, что еще не сошлись [168]). Иногда препятствіе къ соединенію любящихъ другъ друга исходитъ отъ родни молодца; такъ въ одной пѣснѣ молодецъ говоритъ своей дѣвицѣ, что онъ радъ бы жениться на ней, но мать его не велитъ [169]), а въ другой пѣснѣ говоритъ, что сестра его отговариваетъ [170]). Чаще всего, однако, мать дѣвицы бываетъ причиною разлуки, и въ одной пѣснѣ, обращаясь къ суровой матери, которая колотитъ ее за любовь къ молодцу, дѣвица проситъ лучше повести ее къ рѣкѣ и утопить [171]). Или же гро-

---

[165]) — Выйди, дивчино, поговоримо зъ тобою!
„Ой якъ я маю зъ тобою говорити:
„Стоить вориженько, хоче мене забити!“ (Чуб. V. 132).

[166]) Піють пивни, піють други, а дочки не мае,
Нехай наша дочка молода трохи погуляе (Чуб. V. 143).

[167]) Пидъ моими воротами чорна хмара стала;
А я тую чорну хмару рукавцемъ розмаю,
Перебула поговиръ, перебуду неславу.
Ой не пійде дробенъ дощикъ безъ хмары, безъ грому,
Ой не пійде дивка за-мижъ та безъ поговору (Чуб. V. 141).

[168]) Прошу, вороги, на беседу къ соби,
И пійте и ѣжте и беседуйте,
Где двое стоить не розлучайте,
А хто безъ пары—пары шукайте (Чуб. V. 149).

[169]) А радъ бы я тебе взяти,
Та не каже ридна мати (Чуб. V. 57).

[170]) Не бери, брате, дивча—безъ доли зросла,
Безъ доли зросла, безъ счастьтя родилася,
Вона тоби, брате, дружиною не судилася (Чуб. V. 312).

[171]) Ой не бій, мати, и не лай мати, не роби каличеньки,
Завъяжи очи темнои ночи, тай веди до риченьки.
А якъ приведешъ ты до риченьки, розвъяжи кари очи,
Та нехай же я та й подивлюся, зъ свитомъ Божимъ попрощаюся
(Чуб. V. 146).

зитъ самоубійствомъ если ее станутъ отдавать насильно замужъ [172]). Преслѣдованіе влюбленныхъ доводитъ ихъ до мечтательнаго желанья смерти. Молодецъ, которому враги-сосѣди не дозволяютъ ходить къ своей милой, собирается умирать и проситъ свою дѣвицу посѣтить его могилу на берегу моря, но не махать рукою, когда его станутъ класть въ гробъ, чтобъ не узнали враги, что они любили другъ друга и не кидать земли на гробъ его, потому что подъ землею тяжело [173]).

Встрѣчается только въ одной пѣснѣ такая черта, что молодецъ, полюбивши дѣвицу, не рѣшается сватать ее потому что она бѣдна, а бѣдная дѣвица съ презрѣніемъ относится къ такому искателю ея любви [174]). Но чаще въ пѣсняхъ молодецъ, сообразно усвоенному въ народѣ нравственному воззрѣнію, не думаетъ о приданомъ [175]) и даже съ пренебреженіемъ относится къ богатымъ дѣвицамъ, обличая ихъ въ лѣни и склонности къ нарядамъ изъ желанія прельщать мужчинъ [176]).

---

[172]) Ахъ волю сама собѣ смерть зробити,
Якъ въ богатстви зъ нелюбомъ жити...
. . . . . .
Не дала-сь, мати, его любити,
Не буде твоя дочка въ свѣтѣ жити (Чуб. V. 259).

[173]) ...Сусиди близкіи, вороги тяжкіи,
Не велять ходити, дивчины любити,
А я ѣи люблю и зъ любощивъ возьму
И въ скорости помру...
А моя могила край синёго моря,
Прійди подивися, любая розмова,
Якъ будуть въ труну класти, не махай рукою:
Скажутъ вороженьки що я живъ съ тобою!
Ой якъ будуть въ гробъ пускати не кидай землёю,
Бо, ты сама добре знаешъ, якъ тяжко пидъ нею (Чуб. V. 147—148).

[174]) — Ой коли бъ ты, дивчинонько, трошки багатенька—
То взявъ бы тебе до себе до свого батенька!—
„Ой якъ бы жъ я, козаченьку, трошки багатенька,
„Наплювала бъ я на тебе й на твого батенька“ (Чуб. V. 115).

[175]) Ты думаешъ, ти любляться, що багато грошей,
Я молодый я здоровый, ще къ тому й хорошій.
Буду вставать я рапенько, буду заробляти,
Ты не будешъ, дивчинонько, ни въ чимъ нужды знати (Метл. 65).

[176]) Засватавъ я вбогу дивку, нехай багачка плаче,
Бо багачка, вража дочка, не хоче робити;
Начипляе кораликивъ, що бъ ѣи любити.

Въ другой пѣснѣ молодецъ, встрѣтивши рыжую и некрасивую дѣвицу, которая хвалится тѣмъ, что она дочь богача и чванится вывѣшеннымъ на груди червонцемъ, смѣется надъ нею [177]).

Есть черты, что бѣдная дѣвушка не хочетъ выходить за богатаго изъ-за того, чтобъ онъ впослѣдствіи не пожалѣлъ и родители его не были недовольны такимъ союзомъ ихъ сына [178]). Въ другой пѣснѣ дѣвица бѣдная отвергаетъ руку богача и съ гордостію указываетъ, что вмѣсто всякихъ матеріальныхъ богатствъ дорожитъ своей дѣвической честью [179]).

ГЛАВА II.

Разлука. — Тоска дѣвушки безъ молодца. — Тоска молодца въ разлукѣ съ милою.—Смерть козака при участіи дѣвицы.—Бѣгство дѣвицы съ молодцемъ.—Дѣвица въ отсутствіи милаго выходитъ за другого.—Потеря дѣвической чести.—Отношенія соблазнителя къ дѣвицѣ.—Чары.—Отравы.

Разлука любящихъ другъ друга изображается въ пѣсняхъ чаще всего по поводу отъѣзда молодца въ чужую сторону. Это естественно въ тѣ времена, когда козацкая служба отвлекала здоровыхъ и молодыхъ людей къ походамъ и битвамъ. Вотъ молодецъ отправляется въ походъ. Ему не мило отрываться отъ

Начипляе кораликивъ на билую шію,
Люби мене ты, Семене, або ты, Василю (Чуб. V. 113).

[177]) Хоть я руда и погана
Такъ мій батько багачъ.
Чорты вбили бъ твого батька
Зъ твоимъ багачемъ,
Твои волы выздыхають
Ты погана зъ дукачемъ.

[178]) Теперъ ты скажешъ: зиронька ясна!
А потимъ скажешъ: доленьва безсчастна.
Хочъ не ты скажешъ, скаже твоя мати:
Було бъ тоби убогои не брати.

[179]) Ой чи ты, багачу, зъ розуму зступаешъ,
Ой що ты мене за присивки пытаешъ?
Въ мене присивокъ—на городи барвинокъ,
Въ мене стижочокъ—на голови виночокъ. (Чуб. V. 124).

своей мирной домашней среды; его положеніе сравнивается съ сухимъ (безлистнымъ) дубомъ, которому велятъ развиваться въ морозное утро, но козакъ пересиливаетъ себя [1]). Дѣвушка, которая прильнула къ нему, какъ снѣгъ въ мятель прилипаетъ къ дереву, провожаетъ его [2]). Она ведетъ ему и сѣдлаетъ коня, подаетъ ему стрѣлы и лукъ; даетъ ему въ воспоминаніе о себѣ бѣлый платокъ. Козакъ покроетъ имъ сѣдло, а когда платокъ запылится—это будетъ ему знакомъ, что дѣвица безъ него тоскуетъ [3]). Заботясь о своемъ миломъ, дѣвица заявляетъ страхъ, что, быть можетъ, въ чужой сторонѣ постигнетъ его недугъ и некому будетъ безъ нея ухаживать за нимъ [4]). Молодецъ обнимаетъ и цѣлуетъ въ послѣдній разъ свою возлюбленную, увѣряетъ, что не забудетъ ее, хотя бы ему пришлось умирать въ степи. Плохо довѣряя постоянству дѣвическаго сердца, козакъ высказываетъ опасеніе, что, быть можетъ, оставшись безъ него, она его забудетъ и достанется иному — богатому. Дѣвица, съ своей стороны, увѣряетъ возлюбленнаго, что будетъ ждать его возвращенія и никому иному не достанется.—Не одна изъ васъ,

---

[1]) Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде!
Убирайся, гожій хлопче, завтра походъ буде!
Я морозу не боюся, вранцѣ розивьюся,
Я походу не боюся, заразъ уберуся.

[2]) Ой якъ тая метелиця до дерева липне,
Иванъ коня наповае, а Палажка хлипне.
Иванъ коня наповае, а Палажка плаче,
Ой куды жъ ты одъѣзжаешъ, серце козаче! (Чуб. V. 288).

[3]) Ой вывела коня, взяла, привъязала,
И вынесла сиделечко, взяла, осидлала,
Вынесла лучокъ и стрилочокъ пучокъ:
Отсе жъ тобѣ, мій миленькій за для билыхъ ручокъ!
Вынесла хустинку, а якъ бѣль биленьку:
Отсе жъ тоби, мій миленькій, а про недиленьку!
Мени хустоньку въ рукахъ не носити,
За для славы козацькои сидельце покрыти.
А вже хустинонька тай запылилась —
Либонь моя чорнявая тай зажурилась.
Гляну на сидельце—втишу свое серце,
Гляну на хустыну—згадаю дивчину! (Чуб. V. 289).

[4]) Не дай, Боже, недуги на тебе:
Хто жъ ти буде постилоньку стлати...
Хто жъ съ тобою буде ничку розмовляти? (Голов. III. 153).

красавицъ, любила искренно, а правды не сказала, возражаетъ онъ ей [5]). Иной предъ отъѣздомъ поддается искушенію переночевать послѣдній разъ съ своею милою, хотя и опасается потерять походъ. Дѣвица обѣщаетъ разбудить его рано и исполняетъ обѣщаніе [6]). Козакъ уѣхалъ, догоняя своихъ товарищей, а дѣвицѣ остается гонять на воду гусей и плакать о разлукѣ съ милымъ [7]). Вырываясь изъ объятій своей милой, козакъ завѣщаетъ ей, ожидая его возврата, выбѣгать почаще на дорогу [8]). Помнитъ она послѣднія слова милаго, истаптываетъ черевики, выбѣгая на дорогу, выплакиваетъ глаза, выглядывая своего возлюбленнаго [9]) Она все тоскуетъ, думаетъ о немъ каждую минуту, называетъ себя сиротою безъ него [10]). Многое напоминаетъ ей прежнія утѣхи съ милымъ и усиливаетъ ея тоску [11]). Иногда эта тоска разражается отчаяніемъ, доходящимъ до того,

---

[5]) „Прощай, серце-дивчинонько, ты моя не будешъ,
Достанешся багатому, та й мене забудешъ!“
— Не бійсь, серце-козаченьку, буду дивовати,
Не достанусь багатому, буду тебе ждати.—
„Не одна зъ васъ, чорнявая, намъ свитъ завъязала,
Не одна щиро любила, правды жъ не сказала (Чуб. V, 65).

[6]) „Выряжаюсь, моя мила, у велику дорогу!
— Переночуй, мій миленькій, хочъ цю ничку зо мною!
„Ой радъ бы жъ я, моя мила, и чотыри ночувати,
Та боюся, мое серце, щобъ походу не втеряти.
— Ой не бійся, мій миленькій, бо я рано устаю.
А ще раньше тебе, молодого, ище раньше розбужу.
Уставай же, мій миленькій, уже свитъ биленькій! (Чуб. V. 274).

[7]) Тилько систы и поѣхати товаришивъ доганять,
А я пійду, молодая, сирыхъ гусей напoвать...
Гиля, гиля, та сирыи гуси, та вже жъ вы наплавались,
Та вже жъ мои каренькіи очи та й наплакались (ibid.).

[8]) Ой перестань, дивчинонько, слизоньками умыватися.
Всѣ козаки въ походъ пійшли, треба мени поспишатися.
Якъ будешъ, дивчино, зъ походу сподиватися,
То выбѣжи въ чисте поле на дороженьку (Чуб. V, 304).

[9]) Вытоптала черевички, на дорогу выбѣгаючи,
Выплакала чорни очи, тебе серце выглядаючи (ibid.).

[10]) Ой ты поѣхавъ, мене покинувъ, сироту на чужини.
Плачу, рыдаю, тя вспоминаю въ кожнисеньку годину (Чуб. V. 264).

[11]) Нема мого миленького, нема моѣй душки,
Ни съ кимъ лечи выкачяти бѣленьки подушки.
Нема мого миленького, нема моѣй квѣтки,
Стала бъ его вызирати да не знаю звидки (Голов. II. 384).

что дѣвушка бредитъ самоубійствомъ [12]). Пѣсенный міръ представляетъ образчики скорой смерти дѣвицы отъ разлуки съ милымъ. Козакъ, отъѣзжая въ походъ, спрашиваетъ дѣвицу: будетъ ли она за нимъ печалиться? Она отвѣчаетъ, что забудетъ, какъ только онъ выѣдетъ за ворота [13]). Но не успѣлъ козакъ скрыться изъ вида, какъ дѣвица не могла ни спать, ни работать отъ тоски [14]). Она посылаетъ свою сестру заворотить своего милаго и сказать ему, что его дѣвица при смерти [15]). Когда козакъ, возвратившись, доѣзжалъ до двора, гдѣ жила его возлюбленная, онъ увидалъ, что ее несутъ хоронить [16]).

Оставаясь въ разлукѣ съ предметомъ своей любви, дѣвушка подвергается большимъ искушеніямъ. Ея родная мать хочетъ отдать ее за богатаго жениха. Дочь упорствуетъ. Напрасно мать пытается возстановить ее противъ избраннаго ея сердцемъ [17]), напрасно представляетъ ей, что съ этимъ человѣкомъ ей будетъ худо, и лучше ей полюбить богатаго—дѣвица говоритъ ей рѣшительно, что не будетъ такъ, какъ матери хочется, а станется такъ, какъ желаетъ сама дочь [18]). Не зная гдѣ ея милый, дѣвица посылаетъ галку принести ей отъ него вѣсть [19]). Галка не замедлила доставить ей слово милаго: не предавайся тоскѣ, ты, молодая, пойдешь замужъ, а я, молодой, женюсь на тебѣ [20]). Дѣвица отъ такой вѣсти ободрилась, весело стала заниматься

---

[12]) Лучче бъ було не любиться, чимъ тепера розлучиться.
Хиба пійду утоплюся, хочъ объ камѣнь розибьюся. (Чуб. V. 359).

[13]) Ой не буду, козаченьку, дале-би не буду,
Якъ выѣдешъ за нови ворота—я тебе забуду (Чуб. V. 366).

[14]) Та не взяли дивчинонькн ни сонъ, ни робота (ibid.).

[15]) Ой вернися, козаченьку, дивчина вмирае (ibid. 367).

[16]) Не доѣхавъ козаченько до новои хаты:
Несуть ёго дивчинонъку до гробу ховати (ibid.).

[17]) Буде тоби, доню, буде лихая година,
Що ты сёго козаченька щиро полюбила! (Чуб. V. 491).

[18]) Але съ власной твоей волѣ нѣчого не буде,
Бо моего миленького серце не забуде (Голов. IV. 490).

[19]) Якъ пошлю я чорну галку на Динъ рыбы ѣсти.
Ой принеси, чорна галка, одъ милого вѣсти (Чуб. V. 490).

[20]) Полетѣла чорна галка та й не барилася,
Та принесла таку звистку, щобъ не журилася:
Не журися, дивчинонько, въ тугу не вдавайся,
Ты, молода, замижъ пійдешъ, а я оженюся (ibid.)

домашними работами. Замѣтила это мать и спрашиваетъ: что это она улыбается? Дочь говоритъ ей аллегорически: «пей, матушка, ту воду, что я наносила: зови, матушка, того зятемъ, кого я полюбила!—Нѣтъ, отвѣчаетъ мать, не буду я пить этой воды, а начну разливать ее! Не приму немилаго себѣ зятя—стану разлучать его съ тобою! «Ахъ, матушка, проговорила дочь: не разливай воды, вѣдь ее тяжело носить. Не разлучай меня съ милымъ—тебѣ съ нимъ не жить [21]).—Ну, смотри же,—пугаетъ мать свою дочь:—дѣлай по своему, только уже не жалуйся потомъ на мать свою. «Не буду, матушка, на тебя жаловаться; какую-бы ни послалъ Богъ мнѣ судьбу—стану терпѣть [22]).

У иной дѣвицы раждается подозрѣніе: а что если въ то время, когда она за милымъ такъ плачетъ, онъ, быть можетъ, окруженъ толпою дѣвушекъ и измѣняетъ ей! Пусть же, если такъ, одолѣетъ его тоска такая, какою томится его возлюбленная, пусть измѣнитъ ему та, которая стала ему всѣхъ милѣе! Пусть узнаетъ на опытѣ: каково томиться въ разлукѣ [23]).

Между тѣмъ, козакъ въ чужой сторонѣ также тоскуетъ о своей милой дѣвицѣ. Онъ хочетъ написать къ ней письмо, при-

---

[21]) Мела хату, мела сини, та й засміялася,
Выйшла мати воды брати, та й догадалася.
„Чого дочко, чого дочко, та засміялася?
— Ой ній, мати, тую воду, що я наносила,
Шануй, мати, того зятя, що я полюбила.
„Ой не буду воды пити, буду розливати,
Нелюбого зятя маю, буду розлучати!
— Не розливай, мати, воды, бо тяжко носити,
Не розлучай мене зъ милымъ, тобѣ зъ нимъ не жити (Чуб. V. 491).

[22]) „Живи, доню, въ свою волю, такъ якъ полюбила.
Не жалкуй па свою матиръ, що тебе згубила!
— Ой не буду жалковати, моя ридна мати,
Яку мени дасть Богъ долю—буду горювати! (Чуб. V. 491).

[23]) Може я за нимъ дармо плачу...
Може винъ мае дѣвчатокъ громаду,
Може мене любить на яку здраду,
Най му той жаль самый и туга тая,
Щобъ здрадила его котра наймилійша.
Тогдѣ винъ пизнае що то есть розлука
И жаль правдивый, на серцю мука! (Чуб. V. 16).

лить его слезами и послать съ буйными вѣтрами [24]). Ему хотѣлось бы, чтобъ у него были крылья—полетѣлъ бы онъ соколомъ во дворъ своей милой, а та вышла бы изъ хаты и произнесла слово сожалѣнія о томъ, что соколъ летаетъ одинокъ, безъ пары [25]).

Время идетъ, козакъ не возвращается. Дѣвица боится, что сбылось то, что̀ онъ предрекалъ о своемъ возвратѣ въ минуты унынія [26]): онъ гдѣ-нибудь палъ въ чужой сторонѣ и его тѣло расклевали птицы. Ей хотѣлось бы въ такомъ случаѣ самой собрать его останки и похоронить [27]).

Въ малорусской поэзіи есть цѣлая группа пѣсенъ о кончинѣ козака, гдѣ такимъ или инымъ способомъ показывается присутствіе и участіе дѣвицы. Вотъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что молодецъ и дѣвица были долго въ разлукѣ и какъ свидѣлись, то оба заболѣли [28]). Дѣвица лежала въ отцовской коморѣ, а козакъ въ зеленой дубравѣ. За дѣвицею ухаживали домашніе и давали ей ѣсть и пить, а козакъ просилъ дать ему хоть бы холодной воды и дѣвица умоляла мать по-

---

[24]) Чи письма писати,
До милои слати.
Напишу перами,
Та прильлю слёзами
Та й пошлю витрами (Чуб. V. 329).

[25]) Ой коли бъ же я мавъ орловыи крыла...
То бъ я полинувъ бы, сивъ бы у двори:
Чи не выйде моя мила и къ мени.
Ажъ мила выходить изъ чорными бровами,
Промовляе до мене изъ дрибными слёзами:
Ой ты соколоньку прекрасный,
Якій же ты у свѣтѣ несчастный!
Що кожне древо на весни процвитае,
Що кожная пташка соби пару мае,
А ты, милый, въ свѣтѣ литаешъ,
Да й парочки собѣ не маешъ (Чуб. V. 295—296).

[26]) Сподѣвайся мене, серденятко мое, та й у ти поры въ гости,
Якъ поросте трава муравая та у горницѣ на помости (Чуб. V. 239).

[27]) Сороки й вороны тило поклювали,
А жовтыи кости по кущамъ бросали,
Ой я жовтыи кости, кости позбираю,
У тихимъ Дунаю кости поховаю (Чуб. V. 297).

[28]) Ой якъ ся узрили, обое поболили (Чуб. V. 372).

слать ему пива [29]). Умеръ козакъ, умерла и дѣвица, завѣщавши похоронить себя вмѣстѣ съ козакомъ въ одной могилѣ. По дѣвицѣ звонили колокола, надъ ея тѣломъ пѣли попы и дьяки, а по козаку шумѣли лѣса, кричали вороны [30]). (Для сравненія см. польскую Kolb. 5. 1. 148—150).

Есть пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ и о плачѣ по немъ дѣвицы: пѣсня эта очень распространена въ разныхъ варіантахъ не только у малоруссовъ, но и у другихъ словянскихъ народовъ, и у нѣмцевъ. По однимъ нашимъ варіантамъ, дѣвица ожидаетъ козака изъ похода и готовитъ для него ужинъ и постель [31]), зажигаетъ предъ образами свѣчи и молитъ Бога, чтобы козакъ благополучно переправился черезъ рѣку [32]). По другимъ— дѣвица приглашаетъ къ себѣ молодца, по имени Василя, и даетъ зарокъ, что если онъ не пріѣдетъ къ ней, то утонетъ [33]). Козакъ утонулъ [34]). Дѣвица приглашаетъ рыболововъ вытянуть утопленника и оплакиваетъ его [35]) (см. подобнаго содерж. польскія пѣсни Kolb. 5. 1. 133—143, ibid. 194—206). Не менѣе

---

[29]) Дѣвчина лежить у батенька въ комори,
Молодый козакъ при зеленій диброви,
Дивчинонькци та е що й ѣсти й пити,
Молодый козакъ зимнои воды просить:
„Ой мати, мати, пожалуй свою дочку,
„Зашли козакови пива коновочку“ (ibid).

[30]) А по дивчини дзвоны задзвонили,
А надъ козакомъ луги зашумили,
А надъ дивчиною попы, дьяки спивають,
А надъ козаченькомъ вороны литають (Чуб. V. 373).

[31]) Якъ прійдешъ изъ вечора—вечера готовенька,
Якъ прійдешъ опивночи — постилька биленька (Чуб. V. 269, ср. Голов. I. 104—105).

[32]) Ой засвѣчу на божничку восковую свичку,
Хай мой милый перебреде сю быструю ричку.

[33]) Якъ не прійдешъ обидати, прійди одвидати,
Якъ не прійдешъ одвидати, то грихъ тоби буде,
Ой утонешъ на березі, що й воды не буде!

[34]) Втонувъ втонувъ козаченько, лешъ хусточка плавле,
Ходить дивчя по бережку, били ручки ламле.

[35]) — Ой рыбари рыбареньки, дамъ вамъ напитися,
— Ой вытягнѣть Василенька хоть подивитися!
Якъ вытягли Василечка, вода зъ рота льеться,
Ходить мила по бережку якъ горлиця бьеться! (Чуб. V. 309, 371, 424. Голов. I. 228).

распространена пѣсня о смерти и погребеніи козака, котораго дѣвица ожидала къ себѣ изъ похода въ гости. Во многихъ варіантахъ этотъ козакъ называется прилуцкимъ полковникомъ, въ иныхъ—просто козакомъ [36]). Дѣвица чернявая-бѣлявая ждала его и не дождалась, а потомъ получила вѣсть, что полковникъ захворалъ, находится при смерти и желаетъ ее видѣть [37]). Затѣмъ—умеръ панъ полковникъ и не слышно болѣе его повелительной рѣчи [38]). Козаки, собравшись въ раду [39]), приговорили передать оставшагося послѣ полковника коня атаману, а вооруженіе—сотнику, чтобы похоронить полковника съ большимъ почетомъ [40]). И вотъ везутъ тѣло умершаго, ведутъ коня, конь склоняетъ голову; за нимъ идетъ чернявая и отъ горести ломаетъ себѣ руки. На цѣломъ свѣтѣ не найти ей такого возлюбленнаго [41]).

Есть пѣсни, гдѣ представляется, что дѣвица уходитъ противъ воли родителей съ козакомъ, котораго любитъ. На пути козакъ задремалъ. Его подруга не даетъ ему спать, предостерегаетъ, что за ними отправлена погоня и если ихъ догонятъ, то ее возьмутъ, а его убьютъ [42]). Такъ и случилось, какъ показываетъ окончаніе пѣсни [43]). Въ пѣснѣ, которую, по нѣкото-

---

[36]) Ждала, ждала, дожидала полковника въ гости,
Ждала—ждала не диждала, сама спать лягала (Чуб. V. 316).

[37]) Вранци рано уставала, листы получала:
Занедужавъ полюбовникъ, прилуцькій полковникъ,
Зъ недугу помирае, дивчины полковникъ бажае.

[38]) Умеръ, умеръ панъ полковникъ и гризная мова.

[39]) Собирались козаченьки всю раду радити.

[40]) Атаману коня дали, сотникови зброю,
Що бъ сховали полковника зъ большою хвальбою.

[41]) Тило везуть, коня ведуть, кинь головку клонить,
За нимъ иде чорнявая, били ручки ломить.
Нехай ломить, нехай ломить, та не зломить пальця,
Весь свитъ сходить та не найде такого коханця (Чуб. V. 316—317, ср. Голов. I. 94—95).

[42]) Сили спочивати, ставъ козакъ дримати.
„Не дримай, козаче, не дримай зо мною,
Самъ же ты знаешъ—погинь за тобою!
Мене, милый, возьмуть, а тебе покинуть
А тебе покинуть—съ пличъ головку знимуть (Чуб. V. 278).

[43]) Ой милого коникъ, та не милый ѣде,
Милого й сидельце, та не милый-серце.

рымъ повторяющимся тамъ выраженіямъ, можно считать варіантомъ предшествовавшей, пара, такимъ образомъ убѣжавшая съ намѣреніемъ обвѣнчаться, превратилась въ деревья [44]). Но мы считаемъ не лишнимъ указать еще на одинъ варіантъ пѣсни о побѣгѣ молодца съ дѣвицею, гдѣ молодецъ погибаетъ не отъ погони, а отъ рукъ той самой дѣвицы, которая подговорила его къ побѣгу вмѣстѣ съ собой, стоя у колодца и набирая воду [45]). На дорогѣ, козакъ, именуемый въ пѣснѣ Маркомъ, задремалъ, вдругъ дѣвица будитъ его и велитъ ему сражаться съ нею саблею [46]). Она побѣдила Марка, взяла его коня [47]) и поѣхала на немъ въ домъ матери Марка объявить ей, что сынъ ея Марко женился и взялъ себѣ въ жены могилу [48]). Въ другихъ пѣсняхъ о побѣгѣ дѣвицы вмѣстѣ съ козакомъ, представляются лишенія, какимъ подвергается бѣглянка съ своимъ возлюбленнымъ. Гдѣ домъ его?—Въ чистомъ полѣ, близъ Дуная; обставленъ камышомъ, подпертъ лебедой [49]). На чемъ имъ вести путь?—Много лошадей въ степи; коли поймаемъ, то поѣдемъ, а не поймаемъ, пойдемъ пѣшкомъ [50]), отвѣчаетъ козакъ. Чѣмъ будемъ

Милого й дудочка, та не милый грае,
Милого писенька, не милый спивае (ibid.)

[44]) Пойшовъ козакъ яромъ, дивка долиною,
Зацвивъ козакъ рожиною, дивка калиною (Чуб. V. 283).
(Для сравн. см. польск. Kolb. 5, 1. 4, 8).

[45]) На дубовѣмъ мости тамъ Ганя стояла,
Тамъ Ганя стояла, воду набирала
Воду набирала, Марка намовляла:
Ой Марку жъ, мій Марку, щось маю казати,
Мандруй зо мною молодою! (Чуб. V. 425).

[46]) Стали спочивати, ставъ дощикъ накрапати,
Ставъ дощикъ крапати, ставъ Марко дримати,
„Ой Марку жъ, мій Марку, не дримай зо мною,
Наготуй шабельку, та й воюй зо мною“ (ibid).

[47]) Марка звоювала, коня видобрала,
Коня видобрала, сѣла, поѣхала (ibid).

[48]) А вжежъ твій Марко въ поли оженився,
А взявъ соби панну-паняночку въ поли могилочку (Чуб V. 426).

[49]) Въ чистимъ полю, край Дунаю
Очеретомъ обставляю,
Лободою пидпираю (Чуб. V. 482).

[50]) Ой у степу коней много,
Якъ піймаемъ такъ поѣдемъ,
А не піймемъ—пѣшкомъ пійдемъ (ibid).

одѣваться?—Сдѣлаемъ себѣ жупаны изъ лопуха [51]). На какой постели спать?—Подъ бокъ кулакъ, а подъ голову нагайку подложимъ [52]). Разумѣется такія пѣсни о побѣгѣ дѣвицы съ козакомъ изображаютъ исключительные случаи. (Для сравн. польская пѣсня Kolb. 5, 1, 275).

Обыкновенно козакъ отправляется на свои подвиги одинъ, а его дѣвица возлюбленная остается дома. Иногда, стосковавшись по своей милой, пытается козакъ у своего начальника просить отпуска, но получаетъ отказъ. Его не увольняютъ прежде срока службы [53]). Если, возвратившись домой, козакъ находитъ свою возлюбленную вѣрною себѣ, то, разумѣется, все кончается благополучно—свадьбою. Вѣрная подруга проплакала глаза, выглядывая своего милаго. Она будитъ слугъ, чтобъ свѣтили возвратившемуся. Онъ похудѣлъ въ дорогѣ оттого, что долго не видѣлъ своей Маруси [54]). Кто теперь наградитъ меня за труды? спрашиваетъ козакъ. Я—отвѣчаетъ ему возлюбленная, —я награжу тебя тѣмъ, что сорокъ пять разъ тебя поцѣлую и отдамъ тебѣ все, что есть для меня милого и дорогого [55]). Если же молодецъ ревниво бережетъ чувство любви къ себѣ и узнаетъ, что безъ него дѣвушка играла съ другими, то ей это не обой-

---

[51]) Якъ пійдемо въ долину, да вырвемо лопушину
Да пошіемъ жупанину (ibid.)

[52]) Кулачище пидъ бочище
Наганще въ головище.

[53]) Ажъ тамъ козакъ по рыночку ходить,
У гетмана выслуги ся просить:
„Пусти мене, мій пане, до дому,
Затужила дивчина за мною!“
— Не такъ вона якъ ты по ней тужишъ,
— Не пущу тя, ажъ року дослужишъ (Голов. I. 109, 285).

[54]) Всѣ свои служеньки позбужовала:
„Встаньте, служеньки, свѣтѣте свѣченьки!
„Най ми ся свѣтитъ якъ въ день такъ въ ночи,
„Най ся подивлю милому въ очи:
„Чи змарнѣвъ милый по свѣтѣ ходячи (Голов. I. 185).

[55]) — А хто жъ менѣ нагородить за мои труды?
„Я сама труды нагороджу:
Сорокъ пять разъ тя поцѣлую,
Що любого, що милого, то тѣ подарую (Голов. I. 280).

дется даромъ [56]). Случится, что молодецъ, возвратившись изъ далекаго похода, застанетъ свою дорогую женою другого. Одна изъ такихъ оправдываетъ себя тѣмъ, что ей сказали, будто ея милый умеръ и теперь она у него проситъ прощенія, говоря, что, отдавши себя иному, она будетъ ему вѣрна [57]). Другая въ отсутствіи милаго своего вышла замужъ по принужденію за немилаго ей человѣка [58]), плача и проклиная судьбу свою [59]). «Для чего жъ ты не писала ко мнѣ, когда тебя сватали?» [60])— спрашиваетъ козакъ. — Я писала и пересылала, только мои письма не доходили: мои каріе очи исходили слезами. Меня мать отдала за того, за кого я не хотѣла! Теперь шумитъ надо мною нагайка [61]). О милая моя! Душа моя!—восклицаетъ несчастный молодецъ.—Я умираю оттого, что не довелось мнѣ быть твоимъ мужемъ, а тебѣ моею женою [62]). Тоскуетъ молодецъ: все ему напоминаетъ прежнюю любовь. Вотъ родникъ, при которомъ они прежде сходились на свиданіе; какъ голубокъ тамъ въ водѣ купался, такъ онъ женихался съ своею милою [63]). Но его милую повели къ вѣнцу; у него сердце болитъ; не ему досталась дѣ-

---

[56]) Хоть радій, не радій, то не буду брати;
Було бъ тоби зъ другими не жартовати (Чуб. V. 284).

[57]) Людьская обмовонька то сь мя обманула,
Що казали, що ты вмеръ, я той часъ забула.
Прощай, мій миленькій, що я учинила,
Що иншому вѣрне послюбила.
Коли ёму послюбила, мушу бути вирна,
Тильки для тебе, мій миленькій, инша (Чуб. V. 118).

[58]) Ой тамъ въ темнимъ лѣсѣ церковця стояла,
Тамъ-то дѣвчинонька безъ неволю шлюбъ брала.

[59]) Ой шлюбе мій, шлюбе, примушеный шлюбе,
Та ци гораздъ менѣ за тимъ нелюбомъ буде?..
Волѣла бы мъ, мати, твердый камѣнь глодати,
Нѣжли изъ нелюбомъ до шлюбу ставати (Голов. I. 285).

[60]) Ой якъ будешъ ты, дивчино моя, рушники давати,
Пиши листи на билый бумази, та давай до мене знати (Чуб. V. 128).

[61]) Вже жъ я писала й пересылала, мои листы не доходять,
Тильки жъ мои каренькіи очи слизоньками изиходять.
Отдала жъ мене мати за кого я не хтила
Шумить, гуде нагасчка коло мого тила (ibid.)

[62]) Милая моя, серденько мое, я вмираю за тобою,
Що не довелось мени буть чоловикомъ, тоби дружиною (ibid.).

[63]) Чи се жъ тая криниченька, що голубъ купався,
Чи се жъ тая дѣвчинонька що я женихався?

вица [64]). Горе—восклицаетъ онъ:—горе моимъ ногамъ, которыми я ходилъ къ тебѣ, горе моимъ рукамъ, которыми обнималъ тебя, горе моимъ бровямъ, которыми я моргалъ на тебя, горе моимъ устамъ, которыя цѣловали тебя! Богъ бы тебя покаралъ за твой грѣхъ: я любилъ тебя и не взялъ женою себѣ [65]). Встрѣтятся они и вспомнятъ о прошломъ. Богъ тебѣ помогай, другъ не суженый! скажетъ она. Любились мы и матушка того не знала, а теперь вотъ разошлись, какъ чорныя тучи! Помнишь ли, какъ я тебя въ вишневый садъ водила, какъ тамъ тебя ягодками угощала; помнишь ли, какъ я постель стлала, съ тобою спать ложилась, одну ручку подложивши подъ голову тебѣ, а другой обнимала тебя? Лучше жилось тогда дѣвицею, чѣмъ теперь замужнею [66]). Чѣмъ ближе къ нему живетъ его бывшая возлюбленная, тѣмъ тяжелѣе его сердцу [67]). Вотъ она проходитъ съ водою и посылаетъ ему привѣтъ [68]) и ему такъ становится досадно, что онъ готовъ броситься къ ней и побить у ней ведра [69]). Она проситъ не дѣлать этого и не наносить ей безславія [70]). Тяжелѣе еще ему сидѣть у окна и смотрѣть, какъ она идетъ

---

[64]) Досталася дѣвчинонька людямъ—не мени.

[65]) Шкода жъ моихъ бѣлыхъ нижокъ що мъ до тя ходжавъ,
Шкода жъ моихъ бѣлыхъ ручокъ щомъ тя обіймавъ,
Шкода жъ моихъ чорныхъ бровей що мъ на тя моргавъ,
Шкода жъ моихъ красныхъ устокъ що мъ тя цѣлувавъ,
А за тоту провинонъку Богъ бы тя скаравъ,
Що я тебе вѣрно любивъ, любивъ, та не взявъ (Голов. I. 294).

[66]) Ой помагай Бигъ, ты, несуженый друже!
Да здорова, серденько, то жъ любилися дуже.
Любилися, кохалися, а матуся й не знала,
А тепера розійшлися якъ темненька хмара.
Яжъ тебе любила, въ вишневый садъ водила,
Ягодоньки ирвала, я жъ тебе годувала,
Билу постиль постилала, съ тобою спать лягала,
Одну ручку въ голивоньку, а другою обіймала (Чуб. V. 227).

[67]) Не жаль бы мени, коли бъ зъ стороны,
А то черезъ двиръ да й товаришъ мій! (Чуб. V. 167, 242)

[68]) По воду йде—жалю завдае,
Изъ водою йде—добри-день дае (Чуб. V. 168).

[69]) Чужа, не моя, товаришова!
Черезъ двиръ не йди, жалю не роби;
Бо я зъ того жалю видерця побью (ibid.).

[70]) Ой милый чужій! видерця не бій!
Мени молодои славы не роби (ibid.).

рука объ руку съ своимъ мужемъ, его соперникомъ. Такъ бы вотъ и выскочилъ онъ и сталъ допрашивать: зачѣмъ, любивши его, оставила [71])?

Иной молодецъ въ такомъ положеніи думаетъ найти утѣшеніе въ горѣлкѣ, но не находитъ: у него около сердца словно какая-то змѣя бьется [72]).

Иной молодецъ зная, что причиною разлуки мать дѣвицы, произноситъ надъ нею проклятіе передъ своею прежнею милой [73]). Иной, раздраженный неудачею въ первой любви говоритъ, что пойдетъ въ чужой край; тамъ поищетъ себѣ другую, безродную, убогую, прежняя милая будетъ вспоминать о немъ добрымъ словомъ, а онъ всплакнетъ, когда о ней вспомнитъ [74]). Иной же въ досадѣ зарекается когда-нибудь любить дѣвицъ и говоритъ, что не перестанетъ плакать о прежней возлюбленной [75]). На-

---

[71]) Жаль въ свѣтѣ одному!
Сижу край виконця—моя милая ходить,
Ворогъ ѣи зъ боку—за рученьку водить.
Ой пійду я приближуся,
На серденьку оживлюся,
Спытаю причины
Милои дивчины:
Дивчинонька мила,
Першъ мене любила,
Теперъ залишила! (Чуб. V. 168).

[72]) Ой пойду я до корчомки—горѣлки напьюся,
Ой чого сь менѣ, братцѣ, горѣлка не пьеться,
Бо на моѣмъ щось серденьку якъ гадина вьеться.
А все тое менѣ паробила
Милая дѣвчина, що отдалась за багача сына!

[73]) Бодай твоя мати на свѣтѣ не жила,
Що насъ молоденькихъ съ тобою розлучила,
Бодай твоя мати въ пекли згорила,
Що насъ молоденькихъ на тое пидвела (Чуб. V. 231).

[74]) А я пійду въ чужій край, то тамъ буду жити,
Ты не будешъ, мила, знати, якъ я буду тужити.
Знайду соби другу милу, щобъ не мала роду,
Що бъ не було, якъ зъ тобою, жадного заводу.
Спогадаешъ мене, мила, милыми словами,
А я тебе спогадаю гиркими слёзами. (Чуб. V. 255).

[75]) Ой хто хоче на свѣтѣ жити,
Най перестане дивчатъ любити,
Бо то есть сгуба цилого свѣта,
Пропали лита и житьтя трачу,

прасно мать его совѣтуетъ идти ему межъ челядь и развлечься отъ тоски [76]). Молодецъ собирается умирать, проситъ похоронить его прилично въ вишневомъ садикѣ и пусть вся родня пируетъ, творя поминки о немъ [77]).

Бывало и такъ, что въ отсутствіи молодца его возлюбленную дѣвицу отдавали за иного замужъ по волѣ пана и вообще высшей власти: такое событіе изображается въ пѣсняхъ въ символическомъ видѣ орла или сокола, разгоняющаго голубей изъ пары и предлагающаго голубкѣ семь другихъ голубей на выборъ, вмѣсто того, котораго она любила и утратила. Голубка не хочетъ никѣмъ замѣнить его и говоритъ, что будетъ вѣчно горевать о своемъ миломъ [78]), у нея такое горе, что отъ слезъ на твердыхъ камняхъ останутся знаки [79]).

Въ другой подобной пѣснѣ сизокрылый орелъ, убивши голубя, беретъ голубку не съ тѣмъ, чтобъ отдать ее по выбору другому голубку́, а удерживаетъ ее для себя, сыплетъ ей пшеницу, ставитъ воду, но она не прикасается ни къ чему [80]),

---

Якъ спогадаю—гирко заплачу.
Плакавъ я, плакавъ, плакати буду,
Поки тя, мила, въ викъ не забуду. (Чуб. V. 269).

[76]) „Не плачъ, козаче, не плачъ не журися,
Выйдешъ за ворота, на челядь дивися“ (Чуб. V. 260).

[77]) — А вже жъ мени, мати, челядь не до того,
Ой продавай, мати, коня вороного,
Пошій менѣ, мати, льняную сорочку,
Сховай мене, мати, въ вишневимъ садочку.
Высыпъ мени, мати, высоку могилу,
Посади въ головкахъ червону калину,
Збери, мати, всю свою родину,
То буде родина и пити и гуляти,
Мене молодого будуть споминати (Чуб. V. 260—261).

[78]) ...Що ся не хоче вже знати зъ никимъ,
„Буду тужити поки викъ викомъ“ (Чуб. V. 238).

[79]) Стану плакати ажъ мени горе,
Хочъ выпадають слёзы на каминьяхъ,
Хочъ найтвердійшихъ—пороблять знаки (ibid).

[80]) Ой де узявся сизокрылъ орелъ,
Голуба убивъ, голубку влюбивъ,
Голубку влюбивъ, узявъ пидъ полу
Узявъ пидъ полу, принисъ до-дому;
Сыпле пшеници, ставить водици,
Голубка не пье, ѣстоньки не йде (Чуб. V. 246).

чувствуетъ что она въ неволѣ, орла не любитъ [81]) и ходитъ въ вишневый садъ плакать о своемъ миломъ голубкѣ [82]). Здѣсь очевидно изображается аллегорически насиліе имѣющихъ власть надъ бѣдною дѣвицею.

Но причиною разлуки любящихся паръ изображается также измѣна одного изъ нихъ. Вотъ молодецъ приходитъ къ своей милой и та напрямикъ заявляетъ ему, что надо перестать имъ любить другъ друга, мать его этого не хочетъ [83]). О лучше бы тебѣ вонзить мнѣ въ сердце ножъ, чѣмъ говорить такія слова [84]), восклицаетъ молодецъ. Этотъ молодецъ вынужденъ покинуть дѣвицу потому, что его мать произнесла такой приговоръ: ея материнскому чувству легче увидать его въ солдатахъ, нежели мужемъ той, на которой онъ хочетъ жениться [85]). Раздраженный сынъ произноситъ проклятіе суровости матери [86]). Другой молодецъ заявляетъ своей милой, что онъ ее намѣренъ покинуть, оттого что ея родня наговариваетъ на него, будто онъ пьяница и гуляка [87]). Третій, полюбивши новую дѣвицу, приходитъ къ прежней и говоритъ ей просто: тебѣ одна дорога, а мнѣ иная,

---

[81]) „Ой я жъ и въ горѣ я жъ у неволи,
Сизокрылъ орелъ не до любови“ (Чуб. V. 247).

[82]) Да все въ вишневъ садъ плакати йде:
„Голубонько мій, коли бъ же ты живъ,
Я бъ твои крыла позолотила,
Я бъ твои пирья пожемчужила (Чуб. V. 246).

[83]) Перестаньмо жъ ся любити,
Самъ ты знаешъ намъ зъ тобою не жити (Чуб. V. 233).

[84]) Волѣла жъ бы ты нижъ въ мене вгородити,
Нѣжъ маешъ мила ти слова говорити (ibid).

[85]) — Пійду я до неньки, буду ся пытати,
— Чи не позволить ненька тебе взяти.
„Волю жъ я тя, сыну, въ салдати виддати,
Нижъ я тя маю зъ тою дивчиною звѣнчати (ibid. 234).

[86]) Бодай же ти, мати, такъ легко копати,
Якъ мени легко зъ дивчиною ся розстати (Чуб. V. 234).

[87]) — Скажу тоби, моя мила, скажу, що думаю:
— Що я тебе, моя мила, покидати маю.
„Скажи мени, мій миленькій, що то за причина,
„Чи ты мене самъ не хочешъ, чи твоя родина?“
— Ой я тебе и самъ люблю и ридъ не боронить —
— Тилько ридъ твій все говорить, що я пью, гуляю (Чуб. V. 220, 232).

прощай! [88]) Иной же не объясняется вовсе, а, спознавшись съ другою, идетъ мимо двора прежней и дразнитъ ее тѣмъ, что не заходитъ къ ней, а проходитъ мимо, напѣвая пѣсенку и еще говоритъ ей, чтобъ она обсадила вишнями дворъ свой, дабы къ ней не заходилъ его голосъ [89]).

Иной безъ всякой повидимому причины объявляетъ дѣвицѣ, что нашелъ себѣ получше [90]). Въ одной пѣснѣ богатый овчаръ посылаетъ товарищей передать дѣвицѣ, чтобъ она его больше не любила, потому что онъ ей не пара, онъ богатъ, а она бѣдна [91]).

Дѣвица различно принимаетъ къ сердцу заявленіе молодца о прекращеніи любви къ ней, смотря по личному характеру. Иная предоставляетъ ему поступать, какъ хочетъ, только не судить ее промежду людей, потому что людской судъ ей всего страшнѣе [92]). Другая—характера рѣшительнаго и разсудительнаго—говоритъ, что узнавши его невѣрность сама уже не любитъ его, будетъ любить кого нибудь другого, а о немъ забудетъ [93]).

---

[88]) „Тоби дорога, а мени шлячокъ битый!“
— Якъ же я буду безъ тебе, серце, жити?
„Мени дорога ривна, тоби поперечна,
„Бувай здорова, моя мила сердечна! (Чуб. V. 190).

[89]) „Ой не по правди, мій милый, живешъ,
„Мимо воротечки, та до иншои йдешъ
„А до мене стиха голосъ подаешъ“.
— Ой обсади, мила, вишеньками двиръ,
— Ой щобъ не зайшовъ до тебе голосъ мій (Ч. V. 80. 396—397, 411, 412).

[90]) „Ой де жъ ты, мій милый, довго забарився?“
— Ходивъ я по лугу, та найшовъ соби другу,
— Въ червонимъ намисти, вона мени по мысли,
— У полахъ мережка, та до неи утоптана стежка,
— У байковій юбци, вона мени все на думци (Чуб. V. 403).

[91]) Вы молодци, молодци... накажите дѣвочци,
Нехай мене не жде, нехай за мужъ иде.
Бо я вивчарь петяга, сивковая сермяга,
Симъ сотъ овець у лузи и четверикъ у плузи (Чуб. V. 124).

[92]) Якимъ схочешъ, такимъ будь,
Меже людьми мя не судь;
Смерть не такъ страшная,
Якъ осуда людьская (Чуб. V. 397).

[93]) Дотимъ я тебе вирно кохала,
Докимъ нещиристь твою дознала.
Теперъ иншого буду кохати
О тоби завше запоминати (Чуб. V. 386).

Гордая показываетъ къ нему презрѣніе и невниманіе [94]). Вольно молодцу искать себѣ другой дѣвицы, но и дѣвица найдетъ себѣ лучшаго молодца, а онъ тогда поплачетъ объ ней [95]). Дѣвушка язвительнаго характера въ отвѣтъ молодцу, извѣщающему, что онъ полюбилъ другую и хочетъ на ней жениться, говоритъ: женись, желаю, чтобъ невѣрнаго Богъ покаралъ не огнемъ, не водою, а лихою подругою [96]). Иная однако, произнеся проклятіе, по свойственному добродушію тотчасъ опомнится, проситъ Бога не послушать ея проклятія [97]) и желаетъ измѣннику счастья съ его новою возлюбленною [98]). Она для себя хотѣла бы только такого зелья, которое бы помогло ей забыть невѣрнаго [99]), но теперь же сознается, что такое зелье окажется безсильнымъ и она забудетъ только тогда когда закроетъ глаза на вѣки [100]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ она говоритъ, что если онъ и найдетъ другую съ бо̀льшими достоинствами, то не найдетъ такой, которая любила бы его, какъ прежняя [101]).

---

[94]) Нехай ёго тыи просять, що гребли розносять,
Нехай ёго ти благають, що въ болоти грають (Чуб. V. 210).

[95]) Шукай, шукай парень дивки, а я соби молодця;
Що ты будешъ иты винчаться, а я буду одъ винця,
Покотяться дрибни слёзы съ твого билого лиця (Чуб. V. 188—189).

[9]) Женися, женися, поможи тоби Боже!
За мою щиристь покарай тебе Боже!
Не карай, Боже, ни огнемъ, ни водою,
Но карай, Боже, лихою дружиною! (Чуб. V. 394).

[97]) Ой поѣхавъ, поѣхавъ, не звинчався зо мною,
Бодай же му коникъ издохъ, самъ положивъ головою!
Ой не слухай, милый Боже, що я тое говорила,
Бодай мого миленького Пречистая боронила! (Голов. III. 177).

[98]) Будь здоровый и счасливый съ тою що ю маешъ,
А единакъ же ты надъ мене щирѣйшои не знайдешъ,
А я усе Бога прошу зъ вечера до ранку,
Що бы ты мавъ счастьтя всюда, мій милый коханку (Голов. I. 263, ср. Чуб. V. 177).

[99]) Якъ не хочешъ, серце, дружиною бути
То дай мени таке зильля, що бъ тебе забути (Чуб. V. 177).

[100]) Буду пити черезъ силу и канли не пущу,
Тоди тебе я забуду, якъ очи заплющу (ibid.)

[101]) Хочь ты знайдешъ на личко билійшу,
То таки не знайдешъ надъ мене милійшу...
Хоць ты знайдешъ, щобъ добре робила,
То таки не знайдешъ, щобъ тебе любила (Чуб. V. 194—195. Метлин. 111—112. Максимов. изд. 1827. 120).

Тоска покинутой милымъ дѣвицы составляетъ содержаніе цѣлой группы пѣсенъ любовныхъ. Одинокая, постелетъ она себѣ съ вечера постель, одинокая, вставши, садится у окна и видитъ, какъ ея милый гуляетъ съ иною; онъ ее цѣлуетъ-милуетъ, а еслибы она, прежняя, осмѣлилась выйти и подойти къ нему— онъ бы ее угостилъ проволочною нагайкою, она же не была еще ни отъ кого битою [102]). Она разражается злостью къ соперницѣ, даетъ ей эпитеты: мерзкая, постыдная [103]), мурая [104]), (т. е. смуглянка) шельма-разлучница [105]). Она готова дать этой мурой полотна на рубаху, лишь бы не видѣть ее съ своимъ милымъ [106]). Вотъ такъ и хочется эту разлучницу ударить въ щеку [107]), да нельзя ее бить когда она сидитъ съ ея милымъ [108]); въ запальчивости зарекается покинутая согнать ее со свѣта и опять сойтись съ милымъ [109]). Не рѣдко такая соперница бываетъ ея прежняя подруга, которой она повѣряла свои сердечныя тайны и которая, сошедшись съ ея милымъ, притворяется передъ нею, будто ея милый спрашивалъ о ней, своей возлюбленной [110]). Ура-

---

[102]) Постелю билу постиль, сама спати ляжу,
Та встану раненько, та вмыю личенько,
Сяду соби край воконця та й до сходу сонця.
Та иде мій милый тихою водою,
Та за ничою милою.
Винъ ѣи цѣлуе, винъ ѣи любуе,
А на мене, молоду, нагайку готуе.
Нагайка-дротянка, тонкимъ дротомъ вита,
А я молодая ще й зъ роду не бита (Чуб. V. 393).

[103]) Сидить стыдко зъ моимъ милымъ да ще й обнялася,
Ой на тобѣ стыдка-брыдка на станъ полотенця,
Да не сидизъ моимъ милымъ, не рѣжь мого серця (Мак. изд. 1827. 128).

[104]) Сидить мура зъ моимъ милымъ та й обнялися (Чуб. V. 403).

[105]) Стоить шельма-розлучниця, зъ милымъ обнялася (Чуб. V. 185),

[106]) Ой на тобѣ, розлучнице, да ще й на сорочку,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чернобровымъ въ вишневѣмъ садочку.
Ой на тобѣ, розлучнице, да ще на рукава,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чорнобровымъ, погана, лукава! (Макс. изд. 1827. 129, ср. Чуб. V. 404).

[107]) Таки тую розлучницю по щоци урижу (Чуб. V. 185).

[108]) Сидить мура зъ моимъ милымъ не можно ѣи бити (Чуб. V. 404).

[109]) А я муру зъ свита сжену, зъ милымъ оженюся (ibid).

[110]) А въ козака та дви дивоньки—одна другу перепытуе:
„Чи була ты, подруженька, чи була ты на улици?

зумѣвши коварство подруги, дѣвица разражается проклятіемъ, выражая желаніе, чтобъ комары выѣли ей глаза за полуночныя бесѣды съ милымъ [111]).

Бѣшеная злоба обрушивается на измѣнника, когда она услышитъ, что онъ смѣется надъ нею. Не смѣхъ—говоритъ она—придетъ тебѣ, какъ будешь ты трястись семь лѣтъ, лежать въ постелѣ и просить у своей матери воды; тогда-то пожалѣешь, что посмѣялся надъ красной дѣвицей [112]). Но не смотря на такія проклятія, не смотря ни на то, что она хочетъ чтобъ тотъ, кто былъ причиною разлуки ея съ милымъ, не видалъ яснаго солнца [113]), все таки она сама передъ собой сознается, что продолжаетъ его любить [114]). Она считаетъ свою судьбу погибшею, вѣрно мать прокляла ее въ дѣтствѣ, вѣрно ее въ церковь не носили и не вымолили у Бога доброй доли [115]). Напрасно мать увѣряетъ ее, что она и въ церковь носила ее маленькою и доли доброй у Бога ей просила [116]), она съ ропотомъ обращается къ Богу, укоряетъ зачѣмъ онъ допускаетъ спознаваться съ тѣмъ, съ которымъ

„Чи бачила, подруженько, на улици жениха мого?
— Ой бачила, не бачила, тильки трошки та постояла,
Винъ важко здыхавъ, та про тебе пытавъ: чомъ дивчина не выходила?

[111]) Бодай тоби, подруженько, та выѣли комари очи,
Щобъ ты не стояла изъ моимъ миленькимъ изъ вечора до пивночи (Чуб. V. 379).

[112]) Перечула черезъ люде—ледащо сміється.
— Ой хоть смійся, хоть не смійся, за смихъ тоби буде,
— Симъ годъ трясця труситеме, а смерти не буде:
— У постели лежатимешъ, смерти бажатимешъ,
— У своей ты матери воды прохатимешъ:
„Ой дай мени, моя мати, водици съ криници,
Насміявся розсукинъ сынъ зъ красной дѣвици (Чуб. V. 185).

[113]) Хто бувъ причиною розстання мого,
Щобъ мои слёзы упали на нёго,
Щобъ винъ не бачивъ сонця ясного! (Чуб. V. 358).

[114]) Не збуду смутку а ни въ день, ни въ ночи,
Бо я тебе люблю и любити буду (ibid).

[115]) Пропала моя доля! Прокляла мене ненька,
Прокляла мене ненька якъ була я маленька.
Ой на Дунаю пелюшки полоскала:
„Бодай ты, доню, счастьтя-доли не мала!“
Чи ты мене мати въ церкву не носила,
Чи ты мени, моя мати, доли не вросила? (Чуб. V. 356).

[116]) И въ церкву тебе носила, Богу молилася (ibid).

не суждено сочетаться бракомъ [117]), признаетъ себя самою несчастнѣйшею въ мірѣ и думаетъ утопиться [118]), либо итти въ темный лѣсъ и отдаться лютымъ звѣрямъ на растерзаніе [119]). Въ пѣсняхъ изображаются случаи, когда разлука происходитъ отъ невѣрности дѣвицы. Иная, на первое же объясненіе въ любви молодца [120]), сразу обольетъ его холодною водою, объявивши, что не любитъ его и не можетъ своему сердцу приказать любить [121]), а когда молодецъ, по обычной замашкѣ влюбленныхъ, начнетъ говорить, что онъ убьетъ себя съ горя [122]), то дѣвица напрямикъ объявляетъ ему, что она не будетъ его женою и онъ долженъ выбить себѣ изъ головы мысль объ этомъ [123]); иная же дѣвица, болѣе живого нрава, приправитъ еще свой отказъ шуточнымъ сообщеніемъ, что у ней безъ него найдется такихъ молодцевъ пять [124]), а онъ ей кажется нехорошимъ [125]). Но вотъ уже,

---

[117]) Ой, Боже, Боже, давъ ся познати,
Коли не судишъ намъ ся побрати,
Ой коли судишъ, чомъ же не злучишъ,
На що жъ насъ, Боже, даремно мучишъ! (Чуб. V. 356).

[118]) Вже жъ я бачу на симъ свити що все мени горе,
Прійдеться утопити въ глибокое море! (Чуб. V. 357).

[119]) А я пійду въ темный лисъ: нехай мене звирь изъисть:
Ой вы звири вы лютыи! Не займаете вы мене;
Розорвите мое тило и по маленькимъ частямъ,
Рознесите мои кости по рокитовымъ кущамъ,
Наберите крови моей близько серденька мого,
Понесите душу мою а до милого мого (Чуб. V. 358).

[120]) Панно моя, люба мила,
Позволь же ми ся кохати (Чуб. V. 303).

[121]) Рада бы я тя кохати,
Трудно серцю росказати (ibid).

[122]) Ой дѣвчино, серденько! згубишъ мою душу,
Якъ ся зъ тобою не оженю, то умерти мушу (Гол. I 247, ср. Ч. V. 303).

[123]) Не чорнѣй, не марнѣй, не нуди собою,
Не будешъ ты менѣ мужомъ, я тобѣ жопою (Голов. I 247).
. . . . . .

[124]) Умри, умри, Богъ тя бери!
Есть у мене хлопцивъ штыри,
Есть у мене ще и пьятый
Хоць и заразъ показати (Чуб. V. 303).

[125]) Не ходи, не люби, не залицяйся,
Не люблю, не пійду, не сподивайся,
Не ходи, не люби, не носи грошей;
Не люблю, не пійду, бо сь нехорошій (Чуб. V. 175).

когда между молодцемъ и дѣвицею возникла сердечная взаимная связь, дѣвица вдругъ нежданно измѣняется. Сталъ молодецъ замѣчать, что его возлюбленная подолгу стоитъ на улицѣ съ другими молодцами. Это рѣжетъ ему сердце [126]). Одинъ, не рѣшаясь объясниться съ дѣвицею прямо и уличать ее, передаетъ ей чрезъ своего товарища, чтобъ она не любила двухъ [127]); другой, подмѣтивши, что у дѣвицы явился новый милый, молча отъ ней хочетъ удалиться [128]) и когда дѣвица заворачиваетъ его къ себѣ [129]), говоритъ, что не зачѣмъ ему ворочаться, когда видѣль самъ, стоя у ней подъ окномъ, какъ она любезничала съ другимъ молодцомъ [130]). Третій является къ дѣвицѣ и укоряетъ ее, что она полюбила другого, красивѣйшаго [131]). Иная дѣвица не отпирается и ссылается на Бога, который владѣетъ чувствомъ — но и постоянныхъ въ любви разлучаетъ [132]). Другая же въ такомъ положеніи начинаетъ оправдываться тѣмъ, что родители ея не хотятъ, чтобъ она любила этого молодца, что такова ужъ видно судьба [133]), а молодецъ отвѣчаетъ, что незачѣмъ обвинять судьбу, лучше прямо сказать, что молодецъ не хорошъ, но и молодецъ найдетъ себѣ другую возлюбленную [134]). Одинъ молодецъ, которому отказала дѣвушка въ

---

[126]) Не стій, мила, изъ иншими, не край мого серця,
Бо ты стоишъ зъ иншимъ, та й думку думаешъ,
Та безъ ножа, безъ тарилки, мое серце краешъ (Чуб. V. 382).

[127]) Ой, чи буде двохъ пріймати?
Буде ѣи Богъ карати;
Коли любишъ—люби гараздъ,
А не любишъ—кидай заразъ (Чуб. V. 383).

[128]) Ой ще вчора изъ вечора зійшовъ мисяцъ и зора,
Ой часъ мени, молодому, мандровати изъ двора (Чуб. V. 384).

[129]) Ой вернися, любе закоханьня (ibid.).

[130]) Не вернуся, любе закоханьня, бо нема до кого,
Ой бувъ я въ тебе пидъ виконцемъ, а ты мала иншого (ibid.).

[131]) Бо ты того любишъ, що красный изъ твари (Чуб. V. 253).

[132]) Трудно занехати—я ничого маю;
Скажи мени, хлопче, що я винна съ того?
А вжежъ то Господь Богъ и а всимъ тимъ владае,
Иншій вирне кохаеться, винъ ихъ розлучае (ibid).

[133]) Я жъ тому невинна, лёсъ тому владае:
Заказуе ридной отець и мати не дае (Чуб. V. 172).

[134]) На що жъ, невдячнице, на лёсъ нарикати,
Лучше скажи: не хорошій—не могу кохати.

любви, желаетъ достать такого зелья, чтобы забыть ее [135]), а дѣвушка говоритъ ему, что есть такое зелье, перекати-поле, двое придутъ, поцѣлуютъ, а третій ее приголубитъ [136]). Бываютъ пріемы отказа въ любви грубѣе: молодецъ стучится къ своей дѣвицѣ и жалуется, что его чуть не покусали злыя собаки. Дѣвица отвѣчаетъ: пусть тебя загрызутъ собаки; у меня сидятъ молодцы покрасивѣе тебя [137]).

Случается, что дѣвица, простившись съ отъѣзжающимъ молодцемъ, измѣняется къ нему въ чувствахъ во время его отсутствія. Козака извѣстили въ чужой сторонѣ, что его возлюбленная обручилась съ другимъ. Козакъ возвратился домой и тогда сталъ упрекать дѣвицу въ измѣнѣ, припоминая, какъ она принимала отъ него подарки [138]). Тогда дѣвица предлагаетъ ему обратно его подарки и заявляетъ, что она его никогда не любила [139]). Въ другой подобной пѣснѣ молодой человѣкъ, надаривши дѣвушкѣ жемчугу и коралловъ [140]), посылаетъ къ ней, по народному обычаю, сватовъ, а самъ становится подъ окномъ ея хаты, чтобы быть незримымъ для другихъ свидѣтелемъ того, что́ будетъ происходить [141]). Первый же пріемъ показался ему

Хоць я нехорошій, я на то не дбаю,
Будь здорова, моя мила, бо я иншу маю (ibid.).

[135]) Вона менѣ одказала щобы въ ней не бути,
Дайте менѣ таке зильля, щобы ей забути! (Голов. III. 333).

[136]) Есть у мене ище зильле—перекоти-поле,
Що два прійде—поцилуе, а третій пригорне (Чуб. V. 172).

[137]) Пидійшовъ я пидъ синечки—грукнувъ,
„Ой одчини, дивчинонько, сини!
Були мене зли собаки зъили“.
— Нехай тебе зли собаки ѣдять,
Коло мене кращи тебе сидять (Чуб. V. 171).

[138]) Взяли козаковѣ люде повѣдати
Вже дѣвчина заручена... Дѣвчино, дѣвчино, зъѣла бы ты витра,
Я не сподѣвався, що ты така́ хитра;
Тогдѣ мене ты кохала,
Коли сь мои дары брала (Голов. III. 330--331).

[139]) Забирай си тіи дары, тіи дары,
А я въ дарахъ не ходила та й ходить не буду,
Тебе не любила и любить не буду (Голов. I. 303. III. 331).

[140]) Ой що жъ то мени за таки дарунки,
Билы перлы и корали билу шію гнули (Чуб. V. 156).

[141]) Ой пошлю я до дивчины люде,
Ой самъ пійду пидъ виконце що то зъ того буде (ibid. 155).

зловѣщимъ: ворота на дворѣ заперты, двери сѣнныя на засовѣ, а въ хатѣ темно [142]). У молодца подъ окномъ все тѣло трясется отъ страха, и видитъ: сидитъ баба за печью, а дѣвка на постели и кобенится; баба гонитъ сватовъ изъ хаты вонъ [143]), а дѣвушка встаетъ съ своего мѣста, обувается и, увидя чрезъ окно молодца, кричитъ ему: прочь пошолъ [144]). Молодецъ говоритъ, что она тогда не прогоняла, когда брала подарки, а дѣвушка требуетъ у матери ключей, чтобы достать подарки и швырнуть ему ихъ въ глаза [145]).

Отвергнутый и осмѣянный дѣвицею молодецъ иногда также найдетъ способъ отнестись къ ней съ презрѣніемъ. Такъ молодецъ, получившій отъ матери дѣвицы холодный пріемъ [146]), говоритъ, что дѣвица ему не нравится и онъ пойдетъ ко вдовѣ, у которой двѣ свѣтлицы, а у дѣвицы одна бѣдная хатенка и сама дѣвица убога [147]). Хоть я и убога, да все-таки отецкая дочь, не для тебя, сякой-такой. выросла [148]). Обмѣнявшись такими не-

---

[142]) Прійшли люде до воритъ, ворота заперти,
Зъ того боку, изъ подвирья остроколомъ пидперти,
Прійшли люде до синей, сѣни засупени,
Прійшли люде до хаты,—въ хати не видно ся (ibid.).

[143]) Сили люде на лавкахъ, взяли говорити,
А взялося на мени все тѣло трусити,
Сидить баба на заничку та видповѣдае:
Идить собѣ, люде, зъ хаты, я дивки не маю (Чуб. V. 156).

[144]) Сидить дивка на постели та ся гопоруе...
Взула ся въ черевички та й по хати допче:
„Вара, вара зъ видъ виконця, хлопче! (ibid.).

[145]) „Чому жъ мени, моя мила, тогди вара не сказала,
„Якъ видъ мене подарунки брала?“
— Дай же мени, моя мати, золотыи ключи:
— Най я ёму кину тыи дарунки въ очи! (ibid).

[146]) „Добры вечѣръ, удивонько, дай воды напиться,
„Пусти дочку на гулянки, хочу подивиться!“
— Стоить вода у синечкахъ, коли хочъ напійся,
— Сидить дочка въ виконечка, коли хочъ дивися (Чуб. V. 170).

[147]) Не вподобавъ козакъ дивки, пійде до вдовици,
А въ вдовици дви свѣтлицы, а третя кимната,
А въ дивчины одна хата, да й та не прибрата.
Ой тимъ вона не прибрата, що стеля дубова...
Чомъ дивчины не сватати? Що дивка убога? (Чуб. V. 169—170).

[148]) Хочъ убога, не убога та въ батька дитина,
Не для тебе, сякій сыну, мати породила (Чуб. V. 170).

любезностями, оба разойдутся и тѣмъ дѣло кончится. Есть въ пѣсняхъ примѣры отчаянія молодца: испытавши пренебреженіе къ себѣ отъ любимой дѣвицы, которая выпроваживаетъ его отъ себя [149]), молодецъ собирается ѣхать къ Дунаю и броситься въ воду [150]). Но есть примѣры и свирѣпой расправы козака съ измѣнившею ему дѣвицею. Пріѣзжаетъ козакъ къ дѣвицѣ и спрашиваетъ: для кого она устраивала и украшала свой дворъ. Получивши отвѣтъ, что не для него, а для другого, кого она полюбила [151]), козакъ схватилъ ее за бока и утопилъ [152]). (Для сравн. см. польскія Кольб. 5, 1, 80 и др.).

Есть распространенная повсюду легендарная пѣсня о трое-зельѣ, баснословномъ какомъ-то растеніи, въ нѣкоторыхъ варіантахъ царь-зельѣ [153]); содержаніе ея таково: дѣвица Марусенька захворала и пожелала, чтобы козакъ досталъ ей трое-зелье, обѣщая ему за то свою руку [154]). Козакъ отправился за море, нашелъ тамъ трое-зелье и сталъ его выкапывать изъ земли. Вдругъ закуковала кукушка и подала ему вѣсть, что Марусенька измѣнила ему и празднуетъ свою свадьбу съ кѣмъ-то другимъ [155]). Козакъ немедленно возвратился и доѣзжая до двора встрѣтилъ свадебный поѣздъ своей Маруси. Онъ приказалъ играть музыкѣ, а самъ пошелъ танцовать съ Марусею. Онъ схватилъ ее за лѣвую руку, а въ правую взялъ саблю и отрубилъ ей голову,

---

[149]) Сидлай коня да ѣдь зъ двора,
Бо ты не мій, я не твоя! (Чуб. V. 169).

[150]) Я жъ доѣду до Дунаю,
Да стану я подумаю.
„Вы, ангели, возьмить душу,
„Ты, рыбонько, возьми тило,
„Ты, риченько, ты быстрая,
„Выкинь кости на сушу!“ (ibid.).

[151]) За для того що вирно кохала (Чуб. V. 167).

[152]) Узявъ милый милу за билыи боки,
Кинувъ милу у Дунай глыбокій (ibid.).

[153]) Метлинск., стр. 104—105.

[154]) Ой хто мени трой-зильля достане,
То той мени дружиною стане.

[155]) Стала зозуля кувати:
Ой не копай, козаче, трой-зильля
Бо сёгодня въ Маруси весильля.

произнеся: вотъ тебѣ, Маруся, и трое-зелье; не начинай безъ меня своей свадьбы [156]).

Немалочисленный отдѣлъ между любовными пѣснями въ малорусской народной поэзіи составляютъ пѣсни о потерѣ дѣвической чести. И прежде бывали, и теперь есть молодцы съ эгоистическимъ легкомысліемъ относящіеся къ связямъ съ женщинами. Такой молодецъ въ малорусской пѣснѣ говоритъ о себѣ: хоть свѣтъ не малъ, а мнѣ въ немъ не нашлось четы; я не женился и только подговариваю чужихъ женъ [157]). За то ему и доставалось: много разъ его и псами травили, и подкарауливали, и еслибы только поймали, то вѣрно бы и убили [158]). У такого молодца разомъ двѣ возлюбленныхъ: одну онъ обнимаетъ и цѣлуетъ, а другая обливается слезами [159]).

Въ старыхъ козацкихъ пѣсняхъ соблазнъ дѣвицы козакомъ совершается нерѣдко подговоромъ къ побѣгу. Козакъ описываетъ чудеса въ томъ краю, куда хочетъ увлечь дѣвицу къ побѣгу вмѣстѣ съ собою [160]). Глупая дѣвочка послушала соблазнителя,

---

[156]) Зостривъ винъ Марусино весильля,
Звеливъ винъ музыки заграти,
А самъ пійшовъ зъ нею танцювати,
Взявъ же ѣи у ливую руку,
А шабельку у правую руку.
Мы жъ думали хмара зашумѣла,
А жъ въ Марусѣ головка злетѣла,
Отсе тоби, Маруся, трой-зильля
Не зачинай безъ мене весильля (Метл. 105. Максим. изд. 1827. 224).

[157]) Ци я несчасливый на сей свѣтъ родився?
Якій свѣтъ не малый, я ще не женився!
А я ходжу та й думаю, чужи жонки пидмовляю (Голов. III. 183).

[158]) Не разъ стою, та й боюся,
Та якъ на рожнѣ трясуся,
Не разъ, не два, псами чвали,
Та ще сами засѣдали.
Якъ бы були ймили
Були бы мя вбили! (Голов. III. 184).

[159]) Горе жъ тому козаченьку, що дви дивчины кохае.
Ще якъ одна та чорнявая, а другая та билявая.
А винъ съ тою чорнявою цилуеться, обнимаеться,
А тая биленька, що серцю миленька, слизоньками обливаеться (Чуб. V. 196).

[160]) Мандруй, мандруй, дивча, зъ нами,
Въ насъ криници рубленыи,

а не вѣщей кукушки, которая тогда же предостерегала ее и говорила, что она весь свѣтъ облетала, а того, что козакъ разсказываетъ не видала [161]). Прошли двѣ горы и вступили въ третью; наступаетъ ночь. Козакъ приказалъ дѣвицѣ стлаться. Тутъ увидала дѣвица, что худо. Меня мать не отдавала, чтобы я тебѣ стлала постель! сказала она [162]). Но ужъ было поздно. Своя воля погубила ее. Видитъ она: ходятъ въ долинѣ дѣвушки и рвутъ фіялки на вѣнки для себя на воскресенье. А она, бѣдная, уже не нужна для дѣвическаго общества и недостойна носить вѣнка [163]). Тогда дѣвица написала къ родителю письмо, въ которомъ выразила, что не нужно ей готовить вѣнка: уже она свой вѣнокъ потеряла, по своей глупости, подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ козакомъ [164]). Послѣдній пріемъ писанія письма къ родителямъ о своемъ паденіи очень любимъ въ народной поэзіи и встрѣчается часто. Между прочимъ такъ: Дѣвица, потерявшая свое дѣвство, ходитъ надъ моремъ и сѣетъ долю. Она поплыветъ по морю и доплыветъ до куста, гдѣ сорветъ листокъ и на немъ напишетъ письмо къ родителямъ, извѣ-

---

Въ насъ рики медяныи,
Въ насъ вербы грушки родять,
Въ насъ дивки въ злати ходять (Чуб. V. 335).

[161]) Подлетила зозуленька:
„Не слухай дивчинонько,
Бо я весь свитъ пролитала,
Золотыхъ горивъ не видала“ и пр. (ibid. 336).

[162]) Мене мати не давала
Що бъ я тоби постиль стлала (ibid. 335 для сравн. см. польскую Kolb. 5. 1. 28 и др.).

[163]) Ой тамъ ходять дивочки,
Та збирають фіялочки,
На недилю на вѣночки.
Я до дивокъ не потрѣбна,
Я до вѣнка не способна (ibid).

[164]) Най ся батько не турбуе,
Най вѣночка не готуе:
Ой вронила я вѣночокъ,
Чрезъ свій дурный розумочокъ:
Въ чистимъ поли, безъ неволи,
Пидъ яворомъ зелененькимъ,
Съ козаченькомъ молоденькимъ (Чуб. V. 335).

стивши ихъ о потерѣ вѣнка своего [165]). Море здѣсь символъ безъисходнаго горя, гибели, какъ вездѣ въ народной поэзіи. Въ другой пѣснѣ козакъ уговорилъ дѣвицу бѣжать съ нимъ и она терпитъ всякія лишенія. Это выражается въ такой формѣ: она спрашиваетъ, что̀ они будутъ постилать, когда придется спать [166]), чѣмъ покрываться [167]), чѣмъ, вставши отъ сна, умоются [168]), чѣмъ утрутся [169]). На все получаются отвѣты, показывающіе ожиданіе недостатковъ и лишеній, а вдобавокъ еще и суроваго обращенія съ нею. Дѣвушку, которую сманилъ съ собою запорожецъ, онъ потомъ водилъ босикомъ по морозу и тамъ съ нею любезничалъ [170]). Другую, сманившій ее козакъ привязываетъ къ соснѣ и зажигаетъ дерево [171]) (въ польской народн. поэзіи

---

[165]) Ходить дивка по надъ моремъ,
Сѣе долю изъ приполу.
— Пливи, доле, за водою.
Доплывемо до кущика,
Та й вырвемо по листочку,
Да спышемо по письмечку,
Пошлемо до отця, неньки,
Нехай много не турбують
И виночка не готують (Чуб. V. 345).

[166]) „Що будемо постилати?“
— Ой у тебѣ запашина,
— А у мене спрячина.

[167]) „Чимъ будемо укрываться?“
— Якъ наступить чорна хмара,
— То вона насъ покрывае.

[168]) „Ой чимъ будемъ умываться?“
— Я вмыюся росоньками,
— Ты вмыешься слизоньками.

[169]) „Чимъ будемо утираться?“
— Ой я утрусь китайкою,
— Тебе утру нагайкою! (Чуб. V. 191, 337).

[170]) Запорожець, моя мамцю, запорожець,
Вывивъ мене, моя мамцю, на морозець,
Ставъ винъ мене пригортати,
Стали мои били нижки примерзати (Чуб. V. 339).

[171]) Поѣдемъ до лису, нарубаемъ хмызу,
Запалимо сосну зъ верху до низу,
А сосонка горить, а дивчина говорить:
„Хто въ лиси ночуе, нехай голосъ чуе,
Сосна догорае, дивчина вмирае (Чуб. V. 324, см. ibid. 394).

есть пѣсни, гдѣ молодецъ, соблазнивши къ побѣгу дѣвицу, убиваетъ ее. Kolb. 5. 1. 28—72).

Обольщеніе дѣвицы обыкновенно происходитъ на вечерницахъ. Оттуда козакъ уводитъ ее въ густой лѣсъ, подъ зеленый яворъ, символически изображающійся въ пѣсняхъ свидѣтелемъ горя [172]). Употребляется какъ средство увлеченія и вино: козакъ напоилъ дѣвушку медомъ и виномъ и увелъ подъ бѣлую березу, гдѣ она лишилась невинности [173]). Бѣдная, опомнившись отъ своего обольщенія, хотѣла бы имѣть крылья: полетѣла бы она къ родителямъ, черезъ лѣса, ломала бы древесныя вѣтки, залила бы слезами луга, прилетѣла бы къ родному двору, упала бы она на калину, а съ калины перелетѣла бы на порогъ родительской хаты; воспоминанія о ласкахъ отца, о любви матери исторгаютъ у ней потоки слёзъ: горькая доля досталась ей въ удѣлъ [174]). Какъ все измѣнилось: вчера еще была она, какъ луговая калина, какъ огородная роза—а теперь поблѣднѣла она словно глина, стала похожа на руту, брошенную въ воду [175]). Какъ такая несчастная открывается матери въ своемъ паденіи—

---

[172]) Ой зрадивъ козакъ молоде дивча
На славныхъ вечорницяхъ:
Та завивъ ѣи въ густый лисокъ
Пидъ явиръ зелененькій (Чуб. V. 337).

[173]) Гей поставлю я кватирочку меду,
Таки тебе зъ розуменьку зведу,
Гей я поставлю кватирочку, другую,
Таки тебе зведу молодую...
Ще й дѣвчина меду не допила,
Пидъ березу головку склонила (Чуб. V. 347).

[174]) Ой колибъ я мала орловы крыла, соловейковы очи,
Я бъ полетила до свого батька темненькои ночи.
Лисомъ летила—гильля ламала,
Лугомъ летила—луги топила дрибными слёзами!
Якъ прилетила до свого батенька, та й сила на калину,
А съ калины та й сила на порози...
Якъ погадаю батькову щирность, обливають мене слёзы.
Я въ батька росла, въ матинки ся кохала,
Таки жъ бо я лихій доленьци зостала (Чуб. V. 338).

[175]) Вчора була якъ у лузи калина,
А сёгоднѣ стала якъ билая глина.
Вчора була якъ рожонька въ городи,
А тепера стала якъ рутонька въ води (Чуб. V. 346, 353—354).

объ этомъ существуетъ цѣлая пѣсня, повсюду распространенная. Мать вдова сердится на свою дочь и допрашиваетъ ее, гдѣ она дѣла свой дѣвическій вѣнокъ. Не смѣя открыться, она говоритъ, что уронила его въ воду, когда бѣлила полотно. Но когда мать сказала, что если такъ, то придется собирать громаду людей, чтобъ доставать упавшій въ воду вѣнокъ, дѣвица открывается: ѣхалъ, говоритъ она, черезъ рощу молодой козакъ, снялъ съ меня рутяной вѣнокъ и пустилъ его по водѣ, а дѣвица осталась съ бѣдою [176]). О, лучше было бы—говоритъ дѣвица матери въ отчаяніи: лучше было бы меня похоронить маленькою: теперь бы уже мать забыла, что у ней была когда-то давно дочь [177]). Мы знаемъ одну только пѣсню (впрочемъ распространенную во многихъ варіантахъ), гдѣ соблазнитель сознается въ своей ошибкѣ и желаетъ загладить ее. Козакъ, находясь на службѣ въ Польшѣ, получаетъ письмо и проситъ пана отпустить его домой, сознаваясь что оставилъ дѣвушку беременною [178]). Панъ его совѣтуетъ отказаться и сложить вину на кого-нибудь другого [179]). Козакъ не соглашается и утверждаетъ, что виною не

---

[176]) Удивонька дочку свою била:
„Де ты, доню, вѣнчикъ загубила?“
— За ричкою полотно бѣлила,
— Тамъ я, мамцю, винчикъ загубила!
„Суди, Боже, недилѣ диждати,
„Будемъ, доню, громаду збирати!“
— Шкода, мамцю, людей турбовати;
— Волю, мамцю, всю правду сказати:
— По пидъ гаемъ, гаемъ зелененькимъ,
— Ѣхавъ козакъ гожій, молоденькій;
— Изнявъ зъ мене винець рутяненькій!
— Покотивъ винчикъ по надъ водою: (и др. вар. за водою)
— Оставайся, дивчино, и зъ бидою! (Чуб. V. 413).

[177]) Ой було жъ мене, мати,
Малою поховати,
Подъ тією калиною,
Якъ була дитиною!
Ти бъ була бъ и забула
Що въ тебе дочка була (Чуб. V. 119).

[178]) Пусти жъ мене, пане, съ Польщи на Волыне,
Пише дивча листы що вже мае сына (Чуб. V. 343).

[179]) Можна, листы взявши та перечитавши, назадъ одослати,
А тую причину на иншого скласти (Чуб. V. 344).

кто-нибудь другой, а онъ самъ [180]). Козакъ ѣдетъ къ дѣвицѣ, находитъ ее больною, ласкаетъ, цѣлуетъ и увѣряетъ, что какъ только она оправится, такъ тотчасъ соединится съ нею бракомъ [181]).

Но такой козакъ въ пѣсняхъ одинъ только и составляетъ исключеніе. Другой еще все-таки, самъ будучи богатъ [182]), хочетъ вознаградить дѣвушку деньгами [183]). Но чаще разгульный молодецъ смѣется надъ жертвою собственнаго легкомыслія [184]), надъ ея безчестіемъ [185]), надъ ея слезами [186]), да еще хвастаетъ своимъ подвигомъ, надѣясь еще обмануть десять такихъ дѣвицъ [187]). Нѣтъ удержу вдовиному сыну—поется въ одной пѣснѣ: свелъ съума чужое дитя, самъ садится подъ яворомъ, играетъ на скрипкѣ и приговариваетъ: прощай, прощай, моя пріятная бесѣда! Ужъ я не твой, а ты не моя! [188]) Есть пѣсня, гдѣ по-

---

[180]) „Не можу я, пане, на инчихъ казати,
„Бо моя причина, буде Богъ карати!“ (Чуб. ibid.)

[181]) Козакъ пріѣзжае—родина витае,
Козакъ у свителку—дивчина хоруе.
Козакъ за рученьку—сердешне жалуе:
„Не журись, дивчино, Господь Богъ зъ тобою!
„Якъ ты выдужаешъ, визьму шлюбъ зъ тобою!“ (Чуб. V. 345)

[182]) „Молодый козаче, не зражай дивчины!
„Бо тая дивчина бидна сиротина!“
— А я за ту зраду сто червоныхъ кладу (Чуб. V. 353).

[183]) Ой высыпавъ на стилъ карбованцивъ двисти:
Отсе жъ тоби, мила, дорога спидниця (Чуб. V. 346).

[184]) Будь здорова, моя чорноброва:
Я парубокъ, а ты бидна вдова.
А теперъ же ты ни жинка ни дивка,
А теперъ же ты людьска поговирка (Чуб. V. 337).

[185]) Прощай, шельмо, вже я не боюся,—
Покаюся, та ще й оженюся;
Оженюся, возьму соби дивку,
А на тебе, шельмо, надинуть намитку (Чуб. V. 343).

[186]) Плакала, рыдала, слезы утирала,
Русою косою, биндою голубою, правою рукою (Чуб. V. 277).

[187]) Любивъ я тя, здрадивъ я тя, я й самъ то знаю,
Хоць я тебе едну здражу, то я десять маю (Чуб. V. 395. Гол. I. 253).

[188]) Нема вину вдовиному сыну,
Що звивъ зъ ума чужую дитину,
Сидить соби на скриночку грае:
— Будь здорова, любая розмова,
Вже я не твій, ты не моя! (Чуб. V. 275—411).

добный гуляка, встрѣчая въ слезахъ свою прежнюю любовницу, имъ обольщенную, приглашаетъ ее въ насмѣшку къ себѣ на свадьбу пировать [189]).

Послѣдствіемъ потери дѣвической чести естественно бываетъ появленіе незаконнорожденныхъ дѣтей. Тутъ положеніе дѣвицы становится крайне унизительнымъ и невыносимымъ, особенно когда на нее наложатъ намѣтку — уборъ замужней женщины, покроютъ ей голову, такъ какъ, по народному міровоззрѣнію, дѣвушкѣ, потерявшей честь, уже не дозволительно ходить съ открытыми волосами и съ лентами въ косахъ. Она съ этихъ поръ называется покрыткою и достигнуть такого положенія считается, а въ старь, еще болѣе чѣмъ теперь, считалось большимъ срамомъ. Пока дѣвушка не родила ребенка, ей возможно утаивать отъ свѣта свое паденіе, но тогда уже скрываться нельзя: надобно показаться покрыткою, чего всѣ дѣвушки очень боятся. Но молодца-соблазнителя не слишкомъ огорчала судьба его любовницы съ ея порожденіемъ. Дѣвица, качая дитя, плачетъ, а козакъ смѣется надъ нею, сѣдлая коня, чтобы улепетнуть подальше отъ ея упрековъ и ропота [190]). Она требуетъ, чтобы онъ взялъ ребенка, иначе грозитъ кинуть его подъ коня [191]). Если козакъ ей прежде давалъ подарки, то припомнитъ ихъ въ такую минуту [192]). Есть пѣсня, гдѣ дѣвушка приноситъ козаку

---

[189]) За густыми лозоньками,
Плаче дивка слизоньками.
Не плачъ, мила, не журися;
Ще я молодъ, не женився:
Ой якъ буду женитися,
Прійди, серце, дивитися (Чуб. V. 187).

[190]) Тамъ у лузи при долини
Колыхала дивчина дви дитины,
Колыхала и плакала:
„Чого я, моцный Боже, дождала!“
А винъ стоить, ничого не мовить,
Осидлавши коня, смишки строить (Чуб. V. 354).
или:
Плаче дивчина, дитину гойдаючи,
Сміеться козакъ, коника сидлаючи (Чуб. V. 342).

[191]) Ой на тоби, козаче, дитину,
Бо далебо пудъ коника пудкину! (ibid.)

[192]) Умила дивчина подарочки брати,
Умій дитину колыхати (ibid.)

его дитя и угрожаетъ закинуть въ крапиву, а сама она пойдетъ на Украину, гдѣ ее не знаютъ и гдѣ будутъ признавать ее за непорочную дѣвицу [193]).

Въ другой пѣснѣ, очень распространенной повсюду въ различныхъ варіантахъ, козакъ предлагаетъ такой дѣвушкѣ одно за другимъ—овецъ, коровъ, кадь масла, кадь сыра и т. п. съ тѣмъ, чтобы она кормила ребенка и не показывала бы на него, а на кого-нибудь иного — хоть бы на стараго дѣда. Дѣвушка не соглашается и козакъ долженъ былъ все таки, приплатившись ей, взять на свое попеченіе ребенка, хотя жалуется, что ему за то набьютъ палками спину [194]). По послѣднимъ чертамъ можно догадываться, что этотъ козакъ запорожецъ, такъ какъ у запорожцевъ за незаконное сожитіе съ дѣвушкой наказывали палками.

Въ одномъ варіантѣ этой пѣсни является еще третье лицо — мать козака, которая загоняетъ его съ сѣнокоса, гдѣ онъ видался съ дѣвушкою, называемою въ этомъ варіантѣ Марійкою. Мать остерегаетъ его, что эта Марійка (только что передъ тѣмъ приносившая къ нему на сѣнокосъ ребенка) заберетъ у него все его достояніе. Козакъ отвѣчаетъ, что если и такъ станется— пусть пропадетъ его достояніе, а онъ ни за что не обвѣнчается съ Марійкою [195]).

Въ другой пѣснѣ подобнаго содержанія покинутая дѣвушка

---

[193]) Дивчина зъ ольшины выходить,
И на ручкахъ дитину выносить.
„Ой на тоби, козаче, дитину,
„Якъ не возьмешъ, на межи покину,
„Я дитину въ крапиву укину,
„Сама пійду у свитъ на Вкраину,
„Та не будуть мене люди знати,
„Будуть мене дивчиною звати“ (Чуб. V. 347).

[194]) Ой тамъ козакъ дрибны листы пише,
И ногою дитину колише:
Люли, люли, муй сынку,
Дадуть мени сто палокъ на спинку (Чуб. V. 346—347).

[195]) „Ой сыну Василю, иди жъ ты до дому,
„Забере Марійка всю твою худобу!“
— Нехай забирае, худобу добуду,
А таки вѣнчатись зъ Маріею не буду!

съ ребенкомъ сидитъ на постелѣ въ коморѣ, клянетъ свое легкомысліе [196]), и увидя чрезъ окно своего соблазнителя, который гарцуетъ на конѣ, обращается къ нему съ упрекомъ за его къ ней невниманіе. Ей посылается насмѣшливый отвѣтъ [197]). Дѣвушка разражается отчаяннымъ возгласомъ: теперь мнѣ хоть изъ моста въ воду, а уже не войти членомъ въ свою семью [198]). Но козакъ на это не посмотритъ: много ночей провелъ онъ безъ сна, соблазняя молоденькую дѣвицу; теперь поѣдетъ онъ куда-то прочь, а дѣвушка пусть трубитъ себѣ въ кулакъ [199]). Останется она живымъ укоромъ для матерей, чтобъ не пускали своихъ дочекъ по ночамъ и научали бы ихъ не любить козаковъ и не вѣрить ихъ словамъ, подобнымъ пѣнѣ на морѣ [200]), а своимъ сверстницамъ дѣвицамъ послужитъ она своимъ наставительнымъ примѣромъ [201]). Есть пѣсня, гдѣ соблазняетъ дѣвушку

---

[196]) Що бъ я була матусеньки слухала,
Була бы я дивонькою гуляла.
Не слухаламъ ни матинки, ни отця,
Послухала козаченька—подлеця (Чуб. V. 347).
Въ коморонци кроватонька тисова,
На кроватоньци периночка пухова,
На периночци дивчинонька молода,
Билой ручкой дитя мале взяла (ibid. 348).

[197]) Ой гляну я въ новую кватирку,
Десь мій милый на конику выграе,
До мене а ни окомъ не выгляне.
„Що жъ ты, милый, думаешъ-гадаешъ,
„Що до моій кватирочки и не поглядаешъ?“
— Ой я тебе думаю-гадаю,
— Що до тебе окомъ не вгляну! (Чуб. V. 348).

[198]) „Теперъ мени хоць зъ мосту та въ воду,
А вже жъ мени не признаться до роду“ (ibid).

[199]) Не спавъ ничку, не спавъ другую,
Извивши зъ розума дивчину молодую.
А теперъ осидлаю коня вороного,
Та й поѣду изъ двора нового.
Теперъ, дивчино, затруби соби въ кулакъ,
Що звивъ зъ розуму молоденькій козакъ (Чуб. V. 408).

[200]) Ой сусиды панѣ-маточки, навчайте свои дочки,
Що бъ по ночамъ не ходили, козаченькивъ не любили...
И вироньки не доймали и правдоньки не казали..
У козака вира, якъ на мори пѣна (Чуб. V. 352).

[201]) Вы, дѣвчата, мои голубочки, не діймайте козакамъ вѣры,
Я молода вѣры діймала, теперъ же я на вѣки пропала (Чуб. V. 353).

ляхъ съ своими товарищами земляками. Они увезли ее изъ родительскаго дома въ Кіевъ, но мать, спохватившись, что дочери нѣтъ, послала въ погоню сыновей, которые догнали сестру въ Полтавѣ и требовали, чтобъ она отдала имъ на расправу своего ляха и ѣхала бы съ ними къ матери [202]). Дѣвушка умоляла ихъ пощадить ляха, но они не послушали ее, изрубили ляха и забрали все богатство, какое было съ нимъ [203]) *).

По всему надобно считать варіантомъ этой пѣсни и подобную галицкую пѣсню, гдѣ описывается, какъ сманили дѣвицу не ляхи, а прямо молодцы, называемые даже козаками. Мать посылаетъ въ погоню сыновей, которые умертвили соблазнителя сестры своей медленнымъ изрубленіемъ, съ приговорами: вотъ тебѣ за подговоръ! Вотъ тебѣ за сестру нашу! Вотъ тебѣ конецъ [204]).

Стыдъ, какъ послѣдствіе потери дѣвической чести, приводитъ иногда къ трагическимъ событіямъ дѣтоубійства. Въ пѣсняхъ встрѣчаются эти черты, хотя не въ большомъ количествѣ. Есть повсюду распространенная пѣсня о ковалевой дочери Катеринѣ, пѣсня тѣмъ замѣтная, что одно и то же собственное имя вездѣ

---

[202]) Що ты, сестро, наробила,
Нашу матѣръ спечалила.
Вона тебе проклинае,
Сама зъ туги помирае.
Ой велѣла тобѣ мати
Недовѣрка покидати.
Мы тебе къ собѣ пріймаемъ,
А ляшка твого зрубаемъ (Максим. изд. 1827. 123).

[203]) Що хочете вы робите
Тильки ляшка не рубите.
Братьтя Гали не слухали,
Срѣбло злато все побрали
И ляшенька порубали (ibid).

*) Подобнаго содержанія польскія пѣсни Kolb. 5. 1. 241—252.

[204]) Скоро вни го забачили,
Ручку ножку му одтяли,
Якъ го втяли коло пальця:
„На жъ ти, Ясю, намовляньця!
Якъ го втяли коло пасу:
„На жъ ти, Ясю, сестру нашу;
Якъ го втяли коло шіи:
„Нашъ ти, Ясё, южъ не жіе!“ (Голов. I. 86—87).

удерживается, тогда какъ большею частью собственныя имена въ пѣсняхъ видоизмѣняются. Дочь коваля Катерина родила сына, тайно утопила его въ колодцѣ и обращается къ буйному вѣтру, чтобъ онъ нанесъ тучу, изъ тучи полился бы дождь и залилъ всѣ тропинки, чтобы люди не ходили къ колодцу и не будили ея сына. Ея преступленіе было извѣстно отцу, такъ какъ въ пѣснѣ говорится вначалѣ, что коваль (кузнецъ) не работаетъ отъ тоски [205]). Въ другой пѣснѣ единственная дочь вдовы (вдовы единиця) родила дитя. Виновникъ этого козакъ даетъ ей корову и червонцы съ тѣмъ, чтобъ она кормила ребенка [206]). Но когда козакъ пошелъ въ корчму пить—единица вдовина понесла топить дитя свое [207]). Есть у насъ еще одна пѣсня объ Оленочкѣ, которую въ Харьковѣ ведутъ въ тюрьму [208]) за дѣтоубійство и

---

[205]) Ой ты ковалю коваленьку
Чомъ ты не куешъ рано-пораненьку?
Ой да нихто того горя не знае,
Що коваленька журба обнимае.
Ой ковалева дочка Катерина
Вона соби сына породила,
Въ глыбокимъ колодязи потопила,
Да за ворота право выходила.
Зъ буйнымъ вѣтромъ говорила:
Да повій вѣтре буйненькій,
Да нажени хмарку чорнесеньку,
Да спусти дожчикъ дрибнесенькій,
Да замый стежки й дорожки,
Щобъ туды люде не ходили,
Зъ колодязя воды не носили,
Що бъ мого сына не будили (въ др. вар. не ворушили),
Що бъ мого серця не сушили (изъ моего рукописн. сб. ср. Чуб. V. 363. Макс. изд. 1827. 73).

[206]) Ой гуляла единиця рикъ якъ годину,
Выгуляла единиця маленьку дитину,
Сидить козакъ въ концѣ стола, дрибны листы пише,
А вдовина единиця дитину колише.
Ой дамъ тоби, единице, корову рябую
Годуй, годуй, единице, дитину малую.
Ой дамъ тоби, единице, червонця на страву,
Годуй, годуй, единице, козацькую славу (Чуб. V. 363).

[207]) Иде козакъ до корчмы пити,
А вдовина единиця дитину топити (ibid.).

[208]) У городѣ, у Харьковѣ задзвонили дзвоны,
Що бъ усѣ люди, усѣ паны до церкви ишли
А всѣ люди, усѣ паны до церкви идуть

она провожающей ея матери даетъ совѣтъ не пускать на вечерницы другихъ своихъ дочерей [209]).

Въ малорусской любовной поэзіи не маловажную роль играютъ чары. Народное вѣрованіе приписываетъ тайную силу, сообщаемую чародѣйствомъ зельямъ и другимъ предметамъ и дѣйствующую на человѣческій организмъ, большею частью зловредно. Отрава всегда однозначительна съ чарами. Женщина, занимающаяся собираніемъ травъ и знающая ихъ волшебное свойство, называется чаровницею. Иногда такая чаровница старуха, иногда же молодая дѣвушка, употребляющая свое знаніе таинственныхъ силъ надъ тѣмъ, съ которымъ находится въ любовныхъ отношеніяхъ. Въ пѣсняхъ, преимущественно съ чарами является дѣвица, иногда съ цѣлью приворожить молодца, но чаще съ цѣлію отомстить за измѣну, и въ послѣднемъ случаѣ чары выражаются отравою. Самый невинный способъ чарованія— прикрытіе слѣда милаго человѣка: это дѣлается съ цѣлью, чтобъ его не полюбили другія особы женскаго пола, а онъ бы всецѣло принадлежалъ той, которую полюбилъ прежде [210]). Въ другой пѣснѣ берутъ песокъ изъ подъ ногъ молодца и производятъ надъ нимъ чародѣйственные пріемы, чтобы привязать молодца къ дѣвушкѣ [211]). Въ одной пѣснѣ разсказывается, что козакъ, бывшій въ чужой сторонѣ, возвращается къ семьѣ своей [212]), но случайно встрѣчается съ дѣвицею, которая полюбила его и причаровала [213]) съ тѣмъ, чтобы онъ уже не ѣздилъ къ своей семьѣ,

---

Молодую Олеиочку до турми ведуть.
За нею йде стара мати, все плаче й рыдае...

[209]) Есть у тебе, стара мати, да ще дочекъ пьять:
Не пускай ихъ на вечерницѣ—нехай дома сплять.
Бо на вечерницяхъ хатка маленька, а всѣ долѣ сплять,
Биля кажнои дивчинонъки женихѣвъ по пьять (Ср. Чуб. V. 891. подобн. Голов. I. 54. III. 26. 226. Для ср. подобныя польскія Kolb. 5. 1. 151—169).

[210]) Пійду я въ лисочокъ, вырву я листочокъ,
Я покрыю свого миленького слидочокъ,
Що бъ витеръ не звіявъ, пташки не склювали,
Що бъ мого милого ниши не спріяли (Чуб. V. 46, 212, 282).

[211]) Брала писокъ съ пидъ моихъ нижокъ, мене чарувати (Чуб. V. 263).

[212]) Есть у мене жинка и маленьки дити (Чуб. V. 272).

[213]) Молода дивчина козака любила
Любила, любила. та й причарувала (Чуб. V. 271).

а остался бы навсегда съ нею. Скрывая отъ него свой умыселъ и видя, что онъ торопится къ любимой семьѣ, она снаряжаетъ его къ отъѣзду изъ ея жилища и подаетъ ему поужинать наскоро хлѣба и рыбы [214]). Тутъ-то и были поддапы козаку чары. Онъ хотѣлъ бы къ своей женѣ и дѣткамъ на крыльяхъ летѣть [215]), а она ему говоритъ: далеко къ нимъ на крыльяхъ летѣть; оставайся-ко со мною ночевать [216]). Козакъ не устоялъ противъ искушенія, и потомъ дѣвушка говоритъ ему, что теперь уже не летать ему къ семьѣ своей, а придется здѣсь коротать свой вѣкъ, и здѣсь найти козацкую смерть [217]). Но въ пѣсняхъ, главная сила очарованія приписывается женской красотѣ, такъ что собственно чародѣйственныя снадобья только какъ бы помогаютъ этой естественной силѣ. Въ той же пѣснѣ козакъ говоритъ, что онъ полетѣлъ бы къ семьѣ своей, да дѣвица прижгла ему душу—не огнемъ, не водою, а своею красою [218]). Такъ и въ другой пѣснѣ, гдѣ дѣвушка очаровываетъ молодца выбираніемъ слѣда изъ подъ ногъ его, онъ говоритъ ей: ну, очаровывай, коли такъ пришлось, когда я полюбилъ твое бѣлое лицо и чорныя брови [219]). Ту же мысль встрѣчаемъ въ одной очень распространенной пѣснѣ. Дѣвица, покинутая молодцомъ, нашла въ лѣсу чародѣйственный корень, выкопала и стала варить, но еще не

---

[214]) Та вынесла рыбку ще й хлѣба скибку:
Отсе тоби, серденько, вечеря на швидку (ibid.).

[215]) Ой радъ бы я, серденько, на крылахъ летити (Чуб. V. 272).

[216]) Далеко, далеко крылами летати,
Зоставайся, серденько, зо мною ночувати (ibid.).

[217]) Вже тобѣ, серденько, до ихъ не лѣтати,
Вже тобѣ, серденько, тутъ вѣкъ коротати,
Кучерявымъ чубомъ степъ устѣлати,
Своимъ бѣлымъ тѣломъ воронъ годувати,
Жовтою костью мосты вымощати,
Червоною кровью моря доповняти (Чуб. V. 273).

[218]) Полетѣвъ бы да не мушу,
Припалила дѣвчина душу,
Ой чи огнемъ, чи водою, чи своею хорошою вродою?
Нѣ огнемъ, нѣ водою, а своею хорошою вродою (Чуб. V. 273).

[219]) Чаруй, чаруй, молода дивчино, коли довелося,
Коли твое та биле личко зъ моимъ понялося,
Коли жъ твои та чорни брови
Прійшлись до любови (Чуб. V. 263).

успѣлъ вскипѣть этотъ корень, какъ уже прилетѣлъ козакъ. Зачѣмъ же прилетѣлъ, когда не захотѣлъ любить? спрашиваетъ дѣвица. Какъ же мнѣ не летать, когда умѣешь чаровать? сказалъ молодецъ. О, есть у меня чары — бѣлое лицо и чорныя брови! отвѣчала дѣвица [220]).

Употребляются чары не только для того, чтобы приворотить молодца къ дѣвицѣ, но также и съ цѣлью отворотить отъ ней. Такъ въ одной пѣснѣ козакъ, встрѣчая дѣвицу съ водою въ ведрахъ, проситъ напиться, а она ему отвѣчаетъ, что мать не велѣла давать этой воды; какъ принесетъ она ее домой — примутся чародѣйствовать, а какъ онъ придетъ къ нимъ вечеромъ, такъ ему опутаютъ чарами руки, ноги и глаза, чтобъ онъ не ходилъ къ другой дѣвицѣ, и не любилъ другихъ [221]). Въ другой пѣснѣ, которая, кажется, измѣненный по содержанію варіантъ предыдущей, несущая воду дѣвица отвѣчаетъ козаку, что она опутаетъ его чарами для того, чтобъ онъ къ ней не ходилъ болѣе и молодецъ укоряетъ ее, что прежде ласкали его, а теперь не хотятъ уже его видѣть, потому что появились другіе молодцы [222]).

---

[220]) А ще коринь не скипивъ,
А вже козакъ прилетивъ.
„Ой чогожъ ты прилетивъ,
Коли любить не схотивъ?“
— Якъ же менѣ не литати
Коли вміешъ чарувати?—
„Ой е въ мене чароньки:
„Биле личко, бровоньки!“
(Запис. въ Харьк. губ. ср. Голов. I, 225—226. Чуб V. 414. Макс. изд. 1827. 227. Голов. III. 29. 189).

[221]) Тамъ дивчина воду несла, коромысло гнеться.
„Дай, дивчино, воды пити, бо серденько бьеться.“
— Не казала мени мати сеи воды дати,
Якъ прійдешъ у вечери, будемъ чарувати:
Очаруемъ руки, ноги и чорныи очи,
Що бъ не ходивъ до иншои темненькои ночи.
Бодай тебе, козаченько ворота прибили,
Що бы тебе писля мене инши не любили... (Чуб. V. 421).

[222]) — Ой дай мила, ой дай мила зъ видра воды пити,
— Ой чи якъ перестану за тобой тужити!—
„Не дамъ, не дамъ зъ ведра воды, не казала мати
„Прійди, прійди самъ зъ вечира, буду чарувати.

Опутанный чарами молодецъ подвергается тоскѣ. Онъ проситъ свою мать положить ему за пазуху руку, не станетъ ли ему оттого лучше на сердцѣ. Мать отвѣчаетъ: не поможетъ тебѣ и рука моя, что тебѣ надѣлала злодѣйка дѣвица [223]). Мать узнаетъ, что дѣвица чаровала надъ пескомъ, взятымъ изъ подъ его ногъ и поила его водой изъ зеленаго брода [224]). Сама дѣвица сознается, что творила чары и что ей извѣстно такое зелье, что когда онъ напьется, то сразу полюбитъ [225]). Существомъ, занимающимся чародѣйствомъ, считается цыганка, и въ народномъ воззрѣніи и въ пѣсняхъ. Молодецъ проситъ у ней такого средства, чтобы дѣвица вступила съ нимъ въ супружество и цыганка стрижетъ коню гриву, для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья (вѣроятно молодца [226]). Въ другой пѣснѣ, очень похожей по складу на первую, дѣвица прибѣгаетъ къ цыганкѣ съ просьбою причаровать къ ней молодца [227]). По одному варіанту цыганка, отрѣ-

---

„Обчарую руки ноги, обчарую очи
„Щобъ до мене не ходили темненькои ночи."
— Перше-сь мене голубила сама-сь ми мовила,
— Теперъ хочешъ що бы-сь мене бильше не видила,
— Якъ узяли бильше людей къ тоби прибувати,
— А ты мене, молодого, взяла чарувати (Голов. I. 286—287).

[223]) „Ой ты, стара пене, та сядь коло мене,
„Заклади ручину та й за пазушину,
„Чи не полегчае моему серденьку?"
— Вже тоби не поможе и моя ручина,
— Бо щось учинила та превража дивчина (Чуб. V. 420).

[224]) „А то тоби, мій сыночку, дивчина наробила,
„Брала писокъ зъ пидъ билыхъ ногъ та вычарувала,
„Брала воду зъ зеленого броду, тебе наповала!" (Чуб. V. 423).

[225]) „Чи ты мени зильля дала у горильци спити,
„Що я тебе такъ узявся вирненько любити?"
— Ой яжъ тоби, мій миленькій, зильля не давала,
— Слидокъ брала, къ серцю клала, що вирно кохала.
— Есть у мене таке зильля, биля перелазу
— Якъ дамъ тоби напитися, полюбишъ одъ разу (Чуб. V. 418)

[226]) „Цыганочко-вороженько вчини мою волю
„Чи не стане дивчинонька дошлюбу зо мною".
Цыганочка-вороженька волю учинила
Сивому кониченьку гриву устригла,
Бодай тебе, дивчинонько, вся семья любила! (Чуб. ibid.).

[227]) Цыганочко-вороженько вчини мою волю
Очаруй ты козаченька, що бъ винъ живъ зо мною... (ibid. 418—419).

завши у коня часть гривы обкуривала дѣвицу [228]), и это произвело такое дѣйствіе, что козакъ сталъ убиваться за этой дѣвицей [229]); по другому варіанту, цыганка, отрѣзавши часть русой косы дѣвицы, напоила ее съ коварною цѣлью, чтобъ ее не любила ни челядь на улицѣ, ни родная мать, которая не пускала бы ее на улицу [230]).

Вечерницы изображаются опаснымъ мѣстомъ, гдѣ чаровницы наносятъ вредъ молодцамъ своими чарами [231]). Есть очень распространенная пѣсня о Грицѣ, котораго дѣвица зазвала къ себѣ на вечерницы [232]). Въ пѣснѣ описывается цѣлая недѣля, когда совершается преступленіе. Въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ приготовляется отрава [233]), въ среду Гриць отравленъ [234]), въ четвергъ онъ умеръ [235]), а въ пятницу его схоронили [236]). Въ субботу мать чаровницы допрашиваетъ ее, за что она свела со свѣта Гриця и получаетъ отвѣтъ, за то, что Гриць любилъ двухъ дѣвицъ [237]), а не одну ее. Въ другой пѣснѣ ядовитое зелье, которымъ отравляетъ дѣвица молодца, называется «коханъ-зѣльля»

---

[228]) Увирвала да съ коня гривы, дивчину курила (Чуб. V. 419).

[229]) Молоденькій козаченько якъ рыбонька бьеться
Молодая дивчинонька зъ козаченька сміеться (ibid.).

[230]) Уризала русои косы, іи напоила
Що бъ ѣи молодои челядь не любила;
Не такъ челядь, якъ ридная мати,
Не пускае на улицю межъ челядь гуляти (Чуб. V. 420).

[231]) Не йди, сынку, на вечерници,
Де дивчата чаривници,
Держать чары на полици (Чуб. V. 421).

[232]) „Ой ты, Грицю, дорогій кришталю,
„Чи ты не знаешъ, де я мишкаю?
„Моя хатина близько криници
„Прійди до мене на вечерници!“ (Чуб. V. 431).

[233]) Въ недилю рано зильля копала,
Въ понедилокъ рано зильля пополоскала,
Въ вивторокъ рано—зильля варила (ibid. 429).

[234]) Въ середу рано Гриця отруила (ibid.).

[235]) Прійшовъ четвергъ—вже Гриць померъ (ibid.).

[236]) Прійшла пьятниця—поховали Гриця (ibid.).

[237]) Въ суботу рано мати дочку била:
На що ты, суко, Гриця отруила?
Охъ мати, мати, жаль ваги не мае,
Нехай Грицуне насъ двохъ не кохае (Чуб. V. 429—430).

т.-е. любовное зелье [238]). Дѣвица подаетъ молодцу отраву то въ стаканѣ съ медомъ [239]), то въ пирогѣ [240]), то въ перепелкѣ, сжаренной въ маслѣ [241]); въ пятой пѣснѣ, носящей печать вліянія великорусскаго пошиба, отравленнаго молодца хоронятъ, за гробомъ его съ плачемъ идутъ родители, а злодѣйка стоитъ у своихъ воротъ и насмѣхается [242]). Въ одной галицкой пѣснѣ, отравленный дѣвицею молодецъ, чувствуя скорую смерть, проситъ мать не преслѣдовать отравительницу, чтобы она его не проклинала, потому что ему тогда будетъ трудно умирать [243]). Отрава не всегда влечетъ послѣ себя скорую смерть. Мать съ дочерью грозятъ молодцу, что его постигнетъ такая бѣда, что онъ будетъ сохнуть-увядать, семь лѣтъ лежать въ постелѣ и желать смерти, а смерти ему долго не будетъ [244]). Подобно тому въ одной пѣснѣ молодецъ, любившій разомъ трехъ дѣвицъ, былъ одною изъ нихъ отравленъ, и хотя не умеръ сразу, но не могъ отъ

---

[238]) Дала дивчинонька казакови коханъ-зильля спити,
Що бъ ёму молодому на свити не жити (Чуб. V. 429).

[239]) Соби меду наварю та й у гости позову,
Козаченька молодого на ослинци посажу,
Стаканъ меду пиднесу, зло-кориньнямъ отрую (Чуб. V. 435).

[240]) Прійшовъ Василь до дивчины, тай сивъ на порозѣ,
Вона ему дала чары въ пшеничнымъ пирози:
Въ еднимъ рази у пирози шавлія и рута,
Въ другимъ рази у пирози проклята отрута
Гадиночка люта (Чуб. V. 434. 436).

[241]) Ой пиславъ я до дивчины Насти,
Дала вона мени перепилку въ масли.
Ой иззивъ же я по крыльце и реберце,
Пидперло мене пидъ груди, пидъ серце (Чуб. V. 435. Голов. III. 163).

[242]) Зъ вечора удалый молодчикъ все пивъ и гулявъ,
А къ пивночи удалый молодчикъ Богу душу отдавъ.
А у недилю въ обидню годину везуть хоронить,
За нимъ иде отець,—ненька розбивається,
Стоить шельма на новыхъ воротахъ—насмихається (Чуб. V. 432).

[243]) Якъ мѣ дала склянку вина, треба умирати,
Не позывай, моя мати, богацькую дочку,
Богацькая дѣвчинонька буде проклинати,
Буде мнѣ молодому тяжко умирати (Голов. III. 161).

[244]) Изосохнешъ, изовьянешъ якъ рожева квѣтка,
У постели лежатимешъ смерти бажатимешъ,
У своеи матусеньки воды прохатимешъ.
Сѣмъ лѣтъ трясця труситеме, а смерти не буде (Чуб. V. 422.
Метл. 86).

безсилья ни пахать, ни косить [245]), ни молотить [246]) и помышлялъ только о смерти [247]). Это то, что въ народномъ вѣрованіи называется «даваньня». Малороссіяне вѣрятъ, что чародѣйки находятъ средства нагнать на человѣка тоску, упадокъ силъ и не причиняя сразу смерти, медленно уничтожать его тѣлесный организмъ. (о чарахъ великор. ср. Шейна I. 327—329).

Обыкновенно въ пѣсняхъ представляется, что дѣвица отравляетъ молодца изъ мщенія за невѣрность, но есть пѣсня, гдѣ по наущенію молодца, дѣвица отравляетъ своего брата. Это пѣсня о Сербинѣ. Дѣвушка говоритъ молодцу, чтобъ онъ ее сваталъ, а молодецъ Сербинъ отвѣчаетъ, что боится ея брата, и если бы она отравила своего брата, тогда онъ бы ее сваталъ [248]). Дѣвица говоритъ, что умершіе ея родители не научили ее чародѣйствовать [249]). Тогда Сербинъ научаетъ ее, какъ достать змѣинаго яда. [250]) Въ другомъ варіантѣ вмѣсто Сербина искусителемъ является армянинъ [251]), а въ иныхъ—просто козакъ [252]).

---

[245]) Не здужаю, брате, на воли гукати
Не здужаю, брате, косы волочити (Чуб. V. 364).

[246]) Не здужаю, брате, ципа поднимати (ibid.).

[247]) На що жъ мени, мати, людей старыхъ ськати,
Треба жъ мени, мати, заступа, лопаты,
Дубовои хаты, глыбокои ямы (ibid. 365).

[248]) Ой Сербине, Сербиночку!
Возьми мене дивчиночку!
Взявъ бы я тебе небого,
Якъ счаруешъ брата свого (Ср. Голов. I. 206. II. 583).

[249]) А вмеръ батько, вмерла мати,
Не навчила чарувати (Чуб. V. 433).

[250]) Ой у лисѣ на ялини
Ой тамъ висить три гадины,
На гадину сонце пече,
А зъ гадины ропá течé.
Пидставъ, дивча, коновочку
Пидъ гадючу головочку (Чуб. V. 432).

[251]) Тамъ вармяне пасли кони
Пасли жъ вони попасали
Дивчиноньку пидмовляли:
„Мандруй, мандруй дивчя зъ нами,
Зъ молодыми вармянами:
— Ой рада бъ я мандрувати,
— Коли буде мій братъ знати.
„Счаруй, дивча, брата свого,
„Иди за мене молодого!“ (Чуб. V. 433).

[252]) Ой козаче, козаченьку
Сватай мене молоденьку (ibid.).

Дѣвушка къ пріѣзду возвращающагося брата наварила пива, подкинула туда яда и поднесла брату, какъ только онъ подъѣхалъ къ ея порогу [253]). Во многихъ варіантахъ фабула оканчивается тѣмъ, что искуситель не женился на преступницѣ, опасаясь, чтобъ она съ нимъ не сдѣлала того же, что съ братомъ [254]). Она вышла за нищаго и носила за нимъ мѣшокъ съ выпрошенными кусками хлѣба, претерпѣвая подчасъ отъ него побои [255]). Въ варіантѣ галицкомъ выхода въ замужество за нищаго—нѣтъ. (Подобнаго содержанія польская пѣсня у Кольберга. 5. 1. 134).

Хотя обыкновенно отравительницами въ пѣсняхъ являются дѣвушки, но видно, что чародѣйская наука изъ поколѣній въ поколѣнія переходитъ отъ старыхъ къ молодымъ и дѣвицы научаются чародѣйственнымъ тайнамъ отъ женщинъ-вдовъ. Въ одной пѣснѣ молодецъ, не взлюбивши дѣвушки и предпочитая ей вдовицу, говоритъ, что у вдовицы стоятъ на полкѣ приготовленныя чародѣйственныя снадобья [256]). Въ другой пѣснѣ говорится о трехъ бабахъ чаровницахъ: изъ нихъ одна околдовывала коровъ (занятіе вѣдьмъ, по народнымъ вѣрованіямъ, пор-

---

[253]) Братъ пріѣхавъ зъ дароньками,
Сестра къ брату зъ чароньками,
„Ой на, брате, сего пива,
„Що я вчора наробила“.
Якъ братъ пива да й напився,
По конику покотився.
— Що се, сестро, да й за пиво
— Коло серця заварило! (Чуб. V. 432).

[254]) „Ой Сербине, Сербиночку,
„Бери мене дивчиночку,
„Вже ся не бій брата мого,
„Строила мъ го рожоного“.
— Не возьму тя, дивчинонько,
— Строила сь ты брата свого,
— Брата свого рожоного,
— Строишъ й мене молодого (Голов. I. 207. Голов. II. 583).

[255]) Пишла дѣвка за жебрана,
Жебранъ ходить хлиба просить,
А дивчина торбы носить.
Жебранъ хлиба що выпросить, то все въ торбу,
А дивчину та все въ морду (Чуб. V. 433).

[256]) А въ вдовици дви свитлици гарни вечерныци,
Стоять чары завъязани въ горшку на полици (Чуб. V. 423).

тить чужихъ коровъ), другая занимается тѣмъ, что разстроиваетъ домашнее житье-бытье, а третья—разлучаетъ дѣвицъ съ ихъ милыми [257]). Въ одной пѣснѣ указывается на вѣрованіе, что есть возможность чародѣйственнымъ способомъ устроить на пути преграду между желающими видаться. Дѣвица говоритъ своему милому, что ей нѣтъ возможности ни придти къ нему, ни поговорить съ нимъ, потому что тропинка опутана чарами [258]). Молодецъ говоритъ, что когда онъ поѣдетъ на своемъ конѣ, тогда чары потеряютъ свою силу: вороной конь черезъ нихъ перескочитъ [259]).

ГЛАВА III.

Сватьба.

Сватовство.—Сговоръ или заручины.—Суббота. — Гильце.—Коровай.—Дѣвичъ-вечеръ.—Расплетаніе косы.—Вѣнчаніе.—Пріѣздъ жениха за невѣстою.—Игра въ войну. — Братъ невѣсты. — Подарки. — Ужинъ у невѣсты.—Отъѣздъ новобрачныхъ изъ дома невѣсты.—Комора.—Перезва.

Сватьба—эпоха полнаго расцвѣта молодости, эпоха высшаго торжества въ скромной жизни поселянина, рѣдко выдвигающейся за предѣлы однообразнаго домашняго быта. Сватьба — время самое веселое, на всю остальную жизнь незабвенное, оно въ малорусской рѣчи даже носитъ нарицательное имя веселья (весильля). Нѣкоторые привыкли думать, что вообще въ мужиц-

---

[257]) Ой пійду я на воду—тамъ коло броду,
Тамъ три бабы чаривници набирають воду,
Една бабонька чаривниченька що коровы чаруе,
Друга бабонька чаривниченька що мишканьнячко псуе;
Третя бабонька чаривниченька що зъ чорными очима
Ой тая мене зъ моимъ миленькимъ та и розлучила (Голов. I. 271).

[258]) Ой горами, мій милый, горами
Перепъята стежка чарами,
А ни прійти, а ни перейти,
Ни съ тобою говорити (Чуб. V. 193).

[259]) Тогди будешъ, мила, говорити,
Якъ я буду коникомъ ѣздити.
Тогди горы розійдуться
Тогди чары розильлються (ibid.).

комъ быту нѣтъ обоюднаго выбора въ бракѣ и господствуетъ авторитетъ старшихъ и насиліе. Ошибаются, если полагаютъ, что такое существуетъ во всей жизни малорусской. Принудительные браки по волѣ старшихъ, такъ часто совершаемые у великоруссовъ, у малоруссовъ бываютъ рѣже. Супружества зачинаются чаще всего по взаимному желанію жениха и невѣсты и это вполнѣ естественно тамъ, гдѣ существуютъ улицы, вечерницы и досвѣтки; все это на тотъ конецъ и сложилось, чтобы молодежъ обоихъ половъ знакомилась и сближалась между собою. Обыкновенно молодецъ женится на такой дѣвушкѣ, которую зналъ уже давно на улицахъ и вечерницахъ, а часто на такой, съ которою цѣлый годъ передъ тѣмъ или долѣе женихался и даже ложился спать вмѣстѣ. Если такія расходятся и не оканчиваютъ бракомъ своей любви, то по исключительнымъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ.

Когда молодецъ приметъ твердое намѣреніе вступить въ супружескій союзъ, онъ объявляетъ объ этомъ родителямъ. Какъ смотрятъ старые люди въ этомъ случаѣ на бракъ—показываетъ пѣсня: сынъ спрашиваетъ матери: какую дѣвушку ему сватать. Мать даетъ совѣтъ не сватать такой, которая выставляется съ своими нарядами, а сватать такую, которая умѣетъ дѣло дѣлать, а объ этомъ распрашивать людей [1]). Сынъ говоритъ, что такая именно у него есть въ виду и проситъ родительскаго благословенія [2]). Родители жениха переговорятъ съ родителями невѣсты, согласятся, условятся, выпьютъ на радостяхъ горѣлки и тутъ вся суть дѣла. Устраивается сватьба. Это — народная полуязыческая литургія со множествомъ крупныхъ и мелкихъ символическихъ пріемовъ, сопровождаемыхъ исключительно къ нимъ принадлежащими припѣвками и пѣснями. Весь этотъ оби-

---

[1]) „Чи ту, мамо, сватать, що головка гладка?“
— Сватай, сынку, й людей пытай, чи метена хатка.—
„Чи ту, мамо, сватать, що намистечко висить?“
— Сватай, сынку, й людей пытай, чи дижу замисыть!—
„Чи ту, мамо, сватать, що дрибненько ходыть?“
— Сватай, сынку, й людей пытай, чи дилечко робить!
(Чуб. IV, 52—53).

[2]) „Робить вона дило, да все хорошенько:
„Благослови жъ ты, насъ, Боже, и ты, матусенька!“ (ibid.).

ходъ, всѣ пріемы, обряды, символическіе вещественные предметы, пѣсни, припѣвки, аллегорическія рѣчи, движенія — все это сохраняется въ народѣ, какъ дань уваженія къ старинѣ, доходящаго во многомъ до суевѣрія. На всемъ лежитъ отпечатокъ сѣдой, можно сказать, доисторической старины. Но на этой первичной почвѣ видны наслоенія послѣдовавшихъ эпохъ народной исторіи. Вообще свадебный малорусскій ритуалъ остается неизмѣнно одинакимъ въ своихъ главныхъ чертахъ на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскимъ племенемъ, но въ подробностяхъ видоизмѣняется, не утрачивая нигдѣ своего основнаго смысла. Вся сватьба или свадебное дѣйство раздѣляется на три главныя части: сговоръ или заручины, дѣвичъ-вечеръ и брачное торжество, происходящее въ день вѣнчанія. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь подраздѣляется, а въ заключеніи, уже послѣ совершенія брачнаго торжества, происходитъ эпилогъ, такъ-называемая перезва.

Сговоръ состоитъ вначалѣ изъ посѣщенія жениха съ толпою своей родни и съ избранными сватами, играющими роль какъ бы посредниковъ. Получивши первое согласіе, черезъ день или на другой день происходятъ заручины или рукодайни. Сваты, по обряду, проводятъ рѣчь о князѣ, который отправившись на охоту, гонялся за куницею или лисицею. Звѣрь забѣжалъ въ этотъ дворъ и они затѣмъ зашли сюда, чтобы достать его. Князь-женихъ въ это время стоитъ въ сѣняхъ за дверьми. Здѣсь очевидно слѣдъ звѣроловнаго быта. Въ другихъ мѣстностяхъ сваты представляютъ видъ, что отъ нихъ ушла телушка и они хотятъ добыть ее къ своему бычку. Здѣсь является уже признакъ другаго быта, который проходилъ народъ—быта пастушескаго. Хозяева говорятъ гостямъ, что они вѣрно худые люди, разбойники, и надобно ихъ перевязать. Это и дѣлается: всѣхъ гостей перевязываютъ платками и (рушниками) полотенцами. Тогда гости предлагаютъ окупъ. Здѣсь также слѣды того давняго времени, когда захожаго иноземца, какъ чужаго человѣка старались при возможности обобрать, посягали на его свободу и заставляли откупаться отъ неволи. Въ первое посѣщеніе жениха со сватами, невѣста обыкновенно прячется за

печь или убѣгаетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ женихъ, а потомъ, возвратившись вмѣстѣ съ нимъ въ хату или сошедши съ печи, даетъ согласіе. Во второе посѣщеніе въ значеніи окупа отъ жениха предлагается водка и кромѣ того подарки невѣстѣ (сапоги, рубаха и разныя лакомства). Родители невѣсты ставятъ на столъ закуску. Жениха и невѣсту заставляютъ кланяться родителямъ невѣсты, а тѣ ихъ благословляютъ хлѣбомъ, соединеннымъ изъ двухъ слѣпленныхъ хлѣбовъ и пучкомъ ржи изъ сноповъ, заранѣе приготовленныхъ и разставленныхъ по четыремъ угламъ хаты (Чуб. IV. 67). Тогда заранѣе приглашенные составлять свадебный поѣздъ невѣсты начинаютъ запѣвать свадебныя пѣсни, принадлежащія по обряду именно къ этой части свадебнаго ритуала. Жениха и невѣсту сажаютъ на почетное мѣсто (на покутѣ) въ углу подъ образами, около нихъ садятся гости—обокъ жениха сваха и его родители, близь невѣсты, которую сажаютъ на лѣвую сторону отъ жениха — ея дружки, т. е. дѣвицы, составляющія свадебный персоналъ невѣсты *).

Изъ множества пѣсенъ, принадлежащихъ этой части обряда, мы укажемъ на болѣе характеристическія. Такъ въ одной пѣснѣ поется, что невѣста изъ нѣсколькихъ претендентовъ избрала одного, жениха своего. Трое старостъ приходило ее сватать; однимъ она просто отказала, другихъ угощала, третьимъ руку подала и подарила по полотенцу, а жениху (имя-рекъ) платочекъ [3]). Въ другой—женихъ сравнивается съ соколомъ, кото-

*) Въ дѣльномъ и ученомъ изслѣдованіи харьковскаго университета профессора Н. Ѳ. Сумцова, стр. 9—35 о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, очень удовлетворительно изложены историческіе фазисы прежнихъ эпохъ народной жизни, какъ они выражаются до сихъ поръ въ уцѣлѣвшихъ пріемахъ свадебнаго ритуала, начиная съ первобытнаго грубаго умыканья и кончая болѣе культурными формами сдѣлокъ и договоровъ, подъ формою купли и продажи невѣсты. Это, по нашему убѣжденію, самое лучшее, до чего доработалась наша наука по вопросу объ историческомъ значеніи свадебнаго ритуала.

[3]) Ой прислалося до дивки Маруськи трое старостивъ разомъ:
Первыи прійшли—у присипечки ввійшли.
Другыи прійшли—въ сипечки ввійшли.
Третіи прійшли—въ свитилоньку ввійшли.
Що въ присипечкахъ—тихъ частовала,

рый ищетъ себѣ черную галку: такъ и молодецъ прибылъ изъ чужой стороны, сѣлъ за столомъ и поглядываетъ на дѣвицъ: всѣ веселы, одна невѣста печальна и плачетъ [4]).

Ей жаль своего дѣвичества, не знаетъ она будутъ ли ея руки такъ бѣлы, какъ были онѣ у родного батюшки [5]). Она садила у себя садъ-виноградъ, забыла затворить ворота. Наѣдетъ молодецъ съ боярами, вытопчетъ виноградъ. Не жалѣй, говорятъ ей, винограднаго цвѣта, жалѣй о молодыхъ лѣтахъ: виноградные цвѣты обновятся, а молодыя лѣта твои не вернутся [6]).

Особенно отличаются глубиною чувства и живостію поэтическихъ образовъ пѣсни, которыя въ этотъ періодъ свадебной піесы поются сиротѣ-невѣстѣ. Отвори, Боже, ворота—поется—

Що въ синечкахъ—тимъ одказала;
Що у свитилоньки—тимъ ручку давала,
Ще й по рушничку, молодому (имя-рекъ) хусточку (Чуб. IV. 68).

Или:

Первыи сваты—пидъ сѣньми киньми.
А други сваты въ синечки ввійшли,
А третіи сваты въ свитилочку ввійшли.
Пидъ синьми-киньми—хусточку дала,
А що въ синечкахъ—перстнечокъ дала,
А що въ свитлоньцѣ—сама молода (ibid. 69).

[4]) Налынувъ соколъ изъ чужихъ сторонъ—
Ой поглядае по всѣхъ галонькахъ...
Его галонька найчорнійшая.
Наѣхавъ Ивашко изъ чужихъ селъ,
Ой сивъ собі въ тестя за столомъ,
И поглядае по всихъ дивонькахъ:
Ой вси дивоньки веселеньки,
Его Маруся смутненька сидыть (ibid. 70).

[5]) Одвидала-бъ чужу сторону.
Не такъ сторону, не такъ чужу—якъ чужого батенька.
Чи винъ добрый, чи добровирный
Якъ мій ридный? (ibid. 71).

или:

Била моя рученька да у батенька
Чи буде билиша у свекорка (ibid. 70).

[6]) Забула воротечки зачинити...
Якъ пріиде Иванъ съ боярами,
То вытопче садъ-виноградъ копиками.
— Ой не жалуй, моя доню, виноградовыхъ квитъ,
Тилько жалуй, моя доню, молодыхъ литъ,
Виновыи квиты обновлиться,
Лита твои молодыи не вернуться (ibid. 70—71).

идетъ сирота на посадъ. Ноетъ ея сердце, будто ножемъ его рѣжутъ: нѣтъ у ней родного батюшки. Господь встрѣчаетъ ее со счастливою долею, даруетъ ей добрую семью [7]). Сирота хотѣла бы послать соловья и кукушку за родными, но соловей не возвращается съ неба и отецъ не приходитъ изъ рая, а родныхъ нѣтъ изъ Украины [8]). Здѣсь, какъ намъ кажется, отпечатались тѣ времена, когда происходили народныя переселенія на слободы, и много было оставшихся въ малороссійскомъ краѣ, лишившихся своихъ родныхъ, выселившихся съ родины.

Дѣвичъ-вечеръ — второй актъ свадебнаго дѣйства. Въ народной жизни онъ обыкновенно бываетъ въ субботу, наканунѣ вѣнчанія, которое почти всегда назначается на воскресенье. Есть двѣ вещественныя символическія принадлежности этого субботняго дня: гильце или вильце и коровай. Гильце — это вѣтвь, обыкновенно сосновая, разубранная цвѣтами, лентами, цвѣтными бумажками, колосьями, ягодами и пр.; лѣтомъ или весною употребляютъ на гильце вѣтвь калиновую, вишневую, яблонную, черемушную, иногда въ полномъ цвѣту [9]). Но такъ какъ большею частію браки совершаются зимою, то употребленіе сосновой вѣтви на гильце представляется уже какъ бы неизмѣннымъ правиломъ, о чемъ намекается въ пѣсняхъ [10]). Вѣтвь эту втыкаютъ въ хлѣбъ и ставятъ въ такомъ видѣ на

---

[7]) Одчиняй, Боже, ворота:
Иде на посадъ сирота.
Ные серденько, якъ ножемъ крае,
Що батенька не мае.
Стричае ѣи Господь самъ
Изъ долею счастливою,
Изъ доброю родыною (Чуб. IV. 67).

[8]) Пошлю зозуленьку на Вкраиноньку
По свою родиноньку;
А соловейка выще неба,
Бо мени батенька треба.
Ни соловья зъ саду, ни батенька зъ раю,
Ни родыны зъ Украины (ibid.).

[9]) Чуб. т. IV, стр. 98 и дал.

[10]) До бору, старосты, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Рубайте сосенку-деревце—
Молодій Маруси на гильце (Чуб. IV. 101).

концѣ стола, противоположномъ тому, который подходитъ къ образному углу, а сверху вѣтвь эту подвязываютъ снурочкомъ, зацѣпленнымъ за гвоздь, воткнутый въ потолокъ. Эта вѣтвь, украшаемая и вставляемая на столѣ съ приличными обрядами и пѣснями, имѣетъ символическое значеніе брачнаго вѣнка, а потому-то говорится: не *ставить* гильце, а *вить* гильце, и притомъ самое гильце въ нѣкоторыхъ варіантахъ одной и той же пѣсни замѣняется словомъ барвинковый вѣнокъ [11]). Въ другихъ пѣсняхъ оно неоднократно называется прямо вѣнкомъ [12]). Оно дѣлается въ честь какъ новобрачной, которая называется княгинею, такъ и въ честь новобрачнаго, именуемаго на обрядномъ языкѣ княземъ [13]). Собственно нормально символическое дерево для гильця, какъ видно изъ пѣсенъ, есть калина [14]), которая всегда и повсюду въ пѣсенномъ мірѣ есть символъ выходящей въ замужество женщины. Хотя обыкновенно гильце зимою дѣлается изъ ели [15]) или сосны, но какъ бы въ память того, что настоящимъ деревомъ для этого предмета должна быть калина [16]), все деревцо сосновое или еловое сверху до низу унизывается калиновыми ягодами [17]) вмѣстѣ съ символическими травами бар-

---

[11]) Благослови, Боже, и отець и мати,
Своему дитяти гилечко (барвинковый винокъ) звити (ibid. 99, 100).

[12]) Благослови, Боже,
Пречиста Госпоже,
Сей виночокъ звити!..
Ой мы вильце вили,
Да мы меду не пили (Чуб. IV. 100, также 101).

[13]) Зъ чого мы будемъ князеви винець плести?
Ой е въ городи хрещатый барвинокъ,
Зъ того мы будемъ князеви винець плести (Основа. 1862. Апр. Ст. VIII, стр. 4).

[14]) Якъ Марусѣ гильце вили,
То вси лужечки выходили,
Чорвону калину выламали,
Такъ мы Маруси гильце звили (Метл. 135).

[15]) Коли бъ я знала, коли бъ я вѣдала, що елечко буде (Метл. 134).

[16]) То бъ я послала свого батенька да въ лугъ по калину (Метл. 134).

[17]) Гильце деревце зъ ялины
Изъ червоной калины,
Изъ хрещатого барвѣнку,
Изъ пахнющого васильку;
Гильце деревце—ялина,
Видъ верху до споду калина (Чуб. IV. 104).

винкомъ и василькомъ. Барвинокъ, какъ символъ любви, противопоставляется рутѣ и мятѣ, символамъ дѣвственности: невѣста изображается подходящею къ окну хаты въ то время, когда въ этой хатѣ вьютъ ея гильце и она говоритъ дружкамъ: мнѣ вейте изъ барвинка, а себѣ изъ руты и мяты [18]). Въ пѣсняхъ убранство гильця — колосья [19]), вишня [20]), перья изъ птицъ [21]).

По окончаніи приготовленія гильця, невѣста испрашиваетъ у родителей благословенія идти съ дружками по селу и зазывать гостей на свадьбу [22]). По выраженію пѣсни, матушка, родившая ее, оградила ее мѣсяцемъ, опоясала солнцемъ и снарядила въ село [23]). Во время хожденія по селу дружки, сопровождающія невѣсту, безпрестанно поютъ принадлежащія къ этому обряду пѣсни. Подступая къ воротамъ то того, то другого двора, опѣ въ пѣсняхъ приглашаютъ обметать дворы, застилать столы и встрѣчать радушно невѣсту и дружекъ [24]).

---

[18]) Коло свитлоньки, коло новои,
Тамъ Маруся объѣзжае,
Въ оконечко заглядае.
Тамъ дивочки гилечко вьють.
Війте, дивочки, соби й мени,
Соби звійте зъ руты, зъ мъяты,
Мени звійте зъ барвинючку (Чуб. IV. 104).

[19]) Пивъ стога вивса высмыкали,
Закиль свое гильлячко вбрали (ibid. 103).

[20]) Да вси жъ мы сады выходили,
Да вси жъ мы вишеньки выгледили,
Одну вишеньку злюбили,
Да й той вершокъ зломили (ibid. 103--104).

[21]) Летѣвъ горностай по-надъ ставъ,
Пускавъ пирьячко на весь ставъ;
Збирайте пирьячко до пирця
Молодому до гильця (Чуб. IV. 102).

[22]) Благослови, Боже, и отець, и мати,
Своему дитяти на село выхожати (Чуб. IV. 133).

[23]) Мѣсяцемъ обгородила,
Сонячкомъ пидперезала,
На село выряжала (ibid.).

[24]) Обмитайте дворы,
Застилайте столы,
Идуть къ вамъ дружечки! (ibid. 134).

Невѣста ведетъ съ собою дружекъ, какъ утка утятъ [25]). Въ одной изъ пѣсенъ, какія поются во время этого хожденія по селу, изображается, что невѣста утопала, звала къ себѣ на помощь, но къ ней не подоспѣли ни родители, ни братья, ни сестры, а подоспѣлъ и спасъ ее молодецъ, за котораго она выходитъ замужъ [26]). Но высказывается также сожалѣніе вступающей въ бракъ о минувшихъ дняхъ дѣвичества: не примутъ ее въ свой кругъ веселыя дѣвицы въ вѣнкахъ и лентахъ [27]), напрасно будутъ цвѣсти въ ея садѣ розы, барвинокъ, василекъ; ей уже не вить изъ нихъ себѣ вѣнка и не мять въ рукахъ пахучаго василька [28]). Жалко ей и отцовскаго двора; обошла она всѣ дворы, а какъ вернулась и подошла къ родительскому, то стало ей грустно [29]).

---

[25]) Утинька йде,
Утенята за собою веде;
Да не утка се йде—
То Маръечка йде, соби дружечокъ веде! (Чуб. IV. 135).

[26]) А батенько / А матѣнка та на бережечку,
Е човничокъ и веселечко:
„Потопай, мое сердечко!“
. . . . . .
А Ивась та на бережечку,
Е човничокъ и веселечко:
Не потопай, мое сердечко! (Чуб. IV. 138).

[27]) Якъ же мени дай не плакати,
Що дивочки гуляють,
Стричечками мають,
А мене не пріймають (Чуб. IV. 137).

[28]) Вже роженька процвитае,
Хрещатый барвиночекъ
Встилае садочокъ,
А запашный василёчокъ
Зъ тыномъ ривняеться.
— Вже жъ мени зъ теи рожоньки
— Виночка не носить,
— И запашного василёчка
— Въ рученьки не въялить! (Чуб. IV. 140).

[29]) Молода Маруся вси дворы обходила,
Но нигде слёзы не вронила,
А якъ прійшла на батькивъ двиръ,
То стала, подумала, жалибно заплакала:
„Ой дворе мій, дворе, яке тоби горе;
„Не такъ дворонькови, якъ своему батенькови (Чуб. IV. 140—141).

Во время хожденія невѣсты по селу, которое иногда продолжается весь день до вечера, происходитъ въ ея домѣ, какъ и у жениха, приготовленіе короваевъ. Это старинный обрядъ — приготовлять и печь свадебный хлѣбъ, называемый коровай. Обычай этотъ былъ, какъ кажется, въ древности повсемѣстенъ у славянскихъ народовъ. По крайней мѣрѣ въ оставшихся описаніяхъ свадебъ московскихъ государей и близкихъ къ нимъ лицъ всегда упоминаются короваи. Одинъ коровай жениха, другой—невѣсты [30]). Эти короваи носились вмѣстѣ со свѣчами во всѣхъ церемоніяхъ, приносились въ храмъ во время вѣнчанія, а потомъ неслись въ сѣнникъ, приготовленный для брачнаго ложа. На свадьбѣ великаго князя Василія Ивановича коровай убирался двадцатью семью пѣнязями, а при свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича короваи покрыты были: жениховъ—золотнымъ турскимъ бархатомъ, а царицынъ — золотнымъ атласомъ; на покровахъ было нашито 27 пѣнязей позолоченныхъ [31]). Также точно и въ описаніи свадьбы вообще великоруссовъ XVII вѣка, сохранившемся у Котошихина, мы видимъ, что коровай или свадебный хлѣбъ составлялъ неотъемлемую вещественную принадлежность свадебнаго ритуала [32]).

У малорусскаго народа коровай считается важнымъ и необходимымъ, хотя время приготовленія его различно: иногда ранѣе въ пятницу, иногда же утромъ въ воскресенье, но чаще всего въ субботу, въ то время какъ невѣста ходитъ съ дружками по селу.

Коровай приготовляютъ (бгають по народному выраженію, что буквально значитъ заламываютъ) непремѣнно замужнія женщины, которыхъ мать невѣсты для этой цѣли приглашаетъ [33]),

---

[30]) Др. Росс. Вивліоѳика. Изд. Новикова, 1790. Ч. XIII, стр. 5, 6, 9, 23, 39, 48, 63, 76, 82, 113, 125, 151, 165, 167, 183, 190.

[31]) Ibid. 183.

[32]) О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Спб. 1840, гл. I, статья 11, стр. 7, гл. XIII, статья 5, стр. 121.

[33]) Марусина мати по сусидоньци ходить
Сусидъ своихъ просить:
Да сусидоньки мои, прибудте къ мени,
Да до моеи хаты, до мого дитяти,
Короваю бгати (Чуб. IV. 215).

и отецъ жениха представляется дѣлающимъ для своего сына то же [34]). Они просятъ коровайницъ приготовить коровай ясный какъ мѣсяцъ [35]). Коровайницы, явившись къ дѣлу, прежде всего желаютъ выпить горѣлки [36]). Коровай долженъ быть приготовленъ изъ такой пшеницы, которая уже семь лѣтъ стояла въ стогѣ [37]), а по другому варіанту изъ пшеницы, взятой изъ семи стоговъ [38]) и на водѣ непремѣнно [39]) родниковой—по одному варіанту изъ трехъ [40]), по другому изъ семи родниковъ [41]), и разубранъ калиною [42]).. Въ другой пѣснѣ, кромѣ пшеничной муки и родниковой воды, къ короваю считаются нужными масло изъ молодыхъ коровъ, яйца изъ молодыхъ куръ и прозрачная соль [43]). Тѣсто коровая должно такъ подойти вверхъ, чтобъ быть выше того, какъ высоко стояла пшеница, изъ которой дѣлался коровай, когда находилась на нивѣ въ снопахъ и на гумнѣ въ стогѣ [44]). Мать невѣсты должна подать коровайницамъ родни-

---

[34]) Ивашковъ татко по юлоньци ходить,
По юлоньци ходить, сусидъ своихъ просить,
Не къ соби, къ дитяти, короваю бгати (Чуб. IV. 216).

[35]) Та злипить коровай красный, якъ мисяць ясный! (ibid.).

[36]) На Бога жъ вы гляньте, та намъ горилки дайте (ibid.).

[37]) Що въ нашемъ короваю семилитня пшениця (Чуб. IV. 222).

[38]) Зъ семи стогивъ пшениця (ibid. 228).

[39]) Якъ мы коровай мисили—
Зъ дунаю воду носили...
А дунай же къ намъ промовлявъ:
Да не берить водици зъ дунаю,
Да наберить водици зъ криныци (Чуб. IV. 224—225).

[40]) Изъ трехъ криниць водиця (Чуб. IV. 222).

[41]) Зъ семи криниць водиця (ibid. 228).

[42]) Мовила, говорила червона калина:
Не подòба моя у лузи стояти,
Але подòба моя у короваѣ сѣяти (ibid. 217, также 228).
или:
Пійдемо до рѣчки калины ламати,
Коровай убирати (Чуб. V. 229).

[43]) Ой короваю, короваю,
Мени до тебе кошту треба:
Корець муки пшеничнои,
Цеберъ воды криничнои,
Хваску масла яровыхъ коровъ,
Кону яець молодыхъ курей,
Гарнець соли ледовои... (Чуб. IV. 224).

[44]) Густая буйная (пшениця) на нови,
Частыи снопочки на жныви,

ковой воды, чтобъ онѣ помыли себѣ руки предъ починомъ работы [45]). Приступаютъ къ работѣ съ пѣснями, въ которыхъ призывается содѣйствіе Бога и святыхъ его [46]). Кромѣ калиновыхъ вѣтвей съ ягодами, которыя вмѣстѣ представляются цвѣтущими надъ тою коморою, гдѣ приготовляютъ коровай [47]), убранство коровая составляютъ вишни, виноградъ [48]), птичьи перышки [49]) и червонцы [50]), которые дѣйствительно клались въ царскихъ короваяхъ, а у малоруссовъ остаются только въ пѣсняхъ, на дѣлѣ замѣняясь копѣйками. Коровайницы разрисовываютъ коровай узорами съ изображеніями звѣздочекъ и птичекъ [51]). Онѣ хотятъ заказать кузнецу особую кочергу для выгребанія золы изъ печи и особую лопату для посадки въ печь своего коровая [52]) да еще мечь, которымъ бы можно было про-

---

Да высоки стоги на гумни,
Вышій нашъ коровай на столи (Чуб. IV. 218).

[45]) Марусина мати нехай прійде,
Нехай принесе зъ криныци водици;
Нехай помыють коровайнички ручки (Чуб. IV. 220).

[46]) Поможи Боже, Пречиста Мати,
Въ тымъ дому на тисовымъ столу коровай бгати (Чуб. IV. 218).
или:
Самъ Богъ коровай мисыть,
Пречистая свитыть,
Анголи воду носять,
Господа Бога просять (ibid. 222, также 223).

[47]) Зацвила калина не литомъ—зимою, надъ тею коморою
Де коровай вбирають, хорошенько спивають (Чуб. IV. 234).

[48]) Свиты, мисяченьку, ясною зорою
Де коровай убирають; вишни якъ черешни,
Винныи ягодоньки, райськіи пташоньки,
Де коровай убирають, хорошенько спивають (Чуб. IV. 230).

[49]) Летѣвъ горностай черезъ садъ,
Пустивъ пирьячко на весь садъ:
Ходѣмъ, сестрици, зберемъ
Да хорошенько коровай уберемъ (Чуб. IV. 234).

[50]) Мы жъ були коровайнички,
Мы вмили коровай пекти
Около окильцями
Въ серединѣ червинцями (Чуб. IV. 231).

[51]) Въ насъ хорощинськи (изъ села Хорощанки) жиночки
Хороше коровай гафтують:
До коло зороньками,
Райськими пташечками (Чуб. IV. 230).

[52]) Ходимъ до коваля,
Щобъ намъ сковавъ кочергу,

рубить въ печи отверстіе, чрезъ которое вставить коровай и дать ему испечься и выйти изъ печи въ комору [53]). Проси Бога, Марусенька, поется съ обращеніемъ къ невѣстѣ—проси Бога, чтобъ твой коровай вышелъ прекрасенъ, какъ божій день, какъ солнышко, что на насъ смотритъ черезъ окно [54]). Передъ посадкою въ печь коровая испрашивается благословеніе старостъ [55]), потомъ приглашаютъ двухъ молодцовъ, изъ которыхъ одинъ въ пѣснѣ называется кудрявымъ (кучерявымъ), а другой богатымъ, перваго выметать печь, а втораго сажать туда коровай [56]). Посадивши такимъ образомъ коровай въ печь [57]), коровайницы поднимаютъ трижды квашню, ударяютъ ею о перекладину по-

---

Щобъ намъ пичку выгребти.
Рано мы, рано ходимъ до коваля,
Щобъ намъ сковавъ лопату
Да широку якъ лаву,
Спечемъ коровай на славу (Чуб. IV. 231).

[53]) Да скуй мени, коваленьку, гострый мечъ,
Да й прорубаю зверху печъ,
Щобъ нашъ коровай спужався,
Зъ печки на вечко собрався,
Зъ вечкомъ у комору сховався (Чуб. IV. 231).

[54]) Проси Бога, Марусенько, щобъ Богъ давъ,
Що бъ ти ся коровай вдавъ:
Якъ день билый, якъ Богъ милый,
Якъ яснее сонечко, що свѣтить въ виконечко (Чуб. IV. 234).

[55]) „Старосто, пане пидстаросто, благословить коровай у пичъ посадить!“
— Богъ благословить! (отвѣчаетъ староста) (Чуб. IV. 236).

[56]) Кучерявый пѣчъ вымѣтае,
А багатый сажае (Чуб. IV. 237).

[57]) Описаніе коровая у Чубинскаго: „Обыкновенная форма коровая—большой хлѣбъ, но иногда приготовляютъ его и другимъ способомъ. Берутъ коржъ, посыпаютъ его овсомъ, сверху кладутъ копѣйку или больше“ (что замѣняетъ червонцы, о которыхъ поется). „На этотъ коржъ накладываютъ одна на другую семь паляницъ (хлѣбовъ пшеничныхъ) и на верхней дѣлаютъ изображенія мѣсяца, а вокругъ его располагаютъ пять шишекъ, обводятъ каймой:“ это называется пидперезать коровай. „Въ большую, находящуюся по срединѣ коровая шишку, втыкаютъ пять слѣпленныхъ вмѣстѣ свѣчей (восковыхъ) или обтыкаютъ ими вокругъ коровай, зажигаютъ ихъ и вмѣстѣ съ короваемъ сажаютъ въ печь. Кромѣ коровая дѣлаютъ „верчъ“ (очень похожъ на коровай): шишки—пшеничныя, булочки, снизу обведенныя каймой изъ тѣста, а сверху до низу двѣ такія же коймы, прекращающіяся по срединѣ, гдѣ придѣлывается кусокъ тѣста на подобіе сосновой шишки. Двѣ большія шишки красятъ сурикомъ: онѣ назначаются для молодыхъ, которые ходятъ съ ними приглашать на сватьбу“. (Миргород. у. Полт. губерн.) (Чуб. IV. стр. 236).

толка, цѣлуются между собою [58]), обращаясь къ печи съ просьбой спечь хорошенько коровай. Вспоминается и сосна, которая должна горѣть, когда будетъ печься коровай [59]). Пока коровай печется, коровайницы угощаются горѣлкою, которую сами у хозяевъ выпрашиваютъ [60]), подтруниваютъ другъ надъ другомъ [61]), и дурачатся [62]). Наконецъ приходитъ пора вынимать изъ печи коровай [63]) и это дѣлается съ обрядною торжественностью. Вынувши изъ печи коровай, кладутъ его на крышку отъ кваши, покрытую скатертью сверхъ положеннаго подъ-исподъ слоя со-

---

[58]) Пече жъ наша, пече!
Спечи намъ коровай съ гречи (Чуб. IV. 239).

[59]) Пичъ стоить на сохахъ,
Дижу носять на рукахъ.
Поцилуймося, помилуймося,
Хто кому радъ (ibid).
Да рубайте сосну здорову,
Да трощите еи на дризки,
Да кладите еи на загнитъ...
Славный нашъ коровай на ввесь свитъ (Чуб. IV. 232).

[60]) Мали сваненьки працю,
Замисили муки, мацю,
А вы ся догадайте,
Горилки имъ дайте! (ibid. 240).

или:

Почни, свате, бочку,
Що стоить у куточку,
Поки тебе, короваю, впечемо,
Тебе, бочечко, виточемо (ibid. 241).

[61]) Губатая вчипяла, горбатая сажала,
Хорошая, румяная у пичъ заглядала.

или:

Котра мѣсила—щобъ трясця трусила (ibid. 238).

[62]) Ой де жъ тая пійшла,
Що въ пичъ коровай несла?
Сила на рогъ печи
Коровая стеречи,
Щобъ хлопци не вкрали
И за дунай не задали (Чуб. IV. 242—243).

[63]) Часъ тоби, короваю,
Зъ кахлевои печи
На дубове вико (ibid. 244).

ломы, ставятъ на столѣ [64]) и уносятъ на головѣ въ назначенную хозяйкою для храненія комору [65]).

Неся коровай, продолжаютъ величать его въ пѣсняхъ [66]). Тѣмъ и кончается обрядъ приготовленія коровая, который отправляется точно такимъ же образомъ и у жениха.

По возвращеніи невѣсты съ дружками съ прогулки по селу, отправляется дѣвичь-вечеръ. Невѣсту сажаютъ на посадъ, на почетное мѣсто въ углу подъ образами, на которомъ тогда простираютъ тулупъ, замѣняющій соболей, которые играли такую роль въ старинныхъ сватьбахъ царей и вельможъ московскихъ. Въ пѣсняхъ воображается городъ съ четырьмя стѣнами, изъ которыхъ три каменныя, четвертая—золотая; на стѣнѣ маковка, гдѣ ласточка себѣ гнѣздо свила и выплодила двое дѣтокъ, эти дѣтки—женихъ и невѣста [67]). Во всѣхъ оконцахъ этого города—ангелъ Божій, а на дверяхъ самъ Господь стоитъ и раздаетъ долю [68]). Родитель невѣсты стоитъ со всею роднею и всѣ любуются

---

[64]) Славляно да прославляно,
Да на столи поставляно.
На столи-престоли
Славенъ нашъ коровай стоить! (ibid 247).

[65]) Обицялася мати намъ комороньку дати,
Де коровай сховати (Чуб. IV. 245).

[66]) Ой Богъ намъ давъ—коровай намъ ся вдавъ,
Якъ мѣсяченько, якъ ясное соненько.
Війся, короваю, ище высчій видъ гаю,
Якъ душенька въ раю, якъ рыбонька по дунаю (Чуб. IV. 247).

[67]) Славный городъ, да дѣвичъ-вечѣръ;
Хороше зряженъ, та не такъ зряженъ, якъ обсаженъ;
Славно жъ ёго збудовано,
На три стины камьяныи,
А четверту золотую.
На тій стини макивочка,
На макивочцѣ ластивочка,
Звила гнѣздечко зъ чорного шовку
А червонымъ обвила.
Вывела дитки однолитки:
Перше дитятко роженее,
Другее дитятко суженее.
Роженее—то (имя-рекъ нев. или жениха)
Суженее—то (имя-рекъ другого) (Чуб. IV. 148).

[68]) Ой славенъ, славенъ Марусинъ посадъ!
По всихъ виконцяхъ янголи сидять.
Янголи сидять, доленьку судять,

ею [69]). Въ пѣснѣ заставляютъ невѣсту кланяться отцу. Онъ прослезился: она пойдетъ изъ родительскаго дома и забудетъ родителя [70]). Теперь она прекрасна, но когда пойдетъ прочь— исчезнетъ красота лица ея [71]). Если невѣста сирота, ей приходится кланяться чужимъ, названымъ родителямъ [72]), за то ангелы, сидя на яворѣ, заботятся о ней, собираются полетѣть и посмотрѣть, какъ плачетъ сирота, сидя на посадѣ [73]). Въ пѣснѣ она представляется взывающею къ умершему родителю или родительницѣ съ приглашеніемъ прибыть къ ней и подать ей совѣтъ. Умершее лицо отвѣчаетъ, что это невозможно, потому что насыпанная земля не пускаетъ встать [74]). Душа умершаго предъ

А надъ дверми самъ Господь стоить,
Книжочку читае доленьку роздае (Чуб. IV. 156).

[69]) Сѣла Мариня на посаженьку
Якъ на роженци квитка,
Ѣи батенько, ѣи ридненькій,
Не може ся на нюю надивити (Чуб. IV. 154).
. . . . . .
„Оглянься назадъ себе,
Стоить родинонька коло тебе,
„Склонися, Марисенько, низенько,
„Щобъ було родиноньцѣ жалибненько“ (Чуб. IV. 151).

[70]) Кланяйся, Марися, старому й малому и батеньку свому.
Бо южъ бильше не будешъ, а о батеньку забудешъ (Чуб. IV. 151).

[71]) „Ой мій батеньку, мій голубоньку!
„Чи довго я буду такая?
— Будешъ, дитятко, будешъ,
— Якъ у мене будешъ.
— А якъ пійдешъ видъ мене—
— Спаде красота съ тебе,
— Зъ личенька румяного,
— Зо стану паняньского (Чуб. IV. 154).

[72]) „Кому жъ ты ся кланяешъ,
„Коли батька (или матери) не маешъ?
— Поклонюся чужому,
— Буде ми ся видило, що свому (Чуб. IV. 153).

[73]) Въ лиси на явори сидило два анголи
Сидячи говорили:
Полыньмо, полыньмо, брате, до тои сиротоньки,
Сядемъ, та послухаемъ, якъ сиротонька плаче,
До стола припадае, що батенька не мае (Чуб. IV. 151).

[74]) Прибудь, прибудь моя матѣнко / мій батенько теперъ и къ менѣ,
Ой дай менѣ порадоньку, бѣдній сиротѣ!

Богомъ и проситъ отпустить ее посмотрѣть на свое дитя, сидящее на посадѣ [75]).

Невѣстѣ нельзя сидѣть одной, безъ жениха. Какъ мѣсяцъ хочетъ взойти разомъ со звѣздою, освѣтить небо и землю, возвеселить и звѣря въ полѣ, и путника въ дорогѣ, такъ и невѣста не хочетъ сидѣть одна, а хочетъ сѣсть вмѣстѣ со своимъ суженымъ и возвеселить разомъ два рода [76]).

Время проходитъ въ пѣніи свадебныхъ пѣсенъ и въ танцахъ до прибытія жениха, котораго, какъ князя, сопровождаютъ названые бояре и музыканты. Дружко взводитъ на посадъ князя. Начинается обрядъ пришиванія цвѣточной кисти (квѣтки) къ шапкѣ жениха. Женихъ входитъ въ хату и садится на посадъ не иначе какъ въ шапкѣ. Старшая дружка—лицо важное въ свадебномъ женскомъ персоналѣ стороны невѣсты—снимаетъ съ головы жениха шапку и прикалываетъ къ ней «квѣтку», отко-

---

Ой рада бъ я, дитя мое, прибути къ тобѣ,
Склепилися карѣ очи и уста мои (Чуб. IV. 158. Метл. 129).

или:

Ой радъ бы / рада бы я встати къ своему дитяти
Сырая земля двери залягла,
Викопця заслонила,
Жовтый пѣсочокъ залѣгъ носочокъ,
Нельзя продохнути (Метл. 151).

[75]) Марусина мати / Марусинъ батько да передъ Богомъ стоить,
Господа Бога просить:
Та пусти мене, Боже, та зъ неба на землю,
Да до моеи хаты, до мого дитяти
Нехай я подивлюся на свое дитяточко
Чи хороше да наряжена,
Чи въ добрый часъ посажене? (Чуб. IV. 158).

[76]) Слала зоря до мисяця:
Ой мисяцю, мій товаришу!
Не зиходь ты раній мене;
Изійдемо обое разомъ,
Освитемо небо и землю!
Зрадуеться звиръ у поли,
Звиръ у поли, гисть у дорози.
Слала Маруся до Ивасечка:
Ой Ивасе, мій суженый,
Не сидай на посаду раній мене.
Обсядемо обое разомъ,
Звеселимо два двора разомъ (Чуб. IV. 156).

ловки у невѣсты. Дружба (иначе дружкó) или старшій бояринъ, надѣваетъ на жениха свою шапку на время, чтобы женихъ вовсе не оставался съ открытой головою. Поются при этомъ полушуточнаго содержанія пѣсни. Пришивалка изломала золотую иголку и поколола себѣ руку [77]). Она именуетъ себя швеею, нарочно пріѣхавшею изъ Львова, требуетъ заплатить себѣ за работу и выкупить шапку [78]), надѣваетъ эту шапку себѣ на голову, вскакиваетъ на лаву и поетъ, что она теперь—козакъ, красивѣе чѣмъ женихъ и продолжаетъ требовать выкупа шапки [79]). Дружкó и женихъ предлагаютъ ей сумму, она говоритъ, что мало [80]) и шутка въ пѣсняхъ превращается въ издѣвки надъ скупостью и нищенствомъ жениха и его дружины [81]). Наконецъ, сдѣлка какъ будто состоится и старшая дружка снимаетъ съ головы шапку и кладетъ на голову жениху. Во все это время и послѣ того гости танцуютъ въ сопровожденіи пѣнія пѣсенъ, въ которыхъ отражаются слѣды стариннаго военнаго быта. Въ поэтическомъ образѣ представляется, что бояре, танцуя, навели

---

[77]) Золотую голочку зломила,
А свою ручечку сколола (ibid. IV. 191).

[78]) Я швачка зъ Ильвова,
Пріихала позавчора,
Привезла голку
И ниточку шовку,—
Квиточку пришивати
И по таляру брати (ibid.).

[79]) Ой глянь, зятеньку, на мене
Красчій я козакъ одъ тебе (Чуб. IV. 195).

[80]) Маните не маните—
Шостака не кладите!
Якъ купкою брязнешъ—
Тоди шличокъ возьмешъ! (Чуб. IV. 196).
. . . . . .
Посягни въ кишеню,
Выйми грошей жменю,
Посыпь на тарели (Чуб. IV. 197).

[81]) Ой казали люде: зять багатый,
Ой казали люде: грошей мнхъ!
Кладе копійку якъ на смихъ!
Убоги, бояре, убоги:
Симъ литъ по смитьтяхъ ходили,
Черепки збирали,
Да свасн за квитки давали (Чуб. IV. 198, также 199).

облако своими жупанами, пустили дождь стрѣлами и произвели сіяніе саблями [82]).

Идетъ разгулъ: танцы и пѣніе, и углы и лавки—все движется [83]). Настаетъ время ужинать. Невѣста съ благословенія родителей [84]) должна просить гостей, чтобъ они были веселы, какъ весеннія птички [85]). Всѣ садятся ужинать [86]), начинается попойка [87]). Поется о разныхъ снѣдяхъ, составляющихъ ужинъ: о капустѣ [88]), похлебкѣ [89]), горохѣ [90]) кашѣ [91]), жареномъ мясѣ [92]), которое разрѣзывать долженъ дружба [93]), борщѣ [94]), пряностяхъ [95]),

---

[82]) Где бояре танцювалю
Наробили хмарню жупанами,
И спустили дожчикъ стрѣлочками,
Наробили ясно шабельками (Метл. 200).

[83]) Бійтеся кутки, лавки!
До заничнои бабки!
А вы ся догадайте,
Намъ вечеряты дайте! (Чуб. IV. 201).

[84]) Благослови Боже, и отець и мати,
Своему дитяти цей рядъ частувати (ibid).

[85]) Проси своихъ гостей
Що бъ вони ѣли й пили,
И веселеньки були,
Якъ птичка на весни (Чуб. IV ibid).

[86]) Брязнули да ложечками
Срибными тарилочками,
Маруспна челядь
Сидае вечерять (Чуб. IV. 200).

[87]) Стань, батенько, проти мене,
Та напійся до мене,
Зъ повною повночкою,
Зъ счастливою долечкою (Чуб. IV. 201).

[88]) Ѣжте, бояре, капусту,
Наша капуста не пуста (Чуб. IV. 202).

[89]) Ѣжте, бояре, юшку,
Да тягайте петрушку.
У насъ юшка горшками,
А петрушка грядками (ibid.).

[90]) Ой гороше, гороше, сіяно тебе хороше (Чуб. IV. 203).

[91]) На Бога гляньте, намъ каши дайте! (ibid.).

[92]) На Бога вы гляньте, намъ печени дайте! (ibid. 204).

[93]) Нашъ дружбонько чорнобривый,
Не жаль ёму дати печеню покраяти! (ibid).

[94]) Добрая господыня добрый борщъ зварила (Чуб. IV. 208).

[95]) Же намъ готують ѣсти:
Курочку печеную, юшейку перченую,

пирогахъ [96]), о винѣ [97]), горѣлкѣ и пивѣ [98]), ко всему соотвѣтствующія припѣвки. При этомъ допускаются разныя насмѣшки надъ боярами [99]), дружбою или дружкомъ [100]), свѣтилкою [101]), надъ старшею дружкою и вообще надъ всѣми свадебными гостьми, уличаютъ ихъ въ жадности и обжорствѣ [102]). Только новобрачные изъяты отъ издѣвокъ надъ ними. Невѣстѣ поется только, что она должна сказать, что будетъ почитать свекра и свекровь какъ родителей [103]). Въ одной галицкой пѣснѣ женихъ

Чи зъ перцёмъ, чи не съ перцёмъ,
Абы було съ щирымъ серцемъ (Чуб. IV. 200).

[96]) Повидала намъ ворона:
— Повна пирогивъ комора.
А мы поти не пійдемо,
Поки всихъ не поѣмо (Чуб. IV. 208).

[97]) Два голубойки гниздо вьють,
Наши бояри вино пьють (Чуб. IV. 205).

[98]) Тече горѣлка зъ потока,
А мы поти не пійдемо,
Поки всеи не выпъемо (Чуб. IV. 208).
. . . . . .
Повѣдала намъ синыця:
— Повная пива пивыця,
А мы поти не поѣдемо
Поки всеи не выпъемо (ibid.).

[99]) Ѣли бояре юшку да вкрали галушку,
Да въ мѣхъ, да въ рукавици
Дѣвчатамъ на вечерници (ibid. 203).

[100]) Крае дружбонька крае,
Дружкамъ пидъ столъ дае,
За пазуху ховае,
Зъ пазухи въ кишеню
Свѣтильци на вечерю (Чуб. IV. 204).

[101]) Свѣтилочка пани, вечеряй зъ нами!
Не велила мати рота раззявляти:
Великіи зубы висять черезъ губы (Чуб. IV. 205).

[102]) Наша дружка пидъ сволокъ, зъѣла калачивъ сорокъ,
Най ся нихто не прогнивить, най ся здорова живить (Чуб. IV. 206).
. . . . . .
Ѣли бояре, ѣли, цѣлого вола зъѣли,
На столѣ ни кришечки, пидъ столомъ ни кисточки (ibid).

[103]) „Не сиди, Марусю, розмышляйся,
„Чимъ свого свекорка называть будешъ?
— Назову я свекорка риднымъ батенькомъ;
„Чимъ свою свекруху называть будешъ?
— Назову свекруху ридною матинкою (Чуб. IV. 207—208).

говоритъ, что ей нечего уже будетъ бояться отца, а грозою для ней станетъ онъ, ея будущій мужъ [104]). Послѣ ужина староста выводитъ новобрачныхъ [105]) и гостей, погулять и потанцовать на дворѣ [106]). Въ пѣсняхъ отъ лица всѣхъ выражается благодарность хозяевамъ за хлѣбосольство [107]).

На другой день послѣ дѣвичъ-вечера, обыкновенно, въ день воскресный, происходитъ третій актъ свадебной трилогіи. Первый обрядъ у невѣсты—расплетаніе косы ея, совершаемое холостымъ братомъ ея въ кругу подругъ невѣсты, ея дружекъ свадебныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обрядъ совершается позже, уже послѣ вѣнчанія. Дружки расчесываютъ невѣстѣ косу [108]), мажутъ масломъ [109]), медомъ, вплетаютъ въ волосы нѣсколько монетъ, подаренныхъ женихомъ, кусочекъ хлѣба и кусочекъ чесноку, которому, по суевѣрію, приписывается предохранительная сила отъ заразы и отъ всякаго зла. Косу снова заплетаютъ въ послѣдній разъ вѣнкомъ [110]). Изъ пѣсенъ, какія поются при этомъ обрядѣ, видно, что вѣнкомъ такимъ признается вѣнокъ,

---

[104]) Ой не бійся батенька свого,
Ой бійся мене та й молодого:
Батенько гроза якъ литняя роса,
А моя гроза гирше лютого мороза (Чуб. IV. 248).

[105]) Ведемо Марьечку зъ застильля,
На яснее, на краснее подвирья (ibid.).

[106]) Нашъ староста чорнобровый
Да выведи насъ зъ хаты
На двиръ погуляти....
На двиръ танцювати (Чуб. IV. 209).

[107]) Встаньте, дружечки, встаньте
Честь Богу хвалу дайте...
Потимъ отцю и матинци,
За хлибъ поставленный
За силь положену.
Встаньте, бояре, встаньте
Шапочки поздіймайте и подякуйте (Чуб. IV. 211).

[108]) Труться, мнуться дружечки
Коло ѣи русои кисочки (Чуб. IV. 253).

[109]) Дай менѣ, мати, масла,
Давай хоць трошечки
Помастити косочки (ibid).

[110]) Чуб. IV, стр. 251—252.

сплетенный изъ барвинка, изъ калины и руты [111]). Расплетаніе косы—грустная минута для молодой княжны. У всѣхъ подругъ ея волосы заплетены въ косы, а у ней распущенные волосы покрыли плечо, а слезы покрываютъ ей лицо [112]). Жаль ей косы, которую она много лѣтъ холила, мыла краснымъ борщомъ, расчесывала золотымъ гребешкомъ и въ темную ночь при свѣчѣ и въ день передъ окномъ [113]). Но жалче ей родной матушки, потому что ей никто такъ не услужитъ какъ она, когда рано вставала и загоняла коровъ [114]). Плачь Марусенька—поется ей—какъ рано на зарѣ кукуетъ кукушечка: вѣдь ужъ въ другой разъ дѣвицею не будешь, забудешь веселыя вечерницы [115]). Покидать приходится ленты дѣвическія: она проситъ мать отдать ихъ дѣвицамъ—подругамъ [116]). И братъ соблазняетъ ее не идти замужъ, когда кругомъ все разцвѣтаетъ—и роза и кресчатый

---

[111]) Въ долину, панянки, въ долину
По червону калину,
По хресчатый барвинокъ
Изъ руточки дви квиточки (Чуб. IV. 252).

[112]) Всѣ дивоньки въ косахъ,
А я свою та й роспустила,
Кисоньками да плечи вкрыла,
Слизоньками личенько змыла (Чуб. IV. 254).

[113]) Ой косо, косо золота!
Та не рикъ я тебе кохала,
Що недѣлоньку убирала,
Чорвонымъ борщикомъ умывала,
Золотымъ гребинцемъ чесала,
Темнои нички до свички,
Ясного сонця до виконця (Чуб. IV. 259).

[114]) Та не жаль же менѣ русои косы, ни дѣвочои красы,
Але жаль менѣ матиночки, що не мае послугочки,
Що нѣкому рано встати, коровоньки заганяти! (Голов. IV. 357).

[115]) Чому ты, зозулько, рано не кусешъ?
На другу весну не будешъ,
Зелени ганчки забудешъ!
Чому ты, Марьечка, не плачешъ?
Другій разъ дѣвкою не будешъ,
Славніи вечерници забудешъ! (ibid).

[116]) Прійди, матинко, прійди,
Та зними зъ мене бинды,
Уже мени въ бинда хъ не ходити,
Треба дружокъ обдилиты (Чуб. IV. 254).

барвинокъ и пахучій василекъ [117]). Она сама чувствуетъ то же, но слишкомъ ужъ она полюбила жениха своего [118]). Вотъ прибываетъ женихъ, молодой князь съ своими боярами. Отправляются пѣшкомъ или на лошадяхъ, какъ случится, въ церковь. Волосы невѣсты развѣваются по вѣтру [119]). Сами собой открываются церковныя двери, сами собой зажигаются свѣчи, сами собою читаются книги [120]). Самъ Господь трижды встрѣчаетъ новобрачныхъ [121]). При возвращеніи съ вѣнчанія поется, что женихъ далъ обѣтъ не отпускать отъ себя жену до страшнаго суда Божія [122]), а невѣста обѣщала жить не при родителяхъ, а съ мужемъ [123]). Новобрачные пріѣзжаютъ въ домъ. Ихъ встрѣчаютъ съ церемоніями [124]), слѣдуетъ за тѣмъ обѣдъ для гостей, за которымъ не участвуютъ новобрачные. Послѣ обѣда идутъ танцовать, поютъ пѣсни большею частью шуточнаго содержанія, насмѣхаясь другъ надъ другомъ. Потомъ женихъ уѣзжаетъ до-

---

[117]) Ой братъ сестрицю та росплитае,
Все рожу споминае:
— Та не йди, сестрице, молода замужъ.
Якъ рожа процвѣтае,
А хресчатый та барвиночокъ устилае садочокъ,
А запашный та василечокъ и съ тыпомъ ся ривняе (Чуб. IV. 257).

[118]) Хоть не рада та мушу:
Полюбила Ивася якъ душу (Чуб. IV. 254).

[119]) Повій, витре, дорогою за нашою молодою,
Розмай косу по волосу по червоному поясу! (Чуб. IV. 269).

[120]) Де-сь та Маруся боярського роду.
Якъ мы пидъ церковци пріѣзжали,
То сами ся двери одчиняли,
То сами ся книги читали,
То сами ся свички засвичали (Чуб. IV. 268).

[121]) Стричай насъ, Боже,
Першій разъ на дорози,
Другій разъ на порози,
Третій разъ при шлюби
При Божому суди (Чуб. IV. 269).

[122]) Не забувай отця и матки до суду,
Не пускай Марусины до суду (Чуб. IV. 273).

[123]) Присягала Марисенька....
При батейку не быти
Дѣвойковъ не ходити (ibid. также Żeg. Pauli. Piesni ludu Ruskiego. 72. 80).

[124]) Чуб. IV. 299.

мой. Тамъ происходитъ свой обѣдъ. Женихъ садится на почетномъ мѣстѣ: онъ—князь. По правую руку отъ него размѣщаются бояре, по лѣвую—старшая и меньшая свѣтилки и двѣ свашки, а напротивъ жениха дружко, возница и старосты [125]). Послѣ этого обѣда начинается собственно народное свадебное дѣйство, древнее языческое священнодѣйствіе, сохранившееся теперь въ обломкахъ. На дворѣ ставятъ покрытую чистою скатертью квашню, на нее кладутъ хлѣбъ, которымъ благословили жениха родители, соль и ведро воды съ ковшикомъ. Передъ этимъ импровизованнымъ алтаремъ становится женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Выходитъ изъ избы мать жениха, одѣтая въ тулупѣ вверхъ шерстью, на головѣ у ней шапка, а въ подолѣ у ней насыпаны орѣхи, овесъ, подсолнечныя и тыквенныя сѣмена и мелкія деньги, которыя нарочно для этого дня скоплялись со дня рожденія сына, ставшаго теперь женихомъ. Дружко подаетъ ей вилы или грабли, представляющія въ данномъ случаѣ коня; мать садится на нихъ какъ будто верхомъ на лошади, дружко, ухватившись за передній конецъ, какъ будто ведетъ коня подъ уздцы вокругъ квашни, а другой бояринъ издали подгоняетъ бичомъ воображаемую лошадь. Мать разбрасываетъ во всѣ стороны сѣмена, при чемъ поются присутствующими дѣвицами соотвѣтствующіе припѣвы [126]). Три раза про-

---

[125]) Чуб. IV. 313.

[126]) Ой сій, мати, овесъ,
Та на нашъ ридъ увесь,
Що бъ нашъ овесъ рясенъ бувъ
Що бъ Иванивъ ридъ красенъ бувъ (Чуб. IV. 314—315).
. . . . . .
Роди, Боже, жито
На новее лито,
Густее, колосистее
На стебло стеблистее,
Що бъ наши дити мали
И стоячи жали (ibid. 315).
. . . . . .
Коло нашои дижки
Зародили сыроѣжки,
Чи сыроѣжки брати,
Чи въ дорогу ступати,
Въ дороженьку счастну
По Марьюхну красну (ibid.).

ведши кругомъ квашни мать жениха, сидящую верхомъ на вилахъ или грабляхъ, дружко зачерпаетъ изъ ведра воды и дѣлаетъ видъ какъ будто поитъ воображаемаго коня. Во время такого шествія вокругъ квашни, за матерью идетъ женихъ съ платкомъ въ рукѣ; за платокъ держится одинъ бояринъ и несетъ въ рукѣ платокъ, за который держится другой бояринъ, затѣмъ третій и т. д. Позади всѣхъ или же рядомъ съ матерью идетъ свѣтилка съ пучкомъ васильковъ, въ срединѣ котораго вставлены деревянное подобіе сабли, зажженная свѣча и кусокъ хлѣба [127]). Древность этого обычая указывается подобіемъ въ немъ многихъ чертъ съ обычаями, о которыхъ остались намъ извѣстія въ описаніи свадебъ великокняжескихъ, царскихъ и боярскихъ. Такъ въ этихъ свадьбахъ постоянно играли роль свѣчники со свѣчами [128])—то же что малорусскія свѣтилки—независимо отъ обручальныхъ свѣчъ. Обрядъ осыпанія одѣтой въ вывороченной вверхъ шубѣ является также въ старинной московской великокняжеской свадьбѣ [129]). Свѣтилка съ деревяннымъ мечемъ и мать, сѣвшая верхомъ на вилы или грабли, воображаемые конемъ, составляютъ соотвѣтствіе съ московскимъ конюшимъ, который ѣздилъ съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ вокругъ сѣнника [130]). Видно, что основныя черты были едины, но потомъ разбились и развѣтвились, тѣмъ не менѣе все таки видно ихъ древнее единство. Какое символическое значеніе имѣла вода, ставимая въ ведрѣ на квашнѣ и напованіе ею воображаемаго коня, мы съ точностью опредѣлить не беремся, но несомнѣнно, что оно въ древности было, и вѣроятно состояло въ

---

[127]) Чуб. IV. 314.

[128]) Др. Росс. Вивл. XIII. 125. Св. Вас. Ив. Шуйскаго. 151. Св. Мих. Ѳед.

[129]) ...И тысяцкаго жена положитъ на себѣ двѣ шубы собольи, одну положитъ по обычаю, а другую шубу положитъ на верхъ, на изворотъ, шерстью вверхъ, да осыпаетъ великаго князя и великую княгиню (Свадьба в. кн. Василія Ивановича. Др. Росс. Вивл. XIII. стр. 12).

[130]) А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій бояринъ Лыковъ и ѣздилъ около сѣнника въ то время какъ государь былъ въ сѣнникѣ съ голымъ мечемъ (Др. Росс. Вивл. XIII. 165). У Котошихина: какъ пошелъ царь съ царицею опочивать и въ то время конюшей ѣздитъ около той палаты на конѣ вымя мечь наголо и близко къ тому мѣсту никто не приходитъ, и ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта (Котош. стр. 9).

связи съ поклоненіемъ водѣ языческихъ славянъ. По смыслу, который и теперь свѣтится въ этомъ обрядѣ, можно предположить, что это имѣетъ значеніе приготовленія къ походу князя за своею княгинею, для чего и поятъ воображаемаго коня, какъ бы собираясь въ дорогу.

Затѣмъ поѣздъ съ женихомъ на челѣ отправляется къ невѣстѣ. Везутъ съ собою подарки невѣстѣ и ея родителямъ [131]). Въ пѣснѣ поется, что мать, выпроваживая сына въ путь, оградила его мѣсяцемъ, опоясала солнышкомъ и снарядила въ дорогу за молодою невѣстою [132]). Отецъ далъ ему девять коней, а десятого вороного подъ него самого [133]). Мать напекла ему на дорогу девять печей хлѣба, а десятую коровая [134]). Отецъ велитъ сыну брать съ собою въ путь всю родню свою и близкую и далекую и богатую и убогую, богатую ради славы, а убогую для совѣта [135]). Отецъ даетъ сыну заранѣе такое предостереженіе: смотри, сынокъ, не говори всей правды тестюшкѣ; вѣдь

---

[131]) Для невѣсты и ея матери берутъ сапоги, для отца — бараньи рукавицы, для родственницъ—свашекъ, свѣтилокъ и другихъ—нѣсколько платковъ, очипковъ, для брата невѣсты складникъ (складной ножъ), для сестры нѣсколько аршинъ красной ленты...

Все это несетъ младшій дружба. Старшему дружбѣ даютъ гильце съ коровая, а иногда и самый коровай. Молодой беретъ хлѣбъ, которымъ его благословляли, когда онъ шелъ къ вѣнцу. Ѣдутъ только въ томъ случаѣ, когда невѣста живетъ далеко. Обыкновенно идутъ пѣшкомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди женихъ съ старшимъ дружкомъ, за ними всѣ бояре идутъ попарно, за послѣднею ихъ парой—музыка, а за музыкою — родители и родственники жениха (Чуб. IV. 315).

[132]) Мати Иванка родила
Мисяцемъ обгородила,
Сонечкомъ пидперезала
Въ дориженьку выпроважала.
Въ тую свитлоньку новую
По тую Марью молодую (Чуб. IV. 316).

[133]) Осидлавъ ему девьять коней сивыхъ,
А десятого вороного
Пидъ ёго молодого (Чуб. IV. 317).

[134]) Напекла ему девьять печей хлиба
А десяту ничъ—коровая (ibid.).

[135]) Бери, сынку, всю родиноньку
И близькую, и далекую,
И вбогую, и багатую.
Багатую—для славоньки,
Убогую—для порадоньки (ibid.).

онъ тебѣ все-таки не то, что родной отецъ [136]). Кромѣ того отецъ заповѣдаетъ ему не пить поднесенной ему первой чарки, а вылить ее на гриву коню.—Отъ этого конь твой пойдетъ гордо, и всѣмъ боярамъ твоимъ будетъ слава [137]). Женихъ князь какъ бы выѣзжаетъ на ловитву [138]), онъ будетъ проѣзжать зеленымъ боромъ, по каменнымъ мостамъ, будетъ боръ шумѣть, будетъ камень звенѣть, заслышатъ люди, пойдетъ молва между ними, услышитъ невѣста и возрадуется [139]). На пути женихъ князь встрѣтитъ символическую калину и захочетъ рубить ее, а она скажетъ ему, чтобъ онъ не рубилъ ее: она не для него посажена, для него—приготовлена молодая невѣста [140]). Если князь и заѣдетъ въ чужую сторону, за то съ нимъ вся родня его [141]), у него конь воропой, съ нимъ бояринъ молодой, и сваха пѣвунья и свѣтилка чорнобровая [142]).

---

[136]) Отець сына выряжае, выряжае, наказуе:
Та не кажи, сыну, тестеви всю правду,
Бо тесть тоби не батенько (Чуб. IV. 319).

[137]) Не пій, сынойку, першого напоеньку;
Ой вылій же го коненькови на гривоньку,
Коничокъ пійде пидъ тобою горденько,
То жъ то намъ буде всимъ боярамъ славненько (Чуб. IV. 317—318).

[138]) Нашъ Ивасенько, нашъ короленько, на ловы выѣзджае! (ibid. 317).

[139]) Да будемо ѣхать боромъ зеленымъ,
Боромъ зеленымъ, мостомъ камьянымъ;
Боръ буде шумѣти, а камень звенѣти:
Да зачують люде—намъ слава буде,
Да зачуе Марусенька—намъ рада буде! (Метл. 181).

[140]) По пидъ лугомъ стежечка;
Туды ѣхавъ молодый Ивасько,
Изъ подъ бока шабельку вытягае,
Да на тую калиноньку замѣряе.
Стала къ ему калинонька промовляти:
Ой стой, Иванко, не рубай!
Не для тебе ся калинонька сажена,
За-для тебе Марусенька зряжена (Метл. 182. Чуб. IV. 322).

[141]) А въ кого конѣ—сѣдлайте,
А въ кого сыны—выряжайте!
Ой поѣдемо въ чужину, въ чужую сторону
Ой не бійсь, Иванко, да не чужа сторона,
А въ насъ родина все своя (Метл. 180—181).

[142]) ... Чи маешъ коничeнька воропого,
Чи маешъ бояринa молодого,
Чи маешъ сваху спиваху,

Выѣздъ представляется совершающимся ночью [143]). Князь призываетъ своихъ бояръ ѣхать съ нимъ во дворъ къ его тестю, къ своей Марусенькѣ за столъ [144]). Но не даромъ батюшка, снаряжая сына-князя, совѣтовалъ ему не вполнѣ довѣряться тестю. Придется таки не легко добывать красавицу. И вотъ видимъ мы въ пѣсняхъ отраженіе тѣхъ давно минувшихъ временъ, когда при рѣдкости населенія, при господствѣ разныхъ побужденій у народностей, отдѣленныхъ другъ отъ друга лѣсами и болотами, приходилось дѣйствительно подвергаться всякимъ неудобствамъ и опасностямъ звѣроловнаго быта [145]); ѣздить можно было въ путь только съ значительнымъ кружкомъ своихъ родичей,—тогда дружелюбныя связи между родами устанавливались только послѣ того, какъ подружившіеся прежде помѣряются взаимно между собою удалью и отвагою, — самые супружескіе союзы заключались тогда съ бою, о чемъ говорятъ наши старыя лѣтописи, сообщая, что у многихъ племенъ брака въ нашемъ смыслѣ еще не образовалось, а было только умыканіе дѣвицъ, а умыканіе вело столкновеніе между родами молодца и дѣвицы. Вотъ такое-то умыканіе даетъ о себѣ вспомнить и въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Князь со своими боярами собирается дѣйствовать силою, разбивать каменныя стѣны, ломать замки, чтобы достать невѣсту [146]). Онъ не даромъ князь.

Чи маешъ свѣтилку чорнобривку?
Бо чужая сторона, що бъ не було намъ сорома! (Чуб. IV. 319).

[143]) Ой ты, Иване, видважный козаче!
Де ся выбираешъ въ дорогу по-ночи? (Чуб. IV. 320).

[144]) Бояры молодыи, учинить мою волю,
Та ходимъ зо мною до тестенька въ двиръ.
До Марусеньки за стилъ (ibid.).

[145]) Вода луги позаливала, дороги позабирала,
Нѣкуды переѣхати (Голов. IV. 220).

[146]) Та пійдемо тихимъ Дунаемъ до замку,
Постаемося во три радочки на ганку,
Тамъ будемо билый каминь лупати,
Же бы сь мо могли молоду Марисю піймати (Чуб. IV. 320—321).
. . . . . .
По всимъ селѣ заграно,
Заграно, забубнено,
Бояры побуджено:
— Встаньте, бояры, встаньте!

Онъ—князь временъ древнихъ, богатырь-витязь, идетъ съ своею боярскою дружиною, по лѣсамъ охотятся они за куницами, въ поляхъ за перепелами, чрезъ село проѣдутъ—подрубаютъ колья, на дворъ ли въѣдутъ—конь его раскопаетъ землю на дворѣ, а самъ онъ въ сѣни войдетъ—не снимаетъ шапки [147]). Онъ какъ вѣтеръ идетъ съ брани: гдѣ станетъ, тамъ земля стонетъ, куда глянетъ—трава вянетъ, прикажетъ разбивать Львовъ, доставать себѣ королевну [148]). Но не придется ему прибѣгать къ такимъ мѣрамъ [149]). Въ пѣсняхъ отразилось наслоеніе послѣдующей эпохи, когда сила стала замѣняться миролюбивыми сдѣлками. Вѣдь и въ тѣ времена, когда господствовали умыканія дѣвицъ, уже лѣтописецъ замѣчаетъ, что умыкали такихъ, съ которыми прежде совѣщались на игрищахъ. Тогда умыкатель примирялся съ недовольнымъ родомъ умыкаемой дѣвицы посредствомъ даровъ, откуда и вышелъ древній обычай платить вѣно за невѣсту. И эта черта есть въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Князь несетъ дары и отъ себя и отъ своей матери [150]). Невѣста уже ожидаетъ его. Отсунь окно, говорятъ ей, погляди, хорошъ ли Иванъ на конѣ? Хорошъ, матушка, отвѣчаетъ невѣста—краше

Коники посидлайте,
Сами ся убирайте,
Бо поѣдемо ранкомъ
По пидъ высокимъ замкомъ,
Будемъ замки ламати,
Марусеньку доставати (Чуб. IV. 321).

[147]) Ой лисомъ ѣдуть—на кунейки стриляють,
Ой полемъ ѣдуть—перепелоньки имають,
Селомъ выѣзжають—колоньки пидтинають,
На двиръ пріѣзжае—коничокъ двиръ копае,
До сѣней входить—шапоньки не здіймае (Чуб. IV. 324).

[148]) Повѣе вѣтеръ по гори,
Прійшовъ молодый зъ войны;
Ой где стане—земля стогне,
Куды гляне—трава вяне,
А каже Львивъ розбивати
Королевну добувати (Чуб. IV. 325).

[149]) И замкивъ не зламали,
И Марусеньку достали (Чуб. IV. 321).

[150]) Дары идуть, дары идуть,
Одъ Ивася молоденького
Одъ его неньки старенькои (Метл. 186).

всѣхъ, стоитъ на конѣ, словно солнце, конь его блеститъ павшею на него росою, а самъ молодецъ — красотою [151]). Прекрасенъ дворъ у тестя, въ немъ трое воротъ: въ одни входитъ мѣсяцъ, въ другія—солнце, въ третьи молодецъ въѣдетъ и съ нимъ станетъ весело. Идетъ молодецъ къ дѣвицѣ, словно мѣсяцъ къ звѣздочкѣ [152]). Изъ дѣвической стыдливости говоритъ невѣста отцу, чтобъ затворили ворота и не впускали молодца [153]). Какъ его не впустить —отвѣчаютъ ей, когда онъ просится, разстилаясь хмѣлемъ около двора, барвинкомъ въ сѣняхъ, василькомъ въ хатѣ, становится соколомъ за столомъ [154]). Запрячь меня, матушка —говоритъ невѣста—въ вишневый садикъ, обсади вишнями и черешнями [155]). Запрячу тебя—отвѣчаетъ мать—за тесовый столъ, обсажу дружками [156]).

---

[151]) — Чи хорошъ Ивашко на кони? —
„Та хорошій, матинко, красчій всихъ,
Ой одсуну жъ я виконце,
Стоить Ивашко якъ сонце,
Конячокъ припавъ росою,
Самъ винъ молодый красою (Чуб. IV. 323).

[152]) А въ мого тестенька трое воритець,
Въ одни воритьци мисяць засвитить,
Въ други воритьци сонецько зійде,
Въ трети воритьци молодчикъ въѣде.
Мѣсяць засвитить—видненько буде,
Сонецько зійде—тепленько буде;
А хлопець въѣде—веселенько буде:
Иде хлопець до дѣвки,
Якъ мѣсяць до зирки (Чуб. IV. 324).

[153]) Просила Марусенька свого татусенька:
„Татунечку мій любый,
„Запирай воротечка—не пусти Ивасенька“ (Чуб. IV. 326).

[154]) Якъ го не пустити, коли винъ ся просить,
Коли винъ ся стелеть по подвирью хмелемъ,
А въ сняхъ—барвиночкомъ,
А въ хати—василечкомъ,
А за столомъ — соколомъ (Чуб. IV. 327. Żeg. Pauli. Piesni. rusk. nar. 114).

[155]) Уже гости, уже на помости,
Въ синечки вступають,
„Заховай мене, моя матинко,
„Въ вишневый садочокъ.
„Обсади мене вишнями, черешнями“ (Чуб. IV, 326).

[156]) Заховаю тебе, моя доненько,
За тесовый столикъ,

Въ пѣснѣ приглашается мать невѣсты встрѣчать зятя уже не только нареченнаго, но обвѣнчаннаго [157]). Тутъ въ свадебномъ дѣйствіи опять вспоминаются времена отдаленныя, времена умыканія и насилія. Поѣздъ жениха долженъ нѣкоторое время ждать у воротъ. Принадлежащіе къ поѣзду невѣсты стерегутъ ворота двора. Происходитъ какъ бы примѣрная битва, кончающаяся переговорами [158]).—Мы тебѣ не докучимъ, только ночку переночуемъ, бочонки твои опорожнимъ и дѣвочку съ собой возьмемъ [159])!—Предлагаютъ водки въ качествѣ окупа за впускъ [160]). При этомъ и подсмѣиваются надъ хозяевами, которые не пускаютъ гостей [161]). Роль примирителей принимаютъ на себя старосты съ обѣихъ сторонъ. Двое жениховыхъ старостъ перелѣзаютъ черезъ ограду во дворъ, гдѣ уже приготовлена хлѣбъ-соль и тамъ стоятъ двое невѣстиныхъ старостъ. Старосты обмѣниваются между собою хлѣбомъ, цѣлуются, угощаютъ другъ друга водкой и, наконецъ ворота открываются: весь поѣздъ вваливается во дворъ [162]). Мать невѣсты встрѣчаетъ жениха въ тулупѣ, вывороченномъ шерстью на верхъ, какъ бы думая испугать гостей [163]).

Обсажу тебе, моя доненько,
Молодыми дружечками (ibid. 327).

[157]) Выйди, мати, зъ хаты,
Свого зятя витати;
Вчора бувъ нареченый
А сёгодня звинчаный (ibid. 328).

[158]) Ѣхали мы три мили,
Коники попотили;
Ой нашъ милый свату,
Пусти-жъ насъ у хату,
Коникамъ супочити
Намъ суконьки посушити! (Чуб. IV. 328).

[159]) Мы тоби не докучимо,
Сюю ниченьку заночуемо,
И бочечки попорожнимо,
И дивочку собѣ возьмемо (Чуб. IV. 329).

[160]) Даемо вамъ горилки
Пускайте насъ до дивки (ibid. 330).

[161]) Ой у нашого свата соломъяна хата:
Боится насъ пустити, щобъ ѣи не розвалити! (ibid. 330).

[162]) Ой, где жъ вы тамъ посланци бували?
Ой, бувалисьмо въ тимъ дому,
Ой, видалисьмо молоду Марисю за столомъ (ibid. 338).

[163]) Вбралась теща у вовчники,
Для зятнёи причинки.

Она предлагаетъ жениху водки въ угощеніе. Женихъ, помня заповѣдь своего родителя, не долженъ пить, а долженъ передать чарку старшему боярину изъ своего поѣзда, а тотъ выливаетъ водку на гриву коню, чтобы теща была ласкова къ зятю [164]). Что жъ ты мнѣ подаришь? спрашиваетъ зять у тещи [165]). Теща предлагаетъ одно за другимъ — пару лошадей, пару воловъ, стадо овецъ, скрыню, перину, — зять отъ всего отказывается, наконецъ теща предлагаетъ дочь и тогда зять говоритъ, что будетъ ее считать за родную мать [166]). Тогда поется въ пѣснѣ— теща съ своей стороны сознается, что до сихъ поръ не совсѣмъ довѣряла ему, но теперь принимаетъ какъ милаго сына [167]). Между тѣмъ въ хатѣ невѣста бросается къ ногамъ отца и проситъ впустить во дворъ поѣздъ, а самого жениха ея посадить за столъ [168]).

Вступая въ хату, гости обмѣниваются съ принимающими ихъ пѣсенными привѣтствіями [169]). Дружки, сидящія съ невѣстою,

---

Да хотила зятя злякати,
Не хотила дочки отдати.
Да зять того не боиться,
Близько киля дочки садовиться. (Чуб. IV. 339—340. Метл. 191).

[164]) Не пій, Ивасю, первого привиту,
Бо першій привитъ лихій.
Дай старшому свату, родному брату,
Ой нехай выльле конику на гриву...
Що бъ у коня грива кудрява була,
Що бъ на тебе теща ласкава була (Чуб. IV. 339).

[165]) А зять тещу пытае:
„Тещенько, сива голубонько,
„Щожъ ты мени даруешъ?“ (Чуб. IV. 340).

[166]) Тещенько, ридна матинко,
Я жъ тепера тоби сынъ буду! (ibid.).

[167]) Ой зятю жъ мій зятю, да милый же ты сыну!
Я жъ тебе змовляла да вѣроньки не ймала,
Теперъ вѣроньку иму, що за зятенька пріиму (Метл. 192).

[168]) Батеньку до нигъ впала:
А мій батеньку ридный,
Пускай бояренькн на двиръ,
Мого Ивася за тесовый стилъ! (Чуб. IV. 337).

[169]) Добрый вечиръ тому, хто въ цёму дому:
Бодай здорови були, що насъ не забули,
За старого й малого, и за Бога святого! (Чуб. IV. 340).

должны подвинуться и дать мѣста боярамъ [170]). Но братья невѣсты сидятъ около нея съ поднятыми палками, особенно старшій братъ, сидящій ближе всѣхъ къ невѣстѣ, принимаетъ воинственный видъ. Сама она готова встать привѣтствовать жениха и принять его гостинцы [171]), а братья не сдаются и хотятъ драться [172]). Имъ предлагаютъ окупъ. Брата уговариваютъ въ пѣснѣ, чтобъ онъ не продавалъ сестры [173]). Онъ ее крѣпко удерживаетъ за руку [174]), готовъ даже защищать ее сѣкирою [175]). Но потомъ онъ прельщается предложеніями жениха [176]). Пѣсня уговариваетъ жениха не скупиться и заплатить пощедрѣе [177]), хотя бы пришлось семь дней молотить, чтобы заработать на

---

[170]) Посуньтеся, та дивчаточка,
А видъ стола да до запичка,
Нехай сяде чужина,
Вся Иванкова дружина (ibid.).

[171]) Ой устань, Марусю, не лежи,
Ой Иванько йде, гостинцѣ несе,
Ой я встану и привѣтаю
И гостинцѣ принимаю (Метл. 193).

[172]) Не наступай литва,
Буде межъ нами битва;
Будемъ бити да воювати,
Маруси не давати (Чуб. IV. 346).

[173]) Не продавай сестры
За гришъ за чотыри:
Сестриця родима,
За столомъ якъ калина (Чуб. IV. 346).

[174]) Братъ коло сестрицѣ сидить,
Да за рученьку держить,
Да не хоче да попустити
Чужой чужинонци
Своеи роднои сестрици (Чуб. IV. 347).

[175]) Братчику та, голубчику!
Возьми соби сокирочку.
Сѣчи, рубай, сестры не дай (ibid.).

[176]) Запродамъ тебе, сестрице моя,
За сто золотыхъ червоныхъ (ibid.).

[177]) Не стой, зятю, за плечима,
Да не лупай очима,
Клади руку у кишеню,
Да выймай грошей жменю;
Клади на тарѣлку
За Марьечку дѣвку (Чуб. IV. 348).

сведеніе шурина съ его мѣста [178]). Когда, наконецъ, сдѣлка состоится и шуринъ сойдетъ—пѣсни подсмѣиваются надъ нимъ [179]), называютъ его татариномъ [180]), отсылаютъ его за печь воевать съ котами [181]); пѣсни шутятъ и надъ боярами и даже надъ женихомъ, если онъ не съумѣетъ ловко поцѣловать своей невѣсты [182]).

Во всѣхъ описанныхъ нами обрядахъ отразилась, какъ мы вообще замѣтили, исторія народа. Вотъ времена далекія, языческія — поклоненіе водѣ; остатки жертвоприношеній,—вотъ времена, когда народъ не составлялъ государственнаго тѣла, но былъ разбитъ по селамъ, разстоявшимъ одно отъ другого на немалое пространство, разбитъ на роды, или не знавшіе одинъ другого по неудобству путей или враждовавшіе между собою. Видимъ слѣды умыканія, слѣды насильственныхъ похищеній. Жизнь, подходившая къ жизни звѣрей, которыхъ ловилъ тогдашній человѣкъ. Но вотъ шагъ выше на дорогѣ къ образованности. Эпоха примиренія между ссорившимися родами. Эпоха сдѣлокъ и эта эпоха выработалась главнымъ образомъ чрезъ женщинъ, подобно тому, какъ римляне соединились съ сабинянами чрезъ посредство похищенныхъ сабинянокъ. Вотъ и эпоха князей, когда они съ набранными изъ вольныхъ удальцовъ дружинами, рыскали, ища себѣ столовъ и власти и заключали рядъ съ землями, или быв-

---

[178]) Треба сѣмъ день молотити
Що бъ шурина зъ покутя скупити (Метл. 194).

[179]) Не въ правдѣ братко кохався
Що за сестрицю змагався,
Да побачивъ чарку на тарѣлцѣ
Пропивъ сестрицю на горѣлцѣ (ibid.).

[180]) Татаринъ братко татаринъ
Продавъ сестрицю за таляръ,
Русу косу за шостакъ,
А бѣле личко пошло й такъ (ibid. 195).

[181]) Въ запичъ, шурине, въ запичъ
Съ котами воювати,
Не сестру продавати (Чуб. IV. 356).

[182]) Бояре шляхецькіи,
Межъ вами женишище,
Якъ горилее днище.
Боярамъ свини пасти,
А Ивашку, заганяти,
Що не вміє цилувати (Чуб. IV. 354).

шими не въ силахъ прогнать ихъ или сами въ нихъ находившими нужду для успокоенія внутреннихъ безпорядковъ у себя. Вотъ и память о Литвѣ, которая завоевала когда-то разрозненную Южную Русь и соединила ее въ одно политическое тѣло, сама подчинившись ея духовному культурному вліянію. Вотъ и татары, торговавшіе людьми, вотъ старый козацкій бытъ, когда все удалое, рыцарское, молодецкое облекалось въ образъ козака.

Что всего замѣчательнѣе — это свадебные обряды, съ накопившимися на нихъ слоями разныхъ періодовъ и укладовъ народной исторіи, наглядно указываютъ на демократическій строй, господствовавшій всегда въ сознаніи этого народа, хотя внѣшнія условія постоянно препятствовали его водворенію и укрѣпленію въ общественной средѣ. Хотя пѣсни свадебныя съ принадлежащими къ нимъ пріемами и дѣйствами —исключительное достояніе мужицкаго быта, но многое и представляетъ черты быта болѣе высшаго, болѣе знакомаго съ удобствами жизни: это несомнѣнный признакъ, что тѣ же пріемы, тѣ же обряды, тѣ же пѣсни были достояніемъ и другихъ слоевъ общества. Такъ-называемый высшій классъ не былъ въ культурномъ отношеніи отдѣленъ китайскою стѣною отъ низшаго, какъ теперь. Народъ развивался одинаково: если коснѣли въ темнотѣ, то не одинъ мужикъ, а также и панокъ или войсковой товарищъ, часто не умѣлъ подписать своего имени, за то и мужицкія дѣти одинаково учились наравнѣ съ панскими, если у родителей ихъ было состояніе и кругъ свѣдѣній цѣлаго народа расширялся одинаково. Вотъ, сообразно этому, въ свадебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ черты, указывающія, что эти самыя пѣсни пѣлись не въ однѣхъ мужицкихъ хатахъ, но и въ домикахъ панскихъ.

Слѣдуетъ затѣмъ раздача подарковъ отъ жениха [183]) и отъ

---

[183]) Ой на дворі призьба
На ній рушникивъ триста,
Пійдите, принесите,
Та бояръ прикрасите (Чуб. IV. 361).
. . . . . .
Несите дары за дары,
Да щобъ нашыи дары
Да у Кіеви стали,
Шовкомъ мережани,

невѣсты [184]) съ припѣвами, потомъ приносъ въ хату и дѣлежъ коровая [185]).

Послѣ раздачи коровая происходитъ покрываніе невѣсты, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и расплетаніе косы, которое въ другихъ совершается, какъ выше показано, предъ вѣнчаніемъ. Невѣста представляется въ пѣсняхъ оплакивающею сокрытіе своей косы дѣвической [186]). Мать идетъ въ комору за серпанкомъ или намѣткою, которая въ пѣсенной рѣчи носитъ названіе завивайла. Послѣдній косникъ—лента въ косѣ — снимается женихомъ: это его достояніе на память. Серпанокъ-завивайло—представляется пугаломъ. Ѣхалъ—поется—за нимъ дружба за море доставать изъ подъ бѣлаго камня, но не поднялъ камня и не добылъ завивайла [187]). Мать выноситъ серпанокъ изъ коморы. Дружки поютъ: догадайся, Маруся, зачѣмъ это ходила мать въ комору: за рутянымъ вѣнкомъ или за бѣлымъ, какъ

Золотомъ гантовани
Свому роду даровани (Чуб. IV. 362).

[184]) По тихому Дунаечку билила,
По крутому бережку стелила,
А всю свою родиноньку обдарила.
Тожъ-то наша Маруся прядка була,
Тожъ-то вона раненько вставала,
На подарочки напряла
Усю свою родиноньку обдилила (Чуб. IV. 363).

[185]) Коровай зъ шишками,
Розлука зъ дружками.
Свити, Боже, зъ раю,
Нашому короваю.
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибнесенько,
Дрибненько, бояроньку,
Коровай край,
Всю нашу родиноньку обсылай
Насъ, дружечокъ, не забувай! (Чуб. IV. 376).

[186]) Ой жаль менѣ тебе русявая косо!
Да не рокъ я тебе кохала,
Що недѣлоньки вмывала,
За одинъ ранокъ утеряла (Метл. 206).

[187]) Дружку ѣхати по завивайло,
Та на море пидъ билъ камень.
Дружко поѣхавъ, каменя не знявъ,
И завивайла не взявъ (Чуб. IV. 365).

бумага, завивайломъ [188]). Дружба принимаетъ отъ матери серпанокъ и держитъ его на тарелкѣ. Его—поетъ пѣсня—не свѣетъ вѣтеръ, не сожжетъ солнце, не смоетъ дождь; его износитъ молодая Маруся [189]). Это бѣлое завивайло будетъ ей вѣчное покрывало [190]). Не хочется ей покрываться, не мило ей завивайло, милѣе—дѣвичьи ленты [191]), но еслибъ она сильно не хотѣла, то не шла бы замужъ, сидѣла бы у батюшки [192]). Не такъ ей тяжело покрываться, какъ разлучаться съ подругами [193]). Не объ отцѣ и не объ отцовскомъ дворѣ она тоскуетъ: жаль ей русой косы своей, дѣвической красоты: дѣвицы гуляютъ, колышатся ихъ косы, а ее въ свою среду онѣ уже не примутъ [194]). Мать [195]) и подруги [196]), покрывая ее, желаютъ ей здоровья и

---

[188]) Догадайся, Марусе,
Чого мати въ комору пійшла?
Чи по рутяный вѣночокъ,
Чи по бѣле завивайлочко?
Бѣле да бѣлесеньке
До наперу ривненькее (Метл. 206).

[189]) Поглянь, Марусю, на порогъ
То йде дружбонько ворогъ твій.
Несе коровай на вѣцѣ
Бѣле завивайло на тарелцѣ,
То не вѣтеръ его не звѣе,
Ни сонце его не спале,
Ни дрибный дожчикъ его не змоче
Молода Маруся износе (Метл. 207--208).

[190]) Ой бѣлое завивайло,
Да вѣчное покрывайло (ibid.).

[191]) Покриванниця плаче—
Покриватись не хоче.
Серпанки—поганки,
Бандочки—коханки (Чуб. IV. 367).

[192]) Якъ бы вона не хтила
Тобъ у батенька седила (ibid.).

[193]) Не такъ покриваться,
Якъ съ нами роставаться (Чуб. IV. 368).

[194]) Ой не жаль менѣ батенька старого,
Тильки жаль мени русои косы,
Дивоцькои красы;
Дивки гуляють, кисками мають,
А мене не приймають (ibid.).

[195]) Покрываю тебе, моя доненько.

[196]) Мы жъ тебе, сестрице, скрываемъ,
Счастьтямъ-здоровьемъ надѣляемъ! (ibid.).

красоты [197]). Но гдѣ теперь коса твоя, поется въ пѣснѣ — не полетѣлали въ поле? Нѣтъ, она свернулась въ клубочикъ [198]). Гдѣ теперь твой вѣнокъ дѣвическій? Отдала его спрятать подъ замокъ на вѣчные вѣки [199]). Какъ бы играя, въ пѣснѣ говорятъ ей подруги: не хорошо, не хорошо тебѣ въ этомъ нарядѣ! Скинь чепецъ, брось подъ печъ, скинь кибалку — брось подъ лавку! Надѣнь опять свой рутяной вѣнокъ, уберись въ ленты, идемъ съ нами на вечерницы [200]). Не будетъ по вашему, дается на это приговоръ въ пѣснѣ: Ивась сдаетъ свое молодечество, а Маруся свое дѣвичество [201]).

Наступаетъ за тѣмъ—ужинъ съ припѣвками. Въ пѣсняхъ, относящихся къ этой части ритуала выражается невозвратность положенія, которое потеряла новобрачная. Ей грустно, она склоняетъ голову, но все уже напрасно, ни вѣтеръ, ни дождь, ни людскіе языки — ничто не разорветъ союза новобрачныхъ [202]).

---

[197]) Будь здорова якъ вода,
Будь прекрасна якъ весна (Чуб. IV. 371).

[198]) Где ся косойка дила?
Чи у поле полетила?
Вона въ поле не летила
Ено ся въ клубойко звила (Чуб. IV. 369).

[199]) Где сь дила свій винойко?
Дала мъ ю оковати,
До скрынойки сховати,
На вики вичныи (Чуб. IV. 370).

[200]) Покинь чепець пидъ печъ,
А кибалку пидъ лавку,
Тобѣ не подоба,
Бо не пристало до лоба.
Рутяный вѣнокъ
Склади на головку,
Да надинь стрички и коснички,
Да ходимъ зъ нами на вечорнички (Метл. 209. Чуб. IV. 372—373).

[201]) То Иванъ гомонить—молодесьтво здае,
То Марусенька гомонить—дивованьне здае (Чуб. IV. 373).

[202]) „Вже жъ ты, Марусю, звинчана:
Буйны витры не розвіють,
Дрибныи дощи не розмыють,
Людьски языки не розмовлять“.
И схилилася верба сверха до кореня,
Схилилася Маруся черезъ стилъ до матинки,
На стилъ головоньку клоныть,
А подъ столомъ слизоньки ронить (Чуб. IV. 389).

Какъ селезень съ уточкою вмѣстѣ щиплютъ водяную травку, такъ они сидятъ вмѣстѣ парочкою за трапезою [203]).

Вотъ уже и кони запряжены и возницы сидятъ на возахъ, собираются везти новобрачныхъ въ домъ мужа [204]). Въ пѣснѣ изображается, какъ новобрачная кланяется въ ноги родителю и благодаритъ за то, что живучи у него была любима и не отягощалась излишнею работою [205]).

По окончаніи ужина начинается отправка новобрачной четы. Это выражается и въ пѣсняхъ. Новобрачная должна садиться на возъ и покидать привычки житья, какое вела у отца [206]). Укладываютъ на возы скрыню съ приданымъ [207]). Пѣсня представляетъ, что мать, въ порывѣ материнской нѣжности, проситъ дочь переночевать у ней еще одну ночь, потому что расцвѣтаетъ роза, стелется барвинокъ. Но дочери уже не украшать себя розою и барвинкомъ: полюбила она Ивася и не хочетъ разстаться съ нимъ [208]). Такъ пѣсни да послѣднихъ минутъ

---

[203]) Де жъ бувъ селезень, де жъ була утонька?
Селезень—на ставку, утинка—на плаву.
Теперъ на одному сидять вони плаву,
Да ѣдять рясочку.
Де жъ бувъ Иванко, де жъ була Марьечка?
Иванко—у батенька, Марьечка—у матинки;
У одній свитлици ѣдять паляници,
Пьють вони медъ-вино изъ кубка одного (Метл. 214—215. Ч. IV. 390).

[204]) Вже жъ коники позапряганы,
Погоничи на возахъ сидять (Чуб. IV. 393).

[205]) Впала Маруся ажъ до ногъ:
— Спасиби тоби, ты мій батенько,
— За твое коханнячко,
— Що я жъ у тебе була, важкого дила не знала (Чуб. IV. 392).

[206]) Ой садовись, дивочко, на вози,
Да покидай батьковы норовы (Чуб. IV. 401).

[207]) Скрыня моя малёвана!
Да не рикъ не два пряла,
Да не зимочку ткала.
Ну-мо, мамо, дилитися:
Тоби хата, та комирочка,
Мени скрыня, та худибочка (Чуб. IV. 405—406).

[208]) Ѣи матинка просить:
— Молоденька Марисенька,
— Переночуй хочъ ниченьку,
— Бо вже рожа розцвѣтається,
— Барвиночокъ розстилається!

изображаютъ въ невѣстѣ колебанія между сожалѣніемъ о невозвратно преходящемъ дѣвичествѣ и между любовью къ своему суженому, и всетаки перевѣсъ остается за этой любовью. Все готово къ отъѣзду. Мѣсяцъ освѣщаетъ путь. Братъ провожаетъ сестрицу въ домъ свекра [209]). Жениховъ поѣздъ заранѣе хвалитъ житье-бытье, ожидающее ее въ этомъ домѣ [210]). Посылается напередъ соколъ во дворъ родителей жениха, чтобы тамъ дожидались невѣстки, застилали столы, клали на нихъ пшеничные хлѣбы, зажигали свѣчи [211]). Вотъ новобрачная въ послѣдній разъ обращается къ родной матери, кланяется ей въ ноги, устилаетъ землю своими косами, слезами обливаетъ ноги матери [212]). Женихъ торопитъ ее [213]), а она хочетъ вдоволь напрощаться съ отцемъ, съ матерью [214]), даже съ порогами, по

„Мени въ рожи не ходити,
„Барвиночку не носити:
„Полюбила Ивася, та й не можу одступити (Чуб. IV. 405—406).

[209]) Мисяць дориженьку освитывъ;
Братъ сестриченьку выпроводывъ:
„Отъ тоби, сестрице, дорога,
„Ѣдь до свекорка здорова! (Чуб. IV. 406).

[210]) Южъ сонце надъ горами,
Збирайся, Марусю, зъ нами,
Бо мы добрыи люде,
Добре тоби въ насъ буде:
Вода сама въ гарнець тече,
А сонейко хлибъ пече (ibid.).

[211]) Наша Маруся одъ батенька одъѣзжае,
По переду соколонька посылае:
„Лети, лети, соколоньку, до свекорка въ двиръ,
„Нехай дворы вымитають,
„Нехай столы тисовыи застилають,
„Нехай хлибы пшеничныи накладають,
„Нехай свичи восковыи незгасають,
„Нехай мене, молодои, дожидають (Чуб. IV. 408; Метл. 219).

[212]) Яжъ тоби, матухно, поклонюся,
Кискою земельку устелю,
Слизками нижки обилью (Чуб. IV. 410).

[213]) Ой, ты Марусю, вбирайся...
Ой сидай, сидай, коханьня мое,
Ницъ не поможе плаканьня твое (Чуб. IV. 416—417).

[214]) Зачекай мене хочъ пивтора дня,
Я ще $\frac{\text{своему батеньковѣ}}{\text{своей матинци}}$ не дяковала.

которымъ ступали ея ноги и по которымъ уже не будутъ ступать [215]). Не переходите, враги, дороги, пусть ее перейдетъ сперва Богъ, а потомъ мои родители [216]), поетъ пѣсня. Вотъ наконецъ двинулись, зазвенѣли колокольчики [217]). Осталась мать. Поглянетъ въ комору — нѣтъ скрыни, нѣтъ и вѣшалки для одежды; посмотритъ по свѣтлицѣ—нѣтъ ея дитяти, глянетъ въ окно—тамъ слѣдъ ея; пѣсня заставляетъ по дорогѣ уѣхавшей новобрачной расти символическіе васильки [218]). Исчезъ и зятекъ—истоптавши конскими копытами подворье, обобравши комору и взялъ съ собою ея дитя [219]). Скучно будетъ матери безъ дочки: выйдетъ она въ поле работать, некому будетъ помогать, сядетъ полудновать—не съ кѣмъ вести разговоръ [220]). Вспомнитъ она о дочери и жаль ей станетъ тогда, когда начнетъ она растоплять дрова и загребать жаръ въ печи или пойдетъ къ водѣ съ бѣльемъ [221]). На пути къ дому жениха поются пѣсни,

---

Дякую тоби, тату/мамо що ходила въ тебе гарно
А теперъ не буду (Чуб. IV. 417).

[215]) Ой дякую вамъ, пороги,
Де ходили били ноги,
Теперъ не будуть (Чуб. ibid.).

[216]) Пересердиться, вороги, не переходьте дороги;
Нехай же намъ перейде Господь Богъ, а посли батько мій,
А ясная зора—то мати моя
А ясенъ Богъ—то батько мій (Чуб. IV. 418).

[217]) Бряжчали колоколы, брянчали,
Туды жъ нашу Марьечку помчали (Чуб. IV. 420).

[218]) Пійди, мати, у коморю—скрыни нема!
Ой глянь, мати, на вишалку—одежи нема!
Пійди, мати, у свитлицю—дитины нема!
Ой глянь, мати, у виконце—тилько слидъ...
По дорози василечки поросли,
Куды твою дытыноньку повезли (Чуб. IV. 419).

[219]) Такъ бувъ зятенько, якъ не бувавъ,
Тильки мое подвирья киньми стоптавъ,
Тильки мою комору ограбовавъ,
Тильки мою дитину соби взявъ (Чуб. ibid.).

[220]) „Якого-сь буде, якого-сь буде да безъ донечки жити!“
Пійдешъ, матинко, у поле та зеленого жита жати,
Та займешъ широкую постать—ни зъ кимъ жита жати.
Сядешъ, мати, да полуднати—ни зъ кимъ розмовляти (Чуб. IV. 414).

[221]) Загрибай, мати, жаръ, жаръ,
Буде тоби дочки жаль, жаль,

гдѣ говорится о радости, какая ожидаетъ мать жениха, когда привезутъ къ ней невѣстку [222]). Но, оглядываясь назадъ къ родительскому дому, новобрачной становится грустно [223]). Вотъ пріѣхали. Пѣсня приглашаетъ мать жениха выходить и посмотрѣть, что̀ привезли ей бояре [224]). Новобрачная сравнивается съ пугливою тетеркою: не надобно полошить ее; пусть привыкаетъ къ своему дому [225]). Женихъ, кланяясь родителю, увѣряетъ, что его подруга будетъ угождать ему [226]). Есть слѣды стараго военнаго быта: женихъ говоритъ, что онъ ѣздилъ на войну и полонилъ хороводъ дѣвокъ, но выбралъ себѣ одну изъ нихъ [227]). Мать жениха представляется въ высшей степени довольною и говоритъ, что теперь она радуется паче нежели тогда, когда родила своего сына, и расточаетъ похвалы молодой невѣсткѣ и за ея красоту, и за походку и за рѣчь ея [228]). Уже и сама

Якъ итимешъ сорочокъ прати
Будешъ дочку споминати! (ibid. 401—402).

[222]) Отвори, мати, лиску,
Ведемо ти невистку,
До коморы ключницю,
До поля робитницю. (ibid. 429).
Ой радуйся, мати, своему дитяти,
Своему рожденному, другому сужденному (ibid. 422).

[223]) Ой плачу я плачу поки батькивъ двиръ бачу (ibid. 424).

[224]) Ой выйди, мати, погляди,
Що жъ тоби бояре привезли:
Да привезли скрыню кованую
И невѣсточку коханую (ibid. 429—430).

[225]) Привезена тетеречка...
Не кишкайте, не полохайте,
Нехай вона къ свому дому привыкае (ibid. 430).

[226]) Пріихавъ Ивась съ дружиною,
Батенькови въ ниженьки вклонывся:
— Не гнивайся, мій батеньку, на мене,
Що пріѣхавъ зъ дружиною до тебе!
Моя дружбонька буде тоби годити,
По твоимъ двори садъ-виноградъ садити! (Чуб. IV. 431).

[227]) Що я на войну ѣздивъ,
Звоевавъ да дивокъ танокъ;
Выбравъ я соби одну дивоньку молодую (Чуб. IV. 432).

[228]) Рада була, мій сыночку, що ты народывся,
А тепера и раднійша, що ты оженывся.
Выбравъ соби дивку червону, якъ калиноньку;
Що ступить—не похилиться,
Що скаже—не помылиться (Чуб. IV. 432).

новобрачная начинаетъ быть довольна своею перемѣною: ей сталъ милъ чепецъ и надоѣлъ дѣвическій уборъ [229]). Но тутъ же проглядываетъ и опасеніе, что какъ зима не будетъ такою, каково тихое лѣто—такъ и свекоръ не будетъ таковъ, какимъ былъ родной батюшка [230]).

Новобрачнымъ приготовляютъ ложе въ коморѣ [231]). Между тѣмъ всѣ садятся за столъ: молодые супруги на посадѣ въ почетномъ углу. Но тутъ поютъ, что новобрачная не хочетъ ни пить, ни ѣсть, а хочетъ уснуть [232]). Дружко ведетъ чету въ комору. Поются припѣвы нѣсколько двусмысленнаго содержанія [233]). Потомъ выводятъ изъ коморы чету и раздаются веселыя пѣсни, въ которыхъ величается калина—символъ соблюденія дѣвства невѣстою и брачнаго соединенія [234]). Вѣтвь калины, воткнутая у новобрачной за намѣтку, служитъ призывомъ къ всеобщему веселью [235]). Такая же калиновая вѣтвь, вмѣстѣ съ

---

[229]) Отожъ тебе Господь погодивъ,
Що ты мене въ чипчикъ нарядивъ;
Бо вже мени бинда обрядла,
А вже жъ мени чипчикъ—прилипчикъ (ibid.).

[230]) Не буде зима якъ тихе лито,
Не буде свекорка якъ ридный батенько (Чуб. IV. 433).

[231]) Ой хто буде спати,
Будемъ ёму да постиль стлати,
Соломки въ головки,
Сѣнця пидъ колѣнця,
А мяты пидъ пьяти,
Що бъ було мъягко спати (Чуб. IV. 435).

[232]) Не хочу я ѣстоньки да питоньки,
Бо вже мое тило спати захотило... (Чуб. IV. 436; также 437).

[233]) „Ой мамцю, мамцю, до комори ведуть!“
— Цить, доню, тоби меду дадуть!
„Ой мамцю, козакъ на мене лизе“.
— Цить, доню, винъ тебе не зариже.
„Ой мамцю, вже й пожикъ выймае?“
— Цить, доню, винъ боже думае (Чуб. IV. 437).

[234]) Темного луга калина, весь лугъ окрасила,
Доброго батька дитина, весь ридъ звеселила,
Ничого дивувати: така була ёи й мати (Чуб. IV. 443—444).

[235]) Ой пойду я у лугъ по калину,
Да выломлю калинову вѣтку,
Да застромлю за бѣлу намѣтку.
Нехай моя калинонька вьяне
Нехай моя родина гуляе (Метл. 234).

бутылкою водки, посылается къ родителямъ новобрачной на знакъ, что она соблюла цѣломудріе [236]). Это доставляетъ большую радость и честь родителямъ. На знакъ торжества мать невѣсты приглашается въ пѣснѣ обуться въ красные сапожки [237]). Благодареніе вамъ,—обращается пѣсня къ обоимъ родителямъ новобрачной—благодареніе за кудрявую мяту, за кресчатый барвинокъ, за пахучій василекъ, за красную калину, за вашу честную дочь [238]). По возвращеніи въ домъ жениха посольства, отправлявшагося къ родителямъ невѣсты, у новобрачнаго идетъ ужинъ, поются пѣсни, плачутъ, а новобрачные ужинаютъ особо въ коморѣ и непремѣнно жареную курицу — символическую яству брачнаго часа [239]). Достойно замѣчанія, что и въ великорусскихъ старинныхъ царскихъ и боярскихъ свадьбахъ, курица является также символическою брачною яствою [240]).

---

[236]) Калинонька наша Маруся,
Подъ калиною лежала,
Калину ламала,
До батенька слала:
— Отъ тоби, батенько, отъ тоби да подарочокъ,
Чорвоная да калинонька,
Одъ любои да дитинонькн! (Чуб. IV. 445).

[237]) Да не бійся, матинко, не бійся,
Въ червони чоботки обуйся,
Топчи вороги пидъ ноги
А супостатамъ пидъ ньяты,
Що бъ перестали брехати (Чуб. IV. 450—451).

[238]) Та добры-день $\frac{\text{таточку}}{\text{матинко}}$ добры-день,
Лучча була инченька якъ сей день.
Спасиби тоби, сваточку
За твою кудряву мъяточку,
За хресчатый барвинночокъ,
За запашненькій василечокъ,
За червону калину,
За твою добру дитину (Чуб. IV. 452).

[239]) Чуб. IV. 444.

[240]) ...а самъ князь великій вшедъ въ палату сядетъ на своемъ мѣстѣ, а тысяцкому и дружкамъ велитъ сѣсть по своимъ мѣстамъ. Да какъ изсажаетъ всѣхъ и поставятъ передъ великаго князя и передъ великую княгиню куря печеное, а большой дружка вставъ обертитъ куря и съ блюдомъ и съ скатертью верхнею да отнесетъ къ постелѣ, и съ великою княгинею пойдетъ тысяцкой и дружки и свахи всѣ (Др. Россіск. Вивліоѳ. XIII. Свадьба великаго князя Василія Ивановича стр. 12). А послѣ третьей ѣствы поставили передъ царя и великаго князя и передъ царицу и великую княгиню куря жаркое, а боль-

Собственно этимъ и оканчивается ритуалъ свадебной трилогіи. Затѣмъ слѣдуетъ такъ сказать эпилогъ. Это въ народномъ пѣсенномъ языкѣ называется «перезвою». Свадебныя торжества, состоящія въ пиршествахъ, попойкахъ, пѣсняхъ и пляскахъ, продолжаются нѣсколько дней — обыкновенно до четверга включительно, какъ объ этомъ заявляется выразительно и въ пѣсняхъ [241]).

Въ понедѣльникъ старшій бояринъ водружаетъ на большомъ шестѣ красную ткань и вѣшаютъ такой же кусокъ на воротахъ. Старшій бояринъ обвязывается красною лентою, беретъ съ собою черную курицу и пирожки, обмазанные медомъ, за нимъ слѣдуютъ опоясанныя черезъ плечо красными лентами дружки, а замужнія женщины, принадлежащія къ числу свадебныхъ гостей, называемыя приданки, обвязываютъ себѣ красными лентами головы поверхъ своихъ обыкновенныхъ головныхъ уборовъ; даже бутылки съ водкою обвертываютъ чѣмъ-нибудь краснымъ. Вообще красный цвѣтъ — признакъ свадебнаго торжества, если невѣста окажется цѣломудренною [242]). Идутъ къ родителямъ новобрачной и женихъ зазываетъ ихъ къ своимъ родителямъ на обѣдъ [243]). Тогда происходитъ раздача подарковъ

шой государевъ дружка, обертѣвъ куря съ блюдомъ и съ перепечею и съ солонкою скатертью другою, отнесъ къ сѣннику и отдалъ именно боярину Глѣбу Ивановичу Морозову. А послѣ того царь и великій князь изъ за стола вставъ пошелъ къ сѣннику и съ царицею и великою княгинею (ibid. стр. 208. Сватьба первая царя Алексѣя Михайловича).

[241]) Суботонька--то збирный день,
Недилонька—весильный день,
Понедилокъ—избавь дивку,
Въ вивторокъ—піймо горилку,
У середу—покатимъ бочку,
А въ четверъ—до домочку (Чуб. IV. 454).

[242]) Чуб. IV. 455).

[243]) Ой зять тещу просить,
У рукахъ шапку носить:
Охъ и теща моя,
И голубка моя,
И ходижъ до мене.
Есть у мене симъ бочо̀къ
И полубочо́къ
Да солодкаго меду—
Прошу жъ тебе та й на беседу (Чуб. IV. 462).

новобрачныхъ со стороны собравшейся родни ихъ [244]). Во вторникъ пируютъ у родителей новобрачной. Въ эти дни свадебные поѣзжане разгуливаютъ по селу и поютъ перезвянскія пѣсни. Это короткіе принѣвы, каждый стиха въ четыре, а нѣкоторые только въ два, шуточнаго содержанія, не принадлежащіе къ обряду. Ихъ безчисленное множество; онѣ вездѣ импровизируются по вдохновенію. Иныя — двусмысленнаго содержанія и даже циничны и непристойны, если новобрачная окажется потерявшею цѣломудріе до брака. Въ послѣднемъ случаѣ — по народному понятію никакъ нельзя вспоминать въ пѣсняхъ о калинѣ, которая есть символъ исключительно цѣломудренной женщины. Преступница подвергается поруганіямъ и насмѣшкамъ, даже побоямъ отъ мужа, если она ему заранѣе не сознается о своемъ паденіи. Не только она, но и даже ея родители подвергаются поруганіямъ: на шею отца надѣваютъ хомутъ, а ворота его двора и стѣны хаты снаружи и внутри обмазываютъ дегтемъ, о чемъ есть указаніе въ пѣсняхъ [245]). Свадебные обряды съ ихъ пѣснями до сихъ поръ повсюду свято сохраняются, гдѣ только живетъ малорусское племя и надобно замѣтить, что свадебныя пѣсни уцѣлѣли въ своей старой чистотѣ больше, чѣмъ всякія другія. Народъ, повидимому, даетъ значеніе своему свадебному ритуалу болѣе, чѣмъ самому церковному вѣнчанію. Нерѣдко бываетъ, что церковное вѣнчаніе совершается раньше, чѣмъ отправляется свадьба или «весильля», по народному образу выраженія. Такъ до отправленія свадьбы уже обвѣнчанная невѣста живетъ въ родительскомъ домѣ, ходитъ въ дѣ-

---

[244]) Ой роде, роде багатый,
Даруй товаръ рогатый,
А вы, браты,
Даруйте все быки,
А вы, сестрици,
Даруйте все ягници.
. . . . . .
Дала мени мати бодню
Да на пъядь не повну,
Да на ти серпаночки
Що здарують приданочки (Чуб. IV. 461).

[245]) Ой знати знати, где взяли халяву
Обмазали дёгтемъ хату и стины и лаву (Чуб. IV. 459).

вическомъ нарядѣ вмѣстѣ съ дѣвицами, а не считается замужнею женщиною; въ такомъ положеніи проходитъ времени иногда цѣлый мѣсяцъ, а иногда и болѣе.

ГЛАВА IV.

Супружество. — Согласное житье. — Бѣдность. — Женскіе пороки. — Лѣнь.— Пьянство. — Капризы.—Мужъ отъучаетъ жену строгостями.—Слабый мужъ.— Разумная жена. — Невѣрность жены. — Недовольство замужествомъ. — Чужая сторона. — Мужъ пьяница. — Мужъ ревнивецъ. — Невѣрность мужа. — Жестокость.—Отношенія жены къ своей роднѣ.—Отношенія жены къ роднѣ мужа.— Злоба свекрови. — Убійство жены мужемъ. — Смерть жены.—Смерть мужа.— Вдовство.

Согласное и счастливое супружество въ пѣсняхъ изображается явленіемъ не частымъ, по крайней мѣрѣ число такихъ пѣсенъ гораздо менѣе, чѣмъ пѣсенъ съ противнымъ содержаніемъ. Славу Богу! говоритъ въ пѣснѣ счастливая жена — у меня мужъ добръ, не ругаетъ меня, ласкаетъ какъ голубку [1]). Собравшись ѣхать на работу въ поле, подложитъ мнѣ подъ голову подушку или отпуститъ гулять къ моимъ роднымъ. Гуляй, милая, говоритъ онъ: — гуляй пока моя голова жива, а вотъ какъ моя голова поляжетъ, тогда всякое зло тебѣ себя покажетъ; когда мои руки сложатся, тогда вся роскошь жизни минетъ для тебя [2]). Когда такая чета вмѣстѣ выйдетъ въ поле и

---

[1]) Спасиби Богу, що мій чоловѣкъ добрый,
Пошли ёму, Боже, и счастьте и викъ довгій:
Що винъ мене не бье, не лае,
Винъ мене за голубоньку мае (Чуб. V. 517).

[2]) Самъ бере пидъ поясъ пужку,
А мени кладе въ головку подушку;
Самъ иде въ поле орати,
А мени велить съ своимъ родомъ гуляти.
Та гуляй, мила, поки моя голова жива,
А якъ моя голова поляже,
То тоди тоби й ледащо докаже;
Якъ мои ручки згорнуться,
То тоди твои роскоши минуться (idid.).

работаетъ—люди, глядя на нее, завидуютъ ей, а любящіе другъ друга супруги желаютъ всѣмъ такого же счастья [3]).

Любящей женѣ мужъ дороже всѣхъ родныхъ и онъ болѣе, чѣмъ всѣ они, внимателенъ къ ней. Другіе близкіе и родные ѣдутъ мимо нея и къ ней не завернутъ, а мужъ непремѣнно къ ней завернетъ и она сознаетъ, что ея судьба прекрасна [4]). Одна бесѣда съ нею такъ дорога ему, что ради ней онъ подвергаетъ себя опасности. Воображаетъ она: плыветъ лодка; въ ней сидятъ ея родные, мать, отецъ, братья, сестры, и никто для ней не остановится, страшась, чтобы въ лодку не набѣжала вода. Но ея милый не боится остановиться, лишь бы съ нею поговорить, хотя бы челнъ водою наполнялся и погружался въ пучину [5]).

Воображаетъ она себѣ, что мужа ея берутъ въ рекрутство, которое представляется неволею. Ни отецъ, ни мать, ни братья, ни сестры не хотятъ сбывать воловъ, коровъ, лошадей и золотыхъ перстней, чтобъ его выкупить, а жена будетъ готова всего лишиться, лишь бы видѣть милаго передъ собой [6]). Ей такъ любо пребывать съ нимъ, что всякая разлука томитъ ее. Вотъ онъ поѣхалъ въ отдаленное поле орать, а подруга въ одиночествѣ провела четыре ночи, онѣ показались ей десятью ночами. Ей бы даже хотѣлось, чтобъ у него волы пристали или изломался плугъ, лишь бы онъ скорѣе возвращался домой съ работы [7]).

---

[3]) Ой хто жъ то оре? То жъ Пилипченко,
А ягода смородина—то жъ Парасочка.
Да на ихъ люде позавидовали,
Що хороше, да пригоже, да любовно живуть.
Ой вы, люде, не завидуйте;
Сами соби любитеся да любовно живить (idid. 516).

[4]) Ничь моя свитла и зиронька ясна,
Доленька жъ моя прекрасна! (ibid. 507).

[5]) — Хочъ весь човникъ воды набижить,
А все жъ зъ тобою буду говорить:
Уже човникъ воды набира,
А мій милый зо мною розмовля.
А вже човникъ у море пурина,
А мій милый зо мною розмовля (ibid. 505).

[6]) Ой лучче жъ мени всю худобу изъ рукъ избути,
Абы жъ мени мого миленького у вичи видати (Чуб. V. 500).

[7]) Ой поѣхавъ мій миленькій у поле орати:
Оре три дни у ярини, а день у толоци,

Въ прежнія времена, въ козацкія, разлука мужа съ женой была чаще и продолжительнѣе. Оставшись въ одиночествѣ, жена обращается къ вѣтру и проситъ сообщить милому, какъ она тужитъ за нимъ [8]). Въ одной пѣснѣ былыхъ временъ живописуется картина семейнаго быта по поводу возвращенія козака. Онъ везетъ женѣ дорогой гостинецъ — шелковый платокъ, спрашиваетъ ее, какъ она проводитъ ночи безъ него; она сидитъ съ двумя дѣтьми, указываетъ мужу воду умыться, утереться полотенцемъ, указываетъ на приготовленный ужинъ изъ рыбы осетрины и приглашаетъ ложиться. Козакъ говоритъ ей, что онъ бился съ туркомъ и татариномъ, утомилъ коня своего, и прежде пойдетъ привяжетъ его къ бѣлой березѣ [9]).

Есть трогательная пѣсня о смерти любимой жены, постигшей ее отъ несчастливаго разрѣшенія отъ бремени во время отсутствія мужа, котораго въ однихъ варіантахъ называютъ королевичемъ, а въ другихъ просто козакомъ. Пѣсня эта, преимущественно въ варіантахъ съ наименованіемъ королевича, распро-

---

Выплакала кари очи за чотыри ночи:
Та вже жъ мени си чотыри та за десять стали—
Бодай мого миленького волики пристали!
Бодай волы живи були, а плугъ поламався,
Що бъ мій милый изъ волами до дому вертався! (Чуб. V. 533).

[8]) Повій, повій витроньку,
Съ Побережа въ Литвоньку:
Занеси висть милому,
Що я тужу по нему.
Коли бъ я крыла мала
То бъ я за нимъ литала (Чуб. V, 322).

[9]) Привизъ мени гостинчикъ дорогій:
Въ ливой руци платочикъ шовковый...
„Ой здорова, моя мила, чи чуешъ?
„Съ кимъ же ты сюю ничку ночуешъ?“
— Зъ маленькими диточками ночую...
— Стоить вода въ видеречку—умыйся,
— Висить рушникъ на килочку—утрися.
— Лежить рыба осетрина—кормися.
— Стоить кровать пуховая—ложися.
„Ой я съ туркомъ, съ татариномъ воювавъ,
„Тамъ я свого копиченька стурбовавъ.
„Ой не ляжу, моя мила не ляжу,
„Ой пійду до копиченька да до билои березы привъяжу (Чуб. V. 520—523).

странена повсюду и даже зашла въ Великороссію, гдѣ совершенно обнародилась въ великорусскую пѣсню. Молодецъ отправился, по однимъ варіантамъ на войну, по другимъ — на охоту. Тамъ приснился ему сонъ: изъ подъ одной руки у него вылетаетъ соколъ, изъ подъ другой—кукушка [10]). Баба ворожея, къ которой онъ обратился, объяснила ему, что это значитъ — у него въ домѣ родилось дитя, а жена его сама умерла [11]).

Молодецъ спѣшитъ домой и находитъ, что случилось такъ именно, какъ сказала разгадчица. Вошедши въ домъ, онъ увидѣлъ мамокъ и пянекъ съ новорожденнымъ младенцемъ [12]) и трупъ жены своей [13]). Ударивши себя въ грудь, онъ разразился горькимъ причитаніемъ, обращаясь къ ногамъ, рукамъ, глазамъ и устамъ своей подруги, которая окончила свою жизненную работу [14]) *).

Не богатыя средства къ жизни не мѣшаютъ согласнымъ супругамъ считать себя счастливыми [15]), даже при крайней бѣдности и горѣ [16]), и онъ и она находятъ какъ бы утѣшеніе въ томъ, что вмѣстѣ горюютъ [17]). Вѣрная и любящая жена навсегда сохраняетъ горячее чувство къ своему супругу. Есть пѣсня, гдѣ изображается, какъ козакъ возвращается послѣ де-

---

[10]) Съ пидъ правои та рученьки вылинувъ сокилъ,
Съ пидъ ливои, съ пидъ билои, сива зозуля (ibid. 766).

[11]) Бижи, бижи, королевичу, до свого двора...
Учора изъ вечора сына вродила,
А сёгодня къ свиту й сама померла! (ibid. 778, 767).

[12]) Ажъ тамъ мамки, ажъ тамъ няньки, та дитя колишуть.
„Ой ну люли, мале дитя, що вчора вранци родилося,
„А сёгодня въ вечери оспротилося (ibid. 767).

[13]) Увиходить королевичъ у нову светлицю,
Лежить ёго молода жона на всю скамницю (ibid. 770).

[14]) Ударився королевичъ у билыи груди:
„Нижки мои ризвисеньки, чомъ не ходите?
„Ручки жъ мои билесеньки, чомъ не робите?
„Очи жъ мои каресеньки, чомъ не дывитесь?
„Уста мои сахарныи, чомъ не мовите? (ibid. 767).

*) Пѣсни подобнаго содержанія польск. см. Kolb. 5. 1. 172—189. Ср. великорус. Кир. VII. 21—25.

[15]) Ой взявъ жинку убогую,
Счасливъ зъ нею, слава Богу... (Чуб. V. 519).

[16]) Чи я яку тугу маю—вона дилить все зо мною! (ibid.).

[17]) „Жинко моя, жинко, ты моя милая,
„Зъ воли Бога найвысшого така сь несчасная! (Голов. I. 277).

вятилѣтняго отсутствія и жена, считаемая всѣми вдовою, не узнала его сразу, хотя неизмѣнно любитъ его и предана ему. Козакъ пріѣзжаетъ къ ней, какъ чужой, требуетъ сперва пустить его на постой, потомъ овса своему коню, потомъ себѣ ѣсть и пить. Мнимая вдова отвѣчаетъ, что она не сѣетъ, не коситъ, не топитъ, не варитъ [18]), живетъ въ горѣ безъ мужа уже десятую зиму [19]). Наконецъ козакъ приказываетъ стлать постель и ложиться спать съ гостемъ [20]). Тогда вдова хотѣла бѣжать [21]), вылѣзши чрезъ окно [22]). Но тутъ козакъ открывается кто онъ [23]). Подобная пѣсня есть у великоруссовъ, гдѣ представляется солдатъ, воротившійся со службы, но обѣ пѣсни самостоятельны и не показываютъ слѣдовъ заимствованія.

Лѣнь и пьянство представляются обычными пороками какъ мужчины, такъ и женщины, подвергаясь въ пѣснѣ насмѣшкѣ, какъ одна изъ видимыхъ причинъ обѣдненія. Жена чистосердечно сознается, что оба они лѣнивы [24]). Вотъ—говоритъ она—еслибъ ты былъ хозяинъ—были бы у тебя волы, я бы сидѣла дома и глядѣла за ними, была бы корова — я бы за нею глядѣла, были бы овечки — я бы шерсть чесала [25]), а то люди

---

[18]) Я не сію, не орю—де жъ я тоби наберу?
Я не топлю, не варю—де жъ я наберу? (Чуб. V. 817).

[19]) Уже тому девьять литъ
Чоловика дома нитъ,
А десятая зима,
Якъ горюю я сама (ibid. 815).

[20]) Стели гостю постилоньку
Давай зъ гостемъ спати (ibid. 815—816).

[21]) Да лучче исъ хаты выступати (ibid. 816).

[22]) Въ оконечки утикати (ibid. 815).

[23]) Молодая удивонько, се жъ ты не вгадала
Кого, серце, литъ за десять въ походъ выправляла:
Що на ливой на рученци дитину держала.
А правою рученькою очицы втирала.
Ой не есть ты удова, есть ты вирная жона (Чуб. V. 815—816).

[24]) Серденько мое, ледащо мы обое!
Нехай я, а то й ты, не хочемо робити (Чуб. V. 684).

[25]) Ой коли бъ ты хазяинъ, та волики соби мавъ,
Тобъ я дома соби сидила, та волики глядила.
Ой коли бъ ты хазяинъ, та коровку соби мавъ,
Тобъ я дома сидила, та коровку глядила.
Ой коли бъ ты хазяинъ, та овечки соби мавъ,
Тобъ я дома сидила, вовночку чухрала (Чуб. V. ibid.).

ѣдутъ пахать, а мы съ тобою въ корчму, люди за дровами, а у насъ болятъ головы, люди — за сѣномъ, а на насъ бѣда насѣла! Дрянь мы съ тобой, не хотимъ работать [26]).

Иногда жена одна подвергается этому пороку. Въ одной пѣснѣ жена говоритъ, что мать, выдавая ее замужъ, дала ей въ приданое постель и на ея горе пеструю корову: надобно рано вставать, чтобы доить корову, а ей хочется спать до полудня, и она такъ исполняетъ свои хозяйственныя занятія, что доитъ корову въ среду, а цѣдитъ молоко въ пятницу и сосѣдки, видя это, восклицаютъ: вотъ такъ хозяйка [27]). Надоѣла ей возня съ коровой, она гонитъ ее въ долину съ тѣмъ, чтобы ее съѣли волки; это случилось, и она очень довольна [28]). Такая хозяйка любитъ посѣщать шинокъ и если пойдетъ изъ дома покупать соль, то забредетъ въ шинокъ, а между тѣмъ у ней дома въ окна прыгаютъ свиньи, а ея малыя дѣти, оставшись безъ матери, просятъ ѣсть и отецъ самъ принужденъ варить имъ ѣству [29]).

Лѣнь и разгулъ бываетъ качествомъ жены тамъ, гдѣ бѣд-

---

[26]) Люде ѣдуть орати, а мы въ корчму гуляти,
Люде ѣдуть по дрова, а у насъ болить голова,
Люде ѣдуть по сино, а на насъ лихо насило (ibid.).

[27]) Якъ отдала мене мати замижъ,
Дала мени билу постиль заразъ,
Дала мени ще й рябу корову
Та на мою бидну голову.
До коровы треба рано встати,
А я люблю до полудня спати:
У середу корову доила,
А въ пьятницю молоко цѣдила...
Дивуються сусидочки зъ боку,
Кажуть: буду хозяйка ни-вроку! (Чуб. V. 634).

[28]) Да пожену корову въ долину,
Гей, гей, корово, до вовка!
Добре, добре, що постигъ вовчикъ:
Изъ коровы голова та хвостикъ.
Теперъ мени нити та гуляти,
Нищо доити, нищо заганяти! (ibid. 635).

[29]) А я пійду на базаръ соли куповати.
Соли не купила, та въ шинкъ заблудила.
Свини въ викна скачуть, малы диты плачуть:
„Ой тату жъ нашъ, тату, затопи намъ хату,
Та звари намъ ѣсти (Чуб. V. 663—664).

някъ женится на богатой, прельстившись ея состояніемъ [30]). Тутъ начинаются наряды, шатанія по корчмамъ и шутки съ молодыми парнями [31]). Мужъ хочетъ ласкою отвлечь ее отъ этого, и не смѣя заявлять слишкомъ рѣзко ревность, проситъ не давать цѣловать своего лица другимъ [32]). Она или прямо безъ обиняковъ напомнитъ, что онъ бѣденъ, а ей принадлежитъ хата, въ которой они живутъ [33]), или, подсмѣиваясь надъ нимъ, велитъ сдѣлать комору и держать ее въ ней подъ замкомъ, подъ сторожею, а она все таки уйдетъ [34]). Она ругается надъ бѣднымъ мужемъ, заставитъ его кудахтать по куриному, танцовать до пота, смѣяться, когда ему не до смѣха, все на потѣху своимъ гостямъ: попу, дьяку и разнымъ благородіямъ, приказываетъ покупать себѣ наряды, а на обѣдъ гостямъ рыбу, мясо и вино [35]). Онъ не смѣетъ грубо обойтись съ нею, хотя она по двое сутокъ не бываетъ дома и приходитъ на третьи

---

[30]) Дають плуги, волы сиры,
Сто червонныхъ дають въ руки.
Лишъ бери биду на вики (Чуб. V. 216).

[31]) И чоботы, и спидныци,
И корали и заушныци,
Що недили—все музыки.
Зъ корчмы до корчмы іи водять,
За нею хлопци гурмою ходять (Чуб. V. 215, также 519).

[32]) Да иди, жиночко, да иди до дому,
Не давай личенька цѣловать никому:
Твое личенько—биле-рамъяне,
Хто на ёго гляне—серденько вьяне (Чуб. V. 529—530).

[33]) Ой ты вбогій—я багата,
Моя хата, моя й правда (Чуб. V. 519).

[34]) Зрубай тополю, зроби коморю,
Да купи замочокъ, замыкай мене,
Сторожа заснула, а я молода, гулять махнула (Чуб. V. 530).

[35]) Вона ёго за чубъ скубе, а винъ бидный плаче.
Якъ заставить, по курячи Сидиръ кудкулаче,
Якъ заставить, то й танцюе, ажъ питъ зъ лоба льлеться.
Ему уже не до смѣху, заставить—сміеться!
Поки Сидоръ не женився—були въ ёго гроши,
А якъ же винъ оженився—капшукъ загубився.
Бо у жинки що недиля, що праздникъ, то гости,
Прійде попъ, прійде дьякъ, прійдуть ёго мости.
Купи плахту, черевики, чоботы саньянцы,
Треба рыбы, треба мъяса и горилки въ шклянци (Чуб. V. 676).

пьяною [36]). Онъ самъ даетъ ей похмѣлиться, проситъ прибраться, причесаться и наградить его пріятнымъ взглядомъ [37]). Только тайкомъ отъ жены подѣлится онъ своею скорбью съ родною матушкою [38]).

По народному воззрѣнію нѣтъ ничего достойнѣе посмѣянія и презрѣнія, какъ мужъ, дозволяющій женѣ помыкать собою и даже бить себя. Въ одной пѣснѣ жена заставляетъ мужа въ угоду себѣ называть гречихою ячмень [39]), въ другой — жена посылаетъ мужа отыскивать свой чепецъ, который она потеряла, таскаясь по шинкамъ [40]); въ третьей—жена бьетъ мужа и обливаетъ помоями [41]): бѣднякъ проситъ покормить его [42]), а жена указываетъ ему на борщъ, поставленный подъ лавкою наравнѣ съ помоями [43]).

Подобныя жены — приманка для волокитъ. Въ малорусской народной поэзіи можно отмѣтить группу пѣсенъ, гдѣ является разгульная женщина, которая заводитъ себѣ любовника и проводитъ мужа, нерѣдко изображаемаго старикомъ, такъ какъ, по

---

[36]) Ой мій милый, чорнобривый, я не забарюся,
Черезъ два дни, ажъ на третій день до дому вернуся (Чуб. V. 677)

[37]) Приходь рано на зори ище и похмиляйся,
Да прійди до дому, головку причешешъ, да вже и не валяйся,
Чепурная, хорошая, на мене дивися (Чуб. V. 678).

[38]) Где-сь ты, сынку, да плачешъ, рыдаешъ,
Где-сь ты у себе доленьки не маешъ!
Твоя доля у корчми гуляе!
Пійди, сыну, зажени до дому! (Чуб. V. 676).

[39]) Ой посіявъ мужикъ ячмиць,—жинка каже: гречку.
„Не кажи жъ мени ни словечка, нехай буде гречка! (ibid. 682).

[40]) „Ой пила я, пила, чипчикъ загубила
Прійшла-мъ до дому, еще мужа била:
Ой иди, мужу, хата видъ хаты чипчика шукати.
Пійшовъ мій мужъ пидхлипуючи,
Своій жинци чипця видпытуючи“ (Чуб. V. 681—682).

[41]) И смихъ и публика!
Била жинка чоловика,
Била, била, волочила,
Та въ помыяхъ намочила (ibid. 666).

[42]) Ой жинко моя, голубко моя!
Дай мени вечеряти, коли ласка твоя (ibid.).

[43]) Отъ тамъ борщъ пидъ лавою,
Съ хорошою приправою,
Помыйницею накрыто—
Такъ наѣжся до-сыта (ibid.).

народному воззрѣнію, старикъ, женившись, скорѣе всего можетъ быть нелюбимъ женою [44]). Молодецъ заранѣе говоритъ, что ему не зачѣмъ жениться, когда чернявая, красивая замужняя женщина зазываетъ его къ себѣ [45]). Эта женщина, еще будучи дѣвушкою, просила мать отдать ее за стараго мужа [46]) и, ставши женою такого мужа, кличетъ къ себѣ молодца. Онъ сначала боится, чтобы мужъ не поймалъ его и не избилъ [47]), но потомъ поддается искушенію и приходитъ. Жена заранѣе отправила стараго мужа ломать калину [48]): это символическое выраженіе; калина—символъ брачнаго соединенія, и посылая стараго мужа ломать калину, она какъ будто съ ироніей хочетъ сказать ему, обезсилѣвшему отъ лѣтъ: найди способность быть супругомъ! Молодецъ садится за столъ, начинаетъ ѣсть курицу—(которая между кушаньями по народному міровоззрѣнію имѣетъ символическое значеніе свадебной и любовной яствы)—и обнимаетъ красивую женщину [49]). Ея дочь высылается матерью смотрѣть, чтобы дать знать, когда отецъ будетъ возвращаться съ калиною; дочка хлопаетъ въ ладоши, сообщая, что отца еще нѣтъ и мать можетъ себѣ гулять [50]). Наконецъ, за-

---

[44]) Задумавъ старый женитися, да никого брати,
Що стара не пійде, молода не схоче,
Ой хочъ вона пійде дакъ не ляже спати,
Ой хочъ вона ляже, мене не обниме,
Хочъ вона обниме да не поцилуе,
Ой хочъ поцилуе, дакъ до долу сплюне (Чуб. V. 842).

[45]) На що мени женитися, бувши молодому,
Зазывае чорнявая до своёго дому (Чуб. V. 650).

[46]) Отдай мене, моя мати, замижъ за старого,
Буду ёго шанувати лучче молодого.
Дала мене моя мати за мижъ за старого;
Сюды-туды повернуся—треба молодого (Чуб. V. 649).

[47]) „Прійди, прійди, серце мое, въ недилю до мене!“
— Ой не пійду я до тебе, маешъ чоловика;
— Якъ попаде, буде бити, вмалить мени вика (Чуб. V. 651).

[48]) „Пійди старый, пійди старый, калины ламати!“
Ой выскочивъ спромаха съ конопель до хаты (ibid.).

[49]) Сивъ винъ соби кинець стола, курчя обберае,
А все еи за рученьку къ соби пригортае (Голов. I. 218).

[50]) „Выйди, доню, на улицю, та й стань выглядати;
„А якъ буде тата ити—давай борзо знати!“
Выйшла доня на улицю, тай въ долони плеще:
— Гуляй, гуляй, моя мати, не йде тато еще! (ibid.)

видѣвши въ окно подходящаго къ хатѣ мужа [51]), женщина прячетъ молодца подъ кровать [52]), притворяется больною и посылаетъ только-что воротившагося съ калиною мужа принести ей медоваго сота [53]). Когда старикъ ушелъ за медомъ, она спровадила отъ себя молодца [54]). Старый мужъ возвращается съ медовымъ сотомъ и догадывается, что̀ происходило, но открыть и обличить не можетъ [55]).

Не всякаго мужа можно такъ обманывать. Другая пѣсня разсказываетъ, что жена старенькаго мужа прикинулась больной [56]). Мужъ сперва тревожится, ухаживаетъ, предлагаетъ ей то пива, то меду, то горѣлки [57]), все напрасно; жена твердитъ, что умретъ и онъ долженъ будетъ искать себѣ другую жену [58]). Вѣрно — говоритъ она — ты меня не любишь, когда не достанешь мнѣ лекарства [59]). Мужъ отправляется искать лекарства [60]), срубилъ дубину [61]), нашелъ дубоваго сала, намастилъ имъ спину

---

[51]) Ой глянула въ кватирочку—калиночку видко;
— Увивався, превражій сынъ, коло мене швидко (Чуб. V. 650).

[52]) Уже старый бородатый двери видчиняє,
Вона свого миленького пидъ кровать ховає (Чуб. V. 650. Голов. I. 219, III. 227).

[53]) Прійшовъ старый бородатый зъ калиновъ до хаты,
Якъ стояла такъ упала, зачала стогнати (Голов. I. 219).
— Чого жъ ты, моя мила, такъ заболила?
„Не знаю жъ я, старый диду, трохи не зомлила! (Чуб. V. 650).
„Пійди, старый, старесенькій, та наколупай меду,
То може я, старый дидоньку, головоньку зведу (ibid. Голов. I. 219. III. 227).

[54]) Пійшовъ старый бородатый меду колупати,
Вона свого миленького за руку та зъ хаты (Чуб. V. 650 Голов. I. 219).

[55]) Иде старый бородатый у тарилки креше:
Ой бувъ же тутъ, вражій сынъ, тильки мисце тепле (Чуб. V. 650).

[56]) Розсердилась мила тана свого мужа,
Полизла на пичь, зробилась недужа.
Ходить милый, ходить, билы руки ломить,
Умре моя мила, уже и не говорить! (Чуб. V. 643).

[57]) Ой устань же, мила, куплю тоби пива...
Ой устань же, мила, куплю тоби меду...
Ой устань же, мила, я куплю горилки... (ibid.)

[58]) Ой не встану, милый, шукай соби жинки (ibid.).

[59]) Видай ты мене, милый, не любишъ,
Що для мене ликарства не купишъ (Чуб. V. 576).

[60]) Пійшовъ старый видъ хаты до хаты
Молодій жинци ликарста шукати (ibid.).

[61]) Зрубаешъ дубинку милій на спинку (ibid. 643).

своей милой [62]) и она стала здорова, сѣла около своего мужа, поѣла, попила, какъ здоровая, и обняла мужа [63]).

И нарушитель супружескихъ правъ не всегда такъ легко, какъ прежній, избѣгаетъ расправы. Есть распространенная въ разныхъ варіантахъ пѣсня о Шмаровозѣ и дьякѣ. Шмаровозъ (возомазъ, т.-е. чумакъ) лѣтомъ и зимою ходитъ въ дорогу, а жена въ одиночествѣ скучаетъ дома [64]). Явился развлекать ее отъ скуки дьякъ (дьячокъ),—онъ гулящій человѣкъ; онъ самъ набивается къ ней ужинать [65]). Но тутъ неожиданно возвращается домой хозяинъ, ѣздившій въ дорогу. Дьякъ прячется подъ печь. Шмаровозъ, допросивши жену и узнавши все, приказываетъ зажечь свѣчу [66]), отыскиваетъ дьяка, который сидѣлъ за печью согнувшись и увѣрялъ, что онъ невиненъ: его пригласила хозяйка [67]). Шмаровозъ отвалялъ дьячка и прогналъ его читать азбуку въ школѣ [68]). Прибѣжавши въ свою школу, дьячокъ говоритъ своей братіи дьячкамъ: лучше дома ѣсть сухари съ водою, нежели пироги у чужой жены! Вы, дьячки,

---

[62]) Ой надыбавъ дубоваго сала,
Якъ змастивъ милу, ажъ шкура видстала! (Чуб. V. 576).

[63]) Милая устала, край милого сила,
Шматокъ хлѣба изъила,
Воды напилася, зъ милымъ обнялася! (Чуб. V. 643. ср. ibid. 406).

[64]) Святый Боже, святый крипкій, святый и безсмертный!
Полюбила шмаровоза, треба зъ жалю вмерти.
Ой якъ лито такъ и зима усе по дорогахъ,
А я бидна несчастлива, погибаю въ дома (Чуб. V. 674).

[65]) Обизвався панъ дяченько, чоловикъ гулящій,
Пріймн мене на вечерю, я въ тебе найкрасчій (ibid.)

[66]) „Прошу, милый, сей разъ выбачати,
„Я пріймала дячка панка та до своій хаты?
— Ой выбачу, моя мила, выбачу,
Ой засвѣти ясну свѣчку, най ёго зобачу (ibid. 673).

[67]) Найшовъ дячка-неборачка—въ куточку згнувся,
„А хто тебе тутъ запросивъ?"—Просила Гаинуся (Чуб, V. 673).
или:
Ой засвити, Марусенько, восковую свичку,
Нехай же я подивлюся хто сидить въ запичку,
Ажъ тамъ дячокъ-неборачокъ у кузубъ згнувся:
„Присяй Богу, я невиненъ, просила Маруся" (Чуб. V. 674).

[68]) Тай зачали пана-дяка въ штыри кіи прати:
— А до школы, пане дяче, азбуки читати! (Чуб. V. 675).

будете себѣ пѣть, а я цѣлый мѣсяцъ буду лежать [69]). Подобную роль волокиты дьячокъ играетъ во многихъ народныхъ разсказахъ *).

Есть не мало пѣсенъ съ такимъ же содержаніемъ, гдѣ молодецъ, заводя связь съ чужою женой, подвергается суровой карѣ [70]). Иногда невѣрная жена кидаетъ мужа, семью и убѣгаетъ съ любовникомъ. Такова исторія Семена и жены его Катерины, о которыхъ поется повсюду въ малорусскомъ народѣ. Семенъ выѣхалъ въ поле пахать и не могъ дождаться жены своей Катерины, которая должна была принести ему обѣдъ [71]). По однимъ варіантамъ она гуляла съ москалями и ушла съ ними куда-то [72]), по другимъ она сама соблазнила сына богатаго человѣка бѣжать съ нею и найти новоселье въ Украинѣ [73]). Пришедши домой, Семенъ узналъ отъ дѣтей, что мать ихъ попрощалась съ ними и отреклась отъ нихъ [74]). Ее не было; имущество было расхищено [75]). Семенъ разразился плачемъ объ

---

[69]) Лучче було дома ѣсти сухари зъ водою,
Нижъ въ чужои молодыци пироги на столи.
Вы, дячки-неборачки, будете спивати,
А я буду цилый мисяць лежати (Чуб. V. 673).

*) То же повторяется съ видоизмѣненіями въ малорусскихъ сценическихъ произведеніяхъ, напр. въ Москалѣ Чаривникѣ, въ Кумѣ Мирошникѣ, въ Рождяной ночи—оперѣ Лисенка.

[70]) Чогось мужикъ догадався, въ сняхъ притаився,
А я хлопець гарный бувъ до жинки згодився.
Мужикъ думавъ, що яшный синъ, почавъ молотити,
Побивъ руки, побивъ ребра, не можна ходити (Чуб. V. 655).

[71]) Оре Семенъ. оре, на шляхъ поглядае,
Чужи жинки обидъ носять, а ёго не мае (Чуб. V. 658).

[72]) Его жинка Катеринка гуля зъ москалями. (ibid. Макс. изд. 1827. 135).

[73]) Подмовила Катерина багацького сына:
„Покинь отця, матку, я покину дѣтки,
Пійдемъ въ Украину помишканя глядити (Чуб. V. 656).

[74]) „Ой пійшла жъ наша мати у лугъ по калину,
Ой щось вона говорила, що я васъ покину.
Ой пійшла жъ наша мати у лисъ по теляты,
Ой щось вона говорила, що не ваша я мати.
Ой пійшла жъ наша мати у лисъ по коровы,
Ой щось вона говорила—бувайте здоровы (Чуб. V. 656).

[75]) Узявъ Семенъ ключи, одчиняе скрыни,
Нема сукень, нема платьтя, нема Катерины (Чуб. V. 659).

осиротѣлыхъ дѣтяхъ и призывалъ кару высшаго правосудія за свои слезы [76]). Тѣмъ пѣсня и оканчивается.

Въ Галичинѣ поется нѣсколько пѣсенъ изображающихъ убійство женою мужа. Первая изъ такихъ пѣсенъ — о поповичевой женѣ Теклѣ. Событіе происходило въ Монастырищахъ. Текля — жена Андруся, впускаетъ къ себѣ чрезъ окно любовника по имени Яненька, вручаетъ ему топоръ, а онъ зарубаетъ лежащаго въ постелѣ поповича [77]). Преступница убѣжала съ своимъ любовникомъ, но была схвачена и приведена на судъ передъ пана Замойскаго. Ея родитель приноситъ Замойскому деньги, умоляя пощадить дочь отъ смертной казни [78]). Это ей не помогло. Текля присуждена къ смерти [79]), а когда ее вывели казнить, мать ея съ отчаянія хотѣла утопиться, но козаки удержали ее [80]). Сама Текля безстрашно встрѣтила смерть, произнося увѣренія въ любви къ своему любовнику и въ ненависти къ мужу [81]).

Другая пѣсня—о Парасунѣ, которая въ Голиградахъ умертвила своего мужа Иванка, черезъ три дни послѣ свадьбы съ

---

[76]) Ударився Семенъ объ полы руками:
— Дитки мои маленькіи, пропавъ же я зъ вами!
Ударьте морозы на сухіе лозы!
Побій, Боже, Катерину за Семеновы слёзы.
(Чуб. V. 659. Максим. изд. 1827. 136 Ср. Голов. I. 79—80).

[77]) Ой загубила свого мужа та поповича жинка,
Ой не сама жъ вона ёго загубила,
Тилько къ соби Яненька да викномъ впустила...
То заразъ бо ему сокиру вручила;
Та почавъ же Яненько та сокирою рубати (Голов. I. 51—52).

[78]) А Теклинъ батенько кошикомъ гроши носить,
Пана Замійського низькимъ уклономъ просить:
Ой рачъ же, панонько, тіи таляры взяти,
А мою дочку Теклу видъ смерти рятувати (ibid. 53).

[79]) Не помогли ей а ни батеньковыи гроши...
Отъ уже жъ бо осуджено, щобы Теклу не пущено,
Та щобъ ей головку видъ мечъ положено (ibid.)

[80]) Ой въ пятницю вывели вже Теклу губити,
А Теклина мати пійшла ся въ води втопити.
Ой стояло жъ тамъ два козаченьки въ броду,
Тако и не пустили Теклиной матки въ воду (ibid.)

[81]) А Текла на смерть та спильна поглядае,
До свого Яненька стыха промовляе:
„Чи видишъ, Яненьку, тамъ Андрусеву яму?
Я Андруся не любила, зъ Андрусемъ не лягну! (ibid. 53).

нимъ, находясь въ соумышленіи съ Семеномъ Гапюкомъ [82]). Она бросила трупъ мужа въ воду [82]), но черезъ шесть недѣль [84]) трупъ выплылъ; преступленіе открылось [85]). Парасуня, позванная къ суду, сначала не сознавалась [86]), но когда ее повели въ Станиславъ и передали суду Нѣмцевъ — она открыла всю правду [87]) и была повѣшена за городомъ [88]).

Третья пѣсня—о шинкаркѣ Явдосѣ въ Тужиловѣ. Она зарубила своего мужа шинкаря топоромъ. Во время совершенія преступленія, проснулось дитя; преступница, испугавшись, побѣжала къ своей матери и въ тревогѣ объявила, будто гайдамаки напали на ея мужа. Мать догадалась въ чемъ дѣло и сказала, что вѣрно она сама его убила [89]). Тогда она бросилась на колокольню и стала звонить. Сошлась на звонъ тужиловская громада [90]); преступницѣ какъ видно не повѣрили и отправили

---

[82]) Въ Голиградахъ на пущиньня стала ся публика:
Зарубала Парасуня свого чоловика.
Ой у четверъ тай шлюбъ брала, въ недилю гуляла,
А зъ вечера изъ низненька Иванка зрубала,
Бо съ Семеномъ Гапюкомъ едну раду мала (Голов. I. 58).

[83]) Порубала-сь Иваночка та пустилась въ воду. (ibid.)

[84]) Нема, нема Иваночка цилыхъ нидиль шисть.

[85]) Ой выплынувъ Иваночко на Деливське поле,
Дають знати до Голиградъ тай Деливськи люде:
„Семенъ Гапюкъ съ Параскою несчасливый буде!“ (ibid.)

[86]) Не хоче ся Парасуня за Иванка признати (ibid.)

[87]) Ой узяли Парасуню ажъ до Станислава,
Ажъ тамъ буде Парасуни справедлива справа,
Ой казали Парасуни передъ Нѣмци стати,
Втогды взяла Парасуня всю правду казати (ibid.)

[88]) Повели ю за Станиславъ да й тамъ повѣсили (ioid.)

[89]) Ой лѣгъ шенкарь на постелѣ, шенкарка въ запичку.
Не встигъ шенкарь задремати, вона зажгла свѣчку...
Ой свѣтиться бѣла свѣчка, вна взяла гадати:
„Поможи жъ ми, діаволе, шенкаря зрубати“...
Затяла го разъ въ голову, а двичи у груде...
А дитя ся прохопило: „що то, мамо, буде?...“
Вона була молоденька, того ся злякала,
Вже у двери не трафила—викномъ утикала.
Ой прибѣгла до матинки: „пускайте жъ до хаты!“
Якись прійшли гайдамаки шенкаря рубати'
Еи мамка стара була, та ся здогадала:
„Вѣдавъ же ты, Евдосенько, сама го зрубала!“ (Голов. I. 59).

[90]) Якъ прибѣгла до дзвинницѣ, взяла въ дзвоны бити,
А взяла ся Тужиливська громада сходити... (Голов. I. ibid.)

ее во Львовъ, на расправу [91]). Она жалуется на мать свою, обвиняя ее за то, что ее отправили во Львовъ, гдѣ ей придется согнить въ мукахъ [92]). Тамъ постигла ее кара [93]).

Четвертая пѣсня—галицкихъ Лемковъ *)—изображаетъ жену, которая убиваетъ мужа, и схоронивъ его въ саду, посадила на его могилѣ руту (символическое растеніе одиночества), которая выросла у ней подъ самое окно [94]). Пріѣхали братья покойника, спрашиваютъ: гдѣ братъ? Она отвѣчаетъ, что на войну услала его; они обличаютъ ея ложь, говоря, что они тамъ были сами и видѣли бы своего брата, если бъ онъ поѣхалъ на войну [95]). Потомъ увидали они кровь по стѣнамъ; преступница сказала, что служанка рѣзала курицу, но братья возразили, что если бъ десять курицъ зарѣзали, такой крови бы не было [96]). Наконецъ, они замѣчаютъ, что дѣти смотрятъ какъ-то уныло, будто долго не ѣли и не пили. Мы ѣли и пили—сказали дѣти—но то намъ не мило, что отецъ лежитъ, а у него ножъ въ сердцѣ [97]). Тогда братья повели ее въ лѣсъ... она говоритъ, что у ней въ Краковѣ есть братья и тѣ ее откупятъ. Братья не

---

[91]) А взялися исходити, взяли судъ судити:
Треба тебе, Евдосенько, ажъ до Львова взяти (Голов. I. 60).

[92]) Дяковать ти, моя мамко, за таку науку!
Теперъ я йду, молоденька, до Львова на муку (ibid.).

[93]) Пійшовъ шенкарь молоденькій въ сыру землю, гнити,
А шенкарка Евдосенька карами робити!... (ibid.).

*) Лемки—одинъ изъ видовъ карпатскихъ горцевъ, живущій въ сѣверной части карпатскаго подгорья.

[94]) Сошла намъ ся повина,
Пани пана забила,
Въ огородку го сховала,
Рутку на немъ посѣяла.
А рутка ся сбахтала,
Ажъ до викна достала (Голов. II. 729).

[95]) Голов. II. 730.

[96]) Голов. II. 730

[97]) „Паша невѣстъ не мила!
„Чомъ ти дѣти смутныи?
„Ци ти хлѣбецъ не ѣли?
„Ци ти винце не пили?“
— Ой ѣли мы, пили мы,
— Але намъ есть не миле,
— Бо нашъ отець на ложѣ
— Серденько му на ножѣ (idid

хотятъ ни серебра, ни золота, а требуютъ смерти за смерть [98]). Пѣсня эта чуть не дословно схожій варіантъ съ такою же польскою [99]), замѣчательною потому, что она послужила Мицкевичу для его баллады «Лилія» —которой названіемъ замѣнилъ польскій поэтъ названіе слишкомъ простонародной руты.

Изъ пѣсенъ такого же содержанія, гдѣ бы изображалось убійство мужа, совершенное его женою, въ малорусскомъ краѣ вошедшемъ въ предѣлы Россійской Имперіи мы не встрѣтили ни одной, если не считать очевидно заимствованнаго изъ Галичины варіанта предшествовавшей пѣсни [100]).

Но есть пѣсня гдѣ жена сводитъ со свѣта мужа не оружіемъ, не какимъ-либо смертоноснымъ веществомъ, а волшебствомъ слова, которому вообще народъ суевѣрно приписываетъ чудодѣйственныя силы. Выправляя мужа въ дорогу, жена проклала его, пожелавъ, чтобъ его конь превратился въ холмъ, его сабля—стала бы дорогою, его шапка—глыбою земли, его синяя одежда—чистымъ полемъ, а онъ бы самъ — яворомъ [101]). Такъ и свершилось. Вдова вышла съ дѣтьми, сталъ накрапать дождикъ; она хочетъ укрыться подъ яворомъ, а яворъ открываетъ ей, что онъ—отецъ ея дѣтей [102]).

Большинство пѣсенъ семейныхъ поется женскимъ поломъ и

---

[98]) — Ведте же насъ безъ Кракивъ,
— Маю я тамъ трёхъ бративъ.
— Мене братьтя откуплять! —
„Сребла, злата не хочеме,
„Лешъ смерть за смерть кладеме (ibid.).

[99]) Сборн. Kozłowsky. Zesz. I. 27.—Kolberg. 13.

[100]) Чуб. V. 840.

[101]) Що бъ ёму кинь горою ставъ,
А шабелька дорогою,
А шапочка купиною,
А сини сукни чистымъ полемъ,
А самъ молодъ—яворонькомъ (Чуб. V. 834—835).

[102]) Дай ставъ дощикъ накрапати...
Пійшла вдова пидъ явора:
„Яворонку зелененькій,
„Покрый диты сиротоньки!“
— Ой и я жъ не яворонько,
— Яжъ тымъ дитямъ да батенько.
— Згадай, якъ мене выряжала,
— Выряжаючи проклипала! (ibid. 835).

сообразно съ этимъ чаще всего въ пѣснѣ говоритъ и чувствуетъ женская особь. Не мало пѣсенъ, въ которыхъ выражается недовольство женщины замужествомъ. Супружество сравнивается съ тяжелымъ мельничнымъ жерновомъ [103]). «Развяжи, матушка, мнѣ свѣтъ, который мнѣ завязала, надѣвши на меня бѣлую намѣтку» — говоритъ отданная замужъ своей матери [104]) и мать сознается, что свѣтъ развязать дочери труднѣе чѣмъ пустить камень плавать противъ теченія [105]). Впрочемъ далеко не всегда недовольная замужествомъ винитъ другихъ, а часто сознается, что попала въ бѣду по собственному неразумію [106]).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ причиною недовольства является пребываніе въ чужой сторонѣ межъ чужими людьми, въ удаленіи отъ рода. Вотъ слѣды того древняго быта, когда при разъединенности и разбросанности жительствъ, дѣйствительно вышедшая замужъ жила далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проводила дѣвичество, и между чужими, а иногда и враждебными ея роду людьми. Еще тогда, когда мать отправляла ее изъ родного дома въ чужую сторону и спрашивала, когда ее дожидать къ себѣ въ гости, дочь съ уныніемъ отвѣчала, что тогда дожидать ее, когда выростетъ трава на помостѣ [107]). Она жалуется своему

---

[103]) Якій то великій тотъ каминь млинській,
Якій то тяжкій тотъ станъ малженській!
Тотъ каминь млинській можно обернути;
А станъ малженській не можно кинути.
Тотъ каминь млинській можно крутити,
А станъ малженській не можно лишити (Голов. III. 241).

[104]) „Розвъяжи ми, мамко, свѣтокъ, якъ есь завъязала!
Ой мій свѣтку, ой мій свѣтку, якъ маковый цвѣтку,
Тосьте ми го завъязали въ бѣлу перемитку (Голов. I. 289—290).

[105]) „Ой якъ тяжко каменеви верхъ воды плавати,
Еще тяжче, моя дочко, свѣтокъ розвъязати;
Хиба тобѣ вже розвъяже рыскаль та лопата! (ibid.).

[106]) Ой мала жъ я дурный розумъ—замужъ квапилася,
Не силовавъ мене отець, ни ридная мати:
Сама мъ бѣду полюбила, ни на кого нарикати (Голов. III. 322).

[107]) Выправляла мати дочку въ чужу сторопочку,
Въ чужу сторопочку, межъ чужіи люде.
— А хто жъ тебе, моя доню, жаловати буде?
„Пожалують, мамцю, чужіи люде,

брату, что она плачетъ на чужой сторонѣ, прядя чужую кудель, что ее зовутъ чужестранкою, сравниваетъ свое положеніе съ переходомъ въ бродъ быстрой рѣки, скорбитъ объ отсутствіи родныхъ, недовольна чужою матерью [108]). Она бы запѣла пѣсню въ свое утѣшеніе, но на чужой сторонѣ станутъ надъ нею смѣяться [109]). Мужъ, стараясь развлечь жену, совѣтуетъ ей пойти къ сосѣдкѣ кумѣ и поговорить съ нею [110]), но жена не избавляется такимъ способомъ отъ гнетущей ее тоски [111]). Около нея все чужіе, а ей хотѣлось бы сообщиться душою съ своими родными. Пошлетъ она къ нимъ птицъ, но птицы не доставятъ ей слова отъ родныхъ [112]). Она сорветъ розовый цвѣтокъ и броситъ въ воду; воображаетъ она — приплыветъ цвѣтокъ на ея

„Якъ у моѣй головоньци добрый розумъ буде!..
— Коли жъ тебе, моя доню, сподиваться въ гости?
„Якъ выросте травесенька въ хати на помости (Чуб. V. 745—746).

[108]) За ричкою, за водою братъ сестри покланяеться—
Я до нёго листы пишу, слёзоньками умываюся.
— Добре тоби, мій братчику, на коньку играючи,
Ой якъ мени на чужини, чужу кужиль выпрядаючи.
Ой въ далекій сторононьци называють заволокою,
Кажуть мени ричку брести широкую та глыбокую.
Ніякъ ін перебрести, ни перетыкнути,
Прійдеться на чужини безъ родины загинуты.
Не такъ мени та чужина, якъ та мени чужа мати,
Каже мени чужа мати зъ нидъ каменя огонь брати.
Не збыткуйся, чужа мати, не збыткуйся надо мною,
Завъяжи менѣ чорни очи, пускай мене за водою!
Нехай мои чорни очи въ сырой земли та нисокъ точять,
Нехай мени чужа мати головоньки та не клопочить (Чуб. V. 547—548).

[109]) Ой кувала зозуленька, теперъ не чувати:
Ой де я ся не родила—мушу привыкати.
Спѣвала бы-мъ спѣваночку, кобъ то ен вдати,
Ту чужая сторононьки, будутъ ся смѣяти (Голов. I. 287).

[110]) Ой жинко моя, дружино моя!
Черезъ улицю—кума моя,
Огню огреби та й поговори (Чуб. V. 626).

[111]) „Ой я ходила, тай говорила;
Та твоя кума мене осудила (ibid. 626).

[112]) Накажу я до родоньку свого хочь чорною та вороною,
Ни родины зъ Украины, ни чорнои та ворононьки,
Та вже жъ мени надокучила а чужая та сторононьки.
Щебетала ластивонька зо дна моря вылитаючи,
Та вже жъ мени надокучило родиноньки да не маючи (Чуб. V. 550).

родину, мать ея выйдетъ за водою, поймаетъ цвѣтокъ, замѣтитъ, что цвѣтокъ завялъ, и сообразитъ, что должно быть и дочь ея такъ вянетъ, подумаетъ — болѣла дочь долго, когда брошенный ею цвѣтокъ увялъ на водѣ. Нѣтъ, матушка, скажетъ она, я не болѣла, не лежала ни дня, ни часа, а отъ тоски и грусти лицо мое исхудало [113]). Большею частью недовольство замужней женщины на свое положеніе представляется происходящимъ отъ безпутнаго поведенія мужа, впадающаго въ обычный народный порокъ — пьянство. Посмотрите, люди добрые, говорится въ одной пѣснѣ—каковъ пьяница! Что у него есть? Все тащитъ онъ и отдаетъ за водку, все вытряхиваетъ жидъ изъ его дома. Лѣзетъ, шатаясь, домой изъ корчмы, страшенъ какъ клопъ, голъ какъ быкъ, глупъ какъ козелъ, все лицо его исцарапано, общипали его какъ гуся, нагишомъ пустили, обливается онъ слезами: его колотили [114]). Вотъ женщину противъ ея воли отдала за такого пьяницу мать [115]), другая, оставшись круглою сиротою, вышла за пьяницу [116]), послушавшись совѣта добрыхъ

---

[113]) Вырву жъ бо я квитку, та пущу на воду.
Та плыви, та й до роду,
Да буде пенька воды набирати,
Зачерпнула зъ рожи квитку:
„Чи ты, моя дочко, три годы лежала,
Чи два болила, що квитка зивъяла?
— Не лежала ни дня, ни годины,
Лишъ сухоты, та згризоты на личку змарнили (Чуб. V. 209—210. Голов. I. 298).

[114]) Дивѣтеся люде добри, що пьяниця мае!
А що видить—бере зъ хаты, за горѣвку дае,
Затягнувся самъ у корчму, тай ставъ голдувати,
А що записъ—усе пропивъ, жидъ вытрусивъ зъ хаты.
Лѣзе въ потичъ до домочку, страшный якъ блощиця,
Голый якъ быкъ, дурный якъ цапъ, подряпани лиця,
Обскубли го якъ гусака, голого пустили,
Ажъ го слёзы обливають: отъ тожъ то го били! (Голов. III. 224).

[115]) Мене матюнка не жалувала;
Силомиць замижъ отдала
Ддала мене за пьяниченьку! (Чуб. V. 590).

[116]) А на моій голови штыри крушины:
Ой перша крушина—отець-мати померла,
А другая крушина—сестра зъ братомъ померла,
А третя крушина—пійшла за мужъ молода,
Четвертая крушина—за пьяницю пійшла! (Чуб. V. 585).

людей и утопила свою головушку [117]). Третья — не слушала своихъ старыхъ родителей, полюбила молодого козака, а теперь водитъ его изъ корчмы пьянаго [118]) и сожалѣетъ о своей неисправимой ошибкѣ [119]).

Вотъ одна жена пьяницы идетъ искать своего мужа, который пьетъ безъ просыпу уже болѣе недѣли, и не знаетъ она гдѣ отыскать его [120]), находитъ его въ корчмѣ [121]), онъ уже весь пропился, и коня и сѣдло пропилъ, и штаны и рубашку съ себя отдалъ за водку—остался нагишомъ въ шинкѣ [122]). Стала было жена его укорять [123]), а онъ—тотчасъ сталъ драться [124]). Тутъ является у него какая-то кума, даетъ ему вина, даетъ штаны и сорочку [125]). Кума въ народномъ образѣ выраженія имѣетъ подозрительный смыслъ, если съ нею находится въ дружбѣ женатый человѣкъ [126]). Другая жена пьяницы сидитъ

---

[117]) А ще къ тому приграяли люде:
Пійди за-мужъ, добре тоби буде,
А я людську воленьку вволнила,
Да на вики головоньку втопила (Чуб. V. 592).

[118]) Ой дурная жъ я й да нерозумна дивчина,
Не слухала тай отця-неньки старого,
И послухала й да козаченька молодого —
Веду жъ ёго й да за рученьку пьяного! (Чуб. V. 595).

[119]) Якъ не силувавъ батько, а ни ридная мати,
Сама пійшла, гирьку долю знайшла — нѣ на кого жалкувати!
(Чуб. V. 575).

[120]) Пье пьяниця недѣлю, пье пьяниця другую...
Да й забула попытать, де пьяниченьку шукать (Чуб. V. 583).

[121]) У шинкарки спить пидъ лижкомъ (Чуб. V. 584).

[122]) Пропивъ коня и сидло,
Пропивъ штаны, сорочку
Та сивъ голый у $\frac{\text{шиночку}}{\text{куточку}}$ (Чуб. V. 583).

[123]) Ой пропою, пропою, пропала я съ тобою! (ibid. 584).

[124]) Якъ ударить мене разъ,
Покотилась я у грязь,
Якъ ударить мене вдруге,
Покотилась я межъ люде (Чуб. V. 583).

[125]) Где сь узялася кума,—
Штаны й сорочку дала,
И до дому привела (Чуб. V. 584).

[126]) Ой кумъ куму полюбивъ
По садочку проводивъ,
Нарвавъ кумѣ ягидокъ
Та насыпавъ въ хвартушокъ.

одна дома; возвращается изъ корчмы пьяница. Ей велятъ выходить къ нему навстрѣчу, брать его подъ руки, раздѣвать, разувать его [127]), а ей это противно [128]). Пьяница это знаетъ и, приближаясь къ дверямъ своей хаты, кричитъ: отворяй, жена, двери, я твой милый [129]); его голосъ наводитъ на нее страхъ, она хотѣла бы убѣжать, но не успѣетъ [130]); онъ является и тотчасъ ее за косу [131]), да въ лицо [132]), да по головѣ [133]), хватаетъ плеть и стегаетъ по плечамъ [134]). Она пытается его успокоить [135]), а сама въ то время желала бы, чтобы земля разступилась и укрыла ее отъ него [136]). Пьяница велитъ постлать себѣ постель, а самой женѣ готовить ему ѣсть [137]), иногда же приказываетъ поцѣловать себя, а ей, конечно, не хочется [138]). Цѣлую ночь бѣдная жена готовитъ пьяницѣ завтракъ, но что̀ могло сохраниться въ домашнемъ обиходѣ у пьяницы! Ставитъ ему жена борщъ безъ мяса [139]). Раздраженный пьяница мечетъ миску къ

Ѣжте, кумо, ягидки,
Которыи солодки,
Которыи гиркеньки—
То то жъ моій миленькій (Чуб. V. 615).

[127]) Велять мени дай устричъ выходить,
Велять мени ще й подъ рученьки брать (Чуб. V. 591).
Велить мени розувать-роздягать (Чуб. V. 581).

[128]) Чуб. V. 495. 591.

[129]) Ой, одчини жъ, мила, двери, бо я твій миленькій (Чуб. V. 601).

[130]) „И ой не одчинюся, бо дуже боюся,
Зачую жъ твій голосокъ, дежъ подинуся:
Въ виконце не смію, у дверечки не вспію (ibid.).

[131]) Мила одчиняе, за двери ступае,
А винъ ѣи бье сердешну, за косы хватае (Чуб. V. 602).

[132]) Вдаривъ милу по плечи, ще й по билому лицю,
Ажъ полилась кровъ чорвона по шитому рукавцю (Чуб. V. 584).

[133]) Чуб. V. 691.

[134]) Да взявъ милый дротяну плить,
Дай ставъ милую у плеченьки грить (Чуб. V. 592).

[135]) Чуб. V. 579.

[136]) Розступися земле, да розступися жъ, мати,
Пойду сама жива въ тебе, що бъ не горювати! (Чуб. V. 602).

[137]) Загадуе билу постиль стлати,
Загадуе мини снидать готувати (Чуб. V. 593).

[138]) Заразъ велить циловати,
Не хочеться цилувати (Чуб. V. 578).

[139]) Борщъ поставила безъ мъяса,
Сама сила и пидперлася (Чуб. V. 579).

порогу [140]). Ему хочется похмѣлиться. Давай, жена, свою намѣтку пропить, а не то встану бить тебя [141]), кричитъ онъ. Жена бросается вонъ изъ хаты [142]).—Развѣ ты моего нрава не знаешь, что убѣгаешь? говоритъ онъ ей [143]).—Знаю твой нравъ и оттого бѣгу—отвѣчаетъ жена [144]). Она по опыту знаетъ, что нагайка — не игрушка, — какъ ударитъ, такъ и разсядется кожа [145]). Не разъ уже приходилось ей, послѣ напрасныхъ просьбъ не бить ее [146]), ночевать въ вишневомъ садикѣ, слушая птичекъ [147]) или бесѣдуя съ ежевичнымъ кустомъ о своемъ горѣ [148]). Уже не разъ приходилось ея бѣлымъ ножкамъ ходить по морозу, а ея русой косѣ трепаться по двору [149]). Но какъ ни несносенъ мужъ пьяница, а женѣ бываетъ жаль его [150]) и когда онъ бьетъ ее, она напоминаетъ, чтобъ онъ не билъ ее, потому что ему самому будетъ жалко, когда онъ протрезвится [151]). Приходитъ къ ней родная мать и узнавши, что пьяница спитъ, го-

---

[140]) Летить миска до порога (ibid.).

[141]) „Здіймай, жинко, хоть намитку,
Неси ѣи за горилку.
А устану—буду бить,
Що ничого буде пить“ (Чуб. V. 579).

[142]) Чуб. V. 593—594.

[143]) „Да чого, мила, за порогъ утикаешъ.
Хиба моихъ норовивъ не знаешъ?“ (ibid. 594).

[144]) — Ой я твои норовоньки знаю,
Що що-день твоихъ ручокъ не минаю! (ibid. 593).

[145]) Чуб. V. 596.

[146]) Голов. I. 292.

[147]) Съ хаты виконцемъ втикала,
Въ вишневимъ саду ночувала,
Ризны пташки выслухала,
Въ саду зозуленька: куку, куку!
А я, молода, терплю муку;
Въ саду соловей тёхъ, тёхъ!
Котиться слёза якъ горохъ (Чуб. V. 586).

[148]) Стала мила окномъ утикати,
Зъ ожиною стиха розмовляти:
— Ой ожино, ожино синенька!
Пропала жъ я теперъ молоденька! (Чуб. V. 593).

[149]) Уже мои били нижки по морозу походили...
Уже моя руса коса по двору помаяла (Чуб. V. 582).

[150]) ...Оно мни жаль миленького прекрасного молодця (Чуб. V. 585).

[151]) Та не бій мене, мій миленькій, якъ ты пьянъ,
Бо на другій день буде тоби мене жаль! (Чуб. V. 581).

воритъ, что лучше когда бы онъ не просыпался вовсе [152]), но дочь отвѣчаетъ ей, что если съ нимъ горе, то безъ него также будетъ горе, когда она останется съ дѣтьми [153]).

Поведеніе мужа гуляки становится болѣе оскорбительнымъ для жены его, когда онъ заведетъ себѣ куму. Законная жена дѣлается ему отвратительна, противно ему все, что она дѣлаетъ. Вотъ жена проситъ не бить ее: она въ субботу покажетъ ему свою работу. Мужъ отвѣчаетъ, что работа ея не мила ему, что онъ будетъ бить, истязать жену, а въ воскресный день у него будетъ иная подруга [154]). Зачѣмъ тебѣ другая? — говоритъ ему огорченная до ожесточенія жена. Ты ее досмерти замучишь? — О нѣтъ,—говоритъ мужъ—дразня ее, мучить ее не стану, найму къ ней работницу, чтобъ она сама работала только слегка и въ добрѣ и холѣ проживала [155]). Бѣдная женщина, послѣ такой выходки мужа, обращается мысленно къ своей матери и думаетъ, какъ было бы матери горько узнать про это [156]).

Иной мужъ потому возненавидитъ свою жену, что женился на ней не по собственному влеченію, а по приказанію отца [157]); такой послѣ самъ не знаетъ, чтобъ съ нею сдѣлалъ, и готовъ

---

[152]) — Спить пьяниця въ новій комори—гляди ёго не збуди!
Нехай спить, нехай лежить, та нехай и не встане,
Нехай твоя бидна головонька одъ журботы одстане (Чуб. V. 624).

[153]) Въ мене дитки маленькіи—горе жити безъ ёго! (ibid. 625).

[154]) „Не бій мене, мій милый, въ суботу
Покажу я тоби всю свою роботу!“
— Нечиста, плюгава, ще й къ тому гидлива,
— Менѣ твоя робота жодна не мила;
— Буду бити, буду катовати,
— Якъ прійде недиля—буду иншу мати (Чуб. V. 624).

[155]) „На що жъ тоби, милый, иншои шукати!
„Будешъ ты ѣи на смерть забивати!“
— Не буду я ѣи на смерть забивати,
— Буду для неи наймичку держати,
— Щобъ вона въ мене легченько робила,
— Що бъ вона въ мене хороше ходила! ((ibid.).

[156]) Коли бъ тее ридна мати знала,
То бъ вона по мени зъ жалю умливала (ibid.).

[157]) „Веливъ мени батько, що бъ я й оженився,
Що бъ не ходивъ въ темной ночи, да й не волочився;
Ой я батька послухавъ и взявъ оженився,
Да взявъ жѣнку не пидъ мысли, не хочу зъ нею жити (Чуб. V. 678).

бы извести ее со свѣта [158]). Онъ заводитъ себѣ куму-разлучницу, а покинутая жена разговариваетъ съ кукушкою и узнаетъ черезъ нее, что ея отсутствующій мужъ ходитъ въ городѣ и покупаетъ подарки не женѣ, не дѣтямъ, а разлучницѣ [159]); своей женѣ онъ также принесетъ подарокъ, но этотъ подарокъ—проволочная плеть [160]). Ты не искрененъ, душа моя [161]), скажетъ ему жена, догадываясь, что у мужа есть гдѣ-то на сторонѣ зазнобушка. Мужъ съ донжуановскимъ самохвальствомъ отвѣтитъ ей: сколько въ степи цвѣтовъ, столько у меня найдется милыхъ по бѣлу свѣту. Вѣдь у меня и конь вороной и я самъ молодецъ, вотъ только у меня нелюбая жена [162]). Хотя бы ихъ у тебя было двадцать четыре, а я все-таки старше для тебя всѣхъ ихъ: мы вѣдь въ церкви вмѣстѣ были, вѣнчались, Единому Богу присягали [163]). Чѣмъ болѣе сближается онъ съ разлучницею, тѣмъ ненавистнѣе станетъ ему законная жена [164]). Одинокая, она, какъ былина въ полѣ, постелетъ постель, сама одна ля-

---

[158]) Ой жинко голубко!
Ой де мени тебе дити,
Не хочу глядити!
Чи мени продати,
Чи въ службу виддати? (Чуб. V. 678).

[159]) ...По рыночку ходить,
За бѣлу рученьку розлучницю водить;
Медъ-горѣвку носить, кармазинъ торгуе,
Не менѣ молоденькѣй, не дѣтямъ маленькимъ,
Но тій розлучницѣ, що насъ розлучила (Голов. I. 246).

[160]) Мій милый иде, иде, гостинець несе,
А якій же гостинець—дротяную плить (Чуб. V. 607).

[161]) Ой десь у тебе, серденько мое, й уся нещирая правда,
Да и ой ты иншую маешъ! (Чуб. V. 611).

[162]) Пойди, мила, въ степъ, да глянь по степу,
Скильки въ степу билого цвиту?
До стильки въ мене чужихъ милыхъ е по билому свиту!
Коникъ вороный, самъ я молодый—нелюбу жинку маю,
Ой колибъ я знавъ, хорошу бъ узявъ (ibid. 610—611).

[163]) Нехай буде двадцать и штыри,
Таки я старша надъ ними!
Въ еднiй мы церкви бували,
На еднимъ мы рушнику стояли,
Едному мы Богу присягали (Чуб. V. 401).

[164]) Чужа жинка слаще меду и вина,
Чужу жинку цилувавъ бы милувавъ,
Свою жинку ростерзавъ бы, розирвавъ (Чуб. V. 615).

жетъ спать [165]). Передъ разсвѣтомъ возвращается мужъ отъ своей полюбовницы [166]). Жена хочетъ его раздѣть, разуть, приласкать, онъ отталкиваетъ ее и говоритъ, что есть другая, которая, какъ онъ хотѣлъ бы, раздѣнетъ, разуетъ и въ бѣлое лицо поцѣлуетъ его [167]).

Бываетъ горе замужней женщинѣ и оттого, что мужъ у ней окажется ревнивымъ. Всѣмъ угожу — говоритъ въ пѣснѣ такая женщина—и свекру, и свекрови, а ревнивому мужу никакъ не угожу, до тѣхъ поръ пока не положатъ его въ могилу [168]). Самъ онъ пьетъ, гуляетъ, а пришедши домой дуется на жену, не хочетъ говорить съ нею, не садится съ нею ѣсть и пить [169]). Разсердится невѣдомо за-что: вѣрно — говоритъ жена: — за то, что я у кумы сидѣла, да женатому поднесла стаканъ меда [170]). Ей, молодой, хотѣлось бы погулять, вспомнить свое красное дѣвичество [171]), но ревнивый мужъ ей скажетъ: тогда воротится къ тебѣ гулянье твое, когда зимою кукушка закукуетъ [172]); пустятъ ее свекоръ и свекровь и всѣ прочіе члены мужниной семьи, а мужъ ревнивый не пуститъ, да вдобавокъ

---

[165]) Ой сама я сама якъ былина въ поли,
Да никто не порадить мене, молодои...
Постелю постилоньку й сама спати ляжу (Чуб. V. 619).

[166]) Пидъ бѣлый свѣтъ до дому йде (Чуб. V. 615).

[167]) Одступися одъ мене, нелюба,
Тая жъ мене роздине, розуе,
Да въ билее личко поцилуе (ibid.).

[168]) А милому-ревнивому
И по викъ не вгожу,
Хиба жъ тоди угожу,
Якъ на лаву положу (Чуб. V. 564).

[169]) Я выношу ёму ѣсти,
Винъ не хоче зо мною сѣсти,
Я выношу ёму пити,
Винъ не хоче говорити (Чуб. V. 604).

[170]) ...Иде ревнивый мужъ до дому,
Несе... три плѣточки дротяныи
Тай не знаю, що и за що!
Хиба за те що я въ кумы гуляла,
Що й жонатому стаканъ меду пиднесла? (Чуб. V. 663).

[171]) Хотилось бы молоденькій погулять,
Свое красне дивованьнячко згадать (Чуб. V. 575).

[172]) Якъ зимою зозуленька закуе,
Тоди вернеться гуляньнячко твое (ibid.).

погрозитъ ей нагайкою [173]), а если какъ нибудь она самовольно проберется на чужую свадьбу, то загоняетъ оттуда батогомъ [174]). Ревнивцу дѣлается досадно даже и оттого, что жена похорошѣетъ безъ него, въ его отсутствіи [175]). Нагайка постоянно виситъ на крючкѣ для жены и не разъ ей въ тѣло влипаетъ [176]). Нагайка и побои—постоянная принадлежность замужества, если между женою и мужемъ нѣтъ согласія и любви.

Часто жена скрываетъ свое домашнее горе, такъ что со стороны людямъ кажется будто она живетъ благополучно, тогда какъ она безпрестанно проливаетъ тайкомъ слезы [177]). Когда зимою мужъ ей подъ глазами фонарей наставитъ, она, вышедши на улицу, говоритъ сосѣдкамъ, что это ее пчелы покусали, хотя сосѣдки смѣются надъ этимъ, зная, что зимою пчелы не жалятъ [178]). Даже роднымъ своимъ такая не жалуется, а видя летящихъ гусей, проситъ ихъ передать ея роднымъ, что она благоденствуетъ, но отнюдь не говоритъ имъ, что она терпитъ горе, потому что иначе родные не станутъ бывать у ней въ гостяхъ [179]). Это, впрочемъ, черта не всеобщая: есть много

---

[173]) Хоть же я нущу—дакъ нагайка не пустить! (Чуб. V. 607).

[174]) Людьски жинки пьють, гуляють, мене слёзы обливають.
Своей воли набралася, на весильля погналася,
Иде милый за мною, несе батигъ пидъ полою,
Якъ взявъ мене грити, не знала жъ я якъ гуляти (Чуб. V. 562).

[175]) Да пріихавъ мій миленькій пизно,
Да роскидавъ билу постиль ризно.
„На кого жъ ты, мій миленькій, злуешъ,
„Що мою билу постиль гайнуешъ?“..
— А на тебе, жону молодую,
— Що покинувъ якъ нитку тоненьку,
— А заставъ якъ рожу повненьку,
— Що покинувъ якъ рыбоньку въялу,
— А заставъ якъ ягодку красну (Чуб. V. 555—556).

[176]) Нагайка дротянка съ кручка не збувае,
Съ кручка не збувае, у тило влипае (Чуб. V. 607).

[177]) Кажуть люде, що пануеться.
Не пануе, мамо, я горюю.
Кажуть люде, щомъ счаслива: я тымъ веселюся;
Ой не знають якъ я не разъ слёзами заллюся (Чуб. V. 626—627).

[178]) „А що у тебе синцѣ пидъ очима?“
— Ой ходила по садочку, пчилка мя вкусила.

[179]) Не кажите, били гуси, що я тутъ горюю,
А скажите, били гуси, що я тутъ пануе.

другихъ, показывающихъ какъ несчастная въ замужествѣ хочетъ подѣлиться своимъ горемъ съ родными, особенно съ матерью. Объ этомъ скажемъ ниже.

Особенно тяжело бываетъ замужней жить съ нелюбымъ мужемъ, если до замужества она любила другого и была имъ любима [180]). Иную сватали женихи получше, а она не пошла, полюбила негодяя и погубила себя [181]). Бываетъ, что прежній, который любилъ ее, встрѣтится съ нею, попрекнетъ ее [182]), поплачутъ они вмѣстѣ, если прежде любили другъ друга взаимно [183]), иногда пожелаютъ смерти старому мужу [184]); помянетъ она недобрымъ словомъ и мать свою, если она противъ ея воли принуждала дочь выходить замужъ [185]), или же попеняетъ на себя, что сама вышла за немилаго по своей охотѣ [186]).

Нѣтъ средствъ оторваться отъ нелюба. Станетъ она надъ водою вербою, а онъ явится близь пей тонкимъ верболозомъ. Станетъ она въ полѣ березою — онъ яворомъ, станетъ она на нивѣ пшеницею — онъ близь ней куколемъ [187]). Сонъ не прихо-

---

Якъ будете, били гуси, правдоньку казати,
То не схоче родыноньки въ гостини бувати (Чуб. V. 627).

[180]) Ой гаю жъ мій гаю, густый—не прогляну!
Пустыла жъ я голубонька та вже не піймаю.
Ой гаю жъ мій гаю, цвитешъ дуже рідко;
Кого родомъ я не знала—присудивъ мя дидько (Чуб. V. 556).

[181]) Сватали красчи—я за ихъ не пійшла,
Ледачого полюбила
Сама себе погубила,
Така доля моя! (Чуб. V. 539).

[182]) Охъ державъ мене та за рученьку славный парень мій чорнявый,
А державши за рученьку, винъ говорить зо мною:
„Ой не йти бъ було, мое серце, за-мнжъ, лучче-бъ було дивчиною!
(Чуб. V. 575).

[183]) Якъ зійдуся съ кимъ любилась—наплачуся стиха (Чуб. V. 224).

[184]) Дала жъ мене моя мати за мужъ за старого...
А, Господи милосердный, выдри зъ дида душу (Чуб. V. 225.)

[185]) Кого жъ я любила не давъ мени Господь.
Не давъ мени Господь, мати не казала;
Бодай вона за то тяжко видболила (Чуб. V. 225).

[186]) Сама пійшла, гирку долю знайшла,—ни на кого жалкувати (Чуб. V. 575).

[187]) „Ой стану я стану надъ водою вербою!“
А нелюбъ тое чуе пидъ синцями стоя:
— Ой не збудешъ, Катерино, моя будешъ,
— А я коло тебе тонкимъ верболозомъ. —

дитъ къ ней, когда она ночью лежитъ съ своимъ нелюбомъ. Что ты вздыхаешь? спрашиваетъ онъ: развѣ у меня хлѣба-соли нѣтъ? — Противна мнѣ хлѣбъ-соль твоя — говоритъ она. Нѣтъ мнѣ жизни съ немилымъ [188]). Не смѣетъ она пожелать ему смерти, иначе тогда люди, знающіе, что между ними нѣтъ любви, скажутъ, что она его извела; желаетъ она лучше смерти самой себѣ, чтобы не тяготиться свѣтомъ [189]). Нелюбъ не хочетъ, чтобъ она видалась съ своими родными и пересказала имъ о томъ, что̀ дѣлается съ нею [190])—и она обѣщаетъ не говорить, хотя бы ее и спрашивали [191]). Но она воображаетъ, что уходитъ тайно, садится въ лодку, никто ее не замѣчаетъ, она плыветъ къ матери и мать, увидавши, приглашаетъ къ себѣ [192]). Ахъ, матушка, дай совѣтъ, какъ уживаться съ немилымъ. Мать совѣтуетъ посадить его за

„Ой стану я стану у поли березою“...
— А я коло тебе зеленымъ яворомъ!
„Ой стану я стану на ниви пшеницею!“...
— А я биля тебе буйнымъ кукильчикомъ (Чуб. V. 574).

188) Тай ляжу я спати край свого нелюба.
Вже зиронька зійшла, а я ще не спала,
Другая зійшла, а я вже й устала.
Я вже и устала, тяженько зитхнула.
— Ой чого жъ ты, мила, такъ тяжко здыхаешъ —
— Чи ты въ мене хлиба и соли не маешъ? —
„Ой яжъ твій хлибъ и силь запехаю,
„Съ тобою, нелюбый, я житьтя не маю! (Чуб. V. 572—573).

189) Ходить смерть-чухна по спокосу.
Тай хвалиться смерть нелюба взять.
— Смерть, чухно-мачухно, та не бери ёго.
Бо знають люде, що я не любила,
То скажуть що я и зъ свиту згубила;
Ты возьми мене молоденьку...
Нехай я не буду свитомъ нудити! (Чуб. V. 573).

190) Не пустю тя, мила, до броду по воду,
Бо ты выдвидаешъ ажъ до свого роду,
Скажешъ свому роду за свою пригоду (Чуб. V. 213).

191) Не скажу я роду за свою пригоду;
Хоць будуть пытати, не буду казати,
Обильлють дрибны слёзы, а я выйду съ хаты (ibid.).

192) Сила соби у човничокъ одъ берега одплинула,
Оглянулась назадъ себе, та въ долони силеснула:...
Нихто того не почуе, тилько ридная мати;
Одчинила кватироньку: „ходи, доню, до хаты!“ (Чуб. V. 558).

столомъ, угощать и называть яснымъ соколомъ [193]). Дочь отвѣчаетъ, что ей легче поднимать камни и ѣсть горькій полынь, чѣмъ ласкать немилаго и садиться съ нимъ за обѣдъ [194]). И тоска ея разражается безполезнымъ сожалѣніемъ, зачѣмъ она вышла замужъ [195]).

Все сочувствіе женщины, недовольной замужествомъ, обращается исключительно къ своему роду, т.-е. къ своей прежней роднѣ и къ семьѣ, особенно къ родителямъ. Она проситъ вѣтеръ повѣять къ ней въ свѣтлицу изъ того края, гдѣ ея родина, изъ того села, гдѣ осталась ея мать [196]). Она посылаетъ туда и плавающихъ и летающихъ птицъ — принесть роднымъ вѣсти объ ней и пригласить ихъ посѣтить ее [197]). Сердечнѣе всѣхъ относится она къ родной матери. Есть одна очень распространенная пѣсня о томъ, какъ мать приходила въ гости къ дочери замужней [198]), а та провожала ее [199]) и при этомъ намекнула, что жизнь ея

---

[193]) — Порадь мене, моя мати,
— Якъ зъ нелюбомъ житьтя мати! —
„Охъ и сядь же ты, доню, за тисовымъ столомъ,
„Та называй нелюбонька ясненькимъ соколомъ“ (ibid. 559).

[194]) — Лучче мени, моя мати, важкій камнь пидняти,
А нижъ мени нелюбонька соколонькомъ назвати.
— Лучче жъ мени, мати, гиркій полынь ѣсти,
— А нижъ мени изъ нелюбомъ обидати сѣсти (ibid.).

[195]) Кобы я була знала, що за нелюбомъ лихо,
Була жъ бымъ сидѣла, косочки чесала при матусенцѣ тихо!
(Голов. III. 310).

[196]) Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку новеньку,
Съ того краю, де родину маю,
Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку ще й новійшу
Съ того села де и матинку маю (Чуб. V. 762).

[197]) Пливи, пливи, утко, проти воды прудко,
Да пакажи мому роду, що я умру хутко (ibid. 744).
Полети, орле, де батенько оре,
Нехай орать покидае, мене одвидае...
Полетить синыци, де ридни сестрици,
Нехай мене одвидають мои жалобници (Чуб. V. 747).

[198]) Ще сонечко не зиходило;
Щось до мене та приходило,
Приходила моя матюнка,
И правдонька моя вирная.
Вона въ мене не обидала
Тильки мене тай одвидала (Чуб. V. 553—554).

[199]) Проведу я свою матюнку,
За горы та высокіи (ibid.).

спутана [200]). Въ другой пѣснѣ дочь говоритъ матери, что она прилетала къ ней голубкою [201]). Въ третьей, несомнѣнно очень древней (такъ какъ съ тѣмъ же содержаніемъ пѣсня есть у великоруссовъ), замужняя дочь превращается или воображаетъ себя превратившеюся въ кукушку, чтобы въ такомъ видѣ посѣтить свою мать и сообщить ей впечатлѣнія своего горя. Мать отдала дочь замужъ и не велѣла бывать у ней ранѣе семи лѣтъ, но дочь не утерпѣла и, превратившись въ кукушку, прилетаетъ на третій годъ послѣ своего замужества [202]). Она пролетаетъ черезъ лѣса, луга, сады, садится на черешнѣ въ родительскомъ саду и начинаетъ куковать, чтобы вызвать свою мать [203]). Вышла изъ хаты мать, вышелъ потомъ и отецъ; оба сказали, что если эта кукушка—ихъ дочь, то просятъ ее войти въ хату, а если это просто птица, то пусть себѣ летитъ куковать въ зеленый лѣсъ [204]). Братъ хотѣлъ было застрѣлить

---

[200]) Ой що тебе да попутало,
Чи хмель чи паутинонька
Чи малая да дитинонька?

[201]) — Чи чула жъ ты, ненька, якъ я въ тебе була? —
— Пидъ причильнымъ виконечкомъ якъ голубка гула? —
„Ой якъ бы жъ я, доню, твій голосъ зачула, —
„Ябъ розбила виконечко абы ты влинула.
„Ой якъ тоби, донько моя, на чужини жити?
Горе сиротини жити на чужини,
— Нихто еи не доглянс при лихій години (Чуб. V. 743).

[202]) Отдала мене мати на чужу сторононьку межъ чужіи люде.
Ой якъ отдавала да и приказывала,
Що бъ ты, доню, сѣмъ лѣтъ не бувала...
Пожила я годокъ, пожила другій,
А на третій стала искучати.
Обернувшись зозулею да и въ годъ прилетѣла (Метл. 257).

[203]) Летила степами—степы посушила все своими та думоньками,
Летила лугами—луги потопила все своими да слизоньками,
Летила садами—сады звеселила все своими голосочками.
Ой сяду я паду у матники въ саду, та на крайній черешенци,
Буду литати, буду кувати,
Чи не выйде моя мати зъ новои хаты (Чуб. V. 750, 752).

[204]) Выйшла моя мати, стала на порозѣ,
Пригадала собѣ свою ридну доню, обильляли ею слёзы:
— Если-сь моя доня—прошу тя до хаты,
Але если-сь сива пташка зозуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати...
Выйшовъ мій батенько, ставъ си на порозѣ;
„Ахъ если-сь моя доня—прошу тя до хаты,

птицу [205]), но она такъ жалобно стала куковать [206]), что мать расчувствовалась, остановила сына и велѣла ему накормить и напоить кукушку [207]). По малорусскому варіанту пѣсни, кукушка, наклевавшись и напившись у матери, отлетаетъ во-свояси [208]), а по галицкому варіанту — она открывается кто она и сообщаетъ матери на вопросы, сдѣланные послѣднею, что ея мужъ пьяница, перетаскалъ въ шинокъ все ея приданое и мучитъ ее жестокимъ обращеніемъ [209]). (Ср. великорус. Шейна. I. 338—340).

Случается, что дочь замужняя не всегда съ нѣжностью относится къ своему родителю. Въ одной пѣснѣ отецъ говоритъ дочери, что онъ вскормилъ ее и выдалъ замужъ, а дочь отвѣчаетъ, что ему до нея уже нѣтъ дѣла: она — отрѣзанный ломоть [210]). Но въ другой пѣснѣ замужняя дочь высказываетъ увѣренность, что отецъ о ней вспоминаетъ и сожалѣетъ, что она, живучи у грознаго свекра, рано встаетъ и горько плачетъ [211]). Что касается до братьевъ, то дружескія отношенія ихъ къ

„Але если-сь сива пташка зозуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати.
(Голов. I. 193—194).

[205]) Та мій братичокъ по дворику ходить и лучокъ натягае,
И на садъ поглядае, та на тую зозуленьку (Чуб. V. 748).

[206]) Якъ взяла кувати, жалибно спѣвати,
Ажъ ся взяли въ землѣ луги калиновы видъ голосу розлѣгати.
(Голов. I. 193).

[207]) А матенька сидить у виконько глядить, съ своимъ сыномъ розмовляе:
— Та не бій, мій сыночку, та тои зозули, що на крайній черешенци,
Та той зозулоньци, якъ моій дочци, у чужой сторононьци;
Та посыпъ, сыну, жемчужного проса, нехай вона надзёвбаеться,
Та поставъ, сыночокъ, водици кубочокъ, нехай вона напьеться.
(Чуб. V. 748—749).

[208]) Уже нагостилась, уже набарилась у своій матюнки въ гостяхъ,
Та треба думати, та треба гадати: часъ-пора до дому спати.
(idid. 749).

[209]) Голов. I. 196.

[210]) — А я тебе не знаю, не знаю,
Що ты гукаешъ сюды та сюды.
„Чи не я тебе годувавъ,
Чи не я тебе замижъ давъ?“
— Та одрізана скиба одъ хлиба—
Та теперъ мени нема дѣла (Чуб. V. 760).

[211]) Ой далеко, далеко мій батенько одъ мене,
Ой хочъ же винъ далеко, таки мене спомъяне,

замужней сестрѣ выражаются тѣмъ, что они прибываютъ къ ней въ гости и она ихъ радушно угощаетъ [212]).

Часто неудачное и тяжелое положеніе замужней женщины происходитъ оттого, что, вышедши замужъ, она не сходится съ мужниной семьей и родней. Вообще житье въ мужниной семьѣ не то что прежнее житье у родителей. Тутъ не станутъ баловать ее какъ отецъ и мать, которые берегли ея сонъ [213]), здѣсь напротивъ и свекоръ и свекровь и золовки всѣ укоряютъ ее за сонливость [214]). Если мужъ добръ и не хочетъ бить жены, какъ ему совѣтуютъ родные, то притворно показываетъ къ ней суровость въ угоду своей семьѣ [215]). Самымъ суровымъ существомъ изображается «свекруха» (свекровь). Въ пѣсняхъ — это настоящая мегера, и мы не помнимъ пѣсни, гдѣ бы свекровь являлась съ привѣтливымъ и дружелюбнымъ отношеніемъ къ невѣсткѣ. Живучи въ согласіи и въ любви съ мужемъ, жена жалуется ему, что она никакъ не можетъ угодить его матери [216]).

Таки мене спомъяне й дитяткомъ назове:
Ой дё-сь мое дитятко у тій чужій сторони,
У чужого батенька, у грозного свекорка,
Встае вона раненько, плаче вона ревненько (Чуб. V. 763).

[212]) Браты мои, браты, сиви соколоньки,
Прибувайте та до мене ой хоть въ гостиноньку.
Настою я горилочки у зеленій пляшци:
Съ перцемъ, изъ вербенцемъ, съ своимъ щирымъ серцемъ
(Чуб. V. 761).

[213]) Ой спи, доненько милая!.. (Чуб. V. 701).

[214]) У насъ невистка не робитниця,
Сонливая да дремливая,
На дѣлечко лѣнивая (Чуб. V. 700, 727).

[215]) А великая семья,
Мого мужа бранить,
Що не хоче мене бить;
А мій мужъ говорить:
„За що мени жинку бить:
„Вона дѣло мени робить!“
Ой хочъ бивъ, хочъ не бивъ,
Абы семью звеселивъ.
Ой бивъ по стини,
Та казавъ—по жони (Чуб. V. 702).

[216]) Яжъ тоби, миленькій, не скажу:
Твоей матери не вгожу:
Напечу хлиба—не вдачный,
Наварю борщу—не смашный,

Если невѣстка взята изъ бѣдной семьи, тутъ представляется поводъ злой свекрови издѣваться надъ невѣсткою. Она рано будитъ ее и говоритъ съ ироніей, что время доить коровъ, которыхъ она пригнала отъ родителей, и гнать въ поле овецъ, полученныхъ отъ матери [217]). Невѣстка отвѣтитъ, что если она не пригнала съ собою коровъ, то и не застала ихъ въ новомъ дворѣ своемъ [218]), и при этомъ замѣтитъ, что она не силовала ея сына брать ее себѣ въ жену [219]) и не стояла у ней на порогѣ, упрашивая, чтобъ ее взяли въ семью безъ коровъ [220]). Свекровь грубо приказываетъ ей не раскрывать рта и грозитъ ударить ее пестомъ въ зубы [221]). Невѣстка скажетъ ей, что свекровь не дала ей зубовъ и выбивать не будетъ [222]), а свекровь на это произнесетъ угрозу ударить ее кочергою и заставить собирать свои зубы. — У кочерги два конца — скажетъ тогда невѣстка, — будемъ мѣрять себѣ зубы [223])! Такую картину домашнихъ дрязгъ рисуютъ намъ народныя пѣсни. При скудости средствъ, при тяжелой работѣ въ бѣдномъ крестьянскомъ быту [224]),

---

Помажу коминъ—не било,
Помыю ложки—не въ дило,
Да принесу водици—розливае,
Да помыю лавочки—не сяде,
Постелю постѣль—не ляже,
Спытаю дила—не скаже! (Чуб. V. 690).

[217]) Выйшла свекруха та невистки будити:
„Уставай, суко, корову доити,
„Уставай, невихно, вставай, молодая,
„Подій коривки, що одъ батенька нагнала,
„Прожени й овечки, що ненька надавала (Чуб. V. 693. Ср. Голов. I. 192).

[218]) Хочъ я не нагнала дакъ и въ васъ не застала (ibid.).

[219]) Я твого сына не силовала брати (Чуб. V. 694).

[220]) Я жъ тоби, свекрухна, у порога не стояла,
Що бъ ты мене да безъ коровокъ брала (Чуб. V. 697).

[221]) Мовчи, невистко, не роздзявляй губы,
Яхъ ухвачу мъяло, выбью тоби зубы (Чуб. V. 696).

[222]) Не дала зубивъ, не будешъ выбивати! (ibid.)

[223]) „Та цыть, невистко, та не роспускай губы,
Якъ бачишъ коцюбу, то позбираешъ зубы“.
Я молоденька умила отвитъ дати:
— Въ коцюби два конци, будемо зубы миряти (Чуб. V. 698).

[224]) Дала мене мати замужъ,
Дала мени горе заразъ:

при постоянной воркотнѣ свекрови, а иногда и свекра [225]), понятно почему прежде красивая дѣвица, вышедши замужъ, худѣетъ и дурнѣетъ лицомъ [226]) и приходитъ въ уныніе [227]).

Злоба свекрови рѣзко выражается въ пѣсняхъ, гдѣ изображаются трагическія событія, происходившія въ семейной жизни и оставившія по себѣ память въ произведеніяхъ народнаго творчества. Вотъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ, довольно распространенной, мать подстрекаетъ сына истязать свою жену [228]). Сынъ, исполняя материнскій совѣтъ, заводитъ жену ночью въ комору и, не смотря на ея трогательныя моленія, бьетъ ее до того, что она вся посинѣла и къ свѣту испустила дыханіе [229]). Мать съ своимъ обычнымъ свекрушичьимъ ворчаніемъ является будить невѣстку и звать ее доить коровы, но сынъ блѣдный отъ ужаса говоритъ матери, что теперь уже придется ей са-

---

Треба мени рано встати,
Хату мести, сини мести,
И до плуга ѣсти нести (Чуб. V. 719).

[225]) Вчора зъ вечора мене свекоръ бивъ,
А побивши мене у шинокъ пойшовъ,
А въ шинку сидя, похваляеться,
Що добре бити а чуже дитя,
Що не лаеться, не змагаеться,
Тильки слизоньками обливаеться (Чуб. V. 692—700).

[226]) Якъ я була въ батенька молодая,
Да тоди я водици набирала въ повіи видерця.
И билее да личенько умывала;
А якъ пійшла до свекорка,
Да стало мени билило не мило,
И билее личенько почорнило (Чуб. V. 722).

[227]) Ой пійду я лисомъ боромъ,
Да стану я пидъ яворомъ:
Шумить яворъ зелененькій,
Пропавъ мій викъ молоденькій! (Чуб. V. 718).

[228]) Пійди, сыну, на ярмарокъ пишки,
Купи мени ремиными вижки
А ще къ тому й дротяну нагайку
Та бій суку зъ вечора до ранку! (Чуб. V. 727).

[229]) Изъ-вечора да комора звенила,
А пидъ пивничъ мила говорила:
„Не бій, милый, по головци больно,
„Не марай билои постели въ кровъ!“
Пидъ билый свитъ милая не жива,
Лежить мила якъ ожина синя!
Стоить милый якъ полотно билый (Чуб. V. 730).

мой при старости доить корову, а ему пусть даетъ совѣтъ, куда схоронить убитую жену [230]). По однимъ варіантамъ этой пѣсни, мать даетъ совѣтъ сыну скорѣе бѣжать въ чужой край [231]), по другимъ — похоронить трупъ жены подъ половицей въ горенкѣ [232]). Сынъ не принимаетъ ни того [233]), ни другого совѣта [234]) и отдаетъ себя въ руки правосудія [235]). Оставленная дома мужемъ жена подвергается отъ свекрови побоямъ и оскорбленіямъ. Козакъ, возвратившись домой, спрашиваетъ матери: гдѣ его Настуся? Мать сначала отлыгается, говоря, что она въ саду, въ хатѣ, пошла за водою, но когда козакъ вездѣ побывалъ и не нашелъ своей Настуси, мать объявила, что увидитъ ее завтра на лавкѣ, т.-е. мертвую. Свекровь говоритъ, что заколотила ее за то, что невѣстка не называла ее родною матерью [236]). Въ другой пѣснѣ о донцѣ (а по галицкому варіанту—о кременюшкѣ), разсказывается, что мать, которой дается эпитетъ черной га-

---

[230]) Пійшла мати невистки будити:
— Вставай, суко, корову доити.
„Ще ты, мати, сама не старая,
„Да подоишъ коровы й самая.
„Мати моя, мати, дораднице въ хати,
„Дорадила, якъ жинку карати,
„Теперъ дорадь, де іи сховати!“ (Чуб. V. 729).

[231]) — Сидлай, сыну, ворону кобылу,
Тикай, сыну, у чужу краину (Чуб. V. 729).

[232]) Пійди, сынку, въ горняку новую,
Зорви, сынку, нову полюстоньку
Та сховаемъ чужую дитину (Чуб. V. 734).

[233]) Ой нѣкуды, мати, и утикати,
Якъ заробивъ требай одвичати (Чуб. V. 732).

[234]) Нельзя, мати, чуже дитя ховати,
Треба, мати, людямъ заявляти (Чуб. V. 734).

[235]) На милую домовину тешуть,
А милого въ три нагайки крешуть,
А милую въ гробъ опускають,
А милого въ Сибиръ провожають.
„Бодай тобѣ, мати, такъ важко конати,
„Якъ теперъ мени вику доживати!“ (Чуб. V. 732).

[236]) ...„Прійди завтра вранци—побачишъ на лавци!“
— Мати жъ моя мила, чимъ Настусю била?
„Била качалкою, що бъ звала маткою,
„Била кочергою, щобъ звала ридною (Чуб. V. 724).

дины [237]), встрѣтивши воротившагося изъ похода сына, сообщила ему, будто жена его вышла безъ него замужъ за другого, оставивши дѣтей сиротами и опустошивши домъ его [238]). Донецъ, повѣривши на слово матери, отрубилъ женѣ голову [239]), но, прибывши домой, увидалъ совсѣмъ не то, что́ говорила мать его. Тогда онъ разразился проклятіемъ: мать моя, змѣя чорная! Сожрала ты солнце, сожри и мѣсяцъ, и частыя звѣздочки, мои милыя дѣтушки! [240]) (Ср. великорус. Кирѣевск. В. VII. 34—36).

Въ другой пѣснѣ, свекровь, не терпя невѣстки, угощаетъ воротившагося изъ похода сына виномъ, а невѣсткѣ подноситъ смертельной отравы. Сынъ, догадавшись, пьетъ самъ половину того, что́ было предназначено одной женѣ его [241]). Сына похоронили подъ церковью, невѣстку подъ колокольнею, на могилѣ сына выросъ яворъ, на могилѣ невѣстки тополь [242]) или береза [243]): вершины деревьевъ стали склоняться другъ къ другу;

---

[237]) Прилизла къ нёму чорна гадина;
То не гадина—то мати ёго (Чуб. V. 734—735).

[238]) Ой уже твій двиръ испустошеный,
Вже твоя жинка за-мижъ пійшла,
Вже твои дѣти посиротилы,
Вже твои слуги безъ пана живуть,
Вже твои жупаны поношени,
Вже твои меда одпечатани (Чуб. V. ibid. Максим. изд. 1827. 41).

[239]) Зустрѣла ёго жона молода.
Ой якъ выхопивъ да гостренькій мечъ
Да изнявъ жѣнцѣ головку изъ плечъ (Макс. ibid.).

[240]) Ой мати моя, моя мати,
Ты не мати—чорна гадина,
Зъила сонце, зъижъ и мисяця,
Зъижъ и зирочки — дрибнѣ диточки! (Макс. изд. 1827. 42. Чуб. V. 735).

[241]) Да частуе сына горилкою,
Молоду невистку отрутою...
. . . . . .
Выпіймо, жинко, да по половинци,
Що бъ насъ поховали въ одній домовинци (Чуб. V. 711).

[242]) Поховали сына та пидъ церквою.
Нелюбу невистку пидъ дзвинныцею,
Посадили надъ сыномъ зеленій явиръ,
На невистоньци—билу тополю (Чуб. V. 718).

[243]) Та на сынови яворъ зеленіе,
А на невисточци береза биліе (Чуб. V. 712).

могилы стали присовываться одна къ другой. Стала тогда убійца-мать раскаиваться въ своемъ злодѣяніи [244]) (ср. великорус. Онежск. Был. Гильфердингъ, 1873, стр. 155).

Есть пѣсня, очень похожая по строю на предшествовавшую, но содержанія фантастическаго. Злая свекровь отправила своего сына козака въ походъ, а невѣстку послала въ поле брать ленъ и дала ей заклятіе не возвращаться домой, а остаться навсегда въ полѣ, превратившись въ дерево, по однимъ варіантамъ, въ тополь [245]), а по другимъ, въ рябину [246]), въ грабъ [247]) или просто въ былину [248]). Сынъ, возвращаясь домой, увидалъ на своемъ полѣ невиданное прежде дерево, которое стало склоняться передъ нимъ, когда онъ проѣзжалъ мимо него [249]). Пріѣхавши домой, онъ объявилъ матери объ этомъ, а мать приказала ему срубить дерево [250]). Но когда сынъ, исполняя материнское приказаніе, ударилъ дерево топоромъ первый разъ — оно зашумѣло [251]), когда ударилъ въ другой разъ—изъ дерева брызнула кровь [252]), а когда ударилъ въ третій разъ — оно произнесло:

---

[244]) Ставъ же той явиръ та приживатися,
До теи тополи та прихилятися,
Стали ихъ могилы та присуватися (Чуб. V. 718).
или:
Гилька до гильки схиляеться,
Мати за дѣтьми да побиваеться:
„Коли бъ я була знала, то дитей не труила,
Свого серденька да не печалила“ (Чуб. V. 712).

[245]) Не выберешъ лёну, не вертайсь до дому,
Ой стань у поли тонкою тополею! (Чуб. V. 710).

[246]) Да и стань у бору ребиною,
Ой ребиною кудрявою, кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 706).

[247]) Да и стань у поли грабиною,
Тонкою та высокою, кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 710).

[248]) Стань соби въ поли былиною,
Былиною кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 707).

[249]) Ой якъ ихавъ миленькій съ пути-дорожки,
Клонилась $\frac{\text{былинка}}{\text{тополинка}}$ коню въ ножки! (Чуб. V. 705).

[250]) Ой визьми, сынку, гострую сокиру,
Да зрубай въ поли тонку тополину (или былину). (Чуб. V. 705. 710).

[251]) Ой цюкнувъ разъ першій—вона зашумѣла (ibid. 710).

[252]) Другій разъ цюкнувъ—кровъ дзюрнула (ibid.).

не рубай меня, я твоя милая. Намъ надѣлала такой бѣды матушка твоя [253]) (ср. великор. Кирѣевск. В. VII. 26).

Въ иной пѣснѣ злая свекровь посылаетъ невѣстку, по имени Ганну, въ воскресный день жать въ полѣ, и тѣмъ заставляетъ ее совершить грѣхъ, по народному воззрѣнію очень тяжелый. Послушная невѣстка работала до вечера и воротилась, оставивши, по забывчивости, въ полѣ своего ребенка. Свекровь сама напомнила ей о ребенкѣ; Ганна побѣжала за нимъ, но ей на встрѣчу летитъ соколъ и сообщаетъ, что ея ребенка растерзали хищныя животныя, которыя въ смыслѣ ироніи называются няньками [254]). Тогда въ отчаяніи мать прикладываетъ ножъ себѣ къ сердцу и упрекаетъ свекровь, что она наложила на себя три грѣха: первый за младенца, второй за невѣстку, третій за воскресный день [255]).

Къ ожесточенію противъ злой свекрови присоединилось народное суевѣріе о вѣдьмѣ, летающей по воздуху и мечущей изъ себя пламя. Жестокая свекровь въ наказаніе невѣсткѣ за то, что она, шивши, задремала, заставила ее большимъ ведромъ носить воду и молоть сырую пшеницу. Когда мужъ, узнавши объ этомъ, пошелъ освободить жену свою отъ такого утомительнаго труда, вдругъ увидали они оба свекровь, которая налетала на

---

[253]) Третій разъ цюкнувъ—промовила:
— Не рубай мене, бо я твоя мила,
То твоя матуся такъ намъ поробила (ibid.).

[254]) Бигла Гандзя, бигла густыми лозами,
Здыбалася она зъ трома соколами.
— Ой вы, соколоньки, въ полю литали,
— Дитины моеи чи съ да не видали?
„Ой тамъ твою дитину няньки колысали,
„Они твою дитину на три штуки рвали (Чуб. V. 722).
или (по другому варіанту):
„Одна нянька очки выбирае,
„Друга нянька головоньку ськае,
„Третя нянька й кишечки мотае (Чуб. V. 721).

[255]) Приложила ножикъ до свого серденька:
— Теперъ ты, мамцю, ажъ три грихи маешъ,
Еденъ грихъ маешъ за дитину малую,
Другій грихъ маешъ за Гандзю молодую,
А третій грихъ—за недилоньку святую! (Чуб. V. 722).

нихъ: пламя исходило изъ ея устъ, а дымъ изъ ноздрей [256]). По другому варіанту этой пѣсни, невѣстка превращается въ змѣю, а мужъ ея въ камень; вѣдьма опускается на камень и проклинаетъ себя за то, что разогнала дѣтей отъ себя [257]).

Такими вымыслами утѣшали себя женщины, терпѣвшія отъ суровости свекровей. Въ Галичинѣ поется пѣсня, въ которой разсказывается, что молодецъ, уѣхавши на семь лѣтъ воевать, поручилъ свою Марусеньку родной матери своей, но свекровь обращалась съ ней совершенно противно тому, какъ хотѣлъ и просилъ ее отъѣзжающій сынъ [258]). Отъ такого обращенія она умерла. Когда сынъ возвратился и не нашелъ жены, мать объявила ему, что она скончалась. Тогда сынъ отправился къ могилѣ жены и спрашивалъ ее: оставаться ли ему вдовцомъ или искать снова жены? Умершая отвѣчала: «Я не запрещаю тебѣ, но твоя мать—чародѣйка, она погубитъ чарами и другую, какъ погубила меня, накормивши лютыми ящерицами. Вдобавокъ она не наняла звонить по мнѣ, чтобы мнѣ было тяжело въ могилѣ лежать!» [259]).

Пѣсенъ о насильственной смерти жены по винѣ мужа не мало. Въ одной, очень распространенной, старой пѣснѣ, жена

---

[256]) „Глянь, Василю, бижить твоя мати,
„Зъ ѣи рота поломъячко пыше,
„Зъ ѣи носа дымъ кужелемъ иде!“ (Чуб. V. 703).

[257]) — Зкидай-съ ты, Домно, гадюкою,
— А я молодъ да билымъ каменемъ стану.
Якъ летила, на камени сила:
„Бодай же я на вики пропала,
Якъ я своихъ дитокъ розигнала!“ (Чуб. V. 704).

[258]) Голов. I. 76.

[259]) „Ой, матусю-матусенько, где сь ми дѣла Марусеньку?“
— А вже въ гробѣ, сынку, лежить, та на охрестъ ручки держить!
Ой та пійшовъ Ивасенько на Марусичинъ гробъ,
Да уклякъ же Ивасенько Марусѣ до ногъ:
„Чи кажешъ ми, Марусенько, чи кажешъ ся женити?
„Чи кажешъ ми, Марусенько, вдивцемъ ходити?
— Ахъ я жъ тобѣ, Ивасеньку, та й не бороню...
— Твоя мати чарнвниця счаруе и тоту.
— Якъ вона мня Ивасеньку та й счаровала,
— Лютыми мня ящурами нагодувала,
— Не наймала, Ивасеньку, менѣ звонити,
— Щобы менѣ, Ивасеньку, тяжко лежати! (Голов. I. 77).

проситъ мужа не бить ее по головѣ, иначе она умретъ и ему не съ кѣмъ будетъ жить [260]). Затѣмъ слѣдуютъ просьбы похоронить ее въ буковомъ (а въ другихъ варіантахъ—въ кедровомъ) гробѣ, надѣть на нее дорогую покупную сорочку, но мужъ отвѣчаетъ, что негдѣ будетъ взять такого дорогого матеріала и будетъ она лежать въ посконной сорочкѣ въ сосновомъ гробѣ. Наконецъ, она проситъ похоронить ее въ саду, посадить ей въ головахъ калину, а въ ногахъ барвинокъ, и когда онъ будетъ женить сына, то прійдетъ на ея могилу за калиною, а когда станетъ выдавать замужъ дочь, то придетъ туда рвать барвинокъ [261]). Вотъ восходитъ солнце. Вдовецъ ходитъ съ дитятью и взываетъ къ умершей: встань, милая, встань, дорогая! расплакался нашъ ребенокъ!—Пусть плачетъ,—отвѣчаетъ умершая изъ могилы, онъ перестанетъ, а матушка во вѣки не встанетъ [262]). Часто въ пѣніи пѣсня этимъ и оканчивается, но иногда къ этому прибавляется еще и такая картина: по саду ходитъ мужъ уже со второй женой и вторая жена спрашиваетъ: что это за могила въ саду, а узнавши, что тамъ погребена первая подруга ея мужа, съ презрѣніемъ говоритъ, что не слѣдовало ее хоронить въ саду, а надобно было бы, завернувши въ худую простыню, отвезти въ поле и тамъ похоро-

---

[260]) Ой тамъ мила зъ милымъ говорила:
— Ой ты, милый, ты мій милый друже,
Не бій мене въ головоньку дуже,
Якъ ты будешъ въ головоньку бити,
Ой я умру, зъ кимъ ты будешъ жити! (Чуб. V. 631).

[261]) — Выкопай же мени глыбоку могилу,
Посади въ головкахъ червону калину,
А въ ниженькахъ хрещатый барвинокъ.
Ой якъ ты будешъ та сына женити,
Прійдешъ до мене калины ламати.
Ой якъ ты будешъ дочку отдавати,
Прійдешъ до мене барвиночку рвати. (Чуб. V. 632. 367. 365).

[262]) А въ недилю рано якъ сонечко сходить,
Милый по садочку зъ дитиною ходить:
„Ой устань, мила, устань, дорогая,
„Росплакалась дитина малая!“
— Нехай плаче, вона перестане,
— А матѣнка до вику не встане! (Метл. 267. Чуб. V. 632).

нить [263]). Мужъ сердится на свою вторую жену за такую выходку [264]).

Другой мужъ жестоко и язвительно обращается съ женою [265]), потомъ еще издѣвается надъ нею, спрашивая: не причинилъ ли онъ вреда ея здоровью побоями? Получивъ отрицательный отвѣтъ, произнесенный отъ страха [266]), онъ ведетъ ее на крутизну и сбрасываетъ ее оттуда въ воду [267]).

Какъ на общеизвѣстную пѣсню, содержащую разсказъ о насильственной смерти жены, укажемъ на пѣсню о Немеривнѣ или Лемеривнѣ. Какая-то Немериха (или Лемериха) пропила свою дочь какому-то Шкандыбенку [268]). Но сама дочь не любила Шкандыбенка, и когда онъ привезъ ее къ себѣ, она ушла отъ него пѣшкомъ ночью и притомъ босикомъ. Шкандыбенко погнался за нею и сталъ выговаривать: развѣ у него нѣтъ лошадей, черевиковъ, дорогихъ одеждъ, что она уходитъ отъ него пѣшкомъ, босикомъ и въ простой мужичьей свиткѣ? Немеривна отвѣчаетъ, что все это есть, да только принадлежитъ ему, а

---

[263]) — Було обертиты въ подрану ряднину,
— Було ѣи вывезти у степъ на долину (Метл. 268. Чуб. V. 632).

[264]) „А що бъ же ты, жинко, того не диждала,
Що бы моя перша на степу лежала!“ (Метл. 268).

[265]) Ой взявъ свою миленькую,
За рученьку бѣленькую,
Повивъ ѣи въ комирочку,
Положивъ милу въ постилочку;
Самъ укрывся кожушками,
Милу укрывъ кулачками,
Самъ укрывся свитиною,
Милу укрывъ дубиною (Чуб. V. 632—633).

[266]) „Чого сь моя миленька поблидла?
„Чи яжъ тебе по личеньку вдаривъ,
„Чи я тоби здоровъячка вмаливъ?“
— Ой ты жъ мене по личеньку не вдаривъ,
— Ой ты жъ менѣ здоровъя не вмаливъ (ibid. 633).

[267]) Повивъ ѣи та на крученьки:
Тай кинувъ ѣи та изъ крученьки:
— Плыви, мила, за водою—
Горе мени жить зъ тобою! (ibid.).

[268]) Пила, пила Немериха на меду,
Да пропила свою дочку молоду (Чуб. V. 625. Метл. 284. Макс. изд. 1827. 77. Голов. III. 15).

не ей, а онъ самъ ей не по сердцу [269]). Тогда онъ хватаетъ ее на коня и везетъ посреди терновника [270]), а по другому варіанту, она побѣжала сама въ терновники, и онъ погнался за нею на лошадяхъ [271]). Она попросила ножа вынуть терновыя иглы, занозившіяся ей въ ноги, но ударила имъ себя въ сердце, предпочитая смерть житью во дворѣ Шкандыбенка [272]). Тогда Шкандыбенко привозитъ ее къ тещѣ и съ ироніей вызываетъ ее принять опьянѣвшую дочь. Отъ чего она упилась? спрашиваетъ теща. Упилась отъ терна, а заснула отъ ножа — отвѣчаетъ зять [273]).

Въ Галичинѣ поется нѣсколько пѣсенъ объ убійствѣ жены мужемъ, относящихся къ мѣстнымъ событіямъ *). Такова пѣсня о Якимѣ, который связался съ какою-то вдовою и по ея наущенію [274]), сталъ бить жену и, не смотря на ея жалобныя просьбы о пощадѣ ради ея молодости и малаго ребенка, заколотилъ ее кулакомъ до смерти, а потомъ затянулъ подъ лавку и при-

---

[269]) Та й самъ, молодъ, не до мыслоньки мени (ibid.).
или:
А ты, молодъ, не до красы до моей (Голов III. 16).

[270]) Якъ узявъ винъ Немеривну на коня,
Та й потащивъ Немеривну по тернахъ! (Чуб. V. 626. Макс. изд. 1827. 78).

[271]) Ой побигла Немеривна тернами
А за нею Шкандыбенко конями (Метл. 285).

[272]) „Ой дай мени Шкандыбенку гострый нижъ,
„Повыймаю чорный терень зъ билыхъ ногъ!“
Не выйняла чорный терень зъ билыхъ ногъ,
А встромила проти серця гострый нижъ (Чуб. V. 626. Метл. 285. Макс. 78).

[273]) Привизъ ѣи Шкандыбенко до тещеньки въ двиръ:
„Ой одчиняй, моя тещенько, ворота,
Ѣде къ тобѣ дочка твоя пьяненька.
— Ой одъ чого, мій зятеньку, виплася?
Ой одъ чого дитя мое заснула?
„Упилася, моя тещенько, одъ терна,
А заснула, моя тещенько, одъ ножа (ibid.).

*) Подобнаго содержанія польскія пѣсни для сравненія см. у Kolb. 5. 1. 85—16.

[274]) Ой учера изъ вечера, ще куры не пѣли,
Прійшовъ Якимъ до вдовоньки, люде не видѣли.
„Добрый вечеръ, Марисенько, добрый вечеръ, серце!“
Вона ему одповѣла: забій жинку перше! (Голов. I. 56. III. 20).

крылъ платками [275]). По наущенію той же вдовы, похоронивши убитую жену, злодѣй скоро почувствовалъ, что ему неудобно жить безъ жены [276]), а вдова, искусившая его на злодѣяніе, отвернулась отъ него [277]) и Якимъ, напившись пьянъ въ корчмѣ, клялъ вдову Марисю за то, что она лишила его жены [278]).

Другая пѣсня о какомъ-то Кулиничѣ Степанѣ, который убилъ свою жену, дочь какого-то Прокопа. Несчастная молила его пощадить ее, говорила, что ей съ нимъ жить мило, но злодѣй въ отвѣтъ на такія мольбы обѣщаетъ истязать ее и исторгать у ней глаза; она пыталась дать знать своей матери, чтобъ та поспѣшила спасти ее—все напрасно. Мужъ зарубилъ ее топоромъ и сообщилъ о томъ своей матери. Мать дала ему совѣтъ скорѣе бѣжать въ чужой край [279]). Панъ экономъ отправилъ за нимъ въ погоню козаковъ. Напрасно мать хотѣла подкупить

---

[275]) Прійшовъ Якимъ до домоньку тай взявъ жинку бити,
Катеринка якъ зозулька взяла ся просити.
„Не жаль же ми, Якимоньку, щомъ ся не нажила,
„Тильки ми жаль, Якимоньку, що мала дитина.
Ой ударивъ у грудоньки, решту кулаками,
Дай затягнувъ пидъ лавицю, да накрывъ платками (ibid.).

[276]) „Нема жъ моеи Катеринки выпрати сорочку! (Голов. I. 56).

[277]) Не дае ся Марисенька личка цѣлувати (ibid.).

[278]) Прійшовъ Якимъ до корчмоньки, напився горѣвки,
Выкрикае на Марисю: збавилась ми жинки (ibid.).

[279]) Чи чулы вы, добри люде, таку новиночку,
Ой що забивъ Кулиничъ сынъ Прокопову дочку.
Якъ винъ ѣю та й забивавъ, вона ся просила:
— Не бій мене, Степаночку, ще-мъ ся не нажила!
— Не бій мене, Степаночку, ты мій чорнобривый!
— Ой бо менѣ, Степаночку, съ тобою свѣтъ милый!
„Буду, мила, тя рѣзати, буду пробивати,
„Буду твои чорни очи па нижъ выбирати.
„Не нажилась ся, негидна, и не будешъ жити;
„Ой пійдешъ ты еще нынѣ въ сыру землю гнити“.
— Бѣгай, хлопче, бѣгай, малый, дай до неньки знати,
— Ой най же ми вна не дае марно загибати!
Ой якъ порвавъ ю Кулиничъ за бѣлыи руки,
Вточивъ въ нею сокироньку, задавъ ѣи муки.
Прійшовъ Степанъ до домочку, та й взявъ повѣдати:
„Заризавъ емъ, мати, жинку, що маю дѣяти?“
— Ой утикай, мій сыночку, въ чужу стороночку,
— Що бы тебе не зловили на лиху долёчку! (Голов. I. 57).

ихъ [280]). Преступника схватили и отдали на вѣки въ заточеніе [281]).

Укажемъ еще на одну галицкую пѣсню. Она кажется варіантомъ приведенной нами пѣсни о Семенѣ, котораго жена, Катерина, убѣжала изъ дома, покинувши дѣтей. Но конецъ здѣсь совсѣмъ иной.

Мужъ, пахавшій въ полѣ и не дождавшійся своей жены съ обѣдомъ (здѣсь онъ называется не Семеномъ, а Андрѣйкомъ, а жена—не Катериною, а Одокіею), по возвращеніи домой, не нашедши жены дома, неограничился воплями и стенаніями, какъ Семенъ, а погнался за бѣглянкою и нашелъ Одокію въ домѣ какого-то Круя съ сыновьями. Онъ привязалъ ее за косы къ своему коню и потащилъ съ собою. Встрѣтившіеся съ нимъ жиды просили пощадить ее, но Андрѣйко замѣтилъ имъ, что они, жиды, чужой вѣры, имъ какъ иновѣрцамъ въ семейныя дѣла русскихъ не слѣдуетъ мѣшаться [282]). Притащенная домой полуживая Одокія была положена на лавкѣ; призвали ея родныхъ и похоронили лицомъ къ землѣ [283]).

Поется у малорусскаго народа пѣсня, заимствованная изъ великорусскаго пѣсеннаго склада, но она значительно обтерлась у малоруссовъ и приняла много малорусскаго, такъ что, не зная въ точности ея происхожденія, можно по ошибкѣ признать ее за чисто малорусскую. Это пѣсня о разбойникѣ мужѣ,

---

[280]) Ой нате жъ вамъ по таляру, горѣвки напійте,
Якъ найдете мого сынка, не дуже жъ го бійте!
Ой нате жъ вамъ по таляру, ще дамъ по другому,
Якъ найдете мого сынка, не ведѣть до дому! (ibid.).

[281]) Ой якъ зланали Степана тай руки звязали,
До тяжкои го неволи на вѣки виддали. (Голов. I. 57—58. III. 20).

[282]) Найшовъ, найшовъ Одокійку у Круя зъ сынами.
А присиливъ Одокійку до коня кисками,
Поволочивъ горѣ, доливъ, тыми потоками.
Зострѣчатсе Андрѣйко зъ чотырема жиды:
„А дай-ко ты, Андріечку, Одокіи жити!“
А вы, жиды, не руснаки, то не наша вѣра (Голов. III. 38).

[283]) Донесли ей до домочку, поклали на лавку,
Издоймили зъ Одокійки сорочку кривавку;
Издоймили кривавочку, вволокли бѣленьку,
Та послали по ѣй дэдя, та по ѣи неньку.
Послали по ѣй дэдя, да по ѣи брата,
Поховали Одокію та доливъ лиць хреста (ibid.).

который убилъ родныхъ жены своей и жена въ числѣ привезенной добычи узнаетъ ихъ одежды и уборы [284]). Не плачь— говоритъ ей разбойникъ—по отцу твоему волкъ воетъ, по матери воронъ крякаетъ, по брату вся Украина плачетъ, а по сестрѣ ты погрустишь [285]). По другому варіянту разбойникъ спрашиваетѣ жену: рада ли она привезенному серебру и золоту? рада ли что онъ здоровъ воротился? Жена отвѣчаетъ, что не рада она ни серебру, ни золоту, ни его здоровью. Тогда мужъ приказываетъ закопать ее въ землю и посадить на могилѣ ея рябину, подобно тому, какъ уже надъ ея родителемъ ростетъ елка, а надъ матерью—калина [286]) (подобная польская: Kolberg 5. 1. 279).

По смерти жены оставшійся вдовецъ убивается, не зная что ему дѣлать съ дѣтьми, но дѣти утѣшаютъ отца, что они подростутъ и разлетятся по разнымъ сторонамъ, обрекая себя и на хорошее и на худое житье, смотря по тому въ какой край занесетъ ихъ судьба [287]). Хотя вдовецъ для женскаго пола

---

[284]) — Се жъ коники та батенька жъ мого,
Се жупаны та братика жъ мого,
Се перины та й матинки моеи,
Се спидници та й моеи сестрици (Чуб. V, 738).

[285]) По батькови сирый вовчокъ скиглить,
По матинци чорный воронъ краче,
По братику вся Вкраина плаче,
По сестрици сама зажурися (Чуб. V. 738).

[286]) „Ой чи рада, мила, ты золоту й сриблу,
„Ой ще чи радниша моему здоровъю?“
— Ой не рада, милый, ни злоту, ни сриблу,
— А ще не радниша твоему здоровъю!
„Слуги мои, слуги молодыи!
Закопайте милу въ глибоку могилу.
„На батькови зелена ялина,
„На матери червона калина,
„Поставте на милу червону рябину (Чуб. V. 742).

[287]) „Диты жъ мои, сиротята, пропавъ же я зъ вами!“
— Не журися ты батьку нашъ, не журися ты нами,—
Ой якъ же мы подростемо, розлетимось сами.
Розлетимось, розбижимось, якъ кленове листьтя,
Которое на Вкраину, котре на Полисься.
Которое на Вкраину, тому добре буде,
Которое на Полисься, тому горе буде!
А на тій же Украини жито да пшениця,
А на тому та Полисьси кукиль та метлиця (Чуб. V. 790).

не представляется привлекательнымъ женихомъ [288]), но вступленіе во вторичный бракъ для вдовца дѣло кажется очень легкимъ: одинъ чрезъ недѣлю по смерти жены женился на другой [289]). Дѣти отъ перваго брака не дружелюбно относятся ко вступленію отца во вторичный бракъ. Имъ, плачущимъ по умершей матери, отецъ говоритъ въ утѣшеніе, что онъ имъ купитъ три дома новыхъ и возьметъ для нихъ молодую мать. Пусть загорятся твои дома, отвѣчаютъ дѣти — пусть пропадетъ молодая мать! Не говори намъ, чтобъ мы звали ее матерью! Тебѣ она будетъ женою, а намъ не будетъ родимой матушкой [290]). Женившись на второй женѣ, современемъ самъ онъ почувствуетъ, что его положеніе плохое: разгонитъ онъ дѣтей отъ перваго брака и не соберетъ къ себѣ, хотя бы и хотѣлъ [291]).

---

[288]) Бо я вдовцю, скурвому сыну, не вмію годити,
Винъ мене буде, моя мати, безъ причиноньки бити (Чуб. V. 793—794).

[289]) А въ суботу заслабила,
Въ недилю лежала,
Въ понедилокъ умерла,
Въ вивторокъ ховали,
Въ среду плакали,
Въ четверъ журився,
Въ пъятницю голився,
Въ суботу сватався,
Въ недилю звинчався (Чуб. V. 794).

[290]) „Ой не плачте, дити, не плачте сириты,
„Куплю я вамъ, дити, три домы новыи,
„Возьму я вамъ, дити, матиръ молодую“.
— Нехай тоби, тату, домы загоряться,
— Мати молодая нехай пропадае!
— Тоби, тату, мати дружиною буде,
— А насъ, тату, мати далеби забуде!
— Було бъ тоби, тату, сёго не казати,
— Якъ намъ твою жинку матерью звати (Чуб. V. 792 793).

[291]) Да лучче жѣнка першая,
А нѣжъ тая другая.
Изъ першою дѣти мавъ,
А зъ другою розигнавъ!
„Да идѣть, дити служити,
„Чѣмъ мачусѣ годити!“
Да одинъ пійшовъ до попа,
Другой пійшовъ до жида,
Третій пійшовъ до пана—
Щобъ мачуха пропала!

Положеніе вдовы изображается въ пѣсняхъ грустнымъ. Въ былыя козацкія времена женщина, оставшись съ дѣтьми, не знаетъ гдѣ мужъ и что съ нимъ творится. Идетъ она по полю съ малымъ ребенкомъ, садится опочить и разговариваетъ съ луговыми цвѣтами [292]). Вдругъ летитъ орелъ и приноситъ вѣсть, что онъ пожираетъ ея мужа [293]). Умирающій въ чужой сторонѣ козакъ поручаетъ товарищамъ сказать женѣ, чтобъ она не ждала его, а выходила замужъ: если ей хорошо будетъ, то она забудетъ о немъ [294]). А она ждетъ мужа, ея мужа нѣтъ, ведутъ его коня [295]), везутъ его тѣло. Она чувствуетъ, что дѣти ея стали сиротами, а у слугъ нѣтъ болѣе господина [296]). Го-

---

Ходить батько по валу,
Кличе дѣтей до-дому:
„Да идѣть, дѣти, до-дому,
„Не буде вамъ розгону!"
— Живи, тату, якъ Богъ давъ:
— Коли ты насъ розигнавъ,
— Мы будемо служити
— По матери тужити! (Макс. изд. 1834. 164. Голов. III. 141).

[292]) Пійшла вдова долиною,
Зъ маленькою дитиною,
Пійшла вдова все садами
Розмовляла зъ билыми цвитами.
„Цвиты мои, биленьки прекрасны,
Дѣти мои маленьки безчастны! (Чуб. V. 806).

[293]) Летить орелъ по-надъ горою,
Розмовляе зъ бидною вдовою:
— Не плачъ, вдова, не журися,
Бо я твого мужа знаю,
Тричи на день одвидаю:
Ой першій разъ обидаю,
А другій разъ полудную,
А третій разъ вечеряю,
На чорный чубъ наступаю,
Зъ лоба очи колупаю (Чуб. V. 806—807).

[294]) „Нехай вона мене не жде,
Нехай за мижъ иде,
Бо вона мене не диждеться,
Тилько горя-биды наберсться.
Якъ ій добре буде
То мене и забуде! (Чуб. V. 808—810).

[295]) Чужи мужи изъ полку идуть,
А мого мужа коня ведуть (Чуб. V. 808)

[296]) „Чужи паны изъ похода идуть,
„Твого пана тильки тило несуть,

ресть вдовы выражается такими чертами: она засѣяла поле своими думами, покропила его слезами, какъ росою. Чтó ей въ молодости, когда нѣтъ счастья.—Или моя доля въ огнѣ сгорѣла или въ водѣ утонула [297])! Она припадаетъ къ могилѣ мужа, своего хозяина, и желала бы, чтобъ земля, принявшая ея милаго, приняла и ее съ нимъ [298]). Если у ней есть малыя дѣти, она не соберется съ мыслями, что дѣлать съ ними? Не бросить же ихъ въ крапиву [299]). Пока онѣ малы—малое съ ними горе, а горше матери станетъ, когда дѣти подростутъ [300]). Не плачь, не унывай, вдова, вѣщаетъ ей какой-то утѣшительный голосъ. Богъ будетъ помогать и кормить твоихъ сиротъ [301]). О матушка лебедушка — говорятъ бѣдной вдовѣ дѣти, воспитай насъ хоть не долго, мы подростемъ и разлетимся, тебя, матушка, покинемъ [302]). Ей представляется, что она будетъ когда-то просить

— Уже жъ бо я зовсимъ удова,
— Дѣти жъ мои да сиротята,
— Слуги мои да безъ пана живуть! (ibid. 834).

[297]) Засѣяла бѣдна вдова мыслоньками поле,
Чорными очима та й заволочила,
А дрибными слизоньками все поле зросила.
Що жъ по моей молодости, я счастьтя не маю;
Доле моя, доле! Где жъ ты ся подѣла?
Чи ты въ Дунай утопула, чи въ огнѣ згорѣла? (Голов. III. 325).

[298]) Къ сырій земли припадала:
„Земле ты сыровая!
Взяла сь у мя господара,
Возьми й мене молодую,
Най па свѣтку не бѣдую!“ (Голов. II. 576).

[299]) „Поведи ихъ по зеленимъ садочку,
„Покидай ихъ поединцѣ въ кропивоньку!“
— Ой зле ты мени, моя мати, порадила,
— Най я буду гиренько бидувати,
— Тики свои диты дрибненьки годувати (Чуб. V. 801).

[300]) Зосталася удовою
Зъ маленькими дѣточками,
Умылася слѣзоньками.
Малѣ дѣти—мале лихо,
Побильшають—погоршають.

[301]) Не журися, вдово, та молися Богу,
Господь буде помогати, сиритъ годувати! (Чуб. V. 824).

[302]) — Ой матинко—лебидочко,
Пидгодуй насъ хоть тришечки...
Та тоди мы поплынемо,
Тебе, мати, покинемо! (Чуб. V. 833).

ихъ не покидать ее; она готова быть у нихъ хоть слугою и колыхать имъ дѣтей [303]). А каково хозяйство у ней: родится пшеница, она сожнетъ ее, свозить—нечѣмъ, надо работать, чтобъ заработать на свозку сноповъ, а свозятъ—тына нѣтъ, обгородить нечѣмъ, свиньи рвутся и хлѣбъ портятъ (на гумнѣ) [304]). А въ отдаленномъ будущемъ ей представляется: тяготятъ ее, бѣдную, людскіе пересуды и клеветы. Не знаетъ она какъ держать себя, чтобъ угодить сосѣдямъ [305]). У ней хата окнами на большую дорогу: всякій мимо идущій заглядываетъ къ ней и судитъ ее [306]), а никто не знаетъ каково ей на сердцѣ [307]). Она еще молода, ищетъ родной души; не находитъ ее—находитъ только могилу своей матери, обращается къ ней, а мать изъ загробнаго міра

---

[303]) „Ой диточки-лебидочки
Озьмить мене исъ собою,
Буду я вамъ хочъ слугою.
Буду хату пидмитати,
Мали дити колихати! (ibid.).

[304]) Пшениця поспила, пшеницю изжала,
Тай обняла головоньку, тай плакати стала:
„Жать же я сжала, та ничимъ звозити,
Та все мени, бидній вдови, треба голосити!“
Воливъ одробила, пшеницю звозила,
Та и зновъ бидна вдова дуже затужила:
„Хоть я извозила, та не маю тыну,
То таки я, бидна вдова, на вики загину.
Не маю тыну вже й свини волочать,
Вже мою головоньку на вики морочать (Чуб. V. 824).

[305]) Ой Боже, Боже, коли той вечеръ буде,
Коли обо мени наговорються люде!
Говорють люде старыи й малыи,
Та ще й къ тому сусидоньки близькіи,
Сама не знаю якъ ворогамъ годити—
Чи въ чорному, чи въ билому ходити?
Выйду въ чорному—скажуть, що ледащо,
Выйду въ билому—скажуть чепуриться,
Сама я не знаю якъ до ихъ примириться (Чуб. V. 861).

[306]) Ой бѣда бѣда вдовицѣ небозѣ,
Що ѣн хатина викномъ при дорозѣ,
Хто ѣде, хто йде до вдовоньки штурмуе.
Либонь у неи молодъ козакъ ночуе (Голов. I. 271).

[307]) „Ой удово, вдово, й удово-небога,
„Якъ живешъ, бидна вдово, що ворогивъ много?
— Ой вы дивныи люде, що вы пытаете!
— На серденьку тяжко-важко, а вы й не знаете (Чуб. V. 829).

говоритъ ей: живи, дочка, съ бѣдою, живи, какъ живется, меня не поднимешь! [308])

Природа беретъ свое. Молодая вдова помышляетъ о вторичномъ замужествѣ [309]). По народному воззрѣнію, какъ мы уже приводили, женитьба на вдовѣ не оправдывается и всегда выставляется молодцу болѣе подходящимъ избрать въ подруги дѣвицу [310]). Бракъ со вдовою представляется иногда слѣдствіемъ расчета и при этомъ женихъ затрудняется, если у ней есть дѣти. Въ одной пѣснѣ описывается сватовство на вдовѣ. Сколько у ней того, другого хозяйскаго добра? спрашиваетъ искатель ея руки. Она показываетъ достаточное количество хозяйственнаго изобилія [311]). Но когда спросили ее: сколько у ней дѣтей и она отвѣчала, что ихъ много [312]), козакъ отступается отъ нея [313]). Но будущій новый мужъ и тогда очень откровенно высказываетъ свою душу и сообщаетъ вдовѣ, чего можетъ она

---

[308]) Ходе удивонька по полю та збирае родину,
Та не найшла родины, найшла въ поли былину,
Найшла въ поли былину, матусину могилу,
До могилы припала, матусеньки гукала.
— Ой куды ты, доню, йшла, що мене тутъ найшла?
Чи чорною хмарою, чи дрибненькимъ дощикомъ,
Чи тыхою водою?—Живижъ, доню, зъ бидою,
Живи, доню, якъ живешъ, бо ты мене не зведешъ! (Чуб. V. 838—839).

[309]) А я бидна вдова, мени пары нема,
Або мене, Боже, вмертви, або мени пару знайди (Чуб. V. 828).

[310]) У вдивоньки таке серце, якъ зимное, каже, сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе, то все зимный вѣтрець вѣе.
У дѣвочки таке серце, якъ лѣтнее Боже сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе, все тепленькій вѣтрець вѣе (Голов. II. 576 ср. великор. Шейна I. 331).

[311]) А въ мене воливъ на дванадцять плугивъ,
Ты бъ имъ бувъ хазяинъ, ты бъ имъ бувъ господаръ,
А въ мене коривъ на дванадцять хлѣвивъ,
Ты бъ имъ бувъ хазяинъ, ты бъ имъ бувъ господаръ.
А въ мене овець повенъ хливець,
Ты бъ имъ бувъ хазяинъ, ты бъ имъ бувъ господаръ. (Чуб. V. 818).

[312]) А въ мене дитокъ повенъ кутокъ (ibid.).

[313]) Цуръ тоби, пекъ тоби, молода вдова,
Да якая же ты хорошая!
Узявъ бы тебе, узявъ за себе,
Да въ тебе дѣтей много (Чуб. V. 821).

ждать отъ него для своихъ дѣтей и для себя, если станетъ его женою [314]).

Мы уже говорили, какъ иногда въ пѣсняхъ вдова представляется въ непривлекательномъ видѣ [315]). Есть повсемѣстно извѣстная пѣсня о кровосмѣсителяхъ. Вдова, родивши двухъ дѣтей мужскаго пола, пустила ихъ по Дунаю [316]), а черезъ двадцать лѣтъ они, называемые двумя донцами, приплыли кораблемъ къ берегу, встрѣтили вдову и одинъ сталъ предлагать ей себя въ мужья. Она не только согласилась, но предложила сама отдать за другого свою дочь [317]). Тогда донцы открываются кто они такіе [318]) и наконецъ тотъ, который становился быть

---

[314]) — Ой якъ мени жити, ой якъ горювати,
— Якъ мени свои дитки тай нагодувати!
Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:
„Не журися, бидная вдова,
Я твойму добру хазяинъ буду;
Я твоимъ диткамъ батенькомъ буду;
Я твою худобу попропиваю,
Я твои дитоньки порозгоняю,
Тебе, молоду, побью, щей полаю (ibid.).

[315]) Оженися, сынку, оженись, небоже,
Та не бери вдовици—не дай тоби, Боже! (Чуб. V. 889).

[316]) Выйшла вдова молода.
Породила два сына...
На корабель вложила
Въ тихій Дунай пустила (Чуб. V. 888—889).

[317]) У двадцятому году
Выйшла вдова на воду,
Стала воду набирать,
Ставъ корабель приплывать...
А у тому кораблѣ
Два дунця молодци.
— Здорова була вдова,
Чи любишъ ты дунця
Чи пійдешъ ты за дунця?
„Ой я люблю дунця,
И за дунця пійду,
За едного сама йду,
За другого дочку шлю (ibid.).

[318]) — Охъ ты вдова молода,
Дурна твоя голова!
Ты насъ сама родила,
Въ тихій Дунай пустила (ibid.).

мужемъ своей матери, говоритъ ей: пойди, мать, утопись, а я пойду въ темный лѣсъ, чтобъ тамъ меня пожрали звѣри [319]).

ГЛАВА V.

Родители. Братья и сестры.

Родители въ народной поэтической рѣчи обозначаются собирательнымъ именемъ: отець - мати, или отець - ненька. Было глубокое вѣрованіе издавна въ силу родительской молитвы, спасающей отъ бѣдъ, дарующей помощь во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и способствующей вѣчному спасенію души въ будущей жизни. Въ періодъ козачества молитва и благословеніе отца и матери сохраняли козака и отъ вражескаго смертоноснаго оружія и отъ потопленія въ морѣ во время козацкихъ походовъ на Черное море [1]). Въ послѣдующій затѣмъ періодъ мирной земледѣльческой и промысловой жизни не оскудѣла увѣренность въ покровительствѣ Божіемъ по молитвѣ родителей [2]). Хотя вообще отецъ и мать составляютъ нераздѣльную святыню сердца, но любовь и уваженіе къ матери какъ-то чаще, рѣзче и сильнѣе выказывается въ народной поэзіи, чѣмъ тѣ же чувства къ отцу, можетъ быть оттого, что въ семейныхъ пѣсняхъ преимущественно является женское естество. Въ одной пѣснѣ мать спрашиваетъ

---

[319]) — Да пійди, мати, утопись,
А я пійду въ темный лисъ,
Нехай мене звиръ изъисть (ibid.).

[1]) Отъ тымъ бы-то, панове, треба людей поважати
Пан-отця и панѣ-матку добре шановати.
Бо который чоловѣкъ тее уробляе,
Повѣкъ той счастьтя собѣ мае,
Смертельный мечъ того минае,
Отцева й матчина молитва зо дна моря выймае,
Одъ грѣховъ смертельныхъ душу одкупляе,
На полѣ й на морѣ на помичъ помагае (Макс. изд. 1849. 52).

[2]) А который чоловикъ отцеву й матчину молытву чтить-поважае,
То отцева-матчина молитва зо дна моря вынимае,
Въ купецстви, въ реместви, на поли й на мори помагае (Метл. 349).

сына, кто ему дороже: теща, жена или родная мать? Сынъ отвѣчаетъ, что тещѣ онъ оказываетъ привѣтливость, съ женою держитъ совѣтъ, а родная мать ему дороже всего на свѣтѣ. Онъ знаетъ, что когда она его носила въ своей материнской утробѣ, тогда—свое сердце томила, когда его, младенца, колыхала, тогда—ночей не досыпала [3]).

Народная поэзія сознаетъ, что любовь материнская бываетъ совершенно безкорыстна; мать любитъ дѣтей даже и тогда, когда дѣти поставятъ себя въ такое положеніе, что не могутъ уже быть полезными родителямъ и воздавать имъ за ихъ попеченія. Въ аллегорической пѣсни, въ которой мать съ малолѣтними дѣтьми изображается подъ видомъ лебедки съ лебедятами, дѣти просятъ покормить ихъ съ годикъ, пока онѣ покроются перьями: тогда онѣ разлетятся въ чистое поле на поживу и мать перестанетъ печалиться [4]). Смыслъ этой пѣсни таковъ: хоть дѣти будутъ далеко отъ матери, но мать будетъ довольствоваться, что ея дѣти сами могутъ проживать безъ посторонней заботы о нихъ. Материнская любовь такъ безпредѣльна, что не охладѣваетъ даже и къ дурнымъ дѣтямъ, которые оскорбляютъ родительницу. Въ одной думѣ, которую поютъ въ Украинѣ кобзари и бандуристы, разсказывается какъ сыновья спознавшись съ знатными лицами прогоняютъ мать, потому что имъ становится стыдно жить съ нею передъ гостьми, съ которыми они пируютъ [5]). Мать вдова уходитъ къ чужимъ людямъ, пригла-

---

[3]) Теща для привѣту,
Жѣнка для совѣту,
А матѣнка ридна лучче всего свѣту.
Якъ мною ходила—
Свое серце въялила,
Якъ мене колыхала,
Ночи не спала.

[4]) Пенька жъ наша лебидочко,
Погодуй насъ хоть съ годочокъ,
Поки вбьемось у пушочокъ,
А зъ пушочку да въ пирьячко,
А зъ пирьячка да въ крылечко.
Тоди стрепенемъ та й полынемъ,
Въ чисте поле живитися,
Тогдѣ перестанешъ, мати, журитися (Чуб. V. 858)

[5]) Старшій сынъ до матери мовляе:
Пійди ты, мене, причъ одъ мене,

сившимъ ее жить у нихъ и ропщетъ на дѣтей своихъ [6]). Но вскорѣ сыновья почувствовали, что Богъ сталъ карать ихъ, а близкіе люди смѣяться надъ ними [7]), даже и тѣ, которые постоянно пировали съ ними, дѣлали непріятные для нихъ вопросы: отчего они не видятъ у нихъ ихъ матери [8]). Это побудило сыновей всѣхъ троихъ очуствоваться. Старшій изъ нихъ идетъ въ церковь къ заутрени и, возвратившись оттуда, какъ бы напутствуемый незримою благодатію, подаетъ братьямъ совѣтъ воротить къ себѣ изгнанную мать, потому что, какъ замѣчаетъ онъ, Богъ ихъ сталъ карать, хлѣба-соли у нихъ стало меньше и порядка въ домашнемъ строѣ не достаетъ безъ старой матери [9]). Затѣмъ всѣ трое пошли просить мать возвратиться

Будуть, нене, гости въ мене,
Паны да князи въ жупанахъ златоглавахъ,
Будуть пыты й гуляти,
А ты, стара мати, будешъ у порога стояти (Чуб. V. 847).

[6]) Скоро близькіи сусиди наглядали,
До вдовы промовляли:
„Ой удово, ты старая жоно!
„Пійди жъ, ты, у нашъ димъ жити проживати!“
„Будемо тебе хлѣбомъ соллью годувати!“
То удова тее зачувае,
У чужой димъ ухожае, живе проживае,
По ранній вечирній зори спочинку соби николи не мае (Чуб. V. 848. Метл. 348).

[7]) Сталы ти вдовиченьки безъ отця безъ неньки пробувати,
Тогди ставъ ихъ Господь безневинно карати,
Тогди стали зъ нихъ близькіи и дальніи сусиды насмихати (Метл. 348).

[8]) Которыи у ихъ пили та гуляли,
За ворота выйшовши ихъ осужали:
Скильки мы у васъ пьемо, гуляемо,
Чому мы у васъ старои матери не видаемо.
Чи вы еи завдали, чи запродали,
Чи вона у васъ хлибъ-силь переила,
Чи вона васъ при старости литъ осудила (Чуб. V. 848).

[9]) Старшій братъ тее зачувае,
До утрени божественои одхожае,
Усю утреню божественую выслухае,
До господы прибувае,
До бративъ словами промовляе:
„Братики мои мили, голубоньки сивы!
„Нумо думати, гадати,
„Якъ бы намъ старую матѣръ у свій димъ изъискати;

къ нимъ, обѣщая на будущее время почитать ее [10]). Дума оканчивается словами всепрощающей дѣтямъ матери, что даже и въ тѣ минуты, когда мать и проклинала сыновей, она все-таки въ помышленіи желала имъ всякаго благополучія, избавленія отъ бѣдъ и царствія небеснаго [11]).

Прекрасная эта дума приводитъ намъ высшую, по народному міросозерцанію, степень материнской любви, которая непоколебима никакими огорченіями отъ дѣтей, что́ дѣйствительно вѣрно и въ человѣческой природѣ. Тотъ же взглядъ просвѣчивается вездѣ въ народной поэзіи. Въ одной козацкой пѣсни мать гнѣвается на сына, и тотъ, чтобъ избѣжать ея безпрестаннаго ворчанья, хочетъ уходить отъ ней въ Украину [12]). Но мать тотчасъ опомнилась, останавливаетъ его и велитъ ему одѣться въ зеленый жупанъ, а она полюбуется на его красоту [13]). Въ другой пѣснѣ, также козацкихъ временъ, мать, разсердившись

„Ставъ насъ Господь видимо карати,
„Ставъ у полѣ й домѣ хлѣба-соли збавляти,
„Не стало у насъ безъ старои матери порядку доставати! (Чуб. V. 848).

[10]) Тогди вдовиченьки въ чужій двиръ впадалы,
Шапки въ руки знималы,
Матери старенькій низенько въ ноги уклонялыся:
„Иди ты, мати, въ свій домъ пробувати;
„Можемъ мы тебе за матку старенькую до смерти почитаты. (Метл. 349).

[11]) — Сыны мои, ясны соколы!
Не такъ то отцевои й матчинои молитвы прохати,
Якъ ѣи прогнивляти.
Якъ удова кляла проклинала,
А все думала, гадала,
Зъ моря душу выймала,
Одъ грихивъ одкупляла,
До царствія небесного провожала. (Чуб. V. 849).

[12]) Матуся свого сына била.
А винъ молодъ не гнивився,
Винъ матусеньки попросився:
— Годи жъ мене, моя мати, грызти,
Пійду зъ туги на Вкраину жити.
Я и тамъ молодъ не загину. (Чуб. V. 875—876).

[13]) Ой стій, сыну, завернися,
Та въ зеленый жупанъ одягнися,
Та я на тебе подивлюся,
Чи е козакъ на Вкраини красчій? (Чуб. V. 876).

на сына, прогоняетъ его и говоритъ: пусть его орда возьметъ [14]). Но когда сынъ отвѣчаетъ, что орда его знаетъ и онъ ее не страшится [15]), мать съ любовію зоветъ его къ себѣ и хочетъ вымыть ему голову [16])—обычный пріемъ любви малороссіянки-матери къ дѣтямъ. Но по народному вѣрованію, гнѣвъ матери на дѣтей бываетъ настолько злокачественъ, что оставляетъ на нихъ слѣды даже и тогда, когда мать, произнесши слово проклятія, сама потомъ раскаевается въ своемъ поступкѣ. Такое вѣрованіе проглядываетъ въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, который погибаетъ въ бою вслѣдствіе материнскаго проклятія, хотя мать, произнесши его, пожалѣла и молила Бога не слушать ее [17]).

Мать гордится красотой своего сына и желаетъ, чтобъ его любили женщины [18]). Сынъ обращается къ ней за совѣтомъ, когда думаетъ жениться и получаетъ совѣтъ жениться на той, которая мила его сердцу [19]). Но есть пѣсни, гдѣ мать не благосклонно относится къ такому намѣренію и совѣтуетъ сыну козаку довольствоваться дружескою бесѣдою со своимъ конемъ [20]), за что сынъ раздражается противъ матери [21]). Иногда это происходитъ отъ страха за судьбу сына, такъ какъ есть

---

[14]) Иди, сыну, причъ одъ мене:
Нехай тебе орда возьме! (Макс. изд. 1827. 5).

[15]) Мене, мене, орда знае,
Срѣбломъ, злотомъ надѣляе (ibid.).

[16]) Вернись, сынку, до домоньку:
Змыю тобѣ головоньку. (ibid. 6. Чуб. V. 890).

[17]) Мое сочиненіе: Исторія козачества въ памятникахъ южнор. народнаго творчества. (Русская Мысль, 1880, кн. I. 55. 62).

[18]) Пійди, сынку, до криници, напійся водици,
Та що бъ тебе полюбили дивки й молодици.
Пійди, сынку, до криници, умыйся водою,
Та що бъ тебе полюбили всею слободою! (Чуб. V. 882).

[19]) Возьми соби, сыну, тую, що до серця пристала. (Чуб. V. 867).

[20]) — На що тебе, сынку, молодымъ женити?
„Прійде ничка темнесенька, ни съ кимъ говорити".
— Есть у тебе, сыну, срибла-злота много,
Купи соби, сыну, коня вороного,
Коня вороного,—говори до ёго. (Чуб. V. 868—869).

[21]) — Бодай тоби, мати, такъ важко конати,
Ой якъ мени, мати, зъ конемъ размовляти (ibid. 868).

пѣсня, гдѣ изображается, какъ мать предостерегала сына на счетъ дѣвицы, съ которою онъ сошелся [22]), и когда сынъ сказалъ, что она ему будетъ подругою, мать предсказала, что она его отравитъ [23])—и это исполнилось. Тогда уже сынъ сознался [24]), что мать говорила правду, но было уже поздно — онъ погибъ. Бываетъ и такъ, что мать, не допуская сыновей до женитьбы, горько раскаевается впослѣдствіи. Вотъ орелъ приноситъ ей вѣсти о гибели сына [25]); но тогда сынъ произноситъ, что виною всему она, не женивши своихъ сыновей во-время [26]).

По отношенію къ дочери—та же материнская любовь. Отдавая дочь замужъ, мать тутъ же готова вернуть ее къ себѣ въ домъ [27]), а если потомъ станетъ чѣмъ-нибудь недовольна, то не надолго и всегда съ прежнимъ радушіемъ готова принять ее и обласкать [28]). Она приходитъ къ своей дочери посмотрѣть на ея житье-бытье, а дочь, какъ уже говорено было, во время невзгоды ищетъ утѣшенія въ томъ, чтобы подѣлиться своими ощущеніями съ матерью [29]).

Нигдѣ такъ трогательно не высказывается материнская любовь къ дѣтямъ, какъ въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ мать оплакиваетъ сына, умершаго въ чужомъ краѣ, что́ такъ часто случалось во времена козачества. Мать, сидя у себя дома, какъ бы внутреннимъ

---

[22]) — Отъ тожъ тебе, мій сыночку, своя воленька воле,
Що до тебе, мій сыночку, сама дивчина ходе (Чуб. V. 879).

[23]) „Вона менѣ молодому та й дружиною буде,
— Вона тебе, мій сыночку, отрутою нагодуе (ibid.).

[24]) Ой правдоньку, ненько моя, ой правдоньку казала (Чуб. V. 879).

[25]) — Ой ты орелъ сивокрилый, высоко литаешъ!
Ой чи часто мого сына у вичи видаешъ?
„Ой чи часто, чи не часто, таки ёго бачу:
На чубъ, на чубъ наступаю, очи колупаю!“ (Чуб. V. 888).

[26]) — Сама-сь, мати, винна, сама провинила
Що насъ молодыми та не поженила! (ibid.).

[27]) Вернися, дочко, вернись, помиркуймося,
Хочъ рочокъ, хочъ два у мене покрасуешся! (Чуб. V. 906).

[28]) Ой кажуть люде, що мене маты лае;
А я зъ-далека йду—ворота одчиняе;
„Въ мене хаточка теплая, веселая,
Та въ мене дочка любая, сердешная! (Чуб. V. 494—495).

[29]) Чуб. V. 327. 629.

чутьемъ слышитъ жалобное ржаніе коня своего сына и по немъ узнаетъ, что его уже не стало на свѣтѣ. Хотѣла бы она превратиться въ кукушку, летать сюда и туда; она бы узнала могилу своего сына, припала бы къ ней своими крылышками и произнесла бы: куку! мой сынокъ, подай мнѣ хоть одну руку! А сынъ изъ могилы отвѣчаетъ: я бы радъ былъ и обѣ руки подать тебѣ, да насыпали на нихъ сырой земли, поднять нельзя, и глаза мои закрылись, и уста сомкнулись, и уши сжались: ни глянуть, ни услышать, ни произнести слова [30]). Тотъ же образъ повторяется по отношенію къ сыну рекруту [31]) и къ сыну чумаку [32]).

Также трогательны плачи дочерей надъ могилою матери. Въ народной поэзіи онѣ, подъ названіемъ причитаній, составляютъ особый отдѣлъ, какъ бы обрядовыхъ пѣсенъ, какія допустительно пѣть только при извѣстныхъ случаяхъ жизни съ соблюденіемъ въ нѣкоторомъ родѣ какого-то священнодѣйствія. Такіе плачи или причитанья — памятники языческой древности, прошедшіе въ первобытной своей чистотѣ черезъ многіе вѣка и не принявшіе на себѣ слѣдовъ христіанства. Такъ здѣсь плачущая о потерѣ родительницы дочь въ своихъ причитаніяхъ ничѣмъ не показываетъ признаковъ христіанскихъ вѣрованій въ загробную жизнь, напротивъ, ея обращеніе къ кукушкѣ даетъ ясный намекъ на языческое олицетвореніе природы. Сама умершая воображается какъ бы пребывающею въ землѣ, куда

---

[30]) Ой зачула стара мати сидючи въ кимнати:
„Та вжежъ мого та сынонька на свити не мае!
Ой якъ бы жъ я зозуленька та крылечка мала,
Полетила бъ сюю-тую сторононьку облитала,
Свого сына Ивана на гробу пизнала,
Сѣла бъ пала на могили, та й сказала бъ: куку!
Подай мени, мій сыночку, хоча одну руку!“
— Ой радъ бы я, моя мати, обыдви подати,
— Насыпано сырій земли, не можно пидняти.
— Скренилися уста мои, не могу промовить,
— Закрилися ясни очи, не могу проглянуть,
— Стулилися чутки уши, не могу прослухать (Чуб. V. 865).

[31]) Чуб. V. 884.

[32]) Чуб. V. 1049.

ее сокрыли и можетъ, при нѣкоторыхъ не ясно представляющихся условіяхъ, возвратиться въ прежнемъ видѣ [33]).

Отецъ въ народной поэзіи является съ той же любовію къ дѣтямъ, какъ и мать, и большею частью въ пѣсняхъ оба родителя, какъ уже сказано, изображаются нераздѣльно подъ выраженіемъ: отець-мати или отець-ненька. Все, что относится къ матери — относится и къ отцу. Разлада между отцомъ и матерью въ пѣсняхъ мы почти никогда не встрѣчаемъ. Гдѣ отецъ, тамъ и мать, гдѣ мать, тамъ и отецъ. Умирающій въ чужомъ краѣ козакъ посылаетъ вѣсть къ отцу и къ матери и оба къ нему являются, онъ проситъ обоихъ похоронить его [34]). Въ другой пѣснѣ козакъ разогнался на конѣ своемъ на море, покрывшееся льдомъ, ледъ проламывается и онъ сталъ тонуть: въ это время онъ обращается къ коню, проситъ его выбиваться изъ-подъ льда и принести о его гибели вѣсть обоимъ родителямъ [35]). Отецъ безъ матери является рѣдко и, вѣроятно, чаще всего тогда,

---

[33]) Ой коли намъ тебе сподиваться
Що бъ намъ и къ тоби прибраться:
Чи къ Різдву, чи къ Велыкодню, чи къ Святій недили?
И къ Різдву стежки позамитае,
Къ Великодню воды порозливае,
А къ Святій недили травою позаростае.
И николы тебе не сподѣваться!
Коли буде зозуля кувати,
Я буду еи пытати:
Чи не бачила моеи неньки ридненькои?
Скажи ѣй, зозуленько, якъ мени тошно, якъ мени гирко безъ неньки жити!
Хто завыдить, той мене спритоньку зобидить,
А зозуленька не буде правды казати!
Де жъ, моя ненько, теперъ мени счастьтя шукати?
Чи мое счастьтя въ огни згорило,
Чи мое счастьтя въ води потонуло,
Чи мое счастьтя вітромъ роздуло? (запис. мною въ Сарат. губ. и додставл. Метлинскому, напечатавшему въ своемъ сборн. „Народныя Южно-русскія пѣсни, стр. 292—293).

[34]) Пріѣзжае отець-мати зблизька—здалека,
Прикладае свое личко до ёго серденька,
— Годи, отець, годи мати, годи жалувати,
— Тильки прошу отця-мати хороше сховати (Чуб. V. 886).

[35]) — Быйся жъ, коню, быйся выбивайся,
— До батька й до неньки поспишайся,
— Та батькови й неньци поклаваяйся (Чуб. V. 370).

когда матери не было на свѣтѣ. Въ одной пѣснѣ, напримѣръ, козаку подается совѣтъ не покидать престарѣлаго отца, иначе угрожаетъ ему гибель [36]). Въ аллегорической пѣснѣ старый козакъ изображается въ образѣ сокола, а его дѣти въ образѣ соколятъ: онъ отлетаетъ въ чужіе края и оставляетъ своихъ соколятъ на попеченіе товарищу орлу, но воротившись домой, узнаетъ, что его соколятъ забрали ляхи и отдали невѣрному царю [37]). Въ другомъ народномъ произведеніи, именно въ думѣ, о которой мы говорили, излагая символику птицъ, въ видѣ соколовъ, изображаются козаки: отецъ и сынъ, изъ которыхъ первый освобождаетъ послѣдняго изъ турецкой неволи [38]). Въ пѣсняхъ собственно семейныхъ и преимущественно женскихъ, но въ немногихъ, является отецъ безъ матери, быть можетъ тогда, когда матери уже не было, или въ смыслѣ главы семейства и хозяина. Такъ въ одной пѣснѣ дочь съ восторгомъ говоритъ о веселомъ привольномъ житьѣ у родителя, который ласкалъ и лелѣялъ ее [39]). Въ колядкахъ изображается, какъ отецъ любуется своей дочерью, которой за красоту всѣ восхищаются [40]). По народному воззрѣнію родители учатъ дѣтей добру, и пороки молодыхъ людей представляются чаще всего происходящими отъ непослушанія родителямъ. Мать—добрая совѣтница дѣтямъ, и отправляя сына въ дорогу, приказываетъ ему всегда помнить

---

[36]) Не покидай, мій миленькій, старенького батька:
Якъ батька покинешъ, самъ молодъ загинешъ,
Быстренькою рѣченькою у Дунай заплынешъ (Малорос. и Червонор. Думы и пѣсни 124).

[37]) Чуб. V. 852. 853. Въ одномъ изъ вар. вмѣсто *паны* поется: *ляхи*.

[38]) Журналъ Бесѣда, 1872, томъ XI, стр. 13.

[39]) Чуб. V. 904.

[40]) Рясна калина въ лузи,
Ще найкрасча Катерина въ батька.
По двору ходыть якъ мисяць сходыть,
Триски сбирае, якъ зоря сяе.
Ввійшла въ свитлоньку—паны встають,
А еденъ каже: чія це дочка?
Другій каже: королівночка,
А батько каже: це моя дочка,
Це моя дочка, такъ якъ панночка (Чуб. III. 396).

о Богѣ [41]). Но въ видѣ позорнаго исключенія въ пѣсняхъ упоминаются и обратные примѣры. Такъ въ одной пѣснѣ изображается мать избаловавшая свою дочь и сдѣлавшая ее лѣнивою [42]). Въ другой пѣснѣ мать сама подстрекаетъ сына воровать, похваливая его за каждую кражу [43]), пока наконецъ онъ попалъ въ заключеніе и тогда уже не шли выручать его ни мать, ни родные [44]).

Чувству къ родной матери противополагаются отношенія къ мачихѣ и къ вотчиму. Имѣть мачиху для дѣвушки такое же горе, какъ для молодца быть отданнымъ въ рекруты [45]). Мачиха, какъ вода студеная, которую трудно переходить въ бродъ [46]). Мачиха бьетъ и ругаетъ падчерицу и некому за бѣдную заступиться [47]). Самъ отецъ, женившись на второй женѣ, только со-

---

[41]) Будешъ, сынку, въ дорозѣ —
Не забудь о Бозѣ. (Голов. II. 580).

[42]) Сидить же мати набиваеться,
Своею дочкою выхваляеться:
„Вона у тебе не робитеме,
По земли хвартукъ волочитеме,
А у неи павы помыють лавы,
А у неи лиски помыють миски,
Вона хлиба напече,
Водиця въ хату сама натече (Чуб. V. 896—897).

[43]) Ой укравъ я, мати, корову рябую,
Ты сказала, мати: украдь и другую...
Ой укравъ я, мати, ажъ семеро овець,
Ты сказала, мати, мій сынъ молодець (Чуб. V. 882—883).

[44]) Якъ піймали, мати, у неволю брати,
Не йшла мене, мати, дай вызволяти,
Ой не йшла жъ, мати, не йшла й родинонька,
Не пришла й вирная да дружинонька (ibid.).

[45]) Ой хлопъяча бѣда—у некруты брати,
А дивчача бида—не ридная мати:
Не пускае мене никуды гуляти (Чуб. V. 892).

[46]) Студена вода, студена вода, тяженько ю сбродити,
Чужій матинцѣ, чужій матинцѣ тяженько догодити.
Чужа матинка, чужа матинка якъ соломонька въ стрѣсѣ,
Своя матинка, своя матинка якъ калинонька въ лѣсѣ (Голов. III. 145).

[47]) Въ мене мати та не ридная,
Головочка моя бидная!
Буде мене бити, ругати,
Я не знаю якъ одказати (Чуб. V. 897—898).

жалѣетъ о дѣтяхъ отъ перваго брака, видя, какъ съ ними обращается мачиха [48]). О вотчимѣ въ пѣсняхъ говорится мало: есть, впрочемъ, дума, гдѣ изображается, какъ мать выпроваживаетъ изъ своего дома сына, чтобъ избавить его отъ нероднаго, названаго отца [49]).

Братья и сестры въ неразрывной связи пока живы родители, и дѣти ихъ составляютъ единую семью. Братъ защитникъ и покровитель сестры. Охранять честь ея — его обязанность. Разсказывается, какъ ляхи подговорили къ побѣгу дѣвку Касю [50]). Мать узнавши объ этомъ [51]), посылаетъ сыновей въ погоню [52]). Молодцы догнали бѣглецовъ и не внимая жалобамъ сестры [53]), изрубили ея соблазнителя [54]). На такое покровительство старшаго брата надъ сестрою указываютъ и свадебные обряды, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Такое покро-

---

[48]) Якъ ми перша жинка вмерла въ зими, поховавъ емь,
Зисталося двое дѣтій, гирко працювавъ емь...
Наравъ мѣ нашь кумъ реентъ: „е въ дворѣ дѣвчата;
„Возьми собѣ зъ двора дѣвку, буде панъ за свата!“
Взявъ я собѣ зъ двора дѣвку, алежъ не такая;
И нещаща, и ледаща, до того й лихая;...
Дѣти ходють якъ святіи и свѣтють колѣньми,
Повбивала имъ мачуха якъ била полѣньми (Голов. III. 179—180).

[49]) „Ой сыну мій, удовиченьку, бездольный, безсчасный!
Не велю я тоби зо вторымъ отцемъ жити-проживати,
Нехай не буде тебе вторый отець названый клясти-проклинати,
Долю твою козацькую зневажати,
За хлибъ-за-силь нарикати, зъ домивки зганяти;
А велю я тоби въ чужу сторону одъизжати (Чуб. V. 849).

[50]) Пасла Кася кони й волы,
И пасучи, погубила,
Шукаючи, заблудила.
Ой прибилась до рыночку,
Пьють ляшеньки горѣлочку.
Ой пьють вони, пидпиваютъ,
Касю ѣхать пидмовляють (Чуб. V. 909).

[51]) ibid.

[52]) — Та сыны жъ мои и дорогіи,
Сидлайте кони вороныи,
Доженить Катю зъ ляшеньками! (ibid. 908).

[53]) „Сребло-злото забирайте,
Тильки ляшка не рубайте“ (ibid. 909).

[54]) Сребло-злото все забрали,
И ляшенька зарубали (ibid. Макс. изд. 1827. 121).

вительство становится полнѣе, когда не станетъ родителей и старшій братъ занимаетъ ихъ главенство въ семьѣ.

Въ плачахъ или причитаніяхъ, произносимыхъ сестрою надъ могилою умершаго брата, та же мысль, и сестра называетъ его защитителемъ, а себя обзываетъ сиротою безъ него. Сестра спрашиваетъ, куда онъ отъѣзжаетъ, говоритъ, что будетъ допрашивать кукушку: когда дожидать ей брата къ себѣ въ гости, и прощается съ нимъ въ отчаянной увѣренности, что не будетъ уже никогда видѣть его и разговаривать съ нимъ въ жизни [55]). И въ причитаніяхъ сестры надъ умершимъ братомъ, какъ въ приведенномъ выше причитаніи дочери надъ матерью, нѣтъ ни слова о христіанскихъ представленіяхъ.

Когда родители умираютъ, сыновья поженятся, дочери повыходятъ замужъ и обзаведутся своими собственными семьями, тогда связь между братомъ и сестрою слабѣетъ, хата брата для замужней сестры не то, что хата родительская. Хоть бы самъ братъ лично былъ привѣтливъ къ сестрѣ, но не такова будетъ къ ней братова жена [56]). Въ пѣсняхъ можно найти слѣды возмутительно грубаго обхожденія брата съ сестрой, особенно когда эта сестра убога, а братъ зажиточенъ. Увидя изъ окна хаты ѣдущую къ нему сестру, онъ спѣшитъ приказать женѣ убрать со стола хлѣбъ. Идетъ сестра,—говоритъ онъ,—спрячь хлѣбъ; я ее ненавижу. Сестра уже въ сѣняхъ, слышитъ, что́ гово-

---

[55]) Ой куды жъ ты, братику, выихавъ въ якій край,
Що до тебе ни письма написати,
Ни людми переказати?
У якую дороженьку?
Чи до чистого поля, чи до синёго моря?
Чи до чорвоной калины, чи до чорной могилы?
Зозульки будуть кувати, соловейки щебетати,
А мы свого братика въ гости будемъ дожидати!
На порози стояла, зозуленка кувала,
А я жъ про свого братика въ нен пытала:
— Чи не бачила мого братика, чи не йде винъ у гостоньки?
Уже жъ мени, мій братику, не розмовляти,
Уже жъ мени, мій братику, не видати тебе поки свитъ сонця
(Чуб. IV. 703).

[56]) Якъ батенько умре, гостина минеся, матинка схитнеся.
А пійду я до брата — то не моя хата:
Братъ сестру витае, а братова стиха лае (Голов. III. 331).

рится въ хатѣ, и привѣтствуетъ брата при своемъ входѣ въ его домъ такою рѣчью: «Не пугайся, братецъ. Я не обѣдать къ тебѣ иду; я уже дома пообѣдала. Я хочу повидать твоихъ дѣтей, чтобъ онѣ знали, что у нихъ есть тетка. Я заработаю себѣ на хлѣбъ, да еще тебя накормлю, когда придешь ко мнѣ [57]). Въ другой пѣснѣ изображается, что братъ устроиваетъ у себя въ домѣ пирушку и зоветъ въ гости двухъ своихъ сестеръ. Одна изъ нихъ богата, другая убога. Богатую сажаютъ съ почетомъ за столомъ, убогую — у порога [58]); богатую угощаютъ медомъ и виномъ, убогую горькимъ пивомъ; богатой даютъ калачи, убогой — сухари [59]). Сидя у порога убогая, чувствуя свое униженіе, заливается слезами [60]). Подпивши, богатая сестра начинаетъ издѣваться надъ убогою. Вотъ еслибы ты, сестра, была такова какъ я, то сидѣла бы теперь тамъ, гдѣ я сижу [61]). Какъ же мнѣ—отвѣчаетъ убогая—быть такою какъ ты? рабо-

---

[57]) Одсунувъ братъ кватирочку:
Иде сестра къ ёму въ гостиночку.
А винъ каже: „пріймай, жинко, хлибъ зо стола,
Ѣде въ гости сестра моя.
Ховай, жинко, хлибъ у хижу,
Я своеи сестры ненавижу.
Сестра къ синечкамъ пріѣзжае,
То братовы слова зачувае:
— Ой стій, брате, не лякайся,
— Зъ хлибомъ-сильлю не ховайся!
— Ой я, брате, дома обидала,
— А бы тебе одвидала...
— Не такъ тебе, якъ твоихъ дитокъ,
— Щобъ воны знали своихъ титокъ.
— Ой я, брате, хлиба загорюю,
— Та прійди до мене—нагодую (Чуб. V. 929. Голов. II. 375).

[58]) Багатую садять у конци стола,
А вбогую садять у порога (Чуб. V. 914).

[59]) Напувае багату медомъ-виномъ,
А убогу-небогу — гиркимъ пивомъ,
Закусуе багата калачами,
А убога-небога — сухарцями (ibid. 916).

[60]) Та багатая сестра медъ-вино пье
А вбогая у порога слизоньки льле (Чуб. V. 914).

[61]) Та багатая сестра пидпивае,
Та до вбогои сестры промовляе:
„Та коли бъ же ты, сестро, такая жъ була,
То бъ и ты тута посажена була“ (ibid.).

таю за чужимъ дѣломъ, выгребаю чужія печи, пряду чужую пряжу, наполняю чужіе сундуки [62]). Тогда богатая дѣлаетъ ей тотъ упрекъ, который издавна обыкли дѣлать богачи бѣднякамъ. Не работаешь, оттого и въ отрепьяхъ ходишь. Вставала бы раньше, да пряла постарательнѣе [63]). Встаю я—отвѣчаетъ убогая — раньше тебя и пряду много, да все только приводится мнѣ наполнять чужіе сундуки и одѣвать чужихъ дѣтей [64]). Въ одномъ изъ варіантовъ этой пѣсни изображается разговоръ обѣихъ сестеръ съ своею долею. Одной изъ нихъ доля приготовляетъ новые жупаны, а другой—заплаты на сермягѣ. Богатую провожаютъ съ музыкою, а бѣдную травятъ собаками [65]). Подобное обращеніе никакъ не оправдывается народнымъ міровоззрѣніемъ, напротивъ, недостатку любви между близкими родными приписываются неурожаи и всякія потери, какъ наказанія отъ Бога за грѣхи людскіе [66]).

---

[62]) „Якъ же мени, сестро, такій бути,
Чуже дило роблячи, чужи печи хутруючи,
Чужи мотки одпрядаючи,
Чужи скрини сповняючи“ (Чуб. V. 917).

[63]) Коли бъ ты, сестро, такъ робила,
То бъ у такихъ латахъ не ходила.
Вставай ты, сестро, ранесенько,
Пряди кужилечку тонесенько (ibid. 916).

[64]) — Я устаю, сестро, раньше тебе,
Пряду кужилечку тоньше тебе.
А я устаю, сестро, велики починки напрядаю
Да все чужіи скрини наповняю,
Да все чужихъ дитей зодягаю (ibid.).

[65]) Та озвалася доля до багатои:
„Чи вже жъ ты жупаны поносила,
Уже жъ я тоби суконь пакупила.“
Озвалася доля до вбогои:
„Чи вже жъ ты свитину изодрала,
Бо вже жъ я тоби латокъ назбирала!
Багатую проводють изъ музыками,
А вбогую цькують та собаками (Чуб. V. 915).

[66]) Тимъ на свити хлибъ не родить,
Що братъ до сестрици не говорить;
Тимъ на свити теряеться,
Що братъ сестры цураеться,
Тимъ на свити добра нема,
Що братъ сестры за ридъ не ма (Чуб. V. 929).

Но показываются въ произведеніяхъ народной поэзіи и образцы участія брата къ сестрѣ. Въ одной, напримѣръ, пѣснѣ, женщина терпитъ горе и говоритъ, что видно мать прокляла ее, когда она была еще дитятью [67]). Но у ней есть двое братьевъ, словно двое голубковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ къ другому: не допустимъ сестрѣ нашей погибать въ чужой сторонѣ; сестра наша хороша и красива, только судьба ея несчастна [68]). Въ одной аллегорической пѣснѣ, сестра изображается въ видѣ чайки, а братъ въ видѣ журавля, чайка скорбитъ за своихъ дѣтокъ, а братъ журавль утѣшаетъ ее, что ея дѣтки останутся при Божіей помощи цѣлы и будутъ летать по волѣ [69]). Въ другой пѣснѣ братъ является въ образѣ соловья, а сестра въ образѣ кукушки. Соловей скорбитъ о погибшихъ дѣтяхъ, сожженныхъ чумаками; прилетаетъ сестра кукушка и говоритъ, что она предупреждала его добрымъ совѣтомъ мостить себѣ гнѣздо въ безопасномъ мѣстѣ [70]). Сестра, заѣхавшая на житье въ дале-

---

[67]) Ой гоя, гоя, несчистлива доля!
Прокляла ненька якъ буламъ маленька. (ibid. 917).

[68]) Тамъ надъ Дунаемъ сидить два голуба сивенькихъ,
Тамъ есть у мене два братчики ридненькихъ,
Еденъ голубъ воду пье, другій литае;
Старшій братъ копя напувае, молодшій старшого навчае:
„Не дамо сестри въ чужини пропадати,
Бо наша сестра хороша й вродлива,
Тильки ей Богъ давъ, що доля несчаслива“ (Чуб. V. 917).

[69]) Стерегла чаенька маленькіи дѣти,
Привела журавля къ собѣ на пораду:
— Брате мій любимый, дай ми яку раду:
— Де я маю ти дѣти подѣти,
— Прійдетъ ми ся у свѣтъ полетѣти. —
„Не журися, сестро любимая,
„Нимъ жито приспѣе, Богъ старанье мае,
„Будуть твои дѣти до воли гуляти,
„Будуть вони якъ орлы быстрыи лѣтати!“
— Бодай твои, брате, слова ся сповнилы,
— Щобы мои дѣти въ той часъ були цилы (Голов. II. 517—518).

[70]) Ой йшли чумаки зъ Украины,
Дай пустили пожаръ по долини, —
Соловейковы дити погорили.
„Ой и зозуленько, сестро моя,
„Пропали диточки, пропаду й я!“
Прилетила сестра зъ Украины —

кую Украину находитъ себѣ только въ томъ и отраду, что получаетъ часто письма отъ брата, который съ участіемъ обращается къ ней [71]). Есть большая дума, распѣваемая кобзарями, гдѣ сестра, живущая въ чужой сторонѣ, обращается къ брату и умоляетъ его посѣтить ее, потому что ей въ чужой сторонѣ грустно и никто ее знать не хочетъ [72]). Говоря объ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ между собою въ народной поэзіи упомянемъ, наконецъ, о легендарной пѣснѣ, очень распространенной, гдѣ разсказывается о происхожденіи цвѣтка: «братъ съ сестрою», по-русски—Иванъ да Марья (viola tricolor); мы уже приводили эту пѣсню, излагая символику растеній [73]).

Такъ выражается семейная жизнь южно-русскаго народа въ его поэтическихъ созданіяхъ. Народная поэзія представляетъ

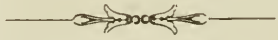
— Чи я тоби, брате, не казала,
— Не мости гниздечка у лужечку,
— Помости гниздечко у садочку,
— На высокимъ древку, на яворку,
— Нихто того древка не зрубае,
— Соловьёвыхъ дитокъ не займае (Чуб. V. 850—851).

[71]) Ой витеръ не віе, гильля не колыше,
Тильки братъ до сестры часто лысты пише.
Пише на Вкраину, туды ихъ шле швидко.
— Сестро моя, сестро, сестро украинко!
— Що мени на свити зъ тобою робыты,
— Чи привыкла, сестро, на чужини житы?—
„Хоча не привыкла, треба привыкати,
„Коли уродила безъ доленьки мати“ (Метл. 244).

[72]) Сестра то зачувае, словами промовляе:
Прошу тебе: черезъ быстри рики билымъ лебедонькомъ переплыви,
Черезъ широки степы малымъ невеличкимъ перепелонькомъ перебижи,
Черезъ темни луги яснымъ соколонькомъ перелити,
А въ моимъ двори сивымъ голубонькомъ сядь-пады,
Жалибненько загуды,
Тугу мою, брате, роздилы.
Що теперъ, брате, святый день Великдень праздникъ роковый,
Що люды зъ церкви йдуть,
Якъ бджилоньки гудуть —
Одно одного на здоровья пытае,
Одно одного на бенкетъ зазывае,
А мене нихто по родыни не займае,
Будто воно мене та й не знае! (Метл. 356).

[73]) Журн. Бесѣда. 1872 года. VI. 14—16.

намъ въ ней послѣдовательное развитіе дѣятельности одухотворяющаго ее начала—любви, которой зарожденіе видно въ полудѣтскихъ весеннихъ играхъ и забавахъ, дальнѣйшее возрастаніе въ юношескихъ взаимныхъ стремленіяхъ молодыхъ людей обоего пола: ихъ свиданія, сердечныя изліянія чувствъ, боязнь родительскаго наблюденія, страхъ постороннихъ препятствій, случайныя (могущія быть и не быть) явленія, какъ измѣна, ревность, отчаяніе, ссоры, примиренія, злоба, месть, потомъ при пережитіи всякихъ неизбѣжныхъ и случайныхъ явленій—бракъ, выражаемый свадебнымъ торжествомъ. Это, какъ мы замѣтили, самый поэтическій моментъ расцвѣта жизни, съ котораго начинается другой ея періодъ—семейно-родственный, который также обильно выражается въ произведеніяхъ пѣсеннаго творчества со всѣми какъ присущими и потому неизбѣжными, такъ и случайными явленіями. Читатель можетъ замѣтить, что все здѣсь сообразуется съ тѣмъ военно-земледѣльческимъ бытомъ, который народъ проживалъ съ разными формами общественнаго своего строя многіе вѣка и напечатлѣлъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ настоящее время жизнь народная съузилась въ формы земледѣльческаго сельскаго быта, но въ пѣсняхъ народныхъ, какъ было нами не разъ указываемо, слишкомъ ярко еще виднѣются слѣды прожитаго. Мы считаемъ излишнимъ далѣе и шире распространяться, предоставляя каждому судить по представленному нами очерку сообразно поэтическому изображенію, сдѣланному самимъ народомъ о своемъ бытѣ и жизни.



ПОСЛѢДНЯЯ РАБОТА.

Послѣдняя работа.

Отъѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, Минихъ узналъ, что спасенный имъ отъ казни преступникъ, сидя въ Тайной Конторѣ, все читалъ Новый Завѣтъ и писалъ что-то. Это заняло фельдмаршала и онъ упросилъ Семена Андреевича Салтыкова сообщить ему бумаги этого преступника. Получивъ ихъ, Минихъ взялъ ихъ съ собою въ Петербургъ и на досугѣ принялся ихъ перечитывать. Бумаги эти привели его въ изумленіе.—Я увидалъ здѣсь—говорилъ онъ послѣ пастору лютеранской церкви св. Петра Геррингу, что ошибался, признавая исключительно послѣдователей реформаторовъ XVI вѣка истинными христіанами, а римскихъ католиковъ и паче того восточныхъ ортодоксовъ считалъ полуязычниками, зараженными множествомъ грубыхъ суевѣрій.—То, что́ ему попалось въ руки, писанное преступникомъ, которому жизнь онъ выпросилъ у государыни, совершенно измѣнило его взгляды: онъ нашелъ такія правильныя объясненія Новаго Завѣта, что онѣ были въ-пору только умнѣйшему изъ пасторовъ нѣмецкихъ. Пасторъ Геррингъ пытался-было приводить какое-то вычитанное имъ изъ старыхъ ливонскихъ хроникъ извѣстіе о проповѣди какого-то пастора въ московской сторонѣ, но Минихъ остановилъ его, сказавши, что въ томъ, что написалъ спасенный имъ преступникъ нѣтъ и тѣни какого-нибудь иновѣрнаго ученія: онъ остается строго православнымъ, и онъ, Минихъ, заключаетъ, что въ православномъ вѣроученіи допускаются самые свѣтлые взгляды и толкованія на св. Писаніе. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, унтеръ-офицеръ изъ

Москвы привезъ спасеннаго прямо въ домъ Миниха. Фельдмаршалъ принялъ его чрезвычайно ласково, прежде всего напоилъ чаемъ, потомъ часа два бесѣдовалъ съ нимъ и такъ полюбилъ его, что тотчасъ же опредѣлилъ его въ дворцовую роту Преображенскаго полка и сказалъ ему, что поручитъ ему каждое утро читать главу изъ Новаго Завѣта кружку товарищей по службѣ. Фельдмаршалъ вслѣдъ затѣмъ хотѣлъ поговорить съ пасторомъ Геррингомъ. У Миниха явилась даже охота отдать своего protégé обучить нѣмецкому языку.

Черезъ три дня у Миниха въ домѣ происходило слѣдующее. Въ числѣ прислуги у Миниха былъ одинъ молдаванинъ, парень лѣтъ семнадцати, довольно дебелый тѣлосложеніемъ, приземистый, тяжеловатый въ движеніяхъ, хотя исправный во всѣхъ даваемыхъ ему порученіяхъ; звали его Карауріо, а русскіе солдаты передѣлали его въ Караулова. Говорили, что онъ былъ плѣнный; другіе — что добровольно поступилъ въ русскую службу. Миниху онъ понравился и фельдмаршалъ, опредѣливъ его рядовымъ въ свой гвардейскій Преображенскій полкъ, сдѣлалъ его своимъ денщикомъ. Онъ подавалъ ему наргиль, съ которымъ нѣмецъ фельдмаршалъ познакомился на Востокѣ. Карауріо, утромъ подавая господину наргиль, доложилъ, что пасторъ, котораго Минихъ дня два тому назадъ хотѣлъ видѣть, сидитъ въ пріемной. Минихъ приказалъ пригласить его войти къ нему.

Черезъ минуту вошелъ пасторъ Геррингъ, состоявшій при лютеранской церкви Св. Петра и занимавшій должность учителя въ Petersschule, основанной Минихомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ съ чрезвычайно-краснымъ лицомъ; физіономія у него была некрасива, но не внушала отвращенія, потому что въ чертахъ ея свѣтилось то добродушіе, какимъ такъ отличаются чисто національныя нѣмецкія лица вообще. Онъ шелъ на цыпочкахъ, какъ дѣлаютъ люди постоянно остерегающіеся, чтобъ ихъ не заподозривали въ назойливости.

«Willkommen geehrtester Herr Pastor», произнесъ при входѣ его Минихъ. Я васъ еще вчера ждалъ!»

— Я пришелъ къ вашему высокографскому сіятельству не по вашему призыву, но по собственному побужденію, однако

думаю, что все-таки пришлось мнѣ явиться по такому дѣлу, по которому вы, графъ, изволили звать меня. Противъ вашего графскаго сіятельства устраиваются каверзы. Не знаю, ваше графское сіятельство свѣдомы ли, что Семенъ Андреевичъ Салтыковъ изъ Москвы на васъ присылаетъ доносы?

«Я это давно знаю—отвѣчалъ Минихъ,—а до васъ только теперь дошла эта новость. Салтыковъ разсердился на меня за то, что я спасъ и упросилъ жизнь одной жертвѣ его страшного судилища, случайно встрѣтивши эту жертву на дорогѣ, когда ее везли на казнь. Онъ мнѣ этого не простилъ и написалъ государынѣ на меня жалобу. Изъ рукъ самой монархини я получилъ эту бумагу тогда же, какъ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Турціи».

— Но ваше графское сіятельство не знаете, что тѣмъ не кончилось. Семенъ Андреевичъ Салтыковъ послалъ потомъ герцогу Курляндскому письмо, въ которомъ пытается обвинить васъ въ недостаткѣ уваженія къ герцогу: вся Россія знаетъ, что къ царицѣ доступъ возможенъ только чрезъ него, герцога. Вы же къ нему не обратились. Вотъ герцогъ вломился въ амбицію. Но это еще не все. Русскій попъ духовникъ императрицы подалъ Бирону отъ себя доносъ на ваше высокографское сіятельство, что вы вмѣшиваетесь въ неподлежащія вамъ церковныя дѣла и оскорбляете ихъ ортодоксію: вы-де опредѣлили вырваннаго изъ когтей Тайной Конторы осужденнаго на смерть преступника въ дворцовую роту Преображенскаго полка, да еще поручили ему читать своимъ товарищамъ Новый Завѣтъ. Третьяго дня встрѣтились мы въ бѣлой залѣ и онъ спрашиваетъ меня:— у васъ по вашему закону, всякій ли, не будучи пасторомъ, можетъ другимъ читать и объяснять св. Писаніе?—Всякій — отвѣчаю ему я, потому что слово Божіе дано для всѣхъ.—А если — говоритъ онъ мнѣ — онъ по своему невѣдѣнію начнетъ неправильно толковать!—Я на это отвѣтилъ ему: если онъ чего не пойметъ, то обратится съ вопросами къ тому, кого признаетъ болѣе себя свѣдущимъ.—Хорошо, если обратится, говоритъ попъ, а вотъ иной такъ считаетъ себя самаго мудрѣйшимъ человѣкомъ. У насъ вонъ ничему не учившійся мужикъ вообразитъ

себя мудрецомъ и начнетъ толковать св. Писаніе, и другихъ сбиваетъ съ толку. Отсюда и всякія ереси разводятся.—Я ему на это сказалъ: это, быть можетъ, такъ у васъ, а нашъ нѣмецкій человѣкъ не таковъ: чего самъ не понимаетъ, тому старается отъ другихъ научиться.—Хорошо—говоритъ попъ—что ваши нѣмецкіе люди такіе благоразумные, а наши русскіе не таковы: сейчасъ зазнаются, вообразятъ себя почему-то умнѣе всѣхъ и несутъ чепуху, а дураки слушаютъ и повѣрятъ! Не всѣ народы одинаки: у насъ не даромъ есть поговорка: что русскому здорово, то нѣмцу смерть и наоборотъ — что нѣмцу здорово, то русскому бѣда! У насъ тоже дозволено каждому читать св. Писаніе, только существуютъ толковыя книги, съ которыми надобно справляться, чтобы правильно понимать текстъ св. Писанія.

«Такъ что же? прервалъ его Минихъ: пусть даетъ свои толковыя книги. Я развѣ ему запрещаю! Но я вижу, что все это затѣвается для того, чтобъ насолить мнѣ чѣмъ-нибудь! Надобно предупредить. Карауріо! скажи моему гардеробмейстеру, пусть принесетъ сюда мою парадную форму со всѣми регаліями. Поѣду къ герцогу».

— Превосходно сдѣлаете — сказалъ пасторъ, если медлить не станете.

Фельдмаршалъ сталъ одѣваться, а между тѣмъ продолжалъ разговоръ и соображалъ, какъ и что будетъ говорить герцогу. Тутъ вошелъ сынъ фельдмаршала. «Можешь, если хочешь все узнать отъ пастора», сказалъ сыну фельдмаршалъ и вышелъ, потому что доложено было ему, что карета подана.

Герцогъ Курляндскій жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ его аппартаменты находились рядомъ съ царицыными, а по другую сторону расположены были аппартаменты племянницы императрицыной Анны Леопольдовны, жившей тамъ съ супругомъ своимъ Антономъ Ульрихомъ, принцемъ Брауншвейгскимъ. Пріѣхавши во дворецъ, фельдмаршалъ Минихъ отправился въ герцогское помѣщеніе и велѣлъ доложить о себѣ. По указанію, данному камеръ-лакеемъ, онъ прошелъ нѣсколько покоевъ и вступилъ въ комнату, гдѣ увидалъ герцога, сидѣвшаго за небольшимъ

столомъ, украшеннымъ инкрустаціею. Самъ герцогъ былъ одѣтъ въ богатый шелковый штофный кафтанъ голубого цвѣта, изъ подъ котораго виднѣлся бѣлый атласный камзолъ. Передъ герцогомъ на столѣ лежала груда драгоцѣнныхъ камней, которые онъ перебиралъ и пересыпалъ для забавы. Биронъ такъ привыкъ не считать никого равнымъ себѣ, что не всталъ при входѣ человѣка, который не только не былъ ниже его, но въ чиновной лѣстницѣ даже выше его, потому что былъ членомъ верховнаго тайнаго кабинета, а герцогъ, кромѣ званія камергера, не носилъ на себѣ никакого правительственнаго достоинства. Всякій, видѣвшій фельдмаршала Миниха въ публикѣ, не мало удивился бы и не узналъ его въ кабинетѣ Курляндскаго герцога, какъ онъ, по приглашенію любимца, почтительно усѣлся на краю указаннаго ему кресла, и насмѣшникъ, пожалуй, не остановился бы сравнить его съ мокрою курицею: такъ велико было вліяніе всемогущаго любимца, что и герой Ставучанскій унижался предъ нимъ, внутренно всегда презирая его, и держалъ себя какъ обыкновенный дворянинъ, который съ прошеніемъ явился къ вельможѣ.

«Ваша свѣтлость—сказалъ Минихъ:—я пріѣхалъ къ вамъ просить извиненія въ своемъ поступкѣ противъ вашей особы»...

— Довольно—прервалъ его Биронъ:—я напередъ знаю, что́ вы разумѣли. Вы дѣйствительно погрѣшили противъ меня. Вся Россія давно знаетъ, что доступъ къ ея величеству получается только чрезъ меня; вы это знали и сочли за лучшее обратиться къ императрицѣ прямо, минуя меня, хотя могли быть увѣрены, что мое участіе не только бы не повредило, но послужило вамъ. Впрочемъ, считая васъ издавна своимъ лучшимъ другомъ, я ни на минуту не допускалъ мысли, чтобъ вы такъ поступили изъ желанія показать мнѣ свое невниманіе. Я думаю, произошло это оттого, что по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ вы должны были явиться съ докладомъ къ ея величеству, а какъ въ это время воображеніе ваше сильно было занято происшествіемъ въ Москвѣ, то вы не отложили просьбы о вашемъ несчастномъ protégé и сообщили ее ея величеству въ первое ваше представленіе. Я такъ себѣ объясняю и оправдываю вашъ

поспѣшный поступокъ. Не правда ли, фельдмаршалъ, — я отгадалъ!

«Совершенно такъ, ваша свѣтлость, герцогъ!» отвѣчалъ фельдмаршалъ.

— Это не нарушило между нами многолѣтней дружбы нашей,—продолжалъ герцогъ.—Я смѣю увѣрить, достопочтенный фельдмаршалъ, что на всей широкой землѣ нѣтъ человѣка съ бо̀льшимъ правомъ назваться истиннымъ другомъ графа Бургарда Христофора фонъ-Миниха, какъ герцогъ Курляндскій Эрнстъ фонъ-Биронъ, и я надѣюсь, что для герцога Курляндскаго нѣтъ на землѣ лучшаго друга какъ графъ фонъ-Минихъ!

«Молю Бога—сказалъ Минихъ—даровать мнѣ возможность показывать на дѣлѣ готовность служить вамъ, свѣтлѣйшій герцогъ и быть всегда вашимъ преданнымъ и вѣрнѣйшимъ другомъ и слугою!»

— Позвольте мнѣ, сіятельнѣйшій графъ, — произнесъ Биронъ,—подать вамъ дружескій совѣтъ; найдете умѣстнымъ принять его—я буду очень счастливъ, а не найдете, не разсердитесь на меня, будучи увѣрены, что этотъ совѣтъ предлагается отъ искренняго сердца.

Герцогъ ласково просилъ гостя сѣсть на прежнее мѣсто и выслушать его. Когда Минихъ сѣлъ, герцогъ, усѣвшись противъ него, началъ такую рѣчь:—Намъ, нѣмцамъ, поселившимся въ Россійской Имперіи и служащимъ русскому правительству, надобно вести себя чрезвычайно осторожно и нигдѣ не забывать, что мы здѣсь иноплеменники и иновѣрцы между коренными русскими людьми. Мы должны оказывать уваженіе къ русской вѣрѣ и снисходительно относиться даже къ тѣмъ обрядамъ ихъ ортодоксіи, которые намъ кажутся грубѣйшимъ Götzendienst und abscheuliche Abgötterei. Сама всемилостивѣйшая государыня показываетъ намъ примѣръ и путь. Она обладаетъ такимъ высокимъ природнымъ умомъ и свѣтлымъ взглядомъ, что ясно видитъ и понимаетъ недостатки русскаго Glaubensbekentniss, но съ одной стороны по благоразумію соображая, что она обладательница народа ортодоксальной религіи и потому должна держать себя такъ, чтобъ ортодоксы не заподозрили ее въ презрѣніи къ оте-

ческой вѣрѣ, съ другой — сильныя во всякомъ человѣческомъ сердцѣ впечатлѣнія нѣжнаго дѣтства соединяютъ ея чувствованія съ ортодоксальными привычками: мать ея царица Прасковья Ѳедоровна была женщина ортодоксальная, родитель ея, котораго она лишилась еще въ своемъ младенчествѣ, былъ также, по увѣреніямъ знавшихъ его, большой девотъ и ревностный ортодоксъ. Понятно, что благоговѣніе къ памяти даровавшихъ ей жизнь нравственно привязываетъ ее къ ортодоксіи: оттого мы видимъ, что она постоянно внимательна къ ортодоксальнымъ обрядамъ и милостива къ русскимъ духовнымъ сановникамъ, какъ и подобаетъ быть всероссійской монархинѣ! И намъ, ея вѣрнымъ слугамъ, слѣдуетъ итти по намѣченному ею для насъ пути! Не станемъ подавать ни малѣйшаго повода ортодоксамъ клеветать на насъ нѣмцевъ, будто мы высокомѣрно смотримъ на ихъ ортодоксальные обряды! Достопочтенный фельдмаршалъ! Оставьте вашего protégé, предоставьте его попу.

«Я уже воспользовался совѣтомъ вашей высокогерцогской свѣтлости, приглашалъ къ себѣ царицына духовника и поручилъ ему въ наставленіе этого молодого страдальца. Я менѣе чѣмъ кто иной изъ особъ нашего нѣмецкаго происхожденія имѣю поводъ подвергаться упрекамъ въ неуваженіи къ русскимъ и ихъ ортодоксальной вѣрѣ. Я столько разъ имѣлъ случай узнать превосходныя качества русскаго народа, что давно уже отъ всей души полюбилъ. Я читалъ и русское св. Писаніе и нашелъ его совершенно правильно переведеннымъ и съ нашимъ ничуть почти не различествующимъ. Если въ ортодоксальныхъ обрядахъ и вкрались какія-нибудь суевѣрія, то все-таки въ основаніяхъ своихъ русская вѣра есть чисто вѣра Христова, а не дикая смѣсь христіанства, дурно понятого, съ массою языческихъ суевѣрій, какъ иные изъ нашихъ утверждали, а нѣкоторые даже безстыдно печатали такія клеветы. Мысль ваша, свѣтлѣйшій герцогъ, что намъ, нѣмцамъ, живущимъ въ Россіи, слѣдуетъ уважать религію края, такъ гостепріимно къ намъ относящагося, и никакъ не вмѣшиваться въ русскія религіозныя дѣла, въ которыхъ мы, какъ чужестранцы, не можемъ быть свѣдущими — уже давно стала моею любимою мыслію, а съ тѣхъ поръ, какъ

услыхалъ ее отъ вашей свѣтлости, я очень доволенъ, что могу осуществлять ее не только какъ собственное убѣжденіе, но и какъ вашъ мудрый совѣтъ, который для меня всегда будетъ закономъ».

— Вы мнѣ истинный другъ,—произнесъ герцогъ и съ чувствомъ пожалъ руку фельдмаршалу.—Теперь, достопочтенный фельдмаршалъ, позвольте просить васъ раздѣлить со мною завтракъ.

Онъ взялъ Миниха подъ руку и повелъ въ другую комнату, гдѣ виднѣлся сервированный столъ и откуда раздавался возбуждающій аппетитъ звукъ посуды и стакановъ.

Послышался произнесенный Бирономъ тостъ за государыню. Минихъ присоединилъ другой: за ея августѣйшую племянницу Анну Леопольдовну. Бирону очень не по душѣ пришелся этотъ тостъ: онъ былъ недоволенъ Анной Леопольдовной за то, что чрезъ графиню Чернышеву предлагалъ ей руку своего сына Петра и получилъ отказъ съ оскорбительнымъ намекомъ на низость происхожденія Бирона. Но Биронъ относительно племянницы императрицыной поставленъ былъ въ положеніе смолчать и вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ пить здоровье особы, къ которой не былъ расположенъ дружелюбно.

Бесѣда фельдмаршала съ герцогомъ происходила 31 мая. Вслѣдъ затѣмъ наступилъ іюнь 1740 года. Въ Петербургѣ произошелъ большой переполохъ. Вся столичная публика поражена была неожиданнымъ событіемъ. Всѣ знали, что у императрицы явился новый приближенный, кабинетъ-секретарь Артемій Петровичъ Волынскій. Нѣкоторые шопотомъ говорили между собою, что этотъ господинъ заступитъ мѣсто Бирона, какъ Биронъ когда-то вытѣснилъ и заступилъ мѣсто Петра Бестужева. Вдругъ этотъ новый приближенный государыни подвергся опалѣ, былъ потомъ отправленъ въ крѣпость и преданъ суду нарочно учрежденной съ этой цѣлію комисіи. Всѣ въ одинъ голосъ заговорили тогда, что новый приближенный кабинетъ-секретарь навлекъ на себя своею заносчивостію нерасположеніе всесильнаго герцога Курляндскаго, говорили, что Биронъ, стоя на колѣняхъ передъ императрицею, просилъ судить Волынскаго, а въ противномъ случаѣ угрожалъ уѣхать навсегда изъ Россіи. Анна Ивановна нѣсколько поколебалась, потому что уважала умъ и

долговременныя заслуги Волынскаго, оказанныя на разныхъ путяхъ государственной дѣятельности, но тотчасъ же многолѣтняя привязанность къ любимцу взяла верхъ и государыня согласилась предать Волынскаго суду комисіи, хотя это равнялось заранѣе произносимому обвинительному приговору, потому что волю Бирона всѣ уже привыкли считать выраженіемъ высочайшей воли и всегда поступать такъ, какъ замѣчали, что герцогу этого хотѣлось. Въ теченіе іюня комисія нѣсколько разъ призывала Волынсваго къ отвѣтамъ; онъ держалъ себя тамъ не по геройски, какъ того желали его многочисленные друзья и почитатели, напротивъ показалъ замѣчательное малодушіе, трусость и полную ничтожность души своей. Судная комисія приговорила его къ смертной казни—къ посаженію на колъ съ предварительнымъ урѣзаніемъ языка. Императрица замѣнила эту мучительную и унизительную казнь—отрубленіемъ руки и головы. 27 іюня 1740 года была совершена публично эта казнь. Лица, признанные его соучастниками, Еропкинъ и Хрущовъ, подверглись обезглавленію, а троихъ прочихъ, признанныхъ менѣе виновными—Соймонова, Эйхлера и Суду били кнутомъ и сослали въ каторжную работу. Гоненіе постигло даже родственниковъ Волынскаго, ни въ какихъ преступленіяхъ не уличенныхъ *).

Событіе съ Волынскимъ навело ужасъ не только на видѣвшихъ въ Петербургѣ казнь кабинетъ-министра, но и на всю Россію, слышавшую что́ дѣлается въ столицѣ. Анна Ивановна вслѣдъ затѣмъ удалилась изъ Петербурга на дачное житье въ Петергофъ. Въ тѣ времена дворъ любилъ проводить время на дачѣ не посреди лѣта, а въ концѣ его, когда уже начинаетъ золотиться древесная листва, лѣтняя сухость въ воздухѣ испаряется, но еще нѣтъ осенней мокроты. Понравилось государынѣ въ это время жить на дачѣ, а въ угоду ей придворныя особы стали утверждать, что самое пріятное время для житья на дачахъ—мѣсяцы августъ и сентябрь. Какъ бы то ни было, въ

*) Въ числѣ преступленій Волынскаго поставлено было и то обстоятельство, что онъ въ пріемной герцога Курляндскаго самымъ дикимъ и варварскимъ способомъ избилъ собственноручно академика Тредіаковскаго, бездарнаго стихоплета, но по личнымъ качествамъ трудолюбиваго и ничѣмъ не навлекшаго на себя права относиться къ нему презрительно.

1740 году дворъ переѣхалъ на лѣтнее житье въ Петергофъ въ іюлѣ и пробылъ тамъ до первыхъ чиселъ октября.

Минихъ никогда не былъ ни друженъ, ни другимъ какимъ образомъ близокъ съ злополучнымъ кабинетъ-министромъ Волынскимъ. Но судьба, постигшая послѣдняго, не могла не тревожить и Миниха, такъ какъ Минихъ занималъ съ Волынскимъ одинаковое высокое мѣсто въ имперіи и смѣло могъ относить къ себѣ латинское изреченіе: hodie tibi oras mihi. Кромѣ того, Минихъ, по своему добродушному характеру, сдѣлалъ тогда неосторожность. Волынскій, припертый комисіею къ стѣнкѣ, поддался совѣту друзей своихъ: испробовавши попытки ходатайствовать передъ герцогомъ за осужденнаго, они ухватились какъ за послѣдній якорь спасенія за мысль просить Миниха замолвить слово за Волынскаго передъ герцогомъ. Расчетъ былъ таковъ: герцогъ зналъ, что Минихъ съ Волынскимъ не ахти какіе друзья, и долженъ былъ удивиться, если вдругъ Минихъ явится ходатаемъ за Волынскаго. Полагали, что такая нежданность приведетъ въ изумленіе герцога и это произведетъ неожиданно добрый результатъ. Не трудно было настроить Миниха на этотъ шагъ: еслибы Волынскій былъ отъявленнымъ врагомъ Миниха—то тѣмъ болѣе склоненъ былъ Минихъ сдѣлать Волынскому услугу. Но не очень любезно принялъ такое ходатайство герцогъ.—Меня удивляетъ ваше заступничество—сказалъ фельдмаршалу герцогъ:—вы съ этимъ господиномъ были всегда на ножахъ; притомъ онъ никогда не желалъ вамъ добра и всегда былъ расположенъ дѣлать вамъ, какъ и цѣлому свѣту, зло! Онъ при этомъ сдѣлалъ такую кислую физіономію, которая слишкомъ категорически запрещала повторять подобное ходатайство.—Вотъ по истинѣ удивительно!—говорилъ тогда Биронъ другимъ лицамъ:—Минихъ обращался ко мнѣ съ просьбою за Волынскаго. Да развѣ онъ не знаетъ, что это мой лютѣйшій врагъ? И каково простодушіе нашего добраго фельдмаршала: онъ вообразилъ, что меня можно разжалобить за общаго нашего врага! Я не изъ такихъ, которые, получивши ударъ по щекѣ, готовы подставить своему обидчику другую щеку! Чудакъ фельдмаршалъ!

Дворъ перебрался въ Петербургъ 3 октября.

Могила Н. И. Костомарова на Волковскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ
(† 7 апрѣля 1885 г.).

14) „Русско-польскіе вельможи". Статья первая. I. „Князья Острожскіе" (Н. Костомарова) (тамъ же, стр. 186—203; послѣдняя цифра по ошибкѣ редакціи „Молодика", напечатана „183").

1847.

15) „Славянская Миѳологія". (Извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ Университетѣ св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года). Кіевъ, 1847 г. 113 страницъ. Напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ.

1851.

16) Въ отдѣлѣ: „Русская Этнографія": I. „Греческій Эдипъ въ Саратовскомъ уѣздѣ" и II. „Народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи". („Саратовскія Губернскія Вѣдомости". Къ № 22, отдѣлъ второй, часть неоффиціальная). Подпись Н. К.

1852.

17) „Народный плачъ дочери надъ могилою матери", записанный въ слободѣ Руднѣ Камышинскаго уѣзда", съ примѣчаніями Н. И. Костомарова. (Сар. Губ. Вѣд. къ № 48, отд. второй, часть неоффиціальная.)

1853.

18) „Народныя пѣсни. I. Лукоянъ Берендѣевичъ" и еще двѣ, записанныя въ гор. Саратовѣ. (Сар. Губ. Вѣд. къ № 1, отд. 2, часть неофф.)

1854.

19) „Разсказъ Ибнъ-Фоцлана, арабскаго писателя X вѣка, о Руссахъ, видѣнныхъ имъ на берегахъ Волги", съ объясненіями и примѣчаніями. (Сар. Губ. Вѣд. №№ 9 и 10, отд. второй, часть неофф., подъ рубрикою „Исторія"). Подпись Н. К.

20) „Великорусскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи", съ предисловіемъ и объясненіями (тамъ же, №№ 12, 15—22, 29—31, 33 — 35, 37 и 38, всѣ во второмъ отдѣлѣ части неофф.). Безъ подписи и безъ окончанія, вслѣдствіе пріостановки печатанія по независящимъ обстоятельствамъ.

21) „О промышленной, ремесленной и торговой дѣятельности въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи въ 1853 году" (тамъ же №№ 23—25, отдѣлъ второй, часть неофф. подъ рубрикою: „Мѣсти а Статистика").

1855.

22) „Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI вѣка". („Москви-

написанная по поводу статьи Погодина съ такимъ же названіемъ (Рус. Бесѣда 1858, кн. 4), вошла въ I-й т. Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

38) „Два слова М. П. Погодину". Это отвѣтъ на „отвѣтъ" Погодина по поводу вышеприведенной статьи. (Архивъ истор. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, Н. Калачова, кн. 3, стр. 69—72).

39) Предисловіе и примѣчанія къ переводу А. Михайлова: „О состояніи Россіи въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича". (Третья книга „Путешествія Олеарія"). (Архивъ истор. и практ. свѣд., относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 3—6. Предисловіе въ кн. 3, стр. III—VIII; примѣчанія во всѣхъ книгахъ).

40) Рецензія на сочиненіе В. Ламанскаго: „О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи". (Архивъ истор. и практ. свѣд., отн. до Россіи, 1859 г., изд. Н. Калачовымъ, кн. 5, (изд. 1860), отд. IV, стр. 18—35).

41) „Сынъ". Разсказъ изъ временъ XVII вѣка. (Изъ архива фамильныхъ преданій)". (Архивъ истор. и практ. свѣд., отн. до Россіи, 1859 г., изд. Н. Калачовымъ, №№ 7 и 8, кн. 4, №№ 9 и 10, изд. 1860 г. и кн. 5, стр. 1—52. Обѣщаннаго редакціей Архива въ кн. 6, за 1861 годъ, „Дополненія" не находится въ Имп. Публич. Библіотекѣ; въ „Дополненіи" предполагалось окончаніе разсказа). Отдѣльнымъ изданіемъ „Сынъ" вышелъ въ 1865 году, изд. Ахматовой, и въ 1886—оба въ Петербургѣ.

42) „Объясненіе". (По поводу „Писемъ о Богданѣ Хмельницкомъ М. А. Максимовича къ М. П. Погодину, помѣщенныхъ въ книжкѣ „Украинецъ" № 1). (С. Петерб. Вѣдомости, № 122).

43) „Письмо въ редакцію" (тамъ же № 167). Написано въ отвѣтъ на замѣчаніе во 2 № „Московскаго Обозрѣнія" о пользованіи безъ критики польскими источниками о Богданѣ Хмельницкомъ.

44) Рецензія: „Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною комисіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. 1. Кіевъ. 1859". Акты, относящіеся къ церковному устройству и къ церковной исторіи Югозападной Руси, начинаются съ 1481 и кончаются 1596 г. (Отеч. Зап., т. 125, № 8, отд. 3, стр. 113—134).

45) Рецензія: „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ „Сельское Духовенство". Санктпетербургъ. 1859 г., 16 страницъ". (Отеч. Зап. т. 125, кн. 8, отд. 3, стр. 145—150, подпись Н. К.). Статья эта, подъ заглавіемъ: „По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ „Сельское Духовенство", вошла во II-й томъ Истор. Монографій изд. Кожанчикова, Спб., 1863 и 1872.

46) „Замѣчаніе на статью г. Соловьева: „Малороссійское козаче-

ство до Богдана Хмельницкаго". (Современникъ, т. 78, кн. 11-я, отд. 3, стр. 51—57).

47) Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ 22 ноября 1859 года. (Русское Слово, кн. 12, стр. I—XIV).

48) Стихотворенія по-малорусски: I. „Братъ зъ сестрою". II. „Ластивка". III. „Зирка". IV. „Погибель Ерусалима". („Малорусскій Литературный Сборникъ", изд. Д. Л. Мордовцевымъ въ Саратовѣ, стр. 131—149). Всѣ эти стихотворенія вошли въ „Збирникъ Творивъ І. Галки". Одесса. 1875.

49) „Народныя пѣсни, собранныя въ западной части Волынской губерніи въ 1844 году", съ примѣчаніями (Малор. Литер. Сборникъ Д. Л. Мордовцева, стр. 179—353).

1860.

50) „Начало Руси" (Современникъ, т. 79, кн. 1, отд. 1, стр. 5—32). Отдѣльный оттискъ 32 страницы. Спб. 1860.

51) „Отвѣтъ г. Максимовичу", по поводу правописанія козацкихъ именъ въ сочиненіи о Богданѣ Хмельницкомъ (С.-Петербург. Вѣдомости, № 8).

52) „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ" (Современникъ, т. 80, кн. 3, отд. 1, стр. 5—62; кн. 4, отд. 1, стр. 293—350; т. 83, кн. 9, отд. 1, стр. 67—102; кн. 10, стр. 503—564). Отдѣльное изданіе редакціи Современника было въ томъ же году, 214 страницъ, другое, Тиблена, въ 1862 году и третье въ 1887 году, всѣ въ Петербургѣ; послѣднее составило XIX-й томъ Историческихъ Монографій, Спб. 1887.

53) „Изъ могильныхъ преданій. Легенда о кровосмѣсителѣ" (Современникъ, т. 80, кн. 3, стр. 209—228). Легенда эта вошла затѣмъ въ въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

54) „М. П. Погодину" (С.-Петерб. Вѣд., № 60). Письмо это (о диспутѣ) перепечатано въ Сѣверной Пчелѣ № 63 и съ нѣкоторыми сокращеніями въ Современникѣ (см. въ слѣдующемъ нумерѣ наст. указателя № II „Отвѣтъ Н. И. Костомарова").

55) Публичный диспутъ 19 марта 1860 года о началѣ Руси между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ: I. Письмо Погодина къ Костомарову, читанное Погодинымъ на публичномъ диспутѣ. II. Отвѣтъ Н. И. Костомарова. III. Отвѣтъ на возраженія г. Погодина, читанный г. Костомаровымъ на томъ же публичномъ диспутѣ. IV. Приложеніе: Словесныя пренія между Погодинымъ и Костомаровымъ на диспутѣ, записанныя со словъ Погодина и Костомарова В. Мордвиновымъ (Современникъ, т. 80, кн. 3, отд. 1, стр. 257—292).

56) „Объясненіе“ по поводу статьи г. Шелизибова въ 68 № „Сѣверной Пчелы“ о диспутѣ Погодина и Костомарова“ (С.-Петерб. Вѣд., № 69).

57) „О норманскомъ племени“. (Къ издателю „Сѣверной Пчелы“)“. Замѣтка по поводу описанія диспута Шелизибова въ 68 № Сѣверной Пчелы (Сѣверная Пчела, № 71).

58) „Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси“, по поводу статьи Я. Грота: „Литва или Скандинавія“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“, т. 129, кн. 3“ (Современникъ, т. 80, кн. 4, отд. III, стр. 413—417).

59) „Послѣднее слово г. Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей“ (Современникъ, т. 81, кн. 5, отд. III, стр. 73—83).

60) „Какъ пишутъ въ наше время ученыя статьи въ защиту происхожденія Руссовъ отъ Норманновъ, печатаемыя въ учено-литературномъ журналѣ“. (По поводу статьи Щеглова). (Сѣверная Пчела, № 168).

61) „Объясненіе“. (Къ издателю Сѣверной Пчелы) По поводу замѣтки, появившейся въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ, требующей возраженій на статьи Летголы и Васильева о происхожденіи Русскихъ князей изъ Прусско-Литовскаго міра: „Костомаровъ какъ филологъ“ и „Ученые пріемы г. Костомарова“ (Сѣв. Пчела, № 178).

62) „Письмо къ редактору“, съ объясненіями по поводу статей о происхожденіи Руси изъ Литвы: I. „Объясненіе по поводу статьи г. Юрія Летголы“ и II. „Объясненіе по поводу статьи г. Васильева“. (Архивъ истор. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, Н. Калачева, кн. 1, отд. 1, стр. 81—92).

63) „Письмо къ редактору“ (по поводу помѣщенія имени Н. И. Костомарова въ числѣ сотрудниковъ Энциклопедическаго лексикона и по поводу мнѣнія Отечественныхъ Записокъ о ученой дѣятельности Н. И. Костомарова (Наше Время, № 34).

64) „Разбойничья пѣсня“, записанная Н. И. Костомаровымъ въ Сердобскомъ уѣздѣ въ с. Волховщинѣ (Архивъ истор. и практ. свѣд. Калачова, кн. I, отд. 5, стр. 1).

65) „Отвѣтъ г. Щеглову (къ издателю Сѣверной Пчелы)“. (О Руссахъ и Норманнахъ) (Сѣв. Пчела, № 203).

66) „Отвѣтъ на статью Шпилевскаго въ „Иллюстраціи“ № 113: „Диспутъ академика Погодина и профессора Костомарова“ (Иллюстрація, т. 5, № 114, стр. 222—223).

67) „Объясненіе“. (Къ издателю „Сѣверной Пчелы“). Заявляется нежеланіе быть въ числѣ сотрудниковъ журнала „Отечественныя Записки“ (Сѣв. Пчела, № 232).

68) „Г. Юрію Летголѣ". (Къ издателю „Сѣверной Пчелы"). (По поводу статьи Летувиса: „О возможности происхожденія Руси изъ литовскаго міра") (Сѣв. Пчела, № 262).

69) „О козачествѣ". Отвѣтъ „Виленскому Вѣстнику". (Написанъ на статью Тадеуша Падалицы въ Вил. Вѣстникѣ №№ 34—36 по поводу возраженій Н. И. Костомарова на мнѣніе Соловьева о козачествѣ) (Современникъ, т. 82, кн. 7, отд. III, стр. 75—92).

70) „Отвѣтъ г. Падалицѣ", по поводу его отзыва о статьѣ „О козачествѣ" (Современникъ, т. 84, кн. 12, отд. III, стр. 373—382).

71) „Объясненіе" (по поводу замѣчанія г. Максимовича относительно неправильностей въ сочиненіи о Богданѣ Хмельницкомъ). („С.-Петерб. Вѣд.", № 283).

72) „Русскіе инородцы. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи. (Изъ лекцій русской исторіи, читанныхъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1860 году)" („Русское Слово", № 5, отд. 1, стр. 1—100). Восьмая глава этой статьи вошла впослѣдствіи въ III томъ Истор. Монографій и озаглавлена: „Литовская народная поэзія".

73) „Петровскъ" (Памятная Книжка Саратовской губерніи на 1860 годъ *), стр. 25—30).

74) „Казка про Дивку Семилитку", записана въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. въ 1840 году. Петербургъ, 1860 г., 11 страницъ.

75) Редактировано изданіе графа Кушелева-Безбородка: „Памятники старинной русской литературы, вып. I, II и IV. Спб. 1860—1862". При первомъ выпускѣ, на стр. III „Предисловіе" и при всѣхъ указанныхъ выпускахъ объясненія и примѣчанія составлены Н. И. Костомаровымъ. Четвертый выпускъ состоитъ изъ статей, извлеченныхъ имъ же изъ рукописей.

1861.

76) Малорусскія стихотворенія: „Изъ Антологіи: I. Эллада. II. Давнина". Іереміи Галки (Написаны въ 1842 г.) („Основа", кн. 1, генв., стр. 93—94). Вошли въ „Збирникъ Творивъ Іер. Галки". Одесса, 1875.

77) „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси" („Основа", кн. 1, генварь, стр. 121—158). Статья эта вошла въ I-й томъ Ист. Монографій, изд. Кожанчикова. Спб. 1863 и 1872.

78) Малорусское стихотвореніе: „На добра-ничъ". Іереміи Галки. Написано въ іюнѣ 1847 года („Основа", кн. 2, февраль, стр. 44—48). Вошло въ Збирникъ Творивъ I. Галки. Одесса, 1875.

---

*) На основаніи документовъ, извлеченныхъ Н. И. Костомаровымъ изъ Царицынскаго Архива и сообщенныхъ Д. Л. Мордовцеву, послѣднимъ составлена статья: „Заметаевъ, разбойникъ на Волгѣ 1775 г.", напечатанная въ Русскомъ Дневникѣ 1859 года, №№ 7 и 8.

79) „Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) „Czas“ и журнала „Revue Contemporaine“; написанъ по поводу анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь („Основа“, кн. 2, февраль, стр. 121—135).

80) „Слово надъ гробомъ Шевченка“ („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 8).

81) Малорусское стихотвореніе: „Спивѐць Митýса“. Іереміи Галки. Написано въ 1850 г. („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 30—31).

82) „Двѣ русскія народности. (Письмо къ редактору)“. („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 33—80). Статья эта, нѣсколько переработанная, вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

83) „Черты народной южнорусской исторіи“. I. („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 114—165) и II въ 1862 году („Основа“, кн. 6, іюнь, стр. 1—45). Статья эта съ небольшими поправками вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

84) „Воспоминаніе о двухъ малярахъ“ (О Шевченкѣ и Грицькѣ). („Основа“, кн. 4, апрѣль, стр. 44—56).

85) „Гетманство Выговскаго“ („Основа“, кн. 4, апрѣль, стр. 1—66 и кн. 7, іюль, стр. 67—114). Отдѣльный оттискъ вышелъ въ 1862 году. Спб. 112 страницъ. Затѣмъ статья эта вошла во II томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, 1863 и 1872.

86) „Слово о Сковородѣ“, по поводу рецензіи на его сочиненія въ „Русскомъ Словѣ“. („Основа“, кн. 7, іюль, стр. 176—179).

87) „Отвѣтъ на статью Всеволода Крестовскаго: „Ходатайство Костомарова за Сковороду и Срезневскаго“. („Основа“, кн. 8, августъ, стр. 1—14).

88) Рецензія: „Черноморскіе козаки“. (Сочиненіе Ив. Попки)“ („Основа“, кн. 8, августъ, стр. 1—8). Этотъ разборъ написанъ по порученію Академіи Наукъ и помѣщенъ въ книгѣ: „Тридцатое присужденіе Демидовскихъ наградъ“, Спб. 1861 (стр. 131—142). Отдѣльные оттиски, Спб. 1861, 11 страницъ.

89) „Правда полякамъ о Руси. (По поводу новой статьи въ „Revue Contemporaine“)“. („Основа“, кн. 10, октябрь, стр. 100—112).

90) „Правда москвичамъ о Руси“. („Основа“, кн. 10, октябрь, стр. 1—15).

91) „Старинный южно-русскій переводъ „Пѣсни пѣсней“ съ послѣсловіями о любви“. Это одинъ изъ немногихъ старинныхъ памятниковъ русской литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ Сборника, хранящагося въ Синодальной московской библіотекѣ, почерка XV или начала XVI вѣка („Основа“, кн. 11—12, ноябрь и декабрь, стр. 49—64).

92) „О значеніи критическихъ трудовъ Константина Аксакова

по русской исторіи". Рѣчь, приготовленная для произнесенія на актѣ въ Импер. Спб. университетѣ 8 февр. 1861 г. („Русское Слово", кн. 2, стр. 1—28; также въ книжкѣ: „Годичный торжественный актъ въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ университетѣ, бывшій 8 февраля 1861 года". Спб. 1861, стр. 119—159, и отдѣльною брошюрою, Спб. 1861, 31 страница).

93) „Запросъ", по поводу сокращеній редакціей „Русскаго Слова" статьи о К. Аксаковѣ. („С.-Пет. Вѣд.", № 61).

94) „Мистическая повѣсть о Нифонтѣ. Памятникъ русской литературы XIII вѣка" („Русское Слово", кн. 3, стр. 1—28). Вошла въ I-й томъ Историч. Монографій, изд. Кожанчикова 1863 и 1872.

95) Рецензія статей, напечатанныхъ въ 3-й книгѣ „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи", Н. Калачова. („Русское Слово", кн. 4, отд. II, стр. 64—116). Въ этомъ критическомъ обзорѣ статей, страницы 91—116 посвящены разбору статьи Д. Л. Мордовцева: „Крестьяне въ юго-западной Россіи" (см. слѣд. № указ.).

96) „Нѣсколько словъ по случаю „Отвѣта г. Костомарову по поводу его мнѣнія „О положеніи южнорусскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ", написаннаго г. Мордовцевымъ въ іюльской книгѣ „Русскаго Слова". („С.-Пет. Вѣд.", № 168).

97) „Замѣчаніе о нашихъ университетахъ. (По поводу напечатанной въ № 1 газеты „День" статьи Хомякова)" (С.-Пет. Вѣд. № 237).

98) „Еще нѣсколько словъ объ университетахъ". (Въ отвѣтъ на статью Чичерина въ 247 № „Моск. Вѣд." („С.-Пет. Вѣд.", № 258).

99) „Еще объ университетахъ. (Проектъ открытыхъ университетовъ)" (С.-Пет. Вѣд., № 261).

100) „О служебныхъ преимуществахъ университетовъ". (По поводу статьи Чичерина въ 250 № „Моск. Вѣд.") (С.-Пет. Вѣд., № 262).

101) „Замѣтка на замѣтку г. Никитенка объ университетахъ" (напечат. въ 265 № „Спб. Вѣд."). (Тамъ же, № 270).

102) „Замѣчаніе на статью „Русскаго Инвалида" (въ № 255): „Наши университеты". („С.-Пет. Вѣд.", № 275).

103) „Еще одно и послѣднее замѣчаніе объ университетахъ". (Тамъ же, № 281).

104) Сообщена: „Запорожская пѣсня", (Лѣтопись русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. III, кн. 6, отд. 3, стр. 89).

105) Подъ редакціей Н. И. Костомарова, съ 1861 по 1885 годъ изданы Археографическою Комисіею 12 томовъ „Актовъ Южной и Западной Россіи"; изъ нихъ т. III изданъ при участіи П. А. Кулиша и т. XI съ примѣчаніями Г. Ѳ. Карпова.

1861—1862.

106) „Лекціи по русской исторіи проф. Н. И. Костомарова". Составлены по запискамъ слушателей П. Гайдебуровымъ. Часть первая. Вступительная лекція и лѣтописи. Источники русской исторіи (100 страницъ, Спб.).

1862.

107) „Іудеямъ". Объясненіе по поводу слова „жидъ". („Основа", кн. 1, генварь, стр. 38—58).

108) Дополненіе къ „Правдѣ москвичамъ о Руси" („Основа", кн. 1, генварь, стр. 58—62).

109) „О значеніи Великаго Новгорода въ русской исторіи". Статья изъ публичнаго чтенія въ Новгородѣ 30 апрѣля 1861 года. („Отеч. Зап.", т. 140, кн. 1, стр. 84—105). Вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

110) „Тысячелѣтіе" (Россіи). (С.-Пет. Вѣд., № 5).

111) „Иванъ Сусанинъ. Историческое изслѣдованіе" (Отеч. Записки, т. 140, кн. 2, стр. 720—738). Вошло въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова. Спб. 1863 и 1872.

112) „Объясненіе". (По поводу невѣрно переданнаго въ март. книжкѣ Библіотеки для Чтенія происшествія на лекціи Н. И. Костомарова 8 марта) (С.-Пет. Вѣд. № 86) *).

113) „Мѣшать или не мѣшать учиться?" (Тамъ же, № 113).

114) „Еще замѣтка объ іудеяхъ" (Основа, кн. 5, май, стр. 75—76).

115) „Мысли Южнорусса". I. О преподаваніи на южнорусскомъ языкѣ" (Основа, книга 5, май, стр. 1—6).

116) „Мысли Южнорусса". II. „Християнсьтво и крипацтво". (Основа, кн. 6, іюнь, стр. 9—12).

117) „Загадка. (Изъ народнои казки)" (Основа, кн. 6, іюнь, стр. 44—64). Вошла въ „Збирникъ творивъ I. Галки". Одесса, 1875.

118) „Послѣднее объясненіе по поводу моей лекціи 8 марта" („С.-Пет. Вѣд." № 124). Опровергаются извѣстія Лаврова, напечатанныя въ 117 № той же газеты.

119) „Мысли Южнорусса". IV. „Историческая неправда и Западно-россійскій патріотизмъ" („Основа", кн. 7, іюль, стр. 1—13). Статья

---

*) Въ „С.-Петерб. Вѣдом.", въ №№ 55 и 61, напечатаны два извѣщенія Н. И. Костомарова о возобновленіи публ. лекцій, а въ 104 № той же газеты, въ отдѣлѣ: „Новыя правила для публичныхъ лекцій", напечатаны: I. „Объяснительная записка къ проекту новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ въ С.-Петербургѣ" и II. „Проектъ новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ въ С.-Петербургѣ". Подъ обѣими статьями находится подпись Н. И. Костомарова въ числѣ подписей другихъ профессоровъ петербургскаго университета.

неподписанная, но, по заявленію редактора „Основы“, принадлежитъ перу Н. И. Костомарова.

120) „Кремуцій Кордъ“, историческая драма изъ временъ римскихъ императоровъ. Спб. 80 страницъ, изд. Кожанчикова.

121) „Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и его соучастники. Ѳеодосій Косой“ (Отеч. Зап., т. 144, кн. 10, стр. 317—348). Это отрывокъ изъ публичнаго курса русской исторіи XVI вѣка, читаннаго въ началѣ 1862 года. Статья эта вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

122) „Русскія народныя пѣсни“, собранныя въ Саратовской губерніи А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ (Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV, отд. II, стр. 3—111). Большая часть этихъ пѣсенъ была напечатана въ „Саратовскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ (см. № 16, 18 и 20 наст. указателя).

1863.

123) „Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. Новгородъ — Псковъ — Вятка“. Два тома, изд. Кожанчикова, Спб. 1863; затѣмъ это сочиненіе вышло въ 1868 г., Спб., изд. Кожанчикова, тоже въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчевого уклада (Сѣвернорусскія народоправства)“ и составило VII и VIII томы Историч. Монографій. Третье изданіе вышло въ Спб. въ 1886 г. въ двухъ же томахъ и составляетъ тѣ же VII и VIII томы Истор. Монографій, но съ первоначальнымъ названіемъ: „Сѣвернорусскія народоправства“ и т. д. („Исторія Новгорода, Пскова и Вятки“).

124) „Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи“. (Лекція, читанная въ Географическомъ Обществѣ 10 марта 1863 г.). (Записки Импер. Русскаго Геогр. Общества, т. XII, кн. 2, стр. 92—113). Статья эта вошла въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб., 1867, и изд. Вольфа. Спб. 1880.

125) „Князь Владиміръ Мономахъ и козакъ Богданъ Хмельницкій“ („Русскій Инвалидъ“, № 86). Отдѣльные оттиски въ томъ же году. Спб. 15 страницъ.

126) „О преподаваніи на народномъ языкѣ въ Южной Руси“. („Голосъ“, № 94) *).

---

*) Въ „С.-Пет. Вѣд.“, №№ 25, 47, 77, 81, 99, 120 и 148, въ отдѣлѣ: „Разныя извѣстія“ напечатаны отъ имени Н. И. Костомарова свѣдѣнія о пожертвованіяхъ въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южнорусскомъ языкѣ, а также о вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ и еще находящихся въ печати; такія же свѣдѣнія печатались въ „Основѣ“ 1862 г., кн. 10, октябрь, стр. 6.

127) „Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Отвѣтъ г. Буслаеву („С.-Пет. Вѣд.“, № 162).

128) „Г. Публицисту „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Воскресныхъ Прибавленій“ къ этимъ Вѣдомостямъ“. Отвѣтъ по поводу изданія книгъ на южнорусскомъ языкѣ (тамъ же, № 164).

129) „Замѣтка“ (тамъ же, № 186, въ отдѣлѣ: „Разныя извѣстія“). Это отвѣтъ на статью, напечатанную въ 26 № „Современной Лѣтописи“, по поводу объясненій о цѣли печатанія книгъ на южнорусскомъ языкѣ.

130) „Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ по поводу сбора пожертвованій въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южнорусскомъ языкѣ“ („День“, № 27. Смѣсь. Стр. 18—19).

131) „Письмо къ редактору“ („День“, № 29. Смѣсь. Стр. 19—20, по тому же поводу).

132) „О нѣкоторыхъ фонетическихъ и грамматическихъ особенностяхъ южнорусскаго (малорусскаго) языка, несходныхъ съ великорусскимъ и польскимъ“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CXIX, сентябрь, стр. 45—46).

1864.

133) „Ливонская война. Историческое изслѣдованіе“. („Библіотека для Чтенія“, кн. I, стр. 1—34; кн. II, стр. 1—34; кн. III, стр. 1—38). Отдѣльные оттиски въ томъ же году, Спб. 105 страницъ. Вошло затѣмъ въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и Вольфа, Спб. 1880.

134) „Куликовская битва“ („Приложеніе къ Мѣсяцеслову на 1864 годъ“. Изд. Академіи Наукъ, стр. 3—24). Статья эта вошла въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и Вольфа, Спб. 1880.

135) „М. П. Погодину. Отвѣтъ на замѣчаніе его на мою статью „Куликовская битва“, перепечатанное въ 4 № „Дня“ („Голосъ“, № 32).

136) „М. П. Погодину“, тоже по поводу его отвѣта на отвѣтъ о „Куликовской битвѣ“ („Голосъ“, № 62, въ статьѣ, озаглавленной въ „Голосѣ“: „Переписка гг. Погодина и Костомарова“; подъ № 1 помѣщено письмо Погодина, а подъ 2-мъ Костомарова).

137) „Слово о перенесеніи Императорской Публичной Библіотеки“ („Голосъ“, № 107).

138) „Лекціи г. Кояловича по исторіи Западной Россіи“ („Голосъ“, № 118).

139) „Отвѣтъ г. Малоруссу-Волынцу“ („День“, № 6, смѣсь, стр. 19). (Объ украинофильствѣ).

140) „Отвѣтъ Малоруссу-Волынцу“ (Объ украинофильствѣ). („Голосъ“, № 120).

141) „Апологіи за Димитрія Донскаго гг. Аверкіева и Аскоченскаго“ (тамъ же, № 124).

142) „Отвѣтъ на отвѣтъ г. Кояловича“ (тамъ же, № 127).

143) „Замѣчаніе г. Лохвицкому“ (по поводу федеративныхъ началъ въ древней Руси). („С.-Пет. Вѣд.“, № 205).

144) „Кто былъ первый Лжедимитрій“. Историческое изслѣдованіе (изд. В. Я., Спб., 63 стр.).

1865 г.

145) „Вѣче и вѣчевое устройство въ древней Руси“ („Дѣло и Отдыхъ“, дѣтскій журналъ, изд. г-жею Ахматовою, т. I, стр. 1—37).

146) „Отрывки изъ исторіи южнорусскаго козачества до Богдана Хмельницкаго“ *) („Библіотека для Чтенія“, т. I, № 1, стр. 1—50; № 2, стр. 1—35; № 3, стр. 99—131). Это—переработанное сочиненіе объ Уніи (см. № 7 наст. указателя). „Отрывки“ эти, впослѣдствіи, подъ заглавіемъ: „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», вошли въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и съ небольшими поправками въ тотъ же томъ Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1880.

147) Предисловіе и примѣчанія къ переводу Н. Бѣлозерской съ англійскаго: „Записки о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея“ („Библіотека для Чтенія“, №№ 4—6; „Предисловіе“ въ № 4, стр. 27—30, примѣчанія повсюду).

148) Рецензія о книгѣ Кояловича: „Лекціи по исторіи Западной Россіи М. Кояловича, 1864“. Ивана Богучарова („Голосъ“, № 6).

149) „Соображенія о первомъ Лжедимитріи на основаніи вновь отысканныхъ источниковъ“ (тамъ же, № 20).

150) „Г. Бицыну по вопросу о личности перваго Самозванца и Гришки Отрепьева“ (тамъ же, № 30).

151) „Еще о первомъ Самозванцѣ“. Еще отвѣтъ г. Бицыну (тамъ же, № 56).

152) „Прошедшее и будущее русскаго дворянства“ (тамъ же, №№ 130 и 131).

153) „Объясненіе“ (г. Кояловичу) (тамъ же, № 327). Заявляется, чтобы г. Кояловичъ не втиралъ имя Н. И. Костомарова въ свои споры съ „Голосомъ“.

154) „Объясненіе“ (еще г. Кояловичу, по тому же поводу) (Голосъ, № 342).

---

*) Три первыя главы этого изслѣдованія появились въ печати впослѣдствіи (см. № 184 настоящаго указателя).

127) „Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Отвѣтъ г. Буслаеву („С.-Пет. Вѣд.“, № 162).

128) „Г. Публицисту „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Воскресныхъ Прибавленій“ къ этимъ Вѣдомостямъ“. Отвѣтъ по поводу изданія книгъ на южнорусскомъ языкѣ (тамъ же, № 164).

129) „Замѣтка“ (тамъ же, № 186, въ отдѣлѣ: „Разныя извѣстія“). Это отвѣтъ на статью, напечатанную въ 26 № „Современной Лѣтописи“, по поводу объясненій о цѣли печатанія книгъ на южнорусскомъ языкѣ.

130) „Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ по поводу сбора пожертвованій въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южнорусскомъ языкѣ“ („День“, № 27. Смѣсь. Стр. 18—19).

131) „Письмо къ редактору“ („День“, № 29. Смѣсь. Стр. 19—20, по тому же поводу).

132) „О нѣкоторыхъ фонетическихъ и грамматическихъ особенностяхъ южнорусскаго (малорусскаго) языка, несходныхъ съ великорусскимъ и польскимъ“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CXIX, сентябрь, стр. 45—46).

1864.

133) „Ливонская война. Историческое изслѣдованіе“. („Библіотека для Чтенія“, кн. I, стр. 1—34; кн. II, стр. 1—34; кн. III, стр. 1—38). Отдѣльные оттиски въ томъ же году, Спб. 105 страницъ. Вошло затѣмъ въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и Вольфа, Спб. 1880.

134) „Куликовская битва“ („Приложеніе къ Мѣсяцеслову на 1864 годъ“. Изд. Академіи Наукъ, стр. 3—24). Статья эта вошла въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и Вольфа, Спб. 1880.

135) „М. П. Погодину. Отвѣтъ на замѣчаніе его на мою статью „Куликовская битва“, перепечатанное въ 4 № „Дня“ („Голосъ“, № 32).

136) „М. П. Погодину“, тоже по поводу его отвѣта на отвѣтъ о „Куликовской битвѣ“ („Голосъ“, № 62, въ статьѣ, озаглавленной въ „Голосѣ“: „Переписка гг. Погодина и Костомарова“; подъ № 1 помѣщено письмо Погодина, а подъ 2-мъ Костомарова).

137) „Слово о перенесеніи Императорской Публичной Библіотеки“ („Голосъ“, № 107).

138) „Лекціи г. Кояловича по исторіи Западной Россіи“ („Голосъ“, № 118).

139) „Отвѣтъ г. Малоруссу-Волынцу“ („День“, № 6, смѣсь, стр. 19). (Объ украинофильствѣ).

140) „Отвѣтъ Малоруссу-Волынцу“ (Объ украинофильствѣ). („Голосъ“, № 120).

141) „Апологіи за Димитрія Донскаго гг. Аверкіева и Аскоченскаго“ (тамъ же, № 124).

142) „Отвѣтъ на отвѣтъ г. Кояловича“ (тамъ же, № 127).

143) „Замѣчаніе г. Лохвицкому“ (по поводу федеративныхъ началъ въ древней Руси). („С.-Пет. Вѣд.“, № 205).

144) „Кто былъ первый Лжедимитрій“. Историческое изслѣдованіе (изд. В. Я., Спб., 63 стр.).

1865 г.

145) „Вѣче и вѣчевое устройство въ древней Руси“ („Дѣло и Отдыхъ“, дѣтскій журналъ, изд. г-жею Ахматовою, т. I, стр. 1—37).

146) „Отрывки изъ исторіи южнорусскаго козачества до Богдана Хмельницкаго“ *) („Библіотека для Чтенія“, т. I, № 1, стр. 1—50; № 2, стр. 1—35; № 3, стр. 99—131). Это—переработанное сочиненіе объ Уніи (см. № 7 наст. указателя). „Отрывки“ эти, впослѣдствіи, подъ заглавіемъ: „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», вошли въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и съ небольшими поправками въ тотъ же томъ Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1880.

147) Предисловіе и примѣчанія къ переводу Н. Бѣлозерской съ англійскаго: „Записки о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея“ („Библіотека для Чтенія“, №№ 4—6; „Предисловіе“ въ № 4, стр. 27—30, примѣчанія повсюду).

148) Рецензія о книгѣ Кояловича: „Лекціи по исторіи Западной Россіи М. Кояловича, 1864“. Ивана Богучарова („Голосъ“, № 6).

149) „Соображенія о первомъ Лжедимитріи на основаніи вновь отысканныхъ источниковъ“ (тамъ же, № 20).

150) „Г. Бицыну по вопросу о личности перваго Самозванца и Гришки Отрепьева“ (тамъ же, № 30).

151) „Еще о первомъ Самозванцѣ“. Еще отвѣтъ г. Бицыну (тамъ же, № 56).

152) „Прошедшее и будущее русскаго дворянства“ (тамъ же, №№ 130 и 131).

153) „Объясненіе“ (г. Кояловичу) (тамъ же, № 327). Заявляется, чтобы г. Кояловичъ не втиралъ имя Н. И. Костомарова въ свои споры съ „Голосомъ“.

154) „Объясненіе“ (еще г. Кояловичу, по тому же поводу) (Голосъ, № 342).

---

*) Три первыя главы этого изслѣдованія появились въ печати впослѣдствіи (см. № 184 настоящаго указателя).

155) „Отчетъ о варшавскихъ библіотекахъ". (Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи 1865—1866; т. IV, проток., стр. 10—13).

156) „О командировкѣ для осмотра Несвижскаго архива князей Радзивилловъ" (тамъ же, т. V, стр. 16—21).

1866.

157) „Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 г. и избраніе царя Михаила". Изданія Товарищества Общественной Пользы, Спб. 1866, 1876, 1884 и 1889. 36 страницъ.

158) „Историческая наука въ 1830 году" (Вѣстникъ Европы, т. I, статья подъ цифрою III). Безъ подписи *).

159) Замѣтка по поводу статьи г. Стасова: „Археологическая замѣтка о постановкѣ Рогнѣды. Письмо къ Н. И. Костомарову" (Вѣстникъ Европы, т. I, въ отдѣлѣ: Историческая Хроника, стр. 89—92).

160) „Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1865 и 1866 годахъ" (тамъ же, т. I, стр. 3—56; т. II, стр. 1—76; т. III, стр. 2—49; т. IV, стр. 3—62, все въ отдѣлѣ: Литературная хроника). Безъ подписи.

1866—1867.

161) „Смутное время Московскаго Государства" (Вѣстн. Европы, 1866 г.: т. I, стр. 1—154; т. II, стр. 1—129; т. III, стр. 1—174; т. IV, стр. 1—93; 1867 г.: т. I, стр. 1—74; т. II, стр. 1—96; т. III, стр. 1—74). Отдѣльныя изданія: Кожанчикова (второе), Спб. 1868, въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Смутное время Московскаго Государства въ началѣ XVII столѣтія. 1604—1613", составило IV, V и VI томы Историч. Монографій, и Вольфа (третье) вышло въ 1883 г. въ Спб. подъ тѣмъ же наименованіемъ и составляя тѣ же томы Историч. Монографій.

1867.

162) „Первое представленіе трагедіи графа А. К. Толстого: Смерть Іоанна Грознаго" (Голосъ, № 17, подпись Н. К—овъ).

163) Рецензія на сочиненіе Островскаго: „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій" (Голосъ, № 89).

164) Письмо къ редакторамъ Ливчаку и Климковичу (Славянская Заря, изд. Ливчака, № 1, стр. 18—22). Написано по вопросу о полезности усвоенія русскаго языка всѣми славянскими національностями.

165) „Объясненіе" (по поводу нападокъ петерб. корреспондента „Моск. Вѣдомостей" за изложенныя въ Письмѣ къ редакторамъ Сла-

*) О принадлежности Н. И. Костомарову статей подъ №№ 158, 160 и 166 наст. указателя, сдѣлана справка въ редакціи „Вѣстника Европы".

вянской Зари мысли по вопросу о распространеніи русскаго языка между славянами) (Голосъ, № 218).

166) „Новѣйшая литература русской исторіи“ (Вѣстн. Европы, въ отдѣлѣ: „Литературная Хроника“, т. I, стр. 1—49; т. II, стр. 4—31 и т. IV, стр. 1—10). Безъ подписи.

167) Замѣтка: „По поводу новѣйшей русской исторической сцены“ (Вѣстникъ Европы, томъ II, въ отдѣлѣ: „Корреспонденція и замѣтки“, замѣтка 2-я, подпись Н. К—овъ).

168) „Заявленіе“ (по поводу слуховъ объ участіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ). (С.-Пет. Вѣд., № 205).

169) „Объясненіе“, по поводу замѣчаній въ 261 № „Голоса“ на сочиненіе о „Смутномъ времени Московскаго Государства“ (Голосъ, № 263).

170) „Письмо къ редактору“, по поводу его статьи въ 170 № той же газеты о словахъ, употребляемыхъ въ сочиненіи о „Димитріѣ Самозванцѣ“ („Москва“, № 180).

171) Сообщено: „Дѣло о дьячкѣ Василіи Ефимовѣ, казненномъ въ Новгородѣ сожженіемъ за ложное чудо въ 1721 году“ (Русскій Архивъ при Чертковской библіотекѣ, изд. Бартенева, кн. 12, стр. 1708—1720).

1868.

172) „Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей“. Написано по поводу нѣмецкаго сочиненія Гергенретера: „Fotius und seine Zeit“ (Вѣстникъ Европы, т. I, кн. 1, стр. 120—168; кн. 2, стр. 591—636).

173) Рецензія: „Новые документы, относящіеся къ исторіи Сѣверозападной Руси“. („Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозападной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа, т. I, Вильно, 1867“). „Акты, издаваемые Археографическою коммиссіею, Высочайше учрежденною въ Вильнѣ, т. II. Акты Брестскаго суда. Вильно, 1867“ (Отеч. Записки, т. 176, кн. 1, стр. 40—54). Съ подписью Н. И. К. и Н. К. *).

174) „Гетманство Юрія Хмельницкаго“ (Вѣстникъ Европы, т. II, кн. 4, стр. 485—536; т. III, кн. 5, стр. 150—212). Вошло въ XII томъ Историч. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

175) „Давно ли Малая Русь стала писаться Малороссіею, а Русь Россіею“. Ив. Богучарова. (Голосъ, № 67).

---

*) Библіографическія замѣтки: 1) „Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ“ (Голосъ, 1865 г. № 269), 2) О тѣхъ же „Документахъ“ (тамъ же, № 300) и 3) „Акты, издаваемые комисіею, высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ“. Томъ I-й (Голосъ, 1865 г. № 283)—не принадлежатъ перу Н. И. Костомарова.

176) „Замѣтка о постановкѣ оперы Глинки „Жизнь за царя“ (тамъ же, № 237). Подпись Н. К.

177) „Еще нѣсколько словъ о постановкѣ „Жизни за царя“. Написано по поводу статьи С.-Петерб. Вѣдомостей въ № 242 (Голосъ, № 250, подпись Н. К.).

1869.

178) „Воспоминанія о молоканахъ“ (Отечеств. Записки, т. 183, кн. 3, стр. 57—78. По ошибкѣ редакціи, въ оглавленіи статей книги 3-й, вмѣсто Н. И. напечатано Н. В. Костомаровъ). Статья эта вошла въ XII томъ Историч. Моногр., изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

179) „Нѣсколько словъ о памятникѣ Хмельницкому“ (Новое Время, изд. Юматова, № 194, передовая статья, съ подписью Н. К.).

180) „Новые документы, относящіеся къ исторіи сѣверозападной Руси“. „Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа, томы 2, 3 и 4. Вильно. 1867.“ (Отеч. Зап., т. 185, кн. 8, стр. 276—291). Подпись Н. К.

181) „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ (Вѣстникъ Европы, т. I, кн. 2, стр. 685—758; т. II, кн. 3, стр. 154—224; кн. 4, стр. 618—694; т. III, кн. 5, стр. 138—153; кн. 6, стр. 559—607; т. IV, кн. 7, стр. 89—154; кн. 8, стр. 548—587; т. V, кн. 9, стр. 17—104; кн. 10, стр. 562—622; т. VI, кн. 11, стр. 109—189; кн. 12, стр. 668—739). Отдѣльнымъ (вторымъ) изданіемъ это сочиненіе вышло съ прибавленіемъ изслѣдованія о Костюшкѣ (см. слѣд. № указ.), въ одномъ томѣ въ 1870 г., изданіе редакціи „Вѣстника Европы“, и въ 1886 году (третье), исправленное и дополненное, вышло въ двухъ томахъ и составило XVII и XVIII томы Истор. Монографій.

1870.

182) „Костюшко и революція 1794 года“ (Вѣстникъ Европы, т. I, кн. 1, стр. 5—65; кн. 2, стр. 511—572; т. II, кн. 3, стр. 137—195). Статья эта вошла въ составъ сочиненія „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, сохраняя свое отдѣльное наименованіе въ отдѣльномъ (второмъ) изданіи 1870 года, а въ третьемъ, 1886 года, помѣщена въ V главѣ 2-го тома, безъ прежняго наименованія.

183) Рецензія книги И. И. Хрущова: „Изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго“ (Двѣнадцатое присужденіе Уваровскихъ наградъ, 25 сент. 1869 г. Спб. 1870, стр. 208—214).

184) „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“ (Отеч. Записки, т. 188, кн. 1, стр. 33—97; кн. 2, стр. 317—368). Эта статья составила „Введеніе“ къ монографіи „Богданъ Хмельницкій“ въ изданіяхъ 1870 и 1884.

185) „Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 479—506). Статья эта вошла въ XII т. Историч. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

186) „Начало единодержавія въ древней Руси“ (тамъ же, томъ VI, кн. 11, стр. 5—54; кн. 12, стр. 495—563). Помѣщено затѣмъ въ XII т. Истор. Монографій, изд. Кожанчикова. Спб. 1872.

187) „Представленіе „Бориса Годунова“ на сценѣ Маріинскаго театра 17 сентября 1870 года“ („Голосъ“, № 259).

1871.

188) „Отвѣтъ г. Карпову на его статью: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8 генваря 1654—30 мая 1672 года“. Сочиненіе Геннадія Карпова. М. 1870“ („Бесѣда“, кн. 1, отд. II, стр. 1—9).

189) „Замѣтка“ по поводу изданной въ Москвѣ книги: „Г. Костомаровъ какъ историкъ Малороссіи“, соч. Геннадія Карпова («Голосъ“, № 130).

190) „Исторія раскола у раскольниковъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 469—536). Вошла въ XII томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

191) „Личности Смутнаго времени. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ“ (тамъ же, т. III, кн. 6, стр. 497—527). Статья эта вошла въ XIII томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

192) „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго“ (тамъ же, т. V, кн. 10, стр. 499—571). Помѣщено затѣмъ въ XIII т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

193) Въ изданіи Н. В. Гербеля: „Поэзія Славянъ“ (1871), статья: „Малорусская литература“ (стр. 158—163).

1872.

194) „Отвѣтъ на бранное посланіе г. Погодина“ (О Скопинѣ Шуйскомъ) („Вѣстникъ Европы“, т. I, кн. 2, стр. 859—864).

195) „Великорусская народная пѣсенная поэзія. Русскія народныя пѣсни, собранныя Шейномъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. III, кн. 6, стр. 535—587). Статья эта вошла въ XIII томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

196) „Кто виноватъ въ Смутномъ времени? И. Е. Забѣлину“ (тамъ же, т. V, кн. 9, стр, 5—34). Помѣщено въ XIII т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

197) „Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ („Бесѣда, т. IV, стр. 5—68; т. V, стр. 75—123; т. VI,

стр. 5 -55; т. VIII, стр. 5—76; т. X, стр. 5—55; т. XI, стр. 5—54; т. XII, стр. 28—49). Это переработанная и дополненная магистерская диссертація 1843 года (см. № 9 настоящаго указателя). О продолженіи этого труда, см. въ №№ 241 и 315 настоящаго указателя.

198) „Переписка турецкаго султана съ запорожцами въ XVII столѣтіи", съ примѣчаніемъ („Русская Старина", изд. Семевскаго, т. VI, кн. 10, стр. 450—451).

199) „Нѣсколько словъ о Словяно-Русской миѳологіи въ языческомъ періодѣ, преимущественно въ связи съ народною поэзіею" („Русскія Древности", изд. подъ редакціею В. А. Прохорова, кн. 1, стр. 1—24) *).

200) Подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова напечатаны томы: III (1872), IV (1877) и V (1874 г.) въ изданіи: „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ". „Предисловіе", въ III томѣ, стр. I—II, написано Н. И. Костомаровымъ.

1873.

201) „Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и обычаяхъ" („Вѣстникъ Европы", т. I, кн. 1, стр. 1—34; кн. 2, стр. 570—624; т. II, кн. 3, стр. 7—60). Изслѣдованіе это вошло въ XIII томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

202) „О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія" (тамъ же, т. V, кн. 9, стр. 164—184). Помѣщено затѣмъ въ XIII т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

203) „Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, его труды и изданія" (Русскій Архивъ, изд. Бартенева, кн. IV, стр. 667—0655). Въ отдѣльномъ изданіи, М. 1873. 40 страницъ.

204) „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей". 6 выпусковъ, изд. Кульжинской, Спб. 1873—1876 г. и 7-й выпускъ, Спб. 1888. Первые три выпуска, изд. 1873—1874 г. составили въ слѣдующемъ, второмъ, изданіи 1879 и въ третьемъ 1886 г. I-й томъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ". 4-й и 5-й выпуски изд. 1874 года составили во второмъ изданіи 1880 и въ третьемъ 1886 года II томъ; 6-й выпускъ изданія 1876 года составилъ при второмъ изданіи 1886 года „Продолженіе" втораго тома, и 7-й выпускъ изданія 1888 г. составилъ „Окончаніе" втораго тома (См. №№ 296, 303 и 309 наст. указателя).

---

*) „Русскія Древности" издавались въ связи съ редактированнымъ тѣмъ же В. А. Прохоровымъ другимъ изданіемъ, „Христіанскія Древности и Археологія": на листахъ статьи Н. И. Костомарова, помѣщенной въ Рус. Древностяхъ въ 1872 г., помѣчено внизу: „Христіанскія Древности", т. I. 1873.

1874.

205) „Отвѣтъ на новыя „Бранныя посланія“ г. Погодина“ („Вѣстникъ Европы“, т. I, кн. 1, стр. 464—477).

206) „Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени“. По поводу статей г. Голубева въ „Православномъ Обозрѣніи“ (Вѣстн. Европы, т. III, кн. 5, стр. 429—440). Статья эта вошла въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

207) Рецензія: „Историческая поэзія и новые ея матеріалы. Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Томъ первый“ (тамъ же, т. VI, кн. 12, стр. 573—629).

208) „Письмо къ редактору“ („Голосъ“, № 93). Авторъ письма исправлялъ ошибки, сдѣланныя въ его біографіи въ „Календарѣ за 1874 годъ“, изд. подъ редакціей г. Гатцука.

209) „Предисловіе“ къ народному изданію „Тарасъ Бульба“ Н. В. Гоголя (стр. III—VI).

1875.

210) „Царевичъ Алексѣй Петровичъ. По поводу картины Н. Н. Ге“ (Древняя и Новая Россія, т. I, кн. 1, стр. 31—54; кн. 2, стр. 134—152.). Статья вошла въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

211) „Черты сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ“ („Русская Старина“, т. XII, кн. 2, стр. 381—383).

212) „Примѣчаніе“ при „Письмѣ Т. Г. Шевченка къ Н. И. Костомарову, 1 февр. 1847 г. изъ Борзны“ („Русская Старина“, т. XIII, кн. 5, стр. 155).

213) „Кудеяръ. Историческая хроника въ трехъ книгахъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 461—548; т, III, кн. 5, стр. 5—77 и кн. 6, стр. 465—548). Отдѣльнымъ изданіемъ Суворина, Спб. 1882.

214) „Мое украинофильство въ „Кудеярѣ“, по поводу статьи въ 81 № „Кіевлянина“ („Кіевскій Телеграфъ“, № 85). Часть этой статьи Н. И. Костомарова перепечатана въ томъ же году въ газетѣ „Новости“, № 200, подъ заглавіемъ: По поводу историческаго романа Н. И. Костомарова „Кудеяръ“.

215) При изданіи Аргольда и Вармунда: „Картины изъ русской исторіи отъ начала Руси до нашего времени“, вып. 1, 1875 г., текстъ Н. А. Бѣлозерской просмотрѣнъ Н. И. Костомаровымъ.

216) Редактированы „Бумаги князя Репнина по управленію его Литвою“ (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, 1875, т. XVI).

1876.

217) „Лжедимитрій Первый. По поводу современнаго его портрета 1606 г.“ („Русская Старина“, т. XV, кн. 1, стр. 1—8).

218) „Павелъ Полуботокъ. Историческій очеркъ“ (тамъ же, т. XV, кн. 3, стр. 500—525). Помѣщенъ въ XIV томѣ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

219) „Моя „Русская Исторія“ предъ судомъ критика въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (г. Ланге). Письмо въ редакцію („Вѣстн. Европы“, т. V, кн. 9, стр. 325—339).

220) „Православіе въ современномъ восточномъ вопросѣ“ („Газета Гатцука“, № 48--50).

221) „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“. Письмо къ издателю, напечатанное въ изданіи: „Кобзарь“ Т. Г. Шевченка. Прага, 1876 (стр. VI—XII).

222) Въ редактированномъ А. И. Тимоѳеевымъ 3-мъ томѣ изданія Археографической Комисіи: „Русская Историческая библіотека“, Спб. 1876 г. „Отрывокъ изъ Лѣтописи“ напечатанъ подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова.

1877.

223) Рецензія: „Русская историческая литература въ 1876 году— труды Д. Иловайскаго, И. Забѣлина и С. Гедеонова“ („Русская Старина“, т. XVIII, кн. 1, стр. 159—184).

224) „О сочиненіяхъ М. А. Максимовича“ (Газета „Сѣверный Вѣстникъ“, № 25).

225) „Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица“ (Древняя и Новая Россія, т. I, кн. 2, стр. 129—170). Статья эта вошла въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

226) Рецензія: „Русская литература по отдѣлу этнографіи въ 1876 г.: „Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ М. Драгоманова. Изданіе Югозападнаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества“ („Русская Старина“, т. XIX, кн. 5, стр. 113—132).

227) „Полякамъ миротворцамъ“ („Новое Время“, № 478).

228) „Письмо къ А. Д. Градовскому“ (тамъ же, № 253). Это отвѣтъ на его письмо въ 213 № „С.-Петерб. Вѣдомостей“ по поводу примиренія поляковъ съ русскими.

229) „Послѣднее слово по вопросу о примиреніи поляковъ съ русскими“ („Новое Время“, № 545).

230) „Воспоминаніе о Д. Е. Кожанчиковѣ“ (тамъ же, № 652).

231) Введеніе къ изданію: „Русскія историческія одежды отъ X до XIII вѣка, составлены и рисованы С. Стрекаловымъ“. Вып. I, Спб. 1877.

1878.

232) „Самодержавный отрокъ“ (Петръ II) (Древняя и Новая Россія, т. I, кн. 1, стр. 5—58). Эта статья вошла въ XIV т. Историч. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

233) „Холопъ. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія“ („Новое Время“, №№ 662, 664, 669, 673, 676, 679, 680, 686, 687, 690, 697, 700, 704, 708, 715, 717, 721, 728, 731 и 734). Отдѣльное изданіе вышло въ 1886 г. подъ первоначальнымъ названіемъ „Холуй“, такъ какъ, противно желанію автора, по желанію редакціи „Новаго Времени“, оно было замѣнено названіемъ „Холопъ“. Отрывокъ этого же разсказа, съ названіемъ „Холуй“, былъ помѣщенъ въ „Газетѣ Гатцука“ 1883 г. №№ 50 и 51.

234) „Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига“ („Новое Время“, № 707).

235) „О козакахъ. (По поводу статьи Кулиша, напечатанной въ 3-й и 6-й тетрадяхъ Рус. Архива, изд. 1877 года)“. Историко-критическій очеркъ. („Русская Старина“, т. XXI, кн. 3, стр. 385—402). Вошло въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

236) „Аѳанасій Филипповичъ, борецъ за православную вѣру въ Западной Руси“ („Газета Гатцука“, № 46—50). Вошло въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

237) „Богданъ Хмельницкій — данникъ Оттоманской Порты“ („Вѣстникъ Европы“, т. VI, кн. 12, стр. 806—817). Вошло въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

1879.

238) „Луи Петровичъ“ (Древняя и Новая Россія, кн. 2, стр. 89—96).

239) „Замѣчаніе по поводу брошюры, изданной г. Хвольсономъ: „Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь. Спб. 1879“ („Новое Время“, № 1172).

1879—1880.

240) „Руина. Историческая Монографія 1663—1687. Гетманства Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 610—655; т. III, кн. 5, стр. 5—39; кн. 6, стр. 437—497; т. IV, кн. 8, стр. 586—635; т. V, кн. 9, стр. 5—77; въ 1880 году: т. IV, кн. 7, стр. 202—271; кн. 8, стр. 401—468; т. V, кн. 9, стр. 5—78). Въ отдѣльномъ изданіи сочиненіе это составило XV томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1882.

1880.

241) „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ („Русская Мысль“, кн. I, стр. 1—39; кн. II,

стр. 1—60; кн. V, стр. 33—54; кн. VI, стр. 35—71; кн. VII, стр. 37—67; кн. VIII, стр. 1—33). По недосмотру редакціи „Русской Мысли", въ главѣ этаго изслѣдованія: „Борьба южнорусскаго народа съ Польшею" было утеряно и пропущено въ печати начало этой главы: А) „Хмельнищина" и, по отысканіи, напечатано въ томъ же журналѣ въ 1883 г. подъ первымъ главнымъ названіемъ и со вторымъ, произвольно измѣненнымъ: „Борьба козаковъ съ поляками" вмѣсто надлежащаго: „Борьба южнорусскаго народа съ Польшею" (кн. VII, стр. 269—307, кн. VIII, стр. 107—143). Это продолженіе труда, печатавшагося въ 1872 году въ журналѣ „Бесѣда" (см. № 197 настоящаго указателя). Остальная часть этого же труда, озаглавленная: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества", напечатана въ настоящей книгѣ: „Литературное наслѣдіе" (См. № 315 указателя).

242) „Самозванецъ лжецаревичъ Симеонъ". Историческій разсказъ. (Историческій Вѣстникъ, т. I, кн. 1, стр. 1—25).

243) Рецензія: „Великій Новгородъ. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго. 1879 г." („Русская Старина", т. XXVII, кн. 1, стр. 194—208).

244) При статьѣ: „Поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко" — „Письмо Н. И. Костомарова къ издателю-редактору „Русской Старины" М. И. Семевскому" („Русская Старина", т. XXVII, кн. 3, стр. 597—610).

245) Рецензія на сочиненіе: „Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго до половины XV вѣка. В. Б. Антоновича. Кіевъ. 1878. Выпускъ I" („Историческій Вѣстникъ", т. II, кн. 5, стр. 178—186).

246) „Старинные Земскіе Соборы" („Новое Время", №№ 1485, 1488, 1491, 1497, 1504 и 1511). Статья эта вошла въ XIX т. Истор. Монографій, Спб. 1887.

247) „О значеніи нашихъ старинныхъ земскихъ соборовъ" („Новое Время", № 1519). Это отвѣтъ г. Суворину на его замѣчанія о „Старинныхъ Земскихъ Соборахъ", напечатанныя въ № 1515 той же газеты.

248) „Старинные Земскіе Соборы на Руси. (Автору передовой статьи „Новаго Времени", № 1519)". (Тамъ же, № 1525).

249) „Письмо въ редакцію" (тамъ же, № 1590). Авторъ письма заявляетъ о нежеланіи принимать на себя трудъ помѣщенія чужихъ сочиненій въ повременныхъ изданіяхъ.

250) „Письмо въ редакцію" (тамъ же, № 1650). Авторъ письма извѣщаетъ о внесеніи имъ четырехъ тысячъ рублей въ Императорскую Академію Наукъ для преміи за лучшій словарь съ малорусскаго на русскій языкъ.

251) Рецензія на книгу Корсакова: „Воцареніе императрицы Анны

Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань, 1880". („Вѣстникъ Европы", т. VI, кн. 11, стр. 329—342).

252) „Приключенія по смерти. Разсказъ одного слобожанина". И. Богучарова („Газета Гатцука", № 41) Вошелъ затѣмъ въ изданіе: „Разсказы И. Богучарова" (Н. Костомарова). Спб. 1886.

253) „Больная. Разсказъ врача". И. Богучарова. („Газета Гатцука", №№ 42 и 43). Тоже вошелъ въ изданіе „Разсказы И. Богучарова" (Н. Костомарова). Спб. 1886.

254) „Фаина". Разсказъ. И. Богучарова („Новое Время", № 1735). Также вошелъ въ книгу: „Разсказы И. Богучарова" (Н. Костомарова). Спб. 1886.

1881.

255) „Предисловіе" къ неизданной повѣсти Т. Г. Шевченка „Несчастный" („Истор. Вѣстникъ", т. IV, кн. 1, стр. 1).

256) „Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка" („Историч. Вѣстникъ", т. IV, кн. 1, стр. 46—74; кн. 2, стр. 269—329; кн. 3, стр. 524—577). Въ отдѣльномъ изданіи (Спб. 1881), всѣ дѣйствующія лица выводятся съ особенностями рѣчи своего времени, по первоначальной редакціи автора. Второе изданіе Спб. 1890.

257) „Малорусское слово" (Вѣстникъ Европы", т. I, кн. 1, стр. 401—407).

258) „По вопросу о малорусскомъ словѣ „Современнымъ Извѣстіямъ" („Вѣстникъ Европы", т. II, кн. 3, стр. 359—365).

259) „Еще по поводу малорусскаго слова „Московскимъ Вѣдомостямъ" („Вѣстникъ Европы", т. II, кн. 4, стр. 764—770).

260) „Украинофильство" („Русская Старина", т. XXX, кн. 2, стр. 319—332).

261) Библіографическая замѣтка: „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ I. Москва. 1880." („Истор. Вѣстникъ", т. IV, кн. 2, стр. 451—453).

262) „Предисловіе" къ „Выпискамъ изъ памятныхъ книжекъ Петра Великаго" (тамъ же, т. V, кн. 5, стр. 182—183).

263) „Изъ поѣздки въ Батуринъ" („Порядокъ", № 124).

264) „Сорокъ лѣтъ. Малороссійская легенда" (Приложеніе къ „Газетѣ Гатцука". Москва. 93 страницы). Перепечатано въ „Буковинскомъ Альманахѣ". „Черновцы". 1885.

265) „Письмо въ редакцію" (Газета „Кавказъ", № 200). Авторъ поправляетъ ошибку той же газеты, № 199, гдѣ разсказано о потерѣ имъ доцентуры въ Харьковскомъ университетѣ.

266) „Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ". О рефератѣ В. Стасова о руссахъ („Вѣстникъ Европы", т. VI, кн. 12, стр. 906—911).

1882.

267) „Мазепа. Историческая монографія“ („Русская Мысль“, кн. I, стр. 1—64; кн. II, стр. 54—104; кн. III, стр. 93—131; кн. IV, стр. 80—114; кн. V, стр. 57—87; кн. VIII, стр. 1—39; кн. IX, стр. 157—207; кн. X, стр. 206—243; кн. XI, стр. 71—133; кн. XII, стр. 19—57). Отдѣльное изданіе редакціи „Русской Мысли“ было въ 1882 г., (М.) затѣмъ, въ изданіи 1885 г. (Спб.) монографія эта, вмѣстѣ со статьею „Мазепинцы“ (см. № 292 наст. указ.), составила XVI томъ Истор. Монографій.

268) „Казачья Дуброва, иначе Казачья Слобода, или Козачье“. Очеркъ (Рус. Старина, т. XXXIII, кн. 1, стр. 1—10).

269) „Задачи украинофильства. „Луна“. Украинскій альманахъ на 1881 годъ. Кіевъ, 1881“ („Вѣстн. Европы“, т. I, кн. 2, стр. 886—900).

270) „Василій Александровичъ Прохоровъ и его археологическая дѣятельность“ („Новое Время“, № 2144).

271) Рецензія: „Кіевская Старина“. Ежемѣсячный историческій журналъ, кн. I—IV, январь—апрѣль, 1882 г. Кіевъ“ („Новое Время“, № 2212).

272) „По поводу статьи г. Де-Пуле въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ объ украинофильствѣ“ („Вѣст. Европы“, т. III, кн. 5, стр. 434—437).

273) Библіографическая замѣтка: „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ II. М. 1881“ („Истор. Вѣстникъ“, т. VIII, кн. 5, стр. 446—447).

274) „Поѣздка въ Бѣлую Церковь“ („Кіевская Старина“, т. II, кн. 5, стр. 241—256).

275) „Памяти В. А. Прохорова“ („Новое Время“, № 2281).

276) „Крашанка“ г. Кулиша. Письмо въ редакцію“. (По поводу изданной въ 1882 г. во Львовѣ книги по-малорусски) („Вѣстникъ Европы“, т. IV, кн. 8, стр. 729—748).

277) Предисловіе къ статьѣ: „Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 года“, (Кіевская Старина, т. III, кн. 8, стр. 297—304).

278) „Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?“ Замѣтка (тамъ же, стр. 362—368).

279) Рецензія: „Кіевская Старина“. Историческій журналъ, мѣсяцы апрѣль—ноябрь“ („Новое Время“, №№ 2442 и 2449).

280) Предисловіе къ изданію А. Прохорова: „Альбомъ рисунковъ изъ отечественной исторіи. Спб. 1882“ (стр. 1).

281) Рецензія: „О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. П. Н. Буцинскаго. Харьковъ, 1882 г.“ („Южный край“, № 693).

1883.

282) „Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка: „Московскія торговки“ и „Царскій родичъ“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XI, кн. 1, стр. 5—24).

283) „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка“ („Кіевская Старина“, т. V, кн. 1, стр. 1—26; кн. 3, стр. 477—492).

284) „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“ (тамъ же, т. V, кн. 2, стр. 221—234).

285) „Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка“. „Черви“ („Историческій Вѣстникъ“, т. XI, кн. 3, стр. 481—494).

286) „Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси“ („Кіевс. Старина“, т. V, кн. 4, стр. 899—901). Здѣсь говорится о замѣчаніи г. Багалѣя въ его статьѣ: „Удѣльный періодъ и его изученіе“, напечатанной въ „Кіевс. Стар.“ 1883 г., кн. 2.

287) „Историческій памятникъ въ Переяславлѣ 1654 г.“ („Русская Старина, т. XXXVIII, кн. 6, стр. 686—690).

288) „Ольховнякъ. Разсказъ изъ воспоминаній воротившагося на родину изъ Сибири“ („Новое Время, №№ 2687 и 2694; по ошибкѣ редакціи газеты, подпись разсказа вмѣсто *И.—Н.* Богучаровъ). Разсказъ этотъ вошелъ въ изданіе: „Разсказы И. Богучарова (Н. Костомарова). Спб. 1886.

289) Рецензія: „Не судилось“. Драма J. Старицкаго („Кіевская Старина“, т. VII, кн. 9 и 10-я, стр. 297—300).

290) „А. Н. Савичъ“ („Новое Время“, № 2703).

(Въ „Русской Мысли“, кн. VII, стр. 269—307 и кн. VIII, стр. 107—143 напечатано начало главы: „Борьба южно-русскаго народа съ Польшею“, пропущенное по недосмотру редакціи журнала въ сочиненіи: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, печатавшемся въ томъ же журналѣ въ 1880 году. См. № 241 наст. указателя).

1884.

291) „Ксенія Борисовна Годунова. По поводу картины художника Неврева“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XV, кн. 1, стр. 7—23).

292) „Мазепинцы“ („Русская Мысль“, кн. 1, стр. 1—33; кн. 2, стр. 155—167; кн. 3, стр. 1—29; кн. 4, стр. 1—13). Статья эта вошла въ XVI томъ „Истор. Монографій“, Спб. 1885.

293) „Изъ прожитыхъ на Волыни дней“ („Кіевская Старина“, т. VIII, кн. 2, стр. 325—332).

294) „Письмо въ редакцію“ („Новое Время“, № 2848). Авторъ письма изъявляетъ признательность всѣмъ выразившимъ ему соболѣзнованіе по поводу несчастнаго случая, постигшаго его 25 января.

295) „Письмо въ редакцію“ (тамъ же, № 2875). По поводу служенія панихиды по Т. Г. Шевченкѣ и П. П. Чубинскомъ.

296) „Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи“ („Вѣстн. Европы“, т. IV, кн. 8, стр. 510—564 и т. V, кн. 9, стр. 5—57). Монографія эта вошла впослѣдствіи въ 7-й выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“, составляющій „Окончаніе“ втораго тома. Спб. 1888. (См. № 204 наст. указателя).

297) „Эллины Тавриды. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ“. Спб. 149 страницъ.

298) Автобіографическая записка, составленная по просьбѣ проф. Иконникова для „Біографическаго Словаря“, готовившагося къ изданію по поводу пятидесятилѣтняго юбилея Университета св. Владиміра (Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра, составленный проф. В. С. Иконниковымъ. Кіевъ. 1884. Стр. 283—292).

1885.

299) „Марина Мнишекъ. (По поводу картины художника Рябушкина)“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XIX, кн. 1, стр. 5—11).

300) „Воспоминанія о графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ“ („Новое Время“, № 3181).

301) Рецензія: „Пугачевъ и его сообщники. Н. Дубровина. 3 т. Спб. 1884“ („Новое Время“, № 3185).

302) Рецензія: „Д. И. Иловайскій. „Исторія Россіи“. Томъ второй. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси. Москва. 1884“. („Новь“, т. II, кн. 5, стр. 134—142).

303) „Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе. Историческая Монографія“ („Новь“, т. III, кн. 10, стр. 199—214; кн. 11-я, стр. 331—351; кн. 12, стр. 525—546; т. IV, кн. 13, стр. 1—15; кн. 14, стр. 137—153; кн. 15, стр. 289—304). Монографія эта вошла въ 7-й выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“, составившій „Окончаніе“ втораго тома, изд. Спб. 1888. (См. № 204 настоящаго указателя).

304) „По поводу книги М. О. Кояловича: „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ“ („Вѣстн. Европы“, т. II, кн. 4, стр. 867—878).

(Статьи, напечатанныя послѣ смерти Н. И. Костомарова):

305) „Автобіографія“, записанная Н. А. Бѣлозерской (Русская Мысль, кн. V, май, стр. 194—221 и кн. VI, іюнь, стр. 20—53).

306) „Поѣздка въ Переяславъ“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XXII, кн. 12-я, стр. 489—508).

307) „Незаконнорожденные. (Изъ моихъ воспоминаній)“. И. Богу-

чарова (Книжки „Недѣли“, декабрь, отд. IV, стр. 1—20). Помѣщено затѣмъ въ изданіи: „Разсказы И. Богучарова (Н. Костомарова)“. Спб. 1886.

1886.

308) „Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Тайновидецъ“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XXVI, кн. 10, стр. 5—20).

1887.

309) „Императрица Елисавета Петровна“ („Вѣстн. Европы“, т. I, кн. 1, стр. 61—104; кн. 2, стр. 522—561; т. II, кн. 3, стр. 5—57). Монографія эта вошла въ 7-й выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“ (1888), составляющій „Окончаніе“ втораго тома. (См. № 204 наст. указателя).

1890.

310) „Автобіографія“. (Въ наст. книгѣ: „Литературное наслѣдіе“, стр. 1—217).

311) Малорусскія стихотворенія 1841—1880 гг. Іереміи Галки (тамъ же, стр. 219—238).

312) „Украинскія сцены изъ 1649 года“ (тамъ же, стр. 239—258).

313) Стихотвореніе (написанное въ Крыму въ 1852 году) (тамъ же, стр. 259—271).

314) „О воспоминаніяхъ борьбы козаковъ съ мусульманствомъ въ народной южнорусской поэзіи“ (тамъ же, стр. 273—285).

315) „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ (тамъ же, стр. 287—477). Это остальная часть сочиненія: „Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. (См. №№ 197 и 241 наст. указателя).

316) Послѣдняя работа: начало разсказа изъ жизни фельдмаршала Миниха (тамъ же, стр. 479—490).

(Изд.).

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ.

стран.	*строка*	*напечатано*	*читать*
44	2	Наниваика	Наливайка
50	3	котолическаго	католическаго
59	35	пямятники	памятники.
65	20	слвесность	словесность
71	13	учичель	учитель
82	20	правоученімъ	правоученіемъ
84	8	Ботаническомъ	Ботническомъ
92	36	не убійственную	на убійственную
—	39	леченія	леченія
94	38	Гесляра	Геслера
197	12	Венчко	Величко
228	28	гільля	гильля
243	3—4	Кисель; и племянникъ его ксендзъ Лентовскій,	Кисель, племянникъ его, ксендзъ Лентовскій,
251	17	Жалко, ще	Жалко, що
293	36	Голов.	Головацкій, Я. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, 4 тома 1878.
296	36	Голов.	Голов. IV. 179.
—	—	Метл. 296.	Метлинскій, А. Народныя южнорусскія пѣсни, 1854. 296.
297	28	179	178
358	28	227	228
373	32	О Россіи	Котошихинъ, Гр. О Россіи
386	40—41	Piésni ludu Ruskiego, 72, 80.	Piésni ludu Ruskiego w Galicyi, 1839. I. 80.
400	42	доненько.	доненько (Чуб. IV. 367).
—	44	ibid.	(ibid. 371).
413	37	Кир.	Кирѣевскій. Пѣсни. 1868.

4 -
128673
10

DK
38
.7
K6A34

Kostomarov, Nikolaĭ Ivanovich
Literaturnoe nasliedie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY